

А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая,
В.А. Королева, Г.Б. Дудченко, Л.А. Герасимова

**ЭТНОМИГРАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ В ПРИМОРЬЕ
В XX ВЕКЕ**

Владивосток 2002

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

INSTITUTE OF HISTORY,
ARCHAEOLOGY AND ETHNOLOGY
OF THE PEOPLES OF THE FAR EAST
FAR EASTERN BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

А. С. Ващук, Е. Н. Чернолуцкая, В. А. Королева,
Г. Б. Дудченко, Л. А. Герасимова

ЭТНОМИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРИМОРЬЕ В XX ВЕКЕ

A. S. Vashchuk, E. N. Chernolutskaia, V. A. Korolyova,
G. B. Dudchenko, L. A. Gerasimova

ETHNIC AND MIGRATION PROCESSES IN PRIMORYE PROVINCE IN XX CENTURY

332326

2009 9851

Владивосток
2002

УДК: 947.088+325.2 (571.63)

Вашук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. **Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке.** — Владивосток: ДВО РАН, 2002. — 228 с. — ISBN 5-7442-1332-5.

Эта книга – результат первого в России исторического исследования, специально посвященного анализу этнического компонента в миграционных процессах на территории приграничного Приморского края более чем за 100-летний период. Авторы на широкой документальной базе, на основе архивных, полевых и социологических исследований показывают роль различных этнических групп (русских, украинцев, поляков, немцев, евреев, азербайджанцев, корейцев, китайцев, японцев и др.) в формировании населения, особенности их социально-экономической и культурной адаптации. Исследуются результаты миграционной политики России на Дальнем Востоке сквозь призму этнической специфики. Выявлены как исторические параллели, так и особенности определенных хронологических этапов.

Книга предназначена для студентов, преподавателей, управленцев, работающих в соответствующих сферах, а также для тех, кто интересуется проблемами истории формирования населения.

Ключевые слова: миграция, этническая миграция, миграционная политика, адаптация, обустройство, рынок труда, национальная община, диаспорная группа.

Редколлегия: Г.Н. Романова, канд. ист. наук, А.С. Вашук, д-р ист. наук, Е.Н. Чернолуцкая, канд. ист. наук.

Рецензенты: Л.Е. Фетисова, канд. филол. наук, А.А. Торопов, директор РГИА ДВ.

Утверждено к печати ученым советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Vashchuk A.S., Chernolutskaia E.N., Korolyova V.A., Dudchenko G.B., Gerasimova L.A. **Ethnic and Migration Processes in Primorye Province in XX century.** — Vladivostok: Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, 2002. — 228 p.

This work is the result of the first historical study in Russia, which is devoted to the ethnic issues in the migration in frontier Primorye province during more than 100 years. The role of the different ethnic groups (Russians, Ukrainians, Poles, Germans, Jews, Azerbaijanians, Koreans, the Japanese, etc.) in the forming of population, peculiarities of their social, economic and cultural adaptation as well as the results of Russia's migration policy in the Far East through the ethnic specific reality were analyzed. The large group of sources from archives, results of field studies, interviews, public opinion polls were used by authors. The book is addressed to students, teachers, administrators and also to everybody, who is interested in the demographic history of the Russian Far East.

Key words: migration, ethnic migration, migration policy, adaptation, accomodation, labor market, national community, diaspora's group.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Этнические миграции в Приморье в условиях Российской империи (конец XIX в. — 1917 г.)	10
1.1. Первоначальное формирование населения на юге российского Дальнего Востока во второй половине XIX в.: Истоки миграционных процессов	10
1.2. Миграции этнических групп в конце 1890-х — 1910-е годы	17
1.2.1. Мигранты российского происхождения	17
1.2.2. Мигранты иностранного происхождения	29
1.2.3. Этнокультурная деятельность мигрантов	50
Глава 2. Этномиграционные процессы в Приморье в 1917—1930-е годы	57
2.1. Характер миграций в крае в период между крушением Российской империи и утверждением советской власти (1917—1922 гг.)	57
2.2. Специфика этнических миграций после утверждения советской власти в Приморье (1922—30-е годы)	67
2.2.1. Характеристика внутренних миграционных потоков	67
2.2.2. Решение проблем иностранной иммиграции в условиях развивающегося советского тоталитаризма	72
2.2.3. Проблемы сохранения этнокультурной идентичности мигрантов в новых исторических условиях	82
Глава 3. Влияние последствий Великой Отечественной и второй мировой войн на миграционные процессы на территории Приморья (1946—1950-е годы)	99
3.1. Традиции переселенческой политики в СССР, последствия войны и новые факторы миграций	99
3.2. Социально-экономические условия жизни и обустройства советских мигрантов в Приморье	112
Глава 4. Миграционные процессы в Приморском крае в 1960—1980-е годы	122
4.1. Государственная миграционная политика в Приморском крае и ее влияние на миграционные процессы	122
4.2. Адаптация мигрантов в Приморье в 1960—1980-е годы	134
Глава 5. Этнические миграции в Приморье в условиях распада СССР и формирования постсоветской политической системы (конец 80-х — 90-е годы XX в.)	141
5.1. Миграционные связи Приморского края с регионами России и странами СНГ	141
5.1.1. Исторические предпосылки новой миграционной ситуации и общая характеристика миграционных процессов в крае	141
5.1.2. Этнический состав мигрантов	149
5.1.3. Миграционная политика в постсоветский период и роль органов власти Приморья в обустройстве мигрантов из России и СНГ	158
5.1.4. Социально-экономическая адаптация мигрантов. Диаспорные группы и национальные общины в Приморье	168
5.2. Миграции в Приморье из стран традиционного зарубежья	191
5.2.1. Причины, предпосылки и условия массового приезда иностранных граждан в Приморье	191
5.2.2. Основные миграционные потоки	197
5.2.3. Общественное восприятие иностранных мигрантов	203
5.2.4. Политический аспект международной миграции и формы ее регулирования	208
Заключение	213
Приложения	217
Список сокращений	226

ВВЕДЕНИЕ

Данная монография — результат исследовательского проекта «Миграционные процессы в Приморье в XX в. и их исторические последствия (этнический аспект)». Проект является попыткой ученых найти ответы на актуальные вопросы, связанные с проявлениями и последствиями этнического компонента в миграциях, их значением в жизни социума на территориях, имеющих существенные особенности в связи со специфическим статусом в иерархии российских регионов и приграничным положением.

Поиск рациональной модели сосуществования этносов в границах государства или отдельного административно-территориального региона в настоящее время составляет одну из центральных тем современной общественной мысли. Дискуссии вокруг этой проблемы ведутся в разных науках: социологической, политологической, культурологической, этнологической. Историки, собирая эмпирический материал, также включились в их обсуждение.

Полноценное познание предполагает обобщение эмпирической реальности, превращение ее во всеобщее знание, что делает необходимым учет особенностей исторического процесса на периферийных пограничных территориях. Изучение этномиграций в таких регионах, как Приморье, является одним из методов понимания социальной истории России, места и роли юга Дальнего Востока в формировании российского цивилизационного пространства.

Приморье, расположенное в непосредственной близости со странами Дальнего Востока — Китаем, Кореей, Японией, служит воротами нашей страны в Азиатско-Тихоокеанский регион и относится к такому типу территорий, где существенное значение в демографическом и социально-экономическом развитии имеют и будут иметь миграционные процессы.

Научная актуальность и потребности общественной практики способствовали поддержанию постоянного интереса ученых к исследованию миграционных процессов. На определенных этапах развития общества и науки этнический компонент как составляющая миграций изучался достаточно активно, но в другие периоды этот контекст уходил за пределы исследовательского поля. Такое «непостоянство» объясняется как возникновением новой парадигмы знаний об обществе, сменой концептуальных подходов к изучению миграций, так и развитием исторической ситуации. Периодически этномиграции становятся объектом пристального внимания власти и волнуют общество. Но в определенных исторических условиях «этническое» в миграционной политике либо подавлялось, либо не имело большого значения, либо носило латентный характер. Например, в 80—90-х годах XX в. ситуация в разных регионах менялась столь стремительно, что распад Советского Союза не смогли предвидеть ни советские, ни западные ученые и политики.

За последнее десятилетие в мировой литературе по рассматриваемой проблеме сложился целый спектр концепций и аналитических прогнозов, причем мнения варьируются между крайними точками зрения: эсхатологическим предвидением разрушительной силы национализма в современном мире, возникающего вследствие миграций, с одной стороны, и весьма оптимистическими представлениями о возможном создании в Европе общества этнического плюрализма, в котором не существовало бы угрозы конфликтов на национальной основе, — с другой.

Научная актуальность, необходимость познания общественных явлений, которые привнес XX век, влияли на развитие определенных историографических традиций, направлений и школ. Не ставя специальной задачи проанализировать историографию обозначенной проблемы, отметим лишь некоторые достижения предшественников, которые учитывались при разработке проекта. Особенно солидный историографический опыт накоплен отечественными исследователями в области изучения процессов, происходивших в дальневосточном регионе в конце XIX — первой половине XX в.

Исследование миграций в Приморье как составной части начального этапа переселения на Дальний Восток относится к концу XIX — началу XX в., и результаты его представлены в работах Ф.Ф. Буссе, А.А. Кауфмана, Н.В. Слюнина, Г.К. Гинса, П.Ф. Унтербергера, И.П. Надарова и др. В 1920-е годы появились труды И.Л. Ямзина, В.П. Воцинина, Г.М. Мевзоса, М.И. Целищева, в 60—80-е годы изучение социально-демографического развития региона, его отдельных районов и роли миграций в этом процессе было продолжено в работах В.М. Кабузана, Л.Л. Рыбаковского, Н.А. Билим, Л.И. Галлямовой и др.* Однако при всей фундаментальности указанных трудов их авторы не ставили задачу всестороннего анализа этнического аспекта миграций. Освещение получили лишь отдельные его компоненты, в частности вопросы массового переселения крестьян с Украины, а также с неизменной постоянностью выделялась проблема восточной иммиграции в южные районы Дальнего Востока.

* Полное название трудов дано в справочно-библиографическом аппарате.

Одновременно с трудами общей направленности были проведены специальные исследования, посвященные пребыванию некоторых этнических групп в дальневосточном регионе в период со второй половины XIX в. до 30-х годов XX в. Наиболее пристальное внимание уделялось корейцам и китайцам как самым многочисленным и проблемным категориям иностранных иммигрантов.

В связи с остротой «желтого вопроса» его изучение целенаправленно организовывалось государственными органами: в начале XX в. в Приморье и Приамурье посылались специальные экспедиции; в 1929 г. во Владивостокском округе проводилась перепись корейского населения; различные вопросы корейско-китайской иммиграции регулярно обсуждались в структурах государственной власти на местном и центральном уровнях. В результате появились исследования В.В. Граве, В.Д. Песоцкого, В.К. Арсеньева, В.А. Панова, Л. Волховитова и др., в которых отмечалось, что массовая восточная иммиграция, несмотря на определенные положительные моменты, таит опасность экономического и политического характера, и подчеркивалась необходимость принятия государством ограничительных мер по отношению к этому процессу.

В 30-е годы демографические исследования в Советском Союзе были остановлены, а материалы, связанные с историей корейской и китайской диаспор, переведены в разряд секретных. После принудительной депортации «восточников» в 1937—1938 гг. эта проблема как бы перестала существовать. Она возникла вновь только через 50 лет при возвращении депортированных народов на прежние места жительства и возобновлении китайской иммиграции. В перестроечные годы на волне снятия идеологических запретов и рассекречивания архивных материалов по сталинским политическим репрессиям изучение этой проблемы приобрело новую силу.

Современный этап отечественной историографии рассматриваемой проблемы отличается широкой публикацией архивных документов и аннотаций архивных фондов, разнообразием печатных форм исследований (статьи, тезисы, монографии, публицистика, мемуары). В работах 1990—2000-х годов большое внимание уделялось проблемам миграции корейцев на российском Дальнем Востоке и их депортации в 1937 г. (Н.Ф. Бугай, А.Т. Кузин, Г.А. Ткачева, А.М. Буяков, А.А. Торопов), изданы фундаментальные монографии по истории корейской диаспоры в регионе (Б.Д. Пак, С.Г. Нам, А.И. Петров). Таким образом история миграции этой этнической группы в Приморье (до конца 1930-х годов) с наибольшей полнотой отражена в архивных и исследовательских материалах, хотя оценка событий разными авторами неоднозначна.

Несколько иной характер освещения приобрел вопрос о китайской иммиграции. Различные аспекты ее истории до 1938 г. исследуются в статьях Г.А. Сухачевой, В.Г. Дацьшена, Г.Н. Романовой и др. О начале перехода на новый историографический уровень свидетельствуют защиты кандидатских диссертаций Т.Н. Сорокиной (1998) и Е.И. Нестеровой (2000). Нужно отметить, что монографический формат представлен только трудами Ф.В. Соловьева (1973, 1989), в которых наиболее полно проанализировано китайское отходничество в Россию до 1917 г. Слабо изученной остается проблема китайской депортации в 1938 г., так как еще не выявлены необходимые архивные материалы.

В 1990-е годы изучение других этнических групп, прибывавших в Приморье в составе внешних мигрантов в дореволюционный период, шло менее интенсивно. Так, история японской диаспоры представлена несколькими статьями З.Ф. Моргун и Г.Д. Ивановой. Иммиграция иностранцев-европейцев и американцев исследуется Т.З. Позняк в ее статьях и кандидатской диссертации (2001), в которых собран и обобщен обширный материал. Однако работа ограничена хронологическими (до начала XX в.) и демографическими (только городское население) рамками. Отдельные аспекты иммиграции иностранцев-европейцев затрагиваются в работах Н.А. Троицкой, Л.Н. Гарусовой, Т.Я. Иконниковой, Н.Г. Мизь и др.

Что касается этнического состава и адаптации российских переселенцев в Приморье, то это один из наиболее сложных вопросов нашей темы, который не получил сколько-нибудь полного и детального освещения в литературе. Основной причиной такой историографической ситуации является отсутствие необходимой базы данных, прежде всего регулярной статистики этнического состава российского населения по регионам в дореволюционные годы, советское и постсоветское время. Отсутствие подобной информации отражает государственную незаинтересованность в ее сборе и изучении этномиграционных процессов вплоть до недавнего времени. В связи с этим исследователям во многом приходится опираться на фрагментарные и косвенные источники.

К настоящему времени в отечественной историографии есть лишь отдельные работы, специально посвященные истории или этнологии некоторых этнических групп в Приморье и частично затрагивающие миграционные процессы. Так, восточнославянское население (русские, украинцы, белорусы) исследуется в трудах этнологов Ю.В. Аргудяевой и Л.Е. Фетисовой, история украинцев на Дальнем Востоке — в статьях В.А. Черномаза, поляков — в статьях Ю.Е. Курбатова и М.И. Ефимовой. Единственная работа о приморских эстонцах, в которой рассматривается история одной компактно проживающей группы, представлена публицистической монографией А. Рекк-Лебедева. Изучение истории российских немцев в крае находится в начальной стадии (статьи И.О. Сагитовой и лютеранского пастора М. Брокманна), а таких этнических групп, как татары, армяне, латыши и др., и вовсе отсутствует.

Исключением из общего правила можно считать активизацию в последние годы исследований по истории еврейского населения на Дальнем Востоке и в Сибири, включающих и миграционные аспекты (статьи и монографии Л.В. Кальминой, Л.В. Кураса, В.В. Романовой, В.Ю. Янкелевича, И.О. Сагитовой и др.).

Миграционные процессы в восточных районах страны в советский период (50—80-е годы) были предметом внимания преимущественно экономистов и социологов. Характерной чертой являлось то, что исследования выполнялись под влиянием доктринальной идеи необходимости изучения трудовых ресурсов и обоснования мер по закреплению населения на Дальнем Востоке России. Аргументация рациональной задачи перераспределения трудовых ресурсов из трудоизбыточных регионов в районы с их дефицитным балансом определила советскую концепцию познания миграционных процессов. Большой вклад в историографию проблемы внес Л.Л. Рыбаковский¹. В его трудах и работах других исследователей (Ж.А. Зайончковской, Л.В. Зандановой, В.И. Переведенцева и др.) исследованы внутренние миграционные потоки, поставлены вопросы разработки методики приживаемости новоселов в восточных районах России.

В 60—70-е годы, начиная с исследований сибирской школы Т.И. Заславской, миграция стала изучаться не только статистическим, но и социологическим методом — с позиций миграционного поведения. Однако территория Приморского края в меньшей степени была охвачена социологическими исследованиями.

В процессе хозяйственного освоения* Приморья и других территорий принимали участие люди, принадлежавшие к разным этническим группам. Но в рамках советской парадигмы социального познания анализу межнациональных отношений во время плановых переселений и миграций «самотеком» вообще не было места. Например, до 90-х годов XX в. так и оставались неизученными вопросы о возвращении и адаптации корейцев в Приморье в 60-е годы, о взаимоотношениях их с местным населением на бытовом уровне.

Катализатором коренных изменений в историографии проблемы стали реальные события, среди которых особую роль в истории миграций сыграл фактор распада СССР. Это событие конца XX в. поставило перед учеными задачу изучения миграций на основе междисциплинарного подхода и способствовало возникновению новых методов исследования социальной истории. Первым признаком развития историографической ситуации стало появление работ по «инвентаризации» степени изученности миграций, их составляющих не только в отечественной, но и зарубежной литературе, особое внимание уделялось роли этнического компонента в этом процессе². Историографические обзоры также содержатся во введениях ряда монографических работ³.

Сегодня ученые, исследующие современные миграционные процессы на рубеже XX—XXI вв., достигли существенных успехов. В определенной степени уже изучены взаимосвязи миграций и рынков труда в разных регионах России, СНГ и странах Балтии, правовые проблемы беженцев и вынужденных переселенцев. Больших результатов добились участники программы Московского центра Карнеги, Центра изучения проблем вынужденной миграции. В трудах Ж.А. Зайончковской, Т.С. Витковской, В.Г. Гельбраса и др. был апробирован метод социологических исследований в дальневосточном регионе⁴. Новые явления в миграционных процессах поставили ученых перед необходимостью анализа влияния миграций на эволюцию диаспор и национальных общин.

Отличительной чертой изучения собственно этнического в миграционных процессах явилось его исследование в контексте международных миграций, вопросов национальной безопасности на Дальнем Востоке России, миграционных отношений с Китаем, Северной Кореей. Особенно привлекли внимание ученых факты пребывания и деятельности иностранцев в Приморье, что получило освещение в трудах Л.Л. Рыбаковского, Е.И. Красинца, Ж.А. Зайончковской, Т.С. Витковской, а также ученых-востоковедов В.С. Мясникова, В.Г. Гельбраса, В.Я. Портякова, А.Д. Воскресенского, Ю.М. Галеновича, М. Носова, Д. Тренина, В.Л. Ларина и др., специализировавшихся на изучении новейшей истории и современности.

Дальневосточные ученые рассматривали международную миграцию в отношении своего края (области) или даже города. Нередко миграция и пребывание иностранцев привязывались к еще более узким вопросам в плане тематики: охрана государственной границы (А.М. Филонов, А.В. Гольбах), рынок труда, безработица, конверсия оборонных предприятий (А.М. Шкуркин, В.Г. Мысник, Е.Д. Килимник, Е.В. Гудкова, И.С. Безруков), санитарно-эпидемиологическая обстановка (Г.В. Андреева), экология (В.В. Сайков). В разработке проблемы участвуют исследователи разного научного профиля. Среди них есть экономисты и экономические географы (П.Я. Бакланов, Р.В. Вахненко, В.Л. Ушакова, Ю.А. Авдеев, Е.Л. Мотрич, Д.С. Вишневицкий), историки-востоковеды (В.Л. Ларин, Л.В. Забровская), социологи (Е.А. Плаксен, Л.Л. Ларина, Н.М. Байков), историки (В.Г. Гельбрас, В.И. Дятлов, Н.А. Шиндялов, Н.В. Кононкова). Авторы некоторых публикаций являются государственными служащими (С.Г. Пушкарев, Н.Г. Романов, А.А. Берестовой, А.Г. Загуменнов, В.В. Миндогулов, А.Н. Новиков, Н.Б. Писаренко, С.В. Ходаков, Т.В. Ярополова), их работы можно отнести к разряду научных публикаций.

Дальневосточные авторы, как правило, при апробации своих научных результатов использовали так называемые малые публикационные формы (тезисы сообщений и небольшие статьи). Из крупных работ необходимо выделить монографии В.Л. Ларина (1998) и Л.В. Забровской (1998), кандидатскую диссертацию Н.В. Кононковой (1997).

В монографии В.Л. Ларина⁵ дается оценка многих вопросов российско-китайских миграционных отношений. Актуальным и важным представляется аспект, связанный с анализом миграционной политики КНР в конце XX в.

* В тактике освоения Приморья преобладали методы экстенсивного пути и технократический подход к перераспределению финансов в соответствии с интересами центра.

Особое место среди публикаций 90-х годов занимает коллективная монография «Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах» (М., 1996). Авторы изучили широкий спектр этнических миграций и их последствия на территории бывшего СССР. Карты и схемы отражают расселение беженцев и вынужденных переселенцев. В работе поставлена проблема «стратегии поведения» русского населения в новой политической ситуации. Проанализировав количественный состав мигрантов, соотношение сальдо миграций русского и титульного населения в постсоветских государствах, авторы выявили сравнительно-историческую картину численности русского населения.

Большое значение при подготовке данной монографии имели труды ученых-этнологов — Л.М. Дробижевой, В.А. Тишкова, Л.В. Фетисовой, Ю.В. Аргудяевой и др.⁶

Отдельную группу исследователей составляют представители зарубежной науки, в первую очередь стран, соседних с Дальним Востоком России. Интерес к изучению миграции своих сограждан в другие страны, в том числе в Россию, проявляют ученые КНР — Ли Цзинцзе⁷ и Чжан Шухуа (Пекин)⁸, Чжан Цзунхай (Харбин)⁹. Но в Китае исследование этой темы затруднено тем, что статистика по проблемам китайской эмиграции ведется Управлением общественной безопасности и не публикуется¹⁰. При изучении китайской миграции на российском Дальнем Востоке китайские ученые ссылаются на материалы, полученные из России.

Разработкой темы занимались также японские исследователи. Но эти работы проводились в основном в контексте специфических научных интересов по исследованию России и Северо-Восточной Азии. Например, Акихиро Ивасита¹¹ рассматривает китайскую миграцию на Дальнем Востоке России как специалист в области двусторонних российско-китайских отношений и внешнеполитической деятельности государств в Северо-Восточной Азии. Садаёси Оцу¹² изучал эти же вопросы в контексте анализа рынка труда в России.

Немало ученых, которые рассматривают данные вопросы в рамках международных отношений. Исследователи из разных стран обращались к этой теме с позиции политической науки (А. Тингай¹³, Э. Хайер¹⁴, Ким Вон Бо¹⁵, Ш. Гарнетт¹⁶, М. Алексеев¹⁷).

Таким образом, краткий историографический обзор проблемы этномиграционных процессов в Приморском крае позволяет выделить несколько уровней ее изученности:

- наличие общих фундаментальных трудов по переселенческому движению;
- многосторонняя и широкая проработка вопроса «восточной иммиграции» в период с конца XIX в. до депортации в конце 1930-х годов;
- активное внимание (как на политико-публицистическом, так и научно-аналитическом уровнях) к проблеме китайской иммиграции на юг Дальнего Востока в современный период;
- фрагментарное и косвенное освещение роли некоторых этнических групп (большой частью славянских) в составе внутрисоссийских мигрантов;
- практическое отсутствие исследований этнического аспекта внутренних и внешних миграций в 1940—90-е годы. Не проведен комплексный анализ миграций азербайджанцев, армян, корейцев в постсоветское время. Не исследованы взаимосвязи между миграциями и формированием диаспорных групп в Приморье.

Итак, несмотря на общую популярность миграционной проблематики на разных этапах, не было подготовлено всестороннего специального монографического исследования этномиграционных процессов в Приморье на протяжении XX в. Учитывая степень изученности рассматриваемой проблемы, потребности научной мысли и общественной практики, а также исторический горизонт, авторы поставили перед собой задачу написания данной монографической работы.

При разработке проекта авторы предполагали провести ретроспективный анализ всесторонних проявлений этнического компонента в период миграций. Работа осуществлялась в рамках цивилизационной методологии, применялись не только исторические методы, но и междисциплинарный подход. В научные задачи авторского коллектива входило изучение этнического состава мигрантов, взаимосвязей между миграционными явлениями и межэтническими отношениями, влияния миграций на развитие внутренней жизни национальных общин, этнонационального состава населения края, формирования культуры приморского социума на разных этапах исторического прошлого. Исследовались миграционная политика России, механизм реализации ее в восточных регионах, роль властных структур в регулировании миграционных процессов.

Научная новизна монографии заключается также в постановке проблемы адаптации этнических мигрантов, в том числе и прибывших из-за рубежа, на разных этапах развития российской цивилизации в ее периферийном варианте, в введении в научный оборот значительной массы источников.

Рассматривая взаимосвязи между миграциями и развитием диаспорных групп в начале и в конце XX в., авторы попытались соединить конструктивистский и примордиалистский подходы, которые в совокупности дают возможность воссоздать всю сложность взаимоотношений между двумя указанными феноменами.

Хотелось бы подчеркнуть, что изучение этнических групп мигрантов проводилось не только с целью выявления, что отличает их друг от друга в период переселений и адаптации, но и тех черт, которые, возможно, объединяют в новых локальных условиях Приморского края.

Ретроспективное исследование этнического компонента в миграционных процессах Приморья проведено в рамках столетнего хронологического периода, что позволило сравнить явления и события при различных,

сменявших друг друга политических режимах и системах власти, и в целом понять проблему на широком историческом горизонте. В то же время для лучшего понимания миграционных процессов в XX в. нельзя обойтись без краткого анализа предыдущего этапа — первоначального заселения Приморья во второй половине XIX в.

Исследование проводилось в географических границах, соответствующих современному Приморскому краю. Мы уточняем этот момент в связи с тем, что в исторической ретроспективе административно-территориальное деление региона менялось. В разные годы выделенная нами территория входила как составная часть в более крупные образования — Приморскую область (1856—1920), Приморскую губернию (1920—1926), Дальневосточный край (1926—1938). Поэтому в работе мы вычленили те районы (города, округа, уезды), которые наиболее приближены к границам современного Приморского края (это оговаривается в соответствующих разделах). В отдельные годы границы исторических административно-территориальных единиц примерно совпадали с современными: Владивостокский округ (1926—1930), Приморская и Уссурийская области (1932—1938). В 1938 г. образован Приморский край, существующий и поныне.

Источниковая база монографического исследования содержит многие виды и типы архивных источников. Впервые в научный оборот введены источники по этнической самоидентификации мигрантов разных поколений, сделана выборка по этническому составу переселенцев из регионов дореволюционной России, СССР и постсоветского территориального пространства.

Картина этномиграций второй половины XX в. реконструировалась на основе социологических исследований, источников, полученных методом интервьюирования этномигрантов 1939—2001 гг. Прделана большая работа по сбору первичного материала из общественных фондов и национально-культурных центров, текущих архивов краевой администрации, муниципальных образований и соответствующих федеральных служб. Авторами проекта тщательно изучались программы, уставы, переписка этнополитических лидеров с властными структурами и государственными деятелями и т. д. На пути создания данной книги авторы встретились с большими трудностями. Отдельные стороны адаптации и жизни новоселов восстанавливались по фрагментарным источникам, в том числе по биографическим справкам. В одни годы в источниках преобладала информация о культурной адаптации, в другие — о хозяйственном обустройстве и т. д. Эти сложности, безусловно, повлияли на общую историческую картину изучаемых сквозных проблем.

Работая над монографией, авторы учитывали многообразие подходов к основным понятиям, категориям, используемым в исторических работах, которые были выполнены в рамках определенных концепций. Прежде всего это относится к понятиям «этнические потоки» и «этнический компонент», «диаспора», «диаспорные группы». Термины «этнические потоки», «этнический компонент» тесно связаны с категорией этничности, ее основными эмпирическими индикаторами, которые выражают характер этнических миграций. Понятие «этничность» сравнительно новое в социогуманитарных науках и впервые появилось в 1972 г. в Оксфордском словаре английского языка. Его автором принято считать американского социолога Д. Рисмана. Несмотря на то, что в последнее десятилетие этот термин широко используется в отечественной науке (истории, этнологии, социологии, политологии), он до сих пор не имеет общепринятого понимания. Для авторов проекта важно было в содержательной трактовке выделить взаимосвязь этничности и миграционных процессов. Во-первых, этничность консолидирует людей в период миграций для достижения социальных, экономических и культурных задач. Во-вторых, этничность определяет функцию отношений мигрантов как старожилов, так и новоселов. В-третьих, она представляет одну из форм идентификации в условиях изменения места жизнедеятельности. Оживление исторической памяти на новом месте обустройства поддерживает веру в общее происхождение, актуализирует проблему этносоциального статуса. В-четвертых, этничность, по образному выражению С. Лурье, обладает «двойным дном», в ней проявляется культура для «внешнего и внутреннего пользования»¹⁸. В-пятых, этничность — это один из способов эмоционального переживания, моральных обстоятельств в процессе социализации индивида.

Изучение этнического компонента в контексте миграций конца XX — начала XXI в. сопровождалось дискуссиями о его содержательной трактовке, которые отражались в научных журналах и изданиях. В последнее время спор шел вокруг вопроса: возможно ли говорить о диаспорах в рамках постсоветского пространства. В поисках ответа исследователи высказывают несколько точек зрения. Например, авторский коллектив под руководством В.А. Тишкова¹⁹ считает, что данное понятие вполне отражает реалии в национальных отношениях и миграциях постсоветского пространства и применим для России. Формирование в России, например, китайской, азербайджанской диаспор, признается также известным ученым В.И. Дятловым²⁰. Противоположной точки зрения придерживаются Н. Космарская и С. Градировский²¹. По их мнению, корректно говорить о протодиаспорах для России и постсоветских государств.

На конференции «Российская диаспора в XIX—XX вв.», проходившей в апреле 1999 г. в Москве, широко обсуждался вопрос по определению понятия «диаспора». Ю.А. Поляков предложил для обсуждения два варианта, подчеркнув близость этого понятия с термином «национальное меньшинство»: диаспора — этническая общность, находящаяся в иноэтнической среде; диаспора — население той или иной страны, принадлежащее этнически и культурно другому государству. Он считает, что диаспоры можно разделить по способу возникновения, и выделяет основные: иммигрантские и диаспоры коренных жителей той или иной страны, которые оказались

оторванными от своего этноса в результате перекраивания государственных границ и других исторических обстоятельств.

По мнению В.А. Тишкова, «диаспора — это те, кто сам или в лице своих предков был рассеян из особого «изначального центра» в другой или другие периферийные или зарубежные регионы»²². Важно, что ученый обратил внимание на возможность употребления термина «родина» при рассмотрении миграционных процессов: «А под «родиной» обычно имеется в виду регион или страна, где сформировался историко-культурный быт и традиции диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно схожий массив».

На современном этапе исследователями обсуждается вопрос о характерных признаках диаспоры. К ним исследователи относят: наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о первичной родине (отечестве), которые включают географическую локализацию, историческую версию, культурные достижения и др. Как считает В.А. Тишков, значимым компонентом является романтическая (ностальгическая) вера в родину предков как в подлинный, настоящий (идеальный) дом — то место, куда они или их потомки должны рано или поздно вернуться.

Рассматривая ход дискуссии вокруг одного из ключевых понятий, которое помогает изучить этнический компонент в миграционных процессах, мы не можем не привести точку зрения зарубежного ученого на рассматриваемую дефиницию, достаточно близкую суждению В.А. Тишкова. Финский ученый С. Лаллукка выделяет три обстоятельства, которые необходимо учитывать при введении в научный оборот термина «диаспора». Во-первых, это «трехполюсный узел связей, соединяющий общину, ее этническую родину и страну проживания. Во-вторых, помнить, что явление диаспоры имеет измерение, относящееся к сфере международных отношений. В-третьих, исходить из посылки, что основой возникновения диаспорной группы предстает миграция населения»²³. Авторский коллектив, учитывая всю сложность образования и развития рассматриваемого феномена, разделяет следующую точку зрения: для постсоветской действительности наиболее корректно употребление термина «диаспорная группа». Национальная община, сформировавшаяся в результате миграций, есть синоним вышеобозначенного понятия. О масштабности диаспорного расселения в Российской Федерации свидетельствует то обстоятельство, что из нескольких десятков миллионов представителей нерусских народов, располагающих своими титульными автономными образованиями, около 8 млн. проживают в других регионах страны²⁴.

В настоящее время существуют и некоторые осложнения терминологического характера и другого уровня. Например, открытым остается вопрос, что включают в себя понятия «иностранец» и «зарубежное государство» по отношению к России. После распада СССР в декабре 1991 г. стихийно возникли представления о «ближнем» и «дальнем» зарубежье. К первому относятся все бывшие союзные республики — страны СНГ и три балтийских государства, а также Грузия, вошедшая в состав СНГ в 1993 г. К государствам дальнего зарубежья — страны, которые и до 1991 г. в отечественной науке и практике назывались зарубежными. В нашем исследовании возникает некоторая нечеткость при формулировках с такой терминологией. В целом к Дальнему Востоку не подходит данная пространственная привязка. В Приморье прибывали граждане из Китая и Северной Кореи, государств традиционного зарубежья, которые непосредственно граничат с краем. Республики Средней Азии, Закавказья и все остальные страны, входящие в СНГ, наоборот, расположены за тысячи километров от Приморья. Поэтому в принятой структуре мы подразделяем зарубежье не на «ближнее» и «дальнее», а на «новое» и «традиционное».

Завершая монографию, авторы выражают благодарность экспертам Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), оказавшим поддержку на этапе поискового проекта, а также председателю комитета государственной статистики Приморского края Е.Г. Гусевой; руководителю Федеральной миграционной службы Приморского края С.Г. Пушкареву и коллективам этих структур за предоставленную возможность работать со статистическими материалами и документами; коллективам РГИА ДВ, ГАПК, ГАХК; общественным деятелям Т.А. Киму, Ю.С. Киму, М. Ахмедову, А. Ширинову, А. Ибадову и др.; главам районных администраций, а также руководителю лаборатории изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН Е.А. Плаксену за консультации при проведении социологических опросов.

Главы и разделы написаны: Введение — А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая; Главы 1, 2 — Е.Н. Чернолуцкая, «Художественная культура» и «Национальный театр» в разделах 1.2.3 и 2.2.3 — В.А. Королева; Глава 3 — А.С. Ващук; Разделы 4.1 — Л.А. Герасимова; 4.2 — А.С. Ващук, Л.А. Герасимова; Разделы 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4 — А.С. Ващук; 5.2.1; 5.2.2; 5.2.3; 5.2.4 — Г.Б. Дудченко; Заключение — А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая.

¹ Рыбаковский Л.Л. Исследования миграции в России // Социология в России. М., 1998. С. 440—441.

² Там же; Павленко О. «Национальное государство» и «этническое меньшинство»: проблемы соотношения: Обзор современной зарубежной историографии // Рубеж: Альманах социальных исследований. Сыктывкар. 1998. № 12. С. 175—192; Лаллукка С. Диаспора: теоретические и прикладные аспекты (опыт анализа групп российских финно-угров) // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 92.

³ Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: Фактор стабильности или конфликта. М., 2000; Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х годов: Проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998; Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60—90-е годы XIX в. Владивосток, 2000.

- ⁴ Зайончковская Ж.А. Миграции населения России как зеркало социально-экономических перемен // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1995. С. 41—54; Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999; Миграции и рынки труда в постсоветской России. М., 1998; Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М., 1999; Перспективы дальневосточного региона: население, миграции, рынки труда. М., 1999; Перспективы дальневосточного региона: международные взаимодействия. М., 1999.
- ⁵ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России...
- ⁶ Дробижева Л.М. Интеллигенция и национализм // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994; Социальная и культурная дистанция: Опыт многонациональной России (авт. проекта и отв. ред. Дробижева Л.М.). М., 2000; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; Он же. Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994; Аргудяева Ю.В. Конфессиональные группы русских в Приамурье, Приморье, на Сахалине: формирование, адаптация, развитие (к постановке проблемы) // Христианство на Дальнем Востоке. Ч. 1. Владивосток, 2000; Фетисова Л.Е. Белорусы в Приморье // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999.
- ⁷ Ли Цзинцзе. Политика открытости и отношения приграничных регионов // Перспективы дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 99—101.
- ⁸ Чжан Шухуа. Миграция между Россией и Китаем: реальные масштабы и перспективы // Перспективы дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 98—99.
- ⁹ Чжан Цзунхай. Китайцы на Дальнем Востоке России // Сиболия янь дзю. № 4, 1999. С. 16—18. Кит. яз.
- ¹⁰ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России... С. 104.
- ¹¹ Ивасита Акихиро. Москва—Пекин: «стратегическое партнерство» и пограничные переговоры // Мировая экономика и международные отношения, 2000. № 11. С. 92—96.
- ¹² Ohtsu Sadayoshi. Characteristics of the Russian Regional Labour Market // Russian Regions: Economic Growth and Environment. Sapporo. 2000. P. 177—197.
- ¹³ Tinguy A. De. Chinese immigration in Russia. A Variation on an Old Theme // Chinese in Europe. London, 1997. P. 650—685.
- ¹⁴ Нyer E. China and the Asianization of the Russian Far East. Рукопись, представленная на конференцию «Современные демографические тенденции в Восточной Сибири: проблемы китайской иммиграции». Атланта, 1994. 12—13 дек.
- ¹⁵ Kim Won Bae Sino-Russian Relations and Chinese Workers in the Russian Far East // Asian Survey. Vol. XXXIY.
- ¹⁶ Гарнетт Ш.У. Ограниченное партнерство: Российско-китайские отношения в меняющейся Азии. Доклад Группы по изучению российско-китайских отношений. М., 1999.
- ¹⁷ Алексеев М.А. Угрожает ли китайская миграция? (Территориальная безопасность и межэтнические отношения в Приморском крае) // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 11. С. 97—103.
- ¹⁸ Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994.
- ¹⁹ Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., 1996. С. 13 и др.
- ²⁰ Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства...
- ²¹ Космарская Н. «Я никуда не хочу уезжать»: Жизнь в постсоветской Киргизии глазами русских // Вестн. Евразии. М., 1998. № 1—2. С. 89—91; Градировский С. Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой // Диаспоры. М., 1999. № 2—3. С. 40—58.
- ²² Цит. по: Тарле Г.Я. Конференция в Москве: «Российская диаспора в XIX — XX вв.: выживание или исчезновение?» // Диаспоры. 1999. № 2—3. С. 305.
- ²³ Лаллукка С. Диаспора...
- ²⁴ Там же.

Глава 1. ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАЦИИ В ПРИМОРЬЕ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (конец XIX в. — 1917 г.)

1.1. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ИСТОКИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

ВНУТРИРОССИЙСКАЯ МИГРАЦИЯ

Территория Приморья была признана на международном уровне владением России после подписания Пекинского российско-китайского договора (1860). Земли, составляющие современный Приморский край, со времен их присоединения к России традиционно назывались Уссурийским и Южно-Уссурийским краями. В административно-территориальной структуре региона дореволюционного периода они представляли собой южную часть Приморской области, образованной в 1856 г. из бывшей Камчатской области, территории Нижнего Амура и Сахалина и присоединенного к ним в 1858 г. Охотского округа. Центром области до 1880 г. являлся г. Николаевск-на-Амуре, позже — г. Хабаровск. Возглавлял ее военный губернатор. До 1884 г. Приморская область вместе с Амурской и Забайкальской подчинялась генерал-губернатору Восточной Сибири.

В 1860 г. к Приморской области в соответствии с Пекинским договором был присоединен Уссурийский край, из которого в 1888 г. образован Южно-Уссурийский округ, куда вошло и самостоятельное Владивостокское военное губернаторство, созданное в 1880 г.¹

До 1861 г. в области проживали малочисленные группы аборигенного населения, русских поселенцев и китайских мигрантов. По мнению разных исследователей, численность русских здесь ориентировочно определялась в размерах от 3,4 до 12,1 тыс. чел., а всего населения — от 15,6 до 35,1 тыс. чел.²

Российско-китайское межгосударственное размежевание на Дальнем Востоке стало отправным моментом для более широкого заселения и освоения Приморья российскими людьми. Основным источником миграционных потоков был центр Российской империи, испытывавший аграрное перенаселение при неразвитости промышленности, что выталкивало массы крестьян из густонаселенных районов на окраины. При этом, как отмечал В.М. Кабузан, имперская власть на протяжении почти всей второй половины XIX в. всячески препятствовала миграции, защищая интересы землевладельцев, но под давлением политических и геополитических факторов она была вынуждена стимулировать заселение некоторых регионов, к которым в 1880—1890-е годы относился и Дальний Восток³.

Переселенческое движение во второй половине XIX в. осуществлялось на основании «Правил для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» (24 марта 1861 г.) и указа Сената от 24 апреля 1861 г., в основу которых было положено добровольное переселение с правом приобретения земли в собственность. Крестьянам предоставлялись значительные льготы, в том числе выделение земли по 100 дес. на семейство. С небольшими изменениями правила действовали до 1901 г., но иностранцы с 1882 г. были лишены установленных льгот.

Поначалу заселение Дальнего Востока не привлекало особого внимания российского правительства и очень скудно финансировалось. Первыми, кто начал осваивать земли Южно-Уссурийского края, были казаки и регулярные войска, за ними следовали крестьяне преимущественно из сибирских губерний. Немногочисленные крестьяне-мигранты перемещались самовольно и не пользовались никакой поддержкой царской администрации⁴. 1880-е годы стали переломными в отношении российского правительства к Приморской области и Южно-Уссурийскому краю. В значительной степени это было связано с активизацией международной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где столкнулись интересы Китая, Кореи, Японии, России, США, Англии и Франции. Имперская власть осознала необходимость заселения российскими подданными недавно приобретенной территории.

Для удобства управления в 1884 г. из Восточно-Сибирского генерал-губернаторства были выделены Приморская, Амурская и Забайкальская области, о-в Сахалин и Владивостокское военное губернаторство, и из них учреждено Приамурское генерал-губернаторство с административным центром в Хабаровске. В 1888 г. из Уссурийского края Приморской области был образован Южно-Уссурийский округ, а в 1889 г., кроме того, создана округа Уссурийского казачьего войска⁵. Таким образом, изучаемая нами территория в административном отношении стала включать г. Владивосток, Южно-Уссурийский округ и округу Уссурийского казачьего войска (далее в тексте — юг Приморской области).

В целях скорейшего заселения русскими Дальнего Востока, особенно Южно-Уссурийского края, для мигрантов был открыт морской путь из Одессы во Владивосток. Кроме того, в 1883—1885 гг. и 1895—1899 гг. для бедных слоев крестьянства правительство ввело переселение за казенный счет. С 1893 г. переселенцам выдавали путевые пособия, оказывали врачебную и продовольственную помощь, устанавливался пониженный переселенческий тариф. Все это привело к резкому увеличению потока мигрантов. С 1890-х годов приток в регион российских новоселов стал ежегодно возрастать. К факторам, влиявшим на этот процесс, добавились широкое крестьянское движение и голод, систематически повторявшийся в европейской части России⁶.

Стимулируя переселение на Дальний Восток, Министерство внутренних дел при выборе районов выхода мигрантов отдавало предпочтение украинским губерниям, где аграрное перенаселение усилилось и при этом имелись массы состоятельных крестьян — потенциальных мигрантов. К тому же эти губернии находились сравнительно недалеко от порта Одесса. Поэтому, если до 1882 г. Дальний Восток заселялся в основном выходцами из соседних сибирских губерний, то в последующие годы — большей частью крестьянами с Украины⁷. Как отмечал П.Ф. Унтербергер, «двигались на восток исключительно малороссы, собственники, которые продажей своей земли и усадебных мест могли реализовать необходимые средства как для покрытия стоимости морского пути, так и для домообзаводства на новом месте их водворения»⁸. С 1883 по 1897 г. морем из европейской части России в Южно-Уссурийский край переселились 29093 чел., в том числе за казенный счет — 4688, за свой счет — 24405 чел.⁹ С 1895 г. возобновилось прерванное в 1862 г. переселение казаков¹⁰.

Согласно исследованию В.М. Кабузана общий миграционный прирост российскоподданного населения Приморской области (без регулярной армии) за 1858—1897 гг. достиг 51881 чел., из них выходцы из украинских губерний составляли 27766 чел. (53,5 %), из других губерний — 17587 (33,9 %), крестьяне из ссыльных — 165 (0,3 %), уволенные в запас нижние чины — 521 (1 %), не указали мест выхода — 5842 чел. (11,3 %)¹¹.

Данные по заселению Уссурийского и Южно-Уссурийского краев включены в вышеприведенные цифры по Приморской области и составляют преобладающую их часть, поэтому они отражают масштаб и характер заселения этой территории. К сожалению, они не могут дать ясную картину этнического состава российских переселенцев даже по выходцам из конкретных национальных регионов. Например, как было отмечено выше, наибольшую долю среди невоенных категорий мигрантов составляли жители Украины. Однако известно, что в XIX в. примерно 20 % ее населения не являлись этническими украинцами. К 1897 г. удельный вес украинцев в границах современной Украины снизился до 76,1 %¹².

Основная часть украинских переселенцев (17832 чел.) прибыла в Приморскую область из Черниговской губернии¹³, а, как показывают исследования этнографов, север этой губернии представлял собой смешанное русско-украинско-белорусское пограничье¹⁴. Поэтому мы не можем говорить о «чистом» этническом компоненте в данном потоке. То же самое относится к переселенцам из губерний, где большинство жителей составляли русские или другие национальные группы.

Более или менее ясная картина этнического состава мигрантов складывается лишь в отношении восточнославянских крестьян-старожилов, т. е. заселившихся в Приморье до 1901 г., поскольку в 1909—1911 гг. они были охвачены специальным статистико-экономическим обследованием, результаты которого обработал А. Меньщиков. Его анализ показал, что в нижней части бассейна Амура и близлежащих районах (1-я Промысловая зона) преобладали русские крестьяне, занимавшиеся исключительно промыслами. В селениях, расположенных вокруг Хабаровска (Северная подгородная зона), русских, украинцев и белорусов было почти поровну. Эти две экономические зоны ныне относятся к территории Хабаровского края. В 3-й Переходной зоне (ныне — юг Хабаровского и север Приморского краев) среди крестьян-старожилов было 74,2 % украинцев и 18,1 % белорусов. Остальные сельские зоны, выделенные обследованием, относились к районам, входящим ныне в границы Приморского края. В них преобладали украинские крестьяне: в Приханкайской низменности (4-я Земледельческая зона) 91,1 % составляли украинцы и 0,9 % — белорусы; в 5-й Горной зоне было 64,9 % украинцев, 25,4 % русских, 9,1 % белорусов; вблизи городов Владивостока, Никольска-Уссурийского (совр. г. Уссурийск) и сел Шкотово, Раздольного и Посыета (6-я Южная Подгородная зона) и на юго-восточном побережье Приморья (7-я Прибрежная зона) также преобладали украинцы — соответственно 58,2 % и 79,1 %¹⁵. Из материалов А. Меньщикова ясно, что среди восточнославянских крестьян-старожилов на юге Приморской области абсолютно преобладали украинцы, следующую по величине долю составляли русские и незначительную часть — белорусы.

Однако вышеприведенные сведения охватывают только земледельческую колонизацию края. Неземледельческие же колонизационные потоки сложно поддаются анализу, так как фиксировались недостаточно качественно¹⁶.

Значительную роль в освоении Приморья играли регулярные войска и уволенные в запас нижние чины, точную численность и этнический состав которых выяснить трудно. Тем не менее, они явились активным фактором формирования этнической картины края. Только во Владивостоке в 1880—1890-е годы находилось от 3 до 7 тыс., а в 1901—1903 гг. — 13 тыс. военных¹⁷. Владивостокский военный губернатор контр-адмирал Фельдгаузен, отмечая в своем всеподданнейшем отчете за 1884 г. такую отличительную черту Владивостока, как преобладание в его населении иностранцев, писал, что только «войско и чиновничество дают Владивостоку вид русско-

го города»¹⁸. Кроме этнических русских в составе регулярной армии были представители и других народов Российской империи — поляки, евреи, татары и т. д.

В 1890 г. был принят закон, по которому демобилизованным солдатам и матросам, пожелавшим остаться в крае, предоставлялся ряд льгот. В частности, они могли получить пособие, равное проезду на родину, а также выписать свои семьи за казенный счет и др. Поэтому значение этой категории населения в колонизации региона в 1890-е годы возросло. По данным Л.И. Галлямовой, ежегодно на Дальнем Востоке оставались 1—2 тыс. запасных, осевших преимущественно в городах, пристанционных поселках, рабочих слободах.

Точным учетом не были охвачены и другие миграционные потоки, участвовавшие в неземледельческой колонизации края, — ремесленники, купцы, предприниматели, рабочие-отходники и т. д. Между тем их численность постоянно увеличивалась, особенно в 1890-е годы с открытием золотых приисков и началом строительства Уссурийской железной дороги. В этот период на Дальнем Востоке появляется все больше рабочих-отходников из глубинных районов страны — Пермской, Нижегородской, Вятской и других областей, а также ведется привлечение на контрактной основе опытных рабочих из промышленно развитых центров России — Петербурга, Москвы, Одессы и др.¹⁹

Еще одну специфическую группу мигрантов представляли чиновники различных рангов. Согласно исследованию Н.А. Троицкой в дореволюционный период местных уроженцев в бюрократическом аппарате края практически не было в связи с отсутствием здесь системы подготовки соответствующих кадров. Путь чиновников в Приморье, как правило, не был прямым и не заканчивался здесь, а проходил через различные губернии России, где они получали сначала образование, а затем те или иные должности по мере продвижения по служебной лестнице. По этническому составу на Дальнем Востоке среди должностных лиц больше всего было русских, украинцев, белорусов. В Приморской области выделялась также группа поляков и немцев, встречались литовцы и евреи. Это был достаточно узкий слой населения (в 1897 г. — 0,4 % от общего числа жителей региона)²⁰. Однако именно чиновники являлись проводниками государственной политики в крае, а в рамках общественной жизни этнических и профессиональных общин, к которым они принадлежали, нередко играли значительную роль.

Общие результаты заселения Приморья во второй половине XIX в. как по численности, так и по этническому составу жителей наиболее полно отражены в материалах первой всероссийской переписи населения 1897 г. Нами сделана выборка по Южно-Уссурийскому и Уссурийскому округам Приморской области. На данной территории было учтено 94864 российских подданных (мы не включаем в это число русскоподданных китайцев, корейцев и японцев, которых насчитывалось 11462 чел.).

Из них своим родным языком назвали (в порядке убывания): русский — 55220 чел. (58,2 %), украинский — 31962 (33,7 %), польский — 2610 (2,8 %), тунгусский — 1567 (1,7 %), еврейский — 1161 (1,2 %), татарский — 547 (0,6 %), немецкий — 410 (0,4 %), белорусский — 252 (0,3 %), бурятский — 176 (0,2 %), литовский — 175 (0,2 %), мордовский — 160 (0,2 %), латышский — 85, чувашский — 82, финский — 64, эстский — 51, шведский — 46, вотяцкий — 41, башкирский — 35, монгольский — 29, черкесский и другие языки народов Кавказа — 27, молдавский — 22, зырянский — 22, мещерский — 22, армянский — 15, остальные — менее 10 чел. каждая группа²¹.

ИНОСТРАННАЯ ИММИГРАЦИЯ

В хозяйственном освоении юга Дальнего Востока во второй половине XIX в. наряду с российскими подданными значительную роль стали играть иностранные иммигранты.

Иностранцы белой расы (как они обозначались в официальной статистике) селились в основном во Владивостоке и привлеченные благоприятными возможностями развития своего бизнеса на территории нового освоения, особенно после придания в 1862 г. Владивостоку статуса порто-франко, занимались большей частью предпринимательством и торговлей. Согласно данным Приморского областного статистического комитета в 1890-е годы в городе находилось от 60 до 170 лиц этой категории²². Незначительный рост европейской колонии был связан, очевидно, с тем, что с 1880-х годов русская администрация начала проводить протекционистскую политику в отношении русского населения. Как отмечено выше, с 1882 г. иностранцы были лишены льгот, установленных «Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» от 24 марта 1861 г. Цель такой политики объяснена, в частности, Приамурским генерал-губернатором С.М. Духовским, который писал: «Меры ограждения местной производительности от иностранного захвата имеют в виду, главным образом, европейцев и американцев и направлены не столько против самих подданных государств Европы и Америки, сколько против их капиталов и их политического влияния»²³.

Взаимодействие европейцев и американцев с местной администрацией и защита ими своих национальных интересов во второй половине XIX в. проводились при посредстве торговых представительств, которые, как правило, выполняли не только коммерческие, но и консульские функции. Первыми среди иностранцев во Владивостоке открыли в 1875 г. коммерческое агентство американцы (потом оно возобновило свою деятельность в 1898 г.)²⁴.

Многие иностранные предприниматели, прожив в регионе долгие годы, женились на русских женщинах и принимали русское подданство, переходя таким образом в другую категорию населения. Вот почему в переписи 1897 г. мы находим среди русских подданных в Приморье шведов, англичан, французов, датчан и др.

В отличие от европейско-американской иммиграция из соседних восточных стран (Китая и Кореи) приняла массовый характер.

Корейцы

Как показал в своем исследовании А.И. Петров, первые несколько семей корейских крестьян перешли на русскую территорию в Приморье в январе 1864 г. С этого времени берет начало корейская иммиграция в Россию²⁵. Несмотря на то, что до начала 1882 г. корейские власти проводили жесткую запретительную (вплоть до смертной казни) политику в отношении эмиграции своего населения, они не могли остановить этот процесс, вызванный тяжелым экономическим положением корейских крестьян в связи с непосильными налогами и случившимися в отдельные годы неурожаями и голодом.

Россия в интересах освоения новой территории и обеспечения местного населения сельскохозяйственной продукцией поначалу благосклонно относилась к иммигрантам-земледельцам, что воспринималось ими как гарант защиты от репрессий со стороны корейских властей. Более того, русская администрация не ограничивала корейских крестьян в землепользовании, предоставляла им налоговые льготы, оказывала помощь провиантом, тягловым скотом, сельскохозяйственным инвентарем и т. д. Основным источником корейской иммиграции в эти годы было беднейшее крестьянство, с самого начала переходившее на территорию России целыми семьями и оставшееся здесь на постоянное проживание.

Существенное влияние на дальнейший ход корейской иммиграции оказало установление 25 июня 1884 г. дипломатических отношений между Россией и Кореей. Затем последовали русско-корейские переговоры 1885—1888 гг., в ходе которых российское правительство предприняло попытку решить проблему юридического статуса корейских иммигрантов, но она закончилась тем, что России было предложено действовать по своему усмотрению. В 1891 г. российские власти разработали и ввели правила для определения статуса корейцев, находившихся в Приморской и Амурской областях. Активное участие в этом приняла администрация Приамурского генерал-губернаторства, получившая большие полномочия в выработке иммиграционной политики на Дальнем Востоке.

Все корейские иммигранты были разделены на три категории: к первой относились лица, перешедшие в Россию до 25 июня 1884 г. Они имели право на принятие русского подданства и получение надела земли из расчета 15 дес. на семью. Ко второй категории причислялись иммигранты, обосновавшиеся в России после 24 июня 1884 г., а также те лица из первой категории, которые не желали принимать русского подданства. Они подлежали возвращению в Корею. Третью группу составляли корейцы, не имевшие оседлости на русской территории, а также вновь прибывавшие. Они обязаны были иметь национальные паспорта, визировать их у русских пограничников и покупать билеты на право временного проживания в России. На практике русское подданство смогла получить и часть оседлых корейцев, относившихся ко второй категории²⁶.

С начала 80-х годов XIX в. российские власти предприняли попытки сдерживать иммиграционный поток. Это было вызвано тем, что корейская иммиграция в Приморье и Приамурье начала принимать массовый и бесконтрольный характер. В 1880—1890-е годы изменился и ее состав: наряду с семейными крестьянами стали прибывать сезонные рабочие, многие из которых оставались здесь на постоянное жительство. Нередко корейские крестьяне самовольно захватывали казенные земли, не платили налоги. Иммигранты свободно, не соблюдая принятых правил, перемещались через границу в обоих направлениях. Особую обеспокоенность местных властей вызывала высокая концентрация корейцев на территории граничащего с Кореей Посыетского участка, на который в начале 1880-х годов Китай попытался предъявить свои претензии.

Появились предложения и проекты пресечения дальнейшего оседания корейских мигрантов в этом районе и отселения их в глубь территории страны или на север края. Комитет министров даже принял на этот счет специальное «положение» от 22 ноября 1886 г., подписанное Александром III²⁷. Однако эти попытки не увенчались успехом. Исключение составляла лишь группа из 500 корейцев, отселенных еще в 1871 г. в Амурскую область, где они основали село Благословенное²⁸.

В 1896 г. состоялось первое массовое принятие корейцев в русское подданство в Приморской области. На Дальнем Востоке за 1894—1997 гг. этот статус получили 12278 корейцев. Согласно переписи 1897 г. в Уссурийском и Южно-Уссурийском округах проживало 11173 русскоподданных корейца (10,5 % от всех русскоподданных этой территории), которые основали до 30 больших и малых сел. Эта категория корейцев пользовалась всеми правами крестьянского сословия наравне с русскими.

Корейцев, иностранных подданных, на этой же территории на момент переписи было 12 тыс. чел. А всего на юге Приморской области находилось 23,3 тыс. корейцев²⁹, т. е. абсолютное большинство всех корейских иммигрантов в Приамурском крае, которых по официальной статистике на 1 января 1898 г. насчитывалось 24,7 тыс. чел.³⁰ Однако А.И. Петров считает, что фактически на территории края пребывало примерно 26—27 тыс. корейцев.

В 1895—1897 гг. все натурализованные корейские крестьяне наделялись 15-десятичными участками земли на каждый двор, причем каждой семье отводился именно тот участок, который она фактически обрабатывала ранее. Кроме того, корейским сельским обществам отводились довольно значительные наделы на школы и церкви. Корейцы стали единственными иностранными колонистами Приамурского края из сопредельных стран, которые на законном основании получили в постоянное пользование земельные наделы³¹.

Иммигранты из Кореи включились в систему социально-экономических отношений российского общества. Большая часть из них занималась сельским хозяйством, участвуя таким образом в освоении земельных угодий и продовольственном снабжении населения Приморья. В отличие от российских переселенцев корейцы были хорошо адаптированы к местным климатическим условиям, что позволяло им успешно заниматься земледелием с первых же лет пребывания на российской земле.

Обширный архивный и историографический материал, проанализированный А.И. Петровым, позволил ему сделать вывод о том, что к концу 90-х годов XIX в. завершился начальный период формирования корейской диаспоры на Дальнем Востоке России, а также закончилось оформление основных направлений ее общественной, хозяйственной и культурной жизнедеятельности³².

Китайцы

Другой массовой группой иммигрантов на юге Дальнего Востока были китайцы. Китайские власти так же, как и корейские, долгое время проводили политику изоляционизма и всячески препятствовали проникновению своего населения не только в Приамурье, но и в Маньчжурию (до 1878 г. существовал запрет на переселение в северо-восточную часть Китая)³³.

Тем не менее китайские подданные начали появляться на территории, отошедшей к России по Пекинскому договору, еще до его подписания. Их численность к началу 1860-х годов из-за отсутствия полных сведений и разнобоя в информации оценивается лишь предположительно. Ф.В. Соловьев считает наиболее близкими к достоверным данные, согласно которым в 1858—1860 гг. в Уссурийском крае находилось примерно 780—870 китайцев³⁴. Е.И. Нестерова на основании ряда источников определила, что до 1858 г. в Уссурийский край ежегодно приходило от 3 до 25 китайцев, а их примерная общая численность в начале 1860-х годов составляла от 2 до 5 тыс. чел. Статус этих китайцев по международным договорам точно определен не был. Россия объявила их своими подданными, но не провела должных мероприятий по воплощению этого решения в жизнь. Китайские пограничные власти считали их подданными Цинской империи и предпринимали попытки подчинить своему контролю³⁵.

До 1860 г. в край приходили в основном беглые китайцы, которые занимались таежными и морскими промыслами или земледелием. Позже стали появляться рабочие и торговцы. Все китайские иммигранты подразделялись властями на три группы: лица, ведущие оседлый образ жизни (земледельцы, промышленники, торговцы); сезонные рабочие; бродячий элемент (старатели, искатели женьшеня и др.). Учесть их всех вместе или отдельно какую-либо группу более или менее точно было невозможно³⁶.

В 60—70-е годы XIX в. в Приморье существовали деревни оседлых китайских земледельцев. Они концентрировались в нескольких районах Южно-Уссурийского округа, особенно в долинах рек Цимухе (совр. Шкотовка) и Сучана. В 1880-е годы в связи с политикой заселения Дальнего Востока российскими подданными и массовым притоком русских переселенцев китайские деревни стали исчезать, а китайские земледельцы, вытесненные из мест оседлости, пополнили ряды рабочих, промысловиков, прислуги. К концу XIX в. на территории Приморья уже не было китайских крестьян, владевших землей³⁷.

По мере развития российской колонизации Уссурийского края поток китайских мигрантов стремительно растет. Если в 1860-е годы в край ежегодно прибывало в среднем 70 чел., то в конце 1860-х и в 1870-е годы — 440 чел.³⁸ По данным В.М. Кабузана, в летнее время в 1869—1870 гг. на Дальний Восток приходило 50,8 тыс. китайцев, в 1881 г. — 54,3 тыс.³⁹

В отличие от корейской китайская иммиграция носила ярко выраженный временный сезонный характер — отходничества. Среди отходников абсолютно преобладали мужчины трудоспособного возраста. Их семьи оставались на родине, куда мужчины возвращались по окончании сезона работ.

Рост китайской иммиграции в Приморье и Приамурье объяснялся нищетой на родине, малоземельем, отсутствием промышленности, способной привлечь избыточные трудовые ресурсы. Одной из самых многочисленных групп этой категории иммигрантов были рабочие, которые занимались в основном неквалифицированным физическим трудом на строительстве, добыче угля и золота, в парусном каботаже. Особенно резко численность сезонных китайских чернорабочих в Приморье стала возрастать в 1890-е годы в связи со строительством Уссурийской железной дороги. Другая группа была занята в торговле. К концу XIX в. им принадлежала значительная часть мелкой и средней розничной торговли в Амурской и Приморской областях. Некоторые китайцы имели земельные хозяйства на юге Приморской области, где они в нарушение закона арендовали землю у русских казаков и крестьян⁴⁰.

В 1889 г. общая численность китайского населения в Приморской области достигала 12983 чел., из них 6033 чел. (54 %) приходили на летние заработки, в основном в города. Абсолютное большинство их сосредотачивалось во Владивостоке, где в 1880-е годы их было до 30—40 %, а в первой половине 1890-х — до 20—25 %. К 1896 г. общее количество китайцев в области, согласно официальным данным, увеличилось до 13,8 тыс., в 1897 г. — до 29,3 тыс. чел.⁴¹, из которых 24,5 тыс. находились в Южно-Уссурийском и Уссурийском округах⁴².

Исследования Е.И. Нестеровой показали, что поначалу отношение к китайцам со стороны российской местной администрации было благодушным. Но под влиянием «манзовской войны» (1867—1868) начало формироваться представление о китайцах как чуждом и опасном элементе. Большую роль в законодательном оформлении условий проживания китайцев и корейцев сыграл Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф. Во время его службы на этом посту (1884—1893) был определен правовой статус китайцев в крае, введена билетная система учета и регулирования миграционного потока, улучшена охрана в приграничных районах, легализованы и поставлены под русский контроль органы китайского самоуправления в городах и т. д. Иностранцам не разрешалась покупка земли, а выходцам из Китая и Кореи, даже принявшим русское подданство, запрещалось селиться вблизи границы. По ходатайству А.Н. Корфа уголовные дела китайцев, ранее наделенных правом экстерриториальности, стали рассматриваться в русских судах.

Приамурский генерал-губернатор получил право принимать китайцев и корейцев в русское подданство, однако в отношении китайцев по политическим мотивам это считалось нежелательным⁴³. Согласно переписи 1897 г. только 266 китайцев, проживавших в Уссурийском и Южно-Уссурийском краях, имели русское подданство⁴⁴.

В целом, несмотря на значительные подвижки в деле регулирования и правового обеспечения, китайская иммиграция продолжала порождать проблемы для русской стороны — неспособность наладить удовлетворительный учет численности китайцев, закрыть доступ нелегальным потокам мигрантов, добиться полной подконтрольности российским властям деятельности китайских общин в крае и т. п., причем многочисленные злоупотребления наблюдались как со стороны иммигрантов, так и со стороны русских чиновников.

Японцы

Японцы в Приморье стали появляться с 1870-х годов. Они селились в основном в городах, большей частью во Владивостоке, который с 1875 г. был связан с Японией регулярным пароходным сообщением. Как отмечает З.Ф. Моргун, начало развития порта Владивосток по времени совпало с окончанием революции Мэйдзи (1867—1868), после которой в Японии был отменен просуществовавший более 300 лет запрет покидать родину. Российский Дальний Восток привлекал японцев более высокой, чем на родине, оплатой труда. Прибывшие в Приморье японцы занимались предпринимательством, ремеслами, торговлей, открывали прачечные и парикмахерские; японки работали проститутками, прачками, нянями, свой заработок они, как правило, отправляли домой⁴⁵.

Динамика численности японских иммигрантов во Владивостоке характеризуется следующими цифрами: 1875 г. — 50 чел., 1891 г. — 517, 1897 г. — 1607 чел.⁴⁶ В 1890-е годы наблюдался большой приток японских сезонных рабочих в связи со строительством Уссурийской железной дороги. Например, в 1896 г. на постройку дороги прибыло 1130 чел.⁴⁷ Многочисленной, но временной категорией были японские рабочие, занятые на рыбных промыслах, которые приезжали на срок 3—5 месяцев⁴⁸.

Японское правительство ходатайствовало перед русскими властями об открытии консульства во Владивостоке, но получило отказ по причине того, что город был военным портом. Обе стороны согласились на учреждение должности особого представителя Японии — коммерческого агента, который стал посредником между русскими властями и японскими подданными⁴⁹. Переход в русское подданство для японцев был нехарактерен. Немногих, кто решался на этот шаг, вынуждали обстоятельства личной жизни или предпринимательские интересы. По переписи 1897 г. из 1644 японцев, проживавших в Южно-Уссурийском и Уссурийском краях, было зафиксировано только 23 чел., ставших подданными русского императора⁵⁰.

* * *

К 1897 г. общее число жителей Южно-Уссурийского и Уссурийского округов составило 144492 чел., из них 103554 мужчины и 40938 женщин. Резкая диспропорция между численностью мужчин и женщин была связана с особенностями первоначального этапа колонизации региона и являлась характерной чертой почти всех этнических групп, пребывавших в крае. Таким образом, во второй половине XIX в. в Приморье начался процесс формирования постоянного российского населения, стимулировавшийся правительством, прежде всего по геополитическим соображениям. Аграрная перенаселенность в европейской части России способствовала созданию устойчивых миграционных потоков, направлявшихся на восток. К концу века около 100 тыс. чел. (выходцев из разных губерний страны) проживали на юге Приморской области. По этническому признаку чуть более половины из них были русскими, 1/3 — украинцами и около 30 небольших групп представляли другие народы России.

В этот период в Приморье начинают прибывать иностранцы, из них малочисленную, но экономически активную группу составляли европейцы, сыгравшие заметную роль в становлении торговли и предпринимательства. Подавляющее большинство иммигрантов были из соседних азиатских государств — Китая, Кореи, Японии. Как и российские переселенцы, они «выталкивались» из родных мест экономическими проблемами: малоземельем, тяжелыми налогами, безработицей и т. п. В 1880—1890-е годы иммиграция корейцев и китайцев приобретает массовый характер, при этом первые из них стремятся остаться в России на постоянное жительство

ство, а вторые приходят главным образом на сезонные заработки. По официальным данным в Южно-Уссурийском и Уссурийском краях в 1897 г. находилось 38166 иностранных подданных, что составляло 26,4 % от общей численности населения.

С увеличением потока иностранцев в край остро вставали и проблемы, связанные с иммиграцией, прежде всего ее бесконтрольность. Российские власти предпринимали шаги в законодательном оформлении иностранной иммиграции, пытались подчинить ее своему контролю, приходя к выводу о необходимости ее ограничения. Однако потребность в дешевой рабочей силе, которая не могла быть удовлетворена за счет российских подданных, а также отсутствие единого понимания проблем иммиграции в центре и на местах не позволяли российской администрации принимать радикальные меры и выработать последовательную иммиграционную политику на Дальнем Востоке.

- ¹ Торопов А.А. Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока (конец XVI в. — 1917 г.): Ист. справка // Дальний Восток России: Из истории системы управления. Документы и материалы: К 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства. Владивосток, 1999. С. 17—18.
- ² Мясников В.С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв.). Хабаровск, 1997. С. 324; История Дальнего Востока СССР. М., 1991. Т. 2. С. 223.; Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX в. (1640—1917): Ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 61. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 49.
- ³ Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М., 1998. С. 112.
- ⁴ Он же. Дальневосточный край... С. 56, 58, 65; Он же. Эмиграция и реэмиграция в России... С. 118—119.
- ⁵ Торопов А.А. Административно-территориальное деление... С. 18.
- ⁶ Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 96; Он же. Эмиграция и реэмиграция в России... С. 131—132; Осипов Ю.Н. Крестьянство Дальнего Востока в период капитализма // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2000. Вып. 3. С. 80—89; Кудяков О.А. Некоторые особенности государственной политики освоения русскими Приамурья на рубеже XIX—XX вв. // Там же. С. 92—93.
- ⁷ Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 96, 122.
- ⁸ Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906—1910 гг. СПб., 1912. С. 4—5.
- ⁹ Там же. С. 5.
- ¹⁰ Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 58, 98.
- ¹¹ Подсчитано нами по: Кабузан В.М. Дальневосточный край... Прил. Табл. 10.
- ¹² Украинцы. М., 2000. С. 76, 77.
- ¹³ Подсчитано нами по: Кабузан В.М. Дальневосточный край... Прил. Табл. 10.
- ¹⁴ Фетисова Л.Е. Традиционный фольклор и культурная адаптация восточных славян на юге Дальнего Востока // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994. С. 47—55.
- ¹⁵ Она же. Адаптационная роль фольклора в системе бытовой культуры первопоселенцев Приамурья и Приморья // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 27—28.
- ¹⁶ Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России... С. 170.
- ¹⁷ Обзор Приморской области за 1902 г. Владивосток, 1905. С. 1; ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 1. Л. 22; Д. 17. Л. 126.
- ¹⁸ ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 17. Л. 142.
- ¹⁹ Галлямова Л.И. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2000. Вып. 3. С. 210.
- ²⁰ Троицкая Н.А. Слово о чиновниках: вместо комментариев // Дальний Восток России: из истории системы управления... С. 219, 230.
- ²¹ Подсчитано нами по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXVI. Приморская область. Тетр. 2. СПб., 1900. С. 58—67.
- ²² Листок Приморского областного статистического комитета. Владивосток, 1902. № 11. С. 3.
- ²³ Цит. по: Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2001. С. 50.
- ²⁴ Там же. С. 17, 38—39.
- ²⁵ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке... С. 55—64. Правда, на этот счет существует и другая точка зрения (С.Г. Нам, Б.Д. Пак), которая заключается в предположении, что корейцы в приграничных районах Южно-Уссурийского края стали появляться до включения его в состав России. Однако мы считаем более убедительной аргументированную позицию А.И. Петрова.
- ²⁶ Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке... С. 62, 68, 75, 78—81, 96, 106—107, 113.
- ²⁷ Там же. С. 81, 101, 118—119; Он же. Корейская иммиграция на Дальний Восток России в 1860—1917 гг. // Вестн. ДВО РАН. Владивосток, 1998. № 5. С. 3—17.
- ²⁸ Корейский вопрос в Приамурье. Отчет поручика 1-го Сибирского стрелкового его Величества полка В.Д. Песоцкого // Тр. Амур. экспедиции. Хабаровск, 1913. С. 2; Торопов А.А. К вопросу о миграции корейского населения на Дальнем Востоке России (1863—1916 гг.) // Изв. РГИА ДВ. Владивосток, 1996. Т. 1. С. 102.
- ²⁹ Подсчитано нами по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи... Тетр. 2. С. 67; Тетр. 3. СПб, 1905. С. 3.
- ³⁰ Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения // Политические репрессии на Дальнем Востоке (20—50-е гг.). Владивосток, 1997. С. 246.
- ³¹ Петров А.И. Адаптационные проблемы корейской диаспоры Дальнего Востока России начала XX в. // Адаптация этнических мигрантов в Приморье... С. 40, 41; Он же. Корейская диаспора на Дальнем Востоке... С. 115.
- ³² Он же. Корейская диаспора на Дальнем Востоке... С. 12, 89—93, 115, 116.
- ³³ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет... С. 27.
- ³⁴ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917 гг.). М., 1989. С. 38.
- ³⁵ Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации и китайских мигрантов на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.): Исторический опыт. Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2000. (Рукопись.) С. 101, 233; Она же. Китайцы в Приморье: некоторые аспекты социальной адаптации (конец XIX — начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье... С. 69.
- ³⁶ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. С. 48; Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет... С. 28.
- ³⁷ Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации... С. 116, 128, 202, 203.
- ³⁸ Там же. С. 101.
- ³⁹ Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 93.

- ⁴⁰ Романова Г.Н. Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX — начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье... С. 83, 84, 90, 91, 97.
- ⁴¹ ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 17. Л. 126; Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации... С. 111, 279; Она же. Китайцы в Приморье... С. 70.
- ⁴² Подсчитано нами по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи... Тетр. 3. С. 3.
- ⁴³ Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации... С. 76, 77, 159, 164, 180, 233.
- ⁴⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи... Тетр. 2. С. 58—67.
- ⁴⁵ Моргун З.Ф. Владивосток и японцы // Россия и АТР. Владивосток, 1993. № 2. С. 89, 92.
- ⁴⁶ Она же. Японская диаспора во Владивостоке (страницы истории) // Изв. Вост. ин-та ДВГУ. Владивосток, 1996. № 3. С. 95.; Листок Приморского областного статистического комитета. Владивосток, 1902. № 2. С. 8.
- ⁴⁷ Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990. С. 249.
- ⁴⁸ Галлямова Л.И. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока... С. 211; Иванова Г.Д. Японцы в российском Приморье (1900-е годы) // Кунсткамера: Этногр. тетради. СПб., 1996. Вып. 10. С. 26.
- ⁴⁹ Моргун З.Ф. Владивосток и японцы... С. 91, 92.
- ⁵⁰ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи... Тетр. 2. С. 58—67; Тетр. 3. С. 59.

1.2. МИГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В КОНЦЕ 1890-х — 1910-е ГОДЫ

1.2.1. Мигранты российского происхождения

Прежде чем начать подробный анализ миграционных процессов, остановимся на изменениях в административно-территориальном делении края в 1900-е годы. С 1902 г. округа, в том числе Южно-Уссурийский, стали называться уездами. 30 июня 1903 г. указом Сената образовано особое наместничество с резиденцией в Порт-Артуре, включавшее Приамурский край, полосу отчуждения КВЖД, Квантунскую область. Наместник являлся главным начальником края, сосредоточившим управление всеми делами Дальнего Востока. После окончания русско-японской войны наместничество было упразднено (18 июня 1905 г.).

В 1909 г. Приморская область была разделена на Приморскую (центр — г. Владивосток), Сахалинскую (пос. Александровский — совр. г. Александровск-Сахалинский) и Камчатскую (г. Петропавловск — совр. г. Петропавловск-Камчатский) области. Новые границы Приморской области включали города Владивосток, Хабаровск, Никольск-Уссурийский (совр. г. Уссурийск) и Николаевск (совр. г. Николаевск-на-Амуре), уезды — Никольск-Уссурийский, Ольгинский, Иманский, Хабаровский, Удский, а также Приморский горный округ и Уссурийское казачье войско¹.

Бывший Южно-Уссурийский уезд в 1909 г. был разделен на 3 новых — Никольск-Уссурийский, Иманский и Ольгинский, — которые вместе с городами Владивосток и Никольск-Уссурийский входят в географическую зону нашего анализа. Особо следует сказать об Уссурийском казачьем войске. Частично оно располагалось на территории, соответствующей нынешнему Приморскому краю, но северная часть входила в зону, ныне относящуюся к Хабаровскому краю. В связи с этим анализ статистики того времени по Уссурийскому казачьему войску представляет для нас определенную проблему. Другая трудность заключается в том, что в ней (статистике), как правило, не делалась разбивка по этническим группам и подданству жителей. Поэтому в целях сравнимости показателей сводные статистические таблицы по группам населения мы даем без учета территории Уссурийского казачьего войска. В целом рассматриваемую территорию (города Владивосток и Никольск-Уссурийский, Южно-Уссурийский округ, уезды Никольск-Уссурийский, Ольгинский и Иманский) для краткости обозначаем как «юг Приморской области».

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XIX В. — 1910-е ГОДЫ

В начале XX в. переселенческое движение на Дальнем Востоке России продолжало находиться в зависимости от социально-экономических условий, которые способствовали вытеснению крестьян из малоземельных районов европейской части страны. С учетом этого фактора исследователи выделяют этапы миграций российского населения в первые два десятилетия XX в.

Так, В.М. Кабузан считает, что 1900—1907 гг. — это конец первого большого периода в общем миграционном движении в России (с середины 1850-х годов до начала революции 1905—1907 гг.), а следующий — 1907—1917 гг. — относится ко времени проведения столыпинской аграрной политики. Вместе с тем он отмечает, что второй период по состоянию источников легче анализировать с 1897 по 1917 г.²

Л.Л. Рыбаковский делит миграционные процессы в дореволюционный период от начала века на 2 этапа: 1) с рубежа веков до 1907 г., т. е. от промышленного кризиса до начала столыпинской аграрной реформы; 2) 1907—1917 гг. — от начала столыпинской реформы до революции 1917 г.³

Ю.Н. Осипов выделяет 1901—1917 гг. в качестве самостоятельного этапа в переселенческом движении на Дальний Восток⁴.

Мы считаем, что для Дальнего Востока целесообразно выделять новый этап в миграционных процессах с рубежа XIX и XX вв. до 1917 г., поскольку он качественно отличается от предыдущего по содержанию законодательной базы, условиям и масштабам переселенческого движения в край. Однако следует отметить, что поступательное развитие миграционных процессов в эти годы дважды нарушалось: в связи с русско-японской и первой мировой войнами. Для удобства сравнения в качестве начальной точки нами взят 1897 г. — год первой всеобщей переписи населения Российской империи.

Всестороннее исследование переселенческого процесса по Дальнему Востоку провел В.М. Кабузан, который выявил наиболее существенные характеристики рассматриваемого периода.

В 1900 г. был отменен закон от 26 марта 1861 г., на основании которого осуществлялась колонизация края во второй половине XIX в., и утверждены новые «Временные правила для образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях». По ним с 1 января 1901 г. вместо 100 десятин семейного надела переселенцы получали на каждого члена семьи мужского пола не свыше 15 десятин удобной земли, считая и лесной надел.

Казеннокоштные переселения после 1899 г. более не осуществлялись. С открытием движения по Уссурийской железной дороге (1897) и КВЖД (1901—1903) Приморье получило непрерывное железнодорожное сообщение с европейской частью страны. Это позволило правительству с 1902 г. полностью отказаться от перевозки переселенцев морем, что значительно сократило время и стоимость проезда. Причем юг Приморской области, соединенный с Сибирью линией КВЖД, проходившей через Маньчжурию, оказался в более благоприятных условиях по сравнению с другими районами Дальнего Востока.

С 5 июня 1904 г. Дальний Восток заселялся на основании общих для всех колонизируемых районов правил «О переселении на казенные земли». Характерной чертой государственной миграционной политики этого времени был полный отказ от ограничения переселений, что произошло под давлением революционного движения. В результате этого малоимущие слои стали массовыми участниками миграций, получив ряд существенных льгот.

Закон от 6 июня 1904 г. освобождал новоселов от круговой поруки и расширял льготы и пособия переселенцам. В заселении Дальнего Востока правительство по-прежнему преследовало не только внутривосточные и экономические цели, но и стратегические. Поэтому в дальневосточном регионе, в частности в Приморье, некоторые пособия и ссуды на обустройство хозяйства были выше, чем в других районах страны. Переселенческие потоки в край резко возросли. Тем не менее, большей части мигрантов средств на обустройство не хватало, и они массами возвращались обратно. Таким образом, быстрый рост населения края осуществлялся за счет высоких миграционных оборотов.

Произошли изменения и в географии расселения мигрантов в регионе. Если в начале и середине 1890-х годов основная часть крестьян, прибывших на Дальний Восток, заселялась в Амурской области, то с 1897 г. — в Приморской. По подсчетам В.М. Кабузана, за 1897—1903 гг. в Приморской области осело 60 тыс. российских переселенцев (в среднем за год — по 7,5 тыс. чел.), из них кроме абсолютного большинства крестьян было 4412 казаков, 3058 уволенных в запас нижних чинов, 180 крестьян из ссыльных. В 1904—1905 гг. в связи с русско-японской войной переселения почти прекратились: в области поселилось только 1051 чел. из крестьян и запасных нижних чинов.

В 1906—1916 гг., в период действия столыпинской аграрной реформы, на Дальний Восток хлынула сельская беднота. За эти годы в Приморскую область прибыло 165,3 тыс. российских переселенцев (по 16,5 тыс. в среднем за год), причем максимальная нагрузка (115,5 тыс.) приходится на первый период столыпинской реформы (1907—1910), когда число приезжих в отдельные годы составляло от 14 тыс. (1910) до 61,7 тыс. чел. (1907). Резкое уменьшение миграционного прироста фиксируется в 1915 г. (+1629 чел.) в связи с начавшейся мировой войной. В 1915 г. специальным циркуляром Главноуправляющего землеустройством и земледелием переселения были приостановлены до окончания военных действий. Исключение было сделано для лиц, получивших разрешение до ввода в силу указанного циркуляра⁵.

Однако некрестьянские слои населения продолжали прибывать в регион и в годы войны. Появилась и новая категория мигрантов — беженцы и военнопленные, которые не отражены в работе В.М. Кабузана. В Приморской области для водворения беженцев было выделено 2027 долей на переселенческих участках преимущественно в районе железной дороги и промышленных центров. В ноябре 1915 г. во Владивостоке зарегистрировано 1250 беженцев (на 1 сентября 1916 г. — 2029), в Никольске-Уссурийском — 800, Спасске — 253, Имане — 230. Особенно большой наплыв беженцев наблюдался в Никольске-Уссурийском, куда они с ноября 1915 г. стали прибывать ежедневно большими партиями, что создало серьезную проблему по их устройству и обеспечению жильем, питанием и денежными средствами⁶. Что касается обратной миграции, то наряду с естественным отливом не прижившихся в крае новоселов из Приморья убывала часть мужского населения, призванная в действующую армию и отправленная на фронт.

Всего за 1898—1916 гг. в Приморскую область в рамках земледельческой колонизации переселилось 228503 российских подданных. По районам выхода и некоторым категориям мигрантов картина выглядит следующим образом: Украина — 141019 чел. (61,7 % от общей численности переселенцев), Центрально-

промышленный, Центрально-Земледельческий, Озерный районы, Поволжье, Приуралье, Новороссия (без Бессарабии), Сибирь и Дальний Восток — 11495 чел. (5 %), Белоруссия и Литва — 10759 (4,7 %), Бессарабия — 6089 (2,7 %), Степной край — 1094 (0,5 %), Румыния — 986 (0,4 %), Прибалтика — 346 (0,2 %), Польские губернии — 170, крестьяне из ссыльных — 330, запасные нижние чины — 3316 (1,5 %), без указания — 52899 чел. (23,2 %)⁷.

В Приморской области большая часть переселенцев оседала в Южно-Уссурийском и Хабаровском уездах. В целом с конца XIX в. по 1914 г. численность российских подданных (без корейцев и туземцев) на юге Приморской области увеличилась с 83865 до 307751 чел., т. е. в 3,7 раза⁸. В годы первой мировой войны точный систематический учет населения по всем ранее выделявшимся группам не проводился, поэтому определить динамику российскоподданных жителей края в 1915—1917 гг. не представляется возможным.

УКРАИНЦЫ

Как видим, по-прежнему большинство российских мигрантов-крестьян составляли выходцы с Украины. Во второй половине XIX в. они представляли самую большую часть жителей сельской местности Южно-Уссурийского округа (по материалам переписи 1897 г. — 41 %), где освоили главным образом открытые степные пространства Приханкайской низменности, которая напоминала южнорусскую степь с земледельческими условиями, привычными для украинских крестьян. После 1900 г. украинцы стали расселяться и в более северных районах края — по рекам Улахэ (совр. правый приток р. Уссури), Даубихэ (совр. р. Арсеньевка), Иману (совр. р. Большая Уссурка), Уссури⁹. Однако с 1906 г. удельный вес выходцев с Украины среди вновь прибывавших в Приморскую область крестьян стал уменьшаться. По официальным данным в 1906 г. он составил 73 %, в 1907 г. — 59,8 %, 1908 г. — 57,7 %, 1909 г. — 41 %, 1910 г. — 31,4 %¹⁰.

Во всеподданнейшем отчете Приморского генерал-губернатора за 1910 г. это явление оценивалось как «естественный подбор новоселов». «В прежние годы, — писал генерал-губернатор, — когда в Уссурийском крае было еще достаточно свободных земель в районах старожильческих поселений, не заросших лесом и легких для обработки, выходцы Малороссии являлись вполне подходящим колонизационным элементом, и они преимущественно заселяли край. К 1907 г. запас таких земель был уже на исходе и в этом году почти исчерпался. Теперь водворение происходит в других условиях — в большинстве случаев на участках таежных или очень удаленных от старожильских селений. Здесь требуются другие люди, более предприимчивые, умеющие использовать лесные площади и способные при случае заняться иными промыслами помимо земледелия»¹¹. Такие люди нашлись среди выходцев из западных, центральных и северо-восточных губерний России¹².

РУССКИЕ

Уменьшение доли выходцев с Украины в значительной степени происходило за счет увеличения среди мигрантов беднейших слоев русского крестьянства, а также рабочего отходничества. Так, удельный вес в составе переселенцев в Приморскую область выходцев из сибирских губерний составлял: в 1908 г. — 2,4 %, 1909 г. — 6,5 %, 1910 г. — 19,3 %¹³.

Если в предшествующий период в переселенческих потоках из Центральной России на Дальний Восток преобладали крестьяне, то в 1908—1917 гг., по данным Л.И. Галлямовой, большую часть составляли рабочие. Стимулировали этот процесс разорение русского крестьянства и высокий уровень безработицы в Европейской России, а также протекционистская политика правительства, предпринявшего ряд мер для увеличения притока русских рабочих на Дальний Восток. Подавляющее большинство рабочих (83—93 %) ехали на Дальний Восток из губерний Европейской России — Симбирской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Калужской, Смоленской, Рязанской, Казанской и т. д., где процесс обезземеливания крестьян проходил особенно быстро. Только в 1911—1915 гг. на Дальний Восток проследовало на заработки 194,3 тыс. чел. Основная часть рабочих была представлена отходниками, приезжавшими без семей с целью заработка. Тем не менее, около трети рабочих провели здесь несколько лет, а из них примерно 30 % остались на постоянное жительство, пополняя население городков, железнодорожных поселков, шахтерских слобод. Так, в 1912 г. в Приморской области осталось на жительство 244 семьи рабочих, в 1913 г. — 137 семей (753 чел.)¹⁴.

По данным В.М. Кабузана, из «русских» губерний за 1898—1916 гг. в Приморскую область переселилось 11495 чел. (4,6 %). Но это число является далеко не полным, учитывая вышеприведенные сведения о рабочих-отходниках и тот факт, что около четверти переселенцев (52899) не указали мест выхода.

Особую категорию этнических русских засельщиков Приморья составляли старообрядцы и представители так называемого «старорусского сектанства» (по старой терминологии — «раскольники и сектанты»). Наиболее многочисленными были молокане и старообрядцы разных толков и согласий, переселившиеся преимущественно из центрально-земледельческого, уральского, сибирского и забайкальского районов России¹⁵. Часть из них была сослана на Дальний Восток принудительно за «инаковерие», другая прибыла добровольно в связи с малоземельем в местах выхода и привлеченная большей свободой религиозных отправлений, а также поиском

легендарного Беловодья. Местные власти были заинтересованы в привлечении этой категории переселенцев, отличавшихся высокой способностью адаптации к новым условиям проживания и хозяйственной хваткой. Так, на IV Хабаровском съезде сведущих людей в 1903 г. на вопрос «Какие переселенцы нужны для края?» был дан ответ: «...признать [сектантов] вполне соответственным условиям и нуждам края колонизационным элементом»¹⁶.

Основной поток старообрядцев на Дальнем Востоке направлялся в Амурскую область. Но с 1870-х годов начинается их переселение в Приморье, в основном в Уссурийский, Ольгинский и Иманский (совр. Дальнереченский) районы, где возникло более 20 старообрядческих селений¹⁷. На юге Приморской области численность «раскольников и сектантов», по официальным сведениям, в 1897—1914 гг. колебалась в пределах 1,1—4,4 тыс. чел. Подавляющая их часть проживала в малозаселенной таежной местности Южно-Уссурийского края. В городах Владивостоке и Никольске-Уссурийском в конце XIX в. находилось от 140 до 450 раскольников, в первые годы XX в. — 500—600 чел. и в 1910-е годы — несколько десятков чел.¹⁸

Еще одна специфическая группа русских была представлена казачеством, сформировавшимся из забайкальских, оренбургских, кубанских и донских казаков, которые расселись по р. Усури и вдоль западных границ Приморья¹⁹.

БЕЛОРУСЫ, ЛИТОВЦЫ

По переписи 1897 г., в южной части Приморской области проживали 292 белоруса и 175 литовцев, которые находились во Владивостоке и сельской местности Южно-Уссурийского края. В статистике переселенцев в Приморскую область до 1897 г., приведенной В.М. Кабузаном, выходцы из Белоруссии и Литвы отсутствуют, а в 1897—1916 гг. появляется значительная группа мигрантов из этих районов (10759 чел.), что составило 4,7 % от общей численности российских переселенцев.

Но в целом, как отмечалось в обзоре Приморской области за 1912 г., число белорусов в населении области оставалось незначительным и большинство их было вкраплено в селения Северного подгородного района (вокруг Хабаровска)²⁰, т. е. вне изучаемой нами территории. Однако часть белорусов осела и в южной части Приморской области, где они селились компактными группами в предгорьях Сихотэ-Алиня и других районах края (Вознесенская, Черниговская, Чугуевская, Спасская, Сучанская (совр. г. Партизанск) волости). Переселенцы из Белоруссии, прибывшие после 1900 г., особенно интенсивно осваивали Иманскую (совр. долина Большой Уссурики) долину.

В сельской местности Приморья — в Партизанской, Шкотовской, Артемовской долинах, в таежной зоне Дальнеречья, частично в Приханковье — этнографы до сих пор отчетливо выявляют белорусский культурный пласт (села Штыково, Многоудобное, Петровка, Романовка, Речица, Новохатуничи, Перетино, Екатериновка, Новолитовск, Душкино, Кролевец и Кневичи и др.). Значительную часть жителей этих сел составляют потомки переселенцев из западных и северо-западных районов Черниговской губернии²¹. По данным Ю.В. Аргудяевой, белорусы приезжали в основном из Гродненской, Минской, Могилевской губерний, а белорусы-литвины — из Суражского и Городнянского уездов Черниговской губернии²².

МОЛДАВАНЕ

Сходная динамика была характерна и для миграции молдаван. В XIX в. переселение из Бессарабии носило случайный характер. В 1897 г. на юге Приморской области находился только 21 чел. молдаван, в том числе 12 чел. — во Владивостоке. Но в 1907 г. в область прибыло сразу 3,8 тыс. выходцев из Бессарабии, и вплоть до 1914 г. включительно их поток не иссякал. На юго-восточном побережье края (ныне Шкотовский район) молдаване основали деревни Ново-Бессарабия и Дунай²³.

Однако, как отметил П.Ф. Унтербергер, на родине они привыкли к совершенно другой земледельческой культуре. Их адаптация к непривычным условиям проходила крайне тяжело, и, несмотря на значительные ссуды, большинство молдаван вернулись обратно²⁴. За 1897—1916 гг. из Бессарабии в Приморскую область прибыли 6089 чел., или 2,7 % от общего числа переселенцев²⁵ (как и в случае с выходцами с Украины и из других «национальных» губерний, мы не можем с уверенностью говорить, что все переселенцы из Бессарабии были этническими молдаванами, но оттуда прибыла основная часть этой группы мигрантов).

ЭСТОНЦЫ

Среди различных этнических групп одна — эстонская — была переселена в Приморье целенаправленно как носитель определенных профессиональных навыков. Эстонцы начали появляться в Приморье вместе с первыми засельщиками края во второй половине XIX в. Тогда их миграция на Дальний Восток не была массовой. К концу века, согласно переписи 1897 г., во всей Приморской области проживало только 70 эстов (59 муж. и 11 жен.). В основном это были лица активного трудоспособного возраста — от 25 до 39 лет. Из них на юге Приморской области находился 51 чел., в том числе во Владивостоке — 39 чел.²⁶

Однако на рубеже XIX—XX вв. государством было организовано специальное переселение в Приморье поморов с Балтийского побережья с целью создания на Дальнем Востоке отечественного рыболовства. Выбор правительства пал на эстонцев после неудачных попыток решить эту задачу с помощью выходцев из Астрахани и Финляндии и объяснялся не только тем, что эсты владели навыками морской рыбалки, но и возможностью найти среди них необходимое число добровольцев-переселенцев, так как эстонские крестьяне (рыбный промысел не был для них основным занятием) испытывали на родине острую нехватку земли. Результатом правительственного решения стало массовое переселение эстонцев в Приморье в 1899—1904 гг. В первые три года их путь пролегал с западноэстонских островов через Таллинн по железной дороге в Одессу, а оттуда морем во Владивосток. Позже большинство мигрантов добирались поездом через Сибирь²⁷.

В 1899 г. из Лифляндской и Эстляндской губерний в Приморье прибыли первые 10 семей, в 1901 г. их насчитывалось около 30. В 1904 г. с островов Эзель, Даго и Моон приехали сразу 186 семей. В 1906—1907 гг., после окончания русско-японской войны, массовый переезд эстонцев в Приморье продолжился. Помимо прежних причин он был вызван еще и событиями революции 1905 г. В последующие годы эстонцы переезжали в край одиночными семьями²⁸.

На берегу Уссурийского залива, вблизи Владивостока (современный Шкотовский район), им была выделена территория протяженностью в 25 км вдоль моря, где образовались селения Лифляндское, Эстляндское, Линда, ряд хуторов. По данным В.М. Кабузана, за 1900—1912 гг. число жителей в с. Лифляндском выросло с 30 до 468 чел., в с. Эстляндском — с 30 до 65 чел.²⁹ (следует учесть, что в данных селах проживали не только эстонцы). Конечно, часть эстонцев размещалась в городах и других населенных пунктах.

Косвенным образом рост эстонской колонии в крае подтверждают и сведения о составе лютеранской общины в дальневосточном регионе. Если в 1880 г. в ней числилось 6 эстонцев, то в 1905 г. — 673³⁰.

ТЮРКО-ТАТАРЫ

В дореволюционный период наука и статистика не выделяли отдельные этнические группы среди тюрко-татарского населения, ограничиваясь общей категорией тюрко-татар или отдельными более мелкими — татар, башкир, кавказских горцев (в настоящее время используется более дробная классификация этих групп). Объединяющими их характеристиками служил не только языковой признак, но и конфессиональный — принадлежность к исламу.

Перепись 1897 г. зафиксировала в Южно-Уссурийском и Уссурийском округах 609 чел., представлявших народы, традиционно исповедующие ислам. Таблица переписи «Распределение населения по родному языку» показывает, что абсолютное большинство их — 547 чел. (90 %) — составляли татары, из которых 138 чел. проживали в г. Владивостоке, 327 чел. — в других населенных пунктах Южно-Уссурийского округа и 54 чел. — в Уссурийском округе. Число остальных было незначительным: башкир — 35 чел., кавказских горцев — 27 чел.

Численность представителей названных этнических групп в Южно-Уссурийском и Уссурийском округах почти полностью совпадает с числом лиц мусульманского вероисповедания — 617 чел. По национальному составу мусульманская община характеризовалась абсолютным преобладанием тюрко-татар (599 чел.). Кроме них, среди мусульман были 9 кавказских горцев, 6 чел. мордвы, 4 русских и др.³¹

Мусульманское население края в значительной степени формировалось за счет действующих и запасных воинских чинов. Так, из всех охваченных переписью татар, находившихся на юге Приморской области, 457 чел. служили в армии. В связи с этим демографической особенностью тюрко-татарской группы в крае являлось то, что она почти полностью состояла из мужчин (на 617 чел. приходилось лишь 4 женщины, проживавшие во Владивостоке)³².

Вместе с тем известно, что с конца XIX в. татары активно участвовали в миграциях из сел в промышленные районы страны. Многие из них занимались торговлей, работали в качестве прислуги и т. д.³³ Эти миграции были направлены не только в европейский центр России, но и на восток. Например, татарскую колонию в соседней с Приморьем Маньчжурии, в полосе отчуждения КВЖД, образовали выходцы из Пензенской и Тамбовской губерний, занимавшиеся в основном коммерческой деятельностью (магазины, рестораны, буфеты, торговля пушниной, шкурами, мануфактурой, готовым платьем)³⁴. Небольшие группы гражданского населения тюрко-татар осели и на юге Приморской области. По крайней мере, согласно переписи 1897 г., здесь находилось 94 чел. невоенного татарского населения, из них 12 чел. занимались земледелием, 9 работали на железной дороге и т. д. Этот же источник указывает на то, что некоторые татары попадали в край в качестве осужденных: на момент переписи 16 чел. отбывали наказание (в виде лишения свободы) в Уссурийском округе³⁵.

Имеются более поздние архивные материалы, которые со ссылкой на перепись 1917 г. сообщали о проживании татар в дер. Крым Шкотовского района³⁶. По самому названию деревни можно предположить, что ее основали выходцы с одноименного полуострова, очевидно, крымские татары.

К сожалению, необходимых статистических данных о миграции тюркоязычных групп в Приморье в 1900-е — 1910-е годы не имеется. Поэтому мы воспользуемся материалами ежегодных Обзоров Приморской области, касающихся мусульман. Как свидетельствует данный источник, численность лиц мусульманского веро-

исповедания на юге Приморской области была следующей: 1897 г. — 533 чел. (0,4 % от общего числа верующих данной территории); 1899 г. — 570 (0,3 %); 1900 г. — 500 (0,3 %); 1901 г. — 660 (0,4 %); 1902 г. — 282 (0,1 %); 1905 г. — 429 (0,2 %); 1906 г. — 559 (0,2 %); 1907 г. — 639 (0,2 %); 1908 г. — 639 (0,2 %); 1909 г. — 401 (0,1 %); 1910 г. — 426 (0,1 %); 1911 г. — 527 (0,1 %); 1912 г. — 596 (0,1 %); 1913 г. — 252 (0,06 %); 1914 г. — 278 чел. (0,07 %). Из этого следует, что число тюрко-татар в рассматриваемый период составляло порядка 400—600 чел., лишь в 1902, 1913 и 1914 гг. оно было менее 300 чел. Удельный вес их в общем составе населения постепенно снизился от 0,4 до 0,06 %.

В конце XIX в. тюрко-татары были сосредоточены примерно в равных количествах во Владивостоке, Никольске-Уссурийском и Южно-Уссурийском округе. В начале 1900-х годов подавляющая их часть находилась в городах, а в 1910-е годы небольшие группы стали расселяться также в Ольгинском и Иманском уездах, в то время как в Никольске-Уссурийском их число существенно сократилось. Обращает на себя внимание появление в статистике со второй половине 1900-х годов женщин-мусульманок (до нескольких десятков чел.), особенно заметное во Владивостоке, что указывает на прибытие в край семейных татар. В начале первой мировой войны мужчины-татары из запасных нижних чинов так же, как и другие российские подданные, в большинстве были вновь призваны на службу, что могло повлиять на сокращение этой группы населения в крае. Однако каких-либо статистических данных на этот счет не имеется.

АРМЯНЕ

Весьма трудно обнаружить источники, касающиеся миграции армян в Приморье. Перепись 1897 г. выявила только 15 лиц данной этнической группы (все мужчины), находившихся во Владивостоке (11 чел.) и в Уссурийском округе (4 чел.)³⁷.

Ежегодные обзоры Приморской области показывают, что армяно-григорианская община была самой малочисленной из христианских конфессиональных групп. Количество ее членов на юге Приморской области составляло: в 1897 г. — 14 чел., 1899 г. — 37; 1900 г. — 93; 1901 г. — 90; 1902 г. — 82; 1905 г. — 98; 1906 г. — 421; 1907 г. — 185; 1908 г. — 2368; 1909 г. — 221; 1910 г. — 180; 1911 г. — 368; 1912 г. — 314; 1913 г. — 211; 1914 г. — 414 чел. Большая часть из них проживала во Владивостоке (единственным исключением является 1908 г., когда в статистике было обозначено 2200 армяно-григориан, находившихся в Никольске-Уссурийском). На 1 февраля 1915 г. в городе проживал 151 приверженец армяно-григорианской церкви³⁸.

ЕВРЕИ

Особую группу российских переселенцев составляли евреи. Как известно, они были ограничены в праве передвижения по территории страны и выборе мест проживания так называемой «чертой оседлости». Согласно исследованиям В.В. Романовой, Л.В. Кураса, Л.В. Кальминой, в Сибирь и на Дальний Восток евреи попадали легально только в качестве действующих и отставных нижних чинов армии, а также ссыльных и их семей. Позже стали приезжать врачи и ремесленники, получившие право повсеместного проживания, купцы и предприниматели. Последних особенно привлекал Владивосток своим статусом порто-франко.

Что касается Приморья, то ссылка сюда провинившихся российских подданных властями практиковалась мало, но ссыльные и их потомки попадали в край из Сибири и Сахалина. Основным же каналом прибытия евреев в Южно-Уссурийский край была служба в армии. Другие категории евреев приезжали в регион только незаконным путем. Евреи охотно использовали и легальные, и нелегальные возможности, чтобы поселиться за Уралом, где условия жизни были значительно лучше, чем в «местечках» черты оседлости, и отсутствовали проявления грубого антисемитизма.

Но пребывание евреев в Сибири и на Дальнем Востоке жестко регламентировалось властью и контролировалось местной администрацией, отношение которой к еврейскому населению было неоднозначным, чаще всего — запретительным, что сопровождалось периодическими выселениями евреев из мест проживания, а также запретом покидать определенные населенные пункты. Так, до 1897 г. Сенат признавал за сибирскими евреями право свободного жительства в Сибири за исключением 100-верстной приграничной полосы, но в 1897 г. он лишил их этого права. Евреи не могли свободно переселяться из одного места Сибири в другое. К началу XX в. регион был закрыт властями для всех категорий евреев из европейской части России, кроме осужденных за преступления. В дальнейшем лишь изредка делались некоторые послабления в этой политике³⁹.

Неоднозначность отношения к еврейскому населению в крае как колониационному элементу отражена в материалах IV Хабаровского съезда сведущих людей 1903 г. На нем податный инспектор Н.И. Шестунов возбудил вопрос о принятии особых мер против проникновения евреев на Дальний Восток. После прений собрание решило, «что ввиду существования закона о воспрещении евреям приезда и водворения в Сибири, применяемого и в Приамурском крае, не усматривается оснований в возбуждении ходатайства о каких-либо особых мероприятиях против евреев». Другое предложение, исходившее от крестьянского начальника Захватовича, — о желательности привлечения евреев в край — было отклонено большинством⁴⁰.

Такая политика отразилась на характере динамики численности еврейского населения на юге Приморской области в рассматриваемый период. По переписи 1897 г. в Южно-Уссурийском и Уссурийском округах проживал 1161 еврей (1139 муж. и 22 жен.). Треть из них (275 чел.) находились во Владивостоке, а остальные — в основном в Южно-Уссурийском округе. Почти все они (1100 чел.) являлись военнослужащими. И лишь незначительная часть была представлена гражданским населением: торговцами, портными, прислугой, поденщиками и т. д.⁴¹

В последующие годы численность военной категории стала снижаться. По сведениям И. Сагитовой, в 1902 г. во всей Приморской области находилось одна тыс. евреев, из них на военной службе — 400 чел. Из остальных 225 чел. являлись постоянно живущими в области, их основным занятием были торговля и промыслы; 375 чел. получили статус временного проживания, в том числе 60 из них находились во Владивостоке и 30 в Никольске-Уссурийском по торговым и промышленным делам⁴².

Купцы-евреи составляли заметную часть купеческого сословия Владивостока. Особенно известными среди них были Циммерманы, Родомышельские, Скидельские. Они занимались разнообразной коммерческой деятельностью, начиная с извозного промысла и заканчивая строительными подрядами. Например, Л.Ш. Скидельский, приехавший в Приморье в начале 1890-х годов, начал с подрядов на строительстве Уссурийской железной дороги, позже стал владельцем лесопильных заводов, паровых мельниц, доходных домов. Вместе с сыновьями занимался поставками леса на КВЖД, военному ведомству и за рубеж. В 1912 г. семье принадлежала недвижимость общей стоимостью около 9 млн. руб. В 1910 г. он получил потомственное гражданство, а в 1912 г. ему и сыновьям было высочайше пожаловано право свободного передвижения в пределах Приамурского генерал-губернаторства. Семья Скидельских была одной из крупнейших благотворителей в Приморье⁴³.

Для анализа изменения численности еврейского населения в 1897—1914 гг. мы используем материалы ежегодных Обзоров Приморской области, касающиеся лиц иудейского вероисповедания (см. табл. 1). Безусловно, эти данные несколько ниже числа реально проживавших в Приморье евреев, поскольку не все находились здесь легально. Кроме того, существовала определенная часть, перешедшая в православие и другие конфессии, причем этот переход нередко был вызван стремлением получить право проживания в области, которым обладали еврей-христиане⁴⁴. Приведенные цифры могут служить отражением тенденции в целом.

Таблица 1

Динамика численности лиц иудейского вероисповедания на юге Приморской области в 1897—1914 гг.
(в скобках — удельный вес числа иудеев по отношению к числу лиц всех вероисповеданий на выделенной территории)

	Владивосток	Никольск-Уссурийский	Южно-Уссурийский округ / уезд			Всего
1897	302 (1,0 %)	Не было города	754 (0,8 %)			1056 (0,8 %)
1899	240 (0,6 %)	69 (0,4 %)	200 (0,2 %)			509 (0,3 %)
1900	120 (0,3 %)	110 (0,5 %)	30 (0,03 %)			260 (0,2 %)
1901	130 (0,4 %)	220 (1,0 %)	20 (0,02 %)			370 (0,2 %)
1902	200 (0,4 %)	295 (1,2 %)	1000 (0,7 %)			1495 (0,7 %)
1905	—	37 (0,3 %)	170 (0,1 %)			207 (0,1 %)
1906	372 (0,6 %)	20 (0,1 %)	171 (0,1 %)			563 (0,2 %)
1907	255 (0,3 %)	380 (0,8 %)	374 (0,2 %)			1009 (0,3 %)
1908	347 (0,4 %)	1830 (3,5 %)	135 (0,05 %)			2312 (0,6 %)
			Никольск-Уссурийский уезд	Иманский уезд	Ольгинский уезд	
1909	267 (0,3 %)	21 (0,07 %)	279 (0,2 %)	—	1	568 (0,1 %)
1910	258 (0,3 %)	22 (0,06 %)	4	—	—	284(0,07 %)
1911	429 (0,5 %)	24 (0,07 %)	9	—	—	462 (0,1 %)
1912	429 (0,5 %)	20 (0,06 %)	6	—	—	455 (0,1 %)
1913	194 (0,2 %)	26 (0,07 %)	10	—	—	230(0,05 %)
1914	204 (0,3 %)	21 (0,07 %)	1	—	—	226(0,06 %)

Таблица составлена на основе источников: Обзор Приморской области за 1897 год. Владивосток, 1899. С. 2; Обзор Приморской области за 1899 год. Владивосток, 1901. С. 5; Обзор Приморской области за 1900 год. Владивосток, 1902 (здесь и далее — Прил. 2 «Распределения население по вероисповеданию»); Обзор Приморской области за 1901 год. Владивосток, 1904; Обзор Приморской области за 1902 год. Владивосток, 1905; Обзор Приморской области за 1905 год. Владивосток, 1906; Обзор Приморской области за 1906 год. Владивосток, 1907; Обзор Приморской области за 1907 год. Владивосток, 1908; Обзор Приморской области за 1908 год. Владивосток, 1910; Обзор Приморской области за 1909 год. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1910 год. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1911 год. Владивосток, 1912; Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915; Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1916.

Как видно из таблицы, евреи проживали в основном в южной зоне рассматриваемой территории — городах Владивостоке, Никольске-Уссурийском и в прилегающих сельских уездах. Их удельный вес в общем составе населения был незначительным (менее 1 %, а в 1910, 1913—1914 гг. — менее 0,1 %), а численность претерпевала постоянные колебания — от 200 до 2,3 тыс. чел. Относительно стабильной можно считать группу, проживавшую во Владивостоке, где годовая разница в численности не превышала 200—300 чел. Очевидно, костяк ее составляло постоянное гражданское еврейское население, а колебания зависели от ужесточения или смягчения запретительной политики властей в отношении пребывания евреев в крае.

Значительно более резкие скачки наблюдаются в динамике численности групп, находившихся в г. Никольске-Уссурийском и Южно-Уссурийском / Никольск-Уссурийском уезде. Мы предполагаем, что данная картина связана с перемещением евреев-военнослужащих в составе армейских подразделений. Гражданское еврейское население здесь, по-видимому, было малочисленным, и именно оно отражено в статистике, начиная с 1909 г.

С началом первой мировой войны в Приморье стали появляться евреи — беженцы из района военных действий. Но их было сравнительно немного. По данным В.В. Романовой, к 1 сентября 1916 г. во Владивостоке зарегистрировано 60 еврейских беженцев.

В августе 1915 г. Совет министров временно снял запрет на пребывание евреев вне черты оседлости, о чем он известил всех губернаторов. Однако Приамурский генерал-губернатор Гондатти на подведомственной ему территории установил особый порядок, по которому всякий раз у него лично требовалось получать разрешение на въезд и поселение евреев⁴⁵.

ПОЛЯКИ

В 1897 г. согласно переписи населения в южной части Приморской области проживали 2610 поляков (2436 муж. и 174 жен.). Из них 954 чел. находились во Владивостоке, 1487 — в сельской местности Южно-Уссурийского округа и 169 чел. — в Уссурийском округе. До конца XIX в. большинство поляков попадали в край в качестве военнослужащих: 1890 чел. из охваченных переписью находились в вооруженных силах, а 39 чел. были членами их семей. Среди остальных 104 поляка (+ 27 членов семей) работали на железной дороге; 64 (+ 8) занимались частной практикой, работали прислугой, поденщиками; 56 (+19) строили, ремонтировали и содержали жилье; 37 (+ 26) работали в медицинской сфере; 18 чел. (+3) — в лесоводстве и лесных промыслах и т. д. Относительно заметной по сравнению с другими этническими группами оказалась категория поляков, лишенных свободы и отбывающих наказание, — 34 чел. (+3)⁴⁶.

К началу XX в. польские губернии представляли собой крупную промышленную область Российской империи. Однако промышленность не могла поглотить всю имевшуюся на рынке труда рабочую силу, которая постоянно пополнялась в связи с усилением процесса обезземеливания крестьян. К 1905 г., по официальным данным, безземельные крестьяне составляли в Царстве Польском 84 %, при этом был постоянно высоким уровень безработицы, что выталкивало массы поляков вовне, в том числе в эмиграцию и на восток империи⁴⁷.

По данным В.М. Кабузана, в 1898—1916 гг. в Приморскую область из польских губерний переселились только 170 чел.⁴⁸ Однако эти сведения, безусловно, не отражают реального числа поляков, попавших в край. Небольшая часть выходцев из Польши продолжала прибывать в Приморье в качестве ссыльнопоселенцев или после отбытия каторги на Сахалине за участие в польском национальном движении. Многие из них были образованными людьми, оставившими заметный след в общественной и культурной жизни Дальнего Востока.

Так, после отбытия ссылки в Восточной Сибири в 1874 г. во Владивосток переехал участник польского восстания 1863 г. М.И. Янковский, осевший здесь на постоянное жительство, ставший известным предпринимателем, ученым-натуралистом и общественным деятелем (прожил в Приморье до своей кончины в 1912 г.)⁴⁹.

В 1890 г. после отбытия каторги на Сахалине во Владивостоке поселился Ф.Л. Вильчинский, где прожил не менее 26 лет (после 1916 г. о его судьбе ничего не известно). Здесь он был принят на государственную службу в канцелярию Приморского областного правления, быстро продвигался по служебной лестнице (правда, в его карьере был вынужденный перерыв по обстоятельствам «неблагонадежности»), принимал активное участие в подготовке и проведении первой Всероссийской переписи населения и в других статистических обследованиях, был членом Общества изучения Амурского края (ОИАК)⁵⁰.

Заметный след в деятельности ОИАК и организации Приморского краеведческого музея, существующего и поныне, оставил известный этнограф Б.О. Пилсудский, который получил разрешение поселиться во Владивостоке после сахалинской каторги в 1900 г.

Таким же путем попали в край члены первой польской рабочей партии «Пролетариат», осужденные к каторжным работам на Сахалине в 1885 г.: Г. Госткевич (жил во Владивостоке в 1897—1927 гг. до своей смерти, участвовал в создании профсоюзов), А. Словик (1900—1930-е гг.), А.Ф. Серошевский (жил в районе нынешнего Спасска в начале 1900-х годов), А. Форминский (в 1904 г. поселился в Хабаровске, затем переехал во Владивосток, в 1914 г. вернулся в Варшаву) и др.⁵¹

Многочисленная группа поляков прибыла в Приморье в период службы в армии. Косвенным образом об этом свидетельствуют данные о составе прихожан католического костела, подавляющее число которых были

поляками. Так, по сведениям М.И. Ефимовой, в 1900 г. во Владивостоке было 3500 католиков, из них: 1500 служащих крепости Владивосток, 500 членов флотского экипажа, 150 служащих, ремесленников, предпринимателей, интеллигенции⁵². Строительство большого костела в Никольске-Уссурийском (1912—1916) также было связано с необходимостью отправления культа католиками-военнослужащими (их насчитывалось около 3 тыс. чел.)⁵³.

Немало поляков переселились в Приморье добровольно в поисках работы и лучших условий жизни, особенно во время строительства и ввода в строй Уссурийской железной дороги. Привлеченные возможностью найти хорошую работу из Польши во Владивосток и его окрестности прибывали ремесленники, строители и предприниматели⁵⁴. Устроившись в крае, мигранты из Польши в свою очередь приглашали переселиться сюда своих родственников и знакомых. Мы имеем немало свидетельств, полученных от наших информаторов, старожилов Владивостока, а также из некоторых других источников. Например, казненный в ходе сталинских репрессий в 1938 г. поляк А.И. Дорошкевич, уроженец Гродненской губернии, показывал на допросе, что он приехал на Дальний Восток в 1913 г. по приглашению своего брата Казимира, который после участия в русско-японской войне остался во Владивостоке⁵⁵.

Одна из наших информаторов, старожилка Приморья Софья Михайловна Бржезинская, родилась в 1911 г. на Сахалине, куда был сослан ее дед. Отец рано умер. С приемными родителями она в 1918 г. приехала во Владивосток, где прожила всю жизнь. Муж Софьи Михайловны — Бржезинский Сигизмунд Владимирович (1892 г.р.) остался во Владивостоке после службы в армии (расстрелян в ходе сталинских репрессий в 1937 г.)⁵⁶.

По рассказам респондентки Ядвиги Францевны Зелинской (родилась во Владивостоке в 1917 г.), ей известно со слов родителей, что примерно в 1906 г. во Владивосток из Польши прибыл пароход с поляками. В их числе — большая семья (по социальной принадлежности — из крестьян или ремесленников) тетки Я.Ф. Зелинской по отцовской линии. Тетка пригласила из Польши своего брата, будущего отца Ядвиги Францевны. Он ехал по КВЖД через Китай. Устроился работать на железную дорогу, затем вызвал из Польши свою невесту Майхровскую Казимиру Владиславовну. В возрасте 20 лет она приехала во Владивосток, не зная русского языка. Здесь молодые люди поженились, жили на станциях железной дороги, недалеко от Владивостока, где работал глава семьи. Имели дом, хозяйство, огород. В семье родилось трое детей. Позже в Приморье приехала семья племянницы отца — Аевской Марии. Крестный отец Ядвиги — Бжозовский Станислав — работал горным техником на рудниках Скидельского (в районе Артема, на ст. Весенней)⁵⁷.

Таблица 2

Динамика численности католиков на юге Приморской области в 1897—1914 гг.
(в скобках — удельный вес числа католиков по отношению к числу лиц всех вероисповеданий на выделенной территории)

	Владивосток	Никольск-Уссурийский	Южно-Уссурийский округ / уезд			Всего
1897	925 (3,2 %)		1660 (1,7 %)			2585 (2,0 %)
1899	1300 (3,4 %)	250 (1,4 %)	940 (0,8 %)			2490 (1,5 %)
1900	1100 (2,9 %)	450 (2,0 %)	200 (0,2 %)			1750 (1,0 %)
1901	2500 (6,9 %)	1060 (4,8 %)	200 (0,2 %)			3760 (1,0 %)
1902	2500 (5,5 %)	1200 (5,0 %)	2000 (1,5 %)			5700 (2,8 %)
1905	759 (1,8 %)	106 (0,8 %)	887 (0,5 %)			1752 (0,8 %)
1906	1921 (3,1 %)	308 (1,5 %)	709 (0,4 %)			2938 (1,2 %)
1907	3100 (3,9 %)	4	2109 (0,9 %)			5213 (1,4 %)
1908	3393 (4,0 %)	2322 (4,4 %)	981 (0,4 %)			6696 (1,7 %)
			Никольск-Уссурийский уезд	Иманский уезд	Ольгинский уезд	
1909	3634 (4,0 %)	698 (2,4 %)	940 (0,6 %)	170 (0,2 %)	59 (0,4 %)	5501 (1,4 %)
1910	2741 (3,2 %)	358 (1,0 %)	233 (0,2 %)	1270 (1,4 %)	277 (0,6 %)	4879 (1,2 %)
1911	2359 (2,5 %)	356 (1,0 %)	346 (0,3 %)	879 (1,0 %)	387 (0,8 %)	4327 (1,1 %)
1912	2169 (2,3 %)	656 (1,8 %)	318 (0,2 %)	859 (0,9 %)	813 (1,6 %)	4815 (1,2 %)
1913	2346 (2,4 %)	917 (2,5 %)	196 (0,1 %)	451 (0,4 %)	437 (0,8 %)	4347 (1,0 %)
1914	1668 (2,5 %)	1271 (4,2 %)	360 (0,2 %)	481 (0,5 %)	541 (0,9 %)	4321 (1,1 %)

Таблица составлена на основе источников: Обзор Приморской области за 1897 год. Владивосток, 1899. С. 2; Обзор Приморской области за 1899 год. Владивосток, 1901. С. 5; Обзор Приморской области за 1900 год. Владивосток, 1902 (здесь и далее — Прил. 2 «Распределение населения по вероисповеданию»); Обзор Приморской области за 1901 год. Владивосток, 1904; Обзор Приморской области за 1902 год. Владивосток, 1905; Обзор Приморской области за 1905 год. Владивосток, 1906; Обзор Приморской области за 1906 год. Владивосток, 1907; Обзор Приморской области за 1907 год. Владивосток, 1908; Обзор Приморской области за 1908 год. Владивосток, 1910; Обзор Приморской области за 1909 год. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1910 год. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1911 год. Владивосток, 1912; Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915; Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1916.

Олимпиада Феликсовна Талько родилась во Владивостоке в 1914 г. Ее отец Феликс Павлович служил матросом на флоте, во Владивосток приехал из Люблина. Мать — Молгожата Яновна — попала сюда будучи прислугой инженера, прибывшего из Польши для строительства трамвайной линии. Примерно в 1903 г. Феликс Павлович и Молгожата Яновна венчались в старом костеле и создали многодетную семью⁵⁸.

За неимением точных сведений об общей численности поляков на юге Приморской области в рассматриваемый период основные тенденции ее динамики можно проследить, используя данные о католиках (см. табл. 2), учитывая при этом, что в число католиков входили представители и других этнических групп. Однако подавляющее число приверженцев этой конфессии составляли поляки.

Данные таблицы показывают, что численность поляков в крае в конце 1890-х — 1900-е годы колебалась в пределах 1,7—6,7 тыс. чел., в 1910—1914 гг. она стабилизировалась на уровне 4,8—4,3 тыс., составляя в среднем 1,5 % населения. Больше половины проживали в г. Владивостоке, где их удельный вес доходил до 2,5—4 %. Резкие перепады численности католиков по г. Никольску-Уссурийскому, а также в целом по краю в отдельные годы (например, накануне и после русско-японской войны), возможно, связаны с передислокацией воинских частей.

В годы первой мировой войны гражданское польское население Приморья стало пополняться за счет беженцев и лиц, высланных из западных губерний страны на основании военного положения⁵⁹.

НЕМЦЫ

В 1897 г. на юге Приморской области находилось 410 немцев — русских подданных (346 муж. и 64 жен.). Из них 177 чел. проживали во Владивостоке, 215 — в сельской местности Южно-Уссурийского округа и 18 — в Уссурийском округе.

Немецкая колония Приморья формировалась из двух категорий мигрантов: немцев — российских подданных, прибывших из западных губерний России, и иностранных предпринимателей с семьями, часть из которых перешла в российское подданство в период проживания на Дальнем Востоке. Немцы появились в Приморье с первых лет его освоения Россией. В большинстве это были иностранные торговцы и предприниматели, проживавшие во Владивостоке. К концу XIX в. даже иностранные корреспонденты обращали внимание на присутствие значительного немецкого элемента во Владивостоке. «Эти грубые тевтоны, — писал один из них, — совсем натурализовались с русскими»⁶⁰.

Со временем вместе с мигрантами-капиталистами из других стран немцы составили слой, который получил название инациональной буржуазии. Согласно исследованию Н.А. Троицкой, характерными чертами этой социальной категории (в отличие от иностранных капиталистов, вывозящих капиталы) являются: длительный срок проживания на новой территории, сосредоточение там основной предпринимательской деятельности, смена подданства. Русское подданство приняли известный в крае купец, один из руководителей торгового дома «Кунст и Альберс» А.В. Даттан⁶¹, семья основателя торгового дома «И. Лангелитъе и К» и владельца крупной недвижимости И.Г. Лангелитъе⁶² и др.

Другая часть этой этнической группы представляла собой российских подданных, прибывших из центральных губерний страны. Многие из них попали в край по долгу службы. В 1897 г. почти половина проживавших на юге Приморской области российских немцев (200 чел.) служила в вооруженных силах. Остальные занимались торговлей сельскохозяйственных продуктов (29 чел. + 7 членов семей), ремонтом и содержанием жилья (13 + 3), обработкой металла (10+3), врачебной деятельностью (8+5), 39 чел. (+9) находились на наемной работе⁶³.

Немцы составляли заметный слой местных военных и гражданских чиновников, в том числе высокого и среднего ранга, а также интеллигенции. Среди них были военные губернаторы генерал-лейтенант П.Ф. фон Унтербергер, контр-адмирал фон Эрдманн, санитарный врач Владивостока А.А. Волкенштейн, лейтенант российского китобойного флота граф Г.Х. Кейзерлинг, надворный советник фон Безе, полицмейстер Владивостока Г.И. Лединг, пристав и крестьянский начальник участков Южно-Уссурийского округа барон Б.А. Фитингоф и др.⁶⁴

Как отмечалось выше, пути чиновников и военных, приведшие их на Дальний Восток, зачастую были довольно извилистыми. Показательна в этом отношении судьба семьи Штолер. Карл Штолер родился в 1868 г. недалеко от Одессы в немецкой колонии в г. Гросслибентал. Был военным специалистом. В 1902 г. по собственному желанию переведен на службу в г. Порт-Артур. Хотя условия проживания на Дальнем Востоке были намного труднее, чем на западе России, но открывались более широкие возможности продвижения по службе. Это и послужило мотивом его переезда. В годы русско-японской войны семья вернулась в Россию. Сам К. Штолер сначала попал в плен в Порт-Артуре, затем вернулся к семье, и все вместе они переехали в Петербург. В 1906 г. К. Штолер снова переезжает в Приморье, приняв предложенную ему должность в Посъете. Затем три года семья живет в Имане, а в 1911—1912 гг. — в Уссурийске. Летом 1912 г. получил пост в военном ведомстве в г. Владивостоке, где и прожил до 1930-х годов, за исключением времени, проведенного в действующей русской армии на фронтах первой мировой войны⁶⁵.

В годы первой мировой войны многие немцы, проживавшие в России, особенно предприниматели, подверглись репрессиям. На все предприятия с участием немецкого капитала вне зависимости от подданства их владельцы были назначены правительственные инспекторы, некоторые компании были ликвидированы, в том числе торговый дом «И. Лангелитце и К». Торговый дом «Кунст и Альберс» действовал под особым правлением с участием российских чиновников. Наряду с высылкой из Приморья немецких подданных в 1914 г. подверглись репрессиям и немцы, принявшие российское подданство. Например, А.В. Даттан был обвинен в шпионской деятельности, осужден и сослан в Тамбовскую губернию. В 1919 г. ему было разрешено вернуться во Владивосток, а в 1920 г. он был вынужден эмигрировать⁶⁶.

Кроме вышеназванных этнических групп на юге Приморья продолжали селиться и представители других народов Российской империи. Однако после Первой всеобщей переписи населения 1897 г. официальная статистика никак не обозначала эти группы, а косвенные материалы слишком скупы и фрагментарны, чтобы делать какой-либо анализ. Можно лишь отметить, что во время первой мировой войны в Приморье кроме поляков стали поступать большие группы беженцев-латышей. В 1915 г. во Владивостоке было создано Латышское общественное собрание, занимавшееся благотворительной деятельностью в пользу соплеменников-беженцев и латышских стрелковых батальонов⁶⁷. Создание во Владивостоке и Никольске-Уссурийском после Февральской революции 1917 г. различных национальных обществ, в том числе грузинского, литовского, латышского и др., также свидетельствовало о том, что в крае к этому времени имелось определенное количество жителей, относящихся к этим этническим группам.

* * *

Таким образом, характерный для России многонациональный состав населения не мог не проявиться и в этнической характеристике потоков мигрантов, прибывавших в край. Большая часть миграций в 1897—1914 гг. носила добровольный характер. Структура формирующегося населения Приморья во многом зависела от переселенческой политики царских властей, которая стимулировала миграции на Дальний Восток из определенных районов страны. Особенно ярко это проявилось в заселении края украинскими крестьянами, русскими рабочими-отходниками, эстонскими поморами. В годы столыпинских реформ переселенческое движение затронуло большинство европейских и сибирских губерний России, в результате чего национальный состав мигрантов все более и более расширялся. По-прежнему основными причинами миграций были аграрное перенаселение западных районов империи и безработица.

Малоосвоенная территория Приморья привлекала также разнонациональное экономически активное население страны — купцов, промышленников и других предпринимателей. Хотя их численность была невелика, но роль в экономической и общественной сферах, в том числе в жизни местных этнических общин, достаточно существенна.

Миграция в Приморье осуществлялась и на недобровольных началах. Значительную роль здесь играли перемещения в составе вооруженных сил. Армия являлась постоянным каналом поступления в край представителей многочисленных этнических групп российского населения, влияя на этнодемографическую картину составом как действующих войск, так и оставшихся после службы демобилизованных чинов. Весьма заметным было значение этого фактора в динамике таких групп населения, как русские, поляки, татары, евреи, немцы. Однако действующая армия существенно отличалась от других миграционных каналов тем, что формировала временную часть населения Приморья с характерной для нее подвижностью (территориальная передислокация) и высокими миграционными оборотами (пополнение, демобилизация). Численность войск в отдельные годы могла резко меняться в зависимости от военной политики, а также подготовки или участия в военных операциях, что заметно отражалось на общей демографической динамике.

Другую форму принудительных миграций представляли ссылка и лишение свободы. Как показано выше, мигранты этой категории на юге Приморской области были очень немногочисленны, по этническому признаку среди них выявлены русские, поляки, татары.

Еще одна категория недобровольных мигрантов появилась в годы первой мировой войны — беженцы и лица, высланные из западных губерний страны на основании военного положения. За счет этого в крае увеличилось польское и латышское население. В то же время часть немцев подверглась принудительному выселению.

¹ Торопов А.А. Административно-территориальное деление Сибири и Дальнего Востока (к XVI в. — 1917 г.): историческая справка // Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы: К 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства. Владивосток, 1999. С. 18—19.

² Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М., 1998. С. 115, 116.

³ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 46—47.

⁴ Осипов Ю.Н. Крестьянство Дальнего Востока в период капитализма // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 3. Проблемы истории, социально-экономического и культурного развития. Благовещенск, 2000. С. 81.

⁵ Кабузан В.М. Дальневосточный край в XIX — начале XX вв. (1640—1917): Ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 97, 99, 100, 101, 135, 140, 204, 205; Он же. Эмиграция и реэмиграция... С. 168, 169, 170.

- ⁶ Иконникова Т.Я. Беженцы первой мировой войны на Дальнем Востоке России // Изв. РГИА ДВ. Т. 6. Владивосток, 2002. С. 108—109; Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке России (II половина XIX — I четверть XX вв.). Хабаровск, 2000. С. 97.
- ⁷ Посчитано по: Кабузан В.М. Дальневосточный край... Прил., табл. 10.
- ⁸ Подчитано по: Обзор Приморской области за 1897 г. Владивосток, 1899. С. 2; Обзор Приморской области за 1914 г. Владивосток, 1916. Прил. 1.
- ⁹ Аргудяева Ю.В. Проблемы этнической истории восточных славян Приморья и Приамурья // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994. С. 22.
- ¹⁰ Обзор Приморской области за 1910 г. Владивосток, 1911. С. 45.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906—1910 гг. СПб., 1912. С. 17.
- ¹³ Обзор Приморской области за 1910 г. ... С. 45.
- ¹⁴ Галлямова Л.И. Российское рабочее отходничество на Дальнем Востоке (1860—1917 гг.) // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 24, 25; Она же. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока... С. 210.
- ¹⁵ Аргудяева Ю.В. Конфессиональные группы русских в Приамурье, Приморье, на Сахалине: формирование, адаптация, развитие (к постановке проблемы) // Христианство на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. Ч. 1. С. 6,7.
- ¹⁶ Труды IV Хабаровского съезда, созванного Приамурским Генерал-губернатором Д.И. Суботичем. 1903 г. Хабаровск, 1903. Раздел «Протоколы I секции». С. 4.
- ¹⁷ Лобанов В.Ф. Старообрядчество на Дальнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX вв.): Проблемы и задачи исследования // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 247, 249.
- ¹⁸ Обзоры Приморской области (Приложения к Всеподданнейшим отчетам) за 1897, 1899, 1900, 1901, 1902, 1905, 1906, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 гг. Используются данные таблиц «Распределение населения по вероисповеданию».
- ¹⁹ Аргудяева Ю.В. Проблемы этнической истории... С. 19.
- ²⁰ Обзор Приморской области за 1912 г. Владивосток, 1914. С. 26.
- ²¹ Фетисова Л.Е. Белорусы в Приморье // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999. С. 34—36.
- ²² Аргудяева Ю.В. Проблемы этнической истории... С. 21—22.
- ²³ ГАПК. Ф. 189. Оп. 4. Д. 12. Л. 351.
- ²⁴ Унтербергер П.Ф. Приамурский край... С. 18.
- ²⁵ Посчитано по: Кабузан В.М. Дальневосточный край... Прил., табл. 10.
- ²⁶ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. LXXVI. Приморская область. Тетр. II. 1900. С. 61, 63, 71, 74—75.
- ²⁷ Рекк-Лебедев А. Дальневосточная Лифляндия. Таллинн, 1989. С. 13, 19.
- ²⁸ Обзор Приморской области за 1899 г. Владивосток, 1901. С. 59; Михайлов Г.П. Заселение рыбаками морского побережья Уссурийского края // Труды IV Хабаровского съезда...; Рекк-Лебедев А. Дальневосточная Лифляндия... С. 11, 21.
- ²⁹ Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 247.
- ³⁰ Брокмани М. Возникновение и становление лютеранских общин на Дальнем Востоке России // Первый Приморский форум «Межконфессиональное и межнациональное развитие: Опыт. Сотрудничество. Проблемы. Перспективы». Владивосток, 2000. С. 72.
- ³¹ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись... Тетр. II. С. 62, 81—83, 85.
- ³² Там же. Тетр. 3. СПб, 1905. С. 171, 175, 179, 183.
- ³³ Хайретидинов Д. Мусульманская община Москвы во второй половине XIX — начале XX века // Вестн. Евразии. М., 2001. № 1 (12). С. 48, 53, 54.
- ³⁴ Великая Маньчжурская империя: К 100-летию юбилею. Харбин, 1942. С. 316—318; Гильфанов Р. Татарская эмиграция // Татарстан. Казань, 1995. № 5—6. С. 83.
- ³⁵ Первая всеобщая перепись... Тетр. III. С. 171, 175, 179, 183.
- ³⁶ ГАПК. Ф. 183. Оп. 4. Д. 12. Л. 351.
- ³⁷ Первая всеобщая перепись... Тетр. II. С. 59.
- ³⁸ Новости жизни. Харбин, 1915. 30 марта. С. 3.
- ³⁹ Романова В.В. К истории еврейского населения российского Дальнего Востока в XIX в. (по материалам РГИА ДВ) // Архивы Дальнего Востока России на пути в новое тысячелетие. Владивосток, 1998. С. 111, 117; Она же. Евреи на Дальнем Востоке... С. 39, 41, 47, 53, 63, 67—69, 71, 115; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века — февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 1999.
- ⁴⁰ Труды IV Хабаровского съезда... Раздел «Протоколы I секции». С. 6.
- ⁴¹ Первая всеобщая перепись... Тетр. III. С. 171, 175, 179, 183.
- ⁴² Сагитова И. Еврейская диаспора Приморского края (вторая половина XIX — начало XX в.) // Прикоснувшись к истории. Еврейская диаспора Дальнего востока России. XIX — XXI век. Владивосток, 2000. С. 26—27.
- ⁴³ Там же. С. 27, 32—33; Янкевич В.Ю. Евреи во Владивостоке // Многонациональное Приморье... С. 68—69.
- ⁴⁴ Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке... С. 84—85.
- ⁴⁵ Там же. С. 95—97.
- ⁴⁶ Первая всеобщая перепись... Тетр. III. С. 170, 174, 178.
- ⁴⁷ Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция... С. 173.
- ⁴⁸ Кабузан В.М. Дальневосточный край... Прил., табл. 10.
- ⁴⁹ Подробнее о М.И. Янковском см.: Янковские чтения (Материалы конференций 1992, 1994, 1996 гг.). Владивосток, 1996.
- ⁵⁰ Троицкая Н.А. Филициан Людвигович Вильчинский: штрихи к биографии // Янковские чтения... С. 72—73; Мизь Н.Г. Общество изучения Амурского края и поляки // Там же. С. 71.
- ⁵¹ Мизь Н.Г. Ссылные поляки в Приморье // Там же. С. 78—80.
- ⁵² Ефимова М.И. К истории польской колонии во Владивостоке // Многонациональное Приморье... С. 66—68.
- ⁵³ Усталова О.В. Документы Российского государственного исторического архива об образовании общин и строительстве церквей неправославных христиан на Дальнем Востоке // Христианство на Дальнем Востоке... С. 86; Лынша В.А. Планировка и облик старого Уссурийска // Арсеневские чтения. Уссурийск, 1992. С. 23, 24.
- ⁵⁴ Ефимова М.И. К истории польской колонии... С. 66—68.
- ⁵⁵ ГАПК. Ф. 1588. Д. П-32514. Л. 5—7.
- ⁵⁶ Интервью с С.М. Бржезинской. Владивосток, февраль 1994 г. // Личный архив Е.Н. Чернолуцкой.
- ⁵⁷ Интервью с Я.Ф. Зелинской. Владивосток, февраль 1994 г. // Там же.

- ⁵⁸ Интервью с О.Ф. Талько. Владивосток, март 1994 г. // Там же.
- ⁵⁹ Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 363.
- ⁶⁰ Цит. по: Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990. С. 250.
- ⁶¹ Троицкая Н.А. Иностранцы как источник формирования буржуазии на русском Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в. // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII — XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Кн. 1. Владивосток, 1993. С. 82—83.
- ⁶² Позняк Т.З. Торговый дом «И. Лангелитье и Ко»: история основания и положение в годы первой мировой войны // Исторический опыт освоения Дальнего Востока... С. 497—498.
- ⁶³ Первая всеобщая перепись... Тетр. III. С. 171, 175, 179, 183.
- ⁶⁴ Брокманн М. Значение Евангелическо-лютеранской церкви в развитии и строительстве России и, в частности, на Дальнем Востоке // Христианство на Дальнем Востоке... С. 11; Дальний Восток России: из истории системы управления... С. 110, 135—136, 152, 196.
- ⁶⁵ Шварц П. Из жизни русско-немецкой семьи: записки внука // Многонациональное Приморье... С. 49—52.
- ⁶⁶ Сагитова И.О. История и современность немецкой диаспоры Приморского края // Многонациональное Приморье... С. 45—46; Молчанова Е.Г. О борьбе с «немецким засильем» на российском Дальнем Востоке в годы первой мировой войны // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1995. С. 93—94; Марьясова Н.В. История концессионного предприятия «Тетюхе» // Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1992. С. 106; Позняк Т.З. Торговый дом «И. Лангелитье и Ко»... С. 498—499.
- ⁶⁷ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 750. Л. 7—7об.

1.2.2. Мигранты иностранного происхождения

В конце XIX — начале XX в. иностранная иммиграция на российский Дальний Восток резко возросла, что было вызвано, с одной стороны, активизацией экономической жизни, потребовавшей притока капиталов и рабочей силы, с другой — внутренней политикой соседних азиатских государств и международной обстановкой.

ИНОСТРАНЦЫ-ЕВРОПЕЙЦЫ

Самой немногочисленной группой иностранных мигрантов оставались европейцы и американцы. Однако по сравнению со второй половиной XIX в. их количество существенно возросло. На юге Приморской области в разные годы оно колебалось от 487 (1897) до 1700 чел. (1912). Удельный вес этой категории населения составлял 0,4 %—0,1 % (табл. 3), причем он уменьшается в 1910-х годах, поскольку в этот период в край прибыло много российских переселенцев.

Расширился и состав мигрантов по происхождению. По данным Т.З. Позняк, по численности преобладали подданные Германии, но росло также и количество подданных Австро-Венгрии, Турции, Персии, приезжавших в Приморье через Сибирь. Другие иностранцы были из США, Великобритании, Франции и стран северной Европы — Дании, Швеции, Норвегии, которые прибывали морем. Этнический состав европейцев-иностранцев был разнообразен. Так, среди подданных Германии небольшую группу составляли русские женщины — жены немцев. Среди подданных Австро-Венгрии были чехи, поляки, немцы, сербы, хорваты; среди подданных Турции — греки (большинство), армяне и др.¹

В период русско-японской войны 1904—1905 гг. произошел отток иностранного населения из края, но после заключения мира их число не только восстанавливается, но и начинает превосходить довоенный уровень. Основным мотивом прибытия европейцев-иностранцев на Дальний Восток оставался коммерческий интерес, поскольку в подавляющем большинстве это были торговцы, предприниматели, а также их служащие и члены семей. Не случайно европейцы концентрировались во Владивостоке, привлеченные условиями порто-франко, которые делали ввоз товаров морским путем более выгодным, чем по суше².

Так, из 20 американцев, проживавших в Приморской области в 1897 г., 16 чел. (10 муж., 6 жен.) находились во Владивостоке. Половину мужчин составляли коммерсанты. В 1907 г. американская община увеличилась до 40 чел., большинство из них занимались импортом товаров. С 1898 г. не прекращалась работа коммерческого агентства США во Владивостоке. В 1906 г. агентство было преобразовано в консульство (первый консул — Р. Грин)³.

Лишь со второй половины 1900-х годов численность иностранцев белой расы несколько увеличилась (до 200—300 чел.) в Никольске-Уссурийском. В уездах края европейцев или не было совсем, или в отдельные годы — единицы. Часть иммигрантов приняла русское подданство. Как правило, это были представители инонациональной буржуазии, т. е. предприниматели, имевшие успешный бизнес и проживавшие в Приморье длительное время. Многие из них женились на русских женщинах.

Характерным является пример швейцарца Рудольфа Бюргина. Он безвыездно проживал во Владивостоке с 1888 по 1917 г. (далее о нем ничего не известно). Имел машиностроительный завод. Был женат на дочери известного владивостокского купца К.А. Школьникова. С 1890 по 1902 г. в семье родилось 10 детей. В 1903 г. Р. Бюргин со всеми детьми получил российское подданство. Был активен в общественной жизни города, неоднократно избирался в городскую думу⁴.

В 1915 г. во Владивостоке были составлены списки тех иностранцев, которые приняли русское подданство и подлежали отбыванию воинской повинности, всего их насчитывалось 40 чел.⁵

Таблица 3

Иностранцы белой расы на юге Приморской области в 1897—1914 гг.

	Муж.	Жен.	Всего	Удельный вес
1897				
Владивосток	394	70	464	1,6 %
Южно-Уссурийский округ	13	10	23	0,02 %
Всего	407	80	487	0,4 %
1899				
Владивосток	440	70	510	1,3 %
Никольск-Уссурийский (совр. г. Уссурийск)	5	5	20	0,1 %
Южно-Уссурийский округ	—	—	—	—
Всего	455	75	530	0,3 %
1900				
Владивосток	500	100	600	1,6 %
Никольск-Уссурийский	20	15	35	0,2 %
Южно-Уссурийский округ	—	—	—	—
Всего	520	115	635	0,4 %
1901				
Владивосток	500	100	600	1,7 %
Никольск-Уссурийский	20	10	30	0,1 %
Южно-Уссурийский округ	3	5	8	0,006 %
Всего	523	115	638	0,3 %
1902				
Владивосток	400	120	520	1,1 %
Никольск-Уссурийский	87	41	128	0,5 %
Южно-Уссурийский уезд	1	—	1	—
Всего	488	161	649	0,3 %
1905				
Владивосток	519	158	677	1,6 %
Никольск-Уссурийский	105	95	200	1,5 %
Южно-Уссурийский уезд	1	—	1	—
Всего	625	253	878	0,4 %
1906				
Владивосток	680	337	1017	1,7 %
Никольск-Уссурийский	нет св.	нет св.	4023	19,9 %
Южно-Уссурийский уезд	—	—	—	—
Всего			5050	2,0 %
1907				
Владивосток	1132	326	1458	1,8 %
Никольск-Уссурийский	—	—	—	—
Южно-Уссурийский уезд	—	—	—	—
Всего	1132	326	1458	0,4 %
1908				
Владивосток	838	136	974	1,1 %
Никольск-Уссурийский	112	40	152	0,3 %
Южно-Уссурийский уезд	10	5	15	—
Всего	960	181	1141	0,3 %
1909				
Владивосток	782	454	1236	1,4 %
Никольск-Уссурийский	86	62	148	0,5 %
Уезды:				
Никольск-Уссурийский	—	—	—	—
Иманский	—	—	—	—
Ольгинский	—	—	—	—
Всего	868	516	1384	0,4 %

Продолжение табл. 3

1910				
Владивосток	907	481	1388	1,6 %
Никольск-Уссурийский	150	52	202	0,6 %
Уезды:				
Никольск-Уссурийский	—	—	—	—
Иманский	6	5	11	0,01 %
Ольгинский	11	2	13	0,03 %
Всего	1074	540	1614	0,4 %
1911				
Владивосток	865	474	1339	1,5 %
Никольск-Уссурийский	248	36	284	0,8 %
Уезды:				
Никольск-Уссурийский	6	2	8	0,006 %
Иманский	11	6	17	0,02 %
Ольгинский	—	—	—	—
Всего	ИЗО	518	1648	0,4 %
1912				
Владивосток	890	590	1480	1,6 %
Никольск-Уссурийский	163	39	202	0,6 %
Уезды:				
Никольск-Уссурийский	9	13	22	0,02 %
Иманский	15	9	24	0,02 %
Ольгинский	15	—	15	0,03 %
Всего	1092	651	1743	0,4 %
1913				
Владивосток	627	285	912	0,9 %
Никольск-Уссурийский	63	23	86	0,2 %
Уезды:				
Никольск-Уссурийский	3	1	4	0,002 %
Иманский	3	4	7	0,007 %
Ольгинский	8	3	11	0,02 %
Всего	704	316	1020	0,2 %
1914				
Владивосток	196	91	287	0,4 %
Никольск-Уссурийский	88	50	138	0,5 %
Уезды:				
Никольск-Уссурийский	5	—	5	0,003 %
Иманский	4	2	6	0,01 %
Ольгинский	—	—	—	—
Всего	293	143	436	

Таблица составлена на основе источников: Обзор Приморской области за 1897 год. Владивосток, 1899. С. 2; Обзор Приморской области за 1899 год. Владивосток, 1901. С. 4; Обзор Приморской области за 1900 год. Владивосток, 1902. Табл. «Население Приморской области в 1900 г.»; Обзор Приморской области за 1901 год. Владивосток, 1904. С. 6—7; Обзор Приморской области за 1902 год. Владивосток, 1905. Табл. «Население Приморской области в 1902 г. по происхождению»; Обзор Приморской области за 1905 год. Владивосток, 1906 (здесь и далее — Прил. 1); Обзор Приморской области за 1906 год. Владивосток, 1907; Обзор Приморской области за 1907 год. Владивосток, 1908; Обзор Приморской области за 1908 год. Владивосток, 1910; Обзор Приморской области за 1909 год. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1910 год. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1911 год. Владивосток, 1912; Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915; Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1916.

Первая мировая война привела к изменению направлений миграций и состава мигрантов-европейцев. Нестабильность ситуации заставила многих вернуться на родину. Германские фирмы в большинстве были закрыты, в 1916—1917 гг. ликвидировано Акционерное горнопромышленное товарищество «Тетьохе», в котором 40 % акций принадлежала немецкой фирме «А. Гирш и сын»⁶. В особое положение попали оставшиеся на жительство в Приморье подданные держав, воевавших против России. С началом войны из Министерства внутренних дел было получено распоряжение о взятии их на учет и составлении списков по категориям в зависимости от отношения к военной службе, возраста и национальности. Все мужчины германского и австрийского подданства, военнообязанные или состоявшие в запасе, в возрасте от 18 до 45 лет подлежали аресту в качестве военноплен-

ных и высылке в Якутскую область. Исключение делалось только лицам славянских национальностей при условии возбуждения ими ходатайства о принятии в российское подданство. Они, а также женщины, дети и лица старше 45 лет могли остаться на месте под надзором полиции. Во Владивостоке и по краю сразу же начались аресты. Арестованные размещались во Владивостокской гражданской тюрьме и в распоряжении военного коменданта на о-ве Русском⁷. Большинство из них, а также родственники стали писать прошения об освобождении из-под ареста и разрешении остаться в крае. Однако военный губернатор области в рапорте на имя Приамурского генерал-губернатора от 1 августа 1914 г. подчеркнул: «...В искренность и лояльность кого-либо из лиц, указанных во всех списках, не верю и оставляю на свою ответственность кого-либо из перечисленных германских подданных не признаю возможным»⁸.

К 19 августа 1914 г. на положении военнопленных в ведении военного начальства Владивостока находились 40 германских и 12 австрийских подданных, среди них — большая группа работников торгового дома «И. Лангелитъе и Ко». К 9 сентября 39 германцев и 2 австрийца были высланы в Иркутскую губернию, где они по р. Лене отправлялись в Якутию. На жительство в Приморье с подпиской о невыезде под надзором полиции оставлено 81 чел., из них 15 немцев (старше 45 лет), остальные славяне (чехи, поляки, словаки и др.). Из уездов Приморской области во Владивостокскую тюрьму поступило 55 военнопленных, 16 октября они (за исключением двух больных) также были отправлены этапом в Иркутскую губернию⁹. Согласно распоряжению военного губернатора Приморской области Сташевского от 21 августа 1914 г. все германские подданные, находившиеся во Владивостокской гражданской тюрьме, по желанию могли следовать в ссылку за свой счет в специально отведенном вагоне 3-го класса под охраной стражи. Им разрешалось взять с собой необходимые вещи общим весом до 5 пудов. Семьи могли выехать следом за свой счет в обыкновенных пассажирских вагонах (под негласным надзором полиции). Для этого женам необходимо было получить у военного губернатора специальные удостоверения¹⁰. В начале 1915 г., по официальным данным, во Владивостоке находились оставленные здесь на жительство подданные Германии и Австрии — 10 мужчин и 16 женщин, в Никольске-Уссурийском соответственно — 7 и 12, в Никольск-Уссурийском, Ольгинском и Иманском уездах — 10 и 2, всего — 57 чел.¹¹

Одновременно на Дальнем Востоке появилась и другая категория принудительных мигрантов — военнопленные, привезенные с фронтов войны, точную численность которых в Приморье определить затруднительно, так как процесс прибытия шел параллельно с обратным перемещением военнопленных в центр страны. По данным Т.Я. Иконниковой, их общее число в регионе в годы первой мировой войны измерялось тысячами. Они размещались в Хабаровске и ряде населенных пунктов Приморья — Спасске, Никольске-Уссурийском (совр. г. Уссурийск), Раздольном, Шкотово. Так, в 1915 г. в г. Никольске-Уссурийском находилось 7 тыс. военнопленных, в с. Шкотово — 3,6 тыс., в с. Раздольном — около 7 тыс. В некоторых пунктах число военнопленных превышало численность местных жителей, как, например, в Шкотово, где проживало около 1 тыс. чел.

По этнической принадлежности подавляющее большинство военнопленных (70—90 % и более) были немцами как германской, так и австро-венгерской армий. Лишь в Никольске-Уссурийском преобладание немцев среди военнопленных было незначительным — 53,8 % (3,8 тыс. из 7 тыс., данные на начало 1915 г.). Остальные относились к славянам и другим этническим группам. Турки составляли небольшую часть. Например, в Шкотово в феврале 1915 г. прибыли два эшелона турецких военнопленных. Летом этого года при 275-й Казанской дружине их насчитывалось 736 чел., или 10,2 % от общего числа (7230 чел.). В 1916 г. до половины наличного состава пленных отправлялось в обратном направлении — из дальневосточного края на запад, причем при формировании таких эшелонов предпочтение отдавалось славянам и румынам¹².

В 1917 г. согласно городской переписи на территории Приморья военнопленные находились в Никольске-Уссурийском (4759 чел.), в посту Св. Ольги (совр. б. Ольга) (230 чел.), в пос. Спасском (совр. г. Спасск-Дальний) (571 чел.), в Шкотово (573 чел.), в уезде Уссурийского казачьего войска (23 чел.), всего — 6156 чел.¹³

КОРЕЙСКАЯ ИММИГРАЦИЯ

С конца XIX в. на российском Дальнем Востоке наблюдалось мощное развитие корейской иммиграции. Оно было тесно связано с агрессивной политикой Японии в регионе, результатом которой стали сначала непризнание Японией независимости Корейского государства по Симоносекскому договору (1895), затем установление протектората над Кореей (1905) и ее аннексия Японией (1910). В связи с этим корейская иммиграция приобрела антиколониальный характер, и в 1910-е годы политические мотивы эмиграции корейцев стали преобладающими, хотя экономические (усиление налогового бремени, голод, неурожаи, разорение) продолжали действовать. И если во второй половине XIX в. уход населения в Россию запрещался и сдерживался корейскими властями, то Япония, захватив Корею, наоборот, всячески поощряла корейскую эмиграцию, вытесняя крестьян с их земель, чтобы освободить их для японских колонистов. Колониальный гнет, экономические притеснения и политические репрессии усиливали бегство корейцев за границу.

С другой стороны, как отмечает А.И. Петров, начавшийся массовый прием корейцев в русское подданство и наделение их участками земли стали факторами, психологически стимулировавшими стремление корейцев устроиться в России¹⁴.

Таблица 4

Корейцы на юге Приморской области в 1897—1914 гг.

	Русские подданные (1)	Иностранцы (2)	Соотношение (1) : (2)	Всего	Удельный вес
1897	Нет св.	Нет св.		21.448	16,8 %
1899	Нет св.	Нет св.		24.880	14,9 %
1900	15.620	11.156	58 : 42	26.776	15,5 %
1901	16.000	9.415	63 : 37	25.415	13,9 %
1902	16.016	11.820	58 : 42	27.836	13,4 %
1905	13.914	11.419	55 : 45	25.333	11,4 %
1906	14.751	16.471	47 : 53	31.222	12,3 %
1907	13.733	27.309	33 : 67	41.042	11,0 %
1908	14.646	26.931	35 : 65	41.577	10,3 %
1909	14.046	33.818	29 : 71	47.864	12,4 %
1910	16.262	31.116	34 : 66	47.378	12,7 %
1911	15.221	37.705	29 : 71	52.925	13,6 %
1912	15.378	39.893	28 : 72	55.271	13,2 %
1913	17.533	33.753	34 : 66	51.304	11,7 %
1914	18.909	42.785	31 : 69	61.694	15,1 %

Таблица составлена на основе источников: Обзор Приморской области за 1897 год. Владивосток, 1899. С. 2; Обзор Приморской области за 1899 год. Владивосток, 1901. С. 4; Обзор Приморской области за 1900 год. Владивосток, 1902. Табл. «Население Приморской области в 1900 г.»; Обзор Приморской области за 1901 год. Владивосток, 1904. С. 6—7; Обзор Приморской области за 1902 год. Владивосток, 1905. Табл. «Население Приморской области в 1902 г. по происхождению»; Обзор Приморской области за 1905 год. Владивосток, 1906 (здесь и далее — Прил. 1); Обзор Приморской области за 1906 год. Владивосток, 1907; Обзор Приморской области за 1907 год. Владивосток, 1908; Обзор Приморской области за 1908 год. Владивосток, 1910; Обзор Приморской области за 1909 год. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1910 год. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1911 год. Владивосток, 1912; Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915; Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1916.

Значительная часть корейцев стала приезжать в Приморье морем. Наивысший показатель прибытия корейцев через порт Владивосток за период 1905—1917 гг. относится к 1907 г., когда из Кореи прибыло 16858 чел., обратно выбыло 5125 чел.¹⁵

К сожалению, мы не располагаем общими данными о числе прибывших и выбывших корейцев. Поэтому для анализа масштабов иммиграции воспользуемся сведениями, характеризующими динамику численности находившихся здесь корейцев (табл. 4).

Как видно из табл. 4, с 1897 по 1914 г. численность корейцев на юге Приморской области увеличилась с 21,4 тыс. до 61,7 тыс. чел., т. е. в 2,9 раза. Поток иммигрантов особенно увеличился после аннексии Кореи Японией в 1910 г. При этом соотношение между корейцами, принятыми в русское подданство, и корейцами-иностранцами неуклонно изменялось в пользу последних: с 1907 г. по 1914 г. иностранные подданные составляли 2/3 (и более) корейской диаспоры на юге Приморской области. По некоторым уездам их доля была значительно выше. Так, в 1915 г. в Ольгинском уезде из 12,7 тыс. корейцев 94 % имели иностранное подданство (табл. 5). Таким образом, рост числа ненатурализованных корейцев и их удельного веса в корейском населении края шел гораздо быстрее, чем корейцев — русских подданных.

В общей численности населения рассматриваемой территории корейцы занимали 11—17 %, подавляющая их часть (от 20,7 тыс. в 1905 г. до 53,6 тыс. чел. в 1914 г.) оседала в сельской местности. От 39,2 тыс. до 53,6 тыс. корейцев в 1910—1914 гг. находились в Никольск-Уссурийском уезде, где они составляли почти четверть всего населения. Особенно высокой их концентрация была в Посьетском районе, непосредственно граничащем с Кореей и являвшемся основным районом приема корейских переселенцев. Здесь корейцы составляли до 80—90 % местных жителей. Большая группа иммигрантов (10,3—14,1 тыс.) размещалась в Ольгинском уезде, где их удельный вес достигал 22—27 %, третья (4,3—9,0 тыс.) — во Владивостоке, остальные находились в Иманском уезде и г. Никольске-Уссурийском. В городах края доля корейцев была небольшой — 5—10 %.

Точную численность корейцев в Приморье в годы первой мировой войны установить трудно, так как в тот период статистические обследования проводились нерегулярно и не охватывали всю территорию области (см. табл. 5—6).

Только по официальным данным численность корейцев в сельской местности юга Приморья в 1915—1917 гг. увеличилась с 39,8 тыс. до 52,3 тыс. чел., а их удельный вес в общем составе сельского населения — с 14,6 до 17,7 %. Реальное их число было, безусловно, выше.

Однако, если мы прибавим к этим данным число корейцев, проживавших во Владивостоке в 1916 г. (а их было выявлено 4180 чел., в том числе 688 русских подданных и 3492 иностранных)¹⁶, то получим приблизительно-

Таблица 5

Корейское население в сельской местности юга Приморской области в июне 1915 г.

Уезды	Русские подданные (1)	Иностранцы (2)	(1): (2)	Всего	Удельный вес
Ник.-Уссурийский	13.810	10.067	58: 42	23.877	18,5 %
Иманский	1.205	2.021	37: 63	3.226	3,5 %
Ольгинский	732	11.972	6: 94	12.704	24,0 %
Итого	15.747	24.060	39: 61	39.804	14,6 %

Таблица составлена на основе источника: Населенные и жилые места Приморского района. Крестьяне. Иностранцы. Желтые. Перепись населения 1—20 июня 1915 г. Владивосток, 1915. С. 32—33, 46—47, 66—67.

Таблица 6

Корейское население на юге Приморья по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.

	Чел.	Удельный вес
Владивостокский уезд,	30056	40,8 %
в т. ч. Посьетский район	13756	92,6 %
Сучанский район	14685	33,1 %
Ольгинский район	1615	11,3 %
Никольск-Уссурийский уезд	19466	15,9 %
Спасский уезд	2749	2,6 %
Итого	52271	17,7 %

Таблица составлена на основании: Петров А.И. Адаптационные проблемы корейской диаспоры // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 47.

ную численность корейской диаспоры в городской и сельской местности Приморья (без Никольска-Уссурийского) в 1915—1917 гг. около 45—60 тыс. чел., что несколько меньше, чем в 1914 г. По единодушному мнению исследователей (А.М. Ярмош, А.И. Петров, А.А. Торопов и др.), уменьшение данного показателя было следствием недоучета корейцев из-за их уклонения от регистрации и труднодоступности многих населенных пунктов. Такого же мнения придерживались и официальные лица. Например, в начале 1920-х годов уполномоченный по корейским делам отдела управления Приморского губисполкома Ким Ман Гем в своем докладе отмечал, что при проведении Земской переписи 1917 г. корейские хозяйства трудно поддавались учету в связи с их разбросанностью по округам, не имевшим удобных путей сообщения. В то время 73,8 % от общего числа корейцев Приморской губернии проживали на крестьянских землях почти каждого русского селения (по 10—20 дворов)¹⁷.

Следует отметить, что в отличие от первого этапа иммиграции в начале XX в. все большее число корейских иммигрантов уходило за пределы Уссурийского края, расселяясь в Приамурье, на Сахалине, в Забайкалье. Это можно объяснить довольно высокой скученностью корейцев в Южном Приморье, которая привела к нехватке пахотных земель и конкуренции на рынке труда.

Для рассматриваемого периода было характерно дальнейшее расширение социального состава корейских иммигрантов. По-прежнему основную массу представляли семейные крестьяне. Они не создавали новых деревень, а оседали в уже существовавших корейских и русских селах. Основным занятием корейцев на русской территории оставалось земледелие и огородничество. По данным А.И. Петрова, в 1911 г. в пяти южных волостях Приморья на долю корейцев приходилось 46,2 % посевных площадей, на севере же этот показатель был значительно ниже.

Все более многочисленными становились группы иммигрантов-рабочих, находившихся на сезонных заработках и, как правило, без семей. Они работали на предприятиях горной и рыбной промышленности, строительстве железных дорог и домостроительстве, в извозном промысле.

Дальнейшая социальная дифференциация в корейской среде происходила уже в эмиграции, чему способствовали, с одной стороны, развитие товарно-денежных отношений в крае, а с другой — наделение русско-подданных корейцев 15 дес. земли, что ставило их в более благоприятные условия по сравнению с корейцами-иностранцами.

С начала XX в. в среде иммигрантов расширяется слой торговцев и предпринимателей. Они занимались торговлей мелочным товаром, продовольствием и сельскохозяйственной продукцией, а также крупным рогатым скотом¹⁸. Среди них выделилась и буржуазная верхушка, которая нажила значительные капиталы на пушной торговле и казенных заказах на поставку продовольствия и фуража войскам. Приняв русское подданство, в состав крупной российской буржуазии Дальнего Востока вошли торговцы-корейцы Е.Л. Хан, К.Н. Хван, Н.Л. Цой и др. Оборот их фирм составлял до 250 тыс. руб.¹⁹

Характеризуя социальный состав корейских иммигрантов на данном этапе, нельзя не отметить появление в их среде нового слоя — политических эмигрантов, — который составляли чиновники, деятели культуры, военные и т. д., что было следствием колониальной политики Японии²⁰.

Наряду с Китаем и США Россия стала одной из стран, где развернулась работа организаций корейских политэмигрантов, занимавших активные позиции в антияпонской борьбе. В России они разместились главным образом в Приморской (с центром во Владивостоке) и Амурской областях. В Приморье находились не только политические, но и военные формирования корейцев, в частности партизанские отряды Ыйбён (Армии справедливости), перешедшие после аннексии Кореи Японией в район Посъета. Они собирали средства для приобретения оружия и продовольствия, пополнялись новыми бойцами. В районе русско-корейской границы образовалась одна из баз северной группы Ыйбён, которая поддерживала связь с патриотическими организациями корейцев на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии²¹.

С целью объединения и координации действий подобных формирований в 1909—1911 гг. во Владивостоке и других населенных пунктах Приморья был создан ряд организаций. В 1910 г. образовано корейское национальное (военное) общество «Чаныххе» во главе с Ли Бом Юном, ставившее главной задачей развитие широкого партизанского движения для свержения колониального режима в Корее. В 1909—1911 гг. отделение общества «Кукминхве» (Корейское национальное общество) и в 1911—1914 гг. — «Квонопхве» (Общество развития труда) развернули деятельность по объединению патриотически настроенных корейцев²².

Присутствие этих организаций на российской территории не было абсолютно безобидным, поскольку вызвало определенные русско-японские дипломатические проблемы. Кроме того, общество «Кукминхве», руководство которого находилось в США, проводило тайную агитацию против России. С 1911 г. в связи со смягчением политики администрации края по отношению к корейцам оно стало терять свое влияние, а его деятельность ослабевать²³.

Упорядочение общественной жизни корейского населения в крае и их взаимоотношения с российской администрацией осуществлялись с помощью ряда институтов, одним из которых было самоуправление в виде корейских обществ. Как показала в своем исследовании И.В. Нам, официально они были созданы в 1891 г. на основании временных «Правил для образования китайско-корейских обществ в Приморской области», принятых, чтобы улучшить надзор за переселенцами, их регистрацию, изыскивать средства на общественные нужды и т. д. На корейские общества распространялось деление на волости и вводилось волостное самоуправление. Их жизнь регулировалась сходами всего взрослого населения и выборными старостами. Корейское самоуправление в значительной степени копировало общинную организацию в Корее и было эффективным способом выживания в чужеродной этнокультурной среде. Хотя оно находилось в ведении российских полицейских управлений, но из-за слабости полицейского аппарата и языкового барьера фактически выполняло функции исполнительной власти. Общества располагали значительными средствами, содержали школы и храмы (в основном православные), поддерживали антияпонское движение. Исследователи считают, что общественное самоуправление корейцев на российском Дальнем Востоке представляло собой «государство в государстве», чьи законы и нормы соблюдались строже, чем законы Российской империи²⁴.

Во Владивостоке в 1893 г. корейское общество насчитывало 2816 чел. Общественный старшина и другие должностные лица состояли на жалованье. Общество собирало в год налогов до 9 тыс. руб. По сведениям Н.П. Матвеева, у корейцев существовал даже свой суд. За мелкие преступления провинившихся, как правило, секли, за повторение проступков до 5 раз — высылали в Корею²⁵.

Другими институтами взаимодействия корейского населения и российской администрации были полуофициальные выборные должности «переводчика-посредника» и уполномоченного. Они занимались представлением разных ходатайств, получали справки в русских учреждениях, что делало их весьма влиятельными, а нередко и бесконтрольными старшинами корейского населения.

Во Владивостоке функции уполномоченного корейской общины выполнял русский подданный Л.П. Цой. Администрация считалась с ним во всех важных случаях, хотя эта должность официально не была утверждена²⁶.

КИТАЙСКАЯ ИММИГРАЦИЯ

В конце XIX — начале XX в. на российском Дальнем Востоке резко возросла китайская иммиграция (табл. 7). Она была вызвана экономическими мотивами и носила характер сезонной трудовой миграции — отходничества.

Как видно из табл. 7, на исследуемой нами территории численность китайцев составляла в конце XIX — первые годы XX в. 20—30 тыс. чел., во второй половине 1900-х — начале 1910-х годов — 39—45 тыс., но к началу первой мировой войны постепенно снизилась до 32,5 тыс. Удельный вес китайцев в общей массе населения колебался от 15 до 8 %, уменьшаясь к концу рассматриваемого периода. Следует учитывать, что из-за высокой подвижности иммигрантов и отсутствия хорошо организованного учета реальное число китайцев в России превышало официальные показатели. Кроме того, их численность резко возрастала в летнее время. Особенно это было характерно для Владивостока. По образному выражению В.В. Граве, «движение китайцев в наши пределы имело сходство с весенним и осенним перелетами птиц»²⁷.

Таблица 7

Китайцы на юге Приморской области в 1897—1917 гг.

	Муж.	Жен.	Всего	Удельный вес
1897				
Владивосток	10121	60	10181	34,9 %
Южно-Уссурийский округ	9651	298	9949	10,1 %
Всего	19772	358	20130	15,7 %
1899				
Владивосток	13580	160	13740	36,2 %
Никольск-Уссурийский	3560	50	3610	19,7 %
Южно-Уссурийский округ	13000	200	13200	11,9 %
Всего	30140	410	30550	18,3 %
1900				
Владивосток	11000	150	11150	29,3 %
Никольск-Уссурийский	3218	52	3270	14,4 %
Южно-Уссурийский округ	12000	140	12140	10,8 %
Всего	26218	342	26560	15,4 %
1901				
Владивосток	6000	200	6200	17,2 %
Никольск-Уссурийский	3650	100	3750	17,0 %
Южно-Уссурийский округ	9920	640	10560	8,5 %
Всего	19570	940	20510	11,2 %
1902				
Владивосток	13800	150	13950	30,8 %
Никольск-Уссурийский	3937	34	3971	16,4 %
Южно-Уссурийский уезд	8910	198	9108	6,6 %
Всего	26647	382	27029	13,0 %
1905				
Владивосток	15209	507	15716	36 %
Никольск-Уссурийский	3930	69	3999	30, %
Южно-Уссурийский уезд	12347	1112	13459	8,1 %
Всего	31486	1688	33174	14,9 %
1906				
Владивосток	23630	357	23987	39,1 %
Никольск-Уссурийский	3050	950	4000	19,9 %
Южно-Уссурийский уезд	10560	739	11299	6,5 %
Всего	37240	2046	39286	15,4 %
1907				
Владивосток	30162	682	30844	38,7 %
Никольск-Уссурийский	6600	52	6652	13,5 %
Никольск-Уссурийский уезд	13640	294	13934	5,7 %
Всего	50402	1028	51430	13,8 %
1908				
Владивосток	29823	1148	30971	0,4 %
Никольск-Уссурийский	10230	70	10300	19,7 %
Никольск-Уссурийский уезд	12459	210	12669	4,7 %
Всего	52512	1428	53940	13,3 %
1909				
Владивосток	28591	1209	29800	33,1 %
Никольск-Уссурийский	5580	2247	7827	26,9 %
<i>Уезды</i>				
Никольск-Уссурийский	7751	224	7975	5,4 %
Иманский	1576	31	1607	1,9 %
Ольгинский	4384	78	4462	11,6 %
Всего	47882	3789	51671	13,3 %

Продолжение табл. 7

1910				
Владивосток	25744	1031	26775	31,7 %
Никольск-Уссурийский	7211	145	7356	21,3 %
Уезды				
Никольск-Уссурийский	4245	55	4300	3,6 %
Иманский	2323	7	2330	2,5 %
Ольгинский	4033	141	4174	9,5 %
Всего	43556	1379	44935	12,1 %
1911				
Владивосток	25257	1071	26328	28,8 %
Никольск-Уссурийский	5320	207	5527	15,9 %
Уезды				
Никольск-Уссурийский	4200	50	4250	3,4 %
Иманский	2817	23	2840	3,1 %
Ольгинский	4116	517	4633	9,6 %
Всего	41710	1868	43578	11,3 %
1912				
Владивосток	25707	1080	26787	28,2 %
Никольск-Уссурийский	3761	217	3978	11,1 %
Уезды				
Никольск-Уссурийский	3528	44	3572	2,6 %
Иманский	2417	46	2463	2,5 %
Ольгинский	5276	99	5375	10,5 %
Всего	40689	1486	42175	10,1 %
1913				
Владивосток	24042	728	24770	25,0 %
Никольск-Уссурийский	4952	192	5144	13,9 %
Уезды				
Никольск-Уссурийский	3804	43	3847	2,7 %
Иманский	2113	29	2142	2,0 %
Ольгинский	3537	91	3628	6,6 %
Всего	38448	1083	39532	9,0 %
1914				
Владивосток	17735	1266	19001	18,9 %
Никольск-Уссурийский	3556	213	3769	12,6 %
Уезды				
Никольск-Уссурийский	5695	70	5765	3,9 %
Иманский	1925	22	1947	1,8 %
Ольгинский	2017	81	2098	3,7 %
Всего	30928	1652	32580	8,0 %
1915				
Владивосток			Нет св.	
Никольск-Уссурийский			Нет св.	
Уезды				
Никольск-Уссурийский	3399	36	3435	2,7 %
Иманский	1494	64	1558	1,7 %
Ольгинский	1665	49	1714	3,2 %
Всего (без городов)	6558	149	6707	2,5 %
1916*				
Владивосток	21080	237	21317	
Никольск-Уссурийский	3379	35	3414	
Уезды				
Никольск-Уссурийский	5047	50	5097	
Иманский	3334	19	3353	
Ольгинский	3958	41	3999	
Всего	36798	382	37180	

* Сведения за 1916 г. приводятся по данным полицейского учета на февраль только по китайцам — иностранным подданным.

Продолжение табл. 7

1917				
Владивосток			Нет св.	
Никольск-Уссурийский			Нет св.	
<i>Уезды</i>				
Владивостокский			1948	2,6 %
Никольск-Уссурийский			2645	2,2 %
Спасский			551	0,6 %
Всего (без городов)			5144	

Таблица составлена на основе источников: Обзор Приморской области за 1897 год. Владивосток, 1899. С. 2; Обзор Приморской области за 1899 год. Владивосток, 1901. С. 4; Обзор Приморской области за 1900 год. Владивосток, 1902. Табл. «Население Приморской области в 1900 г.»; Обзор Приморской области за 1901 год. Владивосток, 1904. С. 6—7; Обзор Приморской области за 1902 год. Владивосток, 1905. Табл. «Население Приморской области в 1902 г. по происхождению»; Обзор Приморской области за 1905 год. Владивосток, 1906 (здесь и далее — Прил. 1); Обзор Приморской области за 1906 год. Владивосток, 1907; Обзор Приморской области за 1907 год. Владивосток, 1908; Обзор Приморской области за 1908 год. Владивосток, 1910; Обзор Приморской области за 1909 год. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1910 год. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1911 год. Владивосток, 1912; Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915; Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1916; Населенные и жилые места Приморского района. Крестьяне. Иностранцы. Желтые. Перепись населения 1—20 июня 1915 г. Владивосток, 1915. С. 33, 47, 67; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 704. Л. 18—22, 44, 48; Петров А.И. Адаптационные проблемы корейской диаспоры // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 47.

По данным Всеподданнейшего отчета Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова, в 1899 г. в Приморской области проживало 38 тыс. «осевших» китайцев и более 20 тыс. пришлых рабочих. Генерал-губернатор обращал особое внимание на то, что за пять лет число осевших русских увеличилось в 2 раза, а осевших китайцев — в 4 раза²⁸.

В отдельные годы наблюдался некоторый спад численности китайцев, что было вызвано различными причинами. В 1900 г. это было связано с восстанием ихэтуаней и возвращением мигрантов на родину. Значительно сократилось число китайцев в России во время революции 1905—1906 гг. В последующие годы из-за отмены порто-франко произошел отток китайских купцов, а после принятия закона от 21 июня 1910 г. о запрете найма китайцев на казенные работы сократилась численность китайских рабочих²⁹.

Самый большой наплыв китайцев на российский Дальний Восток как в летнее, так и в зимнее время наблюдался в 1907—1910 гг. В Приморской области на 1 января каждого года в этот период регистрировалось от 47,4 до 69,3 тыс. китайцев. Затем их число постепенно сокращалось. Но в 1916—1917 гг. происходит новое увеличение численности сезонных китайских рабочих³⁰. Приморье не только принимало большие массы китайских иммигрантов, но и служило транзитной территорией для их продвижения в глубь страны. По сообщению газеты «Далекая окраина», с Дальнего Востока в Европейскую Россию, преимущественно на Урал, за 1916 г. вывезено 51 тыс. восточных рабочих, а за 5 мес. 1917 г. — 12,8 тыс.³¹

Социальный состав и занятость китайских иммигрантов не претерпели существенных изменений, по-прежнему подавляющее большинство их было представлено неквалифицированными рабочими. Особенно большая масса их была занята на строительстве городов, железных дорог, портов, крепости Владивосток и других объектов. В городах китайцы также использовались в качестве прислуги. Поэтому основная часть китайских иммигрантов (40—62 % от всех китайцев, находившихся на юге Приморской области) концентрировалась во Владивостоке, составляя в разные годы от 17 % (1901) до 39 % (1906) населения города. В уездах края их удельный вес не превышал 6—12 %. Здесь китайцы, как правило, работали на предприятиях горной и лесной промышленности. Например, на горных промыслах Уссурийского горного округа в 1910 г. из 2655 рабочих было 1932 китайца, 664 русских и 59 корейцев, в 1911 г. из 2779 рабочих — соответственно 1744, 642 и 393 чел.³² На российском Дальнем Востоке, как отмечает Г.Н. Романова, китайцы составляли 82 % чернорабочих, 79 % плотников, 97 % каменщиков³³.

Часть китайских иммигрантов арендовала землю и работала батраками в сельском хозяйстве. Нередко формы их землепользования носили нелегальный, неподконтрольный властям характер, особенно в отдаленных районах края. Д.И. Шрейдер в своей книге «Наш Дальний Восток», выпущенной в 1897 г., писал: «...Наряду с исчезновением русских деревень весь район Ольги с каждым годом все больше и больше заполняется манзами, вытесненными из Южно-Уссурийского края, и никому не известно, сколько их здесь...; в тайге ... вырастают целые поселения, настоящие манзовские и «вольные города», жители которых не только не чувствуют на себе влияния русских властей, но часто даже едва ли и слышали о существовании русских»³⁴.

Другую категорию китайцев представляли торговцы. Дешевизна и быстрый путь их товаров к потребителю, широкое использование контрабанды, а также корпоративная сплоченность и некоторые другие факторы позволили китайцам создать серьезную конкуренцию русской торговле. Китайская торговля превосходила рус-

скую по численности торговцев и магазинов, уступая ей по объему торгового оборота. Местное аборигенное население почти сплошь находилось в долговой кабале у китайцев³⁵.

В 1894 г. во Владивостоке работала комиссия по вопросам ограничения китайской торговли, предложившая запретить ее вне города и обложить торговцев сбором с оборота в 5—10 %. Однако генерал-губернатор признал эти меры преждевременными³⁶.

В начале XX в. в крае развивались и другие виды китайского предпринимательства — в основном в сфере бытового обслуживания и производства товаров повседневного спроса. Было распространено производство дешевой китайской водки ханшина, которое русская администрация рассматривала как нетерпимое зло, но побороть его не могла. Китайские предприятия были мелкими, но играли существенную роль в обеспечении населения Приморья, особенно сельского, товарами первой необходимости. Другим распространенным видом деятельности был каботаж, большинство парусных судов китайцев использовалось для прибрежных перевозок.

Значительная часть китайских иммигрантов продолжала ходить в Приморье на промыслы — охоту, рыболовство, сбор дикоросов, добычу морской капусты, трепанга и других даров тайги и моря. Китайский промысел в основном был нелегальным и носил хищнический характер. В начале XX в. в Уссурийской тайге ежегодно промышляли до 50 тыс. китайцев. В сезон добывалось 100—150 тыс. соболей, до 4 тыс. корней женьшеня. Большой урон наносился стаду диких оленей и изюбров в результате добычи пантов³⁷.

ПРОБЛЕМЫ «ЖЕЛТОЙ» ИММИГРАЦИИ

Массовое расширение восточной иммиграции на российский Дальний Восток сопровождалось обострением связанных с ней проблем. Выделим наиболее существенные из них.

1) Российским властям так и не удалось полностью подчинить иммиграционные потоки своему контролю. Из-за недостаточного развития паспортно-визовой и отсутствия государственной пограничной службы нелегальный переход на русскую территорию как через сухопутную границу, так и морем, нарушение иммигрантами паспортных правил оставались широко распространенными явлениями, в результате чего российская администрация никогда не знала точного количества корейцев и китайцев, пребывавших в крае, а официальная статистическая информация о них признается всеми весьма заниженной. Даже сведения государственных органов имели серьезные расхождения. Так, разница между данными полицейского учета и переписи населения в Приморской области на 1897 г. составляла по китайскому населению 1617 чел., по корейскому — 7254³⁸.

Что касается нелегалов, то их число в российских пределах оценивалось лишь гипотетически, но всегда в достаточно больших размерах. Например, китайский коммерческий агент во Владивостоке Ли Тьяо (1897—1906) сообщал, что русские паспорта имела лишь 1/5 всех китайцев³⁹.

Местные российские власти пытались предпринимать меры по ужесточению контроля над иммиграцией и ее ограничению, в том числе через совершенствование паспортно-визовых правил. Кроме того, с конца XIX в. в практику вошли мероприятия по выселению китайцев из Приморья. В 1895 г. они изгоняются из Сучана; в конце 1899 г. проведены облавы на беспаспортных китайцев. Во Владивостоке было задержано около 2 тыс. чел., из них 1800 чел. было решено отправить в Китай (для остальных подрядчики оформили необходимые документы). Весной 1900 г. началось выселение китайцев-земледельцев из некоторых мест Сучанского и Ольгинского участков⁴⁰.

Однако обсуждение и продвижение проектов соответствующих законов в центре постоянно наталкивалось на непонимание ситуации, противоречивое и непоследовательное отношение со стороны высших чиновников и государственных деятелей. С другой стороны, у местных властей не хватало сил и средств для осуществления иммиграционного надзора. В 1914 г. военный губернатор Приморской области Сташевский писал: «...В городах, где имеется полицейская стража, надзор этот еще может быть проведен и тем более тогда, когда осуществится проект выселения желтых в особые кварталы... В сельских же местностях, вследствие полного отсутствия полицейской стражи, подобный надзор фактически проведен быть не может»⁴¹. Между тем «желтый вопрос» на Дальнем Востоке стал настолько обостряться, что с 1908 г. перерос в проблему «желтой опасности».

8 августа 1908 г. Николаем II был одобрен предложенный П.Ф. Унтербергером проект об обязательной выборке китайцами и корейцами годичных билетов, переходе границы в специально обозначенных местах, разрешении въезжать в пределы России только здоровым и трудоспособным китайцам и т. п. В 1910 г. русские власти усилили борьбу с китайским произволом в Уссурийском крае: образованы новые лесничества, усилена лесная стража. Была продолжена практика проверки китайского населения и высылки безбилетных за границу. Ряд мер, затрудняющих переход границы и ограничивающих проникновение китайцев в край, принимает генерал-губернатор Н.Л. Гондатти, рьяный сторонник политики «Дальний Восток — для русских». При нем были не только выработана новая форма русских билетов, но и введены личные наемные книжки для китайских подданных, наличие которых было обязательным условием при получении иммигрантами работы и прописки по месту жительства в городах⁴². Тем не менее в течение всего рассматриваемого периода большинство выходцев из Кореи и Китая проживали на российской территории нелегально, не платили налогов и не несли других повинностей, в результате чего Россия имела огромные убытки.

2) Из всех иммигрантов только корейцы, принятые в русское подданство, наделялись участком земли на законных основаниях. Остальные выходцы из соседних стран могли заниматься земледелием лишь на условиях аренды земли или в качестве наемных рабочих.

Корейцы и китайцы выступали как основные арендаторы земли в Южном Приморье. В 1912 г. из всей сдаваемой в аренду площади в руках «желтых арендаторов» находилось в Переходном районе 41,5 %, в Горном — 98 %, в Земледельческом — 68,1 %, в Южном подгородном — 94,9 %.

Такая ситуация объяснялась тем, что корейцы и китайцы могли платить за арендованную землю вдвое больше, чем русские, — до 10—11 руб. за десятину. «Натуральные формы его (желтого арендатора. — Авт.) хозяйства, — отмечалось в обзоре Приморской области за 1912 г., — и экономия, возведенная в принцип всего хозяйственного уклада, дают желтому возможность сводить издержки производства до ничтожной величины, значительно повышать чистый доход и платить за землю высокую аренду»⁴³.

Приморская администрация обращала внимание и на то, что во второй половине 1900-х годов быстрыми темпами увеличивались площади под маком с целью получения опиума. Сеяли его исключительно китайцы и корейцы на арендованных землях, причем стоимость аренды доходила до 50 и даже 70 руб. за десятину. В 1911 г. в Ольгинском уезде маком было засеяно 458 десятин, добыто опиума 182 пуда 8 фунтов⁴⁴.

Российские власти пытались ограничить арендные отношения с восточными иммигрантами. В 1909 г. было установлено, что китайцы и корейцы не могут быть арендаторами казенной земли. В 1911 г. правила о порядке образования и эксплуатации казенных оброчных статей в Приамурском генерал-губернаторстве запрещали арендатору на снятом участке пользоваться для сельскохозяйственной работы «рабочими не русскоподданными, а также состоящими в русском подданстве лицами желтой расы»⁴⁵. Однако эти меры оказались малоэффективными. Более того, одновременное ограничение «желтого» труда в промышленности, предпринятое в 1911 г. (об этом см. ниже), направило поток ищущих работы иммигрантов из городов в деревню и тем самым увеличило отряд сельскохозяйственных рабочих и арендаторов. Вследствие невозможности получить в пользование земельные участки законным путем многие нерусскоподданные корейские и китайские крестьяне либо самовольно захватывали земли, либо брали их в нелегальную аренду.

Подобные земельные отношения развращающе действовали на русского земледельца. На это обращали внимание многие чиновники того времени, в том числе генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер⁴⁶, а также члены Амурской экспедиции во главе с Н.Л. Гондатти, организованной Советом министров в октябре 1909 г. для колониального обследования Амурской железной дороги. Экспедиция провела наиболее обстоятельное в дореволюционный период изучение проблемы корейской иммиграции. Итогом ее стал специальный отчет по «корейскому вопросу», составленный В.Д. Песоцким и изданный в 1913 г. В нем говорилось: «...Безземельное корейское население края стоит вне закона, и жизнь его регулируется усмотрением каждого русского, не говоря уже о случайных хозяевах и чинах полиции. Такое отношение к корейцам и пользование бесправным корейским трудом развращает русское население... Пользователи земли, сдавая ее в аренду или обрабатывая батраками, сами как крестьяне ничего не делают и предпочитают заниматься извозом да редко промыслом. Наличие у хозяина фонда в виде арендной платы делает его плохим предпринимателем и располагает больше к лени, пьянству и разврату... Это место корейского вопроса и является большим, так как здесь заключается все зло его как для самих корейцев и русского населения, так равно и для государственных интересов»⁴⁷.

3) Дешевизна и доступность «желтой» рабочей силы ограничивала заинтересованность предпринимателей в переселении на Дальний Восток и найме более дорогих по оплате русских рабочих, создавала конкуренцию на рынке труда и даже безработицу среди русских. В 1910 г. на частных и казенных предприятиях региона 70 % рабочих составляли китайцы. Такая ситуация ставила экономическое развитие края в прямую зависимость от притока в край иммигрантов, но государственные интересы России все же вынудили царское правительство и местную администрацию принять ряд мер по защите русского труда и ограничению использования иностранного⁴⁸.

С 1908 г. приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер запретил наем корейцев на золотые прииски⁴⁹. В 1910 г. правительство приняло специальный закон, который с 1 января 1911 г. в пределах Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств не разрешал сдавать иностранным подданным казенные земли для поселения и в аренду, казенные подряды и поставки, нанимать их на государственные предприятия. Но закон имел лазейку в виде п. IV, который предоставлял право Совету министров допускать иностранцев на срочные работы, которые нельзя было выполнить из-за нехватки русских рабочих. Многие ведомства пользовались ею, обращаясь к правительству за разрешением найма китайских рабочих, в том числе на строительстве Уссурийской железной дороги, во Владивостокской таможне и на других работах⁵⁰.

По мнению исследователей, в целом закон оказался неэффективен в отношении корейцев, чему способствовала лояльная к ним политика Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, пришедшего в январе 1911 г. на смену П.Ф. Унтербергеру и считавшего более серьезным злом для края китайскую иммиграцию, чем корейскую⁵¹. Что касается китайских рабочих, то их численность в 1910-е годы все же стала постепенно сокращаться, а русских — соответственно увеличиваться. И только первая мировая война и уход русских рабочих на фронт заставил российскую администрацию отказаться от ограничений желтого труда.

21 июля 1914 г. Совет министров принял постановление о приостановке до окончания войны действия ст. 3 отдела 2 закона от 21 июня 1910 г. При этом к казенным работам предполагалось привлекать в первую очередь корейцев, затем китайцев и лишь в крайнем случае японцев⁵².

4) По мере роста численности восточных иммигрантов в городах российского Дальнего Востока возникала острая проблема санитарного состояния тех городских районов, где они проживали. Во Владивостоке, Благовещенске, Никольске-Уссурийском, Хабаровске корейцы и китайцы стихийно селились большими массами вдоль центральных улиц и вблизи главных базаров. При высокой скученности населения там отсутствовали элементарные санитарно-гигиенические условия (особенно это было характерно для китайцев), что делало эти районы источниками различных инфекций и создавало реальную эпидемическую угрозу во время периодически вспыхивавших в Китае холерных и чумных эпидемий. Городские санитарные комиссии оказались бессильными хоть сколько-нибудь улучшить гигиеническое состояние китайских жилищ.

Военные губернаторы Амурской и Приморской областей были единодушны в своих оценках ситуации: «...китайцы, селясь по всему городу, по свойственной им нечистоплотности и отсутствию даже примитивных понятий о санитарных правилах, загрязняют город и служат благодатной почвой для развития всевозможных заразительных болезней...», «...скученность и нечистоплотность китайцев делают жизнь обывателей до невозможности тяжелой, и здоровье их постоянно подвергается опасности заражения вследствие неряшливости и упорного нежелания их (китайцев) подчиняться требованиям санитарии»⁵³.

Во Владивостоке китайский квартал (знаменитая «Миллионка») стихийно образовался в самом центре города, представляя собой отдельный замкнутый мир. Колоритное описание его в своем исследовании дает Ф.В. Соловьев: «При обследовании специальной комиссией китайского квартала по улице Семеновской было установлено, что дома владельца Рачкова находились в крайне плохом санитарном и бытовом состоянии. Весь квартал соединялся массой общих проходов, можно было в одном конце квартала войти в дом, пройти все дома и в другом конце квартала выйти на улицу. Здесь действовало несколько опиекурилен, домов терпимости, комнат для азартных китайских игр, парикмахерских, масса харчевен. Большинство помещений на ночь превращалось в ночлежки. Внутренний двор квартала был превращен в шумный китайских базар с большим количеством лавок, харчевен, переносных кухонь и т. п. Облако дыма и смрада постоянно висело куполом над двором...»⁵⁴ Чтобы как-то обезопасить остальное население от угрозы инфекций и для удобства контроля над проживанием восточных иммигрантов, местные власти Дальнего Востока пришли к выводу о необходимости выселения китайцев и корейцев в особые кварталы на окраинах городов. В 1884 г. Владивостокская городская управа разработала такой проект, одобренный городской думой. В 1886 г. Приамурский генерал-губернатор утвердил особые правила, регулировавшие условия проживания китайцев в городах края. В 1893 г. последовало переселение части китайцев и корейцев из города во вновь отведенный для них квартал (Корейская слободка). Выдворение было закончено к 20 мая, но все-таки большинство корейцев, не говоря уже о китайцах, остались в городе⁵⁵.

Вслед за Владивостоком к решению об отводе китайцам особых районов жительства пришли в Благовещенске (1892) и Хабаровске (1897). Этот же вопрос поднимался во время работы специальных комиссий по разработке мер ограничения наплыва восточных иммигрантов во Владивостоке и Благовещенске в 1899—1900 гг. Однако реализация этих решений натолкнулась на упорное сопротивление китайских иммигрантов, которые, не желая переселяться, обращались в городские и более высокие инстанции вплоть до Петербурга с жалобами и ходатайствами об отмене или продлении сроков исполнения вышеназванных постановлений, которые считали незаконными. В своих прошениях китайцы-предприниматели жаловались на понесенные убытки, поскольку вложили большие средства в долгосрочную аренду участков и постройку зданий в городе. Кроме того, постановления о «китайских кварталах» ставили китайцев в особые условия по отношению к другим иностранцам, что противоречило российским законам об иностранцах.

Обсуждение этого вопроса перешло в центр и после длительного бюрократического изучения завершилось высочайшим разрешением императора от 29 сентября 1902 г. думам городов Приамурского генерал-губернаторства издавать обязательные постановления об ограничении специальными кварталами жительства тех азиатских иммигрантов, антисанитарные условия которых вызывают необходимость особого за ними надзора.

В результате были образованы китайские и корейские кварталы в Хабаровске (1903), Благовещенске (1910), Николаевске (1903) и Никольске-Уссурийском (1902). Вне выделенных кварталов проживание восточных иммигрантов, за некоторым исключением, запрещалось⁵⁶. На практике реализация этой политики шла с многочисленными нарушениями и проволочками, поскольку китайцы находили всяческие лазейки для обхода постановлений.

Как ни парадоксально, но во Владивостоке, где численность китайцев была самой большой среди городов Приморской области, решение проблемы затянулось на годы. Постановление городской думы «Об отводе в г. Владивостоке отдельных кварталов для проживания китайского и корейского населения», аналогичное таковым в других городах, было принято позже остальных — только 23 марта 1906 г. На основании этого документа военный губернатор Приморской области генерал-майор Флуг 25 апреля 1906 г. издал свое обязательное постановление, которым китайцам и корейцам разрешалось проживание в г. Владивостоке в особых кварталах, находящихся за Куперовской падью. Исключение составляли лишь некоторые категории китайцев и корейцев: лица,

имеющие русское подданство, имеющие во Владивостоке недвижимость, торговцы 1, 2, 3-го разрядов, приказчики, рабочие, прислуга в торгово-промышленных предприятиях 1, 2 и 3-го разрядов, учреждениях и у жителей г. Владивостока. Постановление должно было вступить в силу через год после объявления⁵⁷. Однако в течение нескольких лет не была даже отведена земля под китайский квартал, так как комендант, военный губернатор и городское управление вошли друг с другом в конфликт и не могли определить подходящее место. Лишь в начале 1913 г. губернатор доложил об отводе кварталов за Куперовской падью и начавшемся туда выселении восточников, которое, впрочем, так и не было завершено.

Надзор за кварталами осуществлялся полицией и санитарными врачами. Но они постоянно злоупотребляли своей властью, делая китайские кварталы источником наживы с помощью взяток и поборов с опикурилен, игорных домов и т. п.⁵⁸

Вышеперечисленные проблемы были общими для корейской и китайской иммиграции. В то же время каждая из этих групп породила и свои специфические проблемы.

ПРОБЛЕМЫ КОРЕЙСКОЙ ИММИГРАЦИИ

Один из острых вопросов, связанный с корейским пребыванием на российском Дальнем Востоке, относился к сфере межгосударственных русско-японских отношений. После аннексии Кореи рост корейской диаспоры в Приморье давал Японии повод в выгодных для нее ситуациях обострять вопрос о подданстве корейцев в России вплоть до развязывания международного конфликта. Что касается самих корейцев, перебравшихся в Россию, то многие из них японского подданства не признавали и находились в юридически бесправном положении.

Не менее щекотливым был вопрос о деятельности антияпонских корейских организаций. В целях поддержания стабильности в отношениях с Японией Россия должна была преследовать корейских патриотов на своей территории. Однако русские власти не хотели возбуждать к себе вражду со стороны многочисленной корейской диаспоры, поэтому им приходилось балансировать⁵⁹.

Другой зацепкой в притязаниях Японии была высокая концентрация корейского населения в Посьетском районе. В июне 1914 г. пограничный комиссар Южно-Уссурийского края доносил в центр, что Япония может поставить вопрос о превращении района Посьета в автономную территорию с тем, чтобы позднее под тем или иным предлогом взять его под свой протекторат, и что в этом направлении уже проводится агитация среди корейцев⁶⁰ (в начале 1920-х годов, уже при советской власти, корейские лидеры поднимали вопрос на государственном уровне о создании корейской автономии в России).

Российские власти осознавали опасность использования корейской диаспоры японцами в своих стратегических интересах на Дальнем Востоке. Многие исследователи при освещении вопроса о возможности японского влияния среди корейцев в России отмечают, что в основном корейские иммигранты были настроены антияпонски по вполне понятной причине — из-за жесткой колониальной политики Японии, против которой в 1910-е годы развернулось широкое корейское национально-освободительное движение. Вместе с тем не оспаривается и тот факт, что японская администрация стремилась «взять эмиграцию под контроль и использовать по возможности ее в своих целях»⁶¹, которые заключались не только в обезвреживании активистов антияпонской борьбы, но и, как свидетельствуют данные российских разведорганов начала XX в., в «создании японской агентуры среди корейцев для ведения разведывательно-подрывной работы в Уссурийском крае и Маньчжурии». В частности, в таком направлении действовало общество «Ильчичхве», основанное в Корее в 1903 г. японским политиком Ито Хиробуми⁶².

Когда в 1899 г. Владивостокский комитет общественного здоровья, обсуждая противочумные мероприятия, предложил выселить корейцев в отдельную слободку в восточной части города за Куперовской падью, то комендант Владивостокской крепости не дал своего согласия. Он аргументировал это тем, что здесь были расположены войсковые части и склады. Комендант считал недопустимым поселить практически в центре крепости «иностранцев, почти подданных Японии с большим процентом в своей среде шпионов»⁶³.

Особого политического доверия корейская диаспора не вызывала и у Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера, который в докладе министру внутренних дел в марте 1908 г. писал: «Захват значительных площадей корейцами равносителен ослаблению нашего положения на берегах Тихого океана. Рассчитывать, что корейцы, даже перешедшие в наше подданство и принявшие православие, будут ассимилироваться с русским населением, нет никакого основания, так как опыт показал, что проживающие в Южно-Уссурийском крае уже 40 лет корейцы, за немногими исключениями, сохранили свою национальность в полной мере и остаются во всех отношениях чуждым нам народом. Нельзя также надеяться на верность этого элемента в случае войны с Японией или Китаем: напротив того, они тогда представят из себя чрезвычайно благоприятную почву для широкой организации нашими врагами шпионства...»⁶⁴

П.Ф. Унтербергеру вторил военный губернатор Приморской области генерал-лейтенант Сташевский в своем отчете за 1914 г.: «...Объехав в минувшем году эти корейские селения, я прихожу к заключению, что корейцы совершенно не заслуживают той благожелательности, с которой к ним относится наше правительство. Прожив в

области десятки лет, эти выходцы из Кореи до сих пор сохранили во всем свои национальные особенности, начиная от языка и кончая одеждой... В наши пределы их влечет большая плодородность земли, обилие побочных заработков и большая свобода от налоговых тягот. Однако корейцы живут в наших пределах только до тех пор, пока им это выгодно. Особенно ярко это сказывается при наборе новобранцев, когда много достигших призывного возраста корейцев, несмотря на вступление их в русское подданство, уходит обратно в Корею. И я считаю весьма сомнительным их постоянные уверения в их пламенной любви к России. Руководящий лозунг поведения корейцев — выгода...»⁶⁵

Таким образом, в начале XX в. сохранялась острота корейского вопроса в Приморье, но попытки решить его по-прежнему были непоследовательными и во многом зависели от действий местных властей. Наиболее радикальные позиции занимал Унтербергер, который считал, что Дальний Восток России должен быть поистине «русским», т. е. освоен русскими людьми, а увеличение постоянного корейского населения, с политической точки зрения, более опасно, чем временных китайских отходников. Именно при нем были приняты законы, ограничивающие «желтый» труд и аренду, предприняты меры по ужесточению контроля над иммиграцией и прекращению нелегального въезда в край. Унтербергер почти прекратил прием корейцев в российское подданство, предлагал выселить из дальневосточных пределов нерусскоподданных корейцев и противодействовать их дальнейшему наплыву⁶⁶.

Высокую озабоченность по поводу концентрации иммигрантов в южной зоне Приморья высказывал участник Амурской экспедиции В.Д. Песоцкий: «Как могла совершиться такая странная и даже удивительная аномалия: лучший кусок нашего Востока, имеющий впереди богатое будущее, находящийся под боком Владивостока.., как мог Посьетский участок оказаться в руках выброшенного из Кореи бедного безземельного и отчасти бесправного люда?»⁶⁷.

Амурская экспедиция сделала вывод о необходимости отселения корейцев из приграничья, разработав ряд рекомендаций. В их числе на первых позициях стоят следующие. В политической области: «Государственную границу заселить русскими, корейцев у границы не селить, а поселившихся ранее переместить в глубь края». В экономической области: «Посьетский участок от корейцев очистить; поселившихся ранее переселить на льготных условиях в глубь края; дальнейшего их утверждения в нем не допускать». В культурно-национальной области: «Корейцев всех категорий использовать для укрепления развития русской государственной жизни на Дальнем Востоке путем перемещения их в места, куда не идет русский крестьянин»⁶⁸.

Говоря об отселении корейцев, В.Д. Песоцкий понимал всю сложность этой задачи, подчеркивал необходимость постепенности и хорошей продуманности действий, но обязательной настойчивости⁶⁹.

Однако рекомендации Амурской экспедиции так же, как и многие другие решения российских властей по корейскому вопросу, остались нереализованными. Во многом этому способствовала политика нового генерал-губернатора Гондатти, который, как отмечалось выше, был лояльно настроен в отношении корейцев⁷⁰. События же первой мировой войны и вовсе сняли данный вопрос с повестки дня.

ПРОБЛЕМЫ КИТАЙСКОЙ ИММИГРАЦИИ

Одна из серьезных проблем китайской иммиграции была связана с особенностями китайского внутригруппового самоуправления и взаимоотношений с российской властью.

Для китайцев, проживающих за границей, характерна замкнутая групповая самоорганизация. Находясь на территории российского Дальнего Востока во второй половине XIX в., они создали систему собственного общественного самоуправления по территориальным зонам, существовавшую по своим внутренним законам, не подчиняясь российской администрации. Китайские территориальные общины управлялись выборными старшинами и имели разную степень связи с китайской администрацией — от прямого ей подчинения до эпизодических контактов. Китайские отходники были почти сплошь неграмотными, не владели русским языком, поэтому их связь с местным населением, предпринимателями и властями, в том числе наем на работу, могла осуществляться только через посредство старшин⁷¹.

Наиболее обстоятельное исследование проблемы эволюции механизма связи российской администрации и китайских общин провела в своей диссертационной работе Е.И. Нестерова. Она показала, что в конце 1880-х — начале 1890-х годов местные российские власти предприняли шаги по легализации китайских форм общественного самоуправления на основе русского законодательства. Как показано выше, опубликованные в 1891 г. особые правила об общественном управлении распространялись на корейское и китайское население. Китайцы, имевшие русские билеты на жительство, как и корейцы, в городах и селах Приморской области могли создавать свои общества, подчинявшиеся русским законам и находившиеся под наблюдением местной полиции. Общества, занимаясь поддержанием своей жизнедеятельности и благотворительностью, должны были обеспечивать лояльность желтого населения русской администрации, доводить до китайцев ее решения, информировать местную власть о внутренней жизни общества, оказывать помощь в выявлении и наказании преступников.

Однако действие правил распространялось только на несколько крупных городов, а в них — в основном на оседлую часть населения — купцов, владельцев недвижимости, промышленников. Китайские общества были

созданы в Хабаровске, Владивостоке, Никольске-Уссурийском. Основная же масса находившихся в крае китайцев оказалась вне сферы деятельности обществ и контроля со стороны русской администрации. Но Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской, заступивший на этот пост в 1893 г., взял курс на свертывание китайского самоуправления и подчинение китайцев общему надзору и судопроизводству. В 1897 г. он распорядился закрыть общества: во Владивостоке китайское общество закрыли 1 июля 1898 г., в г. Никольске-Уссурийском оно просуществовало до 1901 г.⁷²

Ф.В. Соловьев считает, что причина запрещения китайского общественного самоуправления заключалась в том, что оно не оправдало надежд русской администрации. Общества не только не вели никакой борьбы с хунхузами и преступниками, но и укрывали их. И в целом китайское самоуправление на русском Дальнем Востоке было несовместимо с суверенностью Российского государства⁷³.

Е.И. Нестерова обращает внимание на общее изменение курса нового губернатора по отношению к восточным иммигрантам. С.М. Духовской проводил политику, направленную на усиление русского присутствия на Дальнем Востоке. Он считал допущение в край иммигрантов из соседних азиатских стран временной мерой и лишь при условии их постепенной ассимиляции, сопровождающейся уничтожением замкнутости и обособленности этнических общин. Однако подчинение китайцев и корейцев общему полицейскому надзору, последовавшее за закрытием иммигрантских обществ, не было обеспечено соответствующими условиями, главное из которых — наличие квалифицированного штата российских чиновников, владеющих восточными языками. Кроме того, иммигранты, находившиеся в отдаленных местностях края, вообще оказались вне поля зрения администрации. В результате необходимый контроль и управление этой категорией населения обеспечены не были. Между тем, и после официального закрытия общественных управлений они продолжали существовать полулегально или тайно⁷⁴.

Другим каналом взаимодействия китайских подданных и российской администрации в Приморье были официальные представители Китая в России. Несмотря на хлопоты Китая, российские власти долго не разрешали открыть во Владивостоке китайское консульство, опасаясь полного подчинения ему местной китайской общины. Лишь в 1897 г. было дано согласие на учреждение должности китайского коммерческого агента во Владивостоке с тем, чтобы он служил посредником в торговых делах между китайцами и местными властями. Однако реальная деятельность агентов, первым из которых был Ли Тьяо, выходила за эти рамки. Коммерческие агенты активно включились в управление местной китайской общиной и даже осуществляли судебные функции в отношении китайцев.

Второй коммерческий агент Гуй Фань указом русского императора в 1909 г. был признан китайским генеральным консулом во Владивостоке. Консулы, как и коммерческие агенты, оправдывая опасения русской администрации, присвоили себе часть властных полномочий⁷⁵.

Одновременно цинское правительство и китайская община добивались разрешения на создание различных обществ и союзов в местах проживания китайцев. В крае они долго существовали нелегально. Так, торговые общества были созданы во Владивостоке в 1881 г., в Хабаровске — в 1889 г., в Никольске-Уссурийском — в 1908 г. Официальное разрешение русских властей на их существование было получено с изданием закона об общественных организациях от 4 октября 1906 г. На этом основании военный губернатор Приморской области разрешил открыть китайские коммерческие общества («Торговые общества взаимного вспомоществования»): 18 апреля 1907 г. — во Владивостоке, 20 января 1910 г. — в Хабаровске, 4 февраля 1910 г. — в Никольске-Уссурийском, в дальнейшем — в целом ряде населенных пунктов Приморья. Все они являлись филиалами Главного владивостокского китайского торгового общества⁷⁶.

Это были первые официально разрешенные и зарегистрированные иностранные общества на Дальнем Востоке. Основной задачей их считалась забота о развитии китайской торговли на русском Дальнем Востоке и охрана ее от хунхузов. На самом деле Главное общество и его филиалы представляли собой централизованное объединение китайских соотечественников, строго подчинявшихся правилам общества. Оно регулировало цены на товары, собирало налоги и всякого рода сборы с торговцев. Общество занималось также благотворительностью, национальным просвещением, содержало увеселительные заведения и т. д. Как отмечает Ф.В. Соловьев, помимо этого, оно скрытно от русских властей присвоило себе права и функции гражданского управления и судопроизводства по делам китайцев, парализуя всякое вмешательство русской администрации в их жизнь и деятельность. При этом Главное владивостокское китайское торговое общество подчинялось китайскому правительству и являлось проводником китайской политики на русском Дальнем Востоке⁷⁷.

В крае существовало множество других тайных китайских организаций земляческого, профессионального, религиозного характера. Часть из них были филиалами обществ, действующих в Китае и Маньчжурии. О них русская администрация либо не знала ничего, либо получала случайную фрагментарную информацию. Между тем, эти организации жили по своим внутренним законам, не попадая под контроль российской администрации, и нередко содействовали притеснению китайцами местного аборигенного населения⁷⁸.

Таким образом, попытки местной русской администрации ликвидировать замкнутость и обособленность китайского населения не удалась. Е.И. Нестерова делает вывод, что такой результат может быть объяснен «отсутствием четкой, детально разработанной позиции по китайскому вопросу, слабым знанием реалий китайской действительности местной русской администрацией и почти полным безразличием к этой проблеме Петербурга»⁷⁹.

Другая проблема, связанная с присутствием китайцев в регионе, относилась к криминальной сфере. Китайская иммиграция привнесла на российскую территорию виды преступной деятельности, характерные для этой этнической среды. Особенно распространенными являлись опикурение и притоносодержание с запрещенными на русском Дальнем Востоке азартными играми, которым, как правило, сопутствовали проституция, грабежи, убийства и т. д. Борьба с этим злом практически не велась, а превращалась в источник систематического получения полицейскими чинами крупных взяток⁸⁰.

Настоящим «бичом» для региона было хунхузничество — специфический китайский вооруженный бандитизм, возникший и широко распространенный в Маньчжурии в результате обнищания местных крестьян. Жители Приморья жестоко страдали от постоянных набегов банд хунхузов, которые грабили и беспощадно расправлялись со своими жертвами. Согласно исследованию Ф.В. Соловьева, хунхузы в Уссурийском крае делились на приходящих из Маньчжурии и местных. Первые действовали в основном недалеко от границы — в прибрежном районе залива Петра Великого, на Посьетском участке, по долинам рек Суйфун и Уссури, в полосе железной дороги. После набегов они возвращались в Маньчжурию. Местные хунхузы постоянно пребывали в Уссурийском крае, сравнительно легко укрывались от преследования среди других китайских иммигрантов. Борьба с хунхузничеством было очень сложно, поскольку остальные китайцы под страхом смерти помогали бандитам, собирая для них сведения, и никогда не выдавали их русским властям. Массированные операции русских воинских частей против хунхузов, проведенные в Амурской и Приморской областях в 1910 г., лишь на время ослабили активность банд на русской территории, но искоренить их не могли⁸¹.

Существование и обострение вышеназванных проблем уже в начале XX в. заставили российскую администрацию перейти к политике усиления контроля над восточными иммигрантами и ограничения их наплыва на русский Дальний Восток. Однако эта политика не была последовательной и успешной, поскольку, с одной стороны, при всех отрицательных явлениях восточной иммиграции китайские и корейские рабочие оставались необходимым источником трудоустройства края, с другой — российская власть не имела необходимых средств для нейтрализации негативных факторов иммиграции.

ЯПОНСКАЯ ИММИГРАЦИЯ

В конце XIX — начале XX в. численность японских иммигрантов в крае продолжала постепенно расти — от 1,5 тыс. чел. в 1897 г. до 3,1 тыс. в 1902 г. Подавляющая часть из них (1,3—2,5 тыс. чел.) проживала во Владивостоке, 300—400 чел. — в г. Никольске-Уссурийском и лишь несколько десятков — в округе. Японская иммиграция, менее многочисленная, чем китайская и корейская, составляла в общем населении юга Приморской области 1,0—1,5 %, во Владивостоке — 3—6 % (см. табл. 8).

Самой массовой категорией японских мигрантов были рабочие, в том числе сезонные, приезжавшие в Приморье на строительство железной дороги и рыбные промыслы. В отличие от других восточноазиатских иммигрантских сообществ соотношение мужчин и женщин у японцев было примерно одинаковым, но японские женщины, приезжавшие в край, как правило, были бессемейными. Они эксплуатировались в публичных домах, работали прачками, нянями, портнихами.

На начало века пришелся взлет деловой активности японцев во Владивостоке. Они успешно занимались торговлей, имели ремесленные и фабрично-заводские заведения и практически монополизировали сферу обслуживания (стирка белья, парикмахерское дело, столярные, обувные, ювелирные и часовые мастерские). Значительная часть японских предприятий относилась к низшим разрядам, т. е. имела небольшой капитал и малое число наемных рабочих⁸².

На рубеже XX в. во Владивостоке проживали 7 японских чиновников, 233 торговца, 264 прачки, 230 столяров и плотников, 92 портных, 68 парикмахеров, 32 фотографа, 41 часовщик, 13 граверов, 103 кузнеца, 133 содержателя ресторанчиков, 458 содержателей и лиц обслуживающего персонала публичных домов, 1257 других лиц⁸³.

Русско-японская война прервала налаженную жизнь диаспоры. Накануне почти все японцы выехали из России, а те, кто остался, во время войны вместе с военнопленными японцами были отправлены в европейскую часть страны⁸⁴.

После окончания войны японцы вновь возвращаются на русский Дальний Восток. Их численность на юге Приморской области в 1906—1908 гг. достигла 2,3—2,8 тыс. чел. Однако в 1910-х годах она заметно снизилась, как в абсолютных цифрах, так и по удельному весу, который составил 0,5—0,6 %, а во Владивостоке — от 1,5 до 2,9 %. Возможно, частично это объяснялось отменой в 1909 г. во Владивостоке порто-франко, что нанесло удар по японским коммерсантам и вызвало всеобщий застой в делах⁸⁵.

Как иммигранты японцы доставляли немного хлопот российской администрации. Они были значительно малочисленнее других азиатских групп, прибывали в край легально, не нарушая паспортно-визовых правил. Тем не менее контролировать внутреннюю жизнь японской общины на русской территории было так же сложно, как и китайской. Для японцев, проживавших за границей, была характерна хорошая организованность и строгая подконтрольность чиновникам, выполняющим дипломатические функции, — консулу или, как это было во Владивостоке до учреждения консульства, коммерческому агенту. Японцы в стране пребывания были обязаны всту-

Таблица 8

Японцы на юге Приморской области в 1897—1914 гг.

	Муж.	Жен.	Всего	Удельный вес
1897				
Владивосток	657	604	1261	4,3 %
Южно-Уссурийский округ	78	186	264	0,3 %
Всего	735	790	1525	1,2 %
1899				
Владивосток	630	620	1250	3,3 %
Никольск-Уссурийский	100	90	190	1,0 %
Южно-Уссурийский округ	30	48	78	0,07 %
Всего	760	758	1518	0,9 %
1900				
Владивосток	650	650	1300	3,4 %
Никольск-Уссурийский	132	198	330	1,4 %
Южно-Уссурийский округ	20	40	60	0,05 %
Всего	802	888	1690	1,0 %
1901				
Владивосток	1200	1100	2300	6,3 %
Никольск-Уссурийский	150	250	400	1,8 %
Южно-Уссурийский округ	5	20	25	0,02 %
Всего	1355	1370	2725	1,5 %
1902				
Владивосток	1300	1200	2500	5,5 %
Никольск-Уссурийский	253	204	457	1,8 %
Южно-Уссурийский округ	82	67	149	0,1 %
Всего	1635	1471	3106	1,5 %
1905				
Владивосток	507	376	883	2,0 %
Никольск-Уссурийский	—	9	9	0,07 %
Южно-Уссурийский уезд	—	—	—	—
Всего	507	385	892	0,4 %
1906				
Владивосток	1451	578	2029	3,3 %
Никольск-Уссурийский	299	201	500	2,4 %
Южно-Уссурийский уезд	30	48	78	0,05 %
Всего	1780	827	2607	1,0 %
1907				
Владивосток	1192	403	1595	2,0 %
Никольск-Уссурийский	462	216	678	1,4 %
Южно-Уссурийский уезд	54	60	114	0,05 %
Всего	1708	679	2387	0,6 %
1908				
Владивосток	1383	559	1942	2,3 %
Никольск-Уссурийский	315	300	615	1,2 %
Южно-Уссурийский уезд	31	74	105	0,04 %
Всего	1729	933	2662	0,7 %
1909				
Владивосток	1437	808	2245	2,5 %
Никольск-Уссурийский	252	237	489	1,7 %
<i>Уезды</i>				
Никольск-Уссурийский	34	70	104	0,07 %
Иманский	—	3	3	
Ольгинский	—	—	—	
Всего	1723	1118	2841	0,7 %

Продолжение табл. 8

1910				
Владивосток	540	694	1234	1,5 %
Никольск-Уссурийский	292	372	664	1,9 %
<i>Уезды</i>				
Никольск-Уссурийский	22	38	60	0,05 %
Иманский	15	12	27	0,03 %
Ольгинский	2	5	7	0,02 %
Всего	871	1121	1992	0,5 %
1911				
Владивосток	1018	642	1660	1,8 %
Никольск-Уссурийский	426	300	726	2,1 %
<i>Уезды</i>				
Никольск-Уссурийский	16	42	58	0,05 %
Иманский	17	30	47	0,05 %
Ольгинский	2	5	7	0,01 %
Всего	1479	1019	2498	0,6 %
1912				
Владивосток	1117	713	1830	1,9 %
Никольск-Уссурийский	320	350	670	1,9 %
<i>Уезды</i>				
Никольск-Уссурийский	6	15	21	0,01 %
Иманский	51	48	99	0,1 %
Ольгинский	—	—	—	—
Всего	1494	1126	2620	0,6 %
1913				
Владивосток	1101	864	1965	2,0 %
Никольск-Уссурийский	258	22	280	0,8 %
<i>Уезды</i>				
Никольск-Уссурийский	17	16	33	0,02 %
Иманский	27	18	45	0,04 %
Ольгинский	—	—	—	—
Всего	1403	920	2323	0,5 %
1914				
Владивосток	1258	653	1911	2,9 %
Никольск-Уссурийский	143	125	268	0,9 %
<i>Уезды</i>				
Никольск-Уссурийский	8	15	23	0,02 %
Иманский	25	15	40	0,04 %
Ольгинский	—	—	—	—
Всего	1434	808	2242	0,5 %
1916*				
Владивосток	1152	526	1678	
Никольск-Уссурийский	182	78	260	
<i>Уезды</i>				
Никольск-Уссурийский	5	10	15	
Иманский	18	20	38	
Ольгинский	18	—	18	
Всего	1375	634	2009	

Таблица составлена на основе источников: Обзор Приморской области за 1897 год. Владивосток, 1899. С. 2; Обзор Приморской области за 1899 год. Владивосток, 1901. С. 4; Обзор Приморской области за 1900 год. Владивосток, 1902. Табл. «Население Приморской области в 1900 г.»; Обзор Приморской области за 1901 год. Владивосток, 1904. С. 6—7; Обзор Приморской области за 1902 год. Владивосток, 1905. Табл. «Население Приморской области в 1902 г. по происхождению»; Обзор Приморской области за 1905 год. Владивосток, 1906 (здесь и далее — Прил. 1); Обзор Приморской области за 1906 год. Владивосток, 1907; Обзор Приморской области за 1907 год. Владивосток, 1908; Обзор Приморской области за 1908 год. Владивосток, 1910; Обзор Приморской области за 1909 год. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1910 год. Владивосток, 1911; Обзор Приморской области за 1911 год. Владивосток, 1912; Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915; Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1916; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 704. Л. 18—22, 44, 48.

* Данные полицейского учета на февраль 1916 г., без русскоподданных.

пать в самоуправляющиеся общества. По «Закону об ассоциациях японских подданных, проживающих за границей», изданному в Японии в 1905 г., все объединения японских резидентов находились в ведении министра иностранных дел Японии и, по сути, являлись проводниками японской политики.

Наиболее крупным и известным на российском Дальнем Востоке было Общество японцев, проживающих во Владивостоке, которое образовалось в 1902 г. на базе существовавшего ранее Общества земляков, возникшего в результате слияния профессиональных корпораций японских резидентов. Общество управлялось выборным советом во главе с председателем и имело цель — способствовать экономическому и культурному процветанию японцев во Владивостоке, а также решало спорные и ряд административных вопросов. Однако оно не было официально зарегистрировано и подконтрольно местной администрации, подчинялось только японскому консулу. Не случайно русские власти, недовольные закрытым характером его деятельности, относились к нему настороженно, подозревая в исполнении разведывательных функций⁸⁶.

По имевшейся у местной администрации информации, которую, как сказано в одном из документов, «удавалось достать не без усилий», такие общества были разбросаны по всей Приморской области и Приамурскому краю, «где только японское население достигало до едва заметной цифры». С юридической стороны, существование в пределах страны подобных нелегализованных обществ являлось нарушением российских законов, а участие в нем официального представителя японского правительства — нарушением норм международного права⁸⁷.

* * *

Таким образом, в 1897—1917 гг. миграционные процессы на российском Дальнем Востоке проходят второй этап своего развития. Как и предыдущий, он продолжался в рамках существовавшей системы имперской власти, определявшей миграционную политику в стране в целом и в дальневосточном регионе, в частности.

Внутри второго этапа, на наш взгляд, следует выделить два периода: 1897—1913 гг. и 1914—1917 гг. Первый характеризуется значительным усилением масштабов и интенсивности заселения региона как русскими подданными, так и иностранцами. Русско-японская война 1904—1905 гг. лишь временно прервала данный процесс, который после окончания ее возобновился с новой силой. В соотношении прямых и обратных миграций наблюдался существенный перевес первых над вторыми, в результате общая численность населения на юге Приморской области с 1897 по 1913 г. согласно Обзорам Приморской области выросла с 144492 до 437694 чел., т. е. в 3 раза.

Особенно резко увеличивается численность населения во Владивостоке: в 1897 г. в нем проживало 21600 чел., в 1907 г. — 61000, 1916 г. — 97509, 1917 г. — 109481, т. е. за 20 лет — увеличение в 5 раз⁸⁸. При этом число жителей российского происхождения росло быстрее, чем выходцев из других государств. Тем не менее, мигранты иностранного происхождения составляли очень высокую долю в населении юга Приморской области — до ¼ в начале 1910-х годов; более 90 % из них — китайцы и корейцы.

Большинство проблем, связанных с иностранной иммиграцией, которые возникли на начальном этапе заселения Приморья, в 1900—1910-е годы остались неразрешенными или разрешенными лишь частично из-за отсутствия четкой иммиграционной политики, неполноценного исполнения имевшихся законов и слабости российской администрации. Значительная по численности масса иностранных подданных, пребывавших на территории Приморья, не была охвачена адекватным контролем. Постоянным явлением в крае оставалась нелегальная иммиграция. Внутренняя жизнь иностранных общин была закрыта от взоров российских чиновников и, как правило, подчинялась собственным законам, являясь благодатной почвой для проведения политики своих государств. В целом складывавшийся этнический состав местного населения был весьма пестрым: в нем присутствовало несколько десятков этнических групп при численном преобладании славянского (на первом месте) и корейско-китайского (на втором месте) компонентов.

Первая мировая война изменила интенсивность и направления миграций, состав мигрантов. Приостановилось крестьянское переселение в регион, часть мужского российского населения была мобилизована для участия в военных действиях и вывезена на запад. Одновременно в Приморье стали прибывать российские беженцы и иностранные военнопленные. В годы войны увеличился приток восточных иммигрантов, которые были востребованы на предприятиях региона для замещения русских рабочих. В связи с этим численность китайцев и корейцев, начавшая снижаться накануне войны, стала вновь увеличиваться. Все это отразилось на общей демографической динамике. В 1914 г. на юге Приморской области отмечено уменьшение численности населения до 408070 чел.⁸⁹, но в 1917 г. восстанавливается ее довоенный уровень (439488 чел.)⁹⁰.

¹ Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX— начало XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2001. С. 94—97. (Рукопись)

² Там же. С. 71—72.

³ Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2001. С. 63.

⁴ Мизь Н.Г. Швейцарец Рудольф Бюргин во Владивостоке // Итоги и перспективы развития архивного дела в дальневосточном регионе на рубеже тысячелетий. Владивосток, 2001. С. 166—170.

- ⁵ Новости жизни. Харбин, 1915. 30 янв. С. 4.
- ⁶ Молчанова Е.Г. О борьбе с «немецким засильем» на российском Дальнем Востоке в годы первой мировой войны // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1995. С. 93—94; Марьясова Н.В. История концессионного предприятия «Тетюхе» // Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1992. С. 106.
- ⁷ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 478. Л. 3, 40, 42, 50—53.
- ⁸ Там же. Л. 42об.
- ⁹ Там же. Л. 34, 148—149; Д. 521. Л. 184—186, 190, 287—289, 367.
- ¹⁰ Там же. Д. 521. Л. 23.
- ¹¹ Там же. Д. 628. Л. 6—6об., 21, 40—40об., 73.
- ¹² Иконникова Т.Я. Военнопленные первой мировой войны на российском Дальнем Востоке (1914—1918 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 1999. № 1. С. 91—93.
- ¹³ ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 1. Л. 43—44.
- ¹⁴ Петров А.И. Корейская иммиграция на Дальний Восток России в 1860—1917 гг. // Вестн. ДВО РАН. Владивосток, 1998. № 5. С. 11.
- ¹⁵ Там же. С. 15.
- ¹⁶ Петров А.И. Адаптационные проблемы корейской диаспоры // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 47.
- ¹⁷ Пэ Ын Кен. Демографическая характеристика советских корейцев Дальнего Востока. 1920—1940 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 5. С. 126—130.
- ¹⁸ Петров А.И. Корейская диаспора в России. 1897—1917 гг. Владивосток, 2001. С. 125, 137—146, 205—220.
- ¹⁹ Троицкая Н.А. Иностранцы как источник формирования буржуазии на русском Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в. // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII — XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. Кн. 1. С. 83.
- ²⁰ Отчет Дальревкома и Дальэкоза за 1923—1924 год. Хабаровск, 1925. С. 563; Петров А.И. Корейская диаспора в России... С. 17—35; Он же. Корейская иммиграция... С. 11—17; Торопов А.А. К вопросу о миграции корейского населения на Дальнем Востоке России (1863—1916) // Изв. РГИА ДВ. Владивосток, 1996. Т. 1. С. 104—106.
- ²¹ Пак В.К., Шабшина Ф.И. Героические дела корейских интернационалистов // Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918—1922). М., 1979. С. 8—10; Петров А.И. Корейская диаспора в России... С. 270—271, 273.
- ²² Хегай И.А. Корейская политическая эмиграция и антияпонское движение в Корею (1905—1919 гг.) // XX век и военные конфликты... С. 35—36; Петров А.И. Корейская диаспора в России... С. 282—300.
- ²³ Нам И.В. Страницы истории общественного самоуправления у корейцев русского Дальнего Востока (1863—1922 гг.) // Диаспоры. М., 2001. № 2—3. С. 157.
- ²⁴ Там же. С. 155.
- ²⁵ Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990. С. 230.
- ²⁶ Нам И.В. Страницы истории... С. 156.
- ²⁷ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье / Труды Амурской экспедиции. СПб., 1912. Вып. 11. С. 17.
- ²⁸ Дацышен В.Г. Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина XIX в.) // Диаспоры. М., 2001. № 2—3. С. 47.
- ²⁹ Там же. С. 51.
- ³⁰ Кабузан В.М. Дальневосточный край в XIX — начале XX вв. (1640—1917): Ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 155—156; Галлямова Л.И. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока (вторая половина XIX — начало XX в.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Проблемы истории, социально-экономического и культурного развития. Благовещенск, 2000. Вып. 3. С. 211.
- ³¹ Далекая окраина. Владивосток, 1917. 18 (5) июля. С. 2.
- ³² Обзор Приморской области за 1910 г. Владивосток, 1911. С. 41; Обзор Приморской области за 1911 г. Владивосток, 1912. С. 120.
- ³³ Романова Г.Н. Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX — начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов... С. 85.
- ³⁴ Цит по: Дацышен В.Г. Формирование китайской общины... С. 47.
- ³⁵ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917 гг.) М., 1989. С. 51—58.
- ³⁶ Дацышен В.Г. Формирование китайской общины... С. 46.
- ³⁷ Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. С. 101—104; Соловьев Ф.В. Китайское отходничество... С. 51—58, 64—66.
- ³⁸ Кабузан В.М. Дальневосточный край... С. 133—134.
- ³⁹ Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации и китайских мигрантов на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.): Ист. опыт. Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2000. С. 183. (Рукопись.)
- ⁴⁰ Дацышен В.Г. Формирование китайской общины... С. 46—47.
- ⁴¹ ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 17. Л. 192.
- ⁴² Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 105—120; Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации... С. 208—209, 212, 213, 214, 216; Петров А.И. Об одном из первых нововведений Н.Л. Гондатти в отношении китайских иммигрантов // Записки Амурского областного краеведческого музея и Общества краеведов. Благовещенск, 1999. Вып. 9. С. 54—57.
- ⁴³ Обзор Приморской области за 1912 г. Владивосток, 1914. С. 31.
- ⁴⁴ Обзор Приморской области за 1911 год. Владивосток, 1912. С. 32.
- ⁴⁵ Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906—1910 гг. СПб., 1912. С. 45.
- ⁴⁶ Кузин А. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы: Док.-ист. очерк. Южно-Сахалинск, 1993. С. 32.
- ⁴⁷ Корейский вопрос в Приамурье: Отчет поручика 1-го Сибирского стрелкового его Величества полка В.Д. Песоцкого // Тр. Амурской экспедиции. Хабаровск, 1913. С. 27.
- ⁴⁸ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество... С. 44.
- ⁴⁹ Петров А. И. Корейская иммиграция... С. 64.
- ⁵⁰ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество... С. 45.
- ⁵¹ См.: Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор... С. 105—120; Петров А. И. Корейская иммиграция... С. 14.
- ⁵² Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации... С. 219.
- ⁵³ Цит. по: Сорокина Т.Н. Китайские кварталы дальневосточных городов (конец XIX — начало XX в.) // Диаспоры. М., 2001. № 2—3. С. 65—66.
- ⁵⁴ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество... С. 73—74.
- ⁵⁵ Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк... С. 229.

- ⁵⁶ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество... С. 73; Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации... С. 174—180, 204—205; Сорокина Т.Н. Китайские кварталы...
- ⁵⁷ ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 107. Л. 26.
- ⁵⁸ Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье... С. 117—119, 124—127; Нестерова Е.И. Взаимодействие... С. 174—178; Сорокина Т.Н. Китайские кварталы... С. 72.
- ⁵⁹ См.: Петров А.И. Корейская иммиграция на Дальний Восток России... С. 274.
- ⁶⁰ Буяков А., Полутов А. Корейский узел // Родина. М., 1992. № 2. С. 42.
- ⁶¹ Петров А.И. Корейская иммиграция... С. 16.
- ⁶² Буяков А., Полутов А. Корейский узел... С. 43.
- ⁶³ Сорокина Т.Н. Китайские кварталы... С. 71.
- ⁶⁴ Цит. по: Кузин А. Дальневосточные корейцы... С. 31—32.
- ⁶⁵ ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 17. Л. 193—194.
- ⁶⁶ Торопов А.А. К вопросу о миграции корейского населения... С. 106—107; Петров А. И. Корейская иммиграция... С. 13.
- ⁶⁷ Корейский вопрос в Приамурье... С. 66—67.
- ⁶⁸ Там же. С. 124.
- ⁶⁹ Там же. С. 126.
- ⁷⁰ Петров А. И. Корейская иммиграция... С. 15.
- ⁷¹ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество... С. 70—72; Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации... С. 110.
- ⁷² Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации... С. 164—173.
- ⁷³ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество... С. 72, 74.
- ⁷⁴ Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации... С. 171, 174, 181.
- ⁷⁵ Там же. С. 181—182, 184, 188, 189.
- ⁷⁶ Там же. С. 200; Соловьев Ф.В. Китайское отходничество... С. 74—75.
- ⁷⁷ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество... С. 75—77.
- ⁷⁸ Там же. С. 77—81; Сухачева Г.А. Обитатели «миллионки» и другие: Деятельность тайных китайских обществ во Владивостоке в конце XIX — начале XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 1993. № 1. С. 62—70.
- ⁷⁹ Нестерова Е.И. Взаимодействие русской администрации... С. 202.
- ⁸⁰ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество. С. 84—85.
- ⁸¹ Там же. С. 86—90; Сухачева Г.А. «Бич страны». Хунхузы в Маньчжурии и Приморье в 20-е годы XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 1992. № 1. С. 92—101.
- ⁸² Моргуи З.Ф. Японская диаспора во Владивостоке (страницы истории) // Изв. Вост. ин-та ДВГУ. 1996. № 3. С. 91—96.
- ⁸³ Она же. Владивосток и японцы: Ист. очерк // Россия и АТР. Владивосток, 1993. № 2. С. 92.
- ⁸⁴ Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк... С. 279—280.
- ⁸⁵ Моргуи З.Ф. Японская диаспора во Владивостоке... С. 96.
- ⁸⁶ Там же. С. 93.
- ⁸⁷ ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 92. Л. 4, 8—9.
- ⁸⁸ Отчет Дальревкома и Дальэкозо за 1923—1924 год. Хабаровск, 1925. С. 35—36.
- ⁸⁹ Подсчитано по: Обзор Приморской области за 1914 г. Владивосток, 1916. Прил. 1.
- ⁹⁰ Подсчитано по: Салтыков Н.Н. Всероссийская городская перепись 1923 г. по Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1923. № 1—2. С. 5; Кремянский С.Е. Национальный состав сельского населения Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. № 4 (8). С. 33.

1.2.3. Этнокультурная деятельность мигрантов

Неотъемлемой частью миграционных процессов являлась адаптация прибывающего в край населения, которая проходила в разных сферах их жизнедеятельности и в конечном итоге в условиях полиэтничного состава мигрантов была результатом взаимодействия двух тенденций: интеграции в общую культурную среду и сохранения национальной идентичности.

В данном разделе мы рассмотрим некоторые процессы, которые отражали этнокультурное самовыражение оседавших в крае переселенцев и влияли на сохранение их национальной самобытности.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В дореволюционной России одним из главных элементов организованных форм этнокультурной деятельности общин, а порой и единственным, была конфессиональная жизнь. Именно эта сфера играла особо важную роль в сохранении этнической идентичности мигрантов на новых местах вселения.

Наиболее многочисленные группы переселенцев в Приморье — русские и украинцы — вместе с белорусами были носителями православия.

К началу XX в., по данным Обзоров Приморской области, православные составляли большинство верующих во всех административно-территориальных единицах Приморья: во Владивостоке — 56,2 %, в Никольске-Уссурийском — 71,5 %, в Южно-Уссурийском округе — 80,4 %, в Уссурийской казачьей округе — 82,7 %. Почти две трети общего числа православных, находившихся на юге Приморской области, проживали в сельскохозяйственном районе Южно-Уссурийского округа, где был особенно высок удельный вес выходцев из украинских губерний. Общая численность православного населения на юге Приморской области в 1900—1910-е годы постоянно росла, увеличившись с 83,7 тыс. в 1897 г. до 315,3 тыс. в 1914 г.

Прочные позиции православия определялись двумя факторами: массовостью мигрантов, носителей этой веры, и господствующим положением Русской православной церкви как официально государственной. Существенной привилегией РПЦ перед остальными было право ведения миссионерской деятельности, которая с особой активностью направлялась на местное аборигенное население и корейских мигрантов. В результате этой деятельности традиционный русско-украинский этнический состав православного населения пополнился корейским компонентом. Однако отчеты миссионеров и чиновников того времени и современные исследования показывают, что одним из первоочередных мотивов крещения корейских иммигрантов было стремление получить российское подданство. Поэтому принятие корейцами православия в основном являлось внешним событием, внутренне они продолжали сохранять свои традиционные религиозные воззрения и обычаи.

Как известно, небольшая часть этнических русских была представлена старообрядцами и представителями «старорусского сектантства». Официальная статистика дает следующие данные об их численности на юге Приморской области: 1897 г. — 1123 чел.; 1899 г. — 2077; 1900 г. — 1937; 1901 г. — 1879; 1902 г. — 1500; 1905 г. — 2209; 1906 г. — 2487; 1907 г. — 2786; 1908 г. — 3666; 1909 г. — 3907; 1910 г. — 4293; 1911 г. — 3111; 1912 г. — 4218; 1913 г. — 4393; 1914 г. — 3960 чел.¹ В среднем они составляли около 1 % от общей массы православных. Но эти небольшие общины отличались большой внутренней сплоченностью и закрытостью, что позволяло им длительное время сохранять свои этноконфессиональные традиции.

Стабильное положение в Приморье имела Римско-католическая церковь, занимавшая второе место по численности верующих (хотя на порядок меньше, чем православная: удельный вес католиков составлял 1—2 %) среди общин христианских конфессий. Традиционно ее приверженцами в России были практически все поляки, частично — литовцы, белорусы, латыши, немцы. Преобладание поляков среди католиков на Дальнем Востоке было очевидным: не случайно строившиеся в городах костелы называли не иначе, как польскими.

Первый и единственный католический приход на Дальнем Востоке возник еще в 1860-е годы в Николаевскена-Амуре, затем он был перемещен во Владивосток. Его ксендз обслуживал всю паству региона. Разрешение на строительство костела Владивостокским католическим приходом, как сообщает М.И. Ефимова, было получено только после возведения и освящения православного Успенского собора в 1898 г., так как при отсутствии последнего и наличии уже лютеранской кирхи у властей были опасения «возможности иноверной пропаганды среди православного населения». В 1900 г. был построен небольшой деревянный костел, который через два года сгорел. Сразу же был создан Комитет по строительству каменного храма. Строительство шло долго и завершилось только в 1921 г.² Католическое население на юге Приморской области в 1897—1914 гг. составляло от 1,8 до 4,9 тыс. чел. (см. табл. 2) и в значительной степени было представлено военными служащими.

Следующую позицию по численности верующих-христиан занимала Евангелическо-лютеранская церковь. Удельный вес ее прихожан в Приморье составлял 0,5—0,7 % от общего числа верующих. Лютеране появились во Владивостоке вместе с первыми поселенцами — этническими немцами, латышами, эстонцами, финнами, шведами — в начале 1860-х годов. В 1880 г. во Владивосток прибыл первый лютеранский пастор К.-А. Румпетер, уроженец Лифляндии. После его смерти в 1912 г. его сменил пастор А. Леста, родом из Эстонии (служил во Владивостоке с 1914 по 1922 г.). Так же, как и католический ксендз, владивостокский пастор являлся единственным в регионе священнослужителем своей конфессии. Деревянная лютеранская кирха была одним из первых культовых зданий во Владивостоке, в начале XX в. ее сменила каменная.

Представление об этническом составе общины дают сведения, приведенные М. Брокманном. По его данным, в 1905 г. в общину входило 3154 чел.: 1715 немцев, 693 латыша, 673 эстонец, 36 финнов, 26 шведов и 11 армян³. По-видимому, эти цифры относятся ко всему лютеранскому приходу региона. Что касается лютеран, проживавших на юге Приморской области, то по официальным данным, их было в 1900 г. — 1,1 тыс. чел., 1901 г. — 1,2 тыс., 1902 г. — 1,5 тыс., 1905 г. — 0,9 тыс., 1906 г. — 1,9 тыс., 1910 г. — 2,9 тыс., 1911 г. — 2,5 тыс., 1912 г. — 2,5 тыс., 1913 г. — 2,9 тыс., 1914 г. — 2,1 тыс. чел. (данные за 1900—1902 гг. включают и число других протестантов, в дальнейшем в отчетах они выделены в графы «реформаторы», «евангелисты», «англиканцы»; мы не будем рассматривать материалы об этих категориях верующих в связи с отсутствием возможности анализа их этнического состава и малочисленностью). Подавляющее большинство лютеран проживало во Владивостоке. В 1910-е годы в отчетах появляются сведения о группах лютеран порядка 100—600 чел., проживавших в Иманском уезде, и 150—200 чел. — в Ольгинском уезде.

Среди других протестантских общин следует выделить пресвитерианскую, состоящую исключительно из корейцев. Пресвитерианство стало широко распространяться в Корею в конце XIX в. под воздействием американских и европейских миссионеров, получивших доступ на Корейский полуостров в результате колониальной политики западных держав. Согласно исследованию Чой Нам Сика, первые сведения об организованной деятельности пресвитериан в Приморье относятся примерно к 1909 г., когда во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Имане, других городах и селах Дальнего Востока развернуло свою работу корейское общество «Кунминхве», имевшее руководящий центр в США (см. разд. 1.2.2.). Под его прикрытием стали нелегально вести активную пропаганду американские миссионеры корейского происхождения. Во Владивостоке в старой и новой Корейских слободах с 1910 г. существовало два пресвитерианских молельных дома. По официальным

данным к 1911 г. в пресвитерианство было обращено во Владивостоке 300 чел., в Никольске-Уссурийском — 100, в сельских районах Приморья — 200 чел. В 1911 г. по этому поводу разразился публичный скандал, и миссионеры вынуждены были спешно покинуть Россию, а один из проповедников принял православие. Однако каких-либо серьезных репрессий против проповедников и верующих не последовало, не были закрыты и молельные дома. В 1914 г. Комиссия по делам православной церкви Приамурского генерал-губернаторства отмечала расширение влияния американских миссионеров-пресвитериан среди проживающих в крае корейцев⁴.

Самой малочисленной из христианских общин в Приморье была армяно-григорианская. Количество ее членов, составлявшее 14 чел. в 1897 г., к 1914 г. возросло до 414. По-видимому, приезд в край приверженцев этой религии — армян — носил единичный и случайный характер. Кроме того, известно, что часть армян исповедовали католичество, а некоторые, как это показано выше, лютеранскую веру.

В целом по Приморью доля христиан различных конфессий в общем составе верующих составляла 72—81 %. Число приверженцев других мировых религий — ислама и иудаизма — было невелико. Так, мусульман, проживавших на юге Приморской области в 1897—1914 гг., насчитывалось от 250 до 660 чел., иудеев — от 200 до 2,3 тыс. (см. раздел 1.2.1.) В связи с тем, что большинство мусульман были военными, их культурные потребности отправлял военный полковой мулла Багаутдинов⁵.

Иудейская община существовала во Владивостоке с конца 1880-х годов. Обязанности раввина в ней исполнял ученый еврей. В 1907 г. евреи города получили разрешение на открытие молельного дома с условием избрания из своей среды общественного раввина. На эту должность в дореволюционный период выбирались Гельфенштейн, А.Л. Рабинович, Л.Г. Беняш, С.Л. Скидельский⁶.

До сих пор речь шла о конфессиях, которые были привнесены на территорию Приморья вместе с этническими группами, мигрировавшими из различных регионов Российской империи и немногими выходцами из европейских стран. Но для края было характерно также присутствие значительной массы приверженцев дальневосточных религий, носителями которых были мигранты из соседних стран Юго-Восточной Азии. В губернаторских отчетах по Приморской области фигурировали группы конфуцианцев, буддистов и синтоистов, причем в начале века они не разделялись и шли одной графой, позже «конфуцианцы» были выделены в самостоятельную графу.

Общее число приверженцев «восточных» конфессий на юге Приморской области составляло: в 1897 г. — 37,7 тыс. чел., 1899 г. — 45,8 тыс., 1900 г. — 39,3 тыс., 1901 г. — 39,5 тыс., 1902 г. — 48,9 тыс., 1905 г. — 48,9 тыс., 1906 г. — 69,6 тыс., 1907 г. — 85 тыс., 1908 г. — 80,4 тыс., 1909 г. — 88,4 тыс., 1910 г. — 79,1 тыс., 1911 г. — 85,4 тыс., 1912 г. — 85,0 тыс., 1913 г. — 77,1 тыс., 1914 г. — 81,6 тыс. чел., а их удельный вес в составе всего верующего населения края — от 19 до 25 %. Из них зарегистрированное число конфуцианцев в 1910—1914 гг. колебалось от 1,4 тыс. до 14,3 тыс. чел. Проживали они большей частью в Ольгинском и Никольск-Уссурийском уездах, во Владивостоке. Китайцы-конфуцианцы имели сплоченное и хорошо организовано духовенство, которое контролировало семейную и общественную жизнь китайского населения⁷.

подавляющую часть «восточников» составляли буддисты. Они были размещены по краю повсеместно. Проанализировать этнический состав каждой из «восточных» конфессиональных общин по имеющимся официальным статистическим данным довольно сложно. Между тем, среди китайцев были буддисты и конфуцианцы, среди корейцев — конфуцианцы, православные, методисты, пресвитериане, среди японцев — буддисты и синтоисты.

В работах дальневосточных историков (З.Ф. Моргун, И.К. Капран, О.В. Усталова) освещена деятельность японской буддийской общины. Японская буддийская секта «Хонгандзи» появилась во Владивостоке в 1881 г. С 1886 г. она имела свою молельню. Второй ее настоятель Ота Какуми основал также буддийские общины в Хабаровске и Уссурийске. На время русско-японской войны в связи с эвакуацией японцев из страны их буддийская община и молельня были закрыты. Община возобновила свою деятельность в 1909 г. и тогда же получила разрешение на строительство буддийского храма «Урадзио хонгандзи» в японском стиле. Однако русские власти не сразу пошли на этот шаг, так как, с одной стороны, опасались, что кумирня может быть использована японцами в военных (разведывательных) целях, а с другой — учитывали протест со стороны частных лиц и административных учреждений, указывавших на слишком близкое соседство отведенного для «языческого» храма места с православным (Покровской церковью). Старейший восточный храм города был построен в 1913 г. За время его существования (до 1937 г.) там работали в разное время 26 японских миссионеров⁸.

Таким образом, с освоением юго-восточной окраины Российской империи здесь в общих чертах была воспроизведена конфессиональная структура российского общества, которая соответствовала этнокультурным традициям прибывшего в край населения. Господствующее положение имела русская православная церковь как в юридическом отношении, так и по охвату верующих, основную массу которых представляли русские и украинцы. Небольшую, но стабильную группу представляли опальные русские раскольники. Неизменными элементами местной конфессиональной структуры были небольшие общины других христианских конфессий — католическая, лютеранская, армяно-григорианская, а также других мировых религий — ислама, иудаизма. Новым для российского культурного пространства элементом, привнесенным китайскими, корейскими и японскими иммигрантами, стали общины «восточных» религий — конфуцианства, буддизма и синтоизма.

Каждая из религиозных общин заняла свою нишу в местном социуме, являясь одним из важных условий сохранения духовного стержня культур переселенцев (собственно религиозная деятельность), воспроизводства их материально-художественных артефактов (церковные здания, культовая утварь и т. д.), а также поддержания жизнеобеспечения единоверцев, так как практически при всех общинах имелись благотворительные общества. Нами не обнаружено материалов, которые могли бы свидетельствовать о существовании в Приморье межконфессиональных конфликтов или вражды. Вместе с тем не отмечается и каких-либо серьезных межконфессиональных влияний, смены вероисповедания, за исключением случаев, оговоренных выше.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Общий уровень грамотности среди различных этнических групп в Приморской области существенно разнился. По данным переписи 1897 г., наиболее высоким он был у немцев (78,3 % муж. и 79,9 % жен.), литовцев и латышей (72,6 и 76,8 %), евреев (62,6 и 45,7 %). В славянском населении первые позиции по этому показателю занимали белорусы (61,7 и 30,4 %) и поляки (54,7 и 66,8 %). У русских грамотными были только 47,1 % мужчин и 19,1 % женщин. Украинцы, представленные в основном крестьянством, отличались очень низким образовательным уровнем — 26,9 и 2,7 %. Примерно таким же, как у украинцев, было положение у татар (23,5 и 3,1 %). Среди восточных иммигрантов более существенное значение образованию придавали японцы (59,5 и 23,8 %). В китайской общине грамотными были 32,3 % мужчин и 5,9 % женщин⁹.

Следует полагать, что приведенные показатели являлись результатом получения образования еще в местах выхода мигрантов, поскольку значительная их масса прибыла в Приморье будучи взрослыми. По мере роста населения края за счет семейных переселенцев все более злободневным становился вопрос о развитии собственной сети школ, гимназий, училищ. Как и в целом по стране, она базировалась на русской системе преподавания и была представлена государственными и церковноприходскими учебными заведениями.

Вместе с тем были сделаны шаги в организации школ национального типа. Эта задача не была простой, так как ее решение упиралось в недостаток материальных средств на организацию такого рода учебных заведений, а также в определенные ограничения этнокультурной деятельности, которые существовали в Российской империи. Первыми из национальных учебных заведений в Приморье стали созданные в некоторых селах в 1860—70-е годы корейские миссионерские школы. В течение всего дореволюционного периода сеть корейских школ постоянно развивалась и к 1917 г. состояла из 43 правительственных и 182 миссионерских школ, не считая некоторого числа нелегальных¹⁰.

Правительственные корейские школы находились в ведении российского Министерства народного просвещения и обслуживали главным образом русскоподданных корейцев. Преподавание в таких школах велось исключительно на русском языке. Второй тип школ создавался различными религиозными организациями с преподаванием на корейском языке. Миссионерские школы существовали за счет пожертвований населения при небольшой помощи государственной казны или духовенства. Они были доступны корейцам, независимо от их подданства¹¹. В нелегальных корейских школах, т. е. открытых без надлежащей санкции и работавших тайно, преподавание велось корейскими учителями по учебникам, изданным в Корее, в том числе и японским правительством после аннексии Кореи Японией¹².

Другая община иностранных иммигрантов — японская — организовала в 1894 г. во Владивостоке начальную школу для своих детей при буддийской молельне. Школа сначала существовала на пожертвования, а с 1902 г. — за счет расходов коммерческого агента и местного японского общества. После перерыва, вызванного русско-японской войной, она вновь открылась в 1907 г., а в 1908 г. японское консульство возбудило официальное ходатайство о разрешении функционирования школы на основании российских законов. Но только в 1913 г. российское Министерство народного просвещения разрешило преподавание в ней на японском языке всех предметов, кроме русского языка, истории и географии России. Здание школы было построено на пожертвования японских резидентов. Общественное попечительство подчинялось японскому консулу и через него получало инструкции от японского министра народного образования¹³.

В конце XIX — начале XX в. стали появляться отдельные школы, организованные и содержавшиеся этническими и конфессиональными общинами переселенцев российского происхождения. Однако они представляли собой небольшие учебные заведения, и их было весьма немного. В течение дореволюционного периода свои начальные школы с преподаванием на родном языке удалось организовать только сравнительно не крупным общинам в Приморье — польской (школа во Владивостоке), эстонской (школа в пос. Северная Лифляндия) и молдавской (школа в пос. Бессарабия)¹⁴. Естественно, что они могли охватить лишь самую незначительную часть детей поляков, эстонцев и молдаван, находившихся в крае.

Остальные этнические группы либо не предпринимали попыток организации собственных школ ввиду своей малочисленности, либо не имели для этого необходимых условий. Например, украинцы до 1917 г. были лишены права не только создания национальных школ, но и использования родного языка в печатных изданиях, церковных службах и т. д.

Трудной проблемой было получение национального образования евреям, так как традиционные еврейские школы разрешалось иметь только в черте оседлости. Евреи Сибири и Дальнего Востока неоднократно обращались к властям с прошением об их открытии, но всегда получали отказ. Единственная в регионе школа Талмуд-Тора в Иркутске влачила жалкое существование¹⁵.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Среди других организованных форм этнокультурной деятельности в Приморье в рассматриваемый период можно выделить и общественно-политическую, однако она была слабо развита, что во многом объяснялось отставанием общественной жизни на Дальнем Востоке от центра.

Любопытное замечание по этому поводу оставил побывавший в крае в конце XIX в. А. Виноградов: «Миллионы русского правительства притягивают сюда массу лиц, ищущих наживы. Большая часть этих дельцов очень неблагодарна к обогащающему их городу и смотрит на него, как на временное местопребывание... Поэтому не удивительно, что во Владивостоке отсутствует общественная жизнь: она здесь немыслима... Здесь можно встретить русских, поляков, французов, кавказских горцев, корейцев, англичан, китайцев, немцев, японцев, американцев и прочих. Какая же общественная жизнь может сложиться при таком разнообразии народностей? Естественно, что жители Владивостока разбиваются на кружки по национальностям и мало или почти не общаются с людьми, не принадлежащими к данному кругу»¹⁶. Однако следует заметить, что упомянутые автором «кружки по национальностям» имели характер бытового общения, а не зарегистрированных организаций. Стремление к организованным формам этнообщественной деятельности было довольно слабым, частью из-за инертности местного населения, частью — в связи с запретительной политикой царизма, особенно в политической сфере, что было характерно для этнических групп российского происхождения.

Так, В.В. Романова в своем исследовании показывает, что процесс «пробуждения российского еврейства» к национально-политической активности, развернувшийся в начале XX в., мало затронул евреев Сибири и Дальнего Востока. Лишь сионистская организация проявила здесь определенную активность (в Чите), однако по Приморью сведений об этом не выявлено¹⁷.

После некоторой либерализации политического режима, последовавшего за революцией 1905 г., первые шаги в общественно-политической сфере сделали в Приморье украинцы. Согласно исследованиям В.А. Черномаза, в октябре 1907 г. группа студентов Восточного института организовала Владивостокскую студенческую украинскую громаду. Но она просуществовала недолго и в 1909 г. была запрещена в соответствии с приказом министра народного просвещения. В том же году была предпринята попытка получить разрешение на регистрацию украинского культурно-просветительного общества «Просвита» в Никольске-Уссурийском, но не увенчалась успехом¹⁸. А в начале 1910 г. российским правительством был наложен запрет на создание каких-либо культурно-просветительных обществ инородцев, которые, по мнению властей, содействовали пробуждению «узкого национально-политического самосознания» и вели «к углублению начал национальной обособленности и розни». При этом особо были выделены общества украинцев и евреев¹⁹.

После роспуска студенческой громады при Народном доме во Владивостоке образовался полулегальный кружок, главной задачей которого было содействие национальному просвещению украинского населения с помощью спектаклей и распространения литературы на украинском языке. Начиная с 1909 г. украинской общественностью Владивостока ежегодно устраивались Шевченковские Свята (вечера памяти Т. Шевченко), другие литературно-музыкальные мероприятия, концерты, спектакли²⁰.

Значительно большей внутренней организованностью отличались группы восточных иммигрантов, но, как показано выше (см. разд. 1.2.2.), их общественная жизнь носила закрытый характер, а политическая деятельность корейцев была тесно связана с национально-освободительным движением на родине.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Наиболее яркое и эмоционально-действенное выражение этнической самобытности населения было представлено в художественной культуре. Здесь мы не рассматривали формы бытовой культуры, традиционной обрядности и народного творчества, которые не требовали специальной организации и сохранялись в основном в сельской местности. Что касается организованных форм в данной сфере, то для Приморья этого периода характерным элементом стал национальный театр. Однако он получил воплощение только в среде двух этнических групп — украинской и китайской.

В связи с большим количеством переселенцев из украинских губерний украинская музыкальная ориентация в художественной культуре на Дальнем Востоке изначально была очень заметной. Большой популярностью среди любителей искусства в Хабаровске и Владивостоке пользовалась опера Лысенко «Наталка-Полтавка». В концертах постоянно исполнялись украинские народные песни. В конце XIX — начале XX в. в Приморье с гастрольями стали приезжать украинские театральные труппы²¹.

Первое упоминание о них относится к 1898 г.: тогда пресса сообщала о концертно-театральной деятельности Малороссийской труппы И. Яворского и К. Мирославского²². Дебют труппы был успешным. По этому поводу местный критик писал: «Наш Уссурийский край с его Полтавками, Черниговками, Никольскими, Спасскими и т. д. тесно связан кровным родством с югом Европейской России, с Малороссией, откуда он получил большую часть теперешнего русского населения... Малороссийское наречие, быт, нравы Малороссии, ее безусловно музыкальные, художественные мотивы — все это, несомненно, должно интересовать и нравиться публике»²³. Позже появились любительские театральные кружки, в которых участвовали представители украинской интеллигенции, военные и служащие. Например, такие кружки активно работали среди моряков Владивостока. Во время первой мировой войны на Дальнем Востоке гастролировала постоянная труппа украинских профессиональных артистов под руководством К. Кармелюка-Каменского²⁴.

Свои национальные театры в регионе создавали и представители другой многочисленной группы мигрантов — китайцы, большие любители зрелищ и развлечений. По сведениям Ф.В. Соловьева, китайские театры, клубы, игорные дома имелись почти в каждом крупном населенном пункте российского Дальнего Востока, где проживало значительное число китайцев. Официально китайские театры существовали во Владивостоке, Никольске-Уссурийском и Хабаровске²⁵.

Любопытно, что во Владивостоке первый китайский профессиональный театр был создан в 1899 г. на месяц раньше русского. Он был построен китайским купцом Чэн Шанли в районе «Миллионки», вмещал большое количество зрителей и по ценам на билеты был доступен разным слоям китайских жителей. Позже в городе появился и второй театр, ориентированный на более респектабельную публику. По внутреннему устройству и репертуару театры во Владивостоке были подобны тем, которые существовали в Чифу и других городах Китая. Представление, проходившее каждый вечер, а по выходным — и утром, включало 5—6 пьес, цирковые номера и гимнастические упражнения. Традиционная китайская пьеса, воплощавшая красочный мир древних легенд, соединяла в себе черты балета, пантомимы, оперы, драматического представления, акробатики, военного искусства. При этом некоторые пьесы требовали до 30—40 участников. Поэтому владивостокская труппа насчитывала около 60 актеров. Русского человека, попавшего в китайский театр, удивляло не только действие на сцене, но и в зрительном зале. По свидетельству современника, во время представления зрителям давали чай и полотенце для вытирания пота, арбузные семечки, напитки. «...Публика галдит, пьет чай, пиво, грызет семечки, но слушает и выражает артистам одобрение криком»²⁶.

Не менее экзотично выглядели и бродячие китайские артисты. Вот как описывает их А.П. Георгиевский: «Собравши вокруг себя небольшую толпу, китайцы-фокусники с шутками и прибаутками проделывают различные фокусы... с шариками ...заставляют проделывать фокусы мышей и свинок; заставляют плясать обезьяну или медведя; перевертываются через голову на обеих руках... нагибаются назад через спину так, чтобы достать зубами брошенную кем-либо на землю монету...»²⁷

* * *

Таким образом, этнические группы представляли собой и реализовывали себя как часть многонационального социума края. Вместе с тем этническая самоидентификация являлась основой для реализации каждой из групп специфических форм коммуникации и самовыражения. Сохранение и воспроизводство национальных традиций населением Приморья в разных сферах жизни шло с разной степенью интенсивности и успешности.

Обязательным атрибутом того времени была конфессиональная деятельность, которая осуществлялась в легальных формах всеми этническими группами с поголовным охватом населения. Однако другое важное направление — национальное образование — оказалось доступным в основном мигрантам иностранного происхождения. Организованные виды национальной художественной культуры на профессиональном и любительском уровнях были представлены в крае лишь украинским и китайским театрами. Общественно-политическая деятельность на национальной почве находилась в зачаточном состоянии.

Все рассмотренные направления этнокультурной деятельности способствовали, с одной стороны, сохранению этнической идентичности разных групп мигрантов, с другой — формированию общего полифоничного культурного пространства, отразившего встречу и соседство славянской и восточной культур.

Однако это вовсе не исключало, а делало закономерным наличие ассимиляционных процессов в Приморье, что наиболее ярко проявлялось среди мигрантов российского происхождения, особенно — разных групп славянского. Исследования этнологов показали, что в результате интенсивного заселения края шел процесс слияния русских, украинцев и белорусов и формирования некоего дальневосточного субстрата культуры с превалированием русскоязычного населения. Эта тенденция усиливалась в условиях быстрой урбанизации освоенных земель, поскольку в городах процессы ассимиляции и аккультурации шли быстрее, чем в сельской местности. Сглаживание первичной этнической неоднородности достигалось путем перемены самосознания в пользу доминирующего русского этноса, что сопровождалось переходом на русский язык и включением в общее пространство национальной культуры²⁸.

- ¹ Обзоры Приморской области за 1897, 1899, 1900, 1901, 1902, 1905, 1906, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 гг. Используются данные таблиц «Распределение населения по вероисповеданию».
- ² Ефимова М.И. История развития католицизма на Дальнем Востоке // Янковские чтения (Материалы конференций 1992, 1994, 1996 гг.). Владивосток, 1996. С. 82—84; Она же. К истории польской колонии во Владивостоке // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999. С. 66—68.
- ³ Брокманн М. Значение Евангелическо-Лютеранской церкви в развитии и строительстве России и, в частности, на Дальнем Востоке // Христианство на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. Ч. 1. С. 11—14.
- ⁴ Чой Нам Сик. Первые корейские пресвитериане в Приморье // Первый Приморский форум «Межконфессиональное и межнациональное развитие: Опыт. Сотрудничество. Проблемы. Перспективы». Владивосток, 2000. С. 148—151.
- ⁵ Якуб Р.Я. Исенмесез, дуслар! // Многонациональное Приморье... С. 70—71.
- ⁶ Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке России (вторая половина 19 — первая четверть 20 вв.). Хабаровск, 2000. С. 50, 51, 41—42; Нафикова С. Владивостокская синагога в документах // Прикосновение к истории. Владивосток, 2000. С. 12, 15; Сагитова И. Еврейская диаспора Приморского края (вторая половина XIX — начало XX века) // Там же. С. 35.
- ⁷ Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 411.
- ⁸ Моргун З.Ф. Владивосток и японцы: Ист. очерк // Россия и АТР. Владивосток, 1993. № 2. С. 95; Капран И.К. Религиозные общины японцев, корейцев и китайцев во Владивостоке в 20—30 гг. XX в. // Пятая Дальневосточная конференция молодых историков. Владивосток, 1998. С. 70; Усталова О.В. Документы Российского государственного исторического архива об образовании общин и строительстве церквей неправославных христиан на Дальнем Востоке // Христианство на Дальнем Востоке... С. 86.
- ⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Тетр. 3. СПб, 1905. С. XII.
- ¹⁰ Кузин А. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы: Док.-ист. очерк. Южно-Сахалинск, 1993. С. 84—86.
- ¹¹ Вестник Приморского ГУБОУО. Владивосток, 1923. № 12. 25 мая. С. 20—21.
- ¹² Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60—90-е годы XIX века. Владивосток, 2000. С. 206.
- ¹³ Моргун З.Ф. Владивосток и японцы... С. 96.
- ¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 2. Д. 152. Л. 37; Рекк-Лебедев А. Дальневосточная Лифляндия: Эстонцы на уссурийской земле. Таллинн, 1989. С. 30—32.
- ¹⁵ Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке... С. 45—46.
- ¹⁶ Цит. по: Новиков Д.Г. Проблемы формирования интеллигенции Дальнего Востока России в контексте особенностей дальневосточной культурной среды (вторая половина XIX — начало XX в.) // Проблемы славянской культуры и цивилизации. Уссурийск, 2001. С. 26.
- ¹⁷ Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке... С. 71—72.
- ¹⁸ Черномаз В.А. Украинцы Приморья // Многонациональное Приморье... С. 27.
- ¹⁹ Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке... С. 174.
- ²⁰ Черномаз В.А. Украинцы Приморья... С. 27.
- ²¹ Королева В.А. К проблеме социокультурной подвижности: Динамика художественной культуры в Приморье (1880-е — 1941 гг.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 129—130.
- ²² Владивосток. 1898. № 42. С. 7—9.
- ²³ Владивосток. 1898. № 50.
- ²⁴ Черномаз В.А. Украинцы Приморья... С. 27.
- ²⁵ Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917 гг.). М., 1989. С. 84.
- ²⁶ Мизь Н. «Север» и «юг» сошлись на востоке // Океанские вести. Владивосток, 2001. № 9. С. 14; Из газеты «Приамурские ведомости», 1899 г. // Там же. С. 15.
- ²⁷ Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 4. Фольклор Приморья. Владивосток, 1929. С. 111.
- ²⁸ Аргудяева Ю.В. Проблемы этнической истории восточных славян Приморья и Приамурья // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994. С. 21, 27; Фетисова Л.Е. Этнографическое изучение городов Приамурья и Приморья // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 235.

Глава 2. ЭТНОМИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРИМОРЬЕ В 1917—1930-е ГОДЫ

2.1. ХАРАКТЕР МИГРАЦИЙ В КРАЕ В ПЕРИОД МЕЖДУ КРУШЕНИЕМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И УТВЕРЖДЕНИЕМ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917—1922 гг.)

НАПРАВЛЕНИЯ И СОСТАВ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Период 1917—1922 гг. является особым в истории Приморья. Начало его ознаменовалось крушением монархического строя в России, на смену которому в крае пришла череда неоднократно менявшихся режимов и правительств разной политической окраски. События Февральской и Октябрьской революций, продолжавшаяся первая мировая и начавшаяся гражданская война, иностранная военная интервенция привели к дестабилизации жизни региона. Массовые миграции этого времени носили стихийный характер и трудно поддавались учету.

В край прибывали и убывали большие потоки гражданских беженцев. Часть из них оседала здесь на длительное время, тогда как другая пыталась по железной дороге вернуться домой или проследовать в эмиграцию: через сухопутную границу — в соседнюю Маньчжурию и морем — в другие страны. В Приморье беженцы концентрировались в основном в городах Владивостоке, Никольске-Уссурийском и на станциях железной дороги, создавая ужасную скученность. Серьезнейшими проблемами стали квартирный вопрос и продовольственное снабжение. Характерен в этом отношении приказ начальника военных сообщений полковника Меди от 22 января 1920 г.: «Приказываю произвести уплотнение в жилищах и помещениях в 5-верстной полосе и разместить беженцев, живущих в вагонах. Чинам милиции приказываю оказать в этом всякое содействие. Приказываю телеграфировать о количестве вагонов, занятых беженцами, а также о затруднениях, какие могут при этом встречаться»¹.

Тяжелейшее положение создалось во Владивостоке, население которого, составлявшее в 1917 г. 109,5 тыс. чел.², к 1919 г. увеличилось почти в 3 раза, о чем свидетельствует записка городского головы управляющему Приморской областью от 6 октября 1919 г.: «...Вся та беспрестанно наплывающая и все увеличивающаяся волна беженства и передвижного элемента, то убывающего из города, то прибывающего в него, совершенно ускользает от учета статистического подотдела, так как он не имеет в своем распоряжении такого постоянно действующего контрольного аппарата, как, например, адресный стол. Поэтому полагаю, что сведения относительно того, что общее число населения превышает 300 тыс. чел., нисколько не противоречат действительности, судя по тому, что все жилые строения во Владивостоке заняты без остатка, а квартиры уплотнились в несколько раз. Кроме того... создалось до тысячи построек захватным порядком, а квартирный кризис все усиливается»³.

Этнический состав беженцев был весьма пестрым, поскольку они прибывали из разных мест страны, охваченных мировой и гражданской войнами. Точного учета беженцев не производилось, и мы имеем о них лишь самые отрывочные статистические сведения. Тем не менее среди этой категории мигрантов выделялись выходцы из стран Балтии, которые в городах региона создавали беженские комитеты и пытались производить регистрацию соплеменников. Так, в июне 1920 г. во Владивостоке было учтено около 2 тыс. латышских беженцев⁴. В край продолжали прибывать и польские беженцы как стихийно поодиночке, так и организованно целыми учреждениями. Например, осенью 1917 г. во Владивосток из Варшавского округа было переведено реальное училище⁵. В октябре 1920 г., во время отступления японских частей из Хабаровска в Приморье, вместе с ними, опасаясь репрессий новой власти, бежали 375 поляков, для которых при содействии японского командования были выделены железнодорожные вагоны. Польские беженцы осели во Владивостоке и Никольске-Уссурийском, куда временно переместилось из Хабаровска и польское консульское агентство⁶.

Особую категорию российских мигрантов представляли военнослужащие различных армий, а также многочисленные партизанские отряды, определить точную численность которых не представляется возможным. Наиболее массовый наплыв белых частей наблюдался в конце 1920 — начале 1921 г. после ликвидации так называемой «Читинской пробки» и эвакуации семеновских и каппелевских войск в Приморье. Согласно исследованию Ю.Н. Цыпкина в ноябре-декабре 1920 г. по КВЖД из Забайкалья в сторону Приморья двигалось 76 эшелонов с 26 тыс. чел., включая строевые части, раненых и гражданских беженцев. К началу января 1921 г. более 18 тыс. солдат и офицеров, не считая женщин и детей, прибыли на место. Разместили их в Гродеково, Никольске-Уссурийском, с. Раздольном и Владивостоке. Часть военных в дальнейшем участвовала в боевых действиях на стороне белой армии, более 800 чел. перешли на сторону красных и отбыли в Хабаровск. Социальный состав эвакуированных в Приморье частей виден из данных, полученных разведкой Народно-революционной армии ДВР. На начало января 1922 г. 15 % армейских подразделений составляли рабочие, 50 % — крестьяне и казаки,

35 % — интеллигенция. Личный состав армии отличался высоким удельным весом офицеров — от 30 до 40 %. По этническому признаку в армии кроме славян было значительное количество татар и башкир, набранных во время прохождения белых частей через Среднее Поволжье и Приуралье. В октябре 1922 г. агонизирующее войско бежало за границу. Около 6—7 тыс. солдат, офицеров и беженцев на судах Сибирской флотилии и Доброфлота, частных пароходах и шаландах ушли в Корею, оттуда в Шанхай, а затем в Манилу. Другая группа из 9 тыс. чел. пешим порядком добралась до китайского города Хуньчунь, а затем была размещена в Гирине. Около 3 тыс. чел. переправились в Китай по железной дороге через ст. Пограничную, откуда были направлены в Цицикар. Не всем участникам белого движения удалось эвакуироваться, некоторые сознательно остались в России. Во Владивостоке, например, большевикам сдались 34 генерала и более 2 тыс. офицеров и чиновников последнего белого режима, не считая рядовых⁷.

Еще одна группа российских мигрантов состояла из 25 тыс. бывших русских военнопленных первой мировой войны. В 1920 г. они были привезены в Приморье из Европы и до отправки домой размещены в казармах. В 1921 г. во время эвакуации из Забайкалья белых частей бывшие военнопленные, выселенные из казарм, создали весьма напряженную ситуацию⁸. Нам не удалось найти материалов о том, была ли решена проблема их отправки в места проживания до начала советизации Приморья.

В 1917—1922 гг. несколько изменился характер иностранной иммиграции, увеличился приток корейцев в Приморье. Неудавшееся мартовское восстание 1919 г. в Корее послужило новым толчком к массовому бегству корейцев в российские пределы. Если в 1917 г. в сельских районах юга Приморской области было зарегистрировано 52,3 тыс. корейцев, то в 1923 г. — 91,6 тыс. Особенно высокий прирост корейского населения был в Ольгинском (+99,3 %) и Посыетском (+97,7 %) районах Владивостокского уезда и в Никольск-Уссурийском уезде (+77,2 %)⁹.

В рассматриваемый период усиления притока китайцев в Приморье не наблюдалось, а в некоторых районах их численность даже несколько уменьшилась, что можно объяснить дестабилизацией рынка труда и политическими катаклизмами. Например, сравнение переписей 1917 и 1923 гг. показывает, что число китайцев в сельской местности юга Приморья в общей сложности уменьшилось с 5144 чел. до 4913 чел., в том числе в Никольск-Уссурийском и Спасском уездах — с 3196 до 2107 чел., а во Владивостокском увеличилось с 1948 до 2806 чел.¹⁰

Местные государственные органы отмечали также убыль китайцев из Владивостока¹¹. По данным полицейского учета, в 1916 г. во Владивостоке было 21317 китайских подданных, а в конце декабря 1922 г. (по сведениям городского адресного стола) — только 9 тыс. чел.¹², хотя мы не можем ручаться за точность этих цифр, так как в 1923 г. городская перепись насчитала здесь уже 20498 китайцев¹³. Отъезд китайцев на родину был характерен для России повсеместно. Например, по данным Ф.В. Соловьева, сразу после революции 1917 г. в Сибири и на Дальнем Востоке находилось до 400 тыс. китайских граждан. К середине 1922 г. на Дальнем Востоке оставалось до 200 тыс. чел., а к началу следующего года — уже около 150 тыс.¹⁴

По переписям 1923 г. общая численность китайских иммигрантов на юге Приморской губернии (Владивостокский, Никольск-Уссурийский и Спасский уезды с городами) составила 37608 чел., т. е. почти не изменилась по сравнению с данными полицейского управления за 1916 г. (37180 чел. без русскоподданных)¹⁵.

В годы войны на юге Приморской области значительно выросла японская колония. Если в феврале 1916 г. в ней насчитывалось 2009 чел., из которых 1678 находились во Владивостоке и 260 чел. в Никольске-Уссурийском¹⁶, то к 1920 г., как сообщала газета «Голос Родины», только во Владивостоке она достигла небывалого числа — 7000 чел.¹⁷

Очевидной причиной усиления японской иммиграции в Приморье была иностранная интервенция, которая создала благоприятные условия для японского экономического присутствия в регионе. Не случайно, когда в 1920 г. началась эвакуация интервентов из Приамурья, вслед за ними уезжали и японские гражданские лица. Так, в марте из Благовещенска и районов Амурской железной дороги во Владивосток прибыло несколько сотен человек. Одновременно был отмечен массовый отъезд японского населения из Владивостока. Многие собственники, ремесленники и предприниматели ликвидировали свои дела и возвратились на родину. По данным местного японского общества, в феврале 1920 г. ежедневно не менее 50 чел. оформляли паспорта для выезда за границу¹⁸. В марте японцы получили 1038 виз на выезд, в то время как русские билеты на проживание во Владивостоке — только 269 чел.¹⁹ По переписи, проведенной японским консулом в 1921 г., во Владивостоке и окрестностях находилось 4910 чел. гражданского японского населения. Примерно такое же количество осталось после эвакуации японской армии 25 октября 1922 г.²⁰

Большинство японских иммигрантов в Приморье занимались торговлей и предпринимательством. Во Владивостоке работали отделения японских фирм «Судзуки и Ко», «Мицуи», «Кухара», «Мицубиси» «Нихон-Моохе» и др. Японцы вели хищническую эксплуатацию лесных и рыбных богатств края. Так, в 1921 г. они захватили 298 рыболовных участков Приморья²¹. Интервенция создала условия для льготного и бесконтрольного ведения японского бизнеса, значительно ослабила конкуренцию с российской стороны. Характерной иллюстрацией является эпизод с арендой здания ресторана «Почин» в марте 1919 г. во Владивостоке. Долгое время здание занимала городская комиссия общественного призрения, а ресторан приносил ей доход, который шел на содержание

Ксеньевского приюта. На аренду этого помещения претендовало также общество «Владивостокской украинской хаты». Однако, несмотря на увещевания комиссии, просьбы «Украинской хаты» и протест городской управы, здание было реквизировано Международной военной милицией для чехословацких войск, а в декабре 1919 г. передано в аренду японскому подданному Х. Суганума, который занимался экспортно-импортными операциями Осакинской бумажной фабрики²².

Большую активность развернули японские банки. Существовавшее с 1907 г. владивостокское отделение Банка Мацуда в 1916 г. было поглощено Банком Кореи и с 1919 г. работало под этим именем. Банк Кореи обслуживал армию японских интервентов. Он также создал свои филиалы в Спасске, Хабаровске, Благовещенске и Чите. Кроме того, в 1918 г. во Владивостоке открылось отделение Йокогамского «Банка звонкой монеты», который обеспечивал экспорт сельскохозяйственной продукции из Южной Маньчжурии по КВЖД во Владивосток²³.

Продолжала процветать и японская проституция. В 1919 г. местная газета писала: «Корейская Слободка (во Владивостоке. — **Авт.**) сплошь занята домами терпимости, причем большинство их — процентов 60 — японские»²⁴.

Новым массовым участником миграционного движения иностранцев стали вооруженные формирования. 5 апреля 1918 г. во Владивостоке высадились первые десанты интервентов. В 1918—1919 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке в составе их войск, по разным сведениям, находились 35—55 тыс. чехословаков, 7—10 тыс. американцев, 1600 англичан, 4000 канадцев (по другим данным — более 6 тыс. англичан и канадцев), от 760 до 1 тыс. французов и более, 1,5—2 тыс. итальянцев, 6 тыс. китайцев, 18 тыс. поляков, 4 тыс. сербов, 4 тыс. румын (по другим данным — 12 тыс. поляков, румын и сербов). Согласно исследованию А.И. Крушанова, японские вооруженные силы осенью 1918 г. насчитывали 73 тыс. чел., в 1919 г. — 148 тыс., в начале 1920 г. — 175 тыс.²⁵ Из этого количества вычленишь ту часть, которая находилась в Приморье, по имеющимся источникам не представляется возможным. Тем не менее известно, что край оттягивал на себя значительную часть иностранных интервентов. Так, из трех участков линии железной дороги, которые контролировал американский экспедиционный корпус, два приходились на Приморье — между Владивостоком и Никольском-Уссурийским, включая сучанскую ветку, и между Спасском и Иманом. Крупные силы японских войск находились в Никольске-Уссурийском и Спасске-Дальнем и контролировали железнодорожный участок между этими городами.

К концу 1919 г. Владивосток наряду с Читой стал основным центром интервенции. В городе размещались штабы войск и консульства США, Великобритании, Франции, Японии, Голландии, Дании, Китая, Италии и Чехословакии, сборный пункт польских войск. Здесь же действовали их экономические, технические и военные «миссии», общественные неправительственные организации, которые занимались снабжением армий оружием, средствами связи, обмундированием, продовольствием, вели идеологическую и благотворительную работу среди населения²⁶.

В 1920 г. концентрация иностранных частей во Владивостоке и ближайших станциях железной дороги стала особенно высокой в связи с проведением эвакуации войск интервентов и репатриации военнопленных первой мировой войны. Иностранные солдаты и офицеры, воевавшие в Сибири и на Дальнем Востоке, весь чехословацкий корпус и находившиеся в регионе германские, австро-венгерские, югославские и турецкие военнопленные постепенно стягивались во Владивосток, откуда морем их отправляли на родину. В конце января 1920 г. на специальных транспортах выехали эвакуированные из Сибири солдаты французского батальона, в феврале — итальянские войска, весной — американский экспедиционный корпус (лишь небольшой отряд оставался на о-ве Русском для охраны радиостанции до ноября 1922 г.), в июне-августе — сербские, румынские, польские и латышские части²⁷.

Наиболее крупную массу иностранцев, прошедших через Приморье, представляли чехословацкие части, бывшие военнопленные первой мировой войны, вторично втянутые в военные столкновения в России. В середине 1918 г. во Владивостоке находилось около 15 тыс. солдат и офицеров чехословацкого корпуса, а в течение 1919—1920 гг. сюда прибыли все остальные дивизии, насчитывавшие в общей сложности 35—55 тыс. чел. К концу января 1920 г. более 15 тыс. из них были эвакуированы²⁸. В конце зимы — начале весны 1920 г. во Владивосток из Сибири ежедневно прибывало по 2—3 эшелона с чехословацкими солдатами и офицерами и в пути находилось еще около 70. Предполагалось, что в апреле все они сосредоточатся в городе для посадки на пароходы, а в июне будут отправлены из России. Однако эвакуация чешских войск из Сибири шла не так быстро, как планировалось, и постоянно приостанавливалась из-за нарушения железнодорожного движения, связанного с военными действиями. Последние строевые части прибыли во Владивосток в июне, а отсюда их эвакуация полностью завершилась только в конце августа²⁹.

Японское командование после эвакуации своих войск из Забайкалья и Амурской области сосредоточило их в районе КВЖД и в Приморье, установив полуоккупационный режим до краха белой власти в октябре 1922 г.

Одновременно с эвакуацией войск интервентов началась репатриация военнопленных первой мировой войны, которые частично находились в лагерях, а частично были вовлечены в военные действия в Сибири и на Дальнем Востоке. Ее организацией занимались германский и другие национальные отделения Красного Креста и специальные миссии, которые собирали плененных соотечественников по всему региону и свозили по железной дороге во Владивосток. Оттуда их отправляли домой на зафрахтованных японских, американских и англий-

ских пароходах большой вместимости. Первый такой транспорт с германскими военнопленными вышел из Владивостока на Гамбург 30 марта 1920 г. В апреле было вывезено не менее 1,1 тыс. немцев, 12 мая — первая партия (1132 чел.) австрийцев и венгров. К концу мая в лагерях Приморской области было зарегистрировано 3,2 тыс. оставшихся и 5 тыс. выбывших военнопленных³⁰. В дальнейшем их численность все время менялась за счет поступления новых партий из Сибири и отправки очередных групп на родину. Имеются сведения, что в конце 1920 г. во Владивостоке находилось 10 тыс. германских военнопленных³¹. В отличие от эвакуации войск интервентов репатриация военнопленных полностью не была завершена до самого установления советской власти в Приморье.

Нередко к эвакуировавшимся военным и военнопленным присоединялись и гражданские лица. Например, комиссия германского Красного Креста приглашала всех германских граждан, а румынская миссия — всех уроженцев Румынии, находившихся в Приморской области и желавших возвратиться на родину, присоединиться к эвакуации транспортов, вывозящих из Владивостока экспедиционные войска³².

В это же время началась массовая репатриация гражданских беженцев. Наибольшую активность в этом проявили выходцы из губерний, отошедших к так называемым лимитрофным государствам (отколовшимся от бывшей Российской империи).

В 1920 г. РСФСР подписала с Польшей, Литвой, Латвией и Эстонией мирные договоры, а затем и соглашения об оптации гражданства и реэвакуации граждан этих стран. Из районов, находившихся под юрисдикцией РСФСР, началась массовая репатриация граждан прибалтийских государств. К середине ноября 1920 г. согласно сообщениям прессы в Латвию вернулись около 50 тыс. беженцев из Петрограда, Москвы, Гомеля, Нижнего Новгорода, Омска, Вологды, Перми, Екатеринбург и других городов³³. Однако Приморье, отрезанное от РСФСР, до конца 1922 г. не попадало в сферу действия договоров. Поэтому организацию репатриации беженцев здесь взяли на себя созданные во Владивостоке консульства лимитрофных государств и различные национальные общественные организации³⁴.

В мае 1920 г. газета «Голос Родины» писала: «Местный уполномоченный Латвии в настоящее время занят всецело изысканием средств на получение тоннажа для отправки латвийцев, находящихся во Владивостоке и следующих с эшелонами из Сибири на родину. Чуть ли все латыши заявили о своем желании вернуться на родину. В первую очередь будут отправлены воинские части»³⁵. Во Владивостоке состоялся дальневосточный конгресс беженцев-латышей (август 1920 г.), созванный Латышскими реэвакуационным и национальным советами. Национальный совет к этому времени эвакуировал организованное им на территории Сибири и Урала латышское войско, специалистов и некоторую часть рабочих, всего в количестве 2500 чел. Но проблема репатриации гражданских лиц продолжала оставаться. Конгресс констатировал, что «тяга латышей на родину принимает нетерпимый характер» в связи с освобождением латвийской территории от немецких войск, созывом Учредительного собрания, заключением мира с Россией и Германией и «растущим улучшением экономической жизни Латвии»³⁶.

Главной проблемой репатриационных комитетов был поиск транспортных средств, поскольку железнодорожное сообщение с Европейской Россией было прервано, а морские суда, заходившие во Владивосток в 1920 г., были заняты эвакуацией военных. По мере возможности к ним присоединяли и гражданских беженцев. Латышские специалисты, изъявившие желание выехать вместе с воинскими частями, зачислялись в рядовые латвийской армии и выезжали из Приморья. Так, в середине июня 1920 г. с пароходом «Воронезж» были отправлены из Владивостока латышский батальон, 500 польских солдат и около 200 частных лиц³⁷.

Польская община наряду с организацией отправки на родину военных и гражданских соотечественников приложила серьезные усилия к репатриации детей-сирот. В 1919 г. был создан специальный Комитет спасения польских детей под руководством А. Белькевич и Й. Якубкевича. Детей искали и собирали по всей территории Сибири и Дальнего Востока, а затем из Владивостока при посредничестве японского Красного Креста отправляли на отдых в Японию, Америку, а оттуда в Польшу. Последняя партия детей при содействии Дальревкома вернулась на родину по железной дороге через Москву. Всего в течение 1919—1923 гг. Комитет спасения вывез из региона в Польшу 887 польских детей³⁸.

Таким образом, в 1917—1922 гг. Приморье испытывало небывалую миграционную нагрузку. Людские передвижения осуществлялись во всех возможных направлениях, представляя собой настоящий круговорот. Абсолютно преобладающими были принудительные и вынужденные миграции, которые включали в себя потоки гражданских беженцев, действующих вооруженных формирований и репатрировавшихся военнопленных первой мировой войны. Пребывание их в Приморье изначально носило временный характер. Все категории мигрантов были представлены различными этническими группами как российского, так и иностранного происхождения. При этом присутствие в крае восточных иммигрантов расширилось за счет японской и корейской диаспор, а численность европейско-американских граждан периодически многократно возрастала в связи с интервенцией и репатриацией военнопленных. Особенностью рассматриваемого периода была смена гражданского статуса большей части поляков, латышей, эстонцев и литовцев, вызванная изменением политической карты бывшей Российской империи: из российских подданных они перешли в разряд иностранцев. Экономические мотивы миграций отошли далеко на задний план, уступив место военно-политическим, а для гражданского на-

селения основным стал мотив поиска безопасного места существования. Пожалуй, лишь выходцы из Японии, пользуясь военно-политической ситуацией, усилили свое проникновение в край по экономическим соображениям.

1920—1922 годы можно считать пиковыми в миграционном движении, когда в Приморье были стянуты и затем эвакуированы сначала значительные массы иностранных интервентов и военнопленных, а позже — отступающие части российской белой армии и японский интервентский корпус. Все это происходило на фоне начавшейся репатриации граждан лимитрофных государств и продолжавшегося передвижения гражданских беженцев. Большая нагрузка падала на Владивосток, единственный крупный порт на востоке страны, где заканчивалась линия российских железных дорог и открывались морские пути за границу. К концу 1922 г. город был немного разгружен. На 2 октября 1922 г., по данным центрального адресного стола, его гражданское население уменьшилось до 193 тыс. чел., на конец декабря — до 190 тыс.³⁹

В целом же итоги демографической динамики за годы межвластия оказались следующими: согласно материалам переписей 1917 и 1923 гг. общее число жителей на юге Приморской губернии незначительно увеличилось — с 513672 до 525780 чел., при этом рост произошел только в сельской местности — с 295742 до 357922, тогда как в городах наблюдалось снижение — с 217930 до 165229 чел.⁴⁰

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Российские этнические группы

Политические события 1917—1922 гг. повлияли не только на характер миграционных процессов, но и привели к политико-культурной мобилизации всех народов России. С падением монархии в феврале 1917 г. в стране впервые была провозглашена отмена религиозных и национальных ограничений. Эйфория свободы вызвала внутри нерусских этнических групп готовность к национальному единению, что привело к созданию многочисленных региональных, областных и городских организаций. В Приморье этому способствовала также нейтрально-лояльная позиция местных властей, которым ввиду их нестабильности и постоянных кризисов было некогда заниматься выработкой национальной политики.

Во Владивостоке действовали грузинское, мусульманское, эстонское общества, армянский комитет. Несколько общественных объединений было создано поляками. Общество «Дом польский» насчитывало до 1,5 тыс. членов. Оно открыло приют для польских детей, начальную школу с преподаванием на родном языке, устраивало вечера отдыха, лекции и т. д. В 1917—1919 гг. работали польские комитеты помощи жертвам войны, «защиты народных интересов» и «защиты национальных интересов». Последний выдавал полякам свидетельства о гражданстве и стремился отстаивать их права как иностранцев. С прибытием во Владивосток польского консула К. Карчевского комитет сложил свои полномочия, а выданные им паспорта были признаны и зарегистрированы в консульстве⁴¹. Военнослужащие поляки организовали свой военный комитет, который занимался формированием польского артиллерийского легиона на базе частей Приамурского округа и добровольцев для участия в войне за освобождение Польши. Комитет вел политико-просветительную работу, собрал библиотеку, проводил экскурсии, танцевальные вечера и концерты. В августе 1917 г. во Владивостоке им был созван съезд военнослужащих поляков Приамурского военного округа⁴². Существенную роль в жизни польской колонии Владивостока в 1920—1922 гг. играло Польское товарищество Красного Креста (ПТКК). Оно находилось под непосредственным покровительством польского консульства и частично содержалось за счет его средств. ПТКК взяло на себя содержание приюта, значительно расширив его, содействовало репатриации польских граждан.

Подобные объединения имели и другие выходцы из Прибалтики. В ноябре-декабре 1918 г. в регионе прошли конференции и съезды латышских, литовских и эстонских организаций Сибири и Дальнего Востока, где создавались региональные национальные объединения, решались вопросы существования местных колоний, организации их общественной жизни, репатриации на родину беженцев, создания национальных стрелковых частей, которые предполагалось использовать в борьбе с революцией в Прибалтике⁴³.

Литовцы имели комитет защиты национальных интересов, общество по оказанию помощи пострадавшим от войны, просветительские организации «Рута» и «Арклас». В их задачи входило сохранение культурных и языковых традиций, развитие самостоятельных коллективов, благотворительность. В сентябре 1920 г. во Владивостоке состоялся съезд литовских организаций Сибири. Тогда же Литовское правительство учредило в городе свое представительство, возглавить которое пригласило лидера местной литовской общины И. Войтекайтиса⁴⁴.

Активную общественную деятельность развернули латыши. Во Владивостоке и Никольске-Уссурийском они учредили Латышские общественные собрания, национальные советы и комитеты, которые делали энергичные попытки объединить латышей и защищать их гражданские права, наладить культурно-национальное просвещение, создавали латышские войсковые части. Одним из главных направлений их работы было решение проблем латышских беженцев. Во Владивостоке параллельно с национальным комитетом работал латышский реэвакуационный совет, позже они объединились⁴⁵. Среди латышей Владивостока, как ни в какой другой этнической группе, было ярко выражено политическое противостояние. Наряду с организациями правой ориентации значительную активность проявили и те, кто поддерживал большевиков. Они входили в состав владивостокской

латышской секции РКП(б), при которой был организован латышский рабочий клуб, где устраивались спектакли и работал политико-теоретический кружок. Просоветскую позицию занимали многие латышские военнослужащие, в частности большая группа стрелков полка им. Иманта⁴⁶.

Еврейская община Владивостока имела собственное общественное здание, в котором располагались молитвенный дом, синагогальная школа, библиотека-читальня, проводились собрания общины и местных отделений еврейских политических партий, а также лекции, вечера, детские утренники и т. п. В 1922 г. это здание именовалось Еврейским народным домом. При нем существовал кружок драматического искусства, работали курсы иврита и английского языка. Еврейские политические партии были представлены сионистами, «Цеире-Цион», «Поалей Цион». Однако их активность здесь была значительно ниже, чем в центральных регионах страны⁴⁷.

Многие евреи были членами большевистских организаций, но в 1920—1922 гг. они действовали нелегально, так как преследовались местными контрреволюционными правительствами. Например, в августе 1922 г. охранное отделение во Владивостоке арестовало группу евреев-комсомольцев из 39 чел., которые распространяли коммунистическую литературу, создали боевую дружину, занимались разведкой в пользу ДВР. В сентябре по постановлению особого совещания они были выселены из пределов Приамурского земского края⁴⁸.

Татарское и башкирское население города было объединено в мусульманское общество, при котором существовала татарская начальная мусульманская школа и кружок татарской молодежи. Кроме того, действовал комитет мусульман военного гарнизона, комитет помощи раненым воинам-мусульманам «Шефкат», выходила единственная в регионе татарская газета «Вакт»⁴⁹.

Владивостокский армянский комитет, как и другие национальные организации, стремился объединить соплеменников, способствовать улучшению их быта, распространению родного языка. Он организовал армянскую библиотеку-читальню и вечернюю школу армянского языка, собирал пожертвования для отправки беженцев-армян на родину и на содержание войск Республики Армения⁵⁰. Большую активность проявил Владивостокский кружок студентов-армян. Его председатель М.Г. Мелик-Нубаров выпускал газеты «Голос армянского студента» и «Голос армянина». Члены кружка свою главную задачу видели в том, «чтобы в ближайшем будущем дать своим членам как более или менее подготовленным общественным работникам возможность уехать на Родину и посвятить себя служению ей»⁵¹.

Курсы родного языка были созданы и при грузинском обществе. В апреле 1919 г. представители грузинской общины Владивостока приняли участие в общесибирском съезде грузин в Харбине. На съезде было создано Центральное бюро грузин Сибири и Дальнего Востока с резиденцией в Харбине. Съезд пришел «к безусловной необходимости приложить все усилия к скорейшему отъезду грузин на Родину с обязательством исполнить свой долг перед Родиной...» Правлению Владивостокского грузинского общества поручалось техническое выполнение репатриации. Несколько позже решением этой задачи занималось также грузинское консульство, организованное во Владивостоке⁵².

Из всех этнических групп в Приморье наиболее широкую политическую работу развернули украинцы. Они не ограничились созданием культурно-просветительных организаций, таких как «Просвита», «Владивостокская украинская хата», Владивостокский украинский клуб, но также сформировали национальные военные подразделения и приступили к организации системы регионального самоуправления. В 1917—1918 гг. были созваны 4 дальневосточных украинских съезда, на которых решались задачи в сфере национально-организационного, военного и культурного строительства, в том числе предпринимались шаги по созданию украинской автономии на Дальнем Востоке⁵³.

Основной формой политической организации украинцев в эти годы стали громады — своеобразные «ревкомы», провозгласившие целью национально-культурное просвещение и защиту гражданских интересов украинцев. Владивостокская громада летом 1917 г. объединяла около 3 тыс. членов. Позднее появились громады в Никольске-Уссурийском, Имане, Спаске, Посъете, Кневичах, Новокиевске (совр. с. Краскино). Владивостокская громада была ликвидирована в конце 1917 г., другие просуществовали до роспуска советскими властями. В 1917—1919 гг. в дальневосточном регионе, включая Маньчжурию, была создана система территориальных рад (советов) во главе с краевой радой, которым подчинялись громады, в том числе в Приморье — Владивостокская, Никольск-Уссурийская и Иманская окружные рады. С октября 1918 г. во Владивостоке размещался Украинский дальневосточный секретариат во главе с Ю. Глушко-Мова⁵⁴.

Русское население также было вовлечено в бурную общественно-политическую жизнь края: участвовало в многочисленных общенациональных и местных политических партиях, организациях, комитетах. Но эта деятельность не имела ярко выраженной этнической специфики. Слабой попыткой развить это направление было создание в 1919 г. во Владивостоке и Приморской области «Славянского общества», возглавляемого профессором Георгиевским. Целью общества провозглашалось «объединение русских и других славян и содействие укреплению в общественном сознании творческих начал и бытовых особенностей славянских народов» путем «устройства публичных собраний, издания книг, газет, открытия и содержания образовательных и других учреждений, устройства курсов и лекций»⁵⁵.

Деятельность многих этнических организаций направлялась не только на внутреннюю консолидацию, но и на групповое участие в общеполитической жизни края. Они неоднократно выдвигали и добивались выбора

своих кандидатов в местные органы власти. Кроме того, национальные общины делали шаги в области хозяйственно-экономической кооперации. Ими созданы в 1919 г. украинское дальневосточное кредитно-кооперативное товарищество «Чумак», в 1920 г. — кооперативное общество «Латвия», приморское кооперативное общество «Армения», полное товарищество «1-й Владивостокский аукционный зал», учредителями которого были грузины Н.А. Асанидзе, И.Д. Колотозашвили и М.Д. Шик⁵⁶.

Итак, период между распадом Российской империи и утверждением советской власти на Дальнем Востоке предоставил российским этническим группам в Приморье благоприятные политические условия для самоорганизации и публичного самовыражения. Общины представителей народов бывшей Российской империи — польская, литовская, латышская, эстонская, еврейская, армянская, грузинская, татарская — имели по одной и более организаций, объединивших как постоянных местных жителей, так и временных — беженцев и военных. Их комитеты, собрания, кружки, союзы, партии одной из важнейших своих задач считали развитие национального самосознания путем культурно-политического просвещения соотечественников, создания школ, театров, выпуска газет и литературы на родном языке, поддержки конфессиональной деятельности. Другое направление было связано с благотворительностью и взаимопомощью. Большое внимание уделялось проблемам беженцев и репатриации. Кроме того, некоторые комитеты взяли на себя функцию оформления национально-гражданской идентификации соплеменников, выдавая им паспорта и удостоверения. Но время адаптации этнических общин к условиям политической свободы было слишком коротким, чтобы приобрести достаточный опыт для создания стабильных организационных форм и выработки глубоко продуманных программ. Возникшие национальные структуры находились в основном в городах и не могли охватить все население определенного этнического происхождения, а также избежать внутренних трений и противоборства.

Корейцы

В рассматриваемый период значительно активизировалось корейское национальное движение. Огромное влияние на этот процесс оказали Февральская и Октябрьская революции 1917 г. С поражением февральского восстания в Корее в 1919 г. и усилением корейской эмиграции центры корейской освободительной борьбы перемещаются в Китай и на российский Дальний Восток.

В феврале 1919 г. в Никольске-Уссурийском состоялся всероссийский съезд корейцев. В его программу вошли вопросы национального самоопределения корейцев в России, земельный, продовольственный, школьный, проблемы управления корейским населением и др. На съезде был организован Всекорейский национальный совет, объединивший самые разные слои. 17 марта 1919 г. национальный совет опубликовал декларацию независимости, призывавшую корейский народ к борьбе за изгнание японского империализма⁵⁷. Легально Национальный совет просуществовал недолго и был разогнан колчаковскими властями по требованию японцев. Но его члены продолжали подпольную работу под именем «нацсоветчиков».

Другая организация возникла в мае 1919 г. во Владивостоке. На проходившем в условиях подполья съезде объединились Союз корейских социалистов, созданный годом ранее в Хабаровске, и местный Союз новых граждан, в результате чего была образована Корейская социалистическая партия. Ее лидером был Ли Дон Хи (Ли Донхви)⁵⁸.

Кроме них существовало множество мелких коммунистических групп. В 1920—1922 гг. в Приморье и Приамурье их насчитывалось более 500, в которых состояло свыше 1,5 тыс. чел. Группы в основном занимались формированием корейских партизанских отрядов и частей НРА. В 1920 г. в регионе действовало 36 корейских отрядов (3700 бойцов), не считая больших русских партизанских соединений, в которых участвовали корейцы. Отряды пополнялись местным корейским населением и переходившим из Кореи и Северной Маньчжурии. В 1922 г. под эгидой ДВР был образован Посьет-Хуньчуньский партизанский военный район, где были сосредоточены все корейские партизанские отряды, действовавшие не только на юге Приморья, но также в Маньчжурии и Корее⁵⁹.

Средства на оружие и боеприпасы добывались корейцами всевозможными способами, в том числе путем сбора добровольных пожертвований, так называемыми «реквизициями» и обычным разбоем. Например, на золотых приисках производился сбор пожертвований в виде золота. Есть сведения о существовании специально организованных корейских групп, которые нападали на японские почтовые вагоны, банковских служащих и частных лиц с целью добычи больших денежных сумм⁶⁰. Во Владивостоке также действовали корейские террористы, которые выявляли и убивали японских тайных агентов и лиц, сотрудничавших с японцами. Террористы охотились и на японских чиновников и офицеров⁶¹. В марте 1920 г. газета «Голос Родины» писала: «В настоящее время насилия, творимые местными корейцами-японофобами, достигли апогея. Корейцы, совершающие сделки с японскими войсками или магазинами, а также и корейцы, говорящие по-японски, не только избиваются, но даже расстреливаются... Постепенно все корейское население города пропитывается японофобством»⁶². В ответ на это японцы усиливали антикорейские репрессии, арестовывали и расстреливали активистов национального движения.

В 1917—1922 гг. сохранялась и расширилась сеть корейских школ. Кроме правительственных (их насчитывалось 35—40) и миссионерских (45—50 школ) с 1917 г. стали открываться и частные национальные школы

(145—150 школ). Был сделан первый шаг и в области подготовки национальных учительских кадров: в 1918 г. в г. Никольске-Уссурийском по инициативе корейского общества открылась Корейская учительская семинария. В период интервенции существовали также корейские школы, учрежденные японцами (20—30 школ), которые были нацелены на прояпонское воспитание корейской молодежи⁶³.

Таким образом, политические условия, создавшиеся на Дальнем Востоке, позволили корейской диаспоре организовать в Приморье один из центров национально-освободительного движения против японского колониализма. Одновременно активизировалась их деятельность по сохранению этнической идентичности в рамках российского сообщества.

Китайцы

Сходные процессы происходили и в среде китайских иммигрантов. Развитие революционного движения в Китае, русские революции 1917 г. и деятельность Коминтерна оказали влияние на активизацию китайских рабочих и коммунистических групп в России. В декабре 1918 г. в Москве местные союзы китайских рабочих создали общероссийский Союз и избрали Центральный комитет. В июне 1920 г. проходил III съезд китайских рабочих России. По просьбе коммунистической фракции съезда было создано Центральное организационное бюро китайских коммунистов, которое 1 июля 1920 г. ЦК РКП(б) утвердил в качестве единственного органа, представлявшего китайских коммунистов в советской России. На Дальнем Востоке они действовали в тесной связи с Дальбюро ЦК РКП(б). В его структуре имелось Оргбюро китайских коммунистических организаций из 5 чел., одной из важнейших задач которого являлась подготовка кадров для китайской революции. С этой целью при губернских и уездных комитетах партии создавались секции агитации и пропаганды, которые вели идеологическую работу среди китайских граждан в России, особенно среди тех, кто возвращался на родину. В то же время китайские революционеры прибывали из Китая на российский Дальний Восток в поисках связи с русскими коммунистами. Так, в мае 1920 г. во Владивосток из Шанхая приехал представитель Всекитайского союза учащих-ся низших, средних и высших учебных заведений Яо Цзобин. При его участии члены местного отделения Дальбюро ЦК РКП(б) обсуждали вопрос о помощи китайскому революционному движению, создании революционной печати, об оказании содействия китайским студентам, стремящимся приехать в Россию на учебу.

Так же, как и корейцы, китайские иммигранты приняли участие в гражданской войне. Их массовое вступление в Красную Армию и партизанские отряды на Дальнем Востоке началось в марте 1918 г., когда атаман Гамов поднял мятеж в Благовещенске. В августе 1918 г. отдельный китайский батальон во главе с Сун Дунъю выступил против белогвардейцев на уссурийском участке фронта. Летом того же года китайский партизанский отряд под командованием Ван Цзе, сформированный из рабочих шахт под Никольском-Уссурийским, участвовал в боях против чехословацких войск и японской интервенции. Известен был китайский батальон, которым руководил Си Диу. В сражениях принимали участие и другие китайские партизанские отряды, многие китайцы находились в числе бойцов русских отрядов, например, в районе бухты Ольги действовал русско-китайский партизанский отряд численностью до 700 чел.

В июле 1922 г. Дальбюро ЦК РКП(б) приняло решение создать китайскую секцию для ведения партийной работы в китайских партизанских отрядах на территории Маньчжурии, а также организовать при военно-политической школе НРА ДВР отделение политграмоты⁶⁴.

Китайцы приняли участие в российских революционных событиях и по другую сторону баррикад. 24 августа 1918 г. китайское правительство выступило с декларацией об отправке своих войск в Сибирь. Китайские войска, посланные на Дальний Восток, принимали участие в борьбе против партизан в Забайкалье и Приморье; часть их несла гарнизонную службу во Владивостоке, Хабаровске, Имане (ныне Дальнереченск), Благовещенске, охраняя тыл белых частей.

Активно содействовали официальным властям в борьбе против китайских коммунистов и профсоюзных активистов китайские купеческие общества, существовавшие во Владивостоке и других городах региона. Они подсылали провокаторов на митинги и собрания, срывали со стен листовки и газеты, убивали активистов⁶⁵.

Японцы

Общественная жизнь колонии японских иммигрантов в Приморье, как и в дореволюционный период, носила закрытый характер, подчиняясь своим внутренним законам. Во главе колонии стояли японский генеральный консул во Владивостоке, общественный старшина (глава общества японских резидентов) и торговый староста. В 1919 г. эти должности занимали соответственно — Кичучи Иосиро, Хорие Навозо и Ивасэ Зисабуро. Важную общественную роль играли также настоятель японского буддийского храма Оота и редактор газеты «Владиво-Ниппо» Идзими Риносукэ⁶⁶. Ежедневная японская газета «Владиво-Ниппо» издавалась во Владивостоке в 1917—1922 гг., с апреля 1920 г. она печаталась и на русском языке, размещая материалы, отвечавшие интересам оккупационных властей⁶⁷. В октябре 1922 г., накануне эвакуации японских воинских частей, исполнительный комитет японского общества резидентов был распущен, а управление делами передавалось общему собранию его членов⁶⁸.

Публичная жизнь японской колонии не была активной, ограничиваясь проведением некоторых общих праздников и участием в актах благотворительности. Например, 24 января 1920 г. общество японских резидентов собралось в начальном училище, чтобы отведать сакэ, пожалованного японским императором генералу Ои по случаю нового года⁶⁹. 11 февраля 1920 г. состоялось празднование дня основания Японской империи. Японские суда были украшены флагами, в 12 часов дня с них был произведен салют из 101 выстрела⁷⁰. В феврале 1919 г. японцы — частные лица и учреждения — сделали пожертвования в пользу русских детских приютов г. Владивостока на сумму 20195 руб.⁷¹

Школьное образование дети японских иммигрантов получали в местном японском начальном училище. В конце 1910-х годов в колонии наблюдается повышение интереса к русскому языку. На средства японского общества были организованы специальные курсы, куда принимались только мужчины. В июле 1917 г. число курсантов превышало 140 чел. В начале 1920 г. курсы русского языка упразднили, но вместо них при японском начальном училище учредили торговую школу с платным обучением. Основной курс в ней был рассчитан на 2 года и специальный — на 1 год. Главными предметами основного курса были русский и японский языки, этика, математика и бухгалтерия. Дополнительный курс посвящался усовершенствованию в русском языке. Кроме того, бесплатные курсы русского языка существовали при владивостокском отделе японского Христианского союза молодых людей, ориентированные на военных. Для более состоятельных японцев собственную школу русского языка с повышенной платой за обучение открыл бывший директор вечерних языковых курсов Сороколетов⁷².

Европейцы, американцы

В годы иностранной интервенции определенный интерес к Приморью проявили общественные организации из стран-участниц интервенции. Так, американский Красный Крест оказывал продовольственную и медицинскую помощь австро-немецким военнопленным, чешским войскам, гражданскому населению и беженцам, опекал детскую колонию с петроградскими беспризорными детьми на Русском острове. Члены американского Христианского союза молодых людей занимались культурно-просветительной работой среди русской молодежи, подготовкой вечеров отдыха и лекций для населения, а католическая организация Рыцари Колумба большую часть времени посвящала работе и организации развлекательных мероприятий среди американских солдат и матросов⁷³. Но, несмотря на старания в сфере благотворительности и просвещения, американские общественные организации не пользовались популярностью среди русского населения⁷⁴.

Определенный след в общественной жизни края оставили и чехословацкие военные. Волей обстоятельств они стали участниками гражданской войны и интервенции в России на стороне различных воюющих сил. Не касаясь характеристики военного и политического участия в событиях на Дальнем Востоке, отметим некоторые моменты их культурной деятельности. В 1918—1920 гг. во Владивостоке действовало чешско-словацкое общество «Палацкий»⁷⁵, а после эвакуации чехословацких войск проблемы соотечественников решались в учрежденном в городе в 1920 г. чешском консульстве⁷⁶. Неплохую популярность приобрел симфонический оркестр информационно-просветительского отдела чешских войск под управлением Р. Кареля. Оркестр давал во Владивостоке публичные концерты, в программу которых входили произведения русских и зарубежных композиторов, участвовал в благотворительных вечерах⁷⁷. В составе чехословацкого корпуса оказались и художники, которые в марте 1920 г. в Восточном институте устроили выставку живописи и скульптуры, получившую положительные отзывы прессы. Несмотря на военные условия, недостаток красок и других материалов, чехи смогли представить на выставку интересные работы. Их пейзажная живопись была навеяна природой окрестностей Владивостока, а жанровая и портретная — дальневосточными типажам⁷⁸.

Таким образом, общественная деятельность иммигрантов европейского и американского происхождения в рассматриваемый период являлась в основном сопутствующим элементом интервенции и была направлена как на решение внутренних задач иммигрантских групп в крае, так и на расширение контактов с российским населением в сфере благотворительности, миссионерства и культуры, что имело целью смягчить негативное восприятие интервенции.

¹ Голос Родины. Владивосток, 1920. 22 янв.

² ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 864. Л. 426.

⁴ Голос Родины. Владивосток, 1920. 30 июня.

⁵ Далекая окраина. Владивосток, 1917. 14 июля.

⁶ Новый мир. Владивосток, 1920. 15 нояб.

⁷ Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920—1922 гг.). Хабаровск, 1996. С. 33, 36,37, 128, 170, 171; Куцый В.Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье. 1920—1922 гг. Владивосток, 1994. С. 168—169.

⁸ Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке... С. 37.

⁹ Кремлянский С.Е. Национальный состав сельского населения Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. № 4(8). С. 33.

¹⁰ Там же.

¹¹ Отчет Дальревкома и Дальэконо за 1923—1924 год. Хабаровск, 1925. С. 35—36.

- 12 РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 704. Л. 48; Красное знамя. Владивосток, 1922. 29 дек.
- 13 Соловьев Ф.В. У истоков дружбы советского и китайского народов на Дальнем Востоке (1917—1938 гг.) // Исторические контакты России и Советского Союза с Китаем на Дальнем Востоке во второй половине XIX — первой половине XX в. Владивосток, 1986. С. 18.
- 14 Он же. Интернациональные связи советского и китайского народов в 20-е годы // Становление советско-китайских отношений (1917—1950-е годы). Владивосток, 1987. С. 17.
- 15 Салтыков Н.К. Территория и население Приморской губернии. Прил. 1 // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. № 6—7; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 704. Л. 18—22, 44, 48.
- 16 РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 704. Л. 18—22, 44, 48.
- 17 Голос Родины. Владивосток, 1920. 26 февр.
- 18 Там же. 21 марта.
- 19 Там же. 4 апр.
- 20 Флеров В.С. Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1973. Т. 1. С. 88—89; Сиратори М. Деятельность японских банков на Дальнем Востоке России. 1907—1917 гг. // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 132.
- 21 Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке... С. 94, 100.
- 22 РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 889. Л. 20, 47, 202, 203, 207.
- 23 Сиратори М. Деятельность японских банков... С. 130—131.
- 24 Голос родины. Владивосток, 1919. 18 дек.
- 25 Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1920 гг.). Владивосток, 1984. Кн. 2. С. 15; Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Док. и материалы. Владивосток, 1995. С. 82; Светачев М.И. Сибирь, Антанта и политика «помощи» белым: (К вопросу о комплексе характере иностранной интервенции на Дальнем Востоке в 1918—1922 гг.) // Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 1998. С. 264; Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2001. С. 83.
- 26 РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 864. Л. 141; Колчак и интервенция... С. 82; Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения... С. 83; Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири... С. 78, 125.
- 27 Голос Родины. Владивосток, 1920. 23 янв., 15, 26 февр., 19 мая., 22, 26, 30 июня; Новый мир. Владивосток, 1920. 11 окт.; Свет. Харбин, 1920. 24 июня; Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения... С. 91.
- 28 Историко-революционная хроника Дальневосточного края // Дальневосточный партработник. Хабаровск, 1931. № 5—7. С. 89; Голос Родины. Владивосток, 1920. 21 янв.
- 29 Голос Родины. Владивосток, 1920. 9 марта, 11, 15 апр.; 2 июня; Свет. Харбин, 1920. 25 авг.
- 30 Голос Родины. Владивосток, 1920. 27 февр., 11, 31 марта, 17, 25 апр., 12, 26 мая, 10 июня.
- 31 Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке... С. 35.
- 32 Голос Родины. Владивосток, 1920. 11 марта, 27 июня.
- 33 Новый мир. Владивосток, 1920. 15 нояб.
- 34 См.: Чернолуцкая Е.Н. Представители народов бывшей Российской империи в Приморье в новых политических условиях (1917—1922 гг.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 102—127.
- 35 Голос Родины. Владивосток, 1920. 9 мая.
- 36 Новый мир. Владивосток, 1920. 3 окт.
- 37 Голос Родины. Владивосток. 1920. 10 июня.
- 38 Cabanowski M. Tajemnice Mandzurii: Polacy w Harbinie. Warszawa, 1993. S. 59; Echo Dalekiego Wschodu. Harbin, 1922. № 10. S. 10; 1924. № 3 (11). S. 2; Thess W. Dzieci syberyjskie (w 60 rocznice przyjazdu do Polski). Warszawa, 1982. S. 9; РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 40. Л. 1об., 2, 12—14.
- 39 Красное знамя. Владивосток, 1922. 2 окт., 29 дек.
- 40 Подсчитано по: ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 1. Л. 43—44; Кремлянский С.Е. О чем говорят предварительные итоги... С. 3; Салтыков Н.К. Территория и население Приморской губернии... Прил. 1.
- 41 РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 3. Д. 85. Л. 71; Оп. 1. Д. 798. Л. 293; Далекая окраина. Владивосток, 1917. 12 июля; Голос Родины. 1919. 25 сент., 12 нояб.; Курбатов Ю.И. Поляки Владивостока в 1917—1918 гг. // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1995. С. 129; Он же. Польская колония на берегу Тихого // Утро России. Владивосток, 1993. 11 дек.; Он же. Польская колония во Владивостоке // Владивосток. 1993. 21 июля; Чернолуцкая Е.Н. Товарищество «Дом польский во Владивостоке» (1917—1928 гг.) // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994. С. 75—76.
- 42 Курбатов Ю.И. Поляки Владивостока в 1917—1918 гг. ... С. 128.
- 43 Светачев М.И. Использование мигрантов в интервенционистских мероприятиях в Сибири и на Дальнем Востоке // Миграционные процессы в Восточной Азии. Владивосток, 1994. С. 72—75.
- 44 РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 798. Л. 53; Голос Родины. Владивосток, 1920. 28 февр., 11 марта; Новый мир. Владивосток, 1920. 3, 11 окт., 9 дек.; Мещерякова Л.И. От «Руты» до «Гинтаро Крантас». Литовцы в Приморье: история и современность // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999. С. 61.
- 45 Новый мир. Владивосток, 1920. 3 окт.; Голос Родины. Владивосток, 1920. 12 июня.
- 46 Голос Родины. Владивосток, 1920. 10, 18 февр., 25 марта, 1 апр., 4 июня.
- 47 Там же. 1920. 18—29 февр., 5, 6, 12 марта, 20 мая, 30 июня; 1922. 1 янв., 4 февр., 6 июня; Красное знамя. Владивосток, 1922. 23 нояб.; Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке России (вторая половина 19 — первая четверть 20 вв.). Хабаровск, 2000. С. 124, 134, 136, 142—143, 161, 162, 165—166, 170, 173, 174.
- 48 ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 69. Л. 143—149.
- 49 Далекая окраина. Владивосток, 1917. 28 июня; Голос Родины. Владивосток, 1919. 30 нояб.; 1920. 19 марта; Свет. Харбин, 1922. 23 сент.; Якуб Р.Я. Исенмесез, дуслар! // Многонациональное Приморье... С. 70—71.
- 50 Далекая окраина. Владивосток, 1917. 4 июля; Голос родины. Владивосток, 1920. 26 марта. С. 2; 4 апр. С. 4; 22 мая. С. 4; 4 июня. С. 4; 27 июня. С. 3; Голос армянина. Владивосток, 1921. 15 апр.; 1921. 30 янв.
- 51 Голос армянского студента. Владивосток, 1920. 13 нояб.
- 52 Голос армянина. Владивосток, 1921. 16 янв.; Свет. Харбин, 1920. 24 авг.; Голос Родины. 1920. 21 марта; Юбилейный сборник Грузинского Общества в Маньчжоу-Ди-Го. 1905—1935. Харбин, 1935. С. 61, 67—70, 73, 75, 78—79, 91.
- 53 ГАПК. Ф. 715. Оп. 1. Л. 29; Новый мир. Владивосток, 1920. 20 дек.; Черномаз В.А. Национально-культурное развитие украинского населения Дальнего Востока в начале XX в. // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX веке. Владивосток, 1999. С. 25—26; Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 26—28.
- 54 Черномаз В. Национально-культурное развитие... С. 25—26; Он же. Украинцы Приморья // Многонациональное Приморье... С. 26—33; Приморский край... С. 491, 492.

- ⁵⁵ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 864. Л. 403, 441.
- ⁵⁶ Там же. Л. 112; Л. 140, 141; Новый мир. Владивосток, 1920. 25 окт.; Голос Родины. Владивосток, 1920. 28 марта, 7 мая.
- ⁵⁷ ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 69. Л. 179—182.
- ⁵⁸ Ким М.Т. Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918—1922). М., 1979. С. 15, 19.
- ⁵⁹ Наумов И.Б. Участие корейцев в гражданской войне на Дальнем Востоке России. (Историографический аспект) // XX век и военные конфликты... С. 118; Пак Б.Д. Участие корейских трудящихся в борьбе против военной интервенции (1918—1922 гг.) // Там же. С. 121—122; Мухачев Б.И. Новые документы о Дальневосточной республике // Социально-экономические и политические процессы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Владивосток, 1997. Кн. 2. С. 31.
- ⁶⁰ Пак Чен Лим. Корейские партизаны и гражданская война на Дальнем Востоке // Вон Дон. Уссурийск, 1994. № 6. С. 2; ГАПК. Ф. Р-1588. Д. П-22848. Т. 3. Л. 86; Д. П-22848. Т. 16. Л. 133—136; Ф.530. Оп. 1. Д. 69. Л. 51, 52; Голос Родины. Владивосток, 1920. 14 февр.
- ⁶¹ ГАПК. Ф. Р-1588. Д. П-22848. Т. 3. Л. 111; Д. П-22848. Т. 16. Л. 133—136; Д. П-22848. Т. 5. Л. 38; Голос Родины. Владивосток, 1920. 17 марта, 14 мая.
- ⁶² Голос Родины. Владивосток, 1920. 24 марта.
- ⁶³ Вестник Приморского ГУБОУО. Владивосток, 1923. № 12. С. 21.
- ⁶⁴ Соловьев Ф.В. Интернациональные связи... С. 18—19; Он же. У истоков дружбы... С. 11, 12, 14; Ткаченко Г.И. К истории интернациональных связей между народами Советского Союза и Китая (1917—1949 гг.) // Становление советско-китайских отношений... С. 46; Клим Л.И. Приграничные контакты на Дальнем Востоке в первые годы советской власти (1917—1920) // Там же. С. 113.
- ⁶⁵ Каретина Г.С. Китайский милитаризм и иностранная интервенция на Дальнем Востоке (1917—1931 гг.) // Исторические контакты России... С. 59; Соловьев Ф.В. У истоков дружбы... С. 17.
- ⁶⁶ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 5. Д. 12. Ч. 1. Л. 3—3об., 89.
- ⁶⁷ Алексеенко М.И. Периодическая печать в диалоге стран АТР // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 260.
- ⁶⁸ Последние известия. Владивосток, 1922. 2 окт.
- ⁶⁹ Голос Родины. 1920. 23 янв.
- ⁷⁰ Там же. 11 февр.
- ⁷¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 5. Д. 12. Ч. 1. Л. 89; 118; 132; 231; 714.
- ⁷² Далекая окраина. Владивосток, 1917. 8 июля; Голос Родины. Владивосток, 1920. 26 февр.
- ⁷³ Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения... С. 95—98.
- ⁷⁴ ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 63. Л. 55, 56; Д. 67. Л. 48—49.
- ⁷⁵ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 798. Л. 327; Голос Родины. Владивосток, 1920. 25 февр.
- ⁷⁶ Голос Родины. Владивосток, 1920. 5 мая.
- ⁷⁷ Там же. 1919. 18 дек.; 1920. 3 марта, 4 апр.
- ⁷⁸ Там же. 1920. 23 марта.

2.2. СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИЙ ПОСЛЕ УТВЕРЖДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПРИМОРЬЕ (1922—30-е ГОДЫ)

2.2.1. Характеристика внутренних миграционных потоков

После утверждения советской власти на Дальнем Востоке произошли очередные административно-территориальные изменения. В регионе была образована Дальневосточная область, куда вошла Приморская губерния, объединившая 5 уездов — Владивостокский, Никольск-Уссурийский, Спасский, Хабаровский и Николаевский, из них первые три уезда входят в зону нашего рассмотрения, для краткости мы обозначаем их как «юг Приморской губернии». В 1926 г. Дальневосточная область преобразована в Дальневосточный край (ДВК), включивший ряд округов, разделенных на районы. Территория юга бывшей Приморской губернии вошла во Владивостокский округ. В 1930 г. окружное деление было ликвидировано и районы стали подчиняться непосредственно краевым структурам. Но в связи с неудобством административного руководства при таком делении в 1932 г. районы были объединены в области, в том числе — Приморскую (бывший Владивостокский округ). В 1934 г. Приморская область разделена на Приморскую и Уссурийскую области. При этом Бикинский район, ранее входивший в Приморскую область, отошел к Хабаровской области. В 1938 г. ДВК был упразднен, а на его территории образованы два самостоятельных края — Хабаровский и Приморский, последний включал в себя бывшие Приморскую и Уссурийскую области¹. С этого времени географические границы Приморского края практически не менялись, кроме передачи в 1948 г. из его состава Хабаровскому краю г. Советской Гавани с прилегающей территорией.

В первой половине 1920-х годов в регионе оставалось большое количество беженцев. К ним добавились те, кто возвращался из-за границы. Например, к концу декабря из Китая (район Хуньчуня) вернулось около тысячи бывших служащих белой армии и ожидалось прибытие других, находившихся в Китае в чрезвычайно бедственном положении².

В 1923 г. беженцы составляли чуть ли не половину городского населения. Начальник дальневосточного управления милиции Лебедев писал: «Города Сибири и, в частности, Дальнего Востока переполнены этим элементом, который, благодаря длительности «беженства», уже прочно обосновался в городах, куда его закинула война, приобрел прочное домообзаведение, службу, одним словом, приобрел оседлость...»³

Следствием переполненности городов и медленного восстановления экономики была безработица. К 1 мая 1923 г. владивостокский рынок труда имел 17,6 тыс. безработных, к 1 января 1925 г. — 8299, к началу 1926 г. — 2415 чел. И только в 1927 г. впервые за десятилетие местная промышленность стала испытывать недостаток в квалифицированной рабочей силе⁴. Не случайно, в марте 1924 г. Дальревком поставил перед Москвой вопрос о недопущении в Приморье демобилизованных военных ввиду наличия большого числа безработных⁵.

Местная администрация с помощью силовых ведомств — военного комиссариата и губотдела ГПУ — пыталась разгрузить город путем принудительного выселения лиц, служивших в белых армиях: рядовой состав направлялся по месту постоянного жительства, офицеры — в Читу в распоряжение начальника штаба 5-й Красной армии, где предполагалось использовать их как военных специалистов. На учет было взято около 3,5 тыс. чел., которым в декабре 1922 — феврале 1923 г. через газету «Красное знамя» были объявлены приказы приморского губвоенкома о сборе для посадки в железнодорожные эшелоны. Всем разрешалось брать с собой семьи. Хотя неявка к месту сбора рассматривалась как злостное дезертирство и влекла соответствующие репрессии, части подлежащих выселению лиц удалось остаться в крае⁶. Тем не менее, с учетом членов семей общее число бывших белых солдат и офицеров, выбывших из Приморья на запад страны в этот период, составляло по некоторым оценкам около 10 тыс. чел.⁷

Через полгода после установления советской власти население Владивостока сократилась почти на 90 тыс. чел., на момент городской переписи в мае 1923 г. было учтено 100447 жителей⁸.

В 1924—1926 гг. большая группа бывших военных, священнослужителей и интеллигенции выслана из Владивостока в Китай⁹. Одновременно сохранялся поток беженцев за границу, хотя и в значительно меньших объемах, чем в годы гражданской войны, а также заканчивалась репатриация военнопленных и граждан Польши, Литвы, Латвии, Эстонии. При этом часть из них осталась в крае на постоянное жительство¹⁰. В последующие два десятилетия нового притока мигрантов из стран Балтии не было, и их численность в Приморье сокращалась. В 1923 г. только в городах юга Приморской губернии находилось 3686 поляков и 1294 латыша, а в 1939 г. на всей территории Приморского края — 1863 поляка и 811 латышей¹¹.

К середине 20-х годов миграционные процессы в Приморье ослабевают. Переселение на Дальний Восток выходцев из центральных районов страны шло стихийно и никак не учитывалось. Считается, что число новоселов в первой половине 20-х годов было небольшим¹².

Из статистической информации, собранной с середины 1910-х до середины 1920-х годов, более или менее сопоставимые показатели по этническому составу населения имеются на 1914 г. (последний полный губернаторский обзор Приморской области), 1923 и 1926 гг. (всесоюзные переписи населения).

Данные табл. 9 показывают, что за 13 лет число жителей Приморья в целом увеличилось, хотя и незначительно — в 1,4 раза. При этом отмечается рост почти по всем выделенным группам, но наиболее быстрый по группе корейцев — в 2,4 раза, удельный вес которых в общем составе населения возрос с 15,1 до 25,5 %. Однако численность русских и украинцев, увеличившись за годы первой мировой и гражданской войн лишь в 1,2 раза, в 1923—1926 гг. снизилась на 8 тыс. чел., а их удельный вес сократился с 75,4 % в 1914 г. до 62,7 % в 1926 г.

Изменение демографических пропорций в пользу выходцев из азиатского зарубежья наряду с экономическими причинами послужило одним из толчков для организации планового переселения российского населения на Дальний Восток. Об этом свидетельствует, например, решение совещания при Наркоминделе СССР, состоявшегося 5 января 1926 г., которое отмечало: «Считая серьезной опасностью стихийное заселение Дальнего Востока китайцами и корейцами, комиссия признает необходимым выработку в первую очередь колонизации из внутренних губерний...»¹³

Таблица 9

Динамика численности населения Приморья за 1914—1926 гг.
(1914 г. — юг Приморской области, 1923 г. — юг Приморской губернии, 1926 г. — Владивостокский округ)

	1914 г.		1923 г.		1926 г.	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Русские*	307751	75,4	366694	69,7	358508	62,7
Корейцы	61694	15,1	101938	19,4	145511	25,5
Китайцы	32580	8,0	37608	7,2	43513	7,6
Прочие	6045	1,5	19530	3,7	24499	4,2
Все население	408070	100	525770	100	572031	100

Таблица составлена на основе источников: Обзор Приморской области за 1914 г. Владивосток, 1916; Салтыков Н.Н. Территория и население Приморской губернии. Прил. 1 // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. № 6—7; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 24. Дальневосточный край. Якутская АССР. Отдел II. Занятия. М., 1930. С. 5.

* В графу «русские» включены данные за 1914 г. по всем русским подданным без туземного и корейского населения, за 1923 и 1926 гг. — по русским и украинцам.

6 июля 1925 г. было принято постановление ВЦИК и СНК «Об открытии планового переселения в районы Поволжья, Сибири и Дальневосточной области». На Дальнем Востоке оно началось с 1925/26 хозяйственного года и продолжалось несколько десятилетий, имея главную задачу — восполнить постоянно испытывавшийся в крае дефицит трудовых ресурсов.

Во второй половине 20-х годов переселение носило аграрный характер, по сути, продолжая линию царской администрации, поскольку наряду с сельскохозяйственным освоением края решалась задача ослабления аграрного перенаселения в центре страны. При заселении Дальнего Востока предпочтение отдавалось тем районам, где можно было в сжатые сроки с минимальными затратами достичь наибольшего эффекта в производстве продовольствия. В число таких мест входили и обжитые части Владивостокского округа. Плановый набор переселенцев проводился в европейской части страны. Самостоятельно переезжали на Дальний Восток преимущественно из Сибири¹⁴. Так, при разверстке на 1927/28 хозяйственный год на Дальний Восток было намечено переселить из губерний РСФСР (Курской, Тамбовской, Орловской, Воронежской, Пензенской, Брянской, Смоленской и др.) 26,6 тыс. чел., с Украины — 24 тыс., Белоруссии — 5 тыс. чел.¹⁵ Однако эти планы выполнялись крайне плохо. В 1926/27 г. из 42 тыс. ожидавшихся переселенцев в регион прибыло только 13005 чел., а заселилось на выделенных участках 11640 чел., или от 27,7 % плана. В 1926/27 г. водворилось 27987 чел., в 1927/28 г. — 36091 чел., обратничество в эти годы составило 16,4 и 20 %, а за первое полугодие 1928/29 г. — 45,7 %¹⁶.

Вопросами организации переселений и обустройства мигрантов занималось Дальневосточное районное переселенческое управление (ДВРПУ). В начале своей деятельности оно не придавало значения специфике этнического состава мигрантов. Но в конце 1920-х годов, когда в центральных органах власти большое внимание стало уделяться проблемам национальных взаимоотношений, на Дальний Восток начали поступать указания и инструкции об усилении работы с украинским населением как национальным меньшинством. Анализируя переселенческое движение, Далькрайисполком (ДКИК) стал выделять сведения об украинцах. Было выяснено, что в 1927/28 г. из предполагавшихся по плану 24 тыс. мигрантов с Украины приехало только 10349 чел. (1854 семьи), из них 574 чел. (5,9 %) выехало обратно, в том числе во Владивостокский округ прибыло 1232 чел. (234 семьи), выехало 81 чел. (6,5 %). В следующем 1928/29 г. картина едва ли улучшилась: в регион прибыло 14549 украинских переселенцев (2917 семей), из них 1568 (10,7 %) выбыло в том же году. Во Владивостокском округе из прибывших 2178 чел. (444 семьи) выехало 205 чел. (9,4 %). Основными причинами обратничества являлись неблагоприятные климатические условия — сильные ливни, наводнения и дорожная распутица, а также плохое обеспечение семей питанием, сельскохозяйственным инвентарем, семенами, неподготовленность переселенческих участков и т. д.¹⁷

Летом 1929 г. на Дальний Восток приезжал уполномоченный Наркомзема Украины Бурба со специальным заданием — обследовать положение с обустройством украинских переселенцев. Результаты поездки он изложил 27 августа 1929 г. в докладе на заседании президиума ДКИК, который в свою очередь вынес решение предпринять ряд мер, направленных на приживаемость украинских мигрантов, в том числе выделять им компактные земельные массивы, включить культурно-просветительное обслуживание украинцев в планы Крайона по работе с национальными меньшинствами и т. д.¹⁸ В начале 30-х годов советские власти сделали попытку украинизации ряда районов Приморья, но она была быстро свернута (см. разд.2.2.3.). Материалов о специальной работе по обустройству других этнических групп российских мигрантов нами не выявлено.

Низкая приживаемость была характерна для всех новоселов: во второй половине 20-х годов обратничество достигало 20—47 %. В 1930 г. советское правительство временно прекратило плановое переселение крестьян на Дальний Восток. Было принято решение в дальнейшем отказаться от индивидуального и перейти к переселению компактных колхозных коллективов. Значительную массу новоселов в 30-е годы составили демобилизованные солдаты, которые объединялись в красноармейские совхозы, что являлось отличительной чертой Дальнего Востока.

В конце 30-х годов сельскохозяйственное переселение в Приморье характеризовалось следующими цифрами: в 1937—1939 гг. прибыло 3517 семей, в 1940 г. — 7595, что дало прирост населения на 31612 чел. Места выхода мигрантов оставались прежними — европейская часть России, Украина, Белоруссия. Так, в 1940 г. из 18702 трудоспособных переселенцев выходцы с Украины составили 14379 чел., РСФСР — 3816, БССР — только 7 новоселов. В общем плане межобластных переселений центральные области РСФСР занимали 57,5 %, УССР — 28,9 %, БССР — 13,6 %¹⁹.

В 1930-е годы Дальний Восток превратился в регион форсированного индустриального развития. В связи с этим основной формой миграций становится промышленное переселение с целью удовлетворить потребность в трудовых ресурсах и уменьшить сезонность рабочей силы на предприятиях экспортных отраслей хозяйства (горной, лесной, рыбной, топливной, судостроительной промышленности), строительства и транспорта, а также полностью заменить иностранную рабочую силу²⁰.

Сначала стали переселять кустарей, ремесленников и рыбаков, в августе 1928 г. Народный комиссариат труда разработал специальную инструкцию. Для кустарей, переселяющихся на Дальний Восток, были установлены значительные льготы. Артелям выдавались крупные ссуды. Во Владивостокский округ направлялись смоло-

куры и бондари из Вятского края, рабочие по изготовлению сетей и рыболовных снастей из Астраханского округа, артели кустарей из Курской и Тамбовской областей²¹.

Сезонных рабочих для рыбной промышленности предприятия набирали через вербовочные бюро при биржах труда²². В 30-е годы промысловое переселение в Приморье стало осуществляться целыми рыболовецкими колхозами. В 1931 г. в Волго-Каспийском районе было создано 2 переселенческих колхоза — астраханский «Заветы Ильича» (280 хозяйств) и «Маяк коммуны» (220), а в Азово-Черноморском районе — колхоз «Искры Кавказа» (300 хозяйств). Эти колхозы были переселены в Приморье и размещены в районе бухт Пластун, Джигит и Советская Гавань²³.

В конце 20 — начале 30-х годов XX в. многие промышленные организации Приморья самостоятельно вербовали рабочую силу в центре страны. Однако власти решили перевести промышленное переселение на плановую основу, поэтому в 30-е годы оно развивалось в виде оргнабора. В промышленных переселениях участвовали выходцы из сельской местности, выдвиженцы заводов центральной части страны, демобилизованные воины. Так, в 1930 г. на лесозаготовки были направлены рабочие из Рязанского, Брянского, Вятского, Костромского и Ивановского округов, в рыбную промышленность — с Нижней Волги, Крыма и Ленинграда, на строительство — из Иваново-Вознесенска²⁴.

В 1930-е годы в Приморье значительно увеличилась численность татар и мордвы. Например, группа татар с семьями прибыла в пос. Тавричанка для работы на угольном разрезе. Для их детей даже была организована татарская школа²⁵. Наши информаторы, старожилы Владивостока татарской национальности, вспоминают, что их родители приехали в эти годы в край в составе большой группы промышленных переселенцев из районов Поволжья²⁶. Если в дореволюционный период на юге Приморской области проживало около 400—600 татар, то к концу 30-х годов — 11 тыс., численность мордвы в 1939 г. составила 15,3 тыс. чел. Представители этих народов заняли третью и четвертую (после русских и украинцев) позиции по численности среди других этнических групп края, хотя удельный вес их в общем составе населения был незначительным — 1,7 и 1,2 %²⁷.

В советский период среди мигрантов увеличилось число евреев. Не стесненные более ограничительными законами и чертой оседлости они свободно передвигались по стране. В 1930-е годы развернулось массовое переселение евреев на Дальний Восток в связи с созданием в рамках ДВК еврейской автономии. Мигранты прибывали как из западных регионов Советского Союза, так и из-за границы. В основном они ехали в Биробиджанский район. Но часть переселенцев оседала в Приморье, где в 1939 г. их насчитывалось 5,5 тыс. чел.²⁸ Кроме того, некоторые группы еврейской молодежи находились в Приморской области временно, проходя профессиональное обучение в шахтерских бригадах, на курсах мотористов и трактористов. После получения квалификации они отправлялись в Биробиджан²⁹.

Обратничество среди рабочих было более высоким, чем среди крестьян, что требовало постоянного увеличения плановых цифр по переселению. Например, к весне 1930 г. из 108 тыс. рабочих, отправленных из центра, на Дальнем Востоке осталось только 7 тыс. В городах наблюдался острый жилищный кризис, с конца 20-х годов ощущался резкий дефицит хлеба и продовольствия³⁰.

Всего, по подсчетам Л.Л. Рыбаковского, в 1930-е годы на Дальний Восток прибыло около 100 тыс. чел.³¹

Кроме добровольных переселений советское государство в 30-е годы стало широко практиковать принудительные миграции, участниками которых были заключенные исправительно-трудовых лагерей и колоний, спецпоселенцы. Их рабочая сила использовалась в форсированной индустриализации (так называемой «спецколонизации») Дальнего Востока, а общее число в 1939 г. только в лагерях превышало 400 тыс. чел. Одновременно с переселением европейских жителей в Приморье применялось принудительное выселение так называемого «неблагонадежного элемента». Советское правительство и спецслужбы рассматривали «социальную чистку края» как превентивную меру обеспечения безопасности российской приграничной территории. Применение этих мер во внутренней политике СССР расширялось по мере обострения международной обстановки на Дальнем Востоке в 30-е годы, с одной стороны, и развертыванием политических репрессий — с другой. Наиболее массовыми «чистками» населения Приморья были следующие: выселение крестьянства, связанное с раскулачиванием на рубеже 20—30-х годов (несколько тыс. чел.); выселение по паспортизации в 1933—1934 гг. (более 20 тыс. чел.); аресты и отправка осужденных в исправительно-трудовые лагеря в 30-е годы (точное число не известно); поголовная депортация китайского и корейского населения в 1937—1938 гг.; выселение так называемого «неблагонадежного населения» в 1939 г. (14,1 тыс. чел.)³².

За исключением депортации восточников эти акции не имели этнической направленности, но неизбежно охватывали представителей разных национальных групп местного населения. Что касается политических репрессий, то в 1937—1938 гг. в стране, и в том числе в Приморье, были проведены специальные массовые аресты по национальному признаку, во время которых в застенки НКВД были брошены поляки, немцы, эстонцы, латыши и представители некоторых других национальностей по обвинению в шпионаже и контрреволюционных заговорах. Только в июле 1938 г. во время массовой операции НКВД, которая называлась «изъятием националов», в Приморье было арестовано приблизительно 4—6 тыс. чел. Часть из них была расстреляна, некоторые освобождены в конце 1938—1939 гг., остальные отправлены в лагеря и ссылку³³.

Таблица 10

Русские, украинцы, корейцы и китайцы в Приморье в 1926—1939 гг.
(в 1926 г. — Владивостокский округ, в 1931 г. — Приморская область, в 1939 г. — Приморский край)

	1923 г.		1926 г.		1931 г.		1939 г.	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Русские	163067	31,0	209740	36,7	330000	40,7	676866	74,6
Украинцы	203627	38,7	148768	26,0	222300	27,4	168761	18,6
Корейцы	101938	19,4	145511	25,5	159100	19,6	-	-
Китайцы	37608	7,2	43513	7,6	32100	4,0	-	-
Прочие	19580	3,7	24499	4,2	67400	8,3	61178	6,8
Всего	525770	100	572031	100	810900	100	906805	100

Таблица составлена на основе источников: Салтыков Н.Н. Территория и население Приморской губернии. Прил. 1 // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. № 6—7; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 24. Дальневосточный край. Якутская АССР. Отдел II. Занятия. М., 1930. С. 5; Приморская область в цифрах. Владивосток, 1933. С. 22 (данные приводятся без Бикинского района); ГАПК. Ф. 131. Оп. 2. Д. 170. Л. 87.

В результате большого притока в край русских переселенцев и принудительных выселений происходило «размывание» некоторых малочисленных этнических групп. Примером может служить компактно проживавшая на берегу Уссурийского залива группа эстонских поморов-рыбаков (см. разд.1.2.1.). В 1924 г. в дер. Лифляндия и Линда они сформировали четыре рыбацкие артели, а в 1930 г. объединились в рыболовецкий колхоз «Новый мир», который первое время был почти полностью эстонским. На 1 марта 1930 г. в нем числилось 72, а в конце 1932 г. — 324 чел. Численность колхозников стала расти не только за счет ранее проживавших здесь крестьян, но и за счет новоселов, прибывавших в Приморье по оргнабору, среди которых не было эстонцев. Поэтому этнический состав данной локальной группы крестьян начал постепенно размываться. Процесс усугубился начавшимися репрессиями и принудительным выселением эстонских крестьян в период раскулачивания, паспортизации и арестов. В результате операции НКВД «по изъятию» националов в колхозе «Новый мир» было арестовано более 60 эстонцев, 15 из них было расстреляно в том же году, а всего из колхоза во время репрессий выбыло около 200 чел. Чтобы пополнить число рабочих рук, туда стали направлять новые группы русских переселенцев, в результате в 1938 г. произошло интенсивное обновление состава населения. В целом по Приморью численность эстонцев сократилась с 1547 чел. в 1926 г. до 1292 чел. в 1939 г.³⁴

Миграции и естественное движение населения привели к изменениям численности многочисленных национальных групп в Приморье (см. табл. 10).

Численность русских росла на протяжении всего рассматриваемого периода, а украинцев — только во второй половине 20-х годов. С 1923 по 1926 г. и с 1931 по 1939 г. наблюдалось сокращение украинской группы как по абсолютным числам, так и по удельному весу. Можно предположить, что в 1923—1926 гг. уменьшение их численности являлось следствием эмиграции за рубеж и возвращения беженцев на Украину, но частично могло быть объяснено и некоторой неопределенностью этнического самосознания, которое выявлено этнологами у «аграрных» украинцев, живших на Дальнем Востоке в начале 20-х годов XX в.³⁵ Во второй половине 20-х годов статистика показывает быстрый прирост русских и украинцев, что привело к постепенному повышению удельного веса славянского населения. Численность выходцев из соседних азиатских стран росла исключительно за счет корейцев, но их удельный вес в общем составе населения стал уменьшаться. Китайская группа сократилась в абсолютных и относительных цифрах. В 30-е годы продолжается численный рост славянского населения, которое после депортации «восточников» в 1937—1938 гг. стало основным, превысив 90 % общего состава жителей. Однако при этом снова уменьшилось число украинцев, что могло быть следствием как обратных миграций, так и частичной русификации. Другие этнические группы в Приморском крае по переписи 1939 г. составляли менее 1—2 % каждая.

¹ Ткачева Г.А. Административно-территориальное деление Дальнего Востока России в 20—30-е годы // Исторический опыт освоения восточных районов России. Владивосток, 1993. Кн. 2. С. 86—89.

² Красное знамя. Владивосток, 1922. 28 дек.

³ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 960. Л. 387—387об.

⁴ Красное знамя. Владивосток, 1930. 25 апр.

⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 340. Л. 279.

⁶ Там же. Д. 225. Л. 8; ГАПК. Ф. 715. Оп. 1. Д. 68. Л. 1—27об.; Красное знамя. Владивосток, 1922. 7, 9, 13, 20, 29 дек.; 1923. 10 янв., 3 февр.

⁷ Буяков А. Канун массовых репрессий // Ориентир. Владивосток, 1991. № 5. С. 43—44.

⁸ Салтыков Н.Н. Территория и население Приморской губернии. Прил. 1 // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. № 6—7.

⁹ Буяков А. Русские в Шанхае // Владивосток, 1993. 11 марта.

¹⁰ См.: Чернолуцкая Е.Н. Военнопленные и беженцы первой мировой войны на российском Дальнем Востоке и их репатриация // Исторический опыт освоения Дальнего Востока: Проблемы истории социально-экономического и культурного развития. Благовещенск, 2000. Вып. 3. С. 138—143.

- ¹¹ Салтыков Н.Н. Территория и население Приморской губернии... С. 64.
- ¹² Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 72—73.
- ¹³ Бугай Н.Ф. Корейцы в СССР: из истории вопроса о национальной государственности // Восток. М., 1993. № 2. С. 152.
- ¹⁴ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока... С. 74; Лескова Т.А. К истории формирования трудовых ресурсов на юге Дальнего Востока в 20—30-х гг. XX в. // Исторический опыт освоения Дальнего Востока... С. 111; Проскурина Л.И. Сельскохозяйственное переселение на Дальний Восток России в 20—30-е гг. XX в. // Там же. С. 121.
- ¹⁵ ГАХК. Ф. 304. Оп. 1. Д. 41. Л. 29.
- ¹⁶ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 147. Л. 21об-22; Д. 377. Л. 201.
- ¹⁷ Там же. Д. 1730. Л. 14—15.
- ¹⁸ Там же. Д. 377. Л. 212—212об.
- ¹⁹ Красное знамя. Владивосток, 1930. 1 марта; Билим Н.А. Переселение крестьян на советский Дальний Восток (1925—1941 гг.) // Из истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1976. С. 198, 199, 205, 207.
- ²⁰ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока... С. 79—81.
- ²¹ Билим Н.А. Из истории переселения промышленных рабочих на советский Дальний Восток в 1928—41 гг. // Материалы второй дальневосточной межвузовской научной конференции по истории советского Дальнего Востока, посвященной 50-летию советской власти. Хабаровск, 1967. С. 160, 161.
- ²² РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 147. Л. 99об.
- ²³ Красное знамя. Владивосток, 1930. 5, 6 марта; Мандрик А.Т. Формирование кадров рыбаков на Дальнем Востоке в годы социалистического и коммунистического строительства в СССР // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974. С. 82.
- ²⁴ Красное знамя. Владивосток, 1930. 8 марта. С. 1.
- ²⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 735.
- ²⁶ Интервью с Ф.А. Гулеевой // Личный архив А.С. Ващук.
- ²⁷ ГАПК. Ф. 131. Оп. 2. Д. 170. Л. 87.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Красное знамя. Владивосток, 1930. 18 марта.
- ³⁰ Там же. 1930. 17 янв., 1 марта.
- ³¹ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока... С. 79—82.
- ³² См.: Чернолуцкая Е.Н. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока СССР в 30-е — начале 50-х гг. (о роли «спецконтингентов»). Препринт. Владивосток, 1993; Она же. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестн. ДВО РАН. Владивосток, 1995. № 6. С. 71—79; Она же. Паспортизация советского населения как завершающая веха в утверждении тоталитарного режима в СССР (на материалах Дальнего Востока) // Тоталитаризм как исторический феномен. Владивосток, 1996. С. 88—104; Она же. Паспортизация дальневосточного населения (1933—1934) // Revue des Etudes Slaves. Paris, LXXI / 1. 1999. P. 17—33.
- ³³ См.: Чернолуцкая Е.Н. «Националы» Приморья в сталинских политических репрессиях // Изв. РГИА ДВ. Владивосток, 1996. Т. 1. С. 149—160.
- ³⁴ См.: Чернолуцкая Е.Н. Миграции эстонцев в Приморье (1900-е — 1930-е гг.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. Кн. 2. С. 108—113.
- ³⁵ Украинцы. М., 2000. С. 77.

2.2.2. Решение проблем иностранной иммиграции в условиях развивающегося советского тоталитаризма

С 1923 г. иностранная иммиграция в Приморье регламентировалась советскими законами, в том числе декретом СНК от 20 октября 1921 г., постановлениями Совета труда и обороны от 2 февраля, 16 марта 1923 г., 17 февраля 1925 г., а также постановлением СНК СССР от 31 марта 1925 г., определявшими порядок и условия сельскохозяйственной и промышленной миграции в пределы СССР¹. Новая власть попыталась наладить точный учет иностранных иммигрантов. С этой целью в августе 1923 г. была произведена регистрация всех иностранцев, проживавших на территории РСФСР, путем одновременной замены их паспортов. В циркулярном распоряжении отдела управления НКВД указывалось: «Ни один иностранец не должен остаться незарегистрированным»².

На Дальнем Востоке продолжало пребывать большое количество иммигрантов, в основном выходцев из Китая и Кореи. Состав европейских и американских граждан претерпел существенные изменения. В городах и поселках городского типа Приморской губернии в 1923 г. их насчитывалось около 4 тыс. чел., в том числе поляков — 1394, латышей — 647, литовцев — 341, эстонцев — 224, чехов — 224, немцев — 219, румын — 100, мадьяр — 73 чел. и т. д. Как видно из этих цифр, большую часть иностранных граждан представляли выходцы из Прибалтики и бывшие военнопленные первой мировой войны. Их организованное возвращение на родину продолжалось в 1923—1924 гг., но часть подлежащих репатриации граждан осталась в пределах Приморья на постоянное жительство. Все остальные группы иностранцев, кроме греков (251 чел.), насчитывали менее 100 чел. каждая: англичане — 70, финны — 44, американцы — 35, французы — 22, датчане — 27, шведы — 18, итальянцы — 15, швейцарцы — 6 чел. и т. д.³ К октябрю 1925 г. количество иммигрантов этой категории в Приморской губернии сократилась до 1862 чел.⁴ Многие иностранные консульства свернули деятельность, не пожелав устанавливать дипломатические отношения с советской Россией. Во Владивостоке в 1924 г. продолжали работать только китайское, чехословацкое и германское консульства⁵, в 1925 г. вновь открылось японское.

В связи с изменением системы власти и социально-экономических отношений, которые привели к вытеснению из экономики страны частного предпринимательства и торговли, Приморье постепенно покинули ино-

странцы, имевшие свой бизнес. Некоторое время на Дальнем Востоке существовали иностранные концессии, но к началу 1930-х годов они были ликвидированы по инициативе советского правительства. В дальнейшем прибытия иностранных бизнесменов практически не отмечалось.

В Приморской области на 28 ноября 1936 г. (по сведениям милиции) находилось только 103 иностранца (без восточных иммигрантов), из них 17 чел. родились в России, 51 чел. прибыли в страну до 1922 г., в том числе 25 чел. — во время первой мировой войны, и 33 чел. — после 1922 г. Самой крупной из них была группа датчан (18 чел.), работавших на датском телеграфе (телеграф был создан во Владивостоке датской компанией в 1871 г. и до конца 1930-х годов обслуживался датчанами), 16 чел. имели греческое подданство, 12 — иранское, 18 чел. являлись гражданами Чехословакии, остальные исчислялись единицами (югославы, эстонцы, шведы, турки, поляки, норвежцы, латыши, американцы, немцы, австрийцы и др.). Из четырех норвежцев трое жили и работали на пароходе «Алеут» (Дальморзверпрома). Среди перечисленных, очевидно, были и консульские работники. На 1 января 1937 г. во Владивостоке учетом охвачено 113 иностранцев (не считая «восточников»)⁶.

КОРЕЙЦЫ

Согласно городской и сельскохозяйственной переписям в 1923 г. на юге Приморской губернии проживали 101938 корейцев (92,4 % всей корейской диаспоры на российском Дальнем Востоке), в том числе во Владивостокском уезде — 60272 чел., Никольск-Уссурийском — 37197 чел., Спасском — 4469 чел., из них 89,4 % находились в сельской местности. 67,4 % корейцев Приморской губернии — нерусскоподданные⁷. По оценкам современников, реальное число выходцев из Кореи выше примерно на 25—30 %, так как точный учет не был налажен из-за их большой миграционной подвижности и отсутствия достаточного аппарата статистических работников. Тем не менее, в течение 1920-х годов корейцы попадали под статистическое обследование трижды: во время общих переписей населения (1923 и 1926 гг.) и в период специальной переписи корейского населения Владивостокского округа (1929 г.). Однако с 1929 по 1937 г. такой учет не проводился. Более того, статистические сведения о национальных меньшинствах стали считаться секретными и распоряжением ЦУНХУ от 3 января 1934 г. отделам народнохозяйственного учета их сбор категорически воспрещался⁸. Только в 1937 г. была проведена очередная всесоюзная перепись населения, но ее результаты несколько десятилетий оставались засекреченными.

Установление советской власти на Дальнем Востоке, провозгласившей интернациональную поддержку трудящихся и угнетенных, стало дополнительным притягательным фактором для корейских иммигрантов, особенно беднейших слоев. В 1920-е годы, пользуясь прозрачностью границы, корейцы массами устремились на советскую территорию. С 1917 по 1929 г. сюда перешли 71,5 % всех корейских семейств, иммигрировавших в Россию с 1860-х по 1929 г., в том числе 38,7 % прибыли в 1928—1929 гг.⁹ По подсчетам Л.Л. Рыбаковского, за первые шесть лет советской власти на русский Дальний Восток переселились 100 тыс. чел., 2/3 корейцев относились к постоянным жителям края и 1/3 — к временным¹⁰.

Интенсивная иммиграция и естественный прирост привели к тому, что в конце 1910-х — середине 1920-х годов численность корейского населения в Приморье росла быстрее, чем остальных этнических групп. К 1926 г. диаспора насчитывала 145511 чел. (удельный вес в общем составе населения — 25,5 %), в 1929 г. — 150795 (24,3 %), 1931 г. — 159100 чел. (19,6 %).

После гражданской войны в Приморской губернии выделено два района корейского заселения: с количеством корейцев в среднем 63,4 % (волости Посьетская, Барабашская, Владимиро-Александровская, Киевская, Суйфунская и Покровская); с количеством в среднем 25,8 % (волости — Шкотовская, Сучанская, Гродековская и Ивановская)¹¹. В 1929 г. в Суйфунском районе находилось 20718 корейцев (49,1 % численности населения района), Сучанском — 19698 чел. (50,9 %), Шкотовском — 10837 (29,1 %), Покровском — 10391 (38,6 %) и т. д., во Владивостоке — 7994 чел. (7 %). Наиболее высокая их концентрация сохранялась в Посьетском районе, где в 1929 г. проживали 35755 чел. (89 %)¹². Только за 1923—1926 гг. в этот район вселилось 9466 иммигрантов¹³.

Согласно исследованию Пэ Ын Кен, в начале 20-х годов около 80 % корейского населения занималось земледелием. Крестьяне подразделялись на кулаков — 5—6 %, середняков — 25—30 %, бедняков — 65—70 % (малоземельные, безземельные, батраки). Интеллигенция составляла 5—7 %, мелкая буржуазия — до 10 %. Многие корейцы, проживавшие в городах, занимались спекуляцией, контрабандой и мелкой торговлей. Рабочих среди них было немного — во Владивостоке насчитывалось до 900 чел., занятых на табачных и пищевых предприятиях и погрузочно-транспортных работах в порту. В районе пос. Ольги корейцы трудились на лесных концессиях¹⁴.

За годы советской власти социальный состав корейского населения в Приморье претерпел частичные изменения. В 1920-е годы были постепенно вытеснены предприниматели и частные торговцы, в начале 1930-х годов в результате раскулачивания разрушен слой зажиточных корейских крестьян. Одновременно в корейской среде появилась своя партийно-советская номенклатура, представленная членами Далькрайкома ВКП(б), ее областных / окружных и районных комитетов, Далькрайисполкома и обл / окр-исполкома, сельсоветов, председателями колхозов и т. д. По данным переписи 1929 г., корейцев — членов и кандидатов ВКП(б) во Владивосток-

ском округе насчитывалось 865 чел.¹⁵ По другим источникам, на 1 июля 1929 г. их было 1004 чел., на 1 января 1930 г. — 970 чел.¹⁶

Корейская политическая эмиграция не только находила убежище на российском Дальнем Востоке, но и получала покровительство со стороны советских властей. Однако это касалось только той ее части, которая вступила в сотрудничество с советской партийной элитой и лидерами Коминтерна. Так называемые «буржуазные националисты» в Советском Союзе не приветствовались. Корейский отдел при Приморском губкоме (позже — Владивостокском окрком) ВКП(б) выполнял роль своеобразного центра по руководству и координации некоторых направлений революционной деятельности корейцев в Корее и Китае. Нередко иммигранты, нелегально прибывшие в СССР, регистрировались через МОПР и проходили обучение на специальных курсах в Москве и Владивостоке. В 1929 г. во Владивостокском округе было официально зарегистрировано 64 корейских политэмигранта¹⁷. На самом деле их было больше. Участники корейского революционного и партизанского движения будучи на советской территории зачастую выходили из-под партийно-государственного контроля. Они многократно нелегально пересекали советско-китайскую и советско-корейскую границу в обоих направлениях, находили поддержку и пристанище у своих соотечественников в России, организовывали тайные совещания и теоретические курсы, изыскивали средства, приобретали оружие. Нелегальная деятельность корейских революционеров в Советском Союзе вызвала раздражение советских властей и противоречивое к себе отношение. Например, в резолюции 1-го краевого корейского совещания, утвержденной на заседании Далькрайкома ВКП(б) 12 декабря 1927 г., по данному вопросу было принято два пункта: 1) «проработать вопрос об организации групп содействия корейскому коммунистическому движению для оказания моральной и экономической помощи коммунистической партии, изучения политико-экономического положения в Корее, корейского революционного движения, внутривластного состояния корейской компартии» и 2) «категорически воспретить персональную и групповую связь корейцев-коммунистов с зарубежными корейскими революционными организациями и группами, принимая против таковых меры вплоть до исключения из рядов ВКП(б)». Оба пункта не подлежали оглашению¹⁸.

Основная масса корейцев в Приморье продолжала существовать за счет доходов от земли. В 1929 г. сельскохозяйственным трудом занимались 23283 корейских хозяйства, где проживали, включая иждивенцев, 129673 чел.¹⁹ Располагая примерно 20 % посевной площади, корейские крестьяне производили почти треть всей продукции полеводства. Особенно значительным был их вклад в производство масличных бобов и риса.

Е.А. Лыкова и Л.И. Проскураина в своем исследовании показали, что в результате приселения бедных корейских колонистов постоянно росло число беспосевных и малопосевных хозяйств, которые вынуждены были арендовать землю у старожилов. В Посьетском районе, например, пашню арендовали 69 % корейцев. Как правило, аренда носила кабальный и скрытый характер²⁰, что было наиболее распространено в рисовом хозяйстве. Местная власть осознавала пагубность таких земельных отношений, но, несмотря на многочисленные решения и постановления «о мерах борьбы с кабальными сделками по аренде земли», ничего изменить не могла²¹.

Часть безземельных корейцев переходила на промыслы, занимаясь преимущественно добычей рыбы. В 1926 г. в крае насчитывалось 41 корейская рыболовецкая артель с 800 рыбаками. Артели входили в созданное в 1925 г. промысловое объединение рыбаков Примпромыслаксюз. Кроме этого, около 2,5 тыс. корейцев работали на других рыбных предприятиях Приморского промыслового района, они составляли пятую часть всех рыбаков²². В середине 1930-х годов в Посьетском районе было создано 7 крупных корейских рыболовецких колхозов²³.

В 30-е годы корейские крестьяне подверглись всеобщей коллективизации. В 1934 г. в ДВК было создано 200 корейских колхозов (от 28 до 139 дворов в каждом), объединивших 80 % корейских единоличных хозяйств. Значительная часть из них влачила жалкое существование.

Репрессии, сопутствовавшие коллективизации и раскулачиванию корейцев, вынудили многих из них покинуть насиженные места. Например, в Шкотовском районе ушло 600 семей, работавших на рисовых плантациях²⁴. Многие корейцы бежали за границу. За период с 1 января по 1 мая 1930 г., по сведениям ОГПУ, таковых было 1285 чел. Начало массового бегства в октябре-декабре 1929 г. характеризовалось преобладанием представителей зажиточных хозяйств, подвергнутых взысканиям за несдачу хлебных излишков. Но уже в следующем году за границу уходили главным образом безземельные бедняки (поодиночке и семьями), испытывавшие пресс «перегибов» коллективизации. Об этом свидетельствуют следующие цифры: в январе-апреле 1930 г. бежало кулаков — 260, середняков — 344, бедняков — 641, батраков — 4, остальные — не установлены. Среди беглецов встречались и те, кого власти считали своей политической опорой, — комсомольцы и члены сельсоветов. Больше всего корейцев ушло из Сучанского, Посьетского и Шкотовского районов Владивостокского округа. Часть из них задерживалась на границе советской погранохраной. Отмечались также единичные случаи возвращения корейцев из-за границы в связи с тем, что там их положение оказалось еще хуже, чем в России²⁵.

Продолжавшийся наплыв корейских иммигрантов в Приморье обострил земельную проблему. Корейцы рассчитывали, что советская власть наделит землей всех желающих. И действительно, сначала проводилась в жизнь такая политика. На заседании Далькрайкома ВКП(б) 26 февраля 1926 г. во вопросу о землеустройстве корейцев было принято решение: «1). Признать необходимым постепенное проведение в жизнь земельного ко-

декса о наделении землею независимо от подданства в соответствии с решением пленума Дальбюро от 6, 7 мая... 2). Наделение земель давно осевших на земле и освоивших ее проводить по возможности из землеустроенного фонда текущего года, прибегая к колонизационному фонду только в крайнем случае...»²⁶ Но уже 10 мая того же года бюро Далькрайкома ВКП(б) признало «невозможность расселения во Владивостокском округе проживающих иностранных граждан, желающих получить земельные наделы, а равно и всех безземельных, получивших советское гражданство»²⁷. 7 февраля 1927 г. бюро Далькрайкома постановило возбудить перед ВЦИКом ходатайство об изменении примечания к ст. 9 Земельного кодекса, признав более целесообразным формулировку: «Иностранцы, прибывающие на территорию СССР самовольно, правом на получение земли в порядке трудового землепользования не пользуются». Во Владивостокском округе дальнейшее землеустройство иммигрантов было решено прекратить с переселением всех безземельных в другие округа края за исключением тех, кто оформил советское гражданство²⁸. 12 декабря 1927 г. Далькрайком ВКП(б) выносит резолюцию: «Учитывая ограниченность пригодных земель для сельскохозяйственного использования в Приморье и широкий поток в край переселенцев из аграрно-перенаселенных районов Союза, считать совершенно невозможным предоставление в дальнейшем земель во Владивостокском округе для иммигрантов, прибывающих в край из сопредельных стран»²⁹.

К этому времени во Владивостокском округе уже остро ощущался дефицит свободного земельного фонда. Корейцы, прибывая из-за границы, продолжали практику самовольного захвата земель, в том числе тех, которые предназначались для российских переселенцев.

Пытаясь сгладить остроту корейского вопроса, советская администрация по мере возможности изыскивала резервы для наделения корейцев землей в порядке трудового землепользования. При этом преимущество имели иммигранты, которые заселились в ДВК до 15 ноября 1922 г., независимо от их гражданства, а из вселенцев более позднего времени — те, кто оформил советское гражданство. К концу 1927 г. в Приморье были наделены землей свыше 10 тыс. хозяйств корейцев, 2 тыс. находились в процессе землеустройства, и оставалось еще 10—12 тыс. безземельных хозяйств³⁰.

Центральные и местные власти пытались решить корейский вопрос двумя путями: за счет прекращения самовольного притока корейских иммигрантов в Приморье и одновременного переселения части корейцев в другие районы Дальнего Востока. Именно в таком ключе было принято постановление ВЦИК от 6 декабря 1926 г.³¹

Для прекращения корейской иммиграции дальневосточному погранотряду поручалось усилить охрану границ. В протоколе № 24 заседания бюро Далькрайкома ВКП(б) от 10 мая 1926 г. было записано: «Ввиду ограниченности свободного земельного фонда во Владивостокском округе, наличия безземельных советских граждан и необходимости устройства на нем по плану колонизации переселенцев, прибывающих из центральных районов Союза, политохране границы категорически воспретить самовольный въезд из-за границы иностранцев. Фракции крайисполкома разработать в срочном порядке меры, гарантирующие приостановление самовольного потока иностранцев. Считать возможным административное выселение их обратно»³². На сельсоветы возлагалась ответственность за укрывательство лиц, пришедших нелегально из-за границы. Кроме того, президиум ДКИК обращался в НКВД с просьбой «дипломатическим путем договориться с Японией о прекращении массового нарушения границы корейцами»³³. Однако в 1920-е годы пограничники были бессильны сдержать приток иммигрантов из Кореи.

Трудности землеустройства корейцев отразились и на предоставлении им советского гражданства. В первые годы советской власти был введен упрощенный порядок прохождения этой процедуры для трудящихся корейцев, поселившихся в Приморье до 1918 г. Поток заявлений о приеме в советское гражданство ежегодно исчислялся несколькими тысячами, и власти не успевали их рассматривать. По данным Б.Д. Пака, в 1923—1926 гг. подали заявления 17667 корейцев, из них получили советское гражданство 12631 чел.³⁴ Всего в 1926 г. во Владивостокском округе согласно обнародованным данным переписи населения гражданство СССР имел 70571 кореец (48,5 %)³⁵. Однако опубликованные цифры расходятся с одним из выявленных нами архивных рукописных документов, где указывается, что в округе числилось только 50,4 тыс. корейцев — советских граждан, 35 % от их общего числа³⁶.

В 1926—1927 гг. появляются решения Далькрайкома ВКП(б) и Далькрайисполкома об ограничении и прекращении принятия корейцев в советское гражданство в связи с остротой проблемы их землеустройства. Исключение делалось лишь для некоторых категорий корейцев (членов ВКП(б), выборных советских органов и т. п.)³⁷. О ходе приема корейцев в советское гражданство в последующие годы нами материалов не выявлено.

Одновременно была сделана попытка отселить часть корейских крестьян из Южного Приморья в другие районы Дальнего Востока. Президиум Дальревкома еще в марте 1925 г. принял постановление «считать своевременным и вполне целесообразным начать расселение крестьян-корейцев, недавно осевших на землю, из Посьетского района и южной части Никольск-Уссурийского уезда в глубь Приморской губернии, главным образом в Амурскую губернию»³⁸.

В 1926 г. на основании данных переписи населения переселенческая партия составила план расселения корейцев. Он предусматривал устройство в пределах Владивостокского округа 40,7 тыс. и за пределами Владивостокского округа 54,8 тыс. корейцев. Для расселения были намечены Курдартинский район Хабаровского ок-

руга и Биробиджанский район Амурского округа. Всем переселенцам выделялись ссуды. В дальнейшем планы расселения корейцев внутри ДВК неоднократно уточнялись. Так, после переписи корейского населения 1929 г. было намечено оставить в округе 51241 чел. и расселить в другие округа 99553 чел. Согласно ориентировочному пятилетнему плану в 1929 г. из них предусматривалось отселить 3500 чел. в Хабаровский округ. Ход подготовки и осуществления корейского переселения постоянно обсуждался в партийных и советских органах, включая высшие инстанции. С 1927 по 1932 г. он был трижды рассмотрен на политбюро ЦК ВКП(б), которое приняло, а затем подтвердило директиву на массовое административное отселение корейцев из пограничных районов Приморья. Однако все решения, принятые по этому поводу во второй половине 1920-х годов, оказались нереализованными³⁹.

Корейцы отрицательно восприняли решение о переселении из Владивостокского округа и отказывались уходить с освоенных ими мест. В связи с этим впервые в советской практике наряду с добровольным была предпринята попытка их принудительного переселения. Ему подверглись задержанные на границе корейцы, бежавшие из сел Приморья во время раскулачивания и коллективизации. Только за первые четыре месяца 1930 г. в Синдинский и Курдартинский районы Хабаровского края было принудительно переселено 837 чел., в том числе кулаков — 48, середняков — 56, бедняков — 651, батраков-одиночек — 82⁴⁰. На добровольных началах в Хабаровский округ к сентябрю 1929 г. было переселено 1408 чел., кроме того, 220 корейцев переехали в Казахстан для выращивания риса⁴¹.

Однако подготовка земель и бытовых условий на местах вселения в Хабаровском округе была плохо организована как для добровольных, так и для принудительных мигрантов⁴². Вследствие этого добровольные переселенцы стали уезжать из округа, а из артелей принудительных мигрантов начались побегі. Так, к июлю 1930 г. из артели «Сучан» (Курдартинский район), состоявшей из 57 семей, бежали 11 семей, из Синдинского района в мае-июне того же года — 46 чел.⁴³ Дальнейшее расселение корейцев в Хабаровском округе было прекращено по причине неподготовленности колонизационного фонда⁴⁴.

К началу 1932 г. численность корейцев в Приморье достигла 159,1 тыс., 19,6 % всего населения. Наиболее многочисленные их группы находились в Посьетском районе — 26,4 тыс. (88 % жителей района), во Владивостоке — 17 тыс. (10,6 %), в Сучанском — 16,4 тыс. (47,1 %), Никольск-Уссурийском — 15,7 тыс. (53,4 %) и Шкотовском — 10,8 тыс. (27,8 %) районах⁴⁵.

Таким образом, общее число корейцев в Приморье выросло, однако в некоторых районах (Посьетский, Сучанский) произошло его уменьшение, которое продолжалось и в середине 30-х годов. В 1934 г. в Посьетском районе проживали 19123 корейца (из 24402 общей численности населения), в Шкотовском — 6814 (из 41 тыс.), Сучанском — 16726 (из 30,2 тыс.)⁴⁶.

КИТАЙЦЫ

В 1923 г. на юге Приморской губернии по данным переписи находилось 37608 китайцев, в том числе во Владивостокском уезде — 30194 чел., в Никольск-Уссурийском — 5493 чел., Спасском — 1921 чел. Основная масса китайцев (87 %) проживала в городской местности, главным образом — во Владивостоке (23199 чел., или 61,7 % всех китайцев губернии). Удельный вес китайцев в общем населении юга Приморской губернии составлял 7,2 %⁴⁷.

В середине 1920-х годов численность официально зарегистрированных китайцев в Приморье достигла 42—43,5 тыс. (около 8 % всего населения). Соотношение по полу отличалось у них наибольшей диспропорциональностью среди всех национальных групп: на 100 мужчин приходилось 7—8 женщин⁴⁸. Диаспора постоянно обновлялась, так как большинство китайцев находились на Дальнем Востоке 3—5 лет и возвращались на родину. Временно проживавшие иммигранты, как правило, были без семей. Они получали удостоверения на право пребывания на территории советского Дальнего Востока сроком на 1 год; при желании остаться здесь дольше обязаны были сменить их на новые⁴⁹.

Не совсем ясен вопрос о приеме китайцев в советское гражданство. Согласно переписям 1923 и 1926 г. иностранное гражданство в Приморской губернии / Владивостокском округе имели соответственно 98,7 % и 97,3 % китайцев. Однако совершенно неожиданно нами обнаружен архивный рукописный документ, составленный по итогам переписи 1926 г. на Дальнем Востоке, в котором соотношение китайцев, граждан СССР, и китайцев-иностранцев существенно меняется. В нем показано, что во Владивостокском округе из 43,5 тыс. всех проживавших китайцев 15,1 тыс. являлись гражданами СССР, что составляло 34,7 %⁵⁰. Каким образом появились эти цифры и почему они столь сильно расходятся с опубликованными данными, остается неизвестным, как и не выявлены сведения о гражданском статусе китайцев в последующие годы. Во время депортации китайцев из Приморья в 1938 г. среди них было только около 1,5 тыс. советских граждан.

Очередное статистическое обследование китайского населения во Владивостокском округе проведено в 1929 г. во время переписи корейцев. В это время в округе было учтено 42316 китайцев, 6,8 % от всего населения. Из них 58 % (24544 чел.) находились в городской местности, в том числе во Владивостоке — 16614 чел. (14,5 % к местному населению), в Сучане — 1051 чел. (12,4 %), в Артеме — 2405 чел. (51,2 %). Доля проживающих в

сельской местности увеличилась до 42 % (17772 чел.). В Шкотовском районе насчитывалось 3613 китайцев (9,7 % к населению), Покровском — 3515 чел. (13,0 % к населению), Сучанском — 1779 чел. (4,6 %), Ольгинском — 1647 чел. (7,4 %), Спасском — 1017 чел. (3,0 %), в остальных местах их удельный вес был ниже⁵¹.

Однако, как отмечалось выше, китайцы всячески избегали учета на русской территории и были миграционно подвижны. На долю постоянных жителей края приходилось всего 5 % китайских иммигрантов. Предполагается, что их численность в 1920-е годы на русском Дальнем Востоке колебалась в пределах 50—70 тыс. чел. с некоторым увеличением во второй половине десятилетия. Наибольшая их часть размещалась на юге Приморья⁵².

В справочной книге «Сибирь и Дальний Восток», выпущенной в 1926 г., сообщалось: «Китайцы ... приходят на сезонные заработки, главным образом, на золотопромышленность, проходят через границы нелегально и таким же образом возвращаются обратно»⁵³. Многие промышленные предприятия и совхозы Дальнего Востока проводили в Китае набор рабочих с помощью китайцев-вербовщиков. При этом, как писал в октябре 1930 г. в докладной записке руководитель Дальневосточного краевого отдела труда, «все восточные рабочие границу переходят нелегально. Легальный переход границы имеют только китайцы-вербовщики, которые пропускались по распоряжению Комендатуры погранотряда в Полтавке и Гродеково. Имеются сведения, что во время вербовки некоторые вербовщики арестованы китайскими властями»⁵⁴.

Как видно из статистики, значительная часть китайцев находилась в городской местности. В 20-е годы их занятость не претерпела существенных изменений по сравнению с дореволюционным периодом. Китайские торговцы и мелкие лавочники еще продолжали играть существенную роль во внутренней торговле юга российского Дальнего Востока. Работали небольшие китайские рестораны, аптеки, парикмахерские, агентства крупных китайских торговых фирм, существовали китайские домовладения. Китайская торговля активно «подпитывалась» контрабандой. По сообщению ПП ОГПУ ДВК от 9 марта 1927 г., во Владивостоке продолжало функционировать китайское торговое общество, имевшее легальный статус общества взаимопомощи. Деятельность его заключалась в объединении китайских купцов и ремесленников, координировании действий по борьбе с советским торговым капиталом, объединении мелких служащих, китайских торговых предприятий с целью воспрепятствовать вовлечению их в профсоюзы и другие организации⁵⁵.

Основную массу китайских иммигрантов составляли рабочие, которые были заняты на предприятиях добывающей промышленности, строительстве, погрузочно-разгрузочных работах в порту и станциях железной дороги. По данным Г.А. Ткачевой, в октябре 1929 г. в промышленности края работали 11769 китайцев, в 1930 г. — 12384⁵⁶. В угольной промышленности Приморья в 1926 г. было занято 3304 китайца, из них на шахтах Артема — 2042 чел., что составляло 72,2 % всей рабочей силы предприятия, Сучана — 941 чел. (29,4 %), Тавричанки — 257 чел. (83,4 %)⁵⁷. В 1930 г. в Тавричанке работали 317 китайцев (около 64 %)⁵⁸. В Артеме китайские рабочие составляли половину населения этого поселка: в 1929 г. в нем проживало 4700 чел., из которых 2405 чел. (51,2 %) — китайцы⁵⁹, в Спасском районе около половины строителей — китайцы⁶⁰. Согласно исследованию Ф.В. Соловьева в целом по Владивостокскому округу они составляли 31 % всех рабочих, в горнорудной промышленности — 53,1 %, лесной — 37 %, химической — 39 %⁶¹.

С конца 1920-х годов в СССР стала проводиться политика вовлечения женщин в производство, она затронула и восточных иммигрантов. Во Владивостоке, например, была организована кустарная пошивочная артель «Работница-китаянка», которая за два года увеличила свой штат с 5 до 30 чел.⁶²

Характерной чертой китайских миграций оставалась сезонность. Весной и осенью массы отходников устремлялись не только через советско-китайскую границу, но и перераспределялись между районами и предприятиями Приморья. Как правило, весной многие рабочие с шахт переходили на строительство и рыбные промыслы. Ощутимые потери, например, испытывали Артемовские угольные копи. Так, в феврале 1930 г. оттуда уволились 640 чел., в первую половину марта — еще 150⁶³.

Высокая текучесть китайской рабочей силы объяснялась также плохими производственными и бытовыми условиями на предприятиях. Яркой иллюстрацией этому является переписка между ПП ОГПУ ДВК и краевым отделом труда в декабре 1930 г. по поводу «пропажи» 38 китайских рабочих. В записке заведующего краевым отделом труда сообщалось: «Рабочие первоначально вербовались для Алдана, но ввиду малочисленности и нежелания ехать в отдаленный район были переданы Приморской конторе Союззолото в г. Владивостоке, последняя направила их на прииски Сучанской группы. Из-за отсутствия на приисках в момент прибытия этих рабочих обуви они, проработав несколько дней босыми в холодной воде, работу бросили и разошлись. Одной из причин послужило также и то обстоятельство, что при вербовке их на Алдан им гарантировался заработок в размере 5—7 руб. в день, но не на работах в Приморье. ... Сам состав на вербованных оставлял желать лучшего — это были в прошлом по большей части мелкие ремесленники — парикмахеры, портные и т. п., которые, по видимому, и нанимались-то на работу с целью легально и дешево перейти границу, а затем заняться своим ремеслом в городах»⁶⁴.

На миграцию китайцев влияли также межгосударственные отношения СССР и Китая. Имеется информация, что в 1929 г. в связи с конфликтом на КВЖД китайские купцы были выселены из Владивостока или взяты под стражу⁶⁵. Тогда же наблюдался массовый выезд китайских иммигрантов из Приморья, что заставило мест-

ные власти в срочном порядке принимать меры по удержанию рабочих — выявлять и арестовывать «распространителей провокационных слухов», усилить «разъяснительную кампанию», улучшить питание, организовать выплату иностранной валюты и т. д.⁶⁶ Однако это мало изменило ситуацию. В 1929—1932 гг. целым рядом постановлений крайкома ВКП(б), Президиума и пленума крайисполкома отмечалось, что в промышленности, особенно угольной, наблюдается огромная текучесть восточных рабочих, их удельный вес на предприятиях края понизился с 17 % в 1929/30 г. до 2,2 % в 1930/31 г.⁶⁷

Во время конфликта на КВЖД на советский Дальний Восток были доставлены пленные китайцы. Их использовали как рабочую силу в горнодобывающей промышленности, в частности на шахтах Артема⁶⁸. В январе 1930 г. интернированные китайцы были освобождены и отправлены на родину, но многие пожелали остаться в пределах СССР, в том числе большинство пленных матросов Сунгарийской флотилии⁶⁹.

В начале 1930-х годов имелись случаи добровольного перехода на советскую территорию крупных военных китайских соединений — добровольческих армий и партизанских отрядов, вытесненных из Маньчжурии японскими оккупационными войсками. Например, в декабре 1932 — январе 1933 г. в Приморье перешла дунбэйская армия в составе нескольких тысяч человек с большим количеством беженцев⁷⁰. Советское руководство не только оказывало дружеский прием китайским военным на своей территории, но и организовывало помощь в беспрепятственном переходе границы. Так, в одном из документов ПП ОГПУ ДВК кратко сообщается о секретной операции, проведенной советскими пограничниками с 1 по 25 января 1933 г. по интернированию китайских войск в составе 5265 чел., в том числе 10 генералов и 820 офицеров. Операция была вызвана «военными действиями японских войск по очистке приграничных гарнизонов от старогириных частей в районе Хулинь-Мишань-Лишун-чжан, Пограничной, Санчагоу, Гиринской провинции в январе 1933 г.» Участники операции были награждены, так как «процесс интернирования прошел вполне организованно и без всяких эксцессов и международных пограничных инцидентов»⁷¹. Японцы потребовали выдать им командный состав дунбэйской армии, но советское правительство отказалось это сделать. Китайские офицеры были отправлены в Москву, где, как сообщает китайский историк Пын Мин, встречать их вышло более тысячи человек — представители наркоматов и советов, комсомольцы и пионеры, «которые с маленькими флажками в руках горячо приветствовали прибывших»⁷². Позже многие генералы и офицеры вернулись в Китай и продолжили участие в партизанском движении⁷³.

Китайские иммигранты работали и в сельском хозяйстве. В 30-е годы, как и остальные земледельцы, они были организованы в колхозы. Например, в 1934 г. в Уссурийской области, где проживали 2035 китайцев, из 73 колхозов области 5 были китайскими. Колхоз «Красный восток» Ворошиловского (совр. Уссурийский) района объединял 140 хозяйств, колхоз «Сталин» Гродековского (совр. Пограничный) района — 55, колхоз «Бубнов» Молотовского района — 24 хозяйства⁷⁴.

Небольшой слой китайских иммигрантов в Приморье был представлен партийно-советскими работниками и деятелями революционного движения. В Уссурийской области в 1934 г. список китайского актива состоял из 30 чел.⁷⁵ Для их обучения во Владивостоке в 1932 г. по инициативе ЦК ВКП(б) и Исполкома Коминтерна была создана Китайская ленинская школа. Она служила базой подготовки кадров для подпольной революционной работы на оккупированной японцами территории Китая, а также для местной партийной администрации. В сентябре 1937 г. в ней обучались более 150 чел.⁷⁶ Некоторые партийные активисты направлялись в Москву, где в 1920—1930-е годы работал Коммунистический университет трудящихся Востока и целый ряд других учебных заведений, в которых обучались китайские революционеры⁷⁷.

Если сравнивать проблемы, связанные с восточной иммиграцией, которые существовали до революции и в советский период, то они практически не изменились. В 1920-е годы иммиграция по-прежнему не поддавалась необходимому контролю и в значительной степени была нелегальной, сохранялись нездоровые земельные отношения, санитарное состояние китайских кварталов оставляло желать лучшего, процветали специфические виды «восточной» преступности⁷⁸. В одном из документов того времени (ориентировочно 1929 г.) дается следующая характеристика криминальной сферы восточных иммигрантов: «К числу особо вредных социальных аномалий, наиболее распространенных среди китайцев и корейцев, относятся: опиекурение, макосяние с целью добычи опия и содержание притонов (морфиниловок, проституции, игорных домов и пр.), а также содержание нелегальных ночлежек, предоставляющих приют бесписьменным корейцам и китайцам. Борьба с притоносодержательством осложняется тем, что фактические содержатели притонов, живя на стороне от них, оперируют организованной сетью подставных лиц, с которыми и приходится иметь дело работникам милиции... главные же виновники... остаются безнаказанными и продолжают свою преступную работу. Затруднение по выявлению подлинных содержателей притонов осложняется сугубой конспирацией среди корейцев и китайцев, отчасти из-за боязни широко практикующейся мести со стороны целой организации и отчасти в силу личной заинтересованности. Это обстоятельство ведет к тому, что ликвидированный притон через небольшой промежуток времени возникает вновь и зачастую в том же самом помещении. Из бытовых преступлений наиболее характерны: среди китайцев — покупка (иногда — кража) женщин, а в некоторых случаях несовершеннолетних девиц, бинтование ног девочкам, тяжкая трудовая — чисто азиатская — эксплуатация предпринимателями своих соплеменников и ка-

бальные сделки — последние преимущественно у корейцев. Распространенным видом кабальных сделок являются: сдача посевной площади земли, организация фиктивных рабочих артелей, члены коих беспощадно эксплуатируются старшинками. Обстоятельством, способствующим эксплуатации, служат имеющие место частные случаи нелегальных переходов границы корейцами и китайцами с поселением их среди соплеменников — старожилов на территории ДВК. Последние используют проживание на нелегальном положении прибывших в эксплуататорских целях. Надо отметить, что большинство земельных кабальных сделок с корейцами и китайцами практикуется русским населением...»⁷⁹

ВЫТЕСНЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ ИММИГРАНТОВ

Советская администрация, как и ранее царская, была обеспокоена наплывом «желтых» иммигрантов в край. Эта проблема неоднократно ставилась на обсуждение органов власти разных уровней — от местного до центрального. Так, 5 января 1926 г. совещание при Наркоминделе СССР, проходившее под руководством Г.В. Чичерина, решило, что необходимо «принять все доступные меры для прекращения притока китайцев и корейцев на советскую территорию», считая его серьезной опасностью⁸⁰.

С конца 20-х годов одновременно с попыткой переселения части корейцев советские власти начали проводить политику вытеснения китайских иммигрантов из края: ограничивался их наем на предприятия, китайская рабочая сила замещалась русской, изымались большие китайские домовладения, ликвидировались притоны, арестовывались валютчики и контрабандисты, расстреливались лица, уличенные в шпионской деятельности. В редком номере краевой газеты «Красное знамя» не содержались сообщения об очередном раскрытии милицией притона опикурения и аресте его содержателя.

В китайской «Харбинской газете» от 9 марта 1928 г. согласно сводкам Владивостокского ОО ОГПУ была опубликована заметка, в правдивости которой вряд ли следует сомневаться: «Одно лицо, прибывшее в Харбин на днях из Владивостока, рассказывает, что за последнее время русские власти всеми силами ограничивают китайских граждан во Владивостоке. Под предлогом неправильности постройки, что нарушает правила гигиены, они принудили закрыть эксплуатировавшиеся китайскими коммерсантами маслобойные заводы и хлебные магазины. Затем, ссылаясь на несоблюдение торгово-промышленных правил, они опечатали свыше 20 универсальных магазинов китайских граждан. Кроме того, властями арестовано свыше 50 чел. китайских граждан, которые заключены в тюрьму и приговорены к тюрьме на сроки от 7—8 мес. до 1 года. По слухам, один более чем 50-летний старик от жестокого обращения умер в тюрьме»⁸¹.

Предприниматели пытались приспособиться к новым условиям, в частности, в 1930 г. властями были вскрыты так называемые лжекооперативные товарищества в рыбной промышленности, капитал которых на самом деле принадлежал одному или нескольким частным лицам⁸². Но в основном в 30-е годы китайский бизнес был свернут.

Вследствие всех этих мероприятий приток китайских иммигрантов в край стал ослабевать, и их численность в Приморье постепенно сокращалась. Так, во Владивостоке в 1923 г. согласно официальным данным проживало 23159 китайцев, составлявших 22,1 % от всего населения города; в 1929 г. — 16614 чел. (14,5 %), в 1931 г. — 14 тыс. (8,7 %)⁸³. В Сучанском и Шкотовском районах с 1929 по 1934 г. численность китайцев уменьшилась соответственно с 2830 до 201 чел. и с 3613 до 1271 чел.⁸⁴ К началу 1932 г. по данным Краевого управления народнохозяйственного учета, общая численность китайцев в Приморье уменьшилась до 32,1 тыс. чел. (4,0 %)⁸⁵.

Усилилась охрана границ и возросли полномочия ОГПУ в выселении нелегальных иммигрантов. В 1930—1931 гг. с началом военных акций японской армии в Маньчжурии советские власти закрыли свои границы и запретили въезд иммигрантов. Исключение составляли только лица, имевшие специальные приглашения официальных инстанций⁸⁶.

Окончательно проблема иммиграции «восточников» и их присутствия в регионе в советский период была снята посредством поголовной принудительной депортации корейцев и китайцев. В сентябре-октябре 1937 г. специально организованными железнодорожными эшелонами 172 тыс. корейцев из Дальневосточного края были вывезены в Казахстан и Узбекистан⁸⁷.

Следующими стали китайцы. В 1937 г. в НКВД оперировали информацией об ориентировочной численности китайских жителей Приморья в 10 тыс. чел. В 1938 г. они были депортированы. Депортации предшествовали три массовых операции по аресту притоносодержателей и лиц, нелегально прибывших на советскую территорию после 1922 г. По приказу из Москвы в ночь с 29 по 30 декабря 1937 г., 22 февраля и с 28 по 30 марта 1938 г. сотрудники Приморского УНКВД арестовали соответственно 853, 2005 и 3082 (всего 5940) китайцев. Все они подверглись жестоким допросам с пытками и избиванием с целью «выявления шпионских и диверсионных связей». Предварительное следствие по всем арестованным закончилось в мае 1938 г. В это время между представителями советского и китайского руководства состоялись переговоры, на которых было принято соглашение об освобождении арестованных, «не избличенных в шпионаже», и депортации китайцев с территории советского Дальнего Востока в Китай.

Согласно документам Приморского УНКВД в июне-июле 1938 г. из Владивостока по железной дороге пятью эшелонами было вывезено 7130 китайцев и некоторые члены смешанных семей. Четыре эшелона из пяти были отправлены через Казахстан в Синьцзян (Китай). В двух из них находились китайские граждане, не подвергшиеся арестам (3016 чел.). Причем первый эшелон формировался в принудительном порядке, а во втором по просьбе китайского посольства выехали только те, кто не возражал против депортации. В третьем и четвертом эшелонах в Китай отправились освобожденные из тюрем (3173 чел.). Китайцы, не пожелавшие вернуться на родину, а также принявшие советское гражданство (941 чел.), были выселены пятым эшелонам в Кур-Урмийский район Хабаровского края. В сентябре-декабре 1939 г. в Казахстан была отправлена следующая партия: освобожденные из тюрьмы (227 чел.), оставшиеся в Приморье смешанные семьи (181 чел.) и русские женщины — жены арестованных китайцев с детьми (1030 чел.)⁸⁸.

Железнодорожные эшелоны с выселяемыми китайцами формировались не только во Владивостоке, но и непосредственно на станциях отправления в районах края. Так, имеются сведения о том, что из Уссурийской области в Синьцзян было отправлено 1665 китайских граждан и членов их семей. Более половины из них (около 977 чел.) были одиночками. В одном из документов перечислены граждане СССР, выбывшие из Уссурийской области в Китай в 1938 г. вместе с китайскими гражданами. Таковых насчитывалось 194 чел., почти все — русские женщины в возрасте 20 лет и старше, очевидно, жены китайцев. Одновременно из Уссурийской области в Амурскую были отселены китайцы, имевшие советское гражданство, со своими семьями — 554 чел.⁸⁹

Таким образом, всего из Приморья было выселено более 10 тыс. китайцев (включая членов семей смешанных браков).

ЯПОНЦЫ

Общее вытеснение иностранцев из края было направлено и на японцев. К моменту проведения переписи 1923 г. на юге Приморской губернии оставалось 1042 японца. Почти все они проживали во Владивостоке, лишь 44 чел. находились в Никольске-Уссурийском и 8 — в Спасске. В других районах Дальнего Востока японцев почти не было⁹⁰. По данным З.Ф. Моргун, больше всего среди них было служащих компаний и банков, а также женщин из публичных домов⁹¹. Во Владивостоке работали такие торговые и судовые компании, как «Мицуи-Буссан», «Мицубиси-Сёдзи», «Кукусай-Шиппинг», «Ничиро-Фишери»⁹².

Вся частная банковская деятельность распоряжением Дальревкома была ликвидирована, в том числе в 1924 г. закрыл свое владивостокское отделение Иокогамский «Банк звонкой монеты», но отделение японского Банка Кореи продолжало работать до 1931 г., обеспечивая оплату аренды рыболовных участков в Охотском море⁹³.

Хотя постоянно живущих в крае японцев было немного, но в рыбную путину дополнительно прибывали сезонные рабочие⁹⁴. В 1927 г. на японских рыбалках Приморского промыслового района работали 664 японца и 52 корейца⁹⁵.

К октябрю 1925 г. численность японцев в Приморской губернии уменьшилась до 588 чел.⁹⁶, на 1 января 1937 г. во Владивостоке было зарегистрировано только 18 японцев. В это число вошли сотрудники японских рыбопромышленных фирм «Ничиро», «Кобаяси-Умезоо», фирмы «Киосин Иоко», транспортной конторы «Сюсен Гуми», корреспонденты газеты «Осака Асахи», а также члены их семей⁹⁷.

В 1937 г. сотрудниками НКВД были арестованы мужчины в 11 японских семьях, проживавших во Владивостоке. После этого все японские иммигранты выехали из Приморья. Через год арестованные были освобождены и покинули край. Японское консульство было закрыто в 1946 г.⁹⁸

Таким образом, к концу 1930-х годов иностранная иммиграция в Приморье была полностью прекращена.

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1464. Л. 347; Ткачева Г.А. В условиях неравенства: Иммиграция в Приморском крае в 20—30-е годы // Россия и АТР. Владивосток, 1993. № 2. С. 86.

² РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 960. Л. 487.

³ Салтыков Н.Н. Территория и население Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. № 6—7. С. 64.

⁴ Сибирь и Дальний Восток: Справочная книга по вопросам хозяйства Сибири и Дальнего Востока, с приложением карты Сибири. М.; Л., 1926. С. 357.

⁵ Весь деловой и торговый Владивосток на 1924 г. Владивосток, 1924. С. 127, 128, 194.

⁶ ГАПК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 25. Л. 2—4.

⁷ Салтыков Н.Н. Территория и население Приморской губернии... Прил. 1.

⁸ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1100. Л. 85.

⁹ Пэ Ын Кен. Демографическая характеристика советских корейцев Дальнего Востока. 1920—1940 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 5. С. 126—130.

¹⁰ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 77—78.

¹¹ Пэ Ын Кен. Демографическая характеристика советских корейцев... С. 126—130.

¹² Итоги переписи корейского населения Владивостокского округа в 1929 г. Хабаровск; Владивосток, 1932. С. IV.

¹³ ГАПК. Ф. 189. Оп. 4. Д. 12. Л. 480.

¹⁴ Пэ Ын Кен. Демографическая характеристика советских корейцев... С. 126—130.

¹⁵ Итоги переписи корейского населения... С. 2.

¹⁶ Красное знамя. Владивосток, 1930. 25 февр.

- ¹⁷ Итоги переписи корейского населения... С. 2.
- ¹⁸ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 45. Л. 212—215.
- ¹⁹ Ткачева Г.А. В условиях неравенства... С. 82.
- ²⁰ Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Третья волна иммиграции: «Корейский вопрос» в Приморской деревне в 20—30-е годы XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 1996. № 2. С. 83—84.
- ²¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 194. Л. 31об.; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 41. Л. 75—76, 49—51; Д. 45. Л. 231—233.
- ²² РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 22. Л. 11, 14; Д. 248. Л. 89; Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Третья волна иммиграции... С. 83, 85.
- ²³ Пак Б.Д. Корейцы в советской России (1917 — конец 30-х гг.) М.; СПб.; Иркутск, 1995. С. 218.
- ²⁴ Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Третья волна иммиграции... С. 83, 85, 86.
- ²⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 190—192; Оп. 4. Д. 1676. Л. 35.
- ²⁶ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 6. Л. 137.
- ²⁷ Там же. Д. 8. Л. 27.
- ²⁸ Там же. Д. 41. Л. 49—51.
- ²⁹ Там же. Д. 45. Л. 218—219.
- ³⁰ Там же. Л. 231—233.
- ³¹ Там же. Д. 41. Л. 3—4.
- ³² Там же. Д. 8. Л. 27.
- ³³ Там же. Д. 41. Л. 75—76.
- ³⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 125. Л. 102; Пак Б.Д. Корейцы в советской России... С. 131—134.
- ³⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 7. Дальневосточный край. Якутская АССР. Отд. I. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1928. С. 17—18.
- ³⁶ Ф.Р-2413. Оп. 4. Д. 335. Л. 6.
- ³⁷ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 27; Д. 41. Л. 49—51, 75—76.
- ³⁸ Там же. Ф. 58. Оп. 1. Д. 62. Л. 2—4.
- ³⁹ Пак Б.Д. Корейцы в советской России... С. 167—168, 207, 210, 228—229.
- ⁴⁰ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 190.
- ⁴¹ Пак Б.Д. Корейцы в советской России... С. 212.
- ⁴² См.: Чернолуцкая Е.Н. Мотивация и попытки отселения корейцев из Приморья в дореволюционный период // Гуманитарные и социально-экономические аспекты обучения и воспитания кадров военно-морского флота. Владивосток, 1999. Вып. 3. С. 164—171.
- ⁴³ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 194, 194об.
- ⁴⁴ Пак Б.Д. Корейцы в советской России... С. 212; Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения // Политические репрессии на Дальнем Востоке (20—50-е годы). Владивосток, 1997. С. 245—256.
- ⁴⁵ Приморская область в цифрах. Владивосток, 1933. С. 22. (Данные приводятся без Бикинского района).
- ⁴⁶ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1100. Л. 112; Д. 1676. Л. 36.
- ⁴⁷ Салтыков Н.Н. Территория и население Приморской губернии... Прил. 1.
- ⁴⁸ Сибирь и Дальний Восток... С. 357; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 24. Дальневосточный край. Якутская АССР. Отд. II. Занятия. М., 1930. С. 5.
- ⁴⁹ Соловьев Ф.В. У истоков дружбы советского и китайского народов на Дальнем Востоке (1917—1938 гг.) // Исторические контакты России и Советского Союза с Китаем на Дальнем Востоке во второй половине XIX — первой половине XX в. Владивосток, 1986. С. 19.
- ⁵⁰ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 335. Л. 6.
- ⁵¹ Итоги переписи корейского населения... С. IV.
- ⁵² Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока... С. 78.
- ⁵³ Сибирь и Дальний Восток... С. 356.
- ⁵⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 351.
- ⁵⁵ Обзор перечня документов «Китайцы на Дальнем Востоке. 1895—1989 гг.». Хабаровск: ГАХК, 1995. С. 8. (Рукопись.)
- ⁵⁶ Ткачева Г.А. В условиях неравенства... С. 82.
- ⁵⁷ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 335. Л. 4.
- ⁵⁸ Красное знамя. Владивосток, 1930. 12 марта.
- ⁵⁹ Итоги переписи корейского населения. С. IV.
- ⁶⁰ Красное знамя. Владивосток, 1930. 1 февр.
- ⁶¹ Соловьев Ф.В. У истоков дружбы... С. 19.
- ⁶² Там же. 1930. 8 марта.
- ⁶³ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1676. Л. 53; Красное знамя. Владивосток, 1930. 16 марта.
- ⁶⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 424.
- ⁶⁵ Уфимцев Ю. Жили-были китайцы... // Владивосток. 1994. 15 июля.
- ⁶⁶ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 194. Л. 31.
- ⁶⁷ Там же. Оп. 4. Д. 1506. Л. 92.
- ⁶⁸ Там же. Оп. 2. Д. 253. Л. 6.
- ⁶⁹ Ткаченко Г.И. К истории интернациональных связей между народами Советского Союза и Китая (1917—1949 гг.) // Становление советско-китайских отношений (1917—1950 гг.). Владивосток, 1987. С. 50.
- ⁷⁰ Там же; Пын Мин. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. М., 1957. С. 83.
- ⁷¹ ГАХК. Ф. 424. Оп. 1. Д. 16. Л. 82.
- ⁷² Пын Мин. Краткая история дружбы... С. 83.
- ⁷³ Нам В.М. СССР, Коминтерн и создание единого национального антияпонского фронта в Северо-Восточном Китае (1933—1937 гг.) // Исторические контакты России... С. 47.
- ⁷⁴ ГАПК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 328. Л. 16—25.
- ⁷⁵ Там же. Л. 34.
- ⁷⁶ Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 231.
- ⁷⁷ См.: Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. М., 2001. Гл. 11.
- ⁷⁸ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 29. Л. 18—19, 23—25об.
- ⁷⁹ Там же. Оп. 4. Д. 1732. Л. 2—2об.
- ⁸⁰ Бугай Н.Ф. Корейцы в СССР: из истории вопроса о национальной государственности // Восток. 1993. № 2. С. 152.
- ⁸¹ ГАХК. Ф. 893. Оп. 1. Д. 1. Л. 218.

- ⁸² Красное знамя. Владивосток, 1930. 13 февр.; РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1674. Л. 42доп.
- ⁸³ Итоги Всероссийской городской переписи 1923 г. на Дальнем Востоке (на 13 мая 1923 г.) Серия 1. Вып. 2. Чита, 1924. С. 7; Итоги переписи корейского населения... С. IV; Приморская область в цифрах... С. 22 (данные приводятся без Бикинского района); ГАПК. Ф. 131. Оп. 2. Д. 170. Л. 87.
- ⁸⁴ Итоги переписи корейского населения... С. IV; РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1676. Л. 36.
- ⁸⁵ Приморская область в цифрах... С. 22; ГАПК. Ф. 131. Оп. 2. Д. 170. Л. 87.
- ⁸⁶ Natsuko Oka. Koreans in the Russian Far East: Collectivization and Deportation: Manuscript of the Paper for Conference «Russian Far East: Past and Present». Khabarovsk, August 1995. P. 16—19.
- ⁸⁷ Эта проблема подробно освещена в исследованиях Н.Ф. Бугая, Б.Д. Пака, А.Т. Кузина и др.
- ⁸⁸ Чернолуцкая Е.Н. Депортация китайцев из Приморья (1938 г.) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII-XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. Кн. 2. С. 78—81.
- ⁸⁹ ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 4; Д. 17. Л. 1—26.
- ⁹⁰ Салтыков Н.Н. Территория и население Приморской губернии. Прил. 1.
- ⁹¹ Моргуи З.Ф. Владивосток и японцы: Ист. очерк // Россия и АТР. Владивосток, 1993. № 2. С. 97.
- ⁹² Сиратори М. Деятельность японских банков на Дальнем Востоке России. 1907—1917 гг. // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 132
- ⁹³ Там же. С. 130—133.
- ⁹⁴ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока... С. 78.
- ⁹⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 248. Л. 89.
- ⁹⁶ Сибирь и Дальний Восток... С. 357.
- ⁹⁷ ГАПК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 28. Л. 7—14.
- ⁹⁸ Моргуи З.Ф. Владивосток и японцы... С. 98.

2.2.3. Проблемы сохранения этнокультурной идентичности мигрантов в новых исторических условиях

Советская власть расставила свои акценты в области межнациональных отношений: идеология большевиков выдвинула приоритет классовой сущности культуры перед национальной. Программы социально-экономического развития страны (индустриализация, коллективизация, культурная революция, выполнение пятилетних планов и т. д.), провозглашенные государством в 1920—1930-е годы в качестве важнейших, выводили население из круга своих этнических ценностей в круг ценностей объединенной категории «советского народа». Специфическая политика в идеологических рамках «национальной пролетарской культуры» проводилась главным образом в союзных республиках и автономиях. Что касается неавтономных территорий РСФСР, к каким относился и Дальний Восток, реализация национальной политики не считалась главной проблемой и поэтому была непоследовательной и в разной степени насыщенной по годам. При этом основное внимание уделялось восточным иммигрантам.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Всякая общественная, политическая и культурная деятельность населения была взята под контроль партийно-государственных органов. Формы общественной активности, которые развивались в рамках национального самовыражения, но не были иницированы «сверху», считались неприемлемыми и получали негативное клеймо «буржуазно-националистических». Серьезным раздражителем для государственной власти являлась неконтролируемая консолидация этнических групп, распространение внутри них идеологии, отличной от официальной.

В январе 1923 г. перед административным отделом Дальревкома была поставлена задача «перерегистрации всех существующих обществ, союзов и объединений, согласно введенным декретам ВЦИК и СНК, и в дальнейшем — наблюдение за правильностью утверждения и регистрации возникающих обществ и союзов»¹.

Следует отметить, что многие организации этнического характера, созданные в 1917—1922 гг., прекратили свою деятельность, другие же попали под репрессии и были ликвидированы органами власти. Например, в отношении украинских объединений Дальбюро ЦК РКП(б) 21 декабря 1922 г. направило Владивостокскому губкому следующую инструкцию: «Дальбюро считает принципиально недопустимым для коммунистов участие и работу в организациях, преследующих националистические цели, особенно в таких... как украинские национальные объединения на Дальвостоке... [Они] являются организациями, враждебными РКП и Соввласти как по своему узко националистическому направлению, так и по своим контрреволюционным тенденциям, проявляющимся в связи с белогвардейскими организациями и активным пособничеством бандитам в период господства последних на Дальвостоке...»² По данным В.А. Черномаза, в конце 1922 г. все украинские организации в регионе, в том числе кооперативные, были распущены, а около 200 их руководителей и активистов во Владивостоке, Никольске-Усурийском, Имане, Спасске, Благовещенске, Хабаровске арестованы. Большинство из них вскоре были освобождены, но над 24 украинскими лидерами в Чите в январе 1924 г. состоялся открытый судебный процесс. Их обвиняли в стремлении к сепаратизму, сотрудничестве с атаманом Семеновым и империалистическими государствами и т. п. Однако решение суда оказалось весьма мягким: почти все обвиняемые были оправданы или амнистированы, некоторым зачли время пребывания в тюрьме в качестве исполнения наказания. Лишь

троих суд приговорил к реальным срокам заключения: Ю. Глушко-Мову и В. Козака — к 3 годам лишения свободы, П. Горового — к расстрелу, замененному 10 годами заключения (в 1929 г. П. Горовой был освобожден по амнистии и бежал в Харбин). По мнению В. Черномаза, мягкость такого приговора объяснялась тем, что большевистская власть считала своей целью не столько наказать лидеров украинского движения, сколько устранить их с арены общественно-политической жизни как серьезных конкурентов в борьбе за влияние на массы, в первую очередь — крестьянские³.

Среди немногих этнических групп, которые пытались продолжать свою деятельность в советский период, была польская. Существовавшие ранее во Владивостоке польские организации были упразднены в конце 1922 г. вместе с закрытием консульства Польши, но в марте 1923 г. жители города польского происхождения на общем собрании избрали комиссию по репатриационным делам, куда вошли бывшие активисты ПТКК и общества «Дом польский». Предполагалось, что комиссия будет оказывать содействие советско-польской делегации по делам оптации и репатриации, которая работала в Новониколаевске (совр. Новосибирск) на основании Рижского договора 1920 г. Однако уполномоченный НКВД во Владивостоке Хавин объявил такую организацию незаконной, и ей пришлось закрыться. 15 членов самораспустившейся комиссии были арестованы сотрудниками ОГПУ, но вскоре освобождены.

В мае 1923 г. во Владивостоке вновь было организовано товарищество «Дом польский», в июле его зарегистрировали в губисполкоме как частную организацию лиц польского происхождения. Товарищество содержало школу и приют для польских детей, библиотеку, оказывало материальную помощь нуждающимся и репатриантам, устраивало вечера отдыха и т. д. Однако идеологические установки его руководителей шли вразрез с государственными. Так, в письме членов правления товарищества польскому послу в Токио от 30 января 1924 г. говорилось: «Дом Польский положил в основу своей деятельности учет всех проживающих на местной территории поляков без различия классов, воспитание их в национальном духе и охрану их от русификации...» Стены помещения, арендованного правлением товарищества, были украшены портретами Ю. Пилсудского, Т. Костюшко, Ю. Понятовского, Г. Сенкевича, польским государственным гербом. Национальное воспитание проводилось и через учебный процесс в польской школе, что, естественно, вызывало недовольство местной власти. Кроме того, правление «Дома польского» вело официальную переписку с учреждениями по вопросам репатриации, чего как частная организация по законам не имело права делать. Следует отметить, что с каждым годом полякам, желавшим вернуться в Польшу, все труднее было получить репатриационные документы и визу на выезд, так как польское консульство в Москве, как правило, отказывало им в получении новых национальных паспортов. Польские власти не согласились репатриировать из Владивостока и детский приют якобы из-за отсутствия средств. Поэтому многие поляки обращались за помощью в товарищество. В октябре 1926 г. несколько членов правления «Дома польского» привлекались к уголовной ответственности по обвинению в присвоении частной организацией функций государственного учреждения. Под этим имелись ввиду переписка по вопросам репатриации и контроль над деятельностью польской школы, что в акте уполномоченных представителей Приморского губисполкома и Владивостокского горсовета от 30 сентября 1925 г. оценивалось как «стремление правления общества к проведению полной обособленности от советской жизни как членов Дома Польского, так и вообще всех поляков, проживающих в г. Владивостоке, воспитанию в духе узкого национализма и изолированности от советского общества не только взрослых, но и детей». В январе 1927 г. уполномоченный ОГПУ Богданов прекратил дело из-за недостаточности обвинительного материала.

К этому времени положение товарищества становилось все сложнее. Вследствие проведенной репатриации польское население во Владивостоке сократилось, уменьшилось число активных членов и ухудшилось материальное состояние «Дома польского»: оно уже не могло финансировать школу и приют и передало их на содержание государству. Во второй половине 1920-х годов товарищество ограничивалось лишь составом правления и перестало существовать как массовая организация, поэтому почти никакой роли в жизни поляков Владивостока не играло. Окончательно «Дом польский» закрылся в январе 1928 г., когда 9 его членов, включая председателя правления Г. Конинского, были арестованы, обвинены в шпионаже и приговорены по ст. 58—6 УК РСФСР к лишению свободы на сроки от 3 до 5 лет⁴.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В эти же годы государством проводилась воинствующая антирелигиозная политика, под воздействием которой проходила быстрая атеизация населения. Русская Православная церковь была отлучена от государства и вместе с другими конфессиональными организациями в СССР подверглась гонениям, в которых принимали участие не только властные органы, но и широкие массы народа.

В 1923 г. в Приморье началась регистрация религиозных обществ. По советским законам все религиозные объединения обязаны были регистрироваться в местных административных органах. При этом культовые здания и имущество считались принадлежностью государства и передавались общинам в пользование лишь при заключении ими договора с местными органами власти. Если договор расторгался, то церковная движимость и недвижимость у общин изымалась. Документы регистрации показывают, что в 20-е — начале 30-х годов во

Владивостоке на легальных основаниях действовал ряд религиозных объединений, членами которых традиционно были представители определенных этнических групп, но численность прихожан в них существенно снизилась по сравнению с дореволюционным периодом.

Так, в иудейской общине в 1929 г. было зарегистрировано 54 верующих, в 1930 г. — 69, в 1931 г. — 46. К этому времени руководитель общины Гольшмит умер⁵. В 1929—1932 гг. дважды ставился вопрос о закрытии синагоги. В апреле 1929 г. Владивостокский горсовет заслушал «Постановление трудящихся евреев города» с просьбой о передаче синагоги им под клуб и решил эту просьбу положительно. Решение горсовета было утверждено окрисполкомом и Далькрайисполкомом (ДКИК) со следующей аргументацией: «Большое здание синагоги находится в пользовании весьма малочисленного количества верующих, тогда как трудящееся еврейское население г. Владивостока, а также несколько десятков тысяч рабочих судостроительного Дальневосточного завода и союза пищевиков ходатайствуют о передаче здания синагоги под клуб ввиду совершенного отсутствия подходящих для этого зданий в городе, причем религиозной еврейской общине должно быть предоставлено особое, пригодное для удовлетворения религиозных нужд помещение». Однако ВЦИК как окончательная инстанция не утвердил данного решения⁶. Но попытки закрыть синагогу этим не закончились. В январе 1930 г. в газете «Красное знамя» вышла заметка под рубрикой: «Очаги тьмы — под очаги культуры. Церкви, синагоги — под клубы и школы, колокола — на социалистическую стройку». В заметке цитировалось высказывание С.И. Струмиловского, бывшего активного члена и председателя (1922 г.) владивостокской еврейской общины: «Потребность в здании синагоги у группы верующих евреев чрезвычайно ничтожна. Синагогой пользуется, и то чрезвычайно редко, группа стариков из общины, слишком консервативная, чтобы замечать новую культуру, жизнь, которую строят еврейские трудовые массы. Владивостокская еврейская община представляет собой кучку реакционных капиталистов и их приспешников»⁷. Такая публикация была не только пропагандистским явлением, но и отражала ситуацию советского времени, когда новая жизнь, ее реалии меняли внутренний мир человека, особенно молодежи, пытавшейся оторваться от «вековых», «консервативных» традиций. Этот разрыв, в частности, вырывание религиозных корней своей культуры, особенно ярко проявил себя в еврейской среде во время революционных событий, а позже интенсивно подогревался советской пропагандой.

В 1932 г. вопрос о закрытии синагоги вторично прошел все инстанции. 10 января 1932 г. Комиссия по религиозным делам при Владивостокском горсовете вынесла решение о ликвидации ряда религиозных общин, в том числе иудейской, «ввиду несоблюдения ими правил о регистрации». 28 августа 1932 г. вопрос «О закрытии синагоги Еврейской общины верующих» был рассмотрен на заседании президиума Владивостокского горсовета, который постановил: «Принимая во внимание отказ от здания со стороны группы верующих, решение Комиссии по религиозным делам о закрытии синагоги — утвердить ... просить разрешения на использование здания для культурных нужд». 1 октября 1932 г. это постановление было утверждено президиумом ДКИК и в более высоких инстанциях верующими не оспаривался⁸. Как видно из постановления, община не только не обратилась с жалобой в президиум ВЦИК, но и к тому времени, очевидно, распалась, и сама отказалась от пользования зданием синагоги, которое решением горсовета было передано кондитерской фабрике⁹.

Более драматичными обстоятельствами сопровождалось закрытие католического костела и лютеранской кирхи во Владивостоке. Римско-католическая община в конце 1931 г. согласно данным официальной регистрации состояла из 21 чел., в 1932 г. — из 18 чел., в основном поляков¹⁰. В 1920-е годы приход обслуживали два священника — епископ Кароль Сликовский (поляк) и ксендз Георгий Юркевич (белорус). Однако в начале 30-х годов община лишилась своих духовных наставников. В декабре 1931 г. органами ОГПУ был арестован о. Георгий. Приговором судебной «тройки» ПП ОГПУ ДВК от 6 февраля 1932 г. на основании обвинения в антисоветской агитации, связях с иностранными консульствами и скупке валюты он был осужден к заключению в Сибирский концлагерь сроком на 10 лет. Через год, 5 января 1933 г., в возрасте 85 лет скончался епископ Сликовский. Оставшаяся группа верующих пыталась самостоятельно поддерживать жизнь общины, но делать это было все труднее не только из-за отсутствия священников, но и из-за непомерного налога, который она была не в состоянии платить. В 1935 г. договор Приморского облизполкома с группой католиков был расторгнут в связи с тем, что «группа верующих распалась», здание костела передано в безвозмездное пользование областному архивному бюро¹¹.

В лютеранской общине, где прихожанами были немцы, латыши, эстонцы, в 1934 г. числилось 38 членов¹². В будние дни богослужения посещали не больше 3—5 чел. Доходы, поступающие от прихожан, были очень скудными. Пастору В. Рейхвальду (прибалтийский немец) с помощью германского консула во Владивостоке Вагнера удалось установить связь с лютеранским обществом в Германии «Густав Адольф Феррейн», откуда с 1924 г. для владивостокской общины приходили денежные переводы. Благодаря этому стало возможным содержать кирху и ее служителей, но связь с консульством и религиозной организацией в Германии, когда там установился фашистский режим, оказалась губительной для священника. В декабре 1935 г. пастор и его жена были арестованы и в 1936 г. осуждены соответственно на 7 лет и 3 года лишения свободы. На следствии В. Рейхвальду предъявили обвинения в участии в подавлении крестьянских восстаний (в молодости он работал полицейским чиновником), в проведении валютных махинаций, распространении фашистской идеологии и шпионаже в пользу Германии, а его жене — в пособничестве. После этого владивостокская лютеранская община распалась, а кирха была переоборудована сначала в клуб военного флота, в 1950 г. — в музей Тихоокеанского флота¹³.

Почти ничего не известно об истории мусульманских групп на Дальнем Востоке в советский период. Согласно официальным данным в Приморской губернии в 1924 г. действовало 9 мусульманских объединений, в 1925 г. — одна¹⁴. Эта община существовала во Владивостоке, по-видимому, до начала 1930-х годов. 10 января 1932 г. Владивостокский горсовет вынес постановление считать ликвидированной «группу верующих магометанского вероисповедания» ввиду того, что она не прошла перерегистрацию и свою деятельность прекратила¹⁵.

В годы советской власти значительно снизилась и конфессиональная активность восточных иммигрантов. Среди корейцев в XX в. кроме православия под воздействием американских миссионеров стал распространяться и протестантизм. В 20-е годы в Корейской слободке во Владивостоке действовали методистская и пресвитерианская общины, в каждой из которых в разные годы числилось по 30—50 чел. Община методистов вела службы в здании, специально выстроенном для нее американской методистской епископальной миссией на ул. Хабаровской. В 1923 г. предписанием городских служб корейским методистам вменялось в обязанность освободить помещение. Из документов известно, что в дальнейшем методисты и пресвитериане арендовали здания для своих нужд по ул. Сеульской, 7 и Черепановской, 21¹⁶. В ноябре 1929 г. жители Новокорейской слободки на общем собрании вынесли решение о передаче этих домов в распоряжение школы под интернат детей бедняков. Начальник Управления милиции Владивостока Егоров в письме президиуму Владивостокского горсовета рекомендовал: «Принимая во внимание, что оба здания — жилые, что по постановлению НКВД № 123 от 11 апреля с. г., помещения, предоставляемые для использования религиозными объединениями, не должны являться жилыми помещениями, я полагаю бы оба указанных выше здания изъять из владения методистов и пресвитериан и передать их в ведение 2-й 9-летней школы для интерната детей бедняков, предложив комхозу, руководствуясь параграфами 1, 2, 4 и 5 указанного постановления № 123, осуществить изъятие домов по Сеульской и Черепановской ул. из владения методистов и пресвитериан». Эта рекомендация и легла в основу постановления горсовета¹⁷. Материалов о дальнейшей судьбе этих религиозных объединений нами не выявлено. Вероятнее всего, они распались.

Китайские буддийские группы в Приморье в первые годы советской власти действовали без официального оформления, и только в 1927 г. милиция выявила три общины во Владивостоке и обязала их пройти регистрацию. В 1927—1930 гг. в них было в среднем по 15—22 чел., в 1930 г. две из общин объединились в одну¹⁸.

На рубеже 1920—1930-х годов партийные и советские органы края проводили активную пропагандистскую работу среди китайских рабочих, направленную на разрушение их традиционных верований и обрядов. Особую озабоченность у местных властей вызывал обычай празднования китайского Нового года. Трудно сказать, что более всего считалось в нем порочным — религиозная основа, массовый характер или невыход китайцев на работу в праздничные дни. Так, газета «Красное знамя» писала: «В прошлые годы в конце января во всех китайских кварталах города можно было услышать новогодний трезвон гонга и трещоток. Праздновал «новый год» вместе с торговцами и кустарями и китайский рабочий... Но с каждым годом количество участников в религиозных процессиях уменьшается. Большинство китайских рабочих поняло, что дикие религиозные обряды выгодны только для буржуазии. В этом году наступил окончательный перелом. Китайцы-шахтеры Артема и Сучана первыми подняли вопрос об отказе от празднования нового года. Китайцы-шахтеры артемовских копей вызвали последовать их примеру владивостокских грузчиков и лесорубов Дальлеса...»¹⁹ В другом номере газета с радостью сообщала: «Рушатся вековые традиции. В дни китайского нового года шахтеры Артема — китайцы почти все вышли на работу. 29 и 30 января из всех 2184 китайских шахтеров на работу вышло 98 %... Еще за месяц до китайского нового года партийным коллективом и профсоюзной организацией были созданы 12 пропагандистских групп по 6 чел. в каждой, которые в течение всего месяца усиленно вели антирелигиозную пропаганду среди китайских рабочих... Организован агитационный передвижной театр, гастролирующий по китайским баракам. Театр уже 5 дней устраивает разные развлечения, пляски, сопровождаемые игрой духового оркестра и гармошек... Бараки украшены боевыми плакатами и лозунгами, насыщенными сугубо политическим и производственным содержанием. Расставлены красные столы с разнообразной литературой на китайском языке. На 2 массовых собраниях участвовали все китайские рабочие обеих смен — свыше 1200 чел.»²⁰

Под воздействием общей атмосферы деятельность китайских буддийских групп постепенно затухала. В 1932 г. в двух общинах во Владивостоке числилось 41 чел., в 1935 г. оставалась только одна. Вероучителя при ней не было. Молельню посещали не более 5—7 чел. ежедневно²¹. В сентябре 1936 г. милицейская инспекция выявила, что из 20 членов общины, подписавших заявление на ее очередную регистрацию, во Владивостоке проживали только 8 чел. Для того чтобы община была зарегистрирована, в нее были приглашены новые лица²². Однако в дело вмешался китайский партийный инструктор, который провел среди новых прихожан соответствующую «разъяснительную» работу. Ее результатом стало заявление шести рабочих китайцев в Приморский облисполком от 22 октября 1936 г.: «Настоящим просим вычеркнуть нас из списков буддистов, записанных руководителем их Ян Сун-шином, так как таковой ввел нас в заблуждение о том, что это не буддисты, а просто общество, которое заключает договор о некурении опиума и неупотреблении спиртных напитков. И запись производил заочно, только требуя паспорт и деньги на помощь ему, а мы сами не подписывались и не знали существа дела этого общества. А поняли лишь только после разъяснения китайского инструктора, что это есть обман. А посему просим считать наши заочные подписи недействительными и просим вынести из списка буддистов, так

как мы не желаем быть членами этого общества»²³. Документов, свидетельствующих о дальнейшей судьбе общины, нами не выявлено.

В 1920—1930-е годы во Владивостоке продолжало существовать и японское буддийское общество, которое содержало храм «Урадзю-Хонгандзи». До 1931 г. его настоятелем был Ота Какуми, служивший там с 1903 г. Общество регулярно проходило официальную регистрацию и предоставляло властям списки верующих. В марте 1930 г. в общине насчитывалось 24 чел. В 1936 г. настоятель храма Тондзуми Кенрю вместе с 10 другими японцами был арестован сотрудниками НКВД (через год он был освобожден и уехал в Японию), община ликвидирована, а имущество храма конфисковано²⁴.

Таким образом, в 1920-е годы организованная конфессиональная деятельность этнических общин осуществлялась только во Владивостоке, а к середине 1930-х годов она прекратилась и вовсе. К этому времени в Приморье не оставалось ни одной официально зарегистрированной католической, лютеранской, иудейской, мусульманской, буддистской, методистской, пресвитерианской общин, значительно сократилось число православных. В мае 1936 г. на Дальнем Востоке действовало лишь 14 культовых зданий²⁵. В результате религиозная сфера перестала играть какую-либо существенную роль в самоидентификации и консолидации этнических групп.

УПРАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫМИ МЕНЬШИНСТВАМИ

В годы советской власти, как и в предыдущие периоды, в миграционных процессах участвовали разные национальные группы, но в государственных переселенческих учреждениях так и не было заложено функции учета этнической специфики мигрантов при организации обустройства и помощи в адаптации на местах вселения. Однако эта задача частично решалась в рамках общей национальной политики советского государства, которая формировалась и видоизменялась на базе теоретической доктрины Сталина об этапах «расцвета и слияния» наций в СССР и роли русского народа в этом процессе. В 1920-е годы Сталин считал, что в России лишь «одна нация, именно великорусская, оказалась более развитой в политическом и культурном отношении, чем другие», она и обязана оказать другим народам помощь для ликвидации их отсталости²⁶.

В отличие от царской советская власть сразу после своего утверждения занялась формированием специального механизма и бюрократических структур, обеспечивавших управление полиэтничным населением страны. В 1918 г. в РСФСР был создан Народный комиссариат по делам национальностей и ряд губернских и уездных национальных комиссариатов. В 1924 г. с образованием СССР Наркомнац был упразднен, а исполнительным органом, контролирующим проведение национальной политики на местах, стал Отдел по делам национальностей при ВЦИК. Соответствующий организационно-управленческий аппарат создавался и на местах — в губерниях, волостях, уездах. При этом в первой половине 1920-х годов на Дальнем Востоке основное внимание уделялось работе только с двумя группами «нацменьшинств» — малочисленными коренными народами и корейцами.

В отчетном докладе первому Приморскому губернскому съезду советов в марте 1923 г. председатель губернского Л.Н. Бельский говорил: «У нас не был урегулирован вопрос с иностранцами (выделено мной. — Авт.), которые в большом количестве населяют нашу губернию. Поэтому мы создали при отделе управления уполномоченных по делам нацменьшинств...»²⁷ Точнее, это была должность уполномоченного по корейским делам (на языке того времени — «уполкор»), учрежденная в 1923 г. при Отделе управления Дальревкома, а затем при Приморском губернском и уездных исполкомах Советов. В ноябре 1924 г. должность уполкора при отделе управления ДРК была упразднена, а вместо нее введена аналогичная при президиуме ДРК²⁸. Позже при проведении административно-территориальных изменений в крае должности уполномоченных сохранялись с привязкой к соответствующим инстанциям по территориальным единицам (округам, областям, районам и пр.). Уполкор подчинялся непосредственно председателю ДРК / ДКИК на правах заведующего отделом. В его обязанности входило координирование и направление работы всех уполномоченных по корейским делам в Дальневосточном крае. В Приморской губернии штат уполкоров состоял из 23 чел.: при Президиуме губисполкома, губземуправлении, губоно, губздраве, в пяти уездных исполкомах и трех райисполкомах. Кроме них было 5 инструкторов по корейским делам (в губернском и уездных исполкомах). Главная задача уполномоченных заключалась в том, чтобы содействовать скорейшей советизации корейского населения. В их обязанности входили предварительное изучение и разработка всех важных проблем, связанных с корейцами: земельной, налоговой, получения советского гражданства и др. Уполномоченные помогали организовывать корейские артели и кооперацию, переводить на корейский язык наиболее важные документы, проводили учет и анкетирование корейцев, вовлекали их в избирательные кампании и т. д.²⁹ В феврале-марте 1926 г. президиум ДКИК предложил «всем отделам ДКИК принять меры к укомплектованию аппарата отделов корейцами при условии их соответствия назначению по своей квалификации»³⁰.

Существенный толчок активизации работы исполнительных органов с местным населением нетитульных национальностей дали решения III Всесоюзного съезда Советов (май 1925 г.), в которых акцентировалось внимание на необходимость «...полного обеспечения повсеместно прав национальных меньшинств». Для этого съезд поручил ЦИКу СССР принять соответствующие меры, в том числе — организовать введение во все выборные органы представителей национальных меньшинств; в случаях значительной численности национальных мень-

шинств — образование отдельных национальных Советов и т. д. Для конкретного руководства всей этой работой были созданы отделы нацменьшинств при исполкомах АССР, краев, областей, выделялись уполномоченные по делам нацменьшинств при остальных исполкомах, в горсоветах и центральных учреждениях³¹.

В этот период представители украинской партийно-советской элиты возбудили вопрос о необходимости отношения к украинскому населению на Дальнем Востоке как к национальному меньшинству. В отдел национальностей ВЦИК стали поступать жалобы на то, что «проживающие на Дальнем Востоке граждане украинской национальности лишены возможности обучения своих детей на родном языке и что вообще работе среди украинцев не уделяется местами никакого внимания». В ответ на это в письме Дальревкому от 27 января 1926 г. ВЦИК предложил «в срочном порядке представить точные данные о численности украинского населения, равно и о введущейся среди него работе в области советского строительства и народного образования»³².

В июле-августе 1927 г. уполкор ДКИК Ким-Гирионг ездил в Москву с докладом Отделу национальностей ВЦИК, где и обсуждался вопрос о необходимости включения в состав уполномоченных на Дальнем Востоке представителей как других национальностей, так и различных ведомств³³.

В октябре 1927 г. институт уполномоченных по корейским делам в ДВК на основании постановления президиума ВЦИК от 29 августа 1927 г. был реорганизован в институт уполномоченных по делам национальных меньшинств (уполнацмен). Аналогичные должности были учреждены и при президиумах окружных исполкомов ДВК «для ведения работы среди национальных меньшинств, населяющих эти округа». С 1 ноября 1927 г. во Владивостокском и других исполкомах были введены должности инструкторов по работе среди китайского населения³⁴. Кроме того, под председательством уполнацмена было создано постоянно действующее совещание по делам национальных меньшинств, куда вошли представители отделов ДКИК и ведомств. В декабре 1927 г. в состав совещания был введен также представитель китайских трудящихся Ван-Юн-Жен³⁵. Председатель ВЦИК Калинин в циркулярной телеграмме от 24 февраля 1927 г. определил основную роль такого совещания в том, чтобы оно выясняло, «в какой мере находят себе отражение интересы национальных меньшинств во всех мероприятиях краевых, областных и губернских органов власти и, в частности, какое отражение находит эта работа в местных бюджетных предположениях. Вообще, в какой мере увязана работа по линии национальных меньшинств с общими планами и задачами данного края, области или губернии»³⁶.

Однако, как показывают архивные документы, реальная отдача от этих бюрократических структур была невысокой, поскольку уполкоры и уполнацмены, особенно в округах, для исполнения своих функций не имели ни достаточных полномочий, ни средств³⁷. Попытка ввести «национал-работников» в аппараты ведомств и организаций не улучшила положение, так как отсутствовали квалифицированные кадры из числа национальных меньшинств³⁸. Отчет о работе среди нацменьшинств за первое полугодие 1928 г., присланный уполнацменом ДКИКа в Отдел национальностей ВЦИК, свидетельствовал, что ни сам уполномоченный, ни совещание по делам нацменьшинств какой-либо специальной работы в отношении национальных групп на Дальнем Востоке (кроме корейской) не проводили. В связи с этим ВЦИК снова и снова требовал от дальневосточных административных работников организовать «обслуживание наряду с корейским населением и других национальных меньшинств». Особое внимание заострялось на украинцах и иностранцах, выходцах из соседних государств (Китай, Япония), которые «в большинстве своем принадлежат к трудовым слоям населения»³⁹.

Чтобы не пропустить распоряжения центральных властей местной администрацией, в октябре 1929 г. решением президиума ДКИК в краевых отделах исполнительных органов и учреждениях вводились специальные работники, ответственные за проведение и учет директив, касающихся национальных меньшинств⁴⁰. Поиски форм и методов организационной работы привели президиум ДКИК к созданию еще одной структурной единицы: в августе 1929 г. была сформирована постоянно действующая комиссия по делам национальных меньшинств при уполнацмене ДКИК, а в штат уполнацмена были введены еще два инструктора — китаец и украинец⁴¹. В феврале 1930 г. при обсуждении плана работы уполнацмена президиум ДКИК признал необходимым включение в него «украинского раздела»⁴². Расширенный пленум Далькрайисполкома (июль 1931 г.) предложил всем краевым, местным советам и хозяйственным организациям с 1 января 1932 г. осуществлять руководство нацменьшинствами только на их родном языке. Для этого в национальном отделе ДКИК создавалось объединенное переводческое бюро, организованы курсы подготовки переводчиков⁴³. В 1932 г. институт уполнацмена при президиуме ДКИК был расширен до отдела нацменьшинств, при нем действовали корейский, китайский, украинский и еврейский секторы, но в феврале 1933 г. секторы были ликвидированы, вместо них оставлены три инструктора по корейским, еврейским и китайским вопросам⁴⁴.

Но и эти реорганизации мало изменили ситуацию. В 1933 г. инструктор отдела нацменьшинств Ким-Тову вынужден был написать докладную записку на имя секретаря Далькрайкома ВКП(б) Лаврентьева и председателя ДКИК Крутова о низкой эффективности работы отдела нацменьшинств, в котором секторы «не связаны между собой и никем не руководимые». «Наш отдел «существует» только юридически, — писал автор, — а фактически с первого же дня его организации замер»⁴⁵. Ему вторила приехавшая со специальной проверкой бригада «Правды»: «Уполнацмен ... не является боевым штабом организации масс на борьбу за правильное проведение Ленинской национальной политики в крае, не справился с выполнением решений партии и правительства, неоднократных решений Крайкома ВКП(б), президиума и пленума ДКИК по национальному вопросу...»⁴⁶

9 января 1934 г. президиум ДКИК вынес специальное постановление «О состоянии работы отдела нацмен», в котором говорилось: «Отдел нацмен при президиуме ДКИК со своими основными задачами не справился по причинам: недостаточного руководства со стороны президиума ДКИК, отсутствия руководителя Отделом нацмен ДКИК, слабой укомплектованности краевых и областных нацменотделов, почти полного отсутствия окружных и районных уполнацменов. При этом имеющийся аппарат качественно слаб и систематически отвлекался на выполнение других работ»⁴⁷.

По всей видимости, на повестке дня стоял вопрос о новых преобразованиях аппарата уполнацмен. К сожалению, нами не выявлены материалы, проясняющие это. Известно лишь, что в октябре 1934 г. исполком Уссурийской области постановил укомплектовать нацменработниками районы и аппараты всех ведомств области, а также хлопотать перед краевыми организациями о сохранении при себе отдела нацменьшинств⁴⁸. В январе 1935 г. президиум ДКИК принял решение о назначении 11 внештатных инструкторов ДКИК по «нацмен работе»: из них двое — китайцы, остальные — корейцы⁴⁹. В мае того же года бюро крайкома ВКП(б) обязало Крайисполком обеспечить инструкторами по работе среди китайских трудящихся Сучанский, Артемовский, Ворошиловский, Зейский и Благовещенский горсоветы, Тетюхинский и Охинский поселковый советы, Приморский и Зейский облисполкомы, нацменотдел Крайисполкома. Для подготовки советских работников из числа китайцев в Китайской ленинской школе создавалась постоянно действующая группа обучавшихся из 25 чел.⁵⁰

Таким образом, основным направлением национальной политики на Дальнем Востоке на протяжении 1920—1930-х годов оставалось корейское. Не случайно только корейцы занимали должность краевого уполномоченного по национальным делам и большинство низовых звеньев этого аппарата. Реорганизации института «уполнацмен» отражали лишь некоторые изменения отношения к другим этническим группам. Создание еврейского сектора было связано с образованием еврейской автономии в Биробиджанском районе и организацией массового переселения туда евреев. Усиление внимания к украинской этнической группе также во многом объяснялось активизацией миграции с Украины на Дальний Восток, что по времени совпало с подъемом общегосударственной политики «помощи нацменьшинствам». Поэтому в конце 20-х годов в край стали приезжать инспекции из Украинской ССР для проверки обустройства мигрантов. Выше (разд. 2.2.2.) упоминалось о приезде летом 1929 г. уполномоченного Наркомзета Украины Бурбы с проверкой результатов работы по обустройству украинских переселенцев. В июне 1930 г. во Владивостоке побывали представители Всеукраинской научной ассоциации востоковедения Н.А. Пичугин и В.Я. Осенин. Цель их приезда заключалась в подробном знакомстве с культурно-бытовыми условиями жизни украинского населения на Дальнем Востоке, выявлении культурных запросов жителей районов с преобладающим украинским населением, в первую очередь переселенческих красноармейских колхозов⁵¹.

Апогеем этой политики стала так называемая «украинизация» некоторых районов Приморья и Хабаровского округа, проведенная в 1931—1933 гг. Было создано 4 украинских национальных района, в которых представители данной этнической группы составляли свыше 50 % всего населения — Калининский, Спасский, Черниговский и Ханкайский. Все делопроизводство в них, а также система народного образования переводились на украинский язык. Ивановский, Михайловский, Шмаковский и Яковлевский районы, где украинцы составляли не менее 1/3 жителей, украинизировались частично. В этих районах планировалось создать условия для использования родного языка в официальных учреждениях наряду с русским языком. Начали свою работу украинский педагогический техникум в Спасске, который предполагалось преобразовать в украинский пединститут, краевой украинский театр, украинское отделение при краевом издательстве, выходили краевая и районные газеты на украинском языке⁵².

Однако на практике «украинизация» проводилась с большими трудностями и организационными неурядицами, что ставило под сомнение целесообразность этих преобразований. Не было точных данных о численности украинского населения в разных районах края, не хватало управленцев и специалистов, достаточно хорошо владеющих украинским языком, поэтому их в спешном порядке переводили из «русских» в «украинские» районы; в связи с нехваткой переводчиков создавалась путаница в ведении официальной документации и т. д. И все это требовало значительных средств. Украинизация не всегда находила отклик даже у чиновников, призванных заниматься ее проведением. Так, на одном из заседаний Далькрайкома ВКП(б) говорилось о том, что «украинцы не понимают литературного украинского языка, а потому им не нужна коренизация советского аппарата в украинских селах». Заместитель председателя Владивостокского окружного исполкома признавался: «Я не понимаю, зачем нужна эта работа среди украинцев, если они не понимают украинского литературного языка»⁵³. Во время обследования отдела нацменьшинств при ДКИК бригада «Правды» сделала вывод: «Практическая работа по украинизации развернута совершенно неудовлетворительно... Инструктор по украинскому сектору т. Костюк пока что занимается бумажной работой...»⁵⁴ В декабре 1932 г. специальным распоряжением ЦК ВКП(б) все украинские культурно-просветительные учреждения на территории РСФСР были закрыты. В 1933 г. политика «украинизации» в Приморье была свернута и национальные районы ликвидированы⁵⁵.

В 1920—1930-е годы вопрос о национально-административном обустройстве в Приморье неоднократно выдвигали и корейцы. В 1924 г. корейские партийные лидеры на совещании по корейскому вопросу при Восточном отделе ИККИ предложили решить его путем организации национальной автономии в районах с высокой

концентрацией корейского населения. Однако совещание отклонило это предложение как несвоевременное и требующее серьезной подготовки. Тем не менее, эта проблема продолжала обсуждаться в среде корейских политических руководителей, причем идея принимала разные формы — от «автономной корейской области» до «автономной корейской республики на юге Приморья». В мае 1925 г. Дальбюро ЦК РКП(б) постановило считать такие преобразования совершенно нецелесообразными. Фактически на территории края в конце 1920-х — 1937 г. существовали национальные корейские сельсоветы и один национальный корейский район — Посыетский (юридически он не был оформлен), в которых все учреждения и руководство были корейскими, на корейском языке издавались газеты и литература, велось делопроизводство⁵⁶. Эти административно-территориальные единицы не являлись специфическими формами корейской автономии, а были созданы в рамках общего советского строительства на Дальнем Востоке и политики коренизации, которая проводилась во второй половине 20-х — первой половине 30-х годов по всей стране. В 1930 г. в РСФСР имелось 127 нацрайонов и 4264 нацсельсовета⁵⁷.

В середине 30-х годов XX в. в сталинской доктрине по национальному вопросу появилось положение о том, что в результате создания единого социалистического уклада и помощи русского народа другим нациям в СССР ликвидированы элементы национальной отсталости. Из этого следовало, что необходимость в дальнейшем возмещении неравенства в положении русских и нерусских наций отпадала. Русскому народу отводилась теперь роль «старшего брата» в семье советских народов. В Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г., как и в других официальных документах, исчезло само упоминание термина «национальные меньшинства», что знаменовало собой поворот от политики коренизации и национализации к так называемой интернационализации. В конце 30-х годов в стране были ликвидированы многочисленные национальные районы и сельсоветы, свернуты все формы работы с нетитульными этническими группами⁵⁸.

ВОВЛЕЧЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ ИММИГРАНТОВ В СОВЕТСКУЮ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

Высокий удельный вес восточных иммигрантов в крае заставлял партийно-государственные органы уделять особое внимание этой категории населения. Организационно-управленческая «работа с нацменьшинствами» в Приморье в основном ограничивалась рамками корейской и китайской диаспор. Ее направления и задачи формулировались в почти неизменном виде во множестве партийно-государственных документов. Характерной, например, является преамбула «Программы обследования работ среди восточников г. Владивостока» (предположительно 1932 г.). Приводим ее дословно:

«Основные задачи обследования.

1. Проверка ликвидации фактического неравенства трудящихся восточников в советском, хозяйственном и культурном строительстве ДВК. Она должна выявить, насколько партийные, советские, профсоюзные и другие органы сделались близкими и родными для трудящихся восточников и насколько они внимательны и четки в удовлетворении повседневных их нужд с точки зрения приближения партийных, советских органов к трудящимся массам восточников. Решающее значение имеет коренизация всей работы среди восточников, подготовки и выдвижения национальных кадров по всем линиям работы...

2. Решающее значение в проведении ленинской национальной политики имеет руководящая роль нашей партии, создание идеологически крепкой, боевой, дисциплинированной партийной организации среди трудящихся восточников... Вопросы вовлечения восточников в партию, подготовка и выдвижение партийных кадров из восточников, внутрипартийное воспитание, партийно-массовая работа среди трудящихся восточников — узловые вопросы обследования. Правильное проведение ленинской национальной политики требует решительной борьбы с ползучими уклонами. Проверка должна поднять на новую высоту решительную борьбу с великорусским шовинизмом как главной опасностью и местным национализмом. Партийное строительство среди восточников и правильное проведение национальной политики среди восточников будут иметь решающие успехи на основе создания пролетарских масс среди самих восточников. Поэтому особое внимание должно быть обращено на проверку создания пролетарских восточных кадров.

3. Проверка всего содержания работы среди восточников должна быть поставлена с точки зрения проведения в жизнь основных задач партии в данный момент, как реализация 6-ти условий т. Сталина, выполнение промфинплана, реализация последних директив ЦК ВКП(б) в колхозной торговле, мясозаготовках, о ширпотребе, подготовке к уборочной и заготовочной кампаниям. Особое внимание должно быть обращено на проверку внимания соответствующих организаций к рабочему снабжению — к культурно-бытовому обслуживанию рабочих и колхозников»⁵⁹. Из документа видно, что основными программными пунктами приобщения восточных иммигрантов к общественной сфере были: их пролетаризация, привлечение к участию в низовых советских аппаратах, партийных, профсоюзных и других общественных организациях. В целях повышения общей культуры корейцев и китайцев ставилась задача развития системы просвещения, образования, здравоохранения, улучшения быта. Все это должно было способствовать быстрой советизации иммигрантов, облегчить управление и использование их в качестве одного из источников трудовых ресурсов.

Данные направления национальной политики реализовывались через все уровни региональной и местной власти. В 20-е — начале 30-х годов проводилось кооперирование кустарей-«восточников», коллективизация крестьян, сформировался слой партийно-советской номенклатуры и общественный актив из среды корейцев и китайцев. Восточное население широко вовлекалось в избирательные кампании, при исполкомах формировались корейские и китайские депутатские группы. В городах и селах создавались сеть школ, пункты по ликвидации неграмотности, рабочие клубы, избы-читальни, Дома культуры. Во Владивостоке действовала корейская ячейка ОСОАвиахима; работал клуб для восточных рабочих им. Первого мая, где проводились политические мероприятия, готовились профсоюзные работники, были созданы комсомольская и пионерская организации, при горисполкоме существовала инициативная группа по работе среди китайских рабочих и их семей и т. д.⁶⁰

Большое внимание к восточным иммигрантам было вызвано также тем, что ЦК ВКП(б) и Коминтерн пытались оказывать руководящее влияние на развитие коммунистического движения в азиатских странах. Владивосток играл существенную роль в теоретической подготовке китайских коммунистов. На это было нацелено китайское отделение губернской Совпартшколы и Китайская ленинская школа повышенного типа. В 1933 г. они были объединены с китайским отделением рабфака при интерпедиституте и на этой базе создана высшая китайская ленинская школа на положении комвуза. Эта школа просуществовала до 1938 г. В ней было три факультета: партийно-советский, педагогический и политико-просветительной работы, где на основных курсах в 1936—1937 гг. обучались 159 студентов и на подготовительном — 100 чел. Обучение в школе было бесплатным, студенты получали стипендию в размере 200 руб. в месяц. Распределением окончивших школу занималось бюро Далькрайкома ВКП(б). Политико-просветительный факультет готовил кадры для библиотек, клубов, красных уголков и других подобного рода учреждений; педагогический занимался подготовкой учителей для китайских начальных и семилетних школ, партийно-советский — руководящих работников для предприятий и строек, колхозов и совхозов края, где работали китайские трудящиеся. Некоторые наиболее подготовленные коммунисты по просьбе КПК направлялись в Китай⁶¹.

Советско-коммунистическую пропаганду в ДВК вели 6 журналов и 9 газет на корейском языке. В середине 30-х годов тираж самой массовой корейской газеты «Авангард» достиг 10 тыс. экземпляров⁶². На китайском языке издавались газеты «Рабочий путь» и «Тихоокеанский рабочий», регулярно выходило несколько многотиражек. На Дальзаводе печатали пятидневную газету «Молот», во Владивостокском порту и Артеме в 1929—1932 гг. — газеты «Портовик» и «Шахтер», выпускалось множество стенных газет⁶³. Печатались также учебники, книги, политические и популярные брошюры на корейском и китайском языках.

В декабре 1927 г. были проведены первое дальневосточное краевое совещание корейского партактива и расширенное совещание китайских работников при подотделе нацменьшинств Далькрайкома ВКП(б). Повестки дня этих совещаний показывают, какие проблемы ставились во главу угла. Так, корейское совещание обсудило следующие вопросы: «Об очередных задачах партрботы корейской части дальневосточной парторганизации», «О работе среди женщин корейянок», «О задачах в землеустройстве корейцев в крае», «О просвещении корейцев ДВК», «О работе ВЛКСМ среди корейской молодежи», «О внутривнутрипартийном положении». Последний пункт выделялся в связи с тем, что внутри корейской партийной элиты постоянно шла межгрупповая (фракционная) вражда и склоки⁶⁴.

Совещание китайских работников приняло постановления «О работе профсоюзов среди китайских рабочих», «О состоянии кустарно-промышленной кооперации среди китайского населения», «О работе среди женщин-китайянок» и др. Было принято решение о необходимости широкого вовлечения китайских рабочих в профсоюзы и целесообразности использования кустарей-китайцев для развития кустарной промышленности на советском Дальнем Востоке. Органам Наркомата труда рекомендовалось «совместно с профсоюзами вести решительную борьбу со скрытой эксплуатацией китайских рабочих мелкими предпринимателями (кустарями, старшинками и подрядчиками) путем усиления разъяснительной работы среди китайских рабочих о трудовом законодательстве наряду с усилением надзора органов НКТ ДВК за проведением этого законодательства предпринимателями». В области культурно-просветительной совещание считало необходимым «усиление работы по ликвидации неграмотности среди китайских рабочих», «вовлечение их в клубы вострабочих и общесоюзные клубы» и т. д. Особое внимание обращалось на то, «чтобы содержание культурно-просветительной работы среди китайских рабочих соответствовало задачам интернационально-классового воспитания, уяснения ими необходимости сознательного участия в социалистическом строительстве и в подготовке обороноспособности Советского Союза»⁶⁵. В дальнейшем подобного рода совещания и конференции на краевом, областном и районном уровнях проводились регулярно.

Одним из направлений «ликвидации отсталости» национальных групп было повышение общественной роли женщин и вовлечение их в производство. В Приморье среди корейских и китайских женщин велась пропаганда под лозунгом «К новому быту». Так, во Владивостоке в рамках работы с китайским населением было образовано делегатское собрание китайянок, которое в 1930 г. объединяло 20 чел. В него входили женщины-кустари, артистки, курсантки китайской совпартшколы и домохозяйки. Бытовая комиссия из актива китайянок и женская комната при клубе им. Первого Мая проводили агитацию против «бытовых извращений» (проституции, продажи и кражи женщин, бинтования ног), разъясняли необходимость личной и бытовой гигиены. Они устраивали

собрания и беседы в больших китайских дворах, организовали детский сад для китайских детей. В женской комнате давались юридические и врачебные консультации по вопросам охраны женщины и ребенка⁶⁶.

При клубе им. Первого мая работала китайская камера народного суда. Например, в феврале 1930 г. она провела показательное заседание, заслушав дело некоего Ли Сяншуна. Он обвинялся в том, что в течение 5 лет систематически понуждал свою жену заниматься проституцией, при этом сам нигде не работал и жил на ее заработки. Слушание проходило при большом количестве китайских рабочих. Суд приговорил виновного к году лишения свободы, заменив ему наказание годом принудительных работ⁶⁷.

В 1929—1930 гг. в регионе развернулась «кампания борьбы с национализмом». Она особенно усилилась после состоявшегося в июне-июле 1930 г. XVI съезда ВКП(б), призвавшего бороться против двух основных уклонов в национальном вопросе — «великодержавного шовинизма как главной опасности и местного национализма». В Приморье эта кампания проводилась под флагом борьбы с притеснениями восточных иммигрантов. В ней участвовали партийные и советские органы, прокуратура, местная периодическая печать, которые вскрывали факты негативного отношения к китайцам и корейцам. Восточные рабочие находились в неравных с русскими экономических условиях, получали меньшую зарплату за равный труд, выполняли более тяжелую и непривлекательную работу, хуже, чем российские рабочие, обеспечивались одеждой, обувью, питанием, жильем, отмечалось пренебрежительное и грубое отношение к ним, унижение личного достоинства на бытовом уровне. В сельском хозяйстве наиболее распространенные проявления экономического неравенства наблюдались в земельно-арендных отношениях. В 1930 г. почти в каждом номере газеты «Красное знамя» публиковались материалы, иллюстрировавшие эти явления. Дважды (4 августа и 10 декабря 1930 г.) поднимала эту проблему газета «Правда». Вопросы «борьбы с шовинистическими выпадами против восточных рабочих» рассматривались практически на всех партийных совещаниях и конференциях края и областей. Например, объединенный пленум Далькрайкома и краевой контрольной комиссии ВКП(б) в январе 1931 г. считал, что «пережитки великодержавного шовинизма выражаются в неправильных по существу колонизаторских взглядах на труд восточных рабочих»⁶⁸.

21 июля 1930 г. ВЦИК и СНК приняли постановление «О практическом проведении национальной политики в Дальневосточном крае в отношении китайцев и корейцев». В соответствии с этим документом через суды дальневосточного региона в 1930 г. прошло 123 дела и было возбуждено еще 88 дел по поводу ущемления материального, культурно-бытового и политического обслуживания восточников, судебные процессы прошли в Ольгинском, Посьетском, Сучанском районах⁶⁹.

Таким образом, используя классовый подход и интернационалистскую пропаганду, советская администрация пыталась разрушить традиционную закрытость восточных общин на российской территории, вовлечь «трудящихся восточников» независимо от их гражданства в советскую общественную жизнь. Однако имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы и исследования позволяют говорить: несмотря на все усилия властей, общественно-политическая деятельность иммигрантов в России не стала массовой и ограничивалась весьма узким слоем партийно-советского и профсоюзного актива. Например, на 1 января 1930 г. во Владивостокской окружной партийной организации состояли членами только 970 корейцев и 195 китайцев⁷⁰. Но пропаганда и агитация и в целом условия советского политического режима не могли не оставить след в умонастроениях иммигрантов, что в частности отражалось на участии их в революционном и партизанском движениях при возвращении на родину.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Социально-политические изменения в стране не обошли и образовательную сферу. С 1 января 1923 г. начала осуществляться школьная реформа: все типы средних учебных заведений, кроме учительских семинарий и ПТУ, преобразовывались в государственную единую школу 2-х ступеней⁷¹. Национальные школы также включались в общую сеть народного просвещения. На основании циркуляра Дальнего Востока от 10 января 1923 г. «О регистрации школ национальных меньшинств и о наблюдении за постановкой в них учебного дела» они передавались из ведения бывшего Министерства по национальным делам ДВР в подчинение подотдела социального воспитания Дальнего Востока. Регистрации подлежали все школьно-просветительные учебные заведения национальных меньшинств и их преподавательский состав⁷².

Произведенная регистрация показала, что в феврале 1923 г. в Прибайкальской, Амурской и Приамурской губерниях было 37 украинских школ, 5 корейских, 7 тюрко-татарских, 4 еврейских и 66 бурят-монгольских. Все школы относились к первой ступени (сведения по Приморью в Дальнего Востока на тот период отсутствовали)⁷³. Но уже в конце 1923 г. в отчетах губоно по Дальнему Востоку исчезают бурятские, украинские и еврейские школы. Если первые при образовании Бурят-Монгольской АССР отошли в другое подчинение, то вторые были просто ликвидированы одновременно с ликвидацией всех украинских организаций, арестом их руководителей и активистов, а также учителей⁷⁴. В 1926 г., когда Далькрайисполкомом рассматривался вопрос о работе по народному образованию среди украинского населения, властями был сделан вывод: «Опыт с организацией в ДВК украинских школ ... в 1921 г. показал, что эти школы, открытые без достаточно глубокого изучения всех условий их суще-

ствования, не могли пустить крепких корней ... и перешли на русский язык сами собой, как только были упразднены украинские рады, насаждавшие сверху школы на украинском языке»⁷⁵. Очевидно, закрыты были и еврейские школы.

В Приморской губернии в 1923—1924 гг. сохранилась одна польская, две тюрко-татарские начальные школы и сеть корейских. Из них польская (77 учащихся), одна тюрко-татарская (40 учащихся) и одна корейская (567 учащихся) находились во Владивостоке. С 1925 г. в крае работали четыре китайские школы⁷⁶. В 1922—1928 гг. продолжали существовать две начальные школы в поселках эстонцев, в 1928 г. они были объединены в одну⁷⁷. Однако в отчетах губоно эстонская школа как национальная не значилась и проходила по графе «русские школы».

Многие национальные школы, хотя и были включены в сеть губернского отдела народного образования, но содержались на средства родителей или других общественных коллективов. Такая возможность допускалась в связи с ограниченностью материальных и кадровых ресурсов государственной системы образования. Но этот допуск рассматривался властью только как временная мера, при этом от отделов народного образования требовалось «проявить исключительную бдительность и осторожность», чтобы не дать развиваться «крепнущим росткам буржуазной идеологии». Право разрешения на открытие таких школ имел только губоно, который и заключал с ними договоры при условии «гарантий проведения принципов школьного строительства советской власти и осуществления отделами народного образования полноты руководства и контроля над данными учебными коллективами»⁷⁸.

На базе вышеназванной инструкции работали часть корейских и владивостокская польская школа. В отношении последней полностью подтвердился провозглашенный документами временный характер «допущения частной инициативы» в школьном деле. Польская школа была принята в городскую школьную сеть губоно, но частично продолжала содержаться на средства владивостокского общества «Дом польский». В 1925 г. губоно по договору с «Домом польским» приняло здание и инвентарь на свой баланс, обязалось содержать школу независимо от количества учеников и назначать учителей, рекомендованных польским обществом. Однако в том же учебном году губоно перевело польскую школу вместе с прежней учительницей Ю. Будай, которая преподавала все предметы четырем группам одновременно, из собственного здания в помещение 2-й центральной школы-семилетки и переименовало в «польские группы», а здание польской школы под предлогом ветхости забросило⁷⁹. В 1926/27 учебном году во всех четырех польских группах обучалось 18 детей. Губоно считало, что при чрезвычайной загруженности других классов в школах города трата средств на такую немногочисленную группу является нецелесообразной. Кроме того, в результате инспекторских проверок руководители губоно пришли к выводу, что в польских группах «знания детей неудовлетворительны, занятия проводятся по программе, никем не рассмотренной и не утвержденной, преподавательница не имеет требуемой квалификации». Наиболее серьезную озабоченность губоно вызвал «шовинистический, национальный уклон в содержании учебно-воспитательного дела», «изоляция польских детей от общей массы учащихся русских». «Не подлежит сомнению, — писал инспектор Лулов в своем отчете, — что за спиной учительницы Будай стоят лица или группа в виде представителей местного польского клерикализма или т.н. «Польского дома», или группы наиболее шовинистически настроенных родителей»⁸⁰. 25 января 1927 г. польские группы, несмотря на середину учебного года и жалобы родителей в Отдел национальностей при ВЦИК РСФСР, Далькрайисполком и Польскому консулу в Москве, распоряжением окроно были закрыты, дети переведены в русские классы, а учительница уволена⁸¹.

В 1926 г. всем округам было дано распоряжение об обязательном включении в смету отделов народного образования на предстоящий учебный год расходов на все школы, находившиеся на содержании населения⁸².

Как показали дальнейшие события, все внимание в области национального образования в Приморье было сконцентрировано местными властями на корейских школах. Основная причина, на наш взгляд, заключалась в стремлении не упустить из-под советского влияния молодежь стремительно увеличивавшейся за счет иммиграции корейской диаспоры в крае.

На 1 июля 1923 г. в Приморской губернии имелось 224 корейские школы с 12822 учащимися, из них — 40 правительственных (2334 учеников), содержавшихся на государственные средства, и 184 национальные школы (10488 учащихся), существовавшие на средства родителей⁸³. Из всех корейских школ только в четырех преподавание велось на русском языке. В остальных учебный процесс осуществлялся или только на корейском языке (в основном в районах, где жили большей частью нерусскоподданные корейцы), или на корейском с преподаванием русского языка в качестве отдельного предмета. Но к середине 20-х годов стало ясно, что корейское население поняло недостатки корейзированной школы — у ее выпускников отсутствовала перспектива. Поэтому в дальнейшем проводилась политика постепенного перевода преподавания в школах повышенного типа на русский язык, корейскому населению разрешалось по желанию считать русский язык в школах основным предметом⁸⁴.

Для успешного контроля за работой корейских школ в апреле 1923 г. при губоно был назначен уполномоченный по делам корейских школ Приморской губернии, а также уездные и районные уполномоченные⁸⁵.

Организация работы в корейских школах, как и в других, была сопряжена с массой трудностей и проблем. Не хватало средств, школ, учителей и учебников. Тем не менее, власти и местное корейское население прилагают значительные усилия по разрешению этих проблем. В итоге не только росла сеть корейских школ, но с 1927 г.,

по мнению Б.Д. Пака, они стали вполне советизированными. С 1925 г. стали издавать учебники на корейском языке. Учителей готовили сначала в Никольск-Уссурийском педагогическом техникуме с корейским отделением, а с 1924 г. — в Никольск-Уссурийском Корейском педтехникуме. В 1930 г. открылся еще один техникум в Посьете, а в 1931 г. — Корейский педагогический институт во Владивостоке⁸⁶. В 1933/34 учебном году в Приморской и Уссурийской областях действовали 287 начальных, 40 неполных средних и две средние корейские школы с общим числом учащихся — 26698⁸⁷.

В то же время украинцы в Приморье продолжали оставаться без своих национальных школ. Между тем, на совещании по вопросам культурно-просветительной работы в РСФСР среди нерусских народов (апрель 1925 г.) было принято решение о необходимости проведения просветительной работы среди украинцев и белорусов, проживающих на территории РСФСР, на их родном языке⁸⁸. И сразу же вопрос о создании украинских школ на Дальнем Востоке выносится на обсуждение 5-й, а позже и 6-й Дальневосточных краевых конференций заведующих отделами народного образования, состоявшихся в ноябре 1925 и марте 1927 г., а также заседаний Далькрайкома ВКП(б) и Далькрайисполкома. Президиум ДКИК постановлением от 8 июня 1926 г. «Об украинизации школьно-просветительных учреждений в районах края, заселенных украинцами» поручил Дальюно изучить вопрос и представить план перевода некоторых школ на украинский язык с начала 1926/27 учебного года⁸⁹. В конце 1925—1926 гг. инспектора отделов народного образования получили задание при поездках по краю выяснить на местах возможности организации учебного процесса на украинском языке. Однако из бесед с местными украинскими жителями они вынесли впечатление, что «масса украинского населения обрусела, и для нее не только нет надобности в украинизации, но это практически нецелесообразно» за исключением отдельных селений. Так, во Владивостокском округе инспектора посетили Шмаковский, Шкотовский, Сучанский и Гродековский районы. На основании материалов их обследования Владивостокский окроно к 1 марта 1927 г. прислал в Дальюно следующее заключение: «а) состав населения в деревнях округа смешанный с преобладанием выходцев из Украины (за исключением корейских деревень); б) население говорит преимущественно на великорусском наречии с примесью украинских слов, оборотов и произношения; в) у населения есть стремление к более свободному обладанию чисто великорусским наречием; г) украинизация школ была бы искусственной и навязанной». Подобные заключения дали и другие окружные отделы народного образования Дальнего Востока. Но 6-я Дальневосточная краевая конференция заведующих отделами народного образования все же считала, что обследованием была охвачена незначительная часть украинских деревень, поэтому было решено продолжить изучение этого вопроса с привлечением широких масс населения⁹⁰.

В феврале 1930 г. президиум ДКИК, рассматривая вопрос «О культурном обслуживании переселенцев», констатировал его «явную недостаточность... систематическое снижение процента охвата детей школой 1 степени вследствие значительного отставания ежегодных ассигнований на просветительную работу по сметам Всеперкома (Всероссийский переселенческий комитет. — Авт.) против темпа роста контингента водворенных переселенцев». Среди прочих мероприятий было намечено «предложить Крайюно уже в текущем году приступить к подготовительной работе по открытию начальных школ на украинском и белорусском языках в районах массового сплошного заселения этих национальностей по планам ДВРПУ, одновременно начать перевод на национальные существующие школы, где это возможно по составу переселенцев»⁹¹. Практическую же реализацию идея создания украинских национальных школ в крае получила лишь в кратковременный период украинизации районов.

В 1930-е годы сеть национальных школ Приморья состояла из более 200 корейских школ, а также китайских — в городах Владивостоке и Ворошилове (ныне Уссурийск), немецких — в Спасском и Ивановском районах, татарской — в с. Тавричанке и казахской — во Владивостоке. Депортация корейцев в 1937 г. привела к исчезновению в крае корейских учебных заведений, а вскоре были ликвидированы и все остальные. Последнюю точку в вопросе о возможности существования национального образования поставило решение Оргбюро ЦК ВКП(б) от 24 января 1938 г. «О реорганизации национальных школ», которые расценивались в этом документе как результат «контрреволюционной деятельности враждебных элементов в органах народного образования» по «созданию очагов буржуазно-националистического антисоветского влияния на детей». На основании данного решения Бюро Далькрайкома ВКП(б) 25 апреля 1938 г. вынесло постановление «О реорганизации отдельных национальных школ и классов ДВК», предписывавшее ликвидацию в крае всех национальных школ и перевод из них детей в школы обычного типа⁹². С этого времени и на протяжении последующего периода советской истории специальных школ для детей отдельных этнических групп в крае не существовало.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ

В годы советской власти серьезные изменения произошли в сфере художественной культуры. Владивостокская театральная жизнь во второй половине 20-х годов была насыщена деятельностью украинцев. Продолжала гастролировать труппа под руководством В.Л. Кармелюка-Каменского. Артисты поначалу придерживались традиционного репертуара. В нем были представлены драматическая оперетта Старицкого «Ой, не ходи Грицю, тай на вечерницы», музыкальная драма «Жидивка-Выхристка», драма Крапивницкого «Доки солнце зийде роса очи выишь» и др. Спектакли ставили и любители, например, украинская труппа Читинского полка, давшая в мае

1923 г. в пользу Красного воздушного флота благотворительное представление — популярную пьесу «Хмара» с хором и танцами, и театр общества «Маяк», поставивший комедию украинского автора Лысенко-Ковыча.

В это же время намечается переход к репертуару новой социальной ориентации. В феврале 1923 г. украинские профессиональные артисты предложили вниманию публики «агитационную» пьесу М. Криницкого «Новый фронт», позже они выступили с исторической постановкой «Степовый гисть (борец за свободу)» и известной украинской пьесой Тогобочного «Борцы за идеи», ранее бывшей под запретом цензуры⁹³.

К середине 20-х годов театральность и бутафория, традиционно присущие деятельности украинской труппы, стали противоречить идеологии времени. На эти «недостатки» в июне 1924 г. указала статья «Малоросейщина, или То, чего не надо» в газете «Красное знамя»: «Украинским драмкружком была поставлена пьеса М.Л. Кривницкого «Дай сердцу волю, заведе у неволю». Остановимся на главном моменте этого типа «культурной» работы. Прежде всего, о репертуаре. Всем известно, что мы живем в период великих революционных потрясений и в период созидания нового быта, пролетарской культуры. И естественно, каждый наш шаг должен соответствовать задачам, быть целесообразным. А получается, наоборот, вместо жизненных, кипящих устремлений вперед революционных пьес преподносят рабочему хлам, перепевшие давным-давно мещанско-буржуазные отбросы, мещанско-малороссийские атрибуты. Пролетариату они не нужны. Для чего вы кормите рабочего сентиментально-сладеньким доступным репертуаром?.. Следовало бы Рабису внимательно следить за каждым театральным коллективом, что ставится, иначе халтуры нам не избежать»⁹⁴.

В 1926 г. в результате проведенной реорганизации театрального дела на Дальнем Востоке было сформировано четыре труппы, которые в течение 8 месяцев зимнего сезона должны были поочередно обслуживать Владивосток, Читу и Хабаровск, находясь в каждом городе по 2 месяца. Из созданных коллективов три были русскоязычными и один — украинским. Поскольку своих квалифицированных сил в ДВК было немного, то основное ядро театральных коллективов составили приглашенные (в основном из Москвы и Ленинграда) артисты. Украинская труппа под руководством Бунчука включала 55 чел., из них 25 хористов, 10 артистов балета, солистов Вишневецкую, Марченко, Гая, Прохоровича, Комаровскую, Бунчук и др. Репертуар состоял из старых дореволюционных постановок: «Вий», «Тарас Бульба», «Суламифь»⁹⁵. В период «украинизации» районов Приморья труппа переросла в краевой украинский драматический театр.

Время от времени край с гастролями посещали коллективы с Украины. Например, в декабре 1928 г. во Владивостоке с большим успехом проходили концерты ансамбля украинских кобзарей, в мае 1929 г. — украинского квартета народных танцев⁹⁶.

К сожалению, сведения о деятельности белорусского национального театра в крае весьма скупы, но все же известно, что такой театр в 20—30-е годы существовал.

Рожденный советскими условиями социальный заказ обусловил создание новых направлений театральной деятельности. В первой половине 20-х годов стали появляться новые названия и определения театральных форм: национальный, деревенский, колхозный, дорожный, театр рабочей молодежи (ТРАМ) и др. В Приморье под национальным театром подразумевался коллектив, как правило, самодеятельных актеров из числа восточных рабочих — корейцев или китайцев, а также представителей местных коренных народов — нанайцев. Существенной особенностью творческого почерка национальных театров на Дальнем Востоке была исключительно большая насыщенность спектаклей музыкальными, танцевальными и ритмическими номерами.

В 20-е годы в крае продолжали работать китайские театры, два из них находились во Владивостоке, один — в Никольске-Уссурийском. Между владивостокскими театрами, которые в обиходе назывались Северным и Южным по их местоположению, шла острая конкурентная борьба. Северный театр благодаря своей вместимости больше посещался рабочими, а Южный — более зажиточными слоями китайского населения. В 1928 г. Южный театр под предлогом нарушения требований санитарной и пожарной инспекций был закрыт и на его площадях было решено организовать китайский кинотеатр. Агентству Совкино поручалось «выписать из Китая идеологические подходящие киноплёнки»⁹⁷.

Северный театр во Владивостоке оставался единственным китайским театром в СССР. В 1930 г. он перешел в ведение управления государственных зрелищных предприятий. После реформирования театр получил название «Красная волна». Директором театра был коммунист Н.З. Кирюченко, режиссером — Цай Ен, которые предприняли первую попытку показать со сцены обновленного театра «восточным трудящимся» события современности. В 1931 г. энергичный директор выделил группу молодых артистов из числа китайских рабочих, которые прошли определенную школу актерского обучения еще в стенах старого театра, а также слушателей китайской ленинской школы⁹⁸. Коллектив в свой творческий арсенал внес советское содержание и новую театральную форму, широко распространенную в те годы по всей стране, — ТРАМ. Таким образом, китайский театр соединил в себе две формы — национального театра и театра рабочей молодежи. Причем китайский ТРАМ был первым театром подобной формы на Дальнем Востоке, поскольку собственно ТРАМ был организован во Владивостоке только в 1934 г.

Молодой китайский театр энергично взялся за решение поставленной задачи: стать воспитателем, агитатором и пропагандистом нового уклада жизни среди китайского населения на Дальнем Востоке России. Репертуарный фонд включил новые пьесы, обладавшие большой политической насыщенностью: «Ван-Фу-Лин» (авто-

ры — Кирюченко и Левин), «Бой начат» (Цай Ен), «Тудыгомин» (Сяо), «Латынизация» (Козыдю), «Уголь» (Цай Ен), «Защита Шанхая» (Тин Шан); «Рабочие Чапея» (Цай Ен). Из старых «классических» пьес ТРАМ продолжал ставить переработанные, не уступавшие по злободневности новым спектаклям «Маньчжурские события» (Сун Бунмао), «Кантонская коммуна» (Ван Сюмин), «Конец капитализма». Репертуарная тематика китайского ТРАМа по своей идеологической актуальности, злободневности вряд ли могла уступить другому советскому театру тех лет. Однако решение проблем художественного, эстетического наполнения было еще впереди.

Молодежь работала с большим упоением, ярко, эмоционально. Театр поднимал самые острые жизненные вопросы как для зрителей, так и для самих артистов. В день проведения своей второй годовщины (март 1933 г.) ТРАМ получил Красное Знамя от городского комсомола за ударную работу. В течение января и февраля 1933 г. он дал 48 постановок в рабочих клубах Дальзавода, Эгершельда, в клубах Водников, им. Первого мая, железнодорожников и др. На Первой Всесоюзной олимпиаде самодеятельного искусства в августе 1932 г. в Москве достижения театра были отмечены высокой наградой — Красным Знаменем газеты «Советское искусство» и гастрольной поездкой по СССР.

Под влиянием ТРАМа понемногу стал «перестраиваться» старый китайский театр, включивший в свой репертуар 10 новых пьес с советской тематикой. В этом театре был создан (в духе времени) художественно-политический совет из представителей общественных организаций и рабочих от предприятий, проверявший старый репертуар. По инициативе месткома при театре был организован 6-месячный курс по ликвидации неграмотности, на котором учились 45 актеров, из них 35 ударников труда. Для повышения профессионального уровня артистов дирекцией ТРАМа была создана театральная студия, в которой преподавали 12 педагогов, из них 7 чел. с высшим образованием и 4 — со специальным образованием «по искусству»⁹⁹.

При всем наполнении новыми театральными средствами и «социалистическим содержанием» китайский театр не мог отойти от традиционных форм. Об этом свидетельствовала неудачная попытка поставить современную пьесу «Рычи, Китай!». Постановка была лишена национальных черт и оказалась для зрителей недоходчивой. Театру пришлось повторить ее уже в привычном китайском стиле¹⁰⁰.

Новая атмосфера в театре способствовала и такому важному фактору, как улучшение культурно-бытовой стороны жизни самих китайских артистов. «За один только 1933 год, — отмечал в докладной записке директор театра Н.З. Кирюченко, — около 20 чел., десятками лет куривших опиум, перестали курить, была прекращена карточная игра. Из стен театра были выведены «банковка» и контрабанда. Созданы более культурные условия быта. Для артистов организована столовая».

Нужно отметить, что проблема питания и снабжения китайских артистов была чрезвычайно напряженной. Несмотря на неоднократные постановления Наркомпроса (от 8.09.1932 г.), Крайисполкома (от 8.01.1933 г.) и ГК ВКП(б) (от 23.01.1933 г.), согласно которым снабжение артистов старого театра и ТРАМа должно было производиться «по первому списку под личную ответственность Горсовета» с выделением бобов, белой муки, чумизы, китайской капусты, питание работников театра и ТРАМа включало в себя «500 гр. хлеба и два раза в день две чашки жидкой кашицы (чумизы) совершенно без жиров изо дня в день, да и то приобретенной по вольной базарной цене». Не отпускались необходимые материалы на оформление постановок, «...при низкой заработной плате трамвая от 100 до 200 рублей последние совершенно раздеты, общежития не оборудованы, нет даже постельных принадлежностей». Вместе с тем театр перевели из старого полуразвалившегося помещения в новое отремонтированное, благодаря чему была проведена работа по повышению культурного уровня публики: «ликвидированы присущие старому китайскому театру столики с чаепитием, семечки, курение в зрительном зале, летающее мокрое полотенце... грязь». Трехлетний юбилей театра отмечался в июне 1934 г. обширной программой¹⁰¹. В том же году в помещении китайского театра был открыт китайский кинотеатр «Тай-пин-ян», переименованный в кинотеатр «Родина».

Вслед за китайским театром усилиями молодых энтузиастов в сентябре 1932 г. был создан и корейский краевой передвижной театр, которому также предстояло выполнить миссию агитатора и пропагандиста «новой жизни, нового интернационального общества на Дальнем Востоке» среди своей национальной аудитории. Просуществовав чуть более полугодя, из-за неумелого руководства театр подвергся расформированию, но в июле 1933 г. был вновь реорганизован. В состав корейской труппы вошли 18 чел. — 15 актеров и 3 актрисы, в том числе 5 комсомольцев, 2 члена и один кандидат в члены ВКП(б). Молодые энтузиасты за 6 месяцев существования театра дали 18 постановок, 11 из которых — бесплатно, обслуживая новостройки и колхозы Поцетского района¹⁰².

О содержании репертуара и особенностях режиссерской работы театра свидетельствуют отзывы театральных критиков того времени. Один из них писал: «...В корейской литературе есть классическое произведение, относящееся к XVIII веку. Оно изобличает с точки зрения зарождавшегося тогда торгово-ремесленного сословия произвол чиновников и аристократии, рабское положение женщины и бесправие и безысходную нужду «черни». Это произведение носит название «Чун Хян-ден»... Корейский театр ставит эту классическую пьесу в трудных условиях. У него не было ни образцов костюмов, ни сведений об исторической жизни, ни знания музыки, мимики, танцев. На помощь молодежи пришли старики. Они консультировали при постановке любимой пьесы... Выезжая с концертами в рыболовецкие колхозы во время путины, корейские актеры заключили договоры

со шкиперами. Они обязались поставить в возможно короткий срок «Чун Хян-ден», шкиперы обязались перевыполнить план. Так действовало искусство, и взаимные обязательства были выполнены...»¹⁰³ К 1935 г. театру удалось окрепнуть, чему в значительной мере способствовало обсуждение его деятельности в Наркомпросе РСФСР и на бюро Приморского обкома ВКП(б)¹⁰⁴.

Совместные усилия директора В. Тена, режиссера Цой Ена, всего театрального коллектива предопределили дальнейший значительный подъем творческой жизни. В состав труппы влились новые одаренные актеры. По мере «взросления» театра актуализировалась проблема злободневности репертуара. Привлекая внимание общественности к трудностям становления молодых национальных дальневосточных театров — китайского ТРАМа и Корейского краевого передвижного театра, журналист на страницах газеты «Красное знамя» восклицает: «Они не могут существовать с одним классическим репертуаром прошлых эпох. Им нужны пьесы о сегодняшней борьбе на Дальнем Востоке. Первые трудности преодолеваются. Пьесы эти будут созданы. Но двум этим молодым театрам, прежде всего, нужны сочувствие, внимание, помощь...»¹⁰⁵ И уже через месяц корейский театр показал пьесу из жизни советских рыбаков-корейцев «У Сын Ги» («Знамя победы»). Авторы пьесы комсомольцы Тхай Дян Чун, Ли Гир Су и Цой Гир Чун специально выезжали в пос. Зарубино, где изучали жизнь соревнующихся рыбаков¹⁰⁶. Под руководством режиссера Ен Сен Ена театр начинает ставить пьесы о борьбе трудящихся Кореи за независимость, об участии корейцев в социалистическом строительстве, 7 пьес было написано собственными силами. Кроме того, репертуар корейского театра включал 3 пьесы, переведенные с русского языка, в том числе пьеса К. Тренева «Любовь Яровая», имевшая шумный успех и у корейской, и у русской публики¹⁰⁷. В 1937 г. корейский краевой театр, в котором работали 22 чел., был выселен в Казахстан, в город Кзыл-Орду¹⁰⁸.

Таким образом, в сложной системе национального театра в Приморье наиболее ярко обозначились два уровня, соответствующие европейскому и азиатскому (восточному) культурным типам, на примере наиболее весомо заявивших о себе, с одной стороны, русского и украинского театральных коллективов, с другой — китайского и корейского. Все они проявили себя как в драматической, так и в музыкальной плоскости.

На протяжении 20-х и особенно 30-х годов в театральной деятельности национальных коллективов, как и в сфере образования, все сильнее заявлял о себе классовый подход, связанный с выхолащиванием собственно национального содержания в пользу идеологически выдержанного советского. К концу 30-х годов с ликвидацией национальных школ и классов, закрытием большинства конфессиональных общин, депортацией восточного населения, проведением политических репрессий и другими действиями власти какие-либо возможности специфической этнокультурной деятельности в организованных формах в крае были сведены к нулю.

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 956. Л. 32.

² Культурно-национальная автономия в истории России: Док. антология. Т. 2. Дальний Восток. 1921—1922. Томск, 1999. С. 256.

³ Черномаз В.А. Читинский процесс (1924 г.) и разгром украинского национального движения на Дальнем Востоке // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920—1950-е годы. Владивосток, 1997. С. 197—211; Он же. Национально-культурное развитие украинского населения Дальнего Востока в начале XX в. // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX веке. Владивосток, 1999. С. 30.

⁴ Чернолуцкая Е.Н. Товарищество «Дом польский» во Владивостоке (1917—1928 гг.) // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994. С. 74—86.

⁵ ГАПК Ф.86. Оп. 5. Д. 16.Л.16; Д. 8. Л. 76; Д. 16. Л. 17—18.

⁶ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1667. Л. 125, 127.

⁷ Красное знамя. Владивосток, 1930. 14 янв.

⁸ ГАПК. Ф. 86. Оп. 5. Д. 16. Л. 1—3, 20; Нафикова С. Владивостокская синагога в документах // Прикосновение к истории: Еврейская диаспора Дальнего Востока России. XIX—XXI вв. Владивосток, 2000. С. 20.

⁹ См.: Чернолуцкая Е.Н. Из истории закрытия синагоги в г. Владивостоке // История Сибири и Дальнего Востока. Красноярск; Иркутск, 2001. С. 120—125.

¹⁰ ГАПК. Справка-разработка архива «Из истории римско-католического костела в г. Владивостоке (конец XIX в.— 1935 г.)». Л. 1; РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1675. Л. 314.

¹¹ См.: Ефимова М.И., Чернолуцкая Е.Н. Владивостокский католический приход под прессом советской антирелигиозной политики (1920-е — середина 30-х годов) // Вопросы социально-демографической истории... С. 34—51.

¹² ГАПК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 4. Л. 40—43об.

¹³ См.: Чернолуцкая Е.Н. Последний пастор лютеранской кирхи // Комсомольская правда. 1993. 13 февр. (дальневосточная региональная вкладка).

¹⁴ ГАХК. Ф. 424. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.

¹⁵ ГАПК.Ф.86. Оп. 5. Д. 16. Л. 1—3, 17—18.

¹⁶ Там же. Д. 1. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 27, 30.

¹⁸ Там же. Ф. 25. Оп. 4. Д. 1. Л. 15—16об, 32об.; Ф. 86. Оп. 5. Д. 16. Л. 16; Д. 14. Л. 3.

¹⁹ Красное знамя. Владивосток, 1930. 28 янв.

²⁰ Там же. 1930. 31 янв.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп.4. Д. 1675. Л. 315; ГАПК. Ф. Р-25. Оп. 4. Д. 13. Л. 7, 13, 14.

²² ГАПК. Ф. Р-25. Оп. 4. Д. 13. Л. 4—5.

²³ Там же. Л. 1.

²⁴ Капран И.К. Религиозные общины японцев, корейцев и китайцев во Владивостоке в 20—30 гг. XX в. // Пятая Дальневосточная конференция молодых историков. Владивосток, 1998. С. 70.

- ²⁵ Жуковская Е.Н. «Обновленчество» на Дальнем Востоке на фоне раскола русской православной церкви в 20—30-е годы XX столетия // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 253—254.
- ²⁶ Вдовин А.И. Национальная политика 30-х годов: (Об исторических корнях кризиса межнациональных отношений в СССР) // Вестн. Московского университета. Сер. 8. История. 1992. № 4. С. 24.
- ²⁷ Местные Советы Приморья. Страницы истории: Сборник документов. 1925—1985. Владивосток, 1990. С. 37.
- ²⁸ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1439. Л. 47; Ф.Р-2413. Оп. 4. Д. 377. Л. 178об.
- ²⁹ Там же. Ф. Р-2
- ⁴¹³. Оп. 4. Д. 22. Л. 5, 33; Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 — конец 30-х годов). М.; Иркутск, 1995. С. 127—130.
- ³⁰ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 22. Л. 12, 15.
- ³¹ Вдовин А.И. Национальная политика 30-х годов... С. 34.
- ³² ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 6. Л. 124.
- ³³ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 147. Л. 283об., 339.
- ³⁴ Соловьев Ф.В. У истоков дружбы советского и китайского народов на Дальнем Востоке (1917—1938 гг.) // Исторические контакты России и Советского Союза с Китаем на Дальнем Востоке во второй половине XIX — первой половине XX в. Владивосток, 1986. С. 20.
- ³⁵ Там же. Л. 409—409об., 542.
- ³⁶ Там же. Д. 22. Л. 8.
- ³⁷ Там же. Д. 136. Л. 13.
- ³⁸ Там же. Л. 14.
- ³⁹ Там же. Д. 249. Л. 39—39об.
- ⁴⁰ Там же. Д. 377. Л. 270об.
- ⁴¹ Там же. Л. 204—204об.
- ⁴² Там же. Л. 413об.
- ⁴³ Соловьев Ф.В. У истоков дружбы... С. 20.
- ⁴⁴ Там же. Д. 1676. Л. 95а-96.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. Д. 1506. Л. 90.
- ⁴⁷ Там же. Д. 1677. Л. 1.
- ⁴⁸ Там же. Д. 1678. Л. 1—2.
- ⁴⁹ Там же. Л. 51.
- ⁵⁰ Там же. Л. 52.
- ⁵¹ Красное знамя. Владивосток, 1930. 20 июня.
- ⁵² Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 489.
- ⁵³ Цит. по: Губогло М.Н., Сафин Ф.Г. Принудительный лингвизм: Социо-лингвист. очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920—1930-е годы. М., 2000. С. 196.
- ⁵⁴ РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1506. Л. 95.
- ⁵⁵ Приморский край... С. 489.
- ⁵⁶ Бугай Н.Ф. Корейцы в СССР: из истории вопроса о национальной государственности // Восток. 1993. № 2. С. 151—156; Пак Б.Д. Корейцы в Советской России... С. 144—148.
- ⁵⁷ Вдовин А.И. Национальная политика 30-х годов... С. 36.
- ⁵⁸ Там же. С. 28—33; Губогло М.Н., Сафин Ф.Г. Принудительный лингвизм... С. 191—193.
- ⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1506. Л. 54.
- ⁶⁰ Красное знамя. Владивосток, 1930. 24 янв.; Ткаченко Г.И. К истории интернациональных связей между народами Советского Союза и Китая (1917—1949 гг.) // Становление советско-китайских отношений (1917—1950 гг.). Владивосток, 1987. С. 46.
- ⁶¹ Ткаченко Г.И. К истории интернациональных связей между народами Советского Союза... С. 46; Соловьев Ф.В. У истоков дружбы... С. 22.
- ⁶² Пак Б.Д. Корейцы в Советской России... С. 217.
- ⁶³ Красное знамя. Владивосток, 1930. 25 февр.; Соловьев Ф.В. У истоков дружбы... С. 20.
- ⁶⁴ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 45. Л. 212—230.
- ⁶⁵ Там же. Л. 189, 191—193, 198.
- ⁶⁶ Красное знамя. Владивосток, 1930. 13 янв.
- ⁶⁷ Там же. 1930. 12 февр. С. 4.
- ⁶⁸ Яковлева Е.В. Из истории борьбы дальневосточной партийной организации за интернациональное сплочение трудящихся советского Дальнего Востока // Материалы Второй Дальневосточной межвузовской научной конференции по истории советского Дальнего Востока, посвященной 50-летию Советской власти. Хабаровск, 1967. С. 100—101.
- ⁶⁹ Ткачева Г.А. В условиях неравенства: Иммиграция в Приморском крае в 20—30-е годы // Россия и АТР. Владивосток, 1993. № 2. С. 85.
- ⁷⁰ Красное знамя. Владивосток, 1930. 25 февр.
- ⁷¹ Приказ № 39 от 30 декабря 1922 г. «О реформе учебных заведений Приморской губернии в единую школу 1-й и 2-й ступени» // Вестн. Приморского ГУБОНО. Владивосток, 1922. № 2. С. 1.
- ⁷² Приказ № 17 от 7 февраля 1923 г. «О школах национальных меньшинств» и приложение к нему // Там же. 1923. № 6. С. 1—2.
- ⁷³ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 232. Л. 13, 14.
- ⁷⁴ Черномаз В.А. Украинцы Приморья // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999. С. 29.
- ⁷⁵ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 29. Л. 38.
- ⁷⁶ Просвещение среди нацмен: Инородческие школы // Вопросы просвещения на Дальнем Востоке. 1923. № 2. С. 159—160; Весь деловой и торговый Владивосток на 1924 год. Владивосток, 1924. С. 202; Березкина Н.И., Гуменок Ф.И., Ткалич А.П. От неграмотности ко всеобщему среднему образованию: Ист. очерк развития приморской общеобразовательной и профессиональной школы в 1917—1987 годах. Владивосток, 1991. С. 12.
- ⁷⁷ Рекк-Лебедев А. Дальневосточная Лифляндия: Эстонцы на уссурийской земле. Таллинн, 1989. С. 30—32.
- ⁷⁸ О частной школе в РСФСР: Из протоколов конференции завгубоно в Москве в октябре с. г. // Вестн. Приморского ГУБОНО. Владивосток, 1922. № 2. С. 17—20.
- ⁷⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 152. Л. 37—38.
- ⁸⁰ Там же. Л. 44—45, 58об.
- ⁸¹ Там же. Л. 44—45.
- ⁸² Там же. Оп. 4. Д. 99. Л. 42, 44—44об.

- ⁸³ Там же. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 125. Л. 70.
- ⁸⁴ Пак Б.Д. Корейцы в Советской России... С. 135—136, 141.
- ⁸⁵ Вестн. Приморского ГУБОНО. Владивосток, 1923. № 11. С. 1; Пак Б.Д. Корейцы в Советской России... С. 136.
- ⁸⁶ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 40. Л. 45об.; Д. 114. Л. 23; Пак Б.Д. Корейцы в Советской России... С. 138, 140; Ли С.Е. История приморских корейцев и современность // Многонациональное Приморье... С. 40.
- ⁸⁷ Кузин А. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы: Док.-ист. очерк. Южно-Сахалинск, 1993. С. 93.
- ⁸⁸ Губогло М.Н., Сафин Ф.Г. Принудительный лингвизм... С. 190.
- ⁸⁹ РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 20. Л. 39.
- ⁹⁰ Там же. Д. 152. Л. 9—12.
- ⁹¹ Там же. Оп. 4. Д. 377. Л. 414об.—415.
- ⁹² Там же. Оп. 2. Д. 735. Л. 220—221.
- ⁹³ Королева В.А. Хроника культурной жизни Владивостока 1923—1929 гг. Музыка. Театр. Кино. Владивосток, 2000. С. 6, 12, 13, 16, 17.
- ⁹⁴ Красное знамя. Владивосток, 1924. 2 июня.
- ⁹⁵ ГАХК. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
- ⁹⁶ Королева В.А. Хроника культурной жизни... С. 168, 178.
- ⁹⁷ Мизь Н.Г. «Север» и «юг» сошлись на востоке // Океанские вести. Владивосток, 2001. № 9. С. 14; Сведения о театре в Никольске-Уссурийском получены в фонде фотодокументов архива Общества изучения Амурского края.
- ⁹⁸ Дурасов А. Китайский театр // Красное знамя. Владивосток, 1938. 8 и 28 янв.
- ⁹⁹ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 241. Л. 35—36.
- ¹⁰⁰ Лидин В. Два театра // Красное знамя. Владивосток, 1937. 6 февр.
- ¹⁰¹ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 241. Л. 16—17, 35—36.
- ¹⁰² Там же. Л. 9.
- ¹⁰³ Красное знамя. Владивосток, 1937. 6 февр.
- ¹⁰⁴ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 189. Л. 9—10.
- ¹⁰⁵ Красное знамя. Владивосток, 1937. 6 февр.
- ¹⁰⁶ Там же. 1937. 15 марта.
- ¹⁰⁷ Там же. 1937. 15 марта, 15, 26 мая, 3 ноября; Кузнецов М.С. Дальневосточная партийная организация в борьбе за осуществление задач культурной революции 1928—1937 гг. Томск, 1971. С. 364.
- ¹⁰⁸ Кузин А.Т. Корейская эмиграция на русском Дальнем Востоке. 1860—1937: Дис.... канд. ист. наук. Владивосток, 2001. С. 194.

Глава 3. ВЛИЯНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙН НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРЬЯ (1946—1950-е годы)

3.1. ТРАДИЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СССР, ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ И НОВЫЕ ФАКТОРЫ МИГРАЦИЙ

Организованное переселение значительного количества людей на Дальний Восток составляло традиционную черту российского цивилизационного комплекса и отражало устоявшиеся традиции российской политической элиты разрешать возникавшие внутренние проблемы с помощью экстенсивных методов. Плановая и централизованная политика переселения на Дальний Восток всегда увязывалась с внешнеполитическими обстоятельствами, определяя преимущественно миграционные процессы. Она была направлена на укрепление демографического потенциала населения восточных районов России в довоенные годы. Война внесла свои коррективы в дальневосточную стратегию освоения, выдвинув на передний план укрепление обороноспособности, в том числе и восточных рубежей.

Модель советской переселенческой политики формировалась в условиях тоталитарного режима с учетом плановой хозяйственной системы и испытывала огромное воздействие геополитических факторов. Эти основные императивы советской переселенческой модели продолжали действовать и в 1940—50-е годы. Послевоенные ценности и стремление людей перейти к мирному образу жизни вносили определенную корреляцию в миграционные потоки, что особенно ярко проявлялось в желании вернуться в родные места, воссоединиться с семьей, родственниками.

Проблема переселения людей в годы второй мировой войны, а также в первое послевоенное десятилетие с точки зрения миграционной теории включает в себя большое число спорных вопросов. Например, какие формы переселений можно относить к миграционным процессам? Экстремальные условия во время войны, повлиявшие на судьбы миллионов гражданского населения и военнослужащих, оказавшихся не по своей воле в других регионах страны или на территории иных государств, заставляют рассматривать некоторые последствия войны с позиций миграциологии, но в историческом контексте.

Понять особенности взаимосвязей между советской переселенческой политикой и развитием национальных отношений, а также субъективных моментов миграционной подвижности национальных групп можно только на общем фоне неоднозначного и многоуровневого воздействия войны и ее последствий на ментальность советских людей, экономику регионов страны, на всю послевоенную советскую действительность.

Хотя «партийно-государственный абсолютизм» являлся главной регулирующей силой при переселении людей, в соотношениях организационных, мобилизационных и субъективных факторов происходили некоторые подвижки. В 1946—1950 гг. выделить этнический аспект в миграционных процессах было очень сложно. Во-первых, в советском политическом пространстве этническая идентификация выражалась через понятие «национальная принадлежность». Во-вторых, внутренний мир людей, сложившийся в условиях тоталитарной идеологии, способствовал тому, что мобилизация человека шла за счет приспособления к условиям жизни и этническое самосознание не имело важного значения, но тем не менее, индивидууму причислить себя к русским было удобно.

Для интеграционных процессов послевоенного времени была характерна своеобразная многослойность, вызванная разрывом между идеологией и реалиями повседневности. Так, И.В. Сталин, выступая на приеме в Кремле 24 мая 1945 г., поднял тост за здоровье русского народа. Как справедливо подчеркивает В.С. Барулин, «...любой тост — это всего лишь застольная речь, и подходить к ней с мерками политического выступления нельзя. Но тот тост был потом широко растиражирован, на него делались и делается столько ссылок, что вольно или невольно его приходится рассматривать как нечто большее, нежели застольный экспромт»¹. Нельзя не согласиться со Сталиным в его высокой оценке качеств русского народа (ясный ум, стойкий характер, героизм и терпение). Но рядом с русским народом также воевали и защищали страну представители всех национальностей.

По закону своеобразного социально-антропологического бумеранга политические высказывания И.В. Сталина влияли на поведение русского человека. На бытовом уровне русские стремились отвечать на все призывы партии, однако русский народ отличался значительной толерантностью, источником и способом которой являлось интернациональное воспитание. Оно влияло на формирование многонационального характера послевоенных переселенцев. Людей разных национальностей, организационно вовлеченных в миграционный процесс, объединяло общее эмоционально-психологическое состояние: они были переселенцами, или «новоселами», и с

позиции государственных органов представляли особую группу населения. Им предоставлялись определенные условия и «льготы» по сравнению со старожилами. У переселенцев разных национальностей была общая судьба: начать жить и трудиться на новой территории, знакомой им в основном по книгам, газетам и информации «вербовщиков».

В годы войны на Дальнем Востоке в отличие от Урала, Средней Азии, Сибири внешнеполитическое положение было напряженным в связи с растущей экспансионистской политикой японской военщины. Хотя СССР и Япония 13 апреля 1941 г. заключили пакт о нейтралитете, отношения между ними складывались далеко не на тех принципах, о которых говорилось в международном документе*². В Японии подписание пакта расценивали как дипломатический ход советского правительства.

О позиции Японии свидетельствовали следующие факты: в то время в генеральном штабе уже имелся оперативный план войны против СССР. Квантунская армия должна была захватить советское Приморье. На первом этапе предполагалось оккупировать Владивосток, Благовещенск, Иман (Дальнереченск), Куйбышевку-Восточную и район Рухлово, на втором этапе — Северный Сахалин, Петропавловск-Камчатский, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск, Советскую Гавань³.

Исследователи подсчитали, что в годы войны военнослужащие квантунской армии 779 раз нарушали сухопутную границу, а японские военные самолеты 443 раза — воздушную. Япония препятствовала советскому судоходству на Дальнем Востоке. Кроме того, только за 1942—1943 гг. японцы 48 раз обстреливали территорию СССР. За эти годы было зафиксировано 362 разведчика, работавших в интересах Японии. Внешнеполитическая ситуация на восточных рубежах определила незначительную степень эвакуации предприятий и населения на территорию приграничного региона.

На формирование миграционных процессов в послевоенные годы в Приморье оказали воздействие события и явления разного уровня. Война нарушала традиционные миграционные связи Дальнего Востока. В 1940 г. с Украины и Белоруссии в города Дальнего Востока (за исключением Приморского края) прибыло 9 тыс. чел., 1942 г. — ни одного, 1943 г. — менее 200 чел., 1944 г. — около 600 чел. Лишь в 1946 г. число прибывавших мигрантов превысило довоенный уровень. Если среди прибывших в Приморский край на долю украинцев в 1940—1941 гг. приходилось 33 %, то в 1943—1944 гг. — менее 1 %⁴. Население, эвакуируемое из оккупированных районов, оседало за Волгой, в Средней Азии, Сибири, т. е. там, где размещались эвакуированные промышленные предприятия.

Война, разъединив миллионы семей, обострила чувство родства и потребность в возвращении на старое местожительство. Экстремальные условия определяли поведение людей и становились одним из основных мотивов миграционного движения. Еще шла война, но люди уже стремились вернуться в родные места, освобожденные от оккупантов. К концу 1944 г., когда освобождение Украины от фашистских войск подходило к концу, среди приморских украинцев уже существовали настроения, связанные с возвращением на этническую родину. Стремление украинцев к переезду определялось разными субъективными причинами: патриотическими, семейными и др. Проследить причины переезда по существующим письменным источникам очень трудно**⁵. В заявлениях можно встретить и такие бытовые причины, как отрицательное влияние приморского климата на здоровье⁵.

Обстановка на Украине в 1944—1946 гг. была сложной, действовали остатки групп украинского националистического движения — ОУН, УПА. Штаб последнего дислоцировался в горно-лесной местности недалеко от г. Львова. В августе 1944 г. командование УПА дало принципиальное согласие на совместные с немецкой разведкой акции. ОУН проводил диверсионные работы в тылу советской армии***. В связи с этим идеологический аппарат и органы внутренних дел ввели проверку документов украинцев, желающих выехать в г. Киев. Эти меры распространялись и на украинцев, которые хотели покинуть Приморье и подавали заявления с просьбой откомандировать их в Москву. В Приморском крайисполкоме ВКП(б) все члены партии — украинцы были взяты на учет и составлены списки с указанием довоенного места проживания. Каждый подававший заявление тщательно проверялся на предмет идеологических и морально-психологических качеств и связей с родственниками, находившимися на Украине во время ее оккупации. Для получения разрешения первичными партийными организациями выдавалась характеристика, и только после тщательной проверки всех документов выдавалось разрешение на выезд в Киев или Москву.

Данную акцию в чистом виде трудно квалифицировать как этнический аспект в миграционной политике. Здесь больше действовал фактор политического режима в экстремальных условиях войны. Но факт составления списков именно украинцев (ведь в Киев и Москву могли выезжать не только они) позволяет говорить о наличии определенной степени национальных «предрассудков» у политического руководства. Выделить же национальный

* В историографии сложилась такая ситуация, когда до настоящего времени обе стороны обвиняют друг друга в недобросовестном исполнении условий пакта. Подробное рассмотрение причин и предмета спора не входит в нашу задачу.

** Основной источник — заявления членов ВКП(б) об их переводе.

*** Во время отступления немецких войск с Украины Канарис лично дал указание о создании националистических вооруженных банд для продолжения борьбы с советской властью, проведения террора и шпионажа. Специально для руководства ОУНовскими бандами Абвер оставил свою агентуру. В марте-августе 1944 г. в Ровенской, Винницкой областях ОУНовцы способствовали проведению террористических акций немецких фашистов, распространяли националистические листовки и воззвания. См. подробно: В. Заречный. Альянс ОУН — СС: Из архива КГБ // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 62.

Таблица 11

**Распределение переселенцев по национальности из числа демобилизованных
военнослужащих в Приморском крае в 1946 г.***

Районы вселения	Кол-во семей	Национальность глав семей переселенцев из демобилизованных								
		русские	%	украинцы	%	белорусы	татары	мордва	коми	цыгане
Ворошиловский	20	13		6				1		
Сучанский	4	3		1						
Ханкайский	54	25		28						1
Хорольский	7	3		3			1			
Черниговский	68	51		15			2			
Чкаловский	36	22		9		1		2	2	
Чугуевский	14	11		1			1	1		
Яковлевский	13	10		2						
Итого	216	138	63,9	65	30	1	5	4	2	1

Таблица составлена на основе источника: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2 Д.1, 10. Л. 1—10.

(этнический) аспект в миграционных процессах в послевоенный период довольно сложно, так как зачастую он существовал только в глубине общественного сознания и открыто в повседневной жизни редко проявлялся. «Национальный компонент» миграционных перемещений людей в 1946 г. — начале 50-х годов вплетался в ментальные явления, нормы поведения, которыми руководствовались советские люди.

Письменные источники сохранили лишь информацию о национальном составе прибывавших в Приморье. Завершились Великая Отечественная и вторая мировая войны, и начался процесс демобилизации. Бывшие военные возвращались в край. Это естественное перемещение людей дополнялось централизованным переселением демобилизованных в сельскую местность Приморья. Хотя план переселения правительством официально не был утвержден, но оно началось уже в первый послевоенный год. В органы управления по переселению поступили заявления о желании переехать в Приморский край из 53 областей. В 1946 г. прибыли первые 216 чел. из числа демобилизованных (табл. 11).

Данные таблицы показывают, что среди прибывших преобладали русские семьи (63,9 %), украинцев было в два раза меньше. Украинцы приезжали в основном из Черниговской и Харьковской областей. Краевые органы власти вселяли их в Черниговский район Приморского края. В целом доля украинцев в формировании сельскохозяйственного миграционного потока на Дальний Восток в первое послевоенное десятилетие по сравнению с довоенным значительно снизилась. В рассмотренном «сегменте» демобилизованных украинцы составляли 1/3 переселенцев. Возрастной состав глав русских семей первого послевоенного года отличался повышенной долей людей старшего возраста — кому было за 34 года составляли 52 %, а от 20 до 33 лет — 47 %⁶.

В украинских семьях эти возрастные группы были представлены почти поровну. Среди молодого поколения украинцев в первый послевоенный год появилось стремление найти лучшие условия жизни. Необходимо учитывать и идеологическое влияние на молодежь при знакомстве с «вербовщиком» из переселенческих органов.

Путь с Украины в Приморье был долгим, по воспоминаниям переселенцев, — около 1—1,5 месяцев. Ехали в переполненных теплушках, везли с собой предметы повседневного быта и даже мелкую живность.

Среди «демобилизованных новоселов», прибывших в 1946 г., было 5 татарских, 4 мордовских семьи, 2 семьи — коми, 1 семья — цыганская. Многонациональный состав переселенцев характерен в послевоенное время, но в меньшей степени, чем до войны. Хотя прямых политических директив на счет регулирования национального состава при заселении пограничного региона не было, переселение шло в рамках идеи дальнейшего укрепления демографического потенциала Приморья и закрепления рабочей силы. Анализ ряда документов показывает, что при наборе «новоселов» политическое руководство в 1948—1949 гг. предпочтение отдавало русскому населению.

Национальный состав переселяющихся в Приморье не регулировался какими-то специальными документами* (современный уровень источниковой базы заставляет нас реконструировать историческую картину на основе этой методологической предпосылки), но органы власти при регистрации отмечали национальность. Мы обработали списочный состав глав 356 семей, используя данные «журнала учета переселенцев» (табл. 12).

В 1948—1949 гг. проявилась тенденция первого послевоенного года — в колхозы Приморья приезжали в основном русские семьи. Данные журналов регистрации переселенцев свидетельствуют, что русские составляли до 80 % всех семей. Национальный состав переселенцев не определялся плановыми и другими властными органами послевоенного времени. Географический ареал «мест набора» устанавливался в рамках реализации концепции «организованных форм переселений» — детища плановой системы. Довоенный опыт «принудительных миграций» оказывал свое влияние на послевоенную стратегию в основном при установлении контрольных

* Места выхода переселенцев: Смоленская область, Кировская область, Алтайский край, Челябинская область, Волгоградская область, Костромская область, Харьковская область УССР, Черниговская область УССР.

Таблица 12

Национальный состав переселенцев, прибывших в колхозы Приморья в 1948—1949 гг.

Районы	Всего семей	Национальность глав семей переселенцев					
		русские	украинцы	белорусы	татары	мордва	чуваши
Буденновский	11	2	-	-	-	9	-
Ворошиловский	62	69	2	-	-	1	-
Молотовский	120	86	2	-	-	32	-
Пожарский	20	16	-	-	1	2	1
Хорольский	120	118	2	-	-	-	-
Яковлевский	23	6	-	-	-	17	-
Всего	356	287	6	-	1	61	1

Таблица составлена на основе источника: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2 Д.6. Л. 1—93.

Таблица 13

Возрастной состав глав семей переселенцев 1948—1949 гг. (в %)

Возраст	Русские	Мордва, чувашы, татары
От 18 до 32 лет	33,4	44,8
33 года и старше	66,6	55,2

Таблица составлена на основе источника: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 6. Л. 1—93.

Таблица 14

Национальный состав глав семей переселенцев 1950 г.

Национальность	Количество прибывших	В % к числу всех обследованных
Русские	373	34,2
Украинцы	666	61,2
Молдаване	1	
Белорусы	-	
Татары	7	
Мордва	27	2,4
Чуваши	11	1
Марийцы	3	
Итого	1088	

Таблица составлена на основе источников: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 8. Л. 2—26; Д. 9. Л. 2—83, 89—92, 93—102.

цифр и выборе мест набора переселенцев. Для «переброски» людей в колхозы Приморья были определены Пензенская, Курская и Ульяновская области. Ульяновская область дала почти 18 % мигрантов — народов Поволжья, которых расселяли дисперсно по шести районам края. Например, «новоселы» такой национальности, как мордва, были направлены в три района: Пожарский, Яковлевский и Буденновский. В шесть районов края прибыли 1541 чел. разной национальности. В табл. 13 приводится возрастной состав глав семей переселенцев — народов Поволжья в сравнении с русскими новоселами.

Молодое поколение мордвы, чувашей, татар в большей степени было подвержено стремлению покинуть родные места, чем старшее, отличавшееся консерватизмом и оседлостью. В 1948—1949 гг. среди глав русских семей преобладали лица более старшего возраста, а среди переселенцев из народов Поволжья процент молодых новоселов был выше, чем среди русских. Таким образом, старшее поколение мордвы, чувашей, татар, как и украинцев, в первые послевоенные годы было более консервативно, менее подвержено перемене места жительства. Для русских возраст при перемене места жительства в первые послевоенные годы не имел значения, а преобладание группы старшего возраста свидетельствует о высокой миграционной подвижности русских.

В 1950 г. в сельскохозяйственном организованном переселении в Приморье стали преобладать новоселы-украинцы, в край прибыло 1968 семей. По данным «журналов учета переселенцев» удалось установить национальность 1088 глав семей (см. табл. 14)⁷.

В 1951—1953 гг. в организованном переселении в колхозы и совхозы края также преобладали украинцы (см. табл. 15,16). В технократической концепции освоения Приморья украинцам отдавалось предпочтение как работникам сельскохозяйственного производства.

В 1950—1953 гг. среди сельских «новоселов» в Приморье преобладали украинские семьи, на втором месте — русские, на третьем — белорусские, но с большим отрывом. В целом по Дальнему Востоку в 50-е годы

Таблица 15

Национальный состав глав семей прибывших в Приморский край в 1952 г.*

	Количество прибывших, чел.	В % к числу обследованных глав семей
Обследовано всего,	642	100
в том числе:		
русские	128	19,9
украинцы	496	77,2
белорусы	3	
татары	2	
мордва	2	
чуваши	1	
не указана национальность	7	1,09

Таблица составлена на основе источников: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 8. Л. 74—78; Д. 12. Л. 30—47; Д. 15. Л. 2—6, 8—20.

Таблица 16

Национальный состав глав семей переселенцев, прибывших в районы Приморского края в 1953 г.

	Количество прибывших, чел.	В % к числу обследованных глав семей
Обследовано всего,	922	100
в том числе:		
русские	170	18,4
украинцы	693	75,1
белорусы	44	7,7
молдаване	1	
татары	5	
мордва	5	
чуваши	2	
марийцы	5	

Таблица составлена на основе источников: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 9. Л. 2—83, 89; 93—102; Д. 11. Л. 1—14, 25, 31, 60—68; Д. 15. Л. 2—11, 10—13, 78.

наблюдалась тенденция снижения численности переселенцев с Украины⁸ — явление, которое можно отнести к одной из особенностей влияния национального (этнического) аспекта на состав мигрантов, в том числе и на национальную структуру населения Приморского края.

В 1954—1955 гг. по сравнению с 1950 г. удельный вес украинских семей в составе организованных переселенцев, прибывших в села и деревни Приморья, снизился как за счет повышения доли русских с 19,9 до 36,9 %, так и за счет увеличения численности новоселов из народов Поволжья. Возрастной состав глав украинских семей по сравнению с 1948—1949 гг. почти не изменился; в сельскохозяйственном переселении по-прежнему принимали активное участие люди старшего поколения.

В 1950 г. вновь увеличился процент переселенцев из Полтавской, Киевской и Житомирской областей (см. табл. 14). «Новоселы» переселялись в основном в сельскохозяйственные районы Приморья, в то же время организованные мигранты из Кировской, Орловской областей (почти все русские) были расселены в северном Тернейском и Гродековском пограничном районах. В 1953—1954 гг. в Гродековский район стали вселять и украинцев. Подобная география расселения дает возможность предположить, что политическое руководство и органы управления в стратегии заселения делали ставку все-таки на славянское население (русских и украинцев). Например, в пограничный Хасанский район прибыли в 1952 г. из Полтавской области 56 украинских семей (311 чел.)⁹.

География расселения показывает, что украинцы вселялись в традиционные районы, где их концентрация была достаточно высокой¹⁰. До войны самым «украинским» районом был Хорольский, где в 1939 г. проживали 9071 украинец, 7 973 русских, 137 белорусов, 54 мордвы, 38 татар, 76 евреев, 19 чувашей, 46 немцев, 5 молдаван, 17 поляков, 11 казахов. В этом многонациональном районе 51,7 % населения составляли украинцы. В 1950—1953 гг. в район были вселены 260 семей (по неполным данным). В Черниговский район, где украинцы в 1939 г. составляли 33,2 %, прибыли 215 украинских семей; в Спасском районе до войны представители этой национальности составляли 34,9 %, в 1950 г. прибыли 83 семьи^{**11}; подобное наблюдалось и в Яковлевском районе. Однако украинские переселенцы направлялись и в села, где концентрация людей этой национальности

* Обследовано ¼ семей мигрантов от планового переселения.

** Во Владивостокском районе в 1939 г. проживали 25 355 украинцев, но их доля в составе всего населения составляла лишь 12,2 %.

была незначительной, например, в Михайловский район. В 1950—1951 гг. сюда прибыли переселенцы в основном из Киевской области¹². В 1951 г. здесь поселились (119 сем.), главы которых были украинцы. На третьем месте (после русских и украинцев) находились мордва, но процент их в рассматриваемом переселенческом потоке был незначительный (см. табл. 15—16).

Главы семей мигрантов, прибывших в 1953 г. из Полтавской области и вселенные в Хорольский районы, а также из Черниговской и Полтавской областей — в Буденновский район отличались тем, что по возрасту были старше (более 34 лет), чем в среднем по районам края, и составляли 59,1 %. Среди украинских переселенцев преобладало женское население (56,7 %), что было естественно после войны. Из районов Украины, где продолжали существовать социально-экономические трудности, ехали колхозники, рабочие¹³.

На Дальнем Востоке Приморский край представлял территорию, куда в 1951—1960 гг. приехало наибольшее число сельскохозяйственных переселенцев. В 1951—1955 гг. их было 1/3 от всех мигрантов, в 1956—1960 — 36,7 %. Всего за этот период переселились 22 тыс. семей (1951—1955 — 12 тыс., 1956—1960 гг. — 10 тыс.). Преобладание украинцев в составе сельских мигрантов наиболее ярко проявилось в 1950—1956 гг.

Существующая источниковая база (журналы регистрации переселенцев, отчеты начальников эшелонов, отчеты отделов по переселению) не содержит материалов, которые позволили бы создать социологическую картину мотивов, причин, толкавших людей переселяться в далекое Приморье. Лишь из воспоминаний «новоселов» она становится очевидной — нищета и голод военных и послевоенных лет заставляли целые семьи ехать через всю страну. «Нищета и голод» не имели национальной окраски. Например, Г.П. Оврах (ныне канд. ист. наук, профессор ДВГУ), приехавший в 1950 г. в составе семей переселенцев из Житомирской области в деревню Сиваковка Хорольского района, вспоминает: «...после того как родители получили единовременное пособие, они купили много хлеба, которым заполнили всю тумбочку. Когда четыре украинские семьи приехали в деревню, — продолжает рассказ Г.П. Оврах, — то навстречу нам вышли сельчане-старожилы, которые организовали теплый прием, накрыв столы!» Больше всего ему, 9-летнему мальчишке, запомнился белый хлеб: «Тогда я узнал, что существует не только черный хлеб, но и белый»¹⁴.

Значительное влияние на миграционную подвижность советских людей оказал организованный набор. При заселении российского Дальнего Востока в 30-е годы он составил 27,5 %, в 40-е — 21,8 %¹⁵.

Параллельно с сельскохозяйственным переселением правительство осуществляло «перевоскроску» промышленных кадров для предприятий рыбной промышленности Приморья. В 1946 г. был организован дальневосточный трест «Востокрыбпромкадры», подчинявшийся Наркомату рыбной промышленности СССР. Трест находился во Владивостоке, осуществлял финансово-оперативное управление по «вербовке» кадров, отвечал за прием рабочих, прибывавших из центральных и западных районов, проводил оргнабор в пределах Приморского и Хабаровского краев. Во Владивостоке на Второй Речке находился сборный пункт. Прибывавшие «по вербовке» проходили здесь медицинский осмотр, им выдавались документы о допуске к работе в пищевой промышленности. Трест выполнял и ряд других функций, связанных с обслуживанием транзитных «вербованных рабочих», ехавших либо в отпуск, либо на место работы. Это была мощная контора, имевшая свои штаты, подсобные помещения, общежития (бараки) для размещения рабочих.

В 1952 г. распоряжением Совета Министров СССР (№ 236 от 18.VII.1952 г.) Владивостокская контора «по вербовке рабочей силы» стала подчиняться всесоюзной «конторе по вербовке и набору рабочей силы» (Союз рыбпромкадры). В 1957 г. произошла новая реорганизация — контору Дальпромкадры перевели в подчинение Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР. «Организационный фетишизм», централизм, исполнение инструкций составляли основу деятельности органов управления переселенческими потоками. В мероприятиях по «перевоскроске» людей на Восток было занято значительное число советских управленцев. Самый яркий пример — «Дальпромкадры». В эту структуру входили финансовые, коммунальные службы, культурно-просветительные учреждения, здравпункты и т. д. Таким образом, в пути следования или на первом этапе обустройства контора полностью занималась мигрантами, обеспечивая рабочих и специалистов денежным довольствием в период прибытия. Существовала целая сеть уполномоченных для оргнабора в Ленинграде, Астрахани, Баку, Одессе, Краснодаре, Ростове-на-Дону, но все они были в ведении Московского отделения. Оргнабор представлял собой систему соответствующих структур с мощным финансированием и организационных планированных акций, которые включали идеологический контроль и целый набор форм по обслуживанию рабочих, направляемых на Восток.

В период оргнаборов велся строгий контроль за выполнением планов. В 1947—1949 гг. министру рыбной промышленности восточных районов лично А. Захарову каждые пять дней докладывали о ходе событий. Если в сельскохозяйственном переселении правительство «сделало установку» на семейных мигрантов, то при оргнаборе в рыбную промышленность была дана директива «привлекать одиночек». В определенные организации Приморья вербовались только одиночки¹⁶. Планы переселения корректировались в соответствии с нарядами Министерства трудовых резервов.

В 1949 г. на Дальний Восток для работы в рыбной промышленности выехали 16 тыс. чел. из Астраханской, Иркутской, Куйбышевской, Новосибирской, Омской, Саратовской областей, Краснодарского и Красноярского краев; на Украину приходилось 12,5 % «промкадров»¹⁷. Нужно отметить, что среди мигрантов с Украины

были не только украинцы, поэтому доля этой национальной группы, прибывшей для работы в рыбной отрасли, была еще ниже.

Сельскохозяйственное переселение в 1946 г. — начале 50-х годов в Приморье проходило на фоне общей послевоенной передислокации войск. Война с Японией привела к значительной концентрации военнослужащих на Дальнем Востоке. В 1945 г. сюда было переброшено 40 дивизий. На созданных здесь трех фронтах числилось 80 дивизий и несколько отдельных частей. Группировка войск насчитывала 1,5 млн. чел., т. е. $\frac{1}{4}$ всего населения региона¹⁸. По окончании второй мировой войны, после капитуляции Японии, часть военных, пройдя демобилизацию, осталась на Дальнем Востоке. Они обзаводились семьями или перевозили свои семьи из других регионов страны. Кроме того, в Приморье переселялись семьи военнослужащих Дальневосточного военного округа.

В итоге уже в первом послевоенном году механический прирост населения в Приморском крае увеличился в 4,6 раза, в том числе в городской местности — в 4,2 раза (+46,0 тыс. чел.), во Владивостоке — в 5,7 (+23,5 тыс. чел.), в Уссурийске — в 8,7 (+7 тыс. чел.)¹⁹. В 40—50-е годы военнослужащие, демобилизованные из армии, составляли 17—18 % трудоспособного мужского населения. Доля женщин в 40-е годы равнялась 1,2 %.

Демобилизацию из многонациональной советской армии нельзя отнести к формам миграции, но вследствие этой акции в Приморье оставались русские, украинцы, белорусы, мордва, татары, удмурты*. Кроме того, часть мигрантов приезжала «самотеком» (примерно 40—45 % от всех приезжих). Источники по данной группе «новоселов» не позволяют проследить их национальный состав.

Новым фактором, оказавшим положительное влияние на миграционный приток населения в Приморье во второй половине 50-х годов, стало развитие высшего образования, открытие вузов, потребовавших специалистов-преподавателей, большая часть которых приезжала по распределению из Москвы, Ленинграда и других центральных городов. Распределение специалистов в советское время представляло собой специфическую форму миграции. Первым вузом, открывшимся во Владивостоке в 1950 г., был Дальневосточный технический институт рыбной промышленности, 1954 г. — Уссурийский пединститут, 1957 г. — Уссурийский сельскохозяйственный, в 1958 г. — Владивостокский медицинский институт, в 1956 г. был восстановлен Дальневосточный государственный университет.

Система распределения специалистов с высшим образованием определила судьбу многих советских граждан, попавших в Приморье по распределению. Среди преподавателей, приехавших в ДВГУ, был С.Г. Григорьев — воспитанник московской школы медиевистов, чуваш по национальности, в дальнейшем — житель и патриот Приморья. М.Н. Тиличенко, уроженец деревни Блюдницы Гомельской области Белоруссии, демобилизовался в 1945 г., начал работать в Саратовском университете, в 1959 г. возглавил кафедру органической химии в ДВГУ. П.А. Мотавкин, уроженец Ярославской области, заслуженный деятель науки, автор фундаментальных работ по нейробиологии. Закончил лечебный факультет Ярославского мединститута (1952 г.). С 1957 г. живет в Приморье. Опубликовал более 200 статей, 10 монографий, имеет шесть авторских свидетельств; открыл паронейрокринный и интимальный механизмы регуляции мозгового кровообращения (совместно с В.М. Черток), интраспинальный эндокринный орган (совместно с доц. А.П. Бахтиновым). В 1955 г. Э.В. Шавкунов, закончив ЛГУ, стал сотрудником Отдела истории, археологии и этнографии ДФ СО АН СССР и первым начал разработку проблем, связанных с изучением бохайских памятников в Приморье. Этот список можно продолжить, рассказывая о судьбе тех, кто приехал в край в 50-е годы и всю жизнь посвятил его изучению, хозяйственному освоению, экономическому развитию, подготовке кадров высшей квалификации.

В конце 1950-х годов миграционные потоки в Приморье значительно «помолодели» по сравнению с первыми послевоенными годами — 40 % прибывших и убывших имели возраст от 20 до 29 лет. Для иммигрантов края было типично преобладание мужского населения над женским, что объяснялось отраслевой структурой его хозяйства. Доля молодежи увеличилась за счет сокращения доли сельскохозяйственных переселенцев, организации вузов, а также «общественных призывов» политического руководства** поехать на стройки и предприятия восточных районов. Только по общественному призыву 1956 г. в Приморье приехали 4,9 тыс. чел.²⁰ на строительство порта в г. Находке, реконструкцию Владивостокского порта, на строительство завода железобетонных изделий в г. Артеме. Например, на промышленное строительство в пос. Большой Камень (судоремонтного завода «Звезда» и завода по достройке подлодок «Восток») была направлена молодежь из Грузинской ССР, на строительство промышленных объектов г. Владивостока — молодые рабочие из Армянской ССР и Московской области²¹.

Таким образом, в 1946—1950-е годы продолжались традиции формирования многонациональных коллективов, однотипной социальной структуры населения. Формы миграции к концу 50-х годов были весьма разнообразны, но их объединял политический организационный характер.

* В официальных данных переписи 1959 г. ввиду немногочисленности представителей чувашского и удмуртского народов данные о них отсутствуют. Среди демобилизованных (авт. А.С. Вашук) был и мой отец-удмурт Возисов С.С., уроженец д. Туканово Сумсинского района Удмуртской АССР, участник Великой Отечественной войны, принимал участие в военных операциях против Японии. После службы в Порт-Артуре вернулся в пос. Кавалерово по месту жительства жены, моей матери (родилась в 1913 г. в Кавалерово в семье переселенцев из Краснодарского края). Военная часть, где служил отец в 1940—1950 гг., дислоцировалась в Кендухе (Горнореченск) Тетюхинского района. В 1952—1954 гг. приехали еще пять семей демобилизованных офицеров, служивших вместе с отцом в Порт-Артуре и ранее женившихся на уроженках пос. Кавалерово.

** Постановления КПСС и Совета министров СССР от 17 мая 1956 г.

Таблица 17

Динамика прибытия и выбытия населения Приморского края в 1950—1958 гг. (тыс. чел.)

Годы	Прибыло	Выбыло	Механический прирост	% выбытия по отношению к прибытию
1950	133,5	100,4	32,3	75,5
1951	151,5	109,8	23,7	82
1952	151,7	110,5	41,2	72,5
1953	173,5	146,7	27,8	84
1954	172,5	136,2	36,7	78,8
1955	175,8	161,6	14,2	92
1956	173,5	150,7	22,8	86,8
1957	163,3	149,0	14,3	91,2
1958	157,0	252,0	21,1	16,0

Источники: ГАПК. Ф. 510. Оп. 33. Д. 296. Л. 43; Ф. П-68. Оп. 104. Д. 85. Л. 21.

Миграция как форма воспроизводства населения в СССР превращалась в способ экстенсивного труда в Приморье. Она способствовала промышленному освоению, развитию образования, науки, созданию собственных кадров. Но в то же время в 50-е годы существование, а порой и преобладание организованных переселений привело к слабой ориентации людей на поиск через миграцию прочного, устойчивого на многие годы места жительства и работы. Регулирование органами власти мест вселения определило дисперсное расселение по национальному признаку и формирование многонациональных коллективов.

Важной чертой миграций 1946—50-х годов являлось традиционное партийно-государственное регулирование в соответствии с идеологией ресурсного освоения края. Переселение протекало на фоне дефицита трудовых ресурсов и большого «обратничества». Миграция, основанная на советских традициях, несла в себе заряд определенной независимости от этничности народов, которые вовлекались в миграционный поток. В результате созданной централизованной системы управления и контроля за распределением промышленных кадров, молодых специалистов, сельскохозяйственных переселенцев трудовые ресурсы Приморья значительно увеличились (см. табл. 17).

Несмотря на огромные средства, которые вкладывало советское государство на переброску людей в Приморье, механический прирост не был постоянным, имел волнообразный характер. Достигнув максимальной цифры в 1952 г. (41,2 тыс. чел.), он снизился до 14,3 тыс. чел. в 1957 г.

К 1958 г. мигрирующее население в крае составило 23 % от среднегодовой численности. Большое движение населения наблюдалось как в городах — Владивостоке, Находке, так и в северном Кавалеровском районе и в сельских районах — Калининском, Октябрьском, Ольгинском, Хасанском, Шкотовском (от 30 до 25 % к среднегодовой численности)²². Примечательно, что впервые за послевоенные годы в Приморье была зафиксирована внешняя миграция, в 1958 г. она составила 0,1 %²³.

Следствием советской миграционной политики явилось некоторое увеличение численности рабочих и служащих в Приморском крае*: в 1945 г. она составила 224 тыс. чел., в 1950 г. — 302 тыс., в 1955 г. — 349 тыс. Рост численности за десятилетие по краю достиг 156 %, по дальневосточному региону — 197, РСФСР — 170 %. Однако в 1950-е годы темпы миграционного роста населения Приморского края, как и других регионов Дальнего Востока, были невысокими. На долю миграционного прироста на Дальнем Востоке (без Якутии) приходилось 390 тыс. чел., поскольку средняя величина естественного прироста населения в регионе была выше (25 %), чем в СССР (не более 17,5 %). Темпы роста населения Дальнего Востока, в том числе Приморья, за счет естественного прироста в те годы были выше, чем по стране, на 66 %. Механический прирост населения в Приморском крае в первой половине 50-х годов имел тенденцию некоторого чередования: рост сменялся падением (см. табл. 17)²⁴. Для 1950—1955 гг. была характерна тенденция роста выбытия населения по отношению к прибытию: 75,5 % — в 1950 г., 82,5 — 1951 г., 72,5 — 1952 г., 84,0 — 1953 г., 78,8 — 1954 г. и 92 % — 1955 г.

В первой половине 50-х годов отношение естественного прироста к миграционному было как 1:1, а во второй — миграционный прирост стал отрицательным. В 50-е годы Приморский край среди других дальневосточных регионов стоял на первом месте по естественному приросту населения. Например, на Камчатке в общем увеличении населения на долю естественного прироста приходилось 43 %, в Магаданской области — 57, Хабаровском крае — 55, в Приморском — 70 %²⁵.

Численность переселенцев с Украины продолжала снижаться, но появились трудовые мигранты из Грузии и Армении.

* Безусловно, рост численности произошел не только за счет оргнабора, но и других источников, которые уже проанализированы исследователями. См.: Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке СССР (40 — 60-е годы). Владивосток, 1991. С. 22—23.

Этнический аспект миграции в послевоенный период в дальневосточном регионе в наиболее яркой форме был выражен на территории Южного Сахалина, когда в соответствии с директивами советского правительства в октябре 1946 г. здесь началась массовая репатриация японского населения, а в сентябре 1947 г. — на Курильских островах.

Другим проявлением этничности в миграционных процессах в 1946—50-е годы на Дальнем Востоке стала корейская проблема. Корейский сегмент в миграциях в тот период имел две составляющие, которые были обусловлены факторами и причинами формирования корейского населения. Весь спектр причин можно условно разделить на внутренние общественно-политические и внешние императивы.

Формирование первой группы корейского населения в те годы, хотя и крайне малочисленной, связано с советским опытом привлечения северных корейцев в качестве рабочей силы, в частности в рыбную промышленность Дальнего Востока. Привлечение северо-корейских рабочих можно рассматривать в контексте внешнеполитических предпосылок (миссия советской армии в Северной Корее в 1945 г., создание здесь советской гражданской администрации). В 1945—1946 гг. между СССР и Северной Кореей установились достаточно тесные политические и экономические отношения. Оказывал влияние и фактор непосредственного внутреннего положения в Северной Корее, где господствовала высокая безработица²⁶.

Следующий комплекс причин замыкается на традициях экстенсивного пути хозяйственного развития Дальнего Востока. Привлечение рабочих из другого государства, где политический и экономический порядок устанавливался под влиянием СССР и по советскому образцу, советское правительство, учитывая все обстоятельства, стало рассматривать как вполне приемлемый вариант разрешения трудностей в области трудовых ресурсов*.

В 1946—1947 гг. между правительствами СССР и КНДР были заключены двусторонние соглашения о привлечении корейцев на работу в рыбную промышленность Дальнего Востока. Это был один из первых опытов использования иностранной рабочей силы в регионе. В документах тех лет такое явление получило название «вербовка кадров»**. По решению Совета Министров СССР на Дальний Восток в 1947 г. предстояло завербовать 22 тыс. корейских рабочих, а общие затраты на «вербовку» определялись в 60 млн. руб. в корейской валюте. Были определены и сроки их доставки из портов Кореи: март — 3 тыс. чел., апрель — 8 тыс. чел., май — 11 тыс. чел. Предполагалось, что с ними придут 30 тыс. членов семей²⁷.

Вербовка из КНДР проводилась по трудовым договорам на срок три, два и один год (сезонно). При условии трехгодичного договора предусматривалось даже частичное распределение льгот по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. В частности, корейским рабочим выплачивали 10-процентную надбавку к основной заработной плате по истечении каждых шести месяцев работы и давали дополнительный отпуск (18 рабочих дней). В целях закрепления корейских рабочих на более длительные сроки (в соответствии с постановлением Совета Министров от 2 июня 1948 г.) при заключении трехгодичных договоров выплачивалось единовременное пособие в размере 900 руб. с сохранением вышеуказанных льгот. По договорам, которые заключались на один-два года, такие льготы не давались. Министерство морского флота обеспечивало перевозку рабочих из портов Кореи в дальневосточные пункты по согласованию с Министерством рыбной промышленности восточных районов СССР. Мигранты имели право производить денежные переводы семьям в пределах 50 % заработка, а также единовременный обмен советской валюты на корейскую по окончании трудового договора. Обмен валюты производился по справкам директоров предприятий. В 1947 г. обменные пункты действовали в городах Петропавловске-Камчатском, Северо-Курильске, Южно-Сахалинске, Александровске-Сахалинском, Владивостоке, Хабаровске и Николаевске-на-Амуре.

Были организованы пункты по приему и оформлению денежных переводов от предприятий и организаций, которые выдавались адресатам в Корее через Корейский банк. Во Владивостоке наряду с другими городами Сахалина и Хабаровского края существовали пункты приема и отправки почты корейских рабочих.

29 сентября 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по обеспечению вывоза рыбопродукции с предприятий рыбной промышленности Дальнего Востока», на его основе Министерству рыбной промышленности восточных районов СССР разрешалось в сентябре-октябре 1947 г. направить во Владивосток 1500 рабочих-корейцев из числа работающих на рыбокомбинатах Приморья и Сахалина, чтобы задействовать их во Владивостокском рыбном порту на разгрузке рыбопродукции и уборке территории порта²⁸. В том же году из числа корейцев, проживавших на территории Казахской ССР, было отобрано около 300 переводчиков, которые направлялись для работы на предприятиях рыбной промышленности Дальнего Востока. Это были первые возвращенцы после их принудительного массового выселения с Дальнего Востока²⁹.

В феврале 1947 г. Совет Министров СССР рассмотрел вопросы обеспечения корейских рабочих жильем, питанием и др.³⁰ В апреле 1948 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о политической и культурно-просветительной работе среди корейцев, занятых в промышленности. Таким административным путем северные корейцы во-

*13 апреля 2001 г. нам удалось побеседовать с В.С. Михайловым, профессором ДВГУ, доктором юридических наук, работавшим в МИДе. Он рассказал, что в начале 50-х годов в ЦК КПСС был подготовлен проект привлечения китайских рабочих на Дальний Восток, но после заключения МИДа, был отклонен. Об этом пишет также М.И. Сладковский в кн. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). М., 1977. С. 216—217.

** Данный термин применялся как к советским, так и иностранным (корейским) гражданам.

влекались в советскую повседневность. Северокорейские рабочие в течение 10 лет по договорам трудились на предприятиях рыбной промышленности, преимущественно на Сахалине, и через культурно-просветительную и идеологическую работу подвергались «воспитанию», как и советские переселенцы.

В 1958 г. правительство КНДР потребовало возвращения на родину своих граждан. В связи с этим Совет Министров СССР распоряжением от 5 июня 1958 г. обязал Совет Министров РСФСР в течение 1958 г. произвести отправку корейских граждан³¹. На предприятиях Приморского совнархоза корейских рабочих было занято меньше, чем в других районах Дальнего Востока. С мая по декабрь 1959 г. с предприятий Приморского совнархоза было отправлено 888 чел. (в том числе 323 глав семей и 565 членов семей). В КНДР через контору Дальпромхоза было отправлено всего 10527 корейцев: в 1958 г. — 712 чел., в 1959 г. — 9815 чел. К решению вопроса по отправке корейцев были привлечены различные министерства и ведомства, в том числе и Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете министров РСФСР, Министерство морского флота, министерства финансов, торговли, здравоохранения, а также Приморский совнархоз. Был определен порядок отправки и следования рабочих в порты Находка или Владивосток в сопровождении представителя соответствующего совнархоза. Передача корейских рабочих производилась на ст. Посыет представителям КНДР под руководством управляющего конторы «Дальпромкадры» Н. Долгова и представителя совнархоза.

К сожалению, полные данные о северных корейцах, работавших на предприятиях Приморья, нами не обнаружены. По сведениям управленцев «Приморрыбпрома», на предприятиях края к 1957 г. было приписано и «проживало» 700 северокорейцев, считая членов их семей. Многие из них были женаты на советских женщинах, имели детей, свои дома, и «желающих среди них выехать в Северную Корею было очень мало»³². На 1 июля 1960 г. на предприятиях «Приморрыбпрома» осталось всего 102 гражданина КНДР, из них 15 рабочих, 48 иждивенцев; изъявил желание выехать на родину один человек, не имевший семьи³³. Можно предположить, что они либо приняли советское гражданство, либо оставались с корейским гражданством (позже в 1969 г. в Приморье проживало 164 гражданина КНДР³⁴) и влились в общую этническую группу корейцев, число которых увеличилось за счет «возвращенцев» из Средней Азии. По данным конторы «Дальпромкадры», вывоз северных корейцев на родину в 1960—1961 гг. уже не производился³⁵.

Следующая составляющая формирующегося корейского населения Приморского края — это приехавшие из Средней Азии и Казахстана. После смерти Сталина, в период либерализации политических и социальных отношений и первой волны реабилитации жертв политических репрессий, корейцам было разрешено поступать в высшие учебные заведения, служить в армии, что также способствовало их переселению в Приморье. Из воспоминаний Николая Петровича Кима*: «В 1954 г., когда мне исполнилось 18 лет, мы вместе с братом написали письмо на имя К. Ворошилова с просьбой разрешить нашей семье переехать в Приморье. И каково же было мое удивление и моих родителей, когда мы получили ответ: «Можно ехать»³⁶. Н.П. Ким поступил в Томский политехнический институт. После окончания института он отправил письмо в Приморский совнархоз с просьбой, чтобы его распределили в г. Арсеньев. Приблизительно такой же путь прошел Анатолий Николаевич Ким, приехавший по распределению в г. Артем. Родился он в Партизанском районе, его жена — в Ханкайском. Когда ему было 8, а ей 5 лет, родителей выслали в Казахстан. В 1954 г. был призван в армию. По его воспоминаниям, уже в юношеские годы он задумывался над вопросом, почему корейцы оказались в Казахстане и были такими бесправными. Ему всегда хотелось посмотреть на свою родину. Закончив высшую школу милиции в Калининграде, он попросил, чтобы его распределили в Приморье. В 1961 г. вместе с женой он приехал в г. Артем и все годы проработал в органах внутренних дел.

Председатель Находкинского культурного центра Константин Миронович Ким, старейший житель г. Находки, рассказал, что когда в 1959 г. приехал в Приморье, то в пос. Сучане (ныне г. Партизанск) и Находке уже проживало более 20 корейских семей³⁷.

Из Средней Азии корейцы возвращались в основном «самотеком». Среди них были рабочие, которые начали заниматься сельскохозяйственным трудом³⁸, огородничеством. В конце 50-х — начале 60-х годов несколько корейских семей жили в северном поселке края Кавалерово, среди них были представители рода Хван**.

В 1995 г. в с. Кипарисово Надежденского района проживала корейская семья Когай, которая приехала в Приморье примерно в конце 1955 г. В 1994 г. Иван Ефимович Когай был начальником криминальной милиции Черниговского района³⁹.

Таким образом, миграция корейского населения в Приморье второй половины 50-х годов была связана с либерализацией политического режима, реалиями и нормами советского образа жизни. Однако воспоминания бывших корейских «новоселов» тех лет дают возможность предположить, что первый стихийный поток мигрантов был подсознательно активизирован «чувством утраченной родины». Как говорит Н.П. Ким, почитатель философии Кузанского и Лао Цзы, «здесь родились — это родина. Приморье — уникальное место на земле. Здесь

* Его родители были репрессированы и высланы из Сучана в Казахстан. Проживали в Караганде. Н.П. Ким, 1936 г. р., ныне пенсионер, живет в г. Арсеньеве. С 1960 г. работал на заводе «Аскольд», в 1963 г. получил приглашение в аспирантуру Алмаатинского института ядерной физики. Через три года вернулся в г. Арсеньев. Долгие годы работал зам. главного конструктора на заводе «Прогресс».

** В 1966 г. Валентин Хван заканчивал 10-летку вместе с автором этих строк.

трава выше роста человека и сохранились еще уголки чистой природы»⁴⁰. Первая волна реэмиграции корейцев показала, что в период «оттепели» возникли еле заметные ростки самосознания корейского населения.

При рассмотрении национального аспекта миграций в послевоенное десятилетие можно выделить еще одну проблему, связанную с последствиями второй мировой войны, с военнопленными, когда существовали контакты между победившими народами СССР и представителями народов, которые составляли основную часть вражеских армий. Война породила «специфическую» форму миграций — вынужденное пребывание иностранцев на территории других государств. В Приморье это были в основном японские военнопленные и крайне малочисленная группа немцев и румын. Японцы на территории СССР, в том числе и в Приморье, находились в среднем 8—10 лет, и данная проблема вполне может рассматриваться в контексте миграционных процессов. Военнопленными занималось Главное управление по делам военнопленных и интернированных.

Численность японских военнопленных в Приморском крае была одной из самых высоких. Согласно шифровке Генштаба Красной Армии от сентября 1945 г. в Приморье было направлено 75 тыс. пленных японцев. Например, в пос. Спасский (ныне г. Спасск-Дальний) в первом лагерном отделении в 1946—1947 гг. находилось около 1 тыс. японцев, 1 тыс. румын и немцев. Осенью 1947 г. с Колымы на пароходе «Джурма» было отправлено 450 японцев, место их назначения — лагерь военнопленных № 380 в бухте Находка. Но этих военнопленных ждала репатриация. Среди интернированных был начальник военной миссии генерал-майор Акикуса Дзюн. Долгое время он содержался в Ворошиловском лагере, умер во Владимирской тюрьме в 1949 г.⁴¹

Перевоспитание и идеологическая обработка военнопленных были важными элементами в стратегии партийного руководства. Перед МВД была поставлена задача — поменять идеалы и изменить мировоззрение японцев. По мнению С.И. Кузнецова, органы МВД в «воспитательных акциях» в какой-то мере учитывали даже особенности вероисповедания японцев. В учетных документах часто указывалась принадлежность к буддийской и синтоистской вере⁴². Перевоспитанию военнопленных японцев, по мнению руководителей НКВД, должны были способствовать суровый климат и тяжелая физическая работа.

Советскими военными органами были взяты на учет как военнопленные квантунской армии 639776 солдат и офицеров, среди них: японцы (609448 чел.), китайцы (15934 чел.), корейцы (10206 чел.), монголы (3633 чел.), маньчжуры (486 чел.), русские (58 чел.), малайцы (11 чел.). Японцы составляли 95,3 %, китайцы — 2,5 %, корейцы — 1,6 %⁴³. Для решения вопросов, связанных с содержанием военнопленных в лагерях НКВД СССР, был командирован начальник Главного управления НКВД по делам военнопленных генерал-лейтенант Кривенко с группой офицеров⁴⁴.

В постановлении Государственного комитета обороны от 23 августа 1945 г. «О приеме, размещении и трудовом использовании военных японской армии» и в шифровке № 3248 за подписью И.В. Сталина 1-му Дальневосточному фронту (Мерецкову и Штыкову), 2-му Дальневосточному (Куркаеву и Леонову) и Забайкальскому (Малиновскому и Тевченкову) совместно с представителями ГУПВИ НКВД предписывалось проведение мероприятий:

а) отобрать до 500 000 военнопленных японской армии из числа годных для работы в условиях Дальнего Востока и Сибири;

б) организовать из военнопленных перед отправкой в СССР строительные батальоны по 10 000 чел. в каждом⁴⁵.

География распределения военнопленных японцев была чрезвычайно разнообразной: от Приморья до Подмосковья, от Норильска до Иркутска.

При реализации этих мероприятий главная ставка была сделана на апробированные режимом методы, которые регламентировались специальными инструкциями МВД, в их число входила и идеологическая обработка военнопленных. Центры такой обработки находились на территории Приморья — в городах Находка, Владивосток, Ворошилов (ныне г. Уссурийск), в пос. Сучан.

Идеологическая работа групп, обществ и Ассоциации японской молодежи в лагерях репатриантов была направлена не только на идейную «обработку» военнопленных, но и на выявление в их среде антикоммунистических настроений. Военнопленных с антикоммунистическими настроениями могли отправить назад в сибирские лагеря. Военнопленные, работавшие в пос. Посьет, раз в неделю получали газету «Ниппон симбун». В Сучане в лагере № 12 было создано демократическое общество «Минсю доси кай». Оно должно было распространять коммунистическую периодику. В г. Уссурийске в лагере № 7 была организована коммунистическая группа, которая дважды в неделю выпускала прокоммунистическую газету «Японские новости». Японцы, находившиеся в лагере № 1 (г. Владивосток), органами НКВД были объединены в «Общество друзей», на них была возложена обязанность выступать с лекциями и пропагандировать коммунистическую идеологию⁴⁶.

Для идеологической обработки японских военнопленных лагерная администрация применяла методы, давно вошедшие в жизнь советского народа: насаждалось социалистическое соревнование, изучались и конспектировались книги В.И. Ленина, И.В. Сталина, краткий курс истории ВКП(б), материалы VII Конгресса Коминтерна. На стенах лагерных бараков помещалась наглядная агитация, портреты Ленина, Сталина, Молотова, коммунистические лозунги, написанные по-японски.

Специальные директивы политорганов МВД устанавливали все атрибуты, которые должны быть в лагерях японских военнопленных: витрина трудового соревнования, доска показателей выполнения плана в целом по колонии, по лагерным отделениям и бригадам, витрина газет «Правда» и «Ниппон симбун», доска учета выпол-

нения полноценных норм, витрина для стенгазет, «молний», портреты отличников производства, лозунги, плакаты, а в жилых помещениях зоны — витрина «лучшие люди», лозунги, картины и т. д.

В жизнь японцев внедрялись элементы быта как по приказу лагерной администрации, так и по инициативе военнопленных японцев, воспринявших коммунистическую идеологию; проводились митинги по случаю советских праздников, на которые они выходили с портретами Ленина и Сталина, руководителей партии и правительства, с лозунгами и красным знаменем.

Японские военнопленные использовались как дешевая рабочая сила, что вписывалось в общую картину советского экономического строя, стратегию освоения Дальнего Востока в 40-х — начале 50-х годов. Положение военнопленных и привлечение японцев к принудительному труду регламентировались «Положением о военнопленных», которое было утверждено Постановлением Совета СНК СССР 1.07.1941 г.⁴⁷ В Приморье военнопленные работали на добыче золота⁴⁸. Остались рассказы местных жителей об участии японцев в строительстве жилых домов в Уссурийске, Арсеньеве⁴⁹.

Опираясь на многолетний опыт ГУЛАГовской системы, советские власти во многом использовали его в лагерях военнопленных. Например, применялась такая же классификация по физическим данным, как и в гулаговской системе, — «годен к тяжелой работе» или «годен к легкой работе». Существовали госпитали для военнопленных. В Приморском крае их было три. В своей работе они сталкивались с теми же трудностями, что и все в послевоенное время: не хватало врачей, инструментов, продуктов питания.

С 1946 г. началась репатриация военнопленных. В результате соглашения*, достигнутого 19 декабря 1946 г., Соглашение о репатриации японских военнопленных и гражданских лиц с советской территории и с территорий, находившихся под контролем СССР, предусматривало отправку ежемесячно 50 тыс. японцев⁵⁰. В конце 40-х — первой половины 50-х годов на родину вернулись 150 тыс. японских военнопленных**. Согласно данным МВД СССР на 13 октября 1956 г. было репатрировано 576866 чел.: японцев — 546752 чел., китайцев — 15 789, корейцев — 10 134, монголов — 3 629, маньчжуров — 486, русских — 58, малайцев — 11⁵¹.

Общую картину миграционных процессов на Дальнем Востоке, в том числе в Приморском крае, невозможно представить без анализа такого фактора, как принудительные миграции, которые пришлось в основном на 1946—1953 гг. Начавшаяся во время войны депортация некоторых этнических групп из европейской части СССР послужила источником пополнения числа спецпоселенцев, главным образом в Казахстане, практически не затронув Дальний Восток, чему немало способствовала напряженная предвоенная и военная ситуация на дальневосточных границах. В послевоенное десятилетие за счет принудительных миграций на Дальний Восток прибыло 40 тыс. спецпоселенцев, в 1953 г. их число в регионе достигло максимальной цифры — 64215 чел.⁵² Половину из них составляли члены организации украинских националистов. Среди остальных были немцы (мобилизованные, местные, выселенные и репатриированные), «власовцы», колхозники, осужденные по указу от

Таблица 18

Национальный состав населения Приморского края

	1939	Удельный вес в общем составе населения (%)	1946	1959	Удельный вес в общем составе населения (%)
Всего населения	906 805	100	902 577	1 381 018	100
Русские	676 866	74,6		1 120 703	81,1
Украинцы	168 761	18,6		182 004	13,2
Татары	11 016	1,2		17 004	1,2
Мордва	15 280	1,8		15 260	1,2
Белорусы	8 882	1		12 726	0,9
Корейцы	-			6 592	0,5
Евреи	5 514	0,6		Нет данных	1,9
Чуваши	2 983	0,3		Нет данных	
Немцы	1 911	0,2		Нет данных	
Поляки	1 863	0,2		Нет данных	
Молдаване	2 774	0,3		Нет данных	
Казахи	2 059	0,2		Нет данных	
Эстонцы	1 292	0,1		Нет данных	
Удэгейцы	1 070	0,1		Нет данных	
Нанайцы	252	0,02		Нет данных	
Прочие	5463	0,6			

Таблица составлена на основе источников: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 299. Л. 33; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 334.

* Вели переговоры от СССР генерал-лейтенант К.Н. Деревянко и от Японии генерал Д. Макатур.

** По данным дальневосточного историка Е.Ю. Бондаренко.

2 мая 1948 г. (за невыработанные трудодни), выселенцы из Прибалтики, Молдавии, Северного Кавказа и Калмыкии. Специфическую форму принудительных миграций представляли заключенные немцы и японские военнопленные, что было рассмотрено выше.

На территории Приморья в 1949—1952 гг. в лагерной системе находилось 14 подразделений, из них четыре располагались далеко в уссурийской тайге, в Тетюхинском (ныне Дальнегорском) районе. Здесь «заключенные» работали на предприятиях горнорудной промышленности, на добыче олова и свинца. «Спецконтингент» был занят на строительстве портовых сооружений (Находка ОЛП-13, 11), строительстве и ремонте шоссе дорог (ОЛП-12 — Уссурийск), судоверфи (ОЛП-7). Однако отличительной чертой приморских лагерей было наличие процента «уголовного элемента». В приморских лагерях МВД в 1951 г. насчитывалось 13,5 тыс. чел., но только 1080 были осуждены за «контрреволюционную деятельность»⁵³.

Что касается принудительного выселения из Приморья, то мы не располагаем сведениями о массовых «чистках» в послевоенный период. Исключение составляет акция некоторых «неблагонадежных» категорий населения Владивостока, в число которых, например, попали члены семей репрессированных и среди них — полячки, которые считались неблагонадежными и выселялись с территории края начиная с 20-х годов. Так, С.М. Бржезинская, жительница Владивостока, по национальности полячка, по приказу МГБ СССР № 0010в от 14 февраля 1952 г. была выселена из города как член семьи расстрелянного в 1938 г.⁵⁴

В результате миграционных и демографических изменений население Приморского края выросло за 13 лет (1946—1959 гг.) с 902577 до 1381018 чел., т. е. в 1,5 раза. В период с 1939 по 1946 г. оно уменьшилось на 4228 чел. Рост доли мигрантов из Восточной Сибири, центральных регионов России в 50-е годы способствовал увеличению русского населения⁵⁵.

За 20 лет изменился и национальный состав населения по сравнению с 1939 г. Основная тенденция — увеличение доли русских и уменьшение украинцев. Специфика данного отрезка времени — появление в Приморском крае корейцев, которые были выселены из этого региона и в переписи не числились.

Поскольку на сельскохозяйственное переселение в Приморье в конце 50-х годов приходилось около 7 %, то можно сделать вывод, что на динамику национального состава в большей степени стали влиять другие формы: оргнабор и движение «самотеком», распределение молодых специалистов. В этот период преобладали миграционные связи Приморья с Украиной. Однако наблюдалось снижение доли этнических украинцев, и произошло это как за счет значительной русификации, так и обратного их движения на запад.

¹ Барулин В.С. Российский человек в XX веке. СПб, 2000. С. 344.

² Внешняя политика СССР: Сб. документов. М., 1946. Т. 4. С. 550.

³ См.: Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных военных преступников. М.; Л., 1950. С. 249.

⁴ Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 80.

⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 117. Л. 1—29.

⁶ Подсчитано на основе источника: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2 Д. 1. Л. 1—10.

⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 21. Л. 28.

⁸ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока... С. 146.

⁹ Подсчитано на основе источника: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 8. Л. 77—88.

¹⁰ Там же. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 299. Л. 33—34; Ф.1215. Оп. 2. Д. 6. Л. 1—93; Д. 8. Л. 2—26; Д. 9. Л. 2—83; 89—92, 93—102.

¹¹ Там же. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 8. Л. 17—19, 21—26.

¹² Там же. Д. 9. Л. 56—58.

¹³ Там же. Д. 12. Л. 30—37.

¹⁴ Личный архив А.С. Ващук. Интервью с Г.П. Оврахом. 15 апр. 2001 г.

¹⁵ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока... С. 97.

¹⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 67. Л. 18; Ф.658. Оп. 1. Д. 16. Л. 13; Д. 67. Л. 18 и др.

¹⁷ ГАПК. Ф. 658. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.

¹⁸ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока... С. 96.

¹⁹ ГАПК. Ф. 131. Оп. 10. Д. 25. Л. 2.

²⁰ Подсчитано на основе источника: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 92. Д. 120. Л. 41—52.

²¹ Там же. Д. 120. Л. 41—52.

²² Там же. Оп. 101. Д. 85. Л. 28.

²³ Там же. Л. 23.

²⁴ Там же. Ф. 510. Оп. 33. Д. 296. Л. 43.

²⁵ Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока... С. 112.

²⁶ Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. 1. (1945—1957 годы). М., 1978. С. 77.

²⁷ Кузин А. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1993. С. 231.

²⁸ Там же. С. 305.

²⁹ ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 75. Л. 247.

³⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 31. Д. 245. Л. 3.

³¹ Там же. Ф. 658. Оп. 1. Д. 45.

³² Там же. Д. 45. Л. 121.

³³ Там же. Л. 17.

³⁴ Там же. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 11. Л. 37.

³⁵ Там же. Ф. 658. Оп. 1. Д. 45. Л. 15.

³⁶ Материалы полевых исследований ЦИСИП. Апр. 2000.

³⁷ Там же. Апр. 2001 г.

³⁸ Забровская Л.В. Россия и КНДР: Опыт прошлого и перспективы 1990-х годов. Владивосток, 1998. С. 20.

³⁹ Вон Дон. 1994. № 2.

⁴⁰ Материалы полевых исследований ЦИСИП. Апр. 2000.

⁴¹ Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену (1945—1956 гг.). Иркутск, 1997. С. 51—53, 81.

⁴² Там же. С. 59.

⁴³ См.: Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену... С. 22; Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Воен.-ист. журнал. 1991. № 4. С. 7.

⁴⁴ Там же. С. 24.

⁴⁵ Там же. С. 25.

⁴⁶ Кузнецов С.И. Японцы в сибирском плену... С. 59—65.

⁴⁷ Воен.-ист. журнал. 1991. № 10. С. 50—53.

⁴⁸ Кузнецов С.И. Японцы в военном плену... С. 104.

⁴⁹ Личный архив автора.

⁵⁰ СССР и Япония. М., 1987. С. 256.

⁵¹ Галицкий В.П. Японские военнопленные... С. 68.

⁵² Там же. С. 76.

⁵³ ГАПК. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.; Д. 8. Л. 3; Д. 17. Л. 1—2.

⁵⁴ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестн. ДВО РАН. 1995. № 6. С. 77.

⁵⁵ ГАПК Ф.П-68. Оп. 28. Д. 299. Л. 33—34; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 334

3.2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ОБУСТРОЙСТВО СОВЕТСКИХ МИГРАНТОВ В ПРИМОРЬЕ

В истории советского общества Великая Отечественная война и ее итоги оказали огромное воздействие на характер и темпы эволюции общественно-политических порядков. Война закрепила довоенную систему ценностей у всех народов СССР: аскетический образ жизни, безоговорочное доверие политическому лидеру, всему властному аппарату со стороны большинства населения, добавив тяжелый физический труд по восстановлению разрушенного хозяйства. Этим ценностям соответствовала и вся организация хозяйственной и социальной жизни. Система мероприятий по обустройству переселенцев в дальневосточных районах СССР была неотъемлемой их частью.

Характер адаптации мигрантов подчинялся послевоенному состоянию общества и экономики. Главный объективный фактор адаптации «новоселов» — это единая социально-экономическая система и политический режим. Но конкретные повседневные социально-экономические условия Приморья в первые послевоенные годы, безусловно, определяли возможности обустройства каждого переселенца.

Распределительно-нормированные традиции социальных порядков советского общества были всеобъемлющими, и жизнь «новоселов» с этой точки зрения подчинялась общим законам их функционирования. Сохранение системы принудительного труда, лагерный сектор, особенности труда и быта сельчан в колхозах в послевоенные годы, так называемые «государственные займы», налоги, жесткий контроль за ценами и заработной платой и другие явления времени укрепляли распределительно-нормированную систему. Тотальные распределительные отношения позволяли «выделять» средства на организованное перемещение людей и содержание огромного управленческого аппарата.

Для организации планового переселения и хозяйственного обустройства мигрантов важное значение имел экономический уклад, который сформировался к концу войны. Небольшое количество крупномасштабных производств на Дальнем Востоке, объединенных в различные крупные тресты, конторы в конце 40-х — в 50-е годы, а также политический контроль за численностью и деятельностью колхозов давали возможность центральным и местным плановым органам просчитывать распределение финансовых и материальных ресурсов, в том числе и на организованное переселение, выделять Приморскому краю продовольственные и промтоварные фонды с учетом вновь прибывающего населения.

В 1946—1947 гг. выплаты на единовременные пособия переселившимся в Приморье составили 502 тыс. руб., на так называемые организационные расходы — 202,2 тыс. руб., оплата на переезд и перевоз имущества — 2 120 тыс. руб.¹ Однако плановая система постоянно давала «сбои». Так, в 1946 г. расходы непосредственно на обустройство переселенцев на местах, например в колхозах Приморья, не были утверждены правительством, а переселенческие билеты выданы, в итоге средства на хозяйственное обустройство на местах так и не были выделены².

Однако, несмотря на огромные трудности переездов, советские люди записывались в ряды переселенцев. В первое послевоенное пятилетие бытовые условия жизни в далеком Приморье казались лучше, чем в западных регионах, которые пострадали от военных действий немецких войск и оккупации. В 1946 г. исключительная по размерам засуха охватила западные области Украины, Поволжье, Центрально-Черноземную зону страны. Средняя

урожайность зерновых во всех категориях хозяйств упала до 4,64 ц/га, и удалось заготовить зерна в 2 раза меньше, чем в 1940 г.³ По указанию правительства с государственного хлебного довольствия по карточкам было снято в стране 23 млн. чел. (с 27 млн. до 4 млн. чел.). Расход хлеба по пайковому снабжению был сокращен на 30 %⁴.

Необходимость преодоления катастрофического падения уровня жизни поставила перед партийным руководством задачу принять минимум социальных мер и обратить внимание на развитие отраслей, обеспечивавших первые жизненные потребности. Несмотря на традиции советской индустриализации, деление производства на товары группы «А» и «Б», правительство вынуждено было скорректировать планы, чтобы обеспечить строительство предприятий, производящих товары широкого потребления, т. е. группы «Б». В Приморье было построено несколько таких предприятий: был пущен в эксплуатацию Ворошиловский (Уссурийский) комбикормовый завод (1947), завод по производству маргарина (1951), Спасский шиферный завод (1952 г.) и бумажно-толевая фабрика под Владивостоком (1952), в Астраханке было организовано производство консервов (1951), в Артеме стали производить шлакоблоки. Но в натуральном выражении производство таких важнейших видов продукции, как строительный кирпич, пиломатериалы, добыча угля, вывоз древесины, выпуск консервов и сахара, в 1950 г. по сравнению с 1940 г. снизилось. Обозначились положительные тенденции в выпуске лишь некоторых видов, в частности растительного масла и маргарина, кондитерской продукции, кожаной обуви⁵. В 1949 г. в Приморье планировалось на каждый рубль банковского кредита получить товаров широкого потребления на 240 руб., было получено лишь на 213 руб. В 1953 г. из 274 промышленных предприятий Дальнего Востока, выпускавших товары широкого потребления, не выполнили план 140 предприятий. В первой половине 50-х годов в регион завозилось огромное количество швейных, чулочно-носочных изделий, обуви⁶.

Приморье непосредственно не пострадало от военных действий, но война повлияла на все стороны жизни: фактически прекратилось строительство жилья, больниц, школ, произошло повышение цен на промышленные товары и продовольствие. 1 сентября 1942 г. правительство приняло решение об отмене льгот для дальневосточников. На основании Постановления СНК СССР от 18 октября 1945 г. льготы в Приморье были восстановлены в крайне урезанном виде — распространялись только на 6 % населения края⁷.

Заработная плата устанавливалась центральными органами власти, ее уровень, динамика жестко контролировались как соответствующими органами управления, так и политическими партийными органами. Она зависела от того, насколько важны были для партийного государства те или иные отрасли и конкретные предприятия (табл. 19). В результате такого принципа распределения складывалась определенная дифференциация по уровню заработной платы не только между большими социальными группами (рабочие, работники сельскохозяйственного производства, непромышленной сферы, управленцы), но и внутри них. Как старожилы, так и новоселы были зависимы от централизованных решений, в этом смысле они жили в едином социальном распределительном пространстве*.

25 августа 1946 г. Совет Министров принял постановление «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий истроек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке»⁸. Информация о таком решении оказывала моральное воздействие на тех, кто намеревался переехать на окраинные территории страны. Обустройство переселенцев проходило в условиях введения различных надбавок и компенсационных выплат, что в незначительной степени влияло на доходы населения⁹.

Размеры заработной платы на Дальнем Востоке отличались прежде всего в отраслевом разрезе (табл. 19), поэтому государство централизованно определяло отрасли, в которых должны быть заняты плановые мигранты.

Так, самые низкие заработки были в сельском хозяйстве, многие местные сельчане стремились уйти в леспромхозы или промартели. Поэтому правительство, чтобы привлечь новых переселенцев, было вынуждено сохранять некоторые «льготы» в сельском хозяйстве, используя довоенный опыт.

Таблица 19

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве Приморья (в руб.)

	1940	1945	1950	1955	1960
Все отрасли	511	570	787	893	175
Промышленность	530	617	921	1 044	197
Строительство	483	582	715	1 008	209
Сельское хозяйство	341	318	503	497	146
Транспорт	540	740	889	980	181
Торговля, общественное питание, заготовка, материально-техническое снабжение, сбыт	380	384	591	686	180

Таблица составлена на основе источников: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 3770. Л. 71—75; Д. 607. Л. 146—147.

* Распределительная система сглаживала, но не ликвидировала причины бытовых конфликтов между старожилами и новоселами, о чем речь пойдет ниже.

Цены на сельхозпродукты на рынках городов центральных районов РСФСР и Дальнего Востока в 1958 г. (в руб. за кг)

Наименование продуктов	Воронеж	Пенза	Южно-Сахалинск	Оха	Комсомольск-на-Амуре	Хабаровск	Владивосток
Картофель	1—1,50	1—1,25	3,50—4	4,50—6	2,50	2,80	2,50
Говядина	17—18	18—20	25—30	40	27	27	23
Свинина	18—20	18—22	25	40	28—30	28—30	30
Молоко	2,50—3,50	3—4	4—5	8—10	3,50	4,50	5
Яйца (за десяток)	13—15	14—16	20—35	35—40	15	21	15

Источник: Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке: Середина 40—80-х годов XX в. Владивосток, 1998. С. 51.

В важнейших базовых отраслях вводились разные вознаграждения. В 1947 г. в целях закрепления рабочих в тяжелой промышленности были установлены ежегодные вознаграждения за выслугу лет. В Приморье в 1951—1955 гг. на эти выплаты рабочим, занятым в угольной, судоремонтной и лесной промышленности, было направлено 119 млн. руб.¹⁰ Обустройство послевоенных переселенцев происходило в период проведения денежной реформы, отмены карточной системы, регулирования цен на промышленные товары, хлеб, масло, мясо, рыбу, сахар и соль. Все это создавало особый социально-психологический климат для «новоселов»: новые условия места жительства в сознании переселенцев переплетались с послевоенными социальными акциями.

Установившиеся в 1954—1955 гг. индексы розничных цен на продовольственные товары составляли 134 % к ценам 40-х годов. Покупательская способность рубля приблизилась к довоенной, но оставалась ниже ее на 17 %. Цены на продовольственные товары, установленные государством, в 1950—1955 гг. оставались стабильными. Массовое снижение цен с 1947 по 1954 г. сопровождалось извлечением у населения значительных сумм через «государственные займы». Переселенцы, вливаясь в трудовые коллективы, также несли эти «добровольные повинности». Цены на Дальнем Востоке снижались теми же темпами, что и по стране. Однако Приморье по уровню установленных правительством цен не имело никаких преимуществ, а напротив, проигрывало по сравнению с другими южными и центральными районами СССР. Одним из основных элементов плановой распределительной системы выступало регулирование цен по регионам страны. Дальний Восток был отнесен по уровню цен к районам третьего пояса. На его территории устанавливались самые высокие поясные наценки (поясная дифференциация государственных розничных цен была введена в СССР в 1935 г. и просуществовала без изменений до 1946 г.). В результате реформы 1946 г. были внесены изменения как в количество поясов, так и в разницу в ценах между поясами. Государственные розничные цены определяли цены на существовавших рынках (табл. 20).

Уровень цен на Дальнем Востоке в 40—50-е годы был выше, чем в центральных районах РСФСР, на 8—30 %. Как правило, эта информация «приходила» к потенциальным мигрантам по «личным каналам». Новоселы, прибывая в дальневосточный регион, встречались с иными ценами, чем на предыдущем месте жительства.

Главным дифференцирующим фактором принятия переселенцев был их организационно-правовой статус. И местные органы власти, ориентируясь на «документы» прибывших, проявляли соответствующее отношение. Следовательно, адаптация мигранта в те годы зависела во многом от его организационно-правового статуса. Основные статусные группы* мигрантов были следующие: демобилизованные переселенцы (в том числе и члены их семей), сельскохозяйственные переселенцы (члены семьи), прибывшие по вызову предприятия, спецпереселенцы и спецпереселенцы, репатрианты, молодые специалисты по распределению. Условия обустройства, особенно на первом этапе, зависели от того, к какой группе принадлежал новосел и какими инструкциями регламентировалось предоставление ему материальных благ. Национальная принадлежность не имела значения.

Условия адаптации во многом определялись формами материального стимулирования заселения «малообжитых районов». Преимуществами пользовались плановые и организованные переселенцы. В послевоенных условиях жесткого режима экономии государство поддерживало только организованных переселенцев, считая, что за счет них стабилизируется обстановка с «рабочей силой» в крае. Наиболее четко были прописаны условия и объем льгот, инструкции для сельскохозяйственных переселенцев. Получение «льгот» сельскохозяйственными переселенцами начиналось еще в районах выхода. К ним относилась отмена недоимок, выдача колхозникам их доли из общественного хозяйства для внесения на новом месте.

Путь на Дальний Восток начинался с получения «переселенческого билета», приобретения справки о сдаче коровы, чтобы на новом месте «получить» другую. До 1953 г. с переселенцев списывались недоимки по обязательным поставкам государству сельскохозяйственной продукции. В 1950-е годы переселенцы освобождались от недоимок по сельскохозяйственному и подоходному налогам и налога с малосемейных и холостяков. Плановые мигранты для работы в сельском хозяйстве, как и рабочие оргнабора и специалисты по направлению, имели бесплатный проезд. Представители бригад или колхозов, переселявшиеся в новые дальневосточные районы,

* Группы людей, объединенные мотивами переезда, положение которых регламентировалось соответствующими партийно-государственными документами.

а также трудоспособные переселенцы, ехавшие в места вселения для строительства домов или устройства хозяйства, имели возможность дважды совершать проезд бесплатно. Для организованных мигрантов были установлены повышенные суточные на время нахождения в пути, льготы в отношении провоза имущества. Все переселенцы могли бесплатно провозить в расчете на семью имущество весом до двух тонн, а скот в количестве, предусмотренном Уставом сельскохозяйственной артели. Для переселившихся бригад и колхозов провоз общего имущества (скот, орудия труда) также оплачивался из государственного бюджета.

В местах выхода сельскохозяйственные переселенцы в 1946 — начале 50-х годов формировались в эшелоны, ехали со старшим, по приезду эшелон встречали представители местной власти. В местах планового «вдворения» выдавалась продовольственная ссуда и одноразовая помощь в зависимости от состава семьи. Для сельскохозяйственных переселенцев устанавливались единовременные пособия в сумме 500, 200 и 130 руб. на главу семьи и 60, 30, 27,5 руб. на членов семьи в зависимости от того, куда они переселялись. Самые низкие ставки были в южных районах Дальнего Востока¹¹.

Выборочные исследования показывают, что из прибывших в районы Приморского края (Барабашский, Яковлевский, Шмаковский, Михайловский, Молотовский, Спасский, Ханкайский, Хорольский) с 1939 по 1947 г. выехали за пределы края 20,5 % (4917 семей), в неизвестном направлении — почти 7 %, таким образом ¼ семей переселенцев военных и первых двух послевоенных лет не захотели остаться в Приморье¹². Из 1015 организованных переселенцев 1946 г. осело 1001 чел., в том числе 877 демобилизованных; в 1947 г. соответственно прибыло 1890 чел., осело 1796 чел., в том числе демобилизованных — 1087 чел. В 1947 г. уехали из края в основном переселенцы довоенных и военных лет¹³. Переселение в советский период было политической акцией, поэтому вопросы о подготовительных мероприятиях по приему, размещению рассматривались на совместных заседаниях Приморского крайисполкома и Приморского крайкома ВКП(б).

Для обустройства переселенцев выделялся специальный жилищный фонд, постоянно корректировались планы строительства жилья, которые фактически не выполнялись. Для плановых «сельскохозяйственных» мигрантов 1946—1950 гг. самым болезненным вопросом был жилищный на протяжении последующих нескольких лет после прибытия. Не всем переселенцам «везло», многие оставались без обещанной жилплощади. Например, из прибывших в колхозы края в 1950 г. из числа демобилизованных 1913 семей жильем к концу года были обеспечены 1129 семей. Но за этими, на первый взгляд относительно высокими показателями, стояли человеческие судьбы. Зачастую переселенцы получали старое неотреставрированное жилье. Так, 806 чел. из вышеупомянутой партии прибывших были размещены чисто командно-административным методом «в порядке уплотнения на квартирах местных колхозников». У этих новоселов, естественно, в первые годы не было надворных построек для личного скота. К 1950 г. 46 семей переселенцев, прибывших в 1946—1949 гг., так и не получили собственного жилья. Всего в колхозах и совхозах Приморья на конец 1950 г. не имели жилья около 1164 семей переселенцев¹⁴. Многие семьи, прибывшие с Украины, строили себе дома, пользуясь прежним опытом, используя прутья и обмазывая их глиной¹⁵.

Крайне слабые надежды на получение обещанного органами власти жилья формировали и ответственное поведение переселенцев. Одни покидали совхозы и колхозы, переходя на работу в промартели, на транспорт, другие просто уезжали из Приморья. Часть новоселов пыталась «добиться правды» и своих «прав» по закону, обращаясь с жалобами в центральные и краевые органы партийно-советской власти, переселенческие отделы. В 1950 г. чиновники получили 302 жалобы и заявления¹⁶. «В своих жалобах переселенцы колхозники отмечают не только хозяйственную неустроенность, но и бездушное отношение многих председателей райисполкомов и колхозов к законным требованиям переселенцев и на проявления волокиты в рассмотрении их просьб», — сообщали представители Главного переселенческого управления при Совете Министров СССР и Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР в Приморский крайком ВКП(б)¹⁷.

В октябре 1950 г. переселенка П.В. Лисоматка (украинка) обратилась с просьбой к председателю колхоза Е.Е. Липа (предположительно также украинец) о выдаче кирпича для кладки печи. Но последний грубо выбросил ее на улицу. Муж П.В. Лисоматки погиб на фронте, у нее было пятеро детей. Старший четырнадцатилетний сын уже работал в колхозе. В результате проверки на председателя колхоза Е.Е. Липа было заведено уголовное дело.

Представители Центрального переселенческого управления занимались разбором и расследованием жалоб на действия многих председателей колхозов. В жалобах переселенцы писали, что председатели колхозов и райисполкомов проявляли «бездушные и грубо-хамское отношение к ним и к законным просьбам»*. Разрыв между обещаниями при «вербовке» и реалиями на новом месте был основной причиной низкой социальной адаптации переселенцев, независимо от их национальности.

Руководители райисполкомов и колхозов средства, полученные на строительство домов для переселенцев и ремонт имевшихся свободных домов в колхозах, использовали в интересах старожилов. Они закупали у частных лиц, чаще всего своих родственников и знакомых, старые дома, как правило, завышая цены. Были случаи, когда покупались дома «без крыш» и со сгнившими нижними бревнами-венцами. Комиссии, выезжавшие на проверку из центра, вынуждены были передавать дела о незаконном использовании средств в прокуратуру¹⁸.

* Сохранены стиль и орфография документа.

К организации строительства домов для переселенцев была привлечена краевая контора «Сельстрой». Но и здесь местные чиновники пошли по более легкому пути, ограничив свою деятельность только реализацией выделенных им фондовых материалов. К 1950 г. оказались без жилья в Гродековском районе 94 семьи, Ханкайском — 118, Черниговском — 97, Молотовском — 82, Михайловском — 72, Ворошиловском — 58. Выделенные колхозам Приморья кредиты, предназначенные для хозяйственного обзаведения вновь прибывшего в организованном порядке населения, на 1 октября 1950 г. были реализованы всего на 67 %. Местные жители согласились временно разместить прибывших в своих домах. Однако в течение 4—5 месяцев дома для переселенцев так и не были построены, что в итоге привело к бытовым конфликтам между старожилами и переселенцами. Владельцы домов стали принуждать переселенцев освобождать жилища, на этой почве возникали большие скандалы. Выселения из занимаемых квартир сопровождались выбрасыванием вещей на улицу¹⁹. Только в одном документе указывается 10 случаев таких конфликтных ситуаций.

Многие семьи просили разрешения выехать к местам прежнего жительства. Новоселы, не получившие жилья или получившие дома, непригодные для обитания, сетовали на судьбу: «Крыши нет, дождь заливает, спрятаться от дождя некуда», — писал колхозник, переселенец из колхоза «Партизан», на имя Шверника²⁰. Одной из причин такого положения в организации обустройства мигрантов было то, что переселением занимались одни органы власти, а обустройством переселенцев — другие.

В Ворошиловском (Уссурийском) районе имели место факты проявления «враждебного отношения» к переселенцам со стороны старожилов при попустительстве отдельных руководителей сельсоветов, председателей колхозов. Так оценивали ситуацию сами мигранты. Примеров конфликтных взаимоотношений на бытовом уровне источники содержат достаточно много. В правлении колхоза «Шуфановский стахановец» на просьбу заболевшего переселенца выделить ему лошадь для поездки в больницу присутствующие заявили в виде шутки: «Иди перед смертью продай свою шкуру, а скелет после сдай в музей».²¹ Повседневная жизнь новосела была полна неожиданных негативных моментов. Например, в Ворошиловском районе переселенцы были незаконно исключены из колхозов. Понятно, что при существующей системе ценностей и в тех общественно-политических условиях подобная акция для переселенцев была серьезным психологическим ударом. Равнодушное отношение некоторых сельских управленцев к проблемам переселенцев, неустроенность и бытовые конфликты, возникавшие между «старожилами» и «новоселами», часто толкали «организованных» мигрантов на самовольный выезд в другие районы. Высокий процент уехавших наблюдался в 1950 г. в упомянутом выше Ворошиловском районе.

Самой простой формой защиты своих прав, как и в целом в советском обществе, были жалобы в вышестоящие органы, в частности в управленческие органы. Большое количество жалоб переселенцев из Приморья в центральные органы власти послужило поводом для посылки в край группы инспекторов из Главного переселенческого управления при Совете Министров СССР и Совете Министров РСФСР²². В результате некоторые местные руководители были наказаны «по партийной линии».

Источники показывают, что хозяйственная неустроенность (отсутствие жилья, коровы, неполучение ссуды) продолжалась порой до года. Из сельскохозяйственных мигрантов в Приморский край к концу 1950 г. более 31 % прибывших так и не получили продуктивного скота²³.

Несмотря на постоянные проверки условий жизни и труда переселенцев-колхозников, принятие постановлений Приморского крайисполкома и бюро крайкома ВКП(б) «О подготовительных мероприятиях по приему, реализации и хозяйственному устройству переселенцев», утверждение планов-графиков, в реальной жизни было много ситуаций, когда приехавшие не получали обещанного при наборе и «вербовке» и испытывали чувство разочарования. Некоторым «везло», и «мечты» реализовывались: они вовремя получали ссуду, строительные материалы, проявляя настойчивость и трудолюбие, строили себе дома.

Социальная адаптация колхозников-переселенцев проходила в условиях, когда, с одной стороны, местные управленцы не всегда проявляли «понимание» проблем мигрантов, а с другой — на идеологическом уровне пропагандировалась «хорошая жизнь» переселенца в Приморье. Издавались специальные выпуски местных газет, где предоставлялось слово «счастливчикам»²⁴, призывавшим своих земляков ехать в Приморский край.

Руководители колхозов по-разному относились к переселенцам: одни ждали «рабочие руки», другие не хотели лишних хлопот, связанных с обустройством новоселов. Личностный фактор — «установки» районных руководителей и председателей колхозов — были немаловажными условиями формирования отношений «старожилов» к «новоселам». Некоторые из руководителей занимались идеологическими акциями по пропаганде переселенческой политики. Так, председатель Гродековского райкома, выступая на страницах газеты «Приграничный колхозник», обращался: «Товарищи полтавцы! Переселяйтесь в наш район. Пусть не пугает вас дальняя дорога. Вас ждут богатства Приморья. У наших колхозов — хорошие хозяйства, много пахотных и сенокосных земель, есть все возможности выращивать высокие урожаи и развивать общественное животноводство. Можно иметь сад, прекрасные сады, богатейшие пасеки, но в наших колхозах еще мало людей!»²⁵

Не всегда обещания имели под собой реальную базу. Например, в том же Гродековском районе, куда призывал ехать полтавчан председатель райисполкома, в 1953 г. из 19 семей, прибывших 23 марта из Черниговской области, к концу года всего четырем семьям были предоставлены дома, принадлежавшие МТС, но которым

требовался большой ремонт. Коровами были обеспечены только 5 семей. Сами же переселенцы, получив ссуду в 2000 руб., не могли на эти деньги приобрести даже телку²⁶.

В 1958 г. в Гродековском районе осталось 7 семей переселенцев 1953—1954 гг., не имевших жилья, 23 семьи, приехавшие в 1955 г., 24 — в 1956 г., 99 — в 1957 г.²⁷ Были факты, когда колхозы получали продовольственную ссуду в «Заготзерне» для переселенцев, но полностью ее не выдавали²⁸.

В процессе социальной адаптации проявлялись низкие социальные нормы и стандарты послевоенной жизни. Люди были рады продуктам питания, которые выдавались в некоторых колхозах (пшеница, рис, масло, мед). Но послевоенные трудности в снабжении товарами повседневного спроса особенно ярко проявлялись на селе. И «старожилы», и «новоселы» были поставлены в одинаковые условия. В конце 40-х — начале 50-х годов в магазинах порой отсутствовали соль, керосин, спички, мыло. Так, в 1953 г. в одиннадцати магазинах Чугуевского райпотребсоюза не имелось в продаже соли от 13 до 80 дней, в семи магазинах — керосина от 6 до 169 дней, в четырех отсутствовала махорка от 14 до 36 дней. В с. Михайловке Буденновского района керосин выдавался в течение шести месяцев только два дня; в Чкаловском районе в шести магазинах в течение полугода от 14 до 123 дней не продавалась соль, в семи от 5 до 170 дней — керосин, мыло и т. д. В 1953 г. керосин отпускался населению не в порядке свободной продажи, а путем распределения (строго по 1 литру)²⁹.

Ценности, лежавшие в основе советской модели общественно-политической жизни, были общими для всех мигрантов — представителей народов СССР. Вновь прибывавшие вовлекались в проводимые на местах политические мероприятия. Переселенцы (обязательно по разрядке) выдвигались кандидатами в депутаты местных государственных органов власти. Об этом сообщалось в средствах массовой информации. Если эшелон находился в пути, а в этот период шли очередные выборы, то мигранты обязательно охватывались этой акцией. Так, 12 марта 1950 г. (день выборов в Верховный Совет СССР) на станцию Ружино прибыл поезд с переселенцами из Украины, и все прибывшие имели удостоверения, чтобы «проголосовать» прямо на станции³⁰.

Общественно-психологическая атмосфера послевоенных лет была наполнена и пронизана крайне противоречивыми явлениями и событиями. Война вызвала не только рост трудового энтузиазма, но и всплеск «уголовщины». Обострение социально-экономической ситуации, обнищание людей способствовали проведению политических кампаний по «поиску врагов». Их влияние проникало в быт советских людей и часто формировало повседневное поведение. Прибывавшие репатрианты также становились объектом недоверия со стороны тех, кто не испытал этой доли. В частности, такие факты были и в Приморье. Например, со стороны рабочих шахты 6—6-бис поступали в органы власти письма со следующим содержанием: «...на руководящую работу выдвигают репатриантов, а кадровых рабочих нет». На шахте 6—6-бис работали в 1950 г. 820 репатриантов, из них 22 чел. были переведены на должности мастеров и десятников, а 30 репатриантов стали бригадирами³¹. Некоторые работники шахты открыто называли репатриантов изменниками, предателями, фашистами. Это создавало очень сложную социально-психологическую обстановку «обозленности» со стороны и тех, и других. В результате массовых доносов «один человек из репатриантов (фамилия и инициалы в источнике отсутствуют) был арестован». Во Фрунзенском районе г. Владивостока в период выборов в местные Советы депутатов трудящихся в 1950 г. была отведена кандидатура в члены избирательной комиссии В.П. Жула, украинца, так как его отец три года находился в оккупации и был сельским старостой³².

Информация об этнических конфликтах в Приморье, связанных с переселением, в архивных источниках нами не обнаружена. Иногда причинами национальной настроенности среди населения края служили политико-идеологические акции Кремля. Они имели свои последствия в быту, повседневности. Так, в связи с арестом группы врачей-евреев и опубликованной информации ТАСС в газете «Правда» 13 января 1953 г.³³ в Приморье, как и в других регионах страны, наблюдался всплеск антисемитизма. Один из агитаторов (Уколов) на митинге говорил: «...нам нужно наших людей воспитывать в духе революционной бдительности, ибо отдельные выродки рода человеческого поднимают головы против деятелей советского государства и коммунистической партии...»³⁴

В школе № 14 г. Ворошилова (Уссурийск) 15 января 1953 г. школьники во время учебных занятий насмеялись над преподавателями еврейской национальности, и некоторые ученики демонстративно покинули классы, заявляя, что они не хотят учиться у евреев. В очередях, на собраниях многие высказывали мнение о том, что евреев нужно снять со всех руководящих должностей и выселить из больших городов³⁵. Группа колхозников (20—25 чел.) в колхозе им. Ильича (Ханкайский район) на собрании по выдвижению кандидатов в депутаты в местные Советы завели разговор о «подлых делах врачей-евреев». Колхозники, в основном «старрики» (так указано в документе) говорили, что евреев следует всех повесить, а другие считали, что их нужно выселить на Колыму, «...хотя они и там не ограничат свою подлую деятельность»³⁶. Слухи о вредительской деятельности евреев ходили и во Владивостоке. Партийные органы были вынуждены проводить собрания «по разъяснению национального вопроса». Бытовой антисемитизм, спровоцированный сверху, приходилось сдерживать разъяснениями, акцентируя внимание людей на том, что «не все люди этой национальности способны на подлость и что нельзя разжигать чувство ненависти ко всем евреям».

16 января 1953 г. преподаватель окружных курсов усовершенствования офицерского состава Приморского военного округа «полковник Игошин по пути следования на работу нашел 16 экземпляров листовок с враждебными выпадами в отношении одного из руководителей партии и советского правительства, человека еврейской

национальности». По данным органов госбезопасности, офицер медицинской службы (фамилия в источнике не указана), по национальности еврей, сказал в беседе с евреями, жителями г. Ворошилова: «Сам я еврей, люблю девушек евреек и женился на еврейке! Боже спаси меня брать русскую девушку, я на этих паразитов смотреть не могу. Вот я врач, если мне приходится делать уколы, то я стараюсь русского так уколоть, чтобы ему было ужасно больно, и вообще я делаю уколы ему небрежно, в то время как с евреями соблюдаю все правила предосторожности и санитарии»³⁷. Даже, если предположить, что информатор преувеличил высказывание, то вполне реально на бытовом уровне могла быть ответная реакция со стороны евреев.

Отношение «старожилов» к первым корейцам, возвращенцам после 1954 г., было неоднозначным. Г.М. Ким³⁸, старейший житель края, один из первых вернувшихся в Приморье после депортации, рассказал, что, когда он приехал в с. Покровку Молотовского (ныне Октябрьского) района в 1955 г., сначала люди к нему присматривались, и впоследствии он никогда не сталкивался с негативным отношением со стороны местных жителей. Он считает, что в крае к нему отнеслись с большим пониманием, чем в Казахстане. «Когда я уезжал из Казахстана, — говорит он, — то меня не сняли с партийного учета, считая, что я нужен там. Но я все равно уехал». Некоторое время он не состоял на учете, но, понимая всю ответственность, обратился к секретарю райкома Т.Ф. Штыкову. (Надо заметить, что произошло благоприятное стечение обстоятельств. Т.Ф. Штыков в 1945—1948 гг. выполнял поручение ЦК ВКП(б) в Северной Корее и даже знал разговорный корейский язык). Г.М. Ким записался к Штыкову на прием и рассказал свою историю. «Я был очень удивлен, когда Терентий Фомич поздоровался со мной на корейском языке», — вспоминает Г.М. Ким. Первый секретарь дал задание направить запрос в Москву, и вскоре Г.М. Ким был восстановлен в партии.

В 1958 г., когда Г.М. Ким работал в краевом сельхозуправлении, по предложению секретаря Пограничного райкома КПСС Прокопенко был рассмотрен вопрос о создании национального корейского колхоза «Дружба» в с. Сергеевке. Г.М. Ким решал этот вопрос с Т.Ф. Штыковым. «Терентий Фомич дал добро, сказав, что это хорошее начало», — вспоминает Г.М. Ким. Первым председателем этого колхоза стал брат Г.М. Кима Ким Хон Бин*, имевший большой опыт, так как работал председателем колхоза в Казахстане, откуда Гири́н Максудович его вызвал в Приморье. Братья организовали колхоз «Дружба», в котором в конце 50-х годов было 60 дворов.

Однако на бытовом уровне в реалиях конца 50-х годов встречались события, отражавшие и противоположное отношение к корейским мигрантам. Станислав Григорьевич Юн³⁹ (в 2001 г. — председатель Совета старейшин при корейском фонде «Возрождение»), приехав в Приморье в конце 1954 г., столкнулся с иным отношением со стороны старожилов. Он рассказал И.О. Сагитовой**, что местные жители высказывали свое неудовольствие возвращением корейцев, употребляя неприличные выражения: «понаехали сюда негры». В разных селах были различные межличностные отношения с первыми корейцами-возвращенцами.

Партийные органы края, руководствуясь инструкциями и разнарядками в области советской национальной политики, контролировали национальный состав выдвигаемых на различные руководящие посты и в такие органы, как избирательные комиссии. Особенно контролировался национальный состав советских органов и руководящих работников. Прямых указаний на этот счет нам не удалось обнаружить, но содержание и тексты отчетности по этому вопросу ярко свидетельствуют в пользу высказанного. Например, существуют источники с оперативной информацией, в которой краевым партийным органом анализировался национальный состав избирательных комиссий 1950 г. в Приморье (см. табл. 21).

Таблица 21

Национальный состав избирательных комиссий 1950 г. в Приморье

	Районные комиссии	Окружные комиссии
Русские	47	158
Украинцы	2	3
Белорусы	-	2
Татары	-	5
Мордва	-	4
Поляки	-	1
Осетины	-	1
Грузины	-	2
Армяне	-	1
Буряты	-	1
Удмурты	-	2

Таблица составлена на основе источника: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 196. Л. 17.

* Отец Гирина Максудовича и Ким Хон Бина приехал в Приморье в 1919 г., в 1937 г. их семья была депортирована в Казахстан, где они были приняты в колхоз и выращивали рис. В 1942 г. отец за высокие урожаи риса награжден «Знаком почета», в 1949 г. получил звание Героя Социалистического Труда. В годы войны отец отправил 105 тыс. руб. на покупку трех танков.

** Записано сотрудником Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Уссурийск, 2 августа 2001 г.

Таблица 22

Национальный состав руководящих работников края, отражающий национальную структуру населения края

	1946		1948		1949		1951		1952		1956		1959		1960	
	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %	Чел.	В %
русские	594	72	552	71,9	529	71,9	690	74,8	693	74,2	908	76,2	997	74	920	80,9
украинцы	173	20	180	23,5	175	23,9	196	21,2	211	22,5	269	22,5	274	21,1	251	23,3
белорусы	10		7		8		15	1,6	-	-	1	-	13	1	14	1,2
казахи	-		1		-		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
грузины	1		1		1		-	-	-	-	-	-	2		1	
узбеки	-		-		-		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
азербайджанцы	-		-		-		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
литовцы	-		-		1		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
молдаване	3		3	0,4	3	0,4	5	0,5	5	0,5	6	0,5	8	0,6	8	0,7
латыши	-		-	0,3	1	0,1	1	0,1	-	-	1	0,08	-	-	-	-
таджики	-		-		-		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
армяне	1		2		2	0,3	1	0,1	1	0,1	-	-	-	-	-	-
туркмены	-		-		-		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
эстонцы	1		2		-		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
карелы и финны	-		1		1		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
евреи	15		6	0,5	7	0,8	3	0,3	3	0,3	4	0,3	-	-	-	-
прочие национ-ти			11	1,5	6	0,8	12	1,3	-	-	2	0,8	36	2,8	39	3,4
иностр. граждане													2	0,2	3	0,3
Всего	825	100	766	100	733	100	923	100	935	100	1191	100	1294	100	1136	100

Таблица составлена на основе источников: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 28. Д. 296. Л. 5; Д. 234. Л. 78.

Национальный состав окружных комиссий был достаточно разнообразным, но абсолютно преобладали русские; в районных комиссиях также в основном работали русские. Такой «расклад» был закономерным, поскольку русские составляли подавляющую часть населения и у них образовательный уровень был выше, чем у представителей некоторых других национальностей. При этом в составе избирательной комиссии 1950 г. были представители 10 национальностей, помимо русских. Однако идеологические установки при формировании подобных органов имели решающее значение.

Об адаптации отдельных национальностей в Приморье и их интеграции в общественно-политическую жизнь в рассматриваемые годы можно судить при сравнении трех аспектов: в частности, национального состава мигрантов, национального состава населения и партийно-государственного руководящего органа края (табл. 22).

В 1959 г. украинцы по переписи составляли 13,2 %, однако в составе руководства они имели стабильный удельный вес, который колебался от 20 % до 23,9 %. По переписи 1959 г. грузины, армяне, евреи не выделялись, однако представители этих национальностей входили в состав руководящих работников края.

Номенклатурная система постоянных «назначений» и «перетасовок» кадров способствовала тому, что среди руководителей в 40-е годы были представители казахов, грузин, молдаван, латышей, литовцев, эстонцев, евреев. Не было азербайджанцев, узбеков, туркменов. К концу рассматриваемого периода руководящие должности занимали в основном русские, на втором месте с большим отрывом стояли украинцы, на третьем — белорусы.

Стабильная доля украинцев в составе руководящих работников в 1948—1959 гг. может свидетельствовать, во-первых, о регулировании национальной структуры властных органов разных уровней, во-вторых, о значительной степени адаптации украинцев в Приморье. Украинцы в Приморском крае составляли в 1939 г. — 18,6 %, в 1959 г. — 13,2 %, а представителей этой национальности среди руководящих работников в конце 50-х годов было 20—23,9 %, белорусов соответственно — 0,9 %, удельный вес белорусов в среде руководящих работников — около 1 %.

Миграция 1946—50-х годов содействовала формированию многонационального состава населения Приморья и на этой основе — приморского социума. В ходе образования многонациональных коллективов происходил не только обмен трудовыми навыками в сельском хозяйстве, рыбной, лесной, горнодобывающей промышленности, вновь прибывшее население воспринимало местную бытовую культуру. Так, украинцы быстро отказались от строительства домов из плетня, испытав суровость приморской зимы, стали выращивать овощи по приморским «образцам». «Перекочевание» уроженцев сельской местности — украинцев, татар, мордвы — в Приморье на промышленные предприятия способствовало росту их образовательного уровня. В ходе адаптации мигрантов менялась структура питания, в рацион новоселов все больше входила рыба, рыбные консервы и кон-

Таблица 23

Распределение национальных групп в Приморье в 1959 г., считавших родным язык своей национальности (по месту проживания)

Местность	Украинцы	Татары	Мордва	Белорусы	Корейцы
Городская	32 %	64 %	39,9 %	25,7 %	62,2 %
Сельская	68 %	35,3 %	60,1 %	74,3 %	38,8 %

Таблица составлена на основе источника: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 360—384.

Таблица 24

Распределение национальных групп, проживавших в Приморье в 1959 г., по половому признаку (с учетом родного языка своей национальности)

Среди	Украинцы	Татары	Мордва	Белорусы	Корейцы
Мужчин	34,9	63,7	36,6	25,5	66,4
Женщин	41,8	63,8	39,4	27	61,9

Таблица составлена на основе источника: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 335.

сервированные продукты. В послевоенные годы приморские дикоросы также стали использоваться в пище переселенцев, независимо от их национальности и традиционных вкусовых пристрастий. Сохранились лишь элементы национальной кухни или отдельные блюда. Централизованное строительство жилья, хотя и в небольших масштабах, для семей переселенцев по стандартам послевоенного времени способствовало интеграции переселенцев в повседневную бытовую культуру края.

Большое влияние миграция оказала на степень владения родным языком и увеличение количества людей, которые стали считать родным языком русский. В основном этот показатель возрастал за счет детей переселенцев, рожденных в Приморье. К 1959 г. среди приморцев люди белорусской национальности в большей степени утратили знание своего языка. Только 26,3 % белорусов (их доля в составе населения равнялась 1,1 %) считали язык своего народа родным. Среди украинцев доля таких представителей была несколько выше — 38,6 %. В эту же группу можно включить и мордву (1,1 % населения края), 41,7 % из них считали родным языком мордовский. В другую группу населения Приморья, которая в наибольшей степени к концу 50-х годов считала язык своего народа родным, представляли татары — 63,8 % (доля в составе населения — 1,2 %) и корейцы — 64,4 % (соответственно — 0,5 %)⁴⁰.

Из 1120703 русских всего 167 считали своим родным языком язык другой национальности. К сожалению, исторические источники не позволяют выявить их социальный портрет. Известно, что из них 92 чел. проживали в сельской местности и 75 — в городской.

Прослеживаются довольно заметные различия в национальных группах Приморья в зависимости от места проживания (сельская местность / городская) и пола относительно признания родным язык своей национальности (см. табл. 23, 24)

Анализ приведенных данных (табл. 23, 24) показывает, что в большей степени своим родным языком считали среди украинцев — женщины, проживавшие в сельской местности, среди татар в основном были городские мужчины, среди мордвы и белорусов — сельские женщины и среди корейцев — мужчины, жившие в городах.

Среди приморских украинцев, татар, мордвы, белорусов женщины в большей степени считали родным язык своей национальности, а корейцы составляли исключение. Среди них ситуация была противоположной. Корейская группа приморского населения конца 50-х годов формировалась полностью за счет мигрантов, и в первую очередь переселялось мужское население, некоторую часть его составляли бывшие северные корейцы. Все это определило более высокий удельный вес мужчин среди корейцев, считавших родным язык своей национальности. Данное явление представляется закономерным историческим последствием и результатом этнического потока в Приморье, хотя и незначительного по количеству. (Приблизительно за 5 лет прибыло около 6 тыс. мигрантов).

Анализ этих данных в сравнении с другими источниками, в частности с регистрацией в переселенческих журналах (по сельской местности), и национальными обычаями в сферах занятости позволяет высказать следующую гипотезу. Среди украинцев-переселенцев женщины обустроивались в основном в сельской местности, татарки — также в селах, мужчины — в городской местности. Это подтверждается и другими косвенными обстоятельствами: значительной долей мигрантов в угольной промышленности, в частности в Тавричанке, Сучане (Партизанске). Женская часть мордвы оседала, как правило, в селах и деревнях Приморья (подтверждается анализом журналов регистрации сельскохозяйственных переселенцев). Аналогичное явление было типично для белорусов. Корейцы-мужчины предпочитали обустраиваться в городской местности, в то время как женщины — в сельской. Просматривается определенная закономерность между образовательным уровнем этнических групп

мигрантов и их численностью в сельской местности*. Чем ниже уровень образования представителей национальной группы, прибывшей и проживавшей в Приморье, тем больше их приходилось на сельскохозяйственных переселенцев⁴¹.

* * *

Приведенные данные позволяют сделать вывод: чем раньше национальная группа была включена в миграционные процессы в рамках рассматриваемого периода, тем выше процент людей, считавших родным языком русский. Так, корейцам было разрешено возвращаться из Средней Азии только после 1954 г. Приморские корейцы отличались от представителей других национальностей, проживавших в крае, высокой степенью знания родного языка. В повседневной жизни приморские украинцы использовали русско-украинские говоры, особенно это было типично для сельской местности.

История свидетельствует, что в СССР человек любой национальности под влиянием целой совокупности обстоятельств, в том числе и централизованных переселенческих мероприятий, формировал и реализовывал свое миграционное поведение. Влияние миграции на личность было во многом позитивно, однако не безусловно, особенно в процессе социально-экономической адаптации. Самой острой проблемой для приехавших в край в 50-е годы была жилищная. Важное влияние на быстроту процесса адаптации имел фактор дефицита трудовых ресурсов (явление, присущее советской социально-экономической модели развития дальневосточных малоосвоенных районов), а также отсутствие безработицы, конституционное право советских граждан на труд, которое реализовывалось в условиях распределительно-нормированной системы.

¹ ГАПК. Ф. 599. Оп. 3. Д. 27. Л. 5.

² Там же. Л. 11.

³ Волков И.М. Колхозная деревня в первый послевоенный год // Вопр. истории. 1966. № 1. С. 23; Сельское хозяйство СССР: Сб. ст. М., 1971. С. 26.

⁴ Аксенов Ю., Улюкаев Н. О простых решениях непростых проблем // Коммунист. 1990. № 6. С. 15.

⁵ Народное хозяйство Приморского края. Владивосток, 1968. С. 18.

⁶ РГАЭ. Ф. 355. Оп. 7. Д. 11. Л. 78—79; Д. 65. Л. 5—7 и др.

⁷ Там же. Ф. 510. Оп. 33. Д. 296. Л. 44—49.

⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. за 50 лет. М., 1968. Т. 3. 1941—1952. С. 332—334.

⁹ См. подробно: Вашук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке в 1940-х — 80-х гг. Владивосток, 1997. С. 44—45.

¹⁰ Там же. С. 45.

¹¹ ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 6. Л. 31—33; Д. 8. Л. 74—76; Д. 15. Л. 8—20 и др.

¹² Там же. Ф. 599. Оп. 3. Д. 2. Л. 8.

¹³ Там же. Д. 2. Л. 14.

¹⁴ Там же. Ф. П-68. Оп. 51. Д. 23. Л. 28.

¹⁵ Материалы полевых исследований. 2000 г. Личный архив автора. Дневник 1.

¹⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 51 Д.23. Л. 28.

¹⁷ Там же. Л. 29.

¹⁸ Там же. Л. 34.

¹⁹ Там же. Д. 25. Л. 31.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 32.

²² Там же. Ф. П-68. Оп. 51. Д. 25. Л. 16, 17, 27—36.

²³ Там же. Л. 35.

²⁴ Приграничный колхозник. Гродеково, 1953. 3 февр.

²⁵ ГАПК. Ф. 1463. Оп. 7. Д. 5. Л. 68.

²⁶ Там же. Д. 45 Л.13—14.

²⁷ Там же. Д. 45. Л. 6.

²⁸ Там же. Л. 24.

²⁹ Там же. Ф. П-68. Оп. 57. Д. 304. Л. 22

³⁰ Там же. Оп. 35. Д. 195. Л. 15; Приграничный колхозник. 1953. 3 февр.

³¹ Там же. Д. 195. Л. 83.

³² Там же. Д. 196. Л. 17.

³³ Правда. 1953. 13 янв.

³⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 35. Д. 246. Л. 220.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Оп. 2. Д. 252. Л. 8.

³⁸ Интервью с Г.М. Кимом. Уссурийск, 3 авг. 2001 г. Полевые материалы ЦИСИП. Дневник № 2. Кассета № 3 «Б».

³⁹ Интервью с С.Г. Юн записано И.О. Сагитовой 2 авг. 2001 г. Полевой дневник Сагитовой И.О. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

⁴⁰ Подсчитано на основе источников: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1960. С. 334.

⁴¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. С. 416—477.

* В 1959 г. на 1 тыс. чел. имели высшее и среднее специальное образование в РСФСР украинцы: мужчины — 160 чел., женщины — 81 чел.; мордва: мужчины — 40, женщины — 15; татары: мужчины — 56, женщины — 35 чел.

Глава 4. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ В 1960—1980-е ГОДЫ

4.1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ПРИМОРСКОМ КРАЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

В миграционных процессах, проходивших в СССР, проявлялась сложная диалектика организованных мероприятий и их стихийных элементов. Официальная концепция советской миграционной политики всегда декларировала только необходимость рационального размещения производительных сил, хозяйственного освоения восточных районов. Но за этим признанным идеологическим «фасадом» политиками и учеными скрывались и другие причины и факторы, определявшие переселенческую стратегию партийного государства на востоке страны. Эти императивы разного общественного и политического уровня тесно переплетались в историческом советском пространстве, образуя мощное направление внутренней политики государства в жизни значительной части граждан СССР.

Миграционная политика будучи неотъемлемым элементом внутренней политики советского государства и ярким следствием тоталитарной системы под влиянием событий середины 1950—60-х годов подверглась некоторым изменениям. Реформы, начатые «сверху», имели самые прямые предпосылки для усиления миграционной подвижности населения СССР. Создание новых территориально-управленческих структур, совнархозов способствовало тому, что эти органы стали принимать самое активное участие в привлечении трудовых ресурсов на свои территории. В конце 1950-х годов партийно-государственное руководство заявило о необходимости либерализации условий жизни, облекая эту социально-политическую потребность в идеологическую форму — курс на демократизацию общества*. В СССР еще существовало инертное общество, но оно уже пробуждалось от карательно-репрессивного режима, получая политические возможности для выбора места жительства. Относительно стихийное движение населения из села в город стало возможным благодаря либерализации политического режима (началась выдача колхозникам на руки паспортов).

Одновременно начался процесс переоценки ценностей у советских людей. В этом социокультурном явлении огромную роль играли развернувшиеся политические события, борьба за лидерство в среде высшего номенклатурного руководства, вылившаяся в критику личности Сталина и аскетических норм жизни, которые были связаны с периодом его безраздельного властвования. Началась эпоха пропаганды «идеологии необходимости повышения уровня жизни советских людей» и вхождения всех социальных групп в потребительское общество¹.

Советский вариант либерализации политического режима подготовил условия для увеличения роли стихийных элементов и экономических стимулов при переселении. В связи с этим миграционная политика советского правительства, независимо от его персонального состава, должна была учитывать новую политическую ситуацию в обществе, меняющуюся систему ценностей, а руководство идти на финансирование мероприятий, способных привлечь трудящихся к освоению восточных районов страны.

Причина некоторых изменений в переселенческой политике 1960—70-х годов заключалась в группе экономических факторов. Многие социально-экономические обстоятельства, которые раньше работали на консолидацию хозяйственного механизма сталинского типа, постепенно теряли свое влияние. В конце 1950-х годов в СССР обозначились трудности в обеспечении трудовыми ресурсами дальневосточных регионов, в том числе Приморья. Постоянный приток сюда трудоспособного населения с момента вхождения данной территории в состав России составлял одно из главнейших условий развития хозяйственно-экономической структуры края. Появились и первые признаки дефицита сырья для обеспечения развития хозяйственного комплекса страны. В 1955—1960 гг. темпы роста валовой продукции оставались относительно высокими, но снизились по сравнению с 1950—1955 гг.² В складывающейся неблагоприятной экономической ситуации политическое руководство страны вновь обращает пристальное внимание на природные ресурсы восточных районов, в том числе и юга Дальнего Востока, и пытается максимально их использовать для развития экономики Советского Союза. Социально-экономическая обстановка конца 1950-х — начала 60-х годов заставляла партийно-советскую элиту искать пути развития экономики и усиления советской державы, но она действовала на основе уже сложившихся традиций — дальнейшего использования экстенсивного пути развития производства. По-прежнему опираясь на российский способ разрешения экономических трудностей — колонизацию Дальнего Востока, партийное руководство, безусловно, модифицировало миграционную стратегию и тактику.

* Эти события уже достаточно широко освещены в отечественной исторической литературе, поэтому авторы на них не останавливаются.

Вклад Приморского края как единицы хозяйственного комплекса Дальнего Востока политическое руководство и управленческие структуры рассматривали сквозь призму развития отраслей, использующих природные ресурсы. В 1960-е годы Приморский край давал до 33 % рыбной промышленности и строительных материалов, около 80 % олова. Правительство и политическое руководство страны, возглавляемое в то время Н.С. Хрущевым, наряду с реализацией комплекса миграционных мероприятий пошло на увеличение капитальных вложений в развитие Дальнего Востока³.

Но кроме факторов, открыто и публично пропагандировавшихся во всех официальных документах и средствах массовой информации о внимании к региону, существовали и другие, о которых предпочитали не говорить. Однако их влияние на масштабы переселяемых на восток людских потоков было одним из определяющих. Это прежде всего проблема обороноспособности СССР на восточных границах. Приграничное положение Приморского края в условиях международного климата 1960—70-х годов постоянно определяло характер принимаемых решений и всех проводившихся социальных мероприятий в регионе. В начале 60-х годов партийное руководство в силу сложившихся отношений с Китаем большое внимание стало уделять проблеме укрепления демографического потенциала на востоке России. События в регионе активизировали внимание политиков к миграционным процессам.

В 1962 г. произошло 5 тыс. нарушений границы с китайской стороны. С февраля 1964 г. начались двухсторонние консультации по уточнению линии границы, в китайской прессе публиковались выдержки беседы с представителями социалистической партии Японии, состоявшейся 10 июня. В нашей стране это было воспринято как «реестр» территориальных претензий со стороны Китая. В августе переговоры были прерваны⁴. В «Атласе мира», опубликованном в КНР в 1972 г., появились конкретные цифры «территориальных потерь» Китая, понесенных по вине России, — 1,5 млн. кв. км². В марте 1969 г. напряженность на границе вылилась в крупномасштабные вооруженные конфликты — на р. Уссури в районе о-ва Даманского произошли бои с участием регулярных войск и бронетехники. Линия границы продолжала нарушаться с китайской стороны.

Переговоры по пограничным вопросам возобновились в сентябре 1969 г. и продолжались (с перерывом с 1978 г. по 1987 г.) до начала 90-х годов. Главным направлением дальневосточной внешней политики СССР было сдерживание Китая. Вкладывались огромные средства в техническое оснащение охраны границы, укреплялся Тихоокеанский флот. Укрепление границы обошлось СССР в 200 млрд. руб.⁶ В качестве противовеса китайским притязаниям на советской территории в Приморье в 1972 г. было переименовано около 500 населенных пунктов и географических объектов⁷. Таким образом, отношения с Китаем стали важнейшим историческим императивом пристального внимания советского руководства к проблемам миграционной политики.

Другой важной проблемой международных отношений, непосредственно касавшейся приморцев и возникновения новых миграционных потоков, был вьетнамский вопрос. В 1964 г. началось крупномасштабное военное вмешательство США в Юго-Восточной Азии, которое переросло в войну против вьетнамского народа. Лишь в 1973 г. в Париже было подписано соглашение о прекращении войны. Два основных момента определяли отношение политического руководства СССР к этим событиям: во-первых, необходимость оказания гуманитарной помощи (медикаменты, продовольствие) воюющему за свободу и независимость народу; во-вторых, стремление расширить советское влияние в странах «третьего мира» в условиях ведения США войны на чужой территории. Была организована регулярная помощь военной техникой и военными специалистами. У приморских портов Владивосток и Находка начинался знаменитый «мост дружбы» с вьетнамским народом. В октябре 1975 г. в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находилась вьетнамская партийно-правительственная делегация, возглавляемая Ле Зуаном. В ходе советско-вьетнамских переговоров были обсуждены вопросы двусторонних отношений и подписаны важные для Вьетнама документы: Соглашение об оказании Советским Союзом экономической помощи Вьетнаму, Протокол о координации народнохозяйственных планов двух стран на 1976—1980 гг. В принятой Декларации подчеркивалась задача дальнейшего углубления «братской дружбы и плодотворного сотрудничества между странами во всех областях, в том числе в подготовке национальных кадров». Союзнические отношения проявились в возникновении в конце 80-х годов нового направления международных связей — вьетнамской трудовой миграции, которая получила широкое распространение на территории Приморского края*.

Естественно, на ход исторических событий на международной арене, особенно на Дальнем Востоке, оказало поведение советских политических лидеров, их пристальное внимание к Приморью. В 1959 г. Н.С. Хрущев посетил Приморский край. Его поездка завершилась противоречивым результатом для населения края, что повлияло на миграционную подвижность приморцев.

В условиях падения темпов экономического роста правительство, опираясь на идеи Н.С. Хрущева, предприняло попытку изменить систему закрепления кадров в Приморье: отменило северные денежные надбавки, но увеличило средства на строительство жилья и всей социально-бытовой инфраструктуры. Стала реализовываться первая программа строительства «Большого Владивостока». Интерес к Дальнему Востоку, его южным районам проявился во всех властных структурах: от Госплана СССР и РСФСР до экономической комиссии ВЦСПС⁸.

* Данный вопрос будет рассмотрен в главе, посвященной международной миграции.

В конце 1950 — начале 60-х годов проблема закрепления трудовых ресурсов на Дальнем Востоке стала самой актуальной среди ученых Центра, Сибири и Дальнего Востока. В Сибирском отделении АН СССР в этой области активно работала лаборатория трудовых ресурсов, которой руководил Л.Л. Рыбаковский. Лаборатория плодотворно сотрудничала с комиссией ВЦСПС по экономическим вопросам. В 1964 г. члены комиссии, основываясь на результатах исследований ученых, разработали и направили документ в правительство. Группа ученых — Е.А. Маневич, В.Ф. Майер, Н.С. Маслова — подала в правительственные органы докладную записку «О состоянии и мерах повышения уровня жизни населения восточных и отдаленных районов РСФСР». Они писали о причинах слабой закрепляемости населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке — как на севере, так и в южной части региона⁹.

Приморский край являлся самым крупным по численности и плотности населения районом Дальнего Востока*. Здесь в первой половине 1960-х годов проживало на 1 кв. км 9,1 чел. при средней плотности 7,3 по РСФСР¹⁰. В начале 1965 г. в Приморье проживали 1564,3 тыс. чел. (32,5 %).

Деятельность ученых по анализу текучести кадров на предприятиях Дальнего Востока становилась базой для обоснования многих партийно-государственных решений, направленных на закрепление кадров и стабилизацию демографической ситуации в приграничных районах страны. Вопросами трудовых ресурсов и миграции занимался также научный совет Государственного комитета по вопросам труда и заработной платы при Совете Министров СССР. Была создана специальная группа экспертов по изучению и упорядочению льгот в районах Крайнего Севера Дальнего Востока. Как известно, к районам Крайнего Севера относились Тернейский, Ольгинский, Дальнегорский, Кавалеровский. Стремление партийной бюрократии опереться на профессиональные разработки ученых в проведении миграционных мероприятий на востоке России можно отметить как особую черту 1960—70-х годов. Государственные органы управления и региональные плановые учреждения широко использовали результаты научных исследований известных в те времена экономистов Л.Л. Рыбаковского, Д. Валентея и других ученых. Так, 12 июня 1965 г. в Совет Министров СССР поступили предложения Д. Валентея¹¹. Впоследствии эти материалы были широко использованы во многих партийно-государственных документах, которые касались дальневосточных районов.

Позиции группировки, возглавляемой новым партийным лидером Л.И. Брежневым, не изменили многолетних традиций, напротив, среди политико-экономических приоритетов генсека дальневосточный регион занимал одно из ведущих мест.

В 1968 г. ученые Хабаровского научно-исследовательского института СО АН СССР направили докладную записку секретарю Хабаровского крайкома КПСС А.П. Шитикову. В ней ученые изложили ретроспективный анализ различий в заселении Северо-Восточного Китая и южной части советского Дальнего Востока, приграничных районов: «... за 1920—57 гг. выявились резкие различия в заселении этих территорий». Население южной зоны советского Дальнего Востока составляло в 1920 г. 900 тыс. чел. и достигло к 1957 г. лишь 3,1 млн. чел. и даже не сравнялось с численностью населения провинции Хэйлунцзян на 1920 г. (Население провинции Хэйлунцзян в 1920 г. равнялось 3,5 млн. чел., в 1957 г. — 14 млн. чел., а всего Северо-Восточного Китая соответственно 13 и 51,5 млн. чел.¹²). Авторы, проанализировав плотность населения, сделали вывод: «В настоящее время даже в китайском Приамурье сформировалась демографическая зона, превышающая наиболее заселенную прижелезнодорожную зону советского Дальнего Востока по площади в три раза и плотности населения минимум в два раза». Ученые прогнозировали, что без принятия в ближайшее время неотложных мер по ускорению заселения южной части Дальнего Востока произойдет ухудшение демографической ситуации советского Приамурья и Приморья по сравнению с Северо-Восточным Китаем¹³. Фактор опасности огромных различий в демографических показателях с соседними китайскими провинциями стал важнейшим катализатором принятия многих решений в области переселенческой политики и закрепления трудовых ресурсов.

В середине 1970-х годов внимание к проблемам формирования трудовых ресурсов за счет миграционной политики активно поддерживалось средствами массовой информации. В 1974 г. во Владивостоке газета «Правда» провела зональный семинар журналистов Сибири и Дальнего Востока и серию встреч с приморцами. Пропаганда миграционной политики шла вокруг расширения мер по закреплению кадров в южных районах Дальнего Востока и усилению социальных мер в переселенческой политике.

В 1960—70-е годы осуществление миграционной стратегии и тактики советского типа стало возможным благодаря «культуре согласований», в иерархии которой управленцы, занимавшиеся вопросами планирования, распределения и набора людей для расселения на Дальнем Востоке, занимали далеко не последнее место. В предшествующий и рассматриваемый периоды менялась управленческая структура, организационный фетишизм не миновал и этой сферы.

Реализацией миграционной политики в Приморском крае занимались с 1938 по май 1953 г. Переселенческий отдел исполнительного комитета краевого Совета народных депутатов, с мая по декабрь 1953 г. — Краевое управление сельского хозяйства и заготовок. В 1954 г. вновь был восстановлен Переселенческий отдел исполкома края при Совете народных депутатов, который как структура просуществовал до июля 1956 г. В августе 1956 г. был образован Отдел переселения и организационного набора исполкома Приморского края. Этот отдел про-

* В среднем на Дальнем Востоке плотность населения была 0,9 чел. на 1 кв. км.

работал до конца 1966 г. С 1967 по ноябрь 1976 г. вопросами переселения и миграции ведал Отдел по использованию трудовых ресурсов Приморского края, а с декабря 1976 г. — Отдел по труду исполкома Приморского края*¹⁴. Частные структурные изменения фактически не меняли характера выполняемых ими функций. Смена названий не ликвидировала бюрократических просчетов в управлении миграционными процессами. Так, часто возникали проблемы несогласованности при определении объемов организованного набора рабочих и общественного призыва. Впоследствии информационно-справочную работу по оргнабору выполняли не только органы по использованию трудовых ресурсов, но и бюро по трудоустройству, созданные во всех городах и районах Приморского края¹⁵.

Таким образом, с конца 50-х — начала 60-х годов партийно-государственное руководство пыталось усилить элементы привлекательности переезда на юг Дальнего Востока. Если в предшествующие этапы около 50 % всех форм переселения приходилось на организованные формы, то в 60-е годы доля оргнабора стала ниже. Наиболее распространенным в Приморье оставался организованный набор рабочих в рыбную отрасль и плановое сельскохозяйственное переселение.

В 1960—1964 гг. доля организованного набора была уже не велика. В этот период ежегодное прибытие рабочих составляло не более 2000 чел., или 1 % от занятых в промышленности Приморья. Причины столь незначительного прибытия переселенцев по этой форме миграции были разными. С одной стороны, для организованных рабочих, направляемых в Приморье, существовали крайне низкие размеры подъемных — от 30 до 60 руб., с другой — в крае наблюдалось трехпроцентное превышение трудовых ресурсов в промышленном производстве¹⁶. Приморье на фоне других дальневосточных районов, особенно в сравнении с северо-восточными, выглядело более благополучно. Однако за «фасадом» благополучной ситуации с трудовыми ресурсами в крае в 1960—1964 гг. стояла очень серьезная проблема — большие масштабы процесса «обратничества» у мигрантов.

Ежегодно в 1960—1964 гг. в Приморский край прибывало 130—175 тыс. чел. В 1964 г. валовая миграция по прибытию составила 177 тыс. чел., а по выбытию — 129 тыс. чел.,¹⁷ т. е. покинули край 73,1 %. Причины и факторы, влиявшие на миграционный отток и обмен в крае, уже подробно рассматривались учеными, но уровень современного анализа делает их значимыми и актуальными и для XXI в.

К первой группе факторов относятся природные условия, которые влияют на многие стороны жизни населения. Природные условия увеличивают или уменьшают расходы населения на питание, одежду, обувь, топливо, вызывают различные затраты на проведение отдыха, воздействуют на состояние здоровья и интенсивность труда¹⁸. В условиях централизованной системы хозяйствования отдаленность от центра и южных курортных зон была также одним из неблагоприятных факторов.

Отметим, что значительная часть населения не застрахована от бедствий, связанных с наводнениями, которые наносят и несут огромный вред не только хозяйству, но и быту приморцев. Климат в крае более суров по сравнению с климатом страны и мест, расположенных на тех же географических широтах. Поэтому наибольший процент расходов приходится на питание (по социальным стандартам того времени ежесуточное количество калорий, необходимое для проживающих в данном регионе, на 15 % выше, чем для тех, кто проживал в западных областях страны) и одежду.

Хотя в Приморье значительно лучше, чем в других районах Дальнего Востока, развивалась сеть санаторно-курортного лечения, но ее пропускная способность в тот период была недостаточной. Население, выезжавшее в отпуск, направлялось в западные и южные районы страны, затрачивая на это огромные средства. Так, поездка в отпуск на запад на одного члена семьи «съедала» от 1/4 до 1/3 части годового фонда зарплаты. Данные выборочного обследования, проведенного в 1964 г. лабораторией трудовых ресурсов СО АН СССР (г. Хабаровск), показали, что на месте отдыхали 83,2 % опрошенных, в других районах Дальнего Востока — 4 %, за пределами Дальнего Востока — 12,7 %, причем более 1/3 от этого числа — на Украине и в Молдавии¹⁹.

Проведенные исследования сибирских и дальневосточных ученых показали, что приезжее население попадало в непривычные условия, которые существенно отличались от мест выхода. Поэтому переселенцы, часто не успев адаптироваться, возвращались обратно²⁰. В среднем за 1961—1963 гг. на каждые 100 чел., приехавших в край из других регионов Дальнего Востока, обратно выезжали 89 чел. В 1960—70-е годы 10—12 % прибывших по плановому переселению в Приморский край в год своего приезда возвращались в места выхода²¹.

Другим фактором являлось географическое положение районов вселения относительно районов выхода мигрантов. Здесь большую роль играли транспортные связи с районами. Рассматривая это обстоятельство с точки зрения технического прогресса в транспортной отрасли, можно сказать, что действие и влияние транспорта менялось во времени. Строительство железной дороги, особенно открытие воздушных перевозок, существенно сближает районы выхода и вселения мигрантов, тем самым уменьшая время на переселение в десятки раз. Еще в конце XIX — начале XX в. из районов европейского центра до Приморья люди добирались год — полтора, в 40—50-е годы временные затраты на этот путь составляли от 8 до 14 дней, в 60—80-е годы с использованием воздушного транспорта — всего несколько часов²². В 1964 г. была закончена электрификация участка Надеждинская — Уссурийск для всех видов поездов. Применение электрической тяги значительно повысило провоз-

* Органы, призванные заниматься проблемами и контролем за трудовой ситуацией, до сих пор в администрациях городов и районов Приморского края носят название отдела труда.

ную способность железной дороги. С открытием в 1959 г. линий воздушного транспорта в 1960—1980-е годы возросла роль воздушных перевозок. Широкое применение авиации привело к появлению новых типов самолетов: реактивные лайнеры Ту-154, скоростные самолеты ИЛ-18, АН-12, АН-24. В 1959—1970 гг. были построены десятки аэропортов местных воздушных линий. О повышении роли воздушного транспорта в пассажирских перевозках свидетельствует факт, что в 1960 г. было перевезено 1 млн. чел., а 1965 г. — 2,7 млн. чел., в 1970 г. — 4,5 млн. чел.²³

Немаловажный фактор, влияющий на миграционные процессы, — это национальный состав населения. Его можно рассматривать с двух сторон. Сила воздействия этнографического фактора зависит прежде всего от удельного веса коренных жителей в населении районов выхода. Проведенные исследования в первой половине 1960-х годов Институтом экономики СО АН СССР показали, что относительная интенсивность миграционных связей коренного населения национальных республик с восточными районами РСФСР тем выше, чем ближе язык, быт и культура у населения регионов выхода и вселения²⁴.

В первой половине 1960-х годов наблюдалось увеличение числа мигрантов по прибытию. Так, в 1964 г. прибывших в край было на 33 % больше, чем в 1961 г. Общий рост иммигрантов произошел прежде всего за счет увеличения неорганизованных переселений. По данным за 1960—1963 гг. на долю Дальнего Востока в мигрирующем населении Приморского края приходилось среди прибывающих 31,2 %, а среди выбывающих — 28,2 %. Интенсивность миграционных связей Приморья с другими районами Дальнего Востока была в 15 раз выше, чем с другими регионами страны, но при этом оттуда прибывало населения больше, чем убывало.

Второе место в миграционных связях Приморья принадлежало Украине (в статистических документах указывается вместе с Молдавией). Доля Украины в числе прибывших равнялась 9,1 %, а выезжавших — 10,4 %. По числу выезжавших на каждые 100 чел. Украина занимала третье место после Северного Кавказа (130 чел.) и Прибалтики (118 чел.) при 99 чел. по стране в целом. Некоторое объяснение этому факту можно найти в том, что в Приморье украинцев в структуре населения было больше, чем в любом другом районе Дальнего Востока, и больше, чем в среднем по РСФСР в 4,5 раза. Традиционные связи Приморья с Украиной в первой половине XX в. явились основой обмена населения между этой республикой и краем.

Но если рассматривать интенсивность в миграции, то важную роль в этом процессе играла Восточная Сибирь, за которой следовала Западная Сибирь: из каждых 100 чел., приехавших из Восточной Сибири, лишь 82 чел. выезжали обратно, в то время как на 100 чел., прибывших из Западной Сибири, обратно возвращались 105 чел., против 97 чел. по РСФСР. Следовательно, при определении интенсивности миграционных связей близость районов не влияла на результаты миграции, скорее всего большее значение имел фактор экономического развития районов²⁵. В 2001 г. в ходе социологического опроса в Спасском районе было выявлено несколько семей, прибывших из Восточной Сибири «самотеком».

Свыше 80 % всех мигрантов, прибывающих в Приморье, приходилось на выходцев из РСФСР, население которого составляло 55,5 % от союзного (табл. 25). Так, сельскохозяйственные Волго-Вятский и Центрально-Черноземный районы выступали в роли районов-доноров для Приморья. Рост численности сельского населения Приморья происходил за счет выходцев из этих регионов. Однако, несмотря на то, что только в 1960—1964 гг. в

Таблица 25

Регионы выхода мигрантов, прибывших в Приморский край в 1968—1969 гг. (чел.)

Регионы выхода	Всего	Мужчин	Женщин
РСФСР	175393	94856	80537
Северо-Западный район	3372	2133	1239
Центральный район	8888	5806	3082
Волго-Вятский район	2309	1472	837
Центрально-Черноземный район	2019	1131	888
Поволжский район	5517	3446	2071
Северо-Кавказский район	8768	5558	3210
Уральский район	5783	3406	2377
Западно-Сибирский район	8777	4994	3783
Восточно-Сибирский район	8829	4783	4046
Дальневосточный район	120670	61893	58777
Украинская ССР	14094	8259	5835
Донецко-Приднестровский район	6288	3493	2795
Юго-Западный район	5464	3493	2017
Южный район	2342	1319	1023
Казахская ССР	6709	4879	1830
Другие союзные республики	6295	4016	2279

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1974. Т. 7. С. 73.

села края было «завезено» свыше 35 тыс. чел., в сельском хозяйстве имелись трудности с наличием «рабочих рук». В 1970-е годы по плановому сельскохозяйственному переселению ежегодно меняли свое местожительство от 5 тыс. до 7 тыс. чел.

К концу 1960-х годов бесспорным лидером в предоставлении мигрантов Приморью являлись другие районы Дальнего Востока — 59,3 %. Причина столь большого числа лиц, прибывавших в край, объясняется природно-климатическим фактором, так как климат здесь гораздо мягче по сравнению с остальной частью дальневосточного региона. Второе место по количеству выходцев с большим отрывом принадлежало Украине — 10,03 %, третье — Центральному, Северо-Кавказскому и Восточно-Сибирскому районам (по 4,3 %). Таким образом, более 2/3 приезжих в Приморский край были выходцами из русскоговорящих регионов.

Ситуация, когда подавляющее большинство переселенцев являлись выходцами из русскоговорящих регионов, была характерна и для предшествующих периодов освоения Приморского края. В 1960—1964 гг. наблюдалась тенденция снижения количества мигрантов, приезжавших по оргнабору. За этот период в край прибыло немногим более 10 тыс. чел., что составляло более 7 % при общей численности рабочих и служащих в промышленности 200 тыс. чел. и представляло небольшую величину, равную в среднем для года 1 %. В целом в промышленности края имелось сверх плана почти 3 % рабочей силы. Обеспечение промышленности Приморья трудовыми ресурсами осуществлялось в основном за счет неорганизованных форм миграции, которые в отличие от организованных форм ежегодно возрастали. В 1968—1969 гг. число прибывших по оргнабору в Приморский край составило 5448 чел., или 5,1 %²⁶, в дальнейшем численность ежегодного прибытия лиц по оргнабору особо не изменилась, однако на фоне валовой миграции прибывших по оргнабору снизилась более чем на 2 %.

В этот же период происходит постепенный спад в организованном сельскохозяйственном переселении, за 1960—1964 гг. в сельскую местность прибыло 108,2 тыс. чел., а выбыло — 105,3 тыс. чел.²⁷ География мест выхода мигрантов, характерная для второй половины 60-х годов, особенно выразилась в миграционном потоке плановых переселенцев в сельские местности Приморья: в села и деревни прибыло 40 % семей из Краснодарского края, 25,8 % — из Ярославской области, 14,3 % — из Рязанской области, 10,6 % — из Кабардино-Балкарской АССР, 8,0 % семей — из Львовской области Украинской ССР*.

При определении мест вселения краевые органы власти (в условиях смягчения политического режима) учитывали желание мигрантов в выборе нового места жительства. Наиболее привлекательными для переселенцев оказались такие районы, как Ханкайский — 20,8 %, Хорольский — 12,6 %, Октябрьский — 12 %, Пограничный — 10,4 %, Михайловский — 8,8 %, Иманский (Дальнереченский) — 7,6 %, Уссурийский — 6,8 %, Чугуевский — 6,3 %, Кировский — 6 %, Пожарский — 4,1 %, Яковлевский — 1,3 % (см. табл. 26).

В 1968 г. привлекательным для переселенцев стал Лесозаводский район, не заселявшийся в предыдущем году. Немало семей мигрантов прибыло в этом же году в Ханкайский (21,4 %), Спасский (16,3 %), Октябрьский (14,5 %) и Пограничный (10,6 %) районы. Таким образом, переселенцы стремились селиться уже в освоенных сельскохозяйственных районах.

Наиболее широко (см. табл. 26) в деревнях и селах края были представлены переселенцы из Краснодарского края: из 13 заселявшихся районов они обосновались в восьми; Кировскому и Спасскому районам отдавали

Таблица 26

География расселения семей мигрантов в Приморский край из мест выхода в 1967—1968 гг. (%)

Места выхода	Краснодарский край	Кабардино-Балкария	Рязанская область	Ярославская область	Донецкая область	Львовская область	Полтавская область	Сумская	Киевская область	Примечания
Иманский	3,3	-	-	-	-	-	-	4,7	-	
Кировский	-	-	-	-	2,6	4,3	2,1	0,6	-	
Михайловский	3,8	-	-	-	-	-	-	-	-	Нет данных на 1968 г.
Октябрьский	9,6	4,9	-	-	-	-	-	-	-	
Пограничный	5,1	-	-	-	-	-	-	5,5	-	
Пожарский	1,8	-	-	-	-	-	-	-	-	
Спасский	-	-	5,1	-	2,1	-	-	-	-	
Уссурийский	4,6	3,9	-	-	-	-	-	-	-	
Хорольский	-	-	-	-	-	-	-	1,0	4,4	
Ханкайский	-	1,6	-	5,0	0,6	-	-	-	15,9	
Яковлевский	0,6	-	-	-	-	-	-	-	-	
Чугуевский	2,7	-	-	-	-	-	-	-	-	
Лесозаводский	-	-	-	-	-	-	2,9	-	-	Нет данных на 1967 г.

Таблица составлена автором на основе источников: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 43, 44 и др.

* Автором проанализированы анкеты 865 семей переселенцев, выборка составила 15,3 %.

Таблица 27

Мотивация перемены места жительства в 1968—1969 гг. (%)

Мотив	Всего	В том числе	
		Мужчин	Женщин
1. Жить в городе	9,4	8,5	11,0
2. Повысить заработную плату	11,0	12,8	7,7
3. Повидать новые места, поработать на большой стройке	21,6	19,9	24,7
4. Улучшение жилищных условий	16,1	16,5	15,5
5. Смена специальности	3,3	3,0	3,8
6. Совмещение работы с учебой	3,2	2,8	4,1
7. Семейные обстоятельства	8,4	8,6	7,9
8. Прочие мотивы	2,3	2,6	1,7
9. Не дали ответа	24,7	25,3	23,6

Источник: Миграция населения РСФСР. М., 1973. С. 75.

предпочтение выходцы с Украины. Мигранты ориентировались на новые места, где существовали культурно-бытовые и языковые предпосылки.

Таким образом, анализ показывает, что на данном этапе больше половины всех переселенцев прибыли из РСФСР: из Краснодарского края, Ярославской и Рязанской областей переселились в Приморский край 61,1 %. Несколько необычно среди регионов-доноров выглядела Кабардино-Балкарская АССР. Однако изучение документов показало, что более 80 % мигрантов, прибывших из этого региона, являлись русскоязычными жителями республики. На основе этого можно заключить, что 2/3 переселенцев в структуре национального состава новоселов были русскими.

Всесоюзная перепись населения 1970 г. показала, что в Приморье в 1968—1969 гг. из-за пределов края прибыло 106257 чел., в том числе переехали из города в город — 36,0 %, из села в город — 26,8 %, из города в село — 15,9 %, из села в село — 21,1 %²⁸.

Мотивация смены места жительства соответствовала нормам и ценностям советского общества и отражала менталитет людей 60-х годов (см. табл. 27).

На первом месте стоял так называемый романтический мотив: стремление повидать новые места, работать на большой стройке, но в целом прослеживалась прагматическая тенденция. Это было закономерно для формирующегося потребительского общества в СССР: в совокупности желающие улучшить материальное положение и повысить заработную плату составили 27,1 %.

Государственная миграционная политика в 60-е годы опиралась на стимулирующую роль материальных факторов. Большая часть северных льгот, отмененных в 1956 и 1960 гг., была восстановлена в конце 60-х годов, так как их отмена вызвала отток населения из Приморского края. В октябре 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР поручил Государственному комитету по вопросам труда и заработной платы, Госплану СССР, Министерству финансов СССР, ВЦСПС с участием Совета Министров РСФСР разработать мероприятия, направленные на закрепление кадров в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока. 22 декабря 1965 г. Госплан СССР отдал приказ плановым комиссиям Дальневосточного экономического региона разработать «предложения по развитию производительных сил». А в январе 1966 г. плановая комиссия Госплана РСФСР с участием местных партийных, советских работников уже разрабатывала этот документ. В целях закрепления трудовых ресурсов в Приморском крае отдел труда и заработной платы Госплана СССР начал ходатайствовать перед Советом Министров СССР о создании для населения Дальнего Востока ряда льгот. В 1967 г. появился документ «О дальнейшем развитии производительных сил Дальневосточного экономического региона и Читинской области», в котором были определены некоторые льготы финансирования Дальнего Востока и меры по привлечению населения.

Действия нового руководства страны, направленные на «повышение материального благосостояния», нашли свое отражение и в миграционных процессах. В 70-х годах был сделан акцент на увеличение денежных доходов различных социально-профессиональных групп дальневосточников. Попытки Н.С. Хрущева и его окружения заменить систему денежных льгот на «комплексный подход» в начале 60-х годов, привели к очередному оттоку населения из края. Принятие важного для жителей края постановления Совета Министров СССР от 26 сентября 1967 г. стало завершающим актом в цепи всех предшествовавших социально-политических событий. Данным документом вводился коэффициент к заработной плате рабочих и служащих легкой и пищевой промышленности, здравоохранения, в 1968—1970 гг. повышена заработная плата 350 тыс. жителей Дальнего Востока²⁹.

Результаты социальной политики не замедлились отразиться и на миграционных процессах 1970—80-х годов. В этот период расширилась география выхода и география размещения мигрантов в Приморском крае. В 1973 г. прибавляются Курская, Пензенская области, Мордовская АССР, появляются выходцы из Одесской, Винницкой, Волынской, Закарпатской и Черновицкой областей (Украинская ССР). В 1974 г. отмечено прибытие лиц

из Северной Осетии, Ровенской области Украинской ССР, в 1978 г. — из Чечено-Ингушской АССР, в 1981 г. — из Крымской области Украинской ССР, в 1982 г. — из Узбекистана и Киргизии. В 1985 г. увеличивается поток переселенцев из Кабардино-Балкарии и Узбекистана. Таким образом, последние новоселы планового переселения прибыли в Приморье в 1987 г. из РСФСР, Киргизии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии³⁰.

В 70—80-х годах к 13 районам, заселявшимся в 60-х годах, прибавилось еще 14. Наибольшее число мигрантов прибыло в 1974 г. (пик миграции) в Октябрьский (566 чел.), Михайловский (414 чел.), Пограничный (320 чел.), Кировский (375 чел.) районы. Общее число переселенцев в 1974 г. составило 6721 чел. Отмечено прибытие в Ольгинский и Тернейский районы, приравненные к Крайнему Северу.

Однако в 70-х годах сохранялась тенденция прошлых лет — высокая доля возвращения мигрантов. Так, из прибывших в 1974 г. сразу же вернулись в места прежнего проживания или выбыли за пределы края 285 чел., или 4,2 %, и изменили местожительство по Приморскому краю — 2,1 %.

В 70-х годах появилась особенность, не наблюдавшаяся ранее: по плановому переселению стали принимать мигрантов в города (Артем и Лесозаводск). В таких городах, как Владивосток, Уссурийск, Находка, численность населения увеличивалась и за счет естественного прироста, и за счет механического. Механический прирост в этих городах проходил благодаря внутрикраевой миграции и организованному набору рабочих в трудоизбыточных районах страны.

Регионами-донорами по-прежнему были Краснодарский край — 29,7 %, Украинская ССР — 49,3 %, другие области РСФСР — 13, 5 %, Кабардино-Балкария — 4,4 %, Северная Осетия — 2,4 %.

В 70—80-е годы тенденция снижения организованных форм миграции сохранялась. В этот период стали преобладать самостоятельные приезды жителей в Приморье из западных и южных районов страны. Причиной такого явления было предоставление в 1960-е годы ряда льгот не только прибывающим в организованном порядке, но и всем лицам, прибывающим самостоятельно. Эта форма пополнения населения составляла почти 50 %³¹. Большое распространение получила другая форма миграции, относящаяся к модифицированной форме оргнабора, — общественный призыв. По общественному призыву в 1968—1969 гг. прибыли 18872 чел., или 17,7 %³².

Партийное и государственное руководство страны, заинтересованное в использовании сырьевых источников восточных районов, обратило внимание управленцев на поиски путей и возможностей совершенствования политики переселения. В 70-е годы управленцы, занимавшиеся вопросами миграции, не стали изобретать новых форм, обратились к старому опыту. Они считали, что потребность в оргнаборе как форме планового распределения трудовых ресурсов еще не утратила своего значения, и поэтому разрабатывались соответствующие документы. В 1972 г. оргнабор был запланирован для предприятий и строек более 40 министерств и ведомств. Однако, учитывая политические директивы партийного руководства страны о повышении интенсификации производства и создании условий для привлечения населения в районы со статусом хозяйственного освоения, в 1970 г. Государственным комитетом Совета Министров РСФСР по использованию трудовых ресурсов была установлена новая форма учета рабочих организационного набора, которая, по подсчетам специалистов, позволяла определить качественный состав рабочих, причины заключения трудового договора и т. п.³³ Планировалось достичь эффективности организованного переселения через совершенствование системы учета, в том числе и профессионального состава. Это было тесно связано с новыми поворотами в региональной дальневосточной политике государства*.

В результате новаций в организации переселения были достигнуты некоторые успехи, в частности, контроль за профессиональным составом мигрантов (см. табл. 28).

Таблица 28

Профессиональный состав переселенцев Приморского края в 1974 г. (%)

Тракторист	Шофер	Строители	Бульдозерист	Плотник, столяр	Сварщик	Слесарь	Электрик	Другие
31,6	14,8	17,8	1,9	12,8	1,9	6,9	3,9	14,8

Таблица составлена автором на основе источников: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 85, 89, 91, 101 и др.

Среди переселенцев 1974 г. имели по две профессии 13,8 % от числа прибывших. Из таблицы видно, что все специальности могли быть применимы как в сельской местности, так и в городской, что способствовало продолжению миграций, чаще всего из села в город. Таким образом нарушались подсчеты плановых органов.

Несмотря на попытки государства влиять на миграционные процессы в сторону увеличения численности населения в Приморском крае за счет привлечения мигрантов и их заинтересованности, а также идеологического компонента и организованных форм переселения, в 60—80-е годы наблюдался отток населения. Главная причина — низкий уровень жизни приморцев по сравнению с другими регионами РСФСР.

Основным источником доходов приморцев являлась заработная плата. Хотя политический центр в рассматриваемый период и предпринял ряд мер по закреплению кадров, объявив курс «комплексного развития производительных сил Дальнего Востока» путем закрепления кадров и трудовых ресурсов, он пошел на уравни-

* В этот период в системе «ценностей» Генерального секретаря КПСС Л.И. Брежнева Дальнему Востоку уделялось значительное внимание, что сказывалось на увеличении капиталовложений в регион.

Таблица 29

Динамика заработной платы в Приморском крае в 1965—1985 гг. (руб.)

Отрасли	1965	1970	1975	1980	1985
В среднем по народному хозяйству	120,3	153,7	184,2	212,4	239,9
Промышленность	144,2	180,0	221,5	245,6	284,1
Сельское хозяйство	97,2	126,8	156,1	189,1	189,1
Транспорт	133,7	172,7	224,3	261,8	306,4
Строительство	133,0	172,8	197,3	228,3	255,3
Торговля и общественное питание	86,4	113,7	124,8	159,2	176,2
ЖКХ и бытовое обслуживание	77,9	109,1	129,4	155,8	167,3
Здравоохранение	80,1	109,7	129,4	155,8	161,6
Просвещение	102,9	114,3	131,9	149,2	169,8
Наука и научное обслуживание	142,9	172,3	200,5	225,0	257,7
Аппарат государственного и хозяйственного управления	115,1	143,7	149,9	181,1	191,1

Источник: Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке в середине 40—80-х годов XX в. Владивосток, 1998. С. 176—177.

нительные меры. В итоге была повышена заработная плата даже в так называемых неприоритетных областях народного комплекса (табл. 29), но в среднем произошло снижение реальных доходов у приморцев. Самый высокий индекс сохранился в таких отраслях, как связь (1,55), промышленность (1,57) и транспорт (1,55). Этот относительно высокий показатель в транспорте способствовал преобладанию среди переселенцев специалистов механизаторских профессий — тракторист, шофер, бульдозерист. Самое низкое индексное соотношение в заработной плате было у работников просвещения и культуры. В крае оно составляло 1,1 %. Таким образом, данные профессиональные группы не имели никаких преимуществ в заработной плате перед такими же группами Центральной России³⁴.

На уровень жизни в Приморье повлияло скрытое повышение цен на непродовольственные товары. Их приобретение в среднем на душу населения в регионе обходилось в 1980 г. на 16,3 % дороже, чем в центральных районах, а в 1983 г. — на 17,0 %. По такой группе товаров, как меховые изделия, необходимые в климатических условиях региона, приходилось тратить в 3—4 раза больше. В конце 70-х годов произошло повышение цен на некоторые виды продуктов и транспортные услуги. По подсчетам специалистов, каждый дальневосточник стал тратить на продукты питания в 1980 г. на 13,9 % больше, чем по РСФСР, а в 1983 г. — на 32 %.³⁵

Таким образом, постоянный рост доходов в виде заработной платы у приморцев в 1970—1980-х годах реально уже не мог компенсировать затраты, связанные с удорожанием проживания.

С 1950 по 1965 г. (исключение составил 1959 г.) число жителей Приморского края неуклонно росло. Темпы увеличения населения края, снизившись во второй половине 50-х годов, вновь возросли в начале 1960-х. В 1964 г. прирост населения составил 61,9 тыс. чел., что было нетипичным для Приморья³⁶.

Таблица 30

Национальный состав жителей по селам и пгт Приморского края 1959 г. (%)*

Пгт / село	Всего	Русские	Украинцы	Татары	Мордва	Белорусы	Корейцы	Другие
Артемовский	7,1	86,3	6,5	2,03	1,03	0,7	2,2	1,7
Раздольное	9,8	83,4	8,6	1,6	2,1	1,1	0,01	2,6
Кавалерово	12,2	86,1	10,1	0,5	0,5	1,04	0,1	1,5
Хрустальный	5,4	85,3	7,8	3,1	1,3	1,3	0,03	0,9
Сучан	10,6	83,6	6,5	4,6	1,8	0,9	0,6	1,6
Пластун	1,07	92,0	3,6	0,3	1,2	0,6	1,1	0,9
Терней	3,3	86,2	5,2	0,5	2,2	0,2	4,7	0,8
Тетюхе	17,4	91,1	5,2	0,7	0,4	1,0	0,1	1,3
Тетюхе- Пристань	6,4	90,7	5,2	0,2	0,6	1,8	0,1	1,2
Славянка	3,6	83,6	8,4	1,2	2,8	0,6	0,1	3,0
Краскино	6,9	82,6	10,5	1,4	0,9	1,6	0,4	2,6
Большой Камень	8,0	87,5	5,2	0,5	1,4	0,5	2,3	2,4
Смоляниново	7,7	84,7	9,2	2,0	0,8	0,9	0,4	1,9

Подсчитано автором на основе источника: ГАПК. Ф. 131. Оп. 2. Д. 2. Л. 1,19, 37, 49, 103, 121, 133, 163, 169, 180, 199, 205, 223.

* Проанализировано 96962 чел., к сожалению, не найдено такой же статистики по городам.

Исторические последствия миграционной политики 60—80-х годов проявились в разных сферах общественной жизни. Во-первых, миграция населения в Приморский край в этот хронологический отрезок времени улучшила размещение трудовых ресурсов в рамках централизованной системы распределения. Во-вторых, она значительно повлияла на социальную и этническую структуру населения.

Всесоюзная перепись населения 1959 г. по селам и поселкам городского типа (далее — пгт) Приморского края выявила следующий национальный состав (см. табл. 30).

Приведенные данные показывают, что в 1959 г. в сельскохозяйственных районах и поселках городского типа Приморского края проживало русских — 86,4 %, украинцев — 7,3 %, татар — 1,5 %, мордвы — 1,1 %, белорусов — 1,02 %, корейцев — 0,7 %, других — 1,7 %. Наибольшее число русских в селах Пластун Тернейского района (92,0 %) и Тетюхе-Пристань Тетюхинского (Дальнегорского) района (90,7 %). Украинцы отдавали предпочтение Кавалерово (10,1 %) и Краскино Ханкайского района (10,5 %). Татары расселились в пгт Артемовском (2,03 %), пгт Хрустальном Кавалеровского района (3,1 %), Смоляниново Шкотовского района (2,0 %) и пгт Сучан Сучанского (Партизанского) района (4,6 %). Корейцы, возвращаясь из Средней Азии, в качестве нового места жительства выбрали районы Южного Приморья: пгт Артемовский (2,2 %) и пгт Большой Камень (2,3 %). Довольно высокий процент корейцев отмечен в с. Тернее Тернейского района. К сожалению, до сих пор не выявлено документов о приезде северных корейцев в Приморье в конце 50-х годов. Однако, учитывая, что в 1958—1959 гг. 4216 граждан КНДР пожелали остаться в СССР и приняли российское гражданство (в основном на Сахалине), возможно, часть занятых в рыбной промышленности осталась в крае. В Приморье в 1959 г. проживало 6597 корейцев³⁷, из них подавляющая часть после 1955 г. вернулась самотеком из мест депортации. В качестве гипотезы можно предположить, что в период репрессий и депортации несколько семей все-таки остались жить в Приморье.

К сожалению, в документах переселенцев 1960-х годов не указана национальность. Учитывая данные табл. 26, можно предположить, что 2/3 мигрантов были русскими; Всесоюзная перепись населения 1970 г. подтверждает эту гипотезу (см. табл. 31).

Таким образом, население Приморского края увеличилось с 1564,3 тыс. чел. в 1959 г. до 1721,285 тыс. чел. в 1970 г., т. е. на 156,985 тыс. чел. Основным этносом Приморья в 1970 г. являлись русские (85,5 %), второе место в структуре национального состава населения края принадлежало украинцам (9,4 %), третье место — мордве (1,09 %) и татарам (1,06 %), но доля двух последних была крайне незначительной.

Этническая структура жителей по селам и городам выглядит так: 63,8 % русских отдавали предпочтение городам и 21,6 % — селам, украинцы — 5,3 % и 4,0 % соответственно, татары — 0,8 % и 0,1 %, белорусы — 0,6 % и 0,2 %, мордва — 0,4 % и 0,2 %, корейцы — 0,3 % и 0,1 %, чувашаи — 0,1 % и 0,07 %, евреи — 0,1 % и 0,03 %, казахи — 0,08 % и 0,04 %, молдаване — 0,07 % и 0,03 %, другие национальности 0,7 % и 0,3 %³⁸. В 60-е годы корейское население в Приморье сформировалось главным образом за счет самостоятельных переселений. Большая часть евреев, немцев, чувашей и другие прибывала в край либо самотеком, либо используя такие формы миграции, как организованный набор, переезд по службе, распределение по окончании учебного заведения, и др. Национальный состав мигрантов 70-х годов состоял из русских (78,4 %), украинцев (11,1 %), татар (1,3 %), мордвы (0,4 %), прочих (8,6 %)³⁹. В формировании национальной структуры населения Приморского края первое место принадлежало русским, второе, но с большим отрывом — украинцам.

В последующее десятилетие продолжался приток населения в край. В этот период расширились не только география мест выхода переселенцев, но и их национальный состав. К сожалению, источник по-прежнему содержит информацию только о национальном составе сельхозпереселенцев. Так, в составе прибывших в 1973 г. в сельскую местность Приморского края главы семей — русские составили 46,3 %, украинцы — 45 %, белорусы — 2,2 %. Среди переселенцев появляются такие национальности, как венгры — 2,5 %, угорцы — 1,3 %, молдаване — 0,9 %, немцы — 1,3 %, армяне и карелы — по 0,4 %⁴⁰.

В 1974 г. в национальном составе переселенцев наблюдается преобладание украинцев (48 %), русские составляли 43,3 %, белорусы — 2,3 %, венгры — 1,7 %, кабардинцы — 0,9 %, татары — 0,6 %, башкиры — 0,6 %, коми-пермяки — 0,3 %, молдаване — 0,3 %, немцы — 0,3 %, удмурты — 0,3 %, словаки — 0,3 %, азербайджанцы — 0,3 %, другие — 0,8 %⁴¹.

Областями-донорами в 70—80-х годах по-прежнему были Краснодарский край (29,7 %), другие области РСФСР (13,5 %), Украинская ССР (49,3 %), Кабардино-Балкария (4,4 %), Северная Осетия (2,4 %). Два последних региона занимали особое место в географии выхода переселенцев, что однако не отражало роли этнического компонента в формировании населения региона. Выше мы уже анализировали это явление на примере 1968 г. и 1974 г. В 1974 г. из Северной Осетии и Кабардино-Балкарии прибыло 120 семей. Из них русские составили 85 %, украинцы — 4,1 %, осетины — 4,1 %, кабардинцы — 2,5 %, белорусы — 1,6 %, немцы, ингуши, азербайджанцы, мордва — по 0,8 % (3,2 %).

В Приморье продолжилось заселение 27 из 29 районов края. Наибольшее число мигрантов в 1970-х годах прибыло в Октябрьский, Михайловский, Пограничный, Спасский, Кировский районы. Общее число переселенцев составило 6721 чел. Из городов, принимавших мигрантов, указаны только Артем и Лесозаводск⁴².

Таблица 31

Национальный состав жителей Приморского края в 1979 и 1989 гг.

№	Национальность	1970 г.		1979 г.		1989 г.	
		Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
1.	Всего	1721285	100	1976600	100	2256072	100
2.	Русские	1472322	85,5	11721606	87,1	1960554	86,9
3.	Украинцы	162767	9,4	163116	8,2	185091	8,2
4.	Белорусы	18256	1,0	17822	0,9	21954	0,9
5.	Татары	15507	0,9	19459	1,0	20211	0,9
6.	Мордва	18847	1,0	10233	0,5	9193	0,4
7.	Корейцы	8003	0,4	8003	0,4	8454	0,4
8.	Чуваши	4093	0,2	4574	0,2	5129	0,2
9.	Немцы	3832	0,2	3132	0,2	4194	0,2
10.	Молдаване	2171	0,1	2629	0,1	3755	0,1
11.	Узбеки	2052	0,1	1326	0,1	3356	0,1
12.	Народы Севера, Сибири и ДВ	1509	0,08	1401	0,1	1693	0,1
13.	Другие национальности	18842	1,1	23177	1,2	32488	1,5

Таблица составлена на основе источников: Национальный состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 4. С. 70; 1989. С. 104; 1990. С. 145—146.

Новым явлением по сравнению с 60-ми годами можно считать некоторое уменьшение состава семей переселенцев. Средняя семья мигранта в 70-е годы состояла из 3,2 чел. Немало прибыло и тех, кто не состоял в браке (7 %) или имел только супругу (27 %)⁴³, что в 60-х годах отмечено не было. Состав переселенцев 80-х годов закрепил национальную структуру населения, о чем свидетельствуют данные табл. 31.

За десятилетие национальный состав края в общем не изменился. Число русских, проживающих в Приморье, увеличилось на 238948 чел., однако произошло снижение их доли на 0,2 %. Увеличение количества украинцев, белорусов, корейцев, чувашей, немцев, молдаван, узбеков не повлекло изменения их доли в национальном составе края. В национальной структуре края уменьшилась доля татар на 0,1 % по сравнению с переписью 1979 г.; у представителей мордовской национальности произошло численное снижение на 1040 чел., что также привело к снижению их доли на 0,1 % по сравнению с переписью 1979 г.; наблюдаются некоторые изменения в графе «другие национальности» — число их представителей увеличилось на 9311 чел., или на 0,3 %; отмечается рост численности коренных национальностей некоторых союзных республик в Приморье в основном за счет миграции: особенно значительными темпами росло число киргизов, таджиков, азербайджанцев, узбеков, армян и туркмен.

В ходе социологического исследования были выявлены несколько семей армян, приехавших в 1989—90-х годах после землетрясения в Спитаке и Ленинакане (1988); на приезд азербайджанцев повлияли события в Нагорном Карабахе. Росту мигрантов указанных национальностей способствовало снятие с Приморского края «пограничной зоны», а с Владивостока — статуса «закрытого города».

Среди национальностей, проживавших в основном за пределами СССР, имевших свою государственность, наибольшее число составили корейцы (8454 чел.), немцы (4194 чел.), поляки (1,9 тыс. чел., или 0,08 %), греки (300 чел., или 0,01 %), болгары (500 чел., или 0,02 %), венгры, румыны, китайцы (по 200 чел.). Перепись населения 1989 г. показала, что за этот период в крае стало меньше латышей на 26 % (245 чел.), эстонцев — на 8 % (80 чел.), евреев — на 21 % (570 чел.). Снижение численности вышеперечисленных национальностей происходило за счет выезда их за пределы края, частично за счет ассимиляции с другими национальностями (например, мордва).

Всего по данным переписи населения 1989 г.* в крае было зафиксировано более 90 национальностей (по сравнению с 1979 г. этот показатель возрос на 10 единиц)⁴⁴. Это было связано с тем, что сравнительно небольшие по численности народы, особенно Кавказа, в более ранних Всесоюзных переписях были консолидированы с другими нациями.

В 1989 г. наибольшая доля русских проживала в г. Арсеньеве (91,5 %), Кавалеровском (91,3 %) и Дальнегорском (92,3 %) районах. Украинцы отдавали предпочтение Дальнереченскому (23,3 %), Лесозаводскому (19,5 %), Яковлевскому (15,7 %), Спасскому (14,7 %), Ханкайскому (14,6 %), Черниговскому (13,8 %), Кировскому (13,7 %), Михайловскому (12,8 %) районам. Выбор белорусов пал на Яковлевский (1,5 %), Дальнереченский, Ханкайский (по 1,4 %), Шкотовский, Чугуевский, Пограничный, Партизанский (по 1,3 %) районы. Наибольший процент татар был зафиксирован в южных районах Приморского края: Артемовском горсовете (2,3 %), Надежденском (1,9 %), Партизанском (1,8 %) районах, г. Находке (1,1 %). В других городах и районах число проживавших та-

* Всесоюзной переписью населения 1989 г. было зафиксировано 128 национальностей.

тар не превышало 1 %⁴⁵. Можно отметить, что за 30 лет в географии расселения этнических мигрантов не произошло кардинальных изменений.

С 1989 г. в крае стало увеличиваться корейское население и в первую очередь за счет самостоятельных переселений из Казахстана и Средней Азии. Зарождавшиеся националистические тенденции, проявлявшиеся чаще всего в быту, были поводом к смене места жительства. Определенную роль в выборе нового места жительства сыграл и факт их проживания до депортации (1937 г.) в Приморье. Так, данные Всесоюзной переписи населения показали, что за десять лет корейское население увеличилось на 26,7 %. В расселении корейцев в Приморье, в том числе и новоселов, сыграли роль два фактора: процесс значительной урбанизации в крае и высокий образовательный уровень корейцев. Доля корейцев-горожан выросла на 31,3 %, а сельчан — на 16,3 %. Этим объясняется преобладание корейцев-горожан в 2 раза над корейцами-сельчанами к концу исследуемого периода.

В 60—80-е годы продолжался советский вариант колонизации юга Дальнего Востока, однако имелись отличия от 30-х годов и в этом процессе. Выдвинутый партийным государством лозунг «Освоение новых земель», частично подкрепленный системой материальной поддержки мигрантов, способствовал переселению в Приморский край как сельского, так и городского населения из густонаселенных и малоземельных районов страны.

Сложность климатических условий и низкая культура труда в Приморье приводили к постоянному недостатку рабочих кадров в сельском хозяйстве и оттоку населения из села в город, либо обратно на «родину». Поэтому сельское население края регулярно пополнялось за счет прибытия по плановому переселению, что было традиционной чертой российского цивилизационного комплекса как в конце XIX в., так и в рассматриваемый период.

Восстановленные надбавки во второй половине 60-х годов XX в. дали положительные результаты. Снижился отток населения из края, в последующие десятилетия расширилась география выхода переселенцев и их расселения по Приморью. Но положительное сальдо миграции с Приморьем из 10 экономических регионов имело всего 4 региона, а из республик — только с Казахстаном. В 80-х годах наблюдается снижение численности переселенцев по организованным формам миграции. Свободное перемещение становится типичным явлением последнего советского десятилетия, количество самостоятельных переездов значительно возросло. Благодаря этому фактору сальдо миграции в Приморье еще оставалось положительным.

В конце 1980-х годов был отмечен рост числа представителей кавказских и среднеазиатских национальностей (армяне, азербайджанцы, узбеки, таджики). В этот период отмечается прибытие по плановому переселению представителей таких национальностей, как угорцы, евреи, венгры. Однако основной частью национального состава Приморского края за 30 лет по-прежнему были русские (более 80 %), с большим отрывом — украинцы, татары и мордва — с большим отрывом от украинцев.

Хотя в конце 80-х годов еще сохранялось положительное сальдо миграции, удорожание жизни в крае привело к тому, что в Приморье стали складываться социально-экономические предпосылки оттока населения. С другой стороны, океаническая направленность промышленности, расширение экономических связей со странами АТР, создание условий для развития кооперативов, «открытие» Приморья стали причинами повышения интереса к краю со стороны лиц, которые в более поздний период стали предпринимателями.

¹ Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке. Владивосток, 1998. С. 23.

² Народное хозяйство РСФСР в 1961 году: Стат. сборник. М., 1962. С. 98, 118, 126—129.

³ Деревянко А. П. Российское Приморье на рубеже третьего тысячелетия. Владивосток, 1999. С. 136, 138.

⁴ Ларин В. Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х годов: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998. С. 187.

⁵ Там же. С. 188.

⁶ Правда. 1990. 5 июня.

⁷ Соловьев Ф.В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1975.

⁸ Ващук А. С. Социальная политика в СССР... С. 112.

⁹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 61. Д. 9656. Л. 106—109 и др.

¹⁰ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 179. Л. 17.

¹¹ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 5. Д. 4542. Л. 15—18.

¹² ГАХК. Ф. 33. Оп. 10. Д. 484А. Л. 2.

¹³ Там же.

¹⁴ ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

¹⁵ Миграция населения РСФСР. М., 1973. С. 76.

¹⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 179. Л. 48.

¹⁷ Там же. Л. 37.

¹⁸ Социальные факторы и условия миграции населения СССР. М., 1974. С. 45—47.

¹⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 179. Л. 45.

²⁰ Миграция населения РСФСР. С. 47.

²¹ Подсчитано на основе: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 17, 46, 53, 55, 84, 117 и др. (все листы дел).

- ²² Миграция населения РСФСР. С. 46.
- ²³ Деревяшко А.П. Российское Приморье... С. 153—154, 157.
- ²⁴ Миграция населения РСФСР. С. 52—53.
- ²⁵ Там же. Л. 42—43.
- ²⁶ ГАПК. Ф. 131. Оп. 11. Д. 33. Л. 15.
- ²⁷ Там же. Л. 41.
- ²⁸ Там же. Л. 2.
- ²⁹ Ващук А.С. Социальная политика в СССР... С. 154—155, 171.
- ³⁰ ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 42, 55—56, 85, 87, 91, 109—111, 113, 117—119, 137—139, 140—141, 143—145, 148 (все листы дел).
- ³¹ Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке в 1950—60-е гг. Владивосток, 1991. С. 47—48.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 77.
- ³⁴ Там же. С. 180, 172.
- ³⁵ Там же. С. 181.
- ³⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 179. Л. 19.
- ³⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 334.
- ³⁸ Подсчитано на основе: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. М., 1973. С. 70—71.
- ³⁹ ГАПК. Ф. 131. Оп. 11. Д. 33. Л. 13.
- ⁴⁰ Подсчитано на основе: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 55—56, 85, 87, 91, 109—111, 113, 117—119, 137—139, 140—141 и др. (все листы дел).
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² ГАПК. Д. 113, 117, 119, 144 и др. (все листы дел).
- ⁴³ Там же. Д. 85.
- ⁴⁴ Национальный состав населения Приморского края (по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Владивосток, 1991. С. 7.
- ⁴⁵ Там же. С. 13—14.

4.2. АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В ПРИМОРЬЕ В 1960—1980-е ГОДЫ

Исследование адаптации мигрантов, особенно этнических групп в 60—80-е годы, в отечественной исторической науке является одной из сложных задач. Современная историографическая ситуация определяется несколькими факторами разного уровня. Во-первых, длительное господство технократической концепции заселения дальневосточного региона привело к тому, что в рассматриваемый период государственные органы были заинтересованы в односторонней информации, отражающей только количественные показатели миграции. Партийно-государственная стратегия, основанная на идеях переселения из густонаселенных регионов СССР в районы с дефицитом трудовых ресурсов, предопределила весь источниковый массив. Таким образом, исследовательские возможности оказались во многом ограничены.

Следует отметить, что источники разбросаны по многочисленным фондам разных государственных архивов. В статистической отчетности сведения о характере адаптации отражены сквозь призму косвенных показателей. В процессе переселения за выполнение планов отвечали одни управленческие структуры, за строительство жилья для переселенцев — другие, анализировали сальдо миграции — третьи. В итоге многие стороны жизни мигрантов оставались вне поля зрения официального делопроизводства. Во-вторых, на характер изучения рассматриваемых вопросов влияли и советские реалии: интернационализация производственных коллективов, наличие единого партийно-государственного управления и механизма распределительно-нормированных отношений. К данной проблеме обращались представители экономической науки, разрабатывая в рамках существовавшей парадигмы определенные критерии, которые во многом помогают сегодня реконструировать отдельные стадии и стороны адаптации переселенцев.

При раскрытии названных проблем в научных работах 60—80-х годов в основном использовались два главных подхода: анализ приживаемости через сальдо миграции, учет различий в зависимости от генетических показателей и времени вселения. В трудах Ж.А. Зайончковской и И.В. Переведенцева была предложена методика, где приживаемость новоселов связывалась с миграционной подвижностью населения. Под приживаемостью авторы понимали «переход переселенцев в состав населения постоянного места вселения»¹. Группа новоселов может считаться прижившейся, если основные показатели их миграции не отличаются существенно от показателей старожилов данного места. По существу, в этом подходе рассматривался формальный признак миграционной подвижности. Другой подход, разработанный Л.Л. Рыбаковским, учитывал различия в социальных группах населения в зависимости от времени их вселения². Используемые методы не потеряли своего значения и сегодня, но они должны быть дополнены методом социальной антропологии, хотя его использование крайне ограничено источниковой базой.

Реконструируя исторический процесс адаптации переселенцев в Приморье в обозначенные хронологические рамки, следует учитывать важнейший социально-генетический фактор. На более раннем этапе советской истории посредством плановой экономики и утверждения определенных социальных стандартов уже сложился

многонациональный приморский социум, в том числе и за счет этнических мигрантов и их потомков. Они уже выработали некоторые общие способы адаптации. Как показывают материалы предыдущей главы, к ним можно отнести следующие: ориентация части переселенцев на организованный набор в ожидании государственной поддержки в виде льгот и получения жилья за счет фондов, выделяемых для переселенцев. В 1970 г. государство на переселение одной семьи в Приморье выделяло около 7 тыс. руб.³, в то время как средняя месячная заработная плата в крае равнялась 153,7 руб.⁴, по РСФСР — 126,1 руб.⁵ Информация об этом способствовала созданию образа некоторого материального благополучия в крае. Характерной чертой адаптации можно назвать поиск работы с более высокой заработной платой в отраслях, приоритетных для центра.

Общим для всех мигрантов в разные времена является их приживаемость, которая начинается с узнавания природы и среды обитания. Мигранты 60—80-х годов в этом плане ничем не отличались от своих предшественников. Напротив, в условиях вхождения советских людей в «потребительское общество» в системе новых ценностей климат играл большую роль, чем в экстремальный послевоенный период. Трудно приходилось тем людям, которые прибывали в зимний период года из регионов с мягким климатом. Смягчающим обстоятельством при смене жительства для людей 60-х годов было присутствие духа романтики в освоении новых территорий, культивировавшегося партийным руководством, комсомолом.

Эмоционально-психологический настрой к переезду на новую территорию лишь частично готовил переселенцев к восприятию непривычного для них климата Приморья. В то же время чиновники, занимавшиеся агитацией и набором переселенцев, часто скрывали или не давали полной информации о климате⁶. В результате природный фактор имел далеко не последнее значение в процессе адаптации. По данным специалистов Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск) в 1983—1985 гг. 20 % реэмигрантов называли причину отъезда из южных районов Дальнего Востока медицинские противопоказания проживания в данной климатической зоне⁷.

Среди других эмоционально-психологических факторов были ограниченные представления о настоящем и прошлом Приморья. Знакомство советских граждан с такими историческими событиями, как хасанские (1938 г.) и даманские (1969), выступало в роли первичных знаний о пограничном крае. Люди, решившие переехать на восток, как правило, располагали незначительной информацией об уровне жизни, развитии социальной сферы и т. д.⁸ Обращение к мотивам переезда показывает, что в начальных установках мигрантов играли роль преимущественно материальные факторы (увеличение денежных доходов, получение образования, решение жилищного вопроса). В целом надежду на улучшение условий жизни имели более 60 % мигрантов в 70-е годы и до 80 % в 1980—1982 гг.⁹

Население, приезжавшее по плановому сельскохозяйственному переселению, стремилось обосноваться в районах, благоприятных для ведения сельского хозяйства, где за короткое время можно было решить и жилищный вопрос. С точки зрения мигрантов, это были Спасский (16,1 %) и Ханкайский (25,1 %) районы¹⁰. Большую роль в этом играли и органы планового переселения, которые ориентировали людей на жительство в пограничные районы. В 60-е годы до 40 % мигрантов, прибывших по плановому сельскохозяйственному переселению, начинали хозяйственную деятельность и бытовое обустройство в Пограничном, Хасанском, Ханкайском районах.

Процесс адаптации новоселов зависел от сроков получения жилья. Несмотря на централизованное выделение средств на его строительство, эта проблема продолжала оставаться одной из самых острых из-за недостатка финансирования или «неосвоения» средств строительными организациями. На строительство дома в совхозах отпускалось 2 тыс. руб., в то время как его фактическая стоимость составляла 3—3,5 тыс. руб. Если колхозы покрывали этот разрыв за счет льгот, получаемых хозяйствами в течение 5 лет, или же достройка домов оплачивалась за счет общественных затрат, то совхоз не мог решить эту проблему, не нарушив финансовую дисциплину. Это ухудшало жизненные условия переселенцев и вынуждало их частично переходить в колхозы, выезжать в города или за пределы края¹¹.

Местные органы власти пытались разрешить неблагоприятную ситуацию с жильем, контролируя этот процесс в колхозах и совхозах, непосредственно влияя на сроки хозяйственно-бытового обустройства (см. табл. 32).

Строительство новых домов для переселенцев велось за счет кредитов Госбанка. Значительная часть мигрантов вселялась руководством колхозов и совхозов в ранее построенное или освободившееся жилье. Данные табл. 32 показывают, что в 1964—1965 гг., 1967—1968 гг. в совхозах на конец года многие семьи оставались без жилой площади, в то время как прибывшие в колхозы «новоселы» практически сразу обеспечивались жильем. Анализ официальной статистики совпадает с субъективной оценкой мигрантов того периода (сведения получены в ходе полевых исследований 2001 г. в Спасском районе). По воспоминаниям приехавших в первой половине 60-х годов, ожидание жилья (дома) растягивалось от 6 до 12 месяцев. Прибывшие в более поздний период рассказывали, что они вселялись в новые дома сразу¹².

К концу 60—70-х годов произошло увеличение объема сдаваемого в эксплуатацию жилья в сельской местности, что способствовало более быстрой адаптации переселенцев. В 1970 г. среди уволившихся из совхозов всего 8,2 % респондентов назвали причиной своего увольнения неудовлетворенность жилищными условиями, в 1973 г. — 9,9 %. В основном покидали совхозы те, кто проживал в общежитии или арендовал жилье. К концу 80-х годов обеспеченность жильем в сельской местности вновь ухудшилась. В селах Приморья

Таблица 32

**Характеристика обеспеченности переселенцев жильем, приусадебными участками
и крупным рогатым скотом в Приморском крае (1964—1976 гг.)**

	1964		1965		1966		1967		1968		1970	
	С*	К**	С	К	С	К	С	К	С	К	С	К
Наличие семей переселенцев	1179	1185	1025	1080	1181	908	1038	1116	1708	990	2108	1762
Получили или имели жилье:	446	1181	989	1080	894	908	630	1116	1226	750	2088	310
Дома	243	1110	726	991	860	719	567	1116	383	750	2088	310
Квартиры	203	71	263	89	34	189	63	—	843	—	—	—
Имели скот (коров)	678	911	636	72	79	680	384	777	248	59	385	394
Получили приусадебные участки	1176	1181	1025	1080	1181	908	991	1116	1708	990	2083	1760

	1972		1973		1974		1976	
	С	К	С	К	С	К	С	К
Наличие семей переселенцев	1820	239	1746	243	1985	99	1874	88
Получили или имели жилье:	1820	239	1377	72	1400	85	1123	22
Дома	Нет сведений						1015	
Квартиры	Нет сведений						108	—
Имели скот (коров)	Нет сведений				43	7	915	17
Получили приусадебные участки	Нет сведений				1071	99	1801	50

* С — совхозы, ** К — колхозы

Таблица составлена А.С. Ващук на основе источников: ГАПК. Ф. 131. Оп. 10. Д. 277. Л. 10—11; Д. 279. Л. 1—1 об.; Д. 285. Л. 1—1 об.; Д. 298. Л. 1—1 об.; Д. 325. Л. 5—6 об.; Д. 342. Л. 11—14; Д. 346. Л. 1—4; Д. 377. Л. 1—2; Д. 375. Л. 1—2; Д. 414. Л. 4—4 об.

она была на 8—9 % ниже, чем по РСФСР¹³. При опросе работников совхозов дальневосточными учеными в 1985 г. выяснилось, что 30 % получивших жилье в течение 5—6 лет, в том числе и усадебного типа, оказались недовольны его качеством. С изменением в 70—80-х годах социальных стандартов в СССР росли запросы переселенцев на новом месте жительства¹⁴. В условиях слабой развитости социально-бытовой структуры увеличился разрыв между ожиданиями и реальной картиной.

Адаптация мигрантов зависела не только от решения жилищной проблемы. Значительная часть сельхозпереселенцев трудоспособного возраста продолжала покидать совхозы и колхозы Приморья, особенно в 1960-е годы. Одной из причин оттока была дискриминация переселенцев на бытовом уровне: в некоторых совхозах и колхозах существовал негласный запрет на продажу скота, отпуск фуража, обеспечение транспортом¹⁵. Но были хозяйства, заинтересованные в привлечении новых жителей, они создавали благоприятные условия для приема и хозяйственного обустройства новоселов.

Переселенцы 60—70-х годов стремились завести в личном подсобном хозяйстве крупный рогатый скот. Так, самый высокий процент семей мигрантов, которые приобрели коров, зафиксирован в 1964 г. (67,2 %), самый низкий — в 1974 г. (2,4 %), что говорит о нестабильности этого процесса. Социально-экономическое поведение мигрантов в 1964 г. объяснялось и возникшими трудностями в приобретении продовольствия, повышении цен на молочные и мясные продукты.

Ценностные ориентации новоселов 1974 г. вытекали из социально-профессиональной структуры и объяснялись повышением заработной платы в совхозах и колхозах. В 1965—1967 гг. численность семей переселенцев, имевших коров, составляла в среднем 41,3 %, в 1968 и 1970 гг. — 15,7 %. В 1976 г. вновь появилось стремление приобрести крупный рогатый скот (47 % мигрантов), что было связано с ростом дефицита мясомолочных продуктов. Таким образом, хозяйственная адаптация переселенцев напрямую зависела от социально-экономической политики государства.

Чтобы быстрее обустроиться на новом месте, мигранты 70—80-х годов везли с собой много домашней утвари (от 3 ц до 2 т). Можно отметить некоторое улучшение их материального положения в 70-е годы: 3,9 % новоселов г. Артема 1973 г. прибытия имели привезенный с собой мототранспорт¹⁶.

Наряду с материально-бытовыми факторами большую роль играли условия труда, которые складывались в конкретном трудовом коллективе в сельской местности. Так, 68 % рабочих уволились по причине неудовлет-

* Напомним, что по плановому сельхозпереселению в эти годы принимали мигрантов города Артем и Лесозаводск.

воренности условиями труда¹⁷. Анализ записей в трудовых книжках, проведенный Л.А. Колтуновым, показал, что из принятых на работу в совхоз и написавших затем заявление об увольнении 13,8 % проработали не более 40 дней, из них не захотели оставаться в селе из-за плохих условий организации труда и ее оплаты 17 %¹⁸. Наличие в Приморье отраслей, где работники получали более высокие зарплаты, активизировало переезд в города края¹⁹. В целом процесс приживаемости мигрантов в сельской местности в 60—80-е годы длился около 10 лет, но при благоприятных условиях этот период сокращался до 5—7 лет (по оценке мигрантов 60-х годов, обосновавшихся в Спасском районе).

С середины 70-х годов в составе сельских переселенцев начинает увеличиваться доля горожан (от 40 до 50 %)²⁰. В результате у мигрантов создавался большой разрыв между сформировавшимися социально-бытовыми нормами в городах и предоставлением услуг предприятиями социально-бытовой инфраструктуры в сельской местности. Новоселы, не сумев адаптироваться в селе, перебирались в города. С 1975 по 1984 г. доля таких переселенцев в общей численности прибывших из сел в города Дальнего Востока ежегодно составляла около 33 %²¹.

В процессе адаптации мигрантов проявлялись особенности, связанные с формами переселения, в частности прибывших по оргнабору. В 60—80-х годах в СССР отмечалась тенденция снижения численности оргнабора*, связанная с пересмотром государством отношения к этой форме и невозможностью обеспечивать рабочих в полной мере пособиями согласно прожиточному минимуму. Из 19 законодательных актов, устанавливавших размеры единовременных пособий рабочим оргнабора, значительная часть была издана еще в период с 1949 по 1955 г. Большинство назначаемых пособий в соответствии с актами колебалось в размере от 30 до 60 руб.

Дифференцированный принцип установления заработной платы по отраслевому признаку распространялся и на систему установления единовременных пособий для рабочих оргнабора. Например, рабочим, направляемым на лесозаготовительные предприятия Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР, единовременное пособие устанавливалось в размере 200 руб., а рабочим, прибывавшим на предприятия такой же специализации Министерства транспортного строительства, пособие выплачивалось в размере 30 руб.²² Таким образом, деятельность государства во многом влияла на степень закрепления и приживаемости новоприбывшего населения в крае, выступая объективным фактором адаптации.

Иначе складывалась ситуация с выплатой пособий тем, кто прибыл после окончания учебного заведения. Размер «подъемных» составлял два оклада или 240 руб. в 70-х годах и 300 руб. в конце 80-х годов.

Среди мотивов переселения в 1969 г. 16,1 % рабочих оргнабора, опрошенных на стройках Сибири и Дальнего Востока, называли улучшение жилищных условий. В 70-х годах до 80 % прибывших на новостройки связывали свой переезд с этой причиной²³. Несмотря на развернувшееся государственное жилищное строительство в 60—80-е годы, вопрос получения жилья в городах Приморья оставался острым. Среднегодовые темпы увеличения жилья составили 6 %, в то время как темпы роста населения — 1,6 %. Однако процент выбытия старого жилищного фонда как результат последствий жилищной политики государства 40—50-х годов был очень высок. Масштабы строительства жилья не соответствовали потребностям ни старожилов, ни приезжавших. О трудностях реализации планов на получение жилья свидетельствовал и тот факт, что в организации «Приморскуголь» в 1963—1964 гг. 50 % рабочих и 70 % ИТР уволились по причине отсутствия жилья²⁴. Очереди на его получение для вновь приехавших «растягивались» от 4—5 лет (поселки Большой Камень, Фокино Шкотовского района) до 18—20 лет (г. Владивосток).

Среди других причин, заставивших сменить местожительство, была потребность в улучшении материального положения, на нее указали 11 % приехавших на новостройки Дальнего Востока в 1968—1969 гг.²⁵ Действительно, уровень заработной платы в крае был выше, чем в центральной части страны, но стоимость проживания — значительно дороже (например, индекс стоимости прожиточного минимума в Приморье составлял 126 % к среднесоюзному, а фиксированная заработная плата — 109 %)²⁶. Осознание реального уровня жизни в Приморье, более низкого, чем в центре России, снижало степень приживаемости рабочих, прибывших по оргнабору.

В адаптации немаловажную роль играла социально-демографическая структура мигрантов. Социологический портрет главы семьи планового переселения 60—80-х годов отличался от 50-х годов. От 92 % (Пограничный район) до 100 % (Михайловский район) главы семейств были представлены мужчинами**. Это свидетельствует о том, что среди переселенцев увеличилось число полных семей, в крае наблюдалось улучшение демографической ситуации.

Средний возраст главы семейства переселенцев колебался от 30 (Иманский район) до 36 лет (Михайловский район). Самому молодому главе семьи на момент прибытия был 21 год (Иманский район), самому старшему — 57 лет (Михайловский район). Практически около 40 % (± 2 %) переселенцев находились в трудоспособном возрасте. В источниках отмечается отсутствие переселенцев пенсионного возраста. Наименьшая средняя по численности семья была зафиксирована в Кировском районе (3,8 чел.), а наибольшая — в Михайловском районе (5,2 чел.). Перечисленные социально-демографические характеристики плановых переселенцев оказали влияние на сроки адаптации семей мигрантов в каждом конкретном случае.

* В 1956—1960 гг. — 27,8 % от общего числе за 1951—1970 гг., 1961—1965 гг. — 11,6 %, 1966—1970 гг. — 10,2 % (см. Миграция населения РСФСР. М., 1973. С. 65).

** В 1950-х годах доля глав семей мужчин не превышала 60 %.

Таблица 33

**Образовательный и профессиональный уровень переселенцев,
прибывших в 1973 г. по национальностям (%)**

	Национальность	Образование	Профессия				
	Н/ср.	10 кл.	Тракторист	Шофер	Скотник, доярка	Слесарь, элект- рик, сварщик	Р/рабочий
Русские	42	43	20	7	3,9	51,0	10,3
Украинцы	35	6,1	12,1	2,6	2,1	8,2	2,0
Белорусы	2,2	—	1,3	—	0,4	—	0,4
Венгры	2,2	0,3	1,3	—	0,4	—	—
Угорцы	1,3	—	0,4	—	0,9	—	—
Молдаване	0,9	—	0,9	—	—	—	—
Немцы	1,3	—	0,9	—	—	—	—
Армяне	0,4	—	—	—	—	—	0,4
Карелы	—	—	0,4	—	—	—	—

Таблица составлена на основе источника: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 85.

Социальная адаптация во многом зависела от образовательного и профессионального уровня новоселов, о чем свидетельствуют следующие факты. В 1973 г. неудовлетворенность специальностью, отсутствие перспектив для профессионального роста и работы по специальности указали 18,3 % уволившихся из совхозов. В рассматриваемый период увеличилась доля мигрантов с общим средним образованием и имевших профессии, которые нужны были как в городе, так и в сельской местности. Если в 60-е годы переселенцы в графе «специальность» указывали: «разнорабочий», «доярка», «скотник», реже «демобилизованный срочной службы», то в 70-е годы проявился новый профессиональный состав (см. табл. 33). Этот процесс был связан, с одной стороны, с привлечением людей, обладающих необходимыми специальностями, а с другой — повышением общего образовательного уровня переселенцев.

Наличие полного среднего образования отмечалось преимущественно у русских, украинцев, венгров и карел. В то же время наличие таких востребованных профессий, как тракторист, шофер, слесарь, сварщик, электрик, дает основание сделать вывод, что у них было больше шансов для устройства на работу²⁷. Например, особенностью состава переселенцев в г. Лесозаводске является значительное число лиц, обладавших механизаторскими профессиями (шофер, тракторист, бульдозерист), или столяр, плотник, что объяснялось развитием деревообрабатывающей промышленности в этом городе. Мигранты, владевшие профессиями, применимыми в любой отрасли хозяйства края, имели высокие социально-бытовые запросы, что способствовало их миграционной подвижности. Так, 62 % переселенцев перед тем как прибыть в г. Лесозаводск, меняли местожительство по краю от 2 до 5 раз²⁸.

При оргнаборе предпочтение отдавали одиноким мужчинам. Исследования, проведенные лабораторией трудовых ресурсов (г. Хабаровск), показали, что в 1981 г. по оргнабору в строительные организации Минвосток-строя было трудоустроено 37 % от общего числа принятых. Несмотря на высокие затраты на организацию их переселения, рабочие оргнабора имели низкую степень адаптации и зачастую отличались специфическим «моральным обликом». Многие из них самостоятельно покидали место работы в первые дни либо вовсе и не приступали к ней. Доля таких работников составляла более 20 %. Среди рабочих наряду с распространением девиантного поведения наблюдалась высокая степень неудовлетворенности заработной платой и социально-бытовыми условиями, что свидетельствовало об их неадекватной самооценке. У большинства из них не было строительной специальности, многие были уволены с прежнего места работы за нарушение трудовой дисциплины. Среди них доля лиц, уволенных с предыдущего места работы за пьянство, прогулы или ранее судимых, составляла более 80 %. Имевшие строительные специальности часто использовались по другим, причем менее квалифицированным,²⁹ т. е. часть ответственности за обустройство лежала на руководстве принимающих организаций.

В процессе адаптации проявлялись специфические трудности как для мужчин, так и для женщин. Например, для женщин в период закрепления на новом месте важное значение имела возможность определения детей в дошкольные учреждения. Приморье относилось (и относится) к числу районов, где население моложе, чем в центральных и южных регионах страны. В 60—80-е годы в крае наблюдалась более высокая рождаемость детей, но обеспеченность работающего населения местами в детских садах* была очень низкой. На получение места в детском саду семьи мигрантов «стояли в общей очереди», что влияло на процесс социальной адаптации женщин.

* На 10 тыс. населения в Приморском крае приходилось в 1960 г. 67 мест в детских яслях, а на 100 детей в возрасте до 3 лет — 7,4 места, что для данного региона было явно недостаточно; обеспеченность детей местами дошкольных учреждений в 1985 г. составляла 71,7 %.

К числу факторов, определявших сроки адаптации мигрантов как в селе, так и в городе, следует отнести состояние сферы бытового обслуживания, создание которой в Приморье началось только в 60-х годах³⁰. Развитие системы бытового обслуживания в рассматриваемый период проходило успешно, особенно в сельской местности: создавались рабочие места для парикмахеров, портных, специалистов химчистки и др., что расширяло возможности применения женского труда, а также становилось дополнительным источником семейного бюджета, в том числе и для вновь прибывших.

Адаптация во многом зависела и от организационных форм миграции. Государственная система по распределению молодых специалистов оказывала воздействие на масштабы перераспределения населения по регионам. У молодых специалистов, приехавших из других регионов, не было уверенности, кем они будут работать и каков будет размер их заработной платы. Некоторые «бывшие» молодые специалисты вспоминали, что, когда прибыли по распределению в Приморье, для них не нашлось рабочего места по специальности, их приняли на работу на этом же предприятии, но по другой специальности. Стремление получить работу выпускникам вузов и техникумов согласно своему диплому объяснялось тем, что по законодательству они имели право в течение трех лет получить отдельное жилье. Если молодой специалист работал не по своей специальности, это давало возможность некоторым руководителям предоставлять жилье не в трехлетний срок, а гораздо позже³¹.

Своеобразно выглядело обустройство мигрантов, прибывших по служебному переводу. Всесоюзная перепись 1970 г. показала, что в Приморье из других регионов таким путем прибыло 9,7 %³². В рассматриваемый период обустройство военных, работников управлений внутренних дел и руководителей в ранге «номенклатуры» проходило под «патронажем» государства. Для них не стояла задача поиска работы, сравнительно быстро решался жилищный вопрос. Как правило, мигранты, которые устраивались на работу в гарнизоны, жилье получали сразу. В таких населенных пунктах, как г. Уссурийск, поселки Большой Камень, Фокино, заселение в отдельные ведомственные квартиры происходило в течение двух-трех лет. Но весь процесс адаптации, например у военных, проходил труднее. Довольно частые переезды с одного места на другое не позволяли военным чувствовать себя постоянными жителями края, им мешало чувство «временщика»; иногда несложившаяся личная жизнь служила причиной рапортов о переводе. В результате частых переездов жены военнослужащих не выдерживали такого ритма жизни, следствием чего были разводы.

Адаптация мигрантов в 60—80-е годы проходила в условиях благоприятного социально-психологического климата. Этот период отличался от предшествующего возрастанием степени толерантности со стороны принимающего сообщества. Проведенное анкетирование показало*, что переселенцы тех лет, независимо от форм миграции и национальной принадлежности в подавляющем большинстве отмечали теплое отношение к ним со стороны населения. Органы власти и руководители большинства предприятий понимали проблему дефицитности трудовых ресурсов и стремились создать условия для закрепления населения, что опосредованно отражалось на адаптации мигрантов. Однако отношение к самой проблеме переселения со стороны старожильческого населения было неоднозначным в 80-е годы. Подтверждением этому может служить следующий факт. В Уссурийский районный комитет КПСС поступило письмо, где автор говорил о бессмысленности планового переселения: «Зачем привозить сюда людей откуда-то и строить им дома, когда жители сел своих домов не имеют?»**³³

Обустройство на новом месте приводит к тому, что через определенное время человек перестает чувствовать себя мигрантом, он становится иммигрировавшим, это приводит к адаптации или неадаптации. Последнее часто является причиной реэмиграции. Если рассматривать ассимиляцию как высшую степень адаптации, то для Приморья можно выделить основные условия: в факторе ассимиляции большое значение имел основной этнос на новом месте жительства, который более чем на 80 % был представлен русскими. Практически 90 % мигрантов являлись представителями либо славянского этноса, либо выходцами из автономных республик РСФСР (татары, мордва, чуваша).

Процесс ассимиляции затронул в первую очередь тех, кто имел полное среднее и высшее образование, независимо от того, где оно было получено. Большое значение в ассимиляции «пришлого» населения играли межэтнические браки. Именно те лица, которые состояли в межэтническом браке, считали себя чаще русскими, чем представителями своей национальности (украинцы, белорусы, молдаване, татары, чуваша, мордва).

Процесс ассимиляции не коснулся незначительной части переселенцев украинцев, прибывших в 1960-х годах. Объяснить данное явление позволяет нам анализ анкет³⁴, а также информации, полученной в ходе интервью. Как правило, для этой группы мигрантов был характерен низкий образовательный уровень (более 80 %

* В анкете «Мигрант — 2000» доля приехавших (русские, корейцы, азербайджанцы, украинцы, армяне) до 1990 г. составляла 22 %. Среди них 59 % отметили, что со стороны местных жителей они получали помощь, 21 % — со стороны коллег по работе и товарищей по учебе, 29 % — со стороны местных органов власти, 28 % — со стороны руководителей предприятий.

** В тот период социологические опросы по данной проблематике не проводились, поэтому авторы основываются лишь на отдельных примерах.

имели максимум 7 классов), брак был однонациональным. В основном это украинские переселенцы, которые попадали в среду, где 30 % и более жителей сел были украинцами.

Процесс ассимиляции не затронул представителей кавказских и среднеазиатских народов независимо от образовательного уровня и наличия или отсутствия межэтнического брака. Одной из главных причин являлось не всегда свободное владение русским языком и значительная культурная дистанция. Однако их дети, особенно рожденные в межэтническом браке, но привезенные из районов Северного Кавказа или Средней Азии, в Приморье считают себя русскими, хотя в местах выхода они считали себя представителями нерусской национальности, независимо от их антропологического типа. Таким образом, в 60—80-е годы этничность мигрантов в процессе их адаптации как мобилизационный фактор не имела решающего значения, неразвитое этническое самосознание отличалось латентным характером.

Например, приморские корейцы будучи интегрированы в хозяйственные отношения советского типа отличались устойчивостью культурных традиций (кухня, праздничная одежда, национальный фольклор и т. д.). Приморское население из числа немцев и евреев частично сохранило элементы традиционной культуры и знание родного языка³⁵, а также поддерживало связи с родственниками, эмигрировавшими с середины 80-х годов на свою историческую родину. В период проведения социологических опросов в 2000 и 2001 гг. некоторые немцы и евреи отмечали, что в советский период они хотели быть русскими, иногда даже стеснялись своей национальности, что объясняется последствиями тоталитарной системы, влиянием ее на менталитет всех национальностей, проживавших на территории СССР.

* * *

Материалы исследования позволяют сформулировать главный вывод. Этнонациональная структура населения края в рассматриваемый период имела некоторую динамику, в том числе и за счет миграции: в 1989 г. по сравнению с 1979 г. произошло доленое снижение основного этноса — русских, но увеличилось число национальностей (венгры, карелы, угорцы). Для 60—80-х годов, как и в предыдущий период, было характерно отсутствие в основной массе мигрантов потребности в этнокультурной адаптации — преобладала социально-бытовая.

¹ Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах. М., 1972.

² Региональный анализ миграции. М., 1973.

³ Колтунов Л.А. Резервы труда совхозов Дальнего Востока. Владивосток, 1974. С. 72.

⁴ Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке в середине 40—80-х годов XX в. Владивосток, 1998. С. 176—177.

⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1970 году.: Стат. ежегодник. М., 1971. С. 340.

⁶ Архив ИЭИ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1717. Л. 47.

⁷ Там же. Д. 1716. Л. 440.

⁸ Там же. Д. 1717. Л. 47.

⁹ Там же. Л. 20.

¹⁰ Вывод сделан авторами на основе анализа источников: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 34, 44, 85, 105 и др.

¹¹ Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке в 1950—60-е гг. Владивосток, 1991. С. 48—49.

¹² Опрос жителей с. Чкаловского Спасского района: Дневник полевых исследований Л.А. Герасимовой (август, 2001 г.)

¹³ Архив ИЭИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 448.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Борчанинова В.Е., Чернолуцкая Е.Н. Формирования населения и трудовых ресурсов... С. 48.

¹⁶ ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 85.

¹⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1661. Л. 447.

¹⁸ Колтунов Л.В. Резервы труда...

¹⁹ Архив ИЭИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1617. Л. 390.

²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 1661. Л. 426.

²¹ Там же. Л. 427.

²² Миграция населения РСФСР. С. 75—76.

²³ Там же. С. 75; Архив ИЭИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1717. Л. 22.

²⁴ Ващук А. С. Социальная политика в СССР... С. 187.

²⁵ Миграция населения РСФСР. С. 75.

²⁶ См.: Ващук А.С. Социальная политика в СССР... С. 187.

²⁷ ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 87. Л. 54—56, 71—73 и др.

²⁸ Там же.

²⁹ Архив ИЭИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1717. Л. 20, 45—47.

³⁰ Ващук А.С. Социальная политика в СССР... С. 133.

³¹ Из воспоминаний респондента, проживающего в с. Чкаловском Спасского района. Данные получены в ходе анкетирования «Мигрант — 2001».

³² ГАПК. Ф. 131. Оп. 11. Д. 33. Л. 13.

³³ Архивный отдел администрации муниципального образования г. Уссурийска и Уссурийского района. Ф. 399. Оп. 1. Д. 683. Л. 17.

³⁴ Вывод сделан авторами на основе архивных материалов: ГАПК. Ф. 1215. Оп. 2. Д. 34, 44, 85, 105, 144 и др.

³⁵ Промежуточный отчет Центра изучения социальной истории и политики ИИАЭ ДВО РАН по социологическому опросу «Национально-культурное возрождение в Приморском крае» (август 2001 г.).

Глава 5. ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАЦИИ В ПРИМОРЬЕ В УСЛОВИЯХ РАСПАДА СССР И ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (конец 80-х — 90-е годы XX в.)

5.1. МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ С РЕГИОНАМИ РОССИИ И СТРАНАМИ СНГ

5.1.1 Исторические предпосылки новой миграционной ситуации и общая характеристика миграционных процессов в крае

Региональная миграционная ситуация отражает целый спектр глубоких общественных изменений, происходивших в России в конце XX в. В 90-е годы в дальневосточном регионе, в том числе в Приморье, изменилась историческая роль миграции. Начиная с середины 80-х годов вызревали новые социально-политические предпосылки, зарождались тенденции, которые стали проявляться со всей очевидностью и новым вектором результативности. Если в 1971—1975 гг. на Дальнем Востоке России оставалось 15,1 % от числа прибывших, то в 1986—1990 гг. — в 2,6 раза меньше (5,7 %). В последнее пятилетие 80-х годов лишь один из восемнадцати приехавших отдавал предпочтение проживанию на Дальнем Востоке, тогда как в предыдущем — один из восьми. Хотя на фоне общей дальневосточной миграционной картины Приморский край в 1986—1990 гг. выглядел более благополучно, особенно в сравнении с Чукоткой, Камчатской и Магаданской областями, темпы роста численности населения снижались, в том числе и в результате оттока населения. В 1981—1985 гг. этот показатель равнялся 1,4 %, в 1985—1990 гг. — 1,3 % (в среднем на Дальнем Востоке — 1,2 %).

Одной из причин роста численности эмигрантов и обратничества было отставание уровня жизни, удорожание стоимости проживания, кризисное состояние всей социально-бытовой сферы в Приморье. Специфика социально-экономического развития дальневосточного региона в 1986—1990 гг. характеризуется изменениями традиционной «пятилетней технологии» государственного планирования, существовавшей несколько десятилетий. В партийно-государственной региональной стратегии это была последняя попытка решить проблемы Дальнего Востока на национальном уровне.

В 1987 г. была утверждена новая программа «развития производительных сил» региона, формирования «высокоэффективного хозяйственного комплекса», способного развиваться не столько за счет государственных инвестиций, сколько за счет собственных ресурсов и включения регионального хозяйства в мировое разделение труда. Однако для тех лет эта задача была утопической, существенного перелома в социально-экономическом развитии Дальнего Востока на этой основе не могло произойти. Достаточно высокие темпы роста производительности труда (4,4 %) ежегодно поддерживались скорее всего по инерции¹. В 1987 г. они снизились по сравнению с 1986 г. с 2,9 до 1,8 %, продолжилось падение фондоотдачи. В крае заметно проявлялись тенденции инфляционных процессов. Так, при снижении производительности труда резко увеличились темпы роста прибыли². В этих условиях в 1989 г. произошло падение прироста промышленного производства, а затем экономика Дальнего Востока, в том числе Приморья, попала в условия затяжного кризиса, который охватил промышленность, сельское хозяйство и другие отрасли, особенно топливно-энергетический комплекс, от состояния которого зависело не только развитие промышленности, но и социально-бытовой сферы. Ввоз энергетических углей в дальневосточный экономический регион увеличился в 1989 г. по сравнению с 1986 г. в 1,6 раза, производство угля в Приморье упало в 1,3 раза. Дефицит тепла в зиму 1989/1990 года во Владивостоке составил 2000 ккал³.

Социальная программа в условиях начинающихся реформ осуществлялась практически год (до 1989 г.), в Приморье был достигнут реальный результат только по одному важнейшему направлению — строительству жилья. В 1989 г. было построено жилья в 1,2 раза больше, чем в 1985 г. Ввод школ сократился в 1991 г. по сравнению с 1985 г. в 2,5 раза, больниц — в 1,9 раза, а число построенных квартир — в 1,4. Обнищание охватило значительную часть населения края, в 1996 г. доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума достигла 30 %, в 1999 г. — 39,8 %⁴. Катастрофическая нерешенность вопросов модернизации строительной и энергетической базы региона, резкие осложнения с финансированием в условиях политического и управленческого кризиса, нарастающего процесса разворовывания общегосударственной собственности (хищение государственного и общественного имущества в Приморье возросло с 3370 случаев в 1985 г. до 9344 в 1991 г., только официально зарегистрированных)⁵ привели к обострению социальных отношений.

В структуре расходов местного бюджета доля расходов на социально-культурные мероприятия, просвещение, здравоохранение сократилась, но возросла соответственно на содержание органов государственного управления⁶. Несмотря на то, что последняя советская программа 1987 г. по развитию Дальнего Востока имела государственный статус, предполагалось выделение из центральных источников почти 200 млрд. руб. капитальных вложений на 15 лет, но уже в 1989 г. на регион была распространена политика ограничения капитальных вложений. Министерства и ведомства, которые оставались реальными распределителями ресурсов, ссылаясь на переход к рыночным отношениям и провозглашенную «хозрасчетную самостоятельность» предприятий, фактически устранились от выполнения программы. С самого начала этот партийно-государственный документ был «мертворожденным». Источники финансирования производственных, инфраструктурных и социальных программ у краевого бюджета практически отсутствовали. Длительная стратегия центра по превращению Дальнего Востока в сырьевую провинцию страны на основе монопродуктной экономики, постоянное «перекачивание» средств в государственный бюджет и бюджеты министерств, начавшаяся борьба за природные и материальные ресурсы между центром и регионами привели к острому социальному и политическому кризису.

Исторические предпосылки новой миграционной ситуации — это симбиоз как последствий реализации прежней региональной политики, так и начавшихся либеральных экономических реформ, политического кризиса, обострившихся борьбой за власть между различными политическими группировками.

Люди, приехавшие в Приморье и сохранившие родственные и земляческие связи на прежнем месте жительства, в такой ситуации стремились покинуть край, уезжали в «родные» места, чтобы найти более благоприятные условия жизни. Денежные районные надбавки, которые получали приморцы, давно уже не компенсировали удорожания стоимости жизни*, а рост скрытой безработицы значительно активизировал миграционную подвижность населения. Кроме того, особенности формирования населения на предыдущем этапе породили у значительной части приморского социума менталитет «временщика» — установки на временное проживание в крае. Лишь инерционные процессы советской социальной модели способствовали тому, что в Приморском крае до 1991 г. еще отмечалось положительное значение миграции по сравнению со средним дальневосточным показателем (см. табл. 34).

Таблица 34

Общие коэффициенты миграционного прироста (убыли) в Приморском крае (на 1000 чел. населения)

	1981—1985	1986—1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Приморский край	+5,4	+5,3	-2,0	-3,4	-3,1	-2,4	-4,2	-4,2	-4,9	-5,4	-5,3
Дальний Восток	5,6	2,1	-	-18,9	-12,9	-19,2	-13,6	-8,7	-9,4	-16,7	-19,2
РФ	1,2	1,4	-	-	2,9	5,5	3,4	2,3	2,4	1,9	1,1

Источники: Социальное развитие Приморского края в сравнении с соседними регионами и Россией. Владивосток, 1995. С. 11; Приморский край в 1999 году: Стат. ежегодник. Владивосток, 2000. С. 24; Вишневецкий Д., Мотрич Е. Миграционные процессы на Дальнем Востоке России (80—90-е годы) // Перспективы дальневосточного региона: население, миграции, рынки труда. М., 1999. С. 7; Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 2000. С. 370.

Если до 1991 г. в Приморском крае еще сохранялось положительное значение миграции, то в последующие 9 лет ее значение стало отрицательным. Падал и естественный прирост населения, в 1994 г. он достиг отрицательного значения (-3,7). В 1991 г. население края составило 2299 тыс. чел., в 1992 г. — 2039 тыс., в 2000 г. — 2170 тыс. чел.⁷

География эмиграционных потоков, представленная в табл. 35, показывает, что на первом месте находилась Украина, на втором — Казахстан, хотя в 1999 г. эти эмиграционные потоки сократились соответственно в 2,0 и 1,6 раза. Меньше всего уезжало из Приморья в Прибалтику, Туркменистан. Движение в Армению было достаточно стабильным. В 1999 г. по сравнению с предшествующими годами произошло увеличение количества эмигрантов в Узбекистан. Адаптация оставшихся в Узбекистане корейцев к новым социально-экономическим и политическим условиям вызвала частичную реэмиграцию. В 1997 г. впервые за период суверенного существования стран СНГ на их территории удалось остановить большинство вооруженных конфликтов. Так, в июне 1997 г. благодаря акту о Национальном соглашении между правительством и оппозицией была прекращена война в Таджикистане, в основном соблюдались и мирные договоренности, достигнутые в других конфликтных регионах. Это явилось определенным стимулом для возвращения трудовых мигрантов.

Остановимся на характеристике этнического компонента в миграционном оттоке, в частности украинцев, которые составляли основную эмиграционную волну в 90-е годы. Для этого используем характеристику мотиваций и ряд взаимосвязей: а) между мотивацией «чувства родины» («кормящая среда» — по Л. Гумилеву) и конкретными причинами этой мотивации (статусными параметрами); б) между мотивацией к культурной самоиден-

* См.: Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке: Середина 40—80-х годов XX в. Владивосток, 1998.

Таблица 35

Число выбывших из Приморского края в государства СНГ и Балтии (чел.)

	1996	1997	1998	1999
Азербайджан	358	217	320	164
Армения	195	154	187	156
Белоруссия	260	221	153	124
Грузия	116	66	67	49
Казахстан	1044	1120	1002	633
Киргизстан	260	178	211	175
Молдова	142	141	79	94
Таджикистан	233	196	175	117
Туркменистан	94	70	24	41
Узбекистан	218	683	773	578
Украина	2368	1623	1337	1105
Латвия	26	27	13	10
Литва	21	22	5	12
Эстония	22	14	7	2

Источник: Приморский край в 1999 году: Стат. ежегодник. Владивосток, 2000. С. 24.

тификации украинцев и предметом этой мотивации; в) между мотивацией к общенациональной (общеукраинской) идее и факторами, моделирующими ее в условиях Приморья.

По результатам социологического анализа, проведенного в 1992 г., приморские украинцы считали родиной Украину — 40,7 %, СССР — 19,2 %, Россию — 20,3 %, место своего рождения и проживания — 19 %⁸. Эти цифры показывают очевидность присутствия «чувства родины» в форме традиции, хотя существовало доминирование государственно-административного понимания родины. Высокий процент ориентации приморских ук-

Таблица 36

Зависимость «чувства родины» от места рождения респондентов

Место рождения \ Моя родина	Украина	СССР	Россия	Место рождения, проживания
Украина	71,3	16,2	6,2	6,2
Другие районы Дальнего Востока	10,9	16,4	34,2	35,6
Другие регионы	26,6	26,6	33	13,3

Источник: Сакутин В.А., Елшина И.В., Недбай Л.Б., Квитка С.А. Итоговый отчет по социологическому исследованию «Украинская диаспора Приморья». Владивосток, 1992. С. 21.

Таблица 37

Зависимость «чувства родины» от деятельности респондента (в %)

Социально-профессиональные группы	Моя родина			
	Украина	СССР	Россия	Место рождения, проживания
Гуманитарии	55,8	8,0	23,5	11,7
ИТР	35,2	11,7	11,2	41,4
Рабочие	41,3	31,0	15,5	12,0
Военнослужащие	50,0	35,7	0	71,0

Источник: Сакутин В.А., Елшина И.В., Недбай Л.Б., Квитка С.А. Итоговый отчет по социологическому исследованию «Украинская диаспора Приморья». Владивосток, 1992. С. 22.

Таблица 38

Зависимость «чувства родины» от уровня образования респондентов (в %)

Образование	Моя родина			
	Украина	СССР	Россия	Место рождения, проживания
Неоконченное среднее	29,4	29,4	11,7	23,5
Среднее	39,5	19,7	20,2	16
Неоконченное высшее	27,5	9	45,4	18,1
Высшее	48,3	15	15	16

Источник: Сакутин В.А., Елшина И.В., Недбай Л.Б., Квитка С.А. Итоговый отчет по социологическому исследованию «Украинская диаспора Приморья». Владивосток, 1992. С. 22.

раинцев, рожденных на Украине, обеспечил волну оттока из Приморья на свою «родину». Это дает возможность предположить, что уезжали в основном украинцы — переселенцы последней волны.

Общий анализ таблиц показывает содержательную неустойчивость этнической идентификации украинцев, зависимость от социального статуса респондентов. А это означает отсутствие традиций по основанию идентификации, хотя можно выделить некоторые тенденции. Во-первых, ориентация на Украину (как «кормящую среду») наиболее характерна была для украинцев с высшим образованием. Эти данные полностью коррелируются с документами миграционной службы, зафиксировавшими отток украинцев, как правило, с высшим образованием⁹. Ориентация на Украину характерна для людей, занятых в сферах деятельности, которая имеет своим содержанием реализацию разного рода доктрин, мифов и т. д. Во-вторых, взгляды на Приморье (как кормящую среду) наиболее характерны для лиц, родившихся вне Украины, с невысоким уровнем образования, занятых в производственной сфере. Здесь возможно предположение, что эта часть украинцев останется в Приморье.

Если до 1992 г. в Приморском крае продолжался миграционный обмен с Украиной, Белоруссией, Прибалтикой и регионами России, то с началом реформ при реэмиграции населения из Приморья — украинцев на Украину, белорусов в Белоруссию и т. д. — край стал терять население с высоким уровнем образования. В 1996 г. специалистов с высшим, неоконченным высшим и среднеспециальным образованием уехало на 27 % больше, чем в предыдущем году. За 1996—1997 гг. из сельской местности Приморья уехали почти 14 тыс. чел., большинство из которых — офицеры и члены их семей, имевшие высокий уровень образования и квалификацию¹⁰. Опустели военные городки в селах Платоново-Александровском, Кремове, Раздольном. Многие здания разрушились, находясь без отопления, окон и дверей, зияя пустыми проемами, создавая мрачную картину сельской местности. Жители близлежащих сел также «внесли свою лепту» в разграбление этих домов¹¹.

Эйфория либерализации поставила дальневосточный регион в проводимых преобразованиях на один уровень с европейскими районами России. Итоги приватизации проявились уже за 3—4 года, когда от 60 до 75 % общенациональной собственности перешло в сферу частных владений и новых структур. Однако ход и результаты приватизации в Приморском крае положительно оценили 10 % производителей и ни один политик¹². Централизованным актом, взорвавшим распределительную систему на территории края, стала либерализация цен 1992 г. За исключением цен на энергоносители, хлеб и некоторые виды тарифов для населения действовали очень высокие рыночные цены, выше, чем в центральных регионах России.

Проводимые экономические преобразования привели к появлению таких социальных явлений, которые для периода 40—70-х годов были не характерны для Приморья, в частности безработица. Население, привыкшее жить и трудиться в условиях постоянного дефицита трудовых ресурсов, должно было адаптироваться к новым реалиям.

Если в 1992—1993 гг. открытого резкого роста безработицы в регионе удалось избежать за счет инерционных процессов в сфере занятости, предоставления административных отпусков, введения сокращенного режима труда и увольнения пенсионеров, то в 1994 г. эти резервы были исчерпаны. На 1 января 1994 г. уровень безработицы в России был 1 %, на Дальнем Востоке — 0,7 %, уже через восемь месяцев соответственно 1,7 % и 11,4 %. Реальный же уровень безработицы, с учетом скрытой, к 1995 г. достиг 8—12 % при официальных данных — 2,9 %. Безработица в наибольшей степени охватила население так называемых малых городов, моногородов, монорабочих поселков (Арсеньев, Спасск-Дальний, Партизанск, Большой Камень и т. д.). Наибольший промышленный спад наблюдался в малых городах, основу жизнедеятельности которых составляли различные отрасли промышленности (35,6 %), в том числе и оборонная (20,7 %). Если к 1996 г. в среднем по стране на одну вакансию рабочих мест приходилось 11 безработных, то в малых городах восточных районов — 31. Начиная с 1994 г. в Приморье увеличивалось абсолютное число безработных, пик пришелся на 1998 г., когда в крае безработными оказались 166,9 тыс. чел., т. е. 14,3 % от всего трудоспособного, экономически активного населения*. Данные по заработной плате в статистических отчетах отражали начисленную, а не полученную заработную плату. Задолженность предприятий в Приморье — характерная черта повседневности 1996—1999 гг. (относительно точные данные имеются за 1998—2000 гг., см. табл. 39).

На восточные районы приходилось более 60 % всей задолженности по России. Большое число предприятий, имевших задолженности по заработной плате, было в промышленности, сельском хозяйстве. К 2000 г. число таких организаций увеличилось в здравоохранении, культуре. Оторванность Приморья от европейской части России, постоянно растущие цены на билеты, негативные последствия реформ**, невыплаты по заработной плате, природные катаклизмы (тайфуны, наводнения) стимулировали эмиграцию не только в другие регионы России, СНГ, но и в дальнее зарубежье.

Удельный вес эмигрантов с высшим, незаконченным высшим и среднеспециальным образованием с 1994 по 1997 г. колебался в диапазоне 69,3—60 %. Из выезжавших на постоянное место жительства в Германию,

* См. подробно: Вашук А.С. Социальная политика на Дальнем Востоке России (середина 40-х — 90-е годы XX в.). Владивосток, 1999. С. 55—70

** Социальная политика в 1992—1998 гг. не имела каких-либо четких целей кроме разрушения старой модели и предупреждения социальных конфликтов. Этому способствовала крайняя мифологизация либеральной социальной политики как на уровне формирующихся новых политических элит, так и в среде значительной части населения.

Таблица 39

Задолженность предприятий и организаций по заработной плате в Приморском крае

	По состоянию на			
	01.01.1998	01.01.1999	01.01.2000	01.07.2000
Кол-во предприятий, имевших задолженности по оплате труда	881	946	692	950
В том числе:				
Промышленность	168	191	143	153
Сельское хозяйство	192	180	159	170
Строительство	89	93	67	66
Транспорт	63	68	44	58
Здравоохранение	30	34	26	57
Образование	38	35	24	66
Культура	30	34	32	81
Наука и научное обслуживание	9	7	3	3
Жилищное хозяйство	30	57	56	55
Коммунальное	12	31	35	33
Аппарат управления	156	152	82	176
Учреждения социального обеспечения	38	38	8	13
Милиция, общественная безопасность	26	26	13	19
По оплате труда (млн. руб.)	Объем задолженности			
	1288,9	1704,5	1199,2	13,70,2

Источник: Труд и занятость в Приморском крае: Стат. сб. Владивосток, 2000. С. 68.

Израиль и США русские составляли 68 %, немцы — 16 %, евреи — 13 %. Край и в целом Россию покинули высококвалифицированные специалисты — экономисты, врачи, юристы, научные работники, преподаватели¹³. Если по России среди эмигрантов преобладали немцы и евреи, то в Приморском крае среди отъезжавших эти этнические группы были соответственно на втором и третьем местах: немцев уехало 23,6 %, евреев — 17,7 %, тогда как по России на них суммарно приходилось 65—70 %. По Российской Федерации доля эмигрантов трудоспособного возраста в страны дальнего зарубежья составляла 58,1 %, старше трудоспособного возраста — 15,2, 0—15 лет — 26,1 %, в Приморье эти цифры соответственно составляли 62 %, 12,4 и 24,7 %, т. е. наиболее выражена миграция трудоспособного населения.

Миграционные потоки 90-х годов в Приморье, как и в целом в России, определялись абсолютно другими факторами, чем это было до «перестройки» и радикальных экономических реформ. Группировка локальных причин в основном совпадает с той, которую предложила в 1994 г. социолог Ж.А. Зайончковская¹⁴. Первая группа — распад СССР и последствия этого процесса: суверенизация бывших республик, национализм, гражданские войны. Хотя Приморье находилось далеко от очагов вооруженных столкновений, на характере миграции все равно сказывалось влияние этих чрезвычайных факторов. С конца 80-х годов до конца XX в. на территории бывшего СССР было зафиксировано шесть региональных войн: вооруженные конфликты с участием регулярных войск и использованием тяжелого оружия (карабахский, абхазский, таджикский, юго-осетинский, приднестровский и чеченский), около 20 кратковременных вооруженных столкновений с жертвами среди мирного населения (ферганский, осетино-ингушский конфликты, бакинский и сумгаитские погромы), произошло более 100 невооруженных конфликтов, имевших признаки межгосударственной, межэтнической, межконфессиональной или межклановой конфронтации. В 1994 г. в России зарегистрировано 447,9 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев из районов бывшего СССР, в том числе 235,8 тыс. — в 1993 г. В 1998 г. Россия приняла 27 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев непосредственно из зон вооруженных конфликтов¹⁵.

Приморский край стал принимающей территорией, куда приезжали люди с надеждой обустроиться, приобрести жилье, найти работу, детей отправить в школу и больше не страдать от межнациональных и вооруженных конфликтов. Часть вынужденных мигрантов направлялась в Приморье из конфликтных зон СНГ. В нашем распоряжении имеются социологические данные 1991 и 2000 гг.*, а также источники, предоставленные Федеральной миграционной службой в Приморье. Они позволяют проследить тенденции в динамике причин. По выборочным исследованиям 1991 г. на первом месте стояли мотивы «по семейным обстоятельствам» — 34,3 %, на втором — «в связи с учебой» — 32,5 %, далее — «из-за неустойчивости быта» — 15,4 %, «из-за обостренности национальных отношений» — 2,5 %¹⁶. За 1991—2000 г. заметно изменилась общая картина распределения мигрантов по мотивам переезда.

* Выборочные исследования, проведенные Приморским статистическим комитетом в 1991 г., и результаты социологического опроса в марте 2000 г., проведенного авторами.

Результаты социологического опроса, проведенные ЦИСИП в марте 2000 г., респондентами которого являлись разные группы мигрантов (со статусом беженца или вынужденного переселенца или без статуса, но субъективно считавших себя таковыми, трудовые мигранты), раскрывают причины, заставлявшие людей переехать из прежних мест жительства. Респондентам был задан вопрос: «Если Вы жили в других местах России и СНГ, то какие причины Вас заставили переехать?» Ответы распределились в следующем порядке (в % к числу опрошенных): не всегда благожелательные национальные отношения с местным населением — 35; отсутствие жилья — 18; отдаленность от родственников — 13; отсутствие работы — 11; не давали статус беженца или вынужденного переселенца — 10; низкие заработки — 7; не давали прописку — 5; климат — 2.

Среди мигрантов, назвавших причиной переезда «не всегда благоприятные отношения с местным населением», преобладали люди, приехавшие в Приморье в 1991—1994 гг. и в 1995—1998 гг., — соответственно 42 и 44 %. Однако после 1998 г. доля мигрантов, которые назвали причиной переезда «не всегда благоприятные отношения с местным населением», уменьшилась в два раза, но увеличилась доля приехавших, которые покинули прежние места жительства по причине отсутствия жилья — 32 % и работы — 21 %¹⁷. Выбрали именно Приморье, надеясь на возможность заработка, около 1/3 всех респондентов, перебравшихся в край после 1998 г.

Начавшийся процесс движения капитала, проявление некоторых признаков рыночного механизма, несмотря на высокую стоимость переезда и другие локальные факторы, определили миграционную ориентацию людей. Например, создание в 1991 г. свободной экономической зоны (СЭЗ) в г. Находке увеличило число желающих жить и работать в этом городе, особенно мигрантов из республик Кавказа и Средней Азии. Сравнение коэффициента миграционного прироста по городам показывает, что в Находке в момент провозглашения статуса СЭЗ он был самым высоким в крае и составил 19,1 чел. на 1000 жителей. Однако с 1992 г. стали наблюдаться сокращение инвестиций в СЭЗ, элементы «развала» экономики и миграционный прирост стал отрицательным. В первом полугодии 1997 г. вновь наметился миграционный прирост, что можно связать с подписанием соглашения о финансировании Республикой Корея строительства технопарка на 13 тыс. рабочих мест, часть из которых была предназначена шахтерам с закрывающихся шахт г. Партизанска¹⁸.

При анализе причин миграции в Приморье из других регионов России, по данным выборочных исследований, в начале 90-х годов лишь 23 % мигрантов связывали свой переезд с работой, в 1994 г. — уже 40 % указали в качестве основной причины — «поиск работы»¹⁹. В 1998 г. этот показатель снизился за счет приехавших по семейным обстоятельствам, таких мигрантов был 41 % и на учебу — 9 %. Однако, как показали опросы (март 2000 г. и август 2001 г.), мигранты, оказавшиеся в крае по личным и семейным обстоятельствам, были ориентированы и на поиск работы. Часто прибывали родственники или члены семьи к приехавшим на «заработки»; их число пополняли и эмигранты из северо-восточных районов России.

Формирующийся в 90-е годы российский капитализм резко изменил отношение федерального центра к северу Дальнего Востока. Жесткий принцип полной управляемости государства всеми социальными и экономическими процессами, миграционной политикой сменился принципом невмешательства, граничащего с самоустранением его от участия в развитии экономической и социальной сфер северных районов Дальнего Востока. Приоритетное развитие производственной сферы государственного хозяйственного комплекса в дальневосточном регионе сменилось развитием распределения и обмена, в первую очередь частного финансового и внешне-торгового капитала. Режим «патернализма» и всесторонней социально-экономической политики переоплотился в крайнюю свою противоположность. Народам Севера и населению Дальнего Востока был предоставлен «режим самостоятельности» в организации своего развития за счет собственных усилий при формально провозглашенном равенстве возможностей. В короткие сроки разрушилась колхозно-совхозная система, организация жизнедеятельности коренных народов и всех дальневосточников, утратилась «увязанная» в эту форму система снабжения, ценообразования, дотации, развитие социальной сферы и т. д. Радикализм и широкая распространность новых социально-экономических явлений (весь перечень не исчерпывается вышеназванным) в кратчайший срок заставили переоценить условия места жительства у северян. Южные районы Приморского, Хабаровского краев, Амурская область стали более привлекательными для жизни. В Приморье с 1989 по 1999 г. «осело» 34,8 тыс. переселенцев из районов Крайнего Севера.

За 1994—1999 гг. в Приморье прибыло всего 345 тыс. социально-экономических мигрантов²⁰, в основном русскоязычное население с Кавказа, Украины, Средней Азии и Казахстана, ряда регионов России, где официально не признаны факты ущемления прав русских, но имелись противоречия на национальной основе²¹. Социологические опросы мигрантов 2000—2001 гг. в Приморье показали, что многие прибывшие, особенно после 1997 г., субъективно считали себя беженцами и вынужденными переселенцами, хотя по закону не получили данного статуса. В 1992—1996 гг. получить статус вынужденного мигранта в крае было намного проще, 1997 г. миграционная служба Приморья «ужесточила» подходы при выдаче удостоверений, неукоснительно соблюдая федеральный закон «О беженцах», применяя его в точном соответствии с Конвенцией ООН (1951) «О беженцах».

Сокращению притока вынужденных мигрантов способствовали объективные условия. Географическая отдаленность Дальнего Востока, тяжелые климатические условия во многом определяли тот факт, что миграционная нагрузка по линии беженцев и вынужденных переселенцев в дальневосточном регионе была ниже, чем в других регионах России. За 1992—1998 гг. на Дальний Восток прибыло 13362 вынужденных мигранта — это

1 % от всех прибывших (данной группы) на территорию России. На 1 января 1999 г. на учете в миграционных службах Дальнего Востока состояло 8783 чел., из них 45 % — в Приморье. На 10 тыс. постоянного населения приходилось в дальневосточном регионе 12 чел. вынужденных переселенцев, в Приморье — 19 чел., тогда как в 1994 г. — 7,6 чел. (по России — 30,2), в 1995 г. — 13,8 чел. (по России — 47,5), в 1998 г. — 17,9 чел. Самый высокий показатель был в Еврейской АО, Приморье стояло на втором месте²². Таким образом, население Приморского края в 90-е годы столкнулось с новым социально-экономическим и психологическим явлением — общением с «новоселами», нуждающимися в большой социальной поддержке, которые становились «конкурентами» представителей других социальных слоев, также рассчитывавших на государственную помощь.

По данным миграционной службы, в Приморье в 1994 г. было зарегистрировано 3910 чел. беженцев и вынужденных переселенцев. В последующие годы их общая численность (зарегистрированных) была следующей: в 1996 г. — 3744 чел., 1997 — 3879 чел., 1998 г. — 3910 чел., 1999 — 4258 чел., 2000 — 3724 чел. В 1992 г. прибыло 342 чел., в 1994 г. — 1346 чел.*, в 1995 г. — 609 чел., 1996 г. — 548 чел., в 1997 г. — 404 чел.²³, в 1998 г. — 408 чел. Всего с 1992 г. по 1.01.2000 г. в Приморье было зарегистрировано 4524 вынужденных переселенца и беженца. Пик вынужденной миграции пришелся на 1994 г., а миграционная нагрузка в крае за последние пять лет возросла в 2,5 раза. Рост миграционной нагрузки происходил главным образом за счет оттока трудоспособного населения.

В 1994 г. были конфликты в Азербайджане, Армении, Грузии, Таджикистане. Например, в Таджикистане ожесточенные бои развернулись на территориях со смешанным проживанием этнических групп (бывшая Курган-Тюбинская область, которая теперь входит в состав Хатлонской области). Материалы полевых исследований показали, что в Приморье прибывали вынужденные переселенцы — корейцы и русские — из этой области и г. Душанбе. В бывших советских республиках русские труднее приспосабливались к новым реалиям жизни, труднее находили свою социально-трудовую «нишу». Большинство наших респондентов, вынужденных переселенцев (русские и корейцы), поясняя причину переезда, говорили: «У наших детей там нет будущего, мы боимся за своих детей»²⁴.

Приморье стало «второй родиной» для армян и азербайджанцев, которые вынуждены были покинуть территорию Нагорного Карабаха в результате войны, начавшейся между Азербайджаном и Арменией (1988). В 1993 г. Азербайджан потерял 6 районов вследствие оккупации армянскими вооруженными формированиями азербайджанской земли. Это значительно усилило поток мигрантов-азербайджанцев в Россию после 1994 г.** В 1996 г. прибыли 358 чел., 1997 — 217 чел., 1998 г. — 320 чел., 1999 — 164 чел. Одной из причин бегства из Азербайджана респонденты-мигранты в инициативных ответах называют «расцвет криминального мира» в республике, который, по их словам, использует безработных. Действительно, в Баку (1998—1999 гг.) имелось четыре так называемых «рабских рынка» (по-азербайджански — «гул-базары», два — в центре города, а другие два — на окраинах). По данным А. Юнусова, 73 % мигрантов ежегодно покидали страну на 3—5 месяцев в поисках средств к существованию. Один наш респондент-азербайджанец на вопрос, почему он выбрал Россию, ответил: «Здесь чувствуются некоторые демократические преобразования и есть надежды на постоянный заработок, а главное — безопаснее для детей»²⁵.

Отличительной чертой миграционной ситуации 90-х годов была иммиграция в край российских корейцев. В 90-е годы для корейской миграции была характерна общая причина — вооруженные конфликты и распад СССР. Цепь кровавых локальных войн, конфликтов, различных видов опасных противоборств, протянувшаяся от Молдавии, через Северный Кавказ, Ингушетию и Чечню, Среднюю Азию и Казахстан, вызвала новую волну миграции корейцев. Расправа коренного населения Средней Азии над турками-месхетинцами насторожила некоренное население этого региона, в том числе и корейцев, пожелавших выехать в Приморье. Однако в отличие от других этнических составляющих корейская миграция в 90-е годы XX в. имела ярко выраженную историко-политическую предпосылку.

В 1989 г. Верховный Совет СССР, исходя из соображений гуманности и справедливости, принял декларацию, в которой заявил, что осуждает практику насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права²⁶. 29 апреля 1991 г. Верховным Советом РСФСР был принят закон «О реабилитации репрессированных народов». Ст. 6 этого закона говорит о возвращении родины, а ст. 4 запрещает всякую агитацию, препятствующую выполнению этого закона. 1 апреля 1993 г. было принято постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев». В 1994 г. в соответствии с законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» правительство приняло постановление «Основные положения о порядке возврата гражданам незаконно конфискованного, изъятого или вышедшего иным путем из владения в связи с политическими репрессиями имущества, возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации»²⁷. На возвращенцев-корейцев тоже распространялся этот нормативный акт.

* Имеются данные визово-паспортной службы — 1876 чел. Текущий архив администрации Приморского края. Отдел национальностей. Докладная записка З.Зайки вице-губернатору В.А. Колесниченко от 02.11.1995 г.

** Кроме того, масштабы экономических и социальных бедствий, выпавших в 1990—1994 гг. на долю азербайджанцев, представляли реальную угрозу для национальной безопасности республики, оказавшейся на грани утраты шанса на возрождение в качестве независимого государства (Назирова А., Алескерова А. Социально-экономические сдвиги в ходе экономических реформ в Азербайджане // Общество и экономика. 2000. № 5—6. С. 9.).

Таблица 40

Согласны ли вы переехать в Приморский край? (тыс. чел.)

Вариант ответа	1991—1992 г.	1993—1995 г.	1996—2000 г.	После 2000 г.	Всего с 1991 г. и позже
Нет	23	2	2	1	28
Не знаю	17	2	3	1	23
Да, при условии территориальной автономии	6	8	4	0	18
Да, при территориальной и культурной автономии	4	11	9	1	25
Да, только при культурной автономии	2	2	2	0	6

Источник: Е.А. Плаксен (отчет). Результаты изучения общественного мнения корейцев, проживающих в Средней Азии и Казахстане по их отношению к вероятному переселению на землю Приморского края. Владивосток, 1998. С. 18.

Государственная внутренняя политика самым активным образом способствовала миграционным процессам, создавала простор для консолидации этнополитической корейской элиты, которая активно включалась в формирование постсоветской миграционной политики. Вооруженная законодательством, она активно стала влиять на миграционную политику. Хотя, надо отметить, что процесс формирования этнополитической корейской элиты шел параллельно с инициативными акциями по возрождению корейской автономии. В 1990 г. руководители Всесоюзной Ассоциации советских корейцев (ВАСК) открыто выразили свою позицию в отношении возможной автономии в Приморье. В 1991 г. эти идеи они изложили на страницах «Красного знамени»²⁸. 20 февраля 1991 г. вице-президент ВАСК по дальневосточному региону представил Приморскому краевому Совету народных депутатов программу по добровольному и организованному переселению советских корейцев из Средней Азии и Казахстана в Приморский край на постоянное местожительство, участию в социально-экономическом развитии края, предлагались конкретные районы заселения. Программа включала тезис о возможности создания автономной области в составе Приморского края в два этапа к 2000 г. 27 и 29 июня 1991 г. в краевой газете «Утро России» были опубликованы статьи Т.А. Кима. По его мнению, число переселенных корейцев могло достичь 500 тыс. чел. Но данные прогнозы не сбылись*.

Можно выделить ряд общих причин для всех этнических мигрантов: сложная социально-экономическая ситуация в крае, удаленность от основного экономического центра, а также напряженность политической обстановки. За 1992—1997 гг. транспортные тарифы увеличились в 5 тыс. раз²⁹, что отразилось на стоимости жизни и так «недешевого района». Приморцы в отличие от жителей европейского юга страны не имели больших возможностей для обеспечения себя продовольствием. На серьезное ухудшение социально-экономической обстановки население края мгновенно отреагировало острым недовольством, крайней психологической напряженностью. По итогам исследований, проведенных РНИС и НП в декабре 1995 г., и данным Е.А. Плаксена в 1996 г., Приморье стояло на пороге принятия авторитарного режима власти, если он сможет обеспечить населению стабильность и защиту от криминала и коррупции, охвативших край³⁰. Однако важнейшей причиной снижения количества желающих переехать в Приморье явилось политическое решение вопроса об отказе создать территориально-национальную автономию. Фактор создания территориальной автономии составлял одну из главных субъективных мотиваций в миграциях бывших советских корейцев.

В 1991 г. дальневосточный социолог Е.А. Плаксен проводил изучение общественного мнения корейцев по их отношению к вероятному переселению на приморскую землю. Выявилась следующая картина (см. табл. 40).

Как видно из табл. 40 наибольшую мотивацию для переезда имело создание обязательной территориальной и культурной автономии. При реализации таких активных интересов могли бы переехать 18 и 25 тыс. чел., 6 тыс. чел. удовлетворены были созданием культурной автономии.

В 1991—1998 гг. из-за внутренней ситуации в России и политического климата в дальневосточном регионе, наличия несовершенного законодательства в области внешних миграций нельзя было пойти на создание национально-территориальной автономии корейцев в Приморье. А поскольку реальные условия для реализации одной из групп мотиваций переселения отсутствовали, то масштабы переселения также оказались меньше, чем предполагали лидеры корейской диаспоры и некоторые социологи.

Анализ общей миграционной ситуации в Приморье в 90-е годы показывает, что в это время миграция активно влияла на изменение численности и состава населения. Если на предыдущих этапах советской истории главным последствием миграции было формирование трудовых ресурсов, то в постсоветском пространстве ее результаты концентрировались в других сферах. Отток населения из Приморья не был единственной приметой 90-х годов, он сопровождался сложной встречной миграционной волной, гораздо меньшей по численности, но более неоднородной по национальному составу «новоселов». Приморье как часть России вошло в число регионов, где конкуренция за обладание собственными ресурсами (природными, экономическими, политическими, социальными) имела помимо прочих аспектов и этническую окраску.

* См. разделы 5.1.3; 5.1.4.

- ¹ Дальний Восток России: экономическое обозрение. М., 1993. С. 35.
- ² Там же; Народное хозяйство Приморского края в 1991 году. Владивосток, 1992. С. 152.
- ³ Народное хозяйство Приморского края в 1991 году. С. 153; Дальний Восток России: экономическое обозрение. С. 35.
- ⁴ Социальная сфера городов и районов Приморского края в 1999 году. Госкомстат России. Приморский краевой комитет государственной статистики. Владивосток, 2000. С. 32; Народное хозяйство Приморского края в 1991 году. С. 83.
- ⁵ Народное хозяйство Приморского края в 1991 году. С. 122.
- ⁶ Там же. С. 14.
- ⁷ Там же. С. 7; Социальное развитие Российской Федерации. 1992. С. 21; Приморский край в 1999 году. Стат. ежегодник. Владивосток, 2000. С. 15.
- ⁸ Сакутин В.А., Елшина И.В., Недбай Л.Б. Квитка С.А. Итоговый отчет по социологическому исследованию «Украинская диаспора Приморья». Владивосток, 1992. С. 21. Текущий архив ЦИСИП Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- ⁹ Болтянский Л.И., Пушкарев С. Г., Рожанская Т. А. Управление миграционными процессами: Метод. рекомендации. Владивосток, 1998. С. 32—33.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Материалы полевых исследований: дек. 2000, апр., авг. 2001 г. Полевые дневники. Личный архив автора.
- ¹² Галкина И.А., Новикова О.И. Политические и экономические реформы в Приморье: оценки ведущих руководителей края // Изв. Владивостокского института международных отношений. 1997. № 1. С. 127.
- ¹³ Социальное развитие Приморского края в сравнении с соседними регионами и Россией. С. 12; Болтянский Л.И., Пушкарев С. Г., Рожанская Т. А. Управление миграционными процессами... С. 33.
- ¹⁴ Зайончковская Ж.А. Миграция населения России как зеркало социально-экономических перемен // Куда идет Россия?: Альтернативы общественного развития: Междунар. симпоз. 15—18 дек. 1994 г. М., 1995. С. 41—42.
- ¹⁵ Зайончковская Ж.А. Миграция населения России... С. 42; Мукомель В.И. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 66.
- ¹⁶ ГАПК. Ф. 131. Оп. 11. Д. 6677. Л. 1.
- ¹⁷ Итоговый отчет: анкета «Мигрант — 2000». (III-VI-2000 г.). Текущий архив ЦИСИП Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- ¹⁸ Паспорт миграционной программы Приморского края на 1999—2000 гг. Текущий архив Территориального органа Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации в Приморском крае (далее Тек. архив Тер. органа... России в Приморском крае). С. 38.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Аналитический отчет Территориального органа Министерства Федерации России в Приморском крае за 2000 г. Текущий архив Территориального органа ...
- ²¹ Материалы полевых исследований ЦИСИП. 2000—2001 гг. Полевые дневники. Личный архив автора.
- ²² Дальневосточный район и Читинская область на рубеже третьего тысячелетия (по материалам ассоциации «Дальстат»). Владивосток, 1999. С. 206.
- ²³ Приморский край в 1999 году: Стат. ежегодник. Владивосток, 2000. С. 27; Паспорт миграционной программы Приморского края на 1999—2000 гг. С. 13.
- ²⁴ Материалы полевых исследований. Личный архив автора; Текущие архивы администраций Уссурийска, Партизанска, Артема, Арсеньева, Находки. Архив ЦИСИП Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- ²⁵ Социологический опрос. «Школьный рынок». Март 2000 г. Владивосток. «Школьный рынок». Полевой дневник. Личный архив автора.
- ²⁶ Декларация «О признании незаконными и преступными репрессивные акты против народов СССР».
- ²⁷ Вон Дон (Дальний Восток). 1994. № 8.
- ²⁸ Красное знамя. Владивосток, 1991. 16 февр.
- ²⁹ Пивоваров Ю.А. Альтернативная концепция макрорегионального развития России // Мир России. 1996. № 2. С. 65.
- ³⁰ Давыдова Н.М. Региональная специфика сознания россиян // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 19—20; Личный архив Е.А. Плаксена: Отчет о проведении социологических опросов. (Материалы предоставлены автору Е.А. Плаксеном, руководителем лаборатории изучения общественного мнения Института ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН).

5.1.2. Этнический состав мигрантов

Поиск рациональной модели сосуществования этносов в границах одного государства или отдельно взятого административно-территориального региона, проблемы «возрождения» и «этничности» составляют в настоящее время одну из центральных тем современной общественной мысли.

Хотя Приморье в последнее десятилетие XX в. не входило в число территорий, где были вооруженные конфликты на межнациональной основе, проблема этничности в миграционном процессе имела место*. Ретроспективный анализ состава мигрантов в контексте этничности, национальности — важное звено в исследовании миграционных процессов и их влияния на демографическую ситуацию в крае, а также на межнациональные отношения. За это время сложился целый спектр концепций и аналитических прогнозов по поводу роли этнических миграций, причем, мнения варьируются между крайними точками зрения: эсхатологическим предвидением разрушительной силы национализма в современном мире, с одной стороны, и весьма оптимистическими представлениями о возможном создании в Европе общества этнического плюрализма, в котором не существовало бы угрозы конфликтов на национальной основе, с другой. А как развивались эти процессы в восточных регионах России? Этот вопрос сегодня волнует не только ученых — этнологов, историков, социологов, но и политиков-управленцев. Ответить на него можно, выяснив изменения, происходившие под влиянием миграций в национальном составе населения, и демографические показатели в отдельных этнических группах.

* Некоторые ученые, в частности В.В. Степанов, относят Приморский край 90-х годов к этнопроблемным регионам, но «по причине массового бесконтрольного ввоза туда китайских мигрантов». (Особенности экономики этнопроблемных регионов // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 70).

Приморский край в 90-е годы XX в. стал местом нового жительства мигрантов с разным организационно-правовым статусом, принадлежавших к различным этническим группам. Как часть Дальнего Востока России Приморье входило в число регионов, где конкуренция за обладание общественными ресурсами (природными, экономическими, политическими, социальными) имела помимо прочих аспектов и этническую окраску. Одна из самых существенных причин этнической конкуренции — миграционные перемещения. Образование вследствие миграций диаспор, а точнее национальных общин, иногда приводит к соперничеству на экономической арене, сопровождается противоречивым восприятием «чужих». Однако изучение этнических границ в миграционных потоках, особенностей состава мигрантов осуществляется не только с целью выявить, что разделяет, разграничивает эти группы, но и то, что не отличает и не разъединяет, а, возможно, объединяет людей разных национальностей в новых условиях на поприще мигрантской жизни. Исследуя полиэтничный состав мигрантов, мы исходили из важнейшей методологической посылки, что отношения между этническими группами в период обустройства не сводятся исключительно к поискам «чужаков», а определяются интересами взаимодействия с давно живущими здесь людьми. Конкуренция за освоение ресурсов — один из стимулов дальнейшего хозяйственного освоения края, одна из форм развития рыночных отношений.

До конца 80-х годов Приморье являлось неотъемлемой частью советского социального пространства, для которого этничность в миграционных процессах не была так важна, как в пореформенный период 90-х годов XX в. Русские, украинцы, белорусы, корейцы, малочисленные народы Севера и др. имели коллективный исторический опыт хозяйствования, общую идеологию, хотя и осознавали особенности внутриэтнического генетического родства и культурно-языковой общности. В условиях реформ, когда значительно сузились возможности выживания, этничность стала объединяющим фактором.

«Возрождению» этничности способствовал ряд исторических событий не только в научном, но и в политическом мире. Так, 29 апреля 1991 г. Верховным Советом РСФСР принят закон «О реабилитации репрессированных народов», 1 апреля 1993 г. — Постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев». В 1993—1997 гг. в России формировалось законодательство о беженцах и вынужденных переселенцах*.

В рассматриваемый десятилетний отрезок времени этнический компонент присутствовал во всех миграционных потоках прибывших в край и покинувших его. Под «этнической группой» так же, как в отечественной и мировой социологии, мы понимаем этническую общность и в значении народа, национальности, культурной и социально-психологической солидарности и мобилизации.

Опираясь на известный Меморандум Кона и исследование А.А. Попова, описавших технологию «этнической мобилизации», а также постсоветскую реальность, выделим основные методологические проявления этничности в период миграций.

1. Прошлые и настоящие, действительные и мнимые обиды должны быть актуализированы, представлены в общественном сознании как национальные унижения, затрагивающие честь и достоинство «каждого представителя данного этноса».

2. Миграционная подвижность этнических групп должна быть сориентирована программами, привлекательными целями, призванными компенсировать моральный и материальный ущерб, нанесенный когда-то народу или конкретно ему, его семье, родственникам.

3. Поскольку началось развитие рыночных отношений в России, то можно также предположить, что вероятно усиление миграционной подвижности тех этнических групп, которым присуща «рыночная ментальность, торговая специализация». Как показывает история, такие группы существовали и существуют во все времена среди самых разных народов, культур и цивилизаций¹.

Значение этнического компонента в конце XX в. проявилось в трех сегментах: миграции вынужденной, социально-экономической (или трудовой) и привлеченной иностранной рабочей силы. Актуализация этнического аспекта в миграционных процессах имела серьезный социально-психологический источник. Современные этнологические и социобиологические исследования показывают, что при столкновении общества со смертью вырабатывается особый тип поведения, в котором индивидуальные ощущения смертельной опасности совмещаются с осознанием коллективного бессмертия. Происходит интенсивная мобилизация сил общества на основе принципа этничности, особенно, если данная группа оторвана от этнической родины². Например, Ф. Хекман подчеркивает, что этничность выступает как определенный шанс (как исходное условие), которое используется в целях национальной мобилизации³.

Выводы, полученные учеными-предшественниками, помогают в анализе имеющихся источников по Приморскому краю. Поиски ответов на вопросы, сформированные выше в виде гипотезы, начнем с анализа причин и мотивов переезда в Приморье с учетом их распределения по этническим группам (см. табл. 41). До распада СССР на первом месте стоял мотив «в связи с учебой». Чуть выше среднего этот показатель был присущ русским, белорусам, корейцам. Вторую позицию занимал мотив «в связи с переменой места работы» (поиски новой работы). Наиболее ярко он выражался у узбеков, армян, белорусов, украинцев. До декабрьского «беловежского соглашения» 1991 г., ставшего официальным признанием существования национальной проблемы в бывшем СССР, «из-за обострения межнациональных отношений» в Приморье переехали, например, всего 1,9 % русских,

* Об этом подробно речь пойдет в следующем разделе.

1,5 % украинцев. Самая высокая доля таких мигрантов наблюдалась среди армянских (13,8 %), азербайджанских (14,8 %) и корейских (13,9 %) переселенцев. Эти данные тесно увязываются с известными трагическими событиями: сунгаитский погром (1998 г.), карабахский конфликт (начало которого официально датируется 20 февраля 1988 г.), азербайджанско-армянский инцидент в Гяндже (24 ноября 1988 г.). Эти события вызвали движение вынужденных мигрантов (армян и азербайджанцев) в Приморский край. В начале января 1990 г. сначала в Ханлорском районе, а затем практически вдоль всей армяно-азербайджанской границы начались столкновения. 13—15 января произошли погромы в Баку. Они усилили поток вынужденных мигрантов. Испытали на себе влияние последствий межнациональных конфликтов и советские корейцы. Почти 14 % корейцев, прибывших в 1991 г. в Приморский край, указали причину переезда — обострение межнациональных отношений (см. табл. 41).

В предыдущем разделе рассматривалась ситуация миграционного обмена Приморья с республиками бывшего Союза ССР, однако политическая география еще не дает полного представления о национальной структуре мигрантов. Не всегда места выхода точно определяют этнический состав переселенцев. Проследим это положение на примере Украины как традиционного региона-донора для формирования населения Приморья. Из табл. 42 видно, что в 1991 г. с Украины приехало 54,3 % украинцев и 40,4 % русских, хотя и те, и другие выбрали Приморье в связи с переменой места работы.

Прибывшие в Приморье в 1991 г. из Узбекской ССР по национальной принадлежности распределились следующим образом: всего — 65 чел., из них русских — 34 чел., украинцев — 19, узбеков — 10, татар — 2, евреев — 1, корейцев — 14, немцев — 2, не указали национальность — 1 чел. Анализ этнического состава мигрантов из других бывших советских республик также подтверждает вывод о полиэтничности потоков переселенцев из одного региона выхода. Однако среди переселенцев, как и на предшествующем этапе, были преимущественно русские. Исключение составили Армения и Азербайджан, где этнические группы мигрантов (армян и азербайджанцев) преобладали над русскими переселенцами⁴.

В начале 90-х годов русские выезжали чаще всего из Казахстана, Грузии, Прибалтики, Таджикистана, Украины*. Поток вынужденных мигрантов-русских в Приморье еще более увеличился во второй половине 90-х годов. Корейцы покидали Узбекистан и Казахстан. 76 % азербайджанцев перебрались в Приморье преимущественно из зон вооруженных конфликтов или территорий, которые до сих пор являются предметом территориального спора с Арменией. Среди армян преобладали выходцы из Азербайджана и только 7 % — из Таджикистана.

За девять последних лет XX в. картина причин и мотиваций переезда в Приморье претерпела изменения, что наглядно демонстрировали представители всех национальных групп. Об этом свидетельствует сравнение данных двух социологических исследований 1991 г. (проводилось Приморским комитетом государственной статистики) и 2000 г. (материалы социологического опроса Центра социальной истории и политики Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).

Если в 1991 г. русские переезжали в край в основном на учебу, по семейным обстоятельствам, на работу, то в 1994—2000 гг. этот мотив присутствовал в меньшей степени, например, из-за поисков работы приехало 7 %, из-за обострения национальных отношений прибыло в 1991 г. всего 1,8 % русских, а в 1994—2002 гг. уже 61 %⁵. В 1991 г. по последней причине русские приехали: из Чечни — 22 чел., с Украины — 6, из Узбекистана — 13, Казахстана — 13, из Грузии — 4 чел. Из-за обострения национальных отношений русские не выезжали только из Белоруссии.

Хотя украинцы предпочитали уезжать из Приморья, тем не менее значительная часть их оставалась здесь жить. В 1991 г. миграционную мотивацию украинцев определяли семейные обстоятельства, затем — учеба и работа, и лишь четыре человека переехали в край из-за обострения межнациональных отношений (см. табл. 42). В 1994—2000 гг. уже 75 % украинцев из других регионов СНГ и Балтии переехали в Приморье по последней причине. Из Белоруссии в край прибывали украинцы главным образом по семейным обстоятельствам, в связи с учебой, работой.

По исследованиям, проведенным в 1991 г., видно, что корейцы выбрали местом нового жительства Приморье преимущественно по семейным обстоятельствам, в связи с учебой и работой. Только 8 чел. выехали из Узбекистана по причине не всегда благополучных межнациональных отношений (всего 12 чел.), а в 1994—2000 г. — 36 % от всех респондентов. Они выезжали по этой причине из Казахстана и Узбекистана, Таджикистана, и лишь 11 % корейцев прибыли в край из-за отсутствия жилья, 9 % — работы, 11 % — из-за низких заработков. Таким образом, анализ причин переезда этнических мигрантов свидетельствует о появлении в Приморье переселенцев, которые относили себя к категории вынужденных.

Беженцы и вынужденные переселенцы представляли такую группу мигрантов, в которой этничность в большей степени действовала как объединяющий стимул. Через этническую мобилизацию происходила социально-экономическая, культурная адаптация на новом месте. Это достаточно ярко иллюстрирует приморская действительность. Беженцы и вынужденные переселенцы из бывших советских республик Средней Азии, Казахстана, Закавказья, Северо-Кавказского региона России, Прибалтики, Молдовы появились на территории Приморья в

* По материалам полевых исследований, уровень жизни данных семей в советский период был достаточно высоким.

Распределение мигрантов по причинам переезда и национальности в Приморском крае
(выборочно, 1991 г.) (чел. — в числителе, % — в знаменателе)

№	Национальность	Все мигранты в возрасте 16 лет и старше	В связи с учебой	В связи с переменной места работы	Из-за обострения межнациональных отношений	Из-за обострения криминогенной обстановки	Из-за невозможности устроиться на работу	По семейным обстоятельствам	Из-за неустроенности быта	Из-за климата в связи с состоянием здоровья	Не удовлетворены экологическими условиями	В связи с аварией на Чернобыльской АЭС	Не было возможности самостоятельно заниматься сельским хозяйством	Не было возможности заниматься индивидуальной трудовой деятельностью или предпринимательством	Нет желания жить в селе (городе)	Иная причина
Всего, в том числе		6360	2069 / 32,5 %	1469 / 23 %	159 / 2,5 %	27	218	2186	980	224	104	47	61	23	234	365
1	русские	4950	1682 / 33,8 %	1093 / 22 %	98 / 1,9 %	12	145	1714	758	175	83	24	42	19	179	306
2	украинцы	658	173 / 26,2 %	167 / 25,3 %	10 / 1,5 %	4	29	240	112	17	13	7	6	1	29	28
3	белорусы	86	29 / 33,7 %	23 / 26,7 %	1 / 0,1 %	-	2	24	11	3	2	13	-	-	2	5
4	корейцы	86	28 / 32,5 %	17 / 19,7 %	12 / 13,9 %	2	5	26	8	5	-	-	2	1	3	3
5	татары	77	17 / 22 %	24	2	-	1	33	11	6	-	-	1	-	1	3
6	чувашаи	42	12	14	-	-	4	12	4	-	-	-	-	-	2	2
7	немцы	30	6	9	2	-	1	10	3	2	2	-	3	-	1	1
8	азербайджанцы	27	7 / 25,9 %	6 / 22,2 %	4 / 14,8 %	-	4	10	5	-	-	-	1	1	1	-
9	мордва	27	4	8	-	1	-	11	3	5	-	-	-	-	-	5
10	башкиры	26	4	6	3	3	5	10	5	-	1	1	-	-	2	2
11	молдаване	25	11	7	3	-	-	6	1	-	-	-	-	-	1	1
12	армяне	18	4 / 22,2 %	6 / 33,3 %	7 / 38,8 %	2	-	2	5	-	-	-	1	-	-	-
13	узбеки	18	4 / 22,2 %	7 / 38,8 %	1	1	3	4	3	-	-	-	-	-	-	-
14	казахи	17	5	9	-	-	-	3	4	-	-	-	-	-	-	-
15	удмурты	12	2	3	-	-	-	-	3	1	2	-	-	-	2	2
16	марийцы	11	4	4	-	-	1	-	2	-	-	-	-	-	-	1
17	киргизы	10	-	4	1	-	4	4	3	-	-	-	-	-	-	-
18	буряты	10	3	4	-	-	1	2	3	1	-	-	2	-	3	-
19	евреи	10	1	4	3	-	1	5	2	1	-	-	-	-	-	1
20	грузины	9	2	2	1	1	-	4	-	-	-	-	-	1	-	1
21	литовцы	7	1	2	1	-	-	1	2	1	1	-	-	-	-	-
22	таджики	7	2	3	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	1	-

23	осетины	7	1	1	-	-	-	4	1	-	1	-	1	-	-	-
24	якуты	6	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
25	коми-пермяки	5	1	2	-	-	1	2	1	-	-	-	-	-	-	-
26	болгары	5	-	-	1	-	-	4	1	-	-	-	-	-	-	-
27	кабардинцы	4	-	1	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-
28	кумыки	4	-	2	-	-	-	1	2	-	-	-	-	-	1	-
29	лезгины	4	-	3	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
30	чеченцы	3	1	1	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-
31	поляки	3	-	1	1	-	-	-	-	1	-	2	-	-	1	-
32	ногайцы	3	1	-	1	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-
33	калмыки	2	-	1	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
34	коми	2	-	2	-	-	-	2	1	-	-	-	-	-	-	-
35	табасараны	2	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
36	адыгейцы	2	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
37	хакасы	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
38	цыгане	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
39	балкарцы	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
40	лакцы	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
41	тувинцы	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
42	чукчи	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
43	эвенки	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
44	ительмены	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
45	эвены	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
46	венгры	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
47	ижорцы	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
48	латыши	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
49	курды	1	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
50	ингуши	1	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-
51	карачаевцы	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
52	румыны	1	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-
53	уйгуры	1	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-
54	японцы	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
55	аварцы	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
56	карелы	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
57	нанайцы	1	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-
58	удэгейцы	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
59	другие национальности	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
60	национальность не указана	120	47	30	4	-	6	34	19	5	1	-	2	-	5	2

Распределение мигрантов по причинам переезда в Приморский край в 1991 г. с Украины с учетом национальности
(до распада СССР) (чел.)

Национальность	Все мигранты в возрасте 16 лет и старше	В связи с учебой	В связи с переменной места работы	Из-за обострения межнациональных отношений	Из-за обострения криминогенной обстановки	Из-за невозможности устроиться на работу	По семейным обстоятельствам	Из-за неустроенности быта	Из-за климата в связи с состоянием здоровья	Не удовлетворены экологическими условиями	В связи с аварией на Чернобыльской АЭС	Не было возможности самостоятельно заниматься сельским хозяйством	Не было возможности заниматься индивидуальной трудовой деятельностью или предпринимательством	Нет желания жить в селе (городе)	Иная причина
Всего	460	125	150	11	3	23	150	48	13	13	17	1	2	9	25
В том числе															
русские	186	44	60	6	1	9	65	23	6	5	9	-	2	1	15
украинцы	246	79	77	2	2	12	78	21	6	7	7	1	-	6	8
молдаване	3	-	-	1	-	-	2	1	-	-	-	-	-	-	-
белорусы	2	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
евреи	2	-	-	1	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	1
болгары	2	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
башкиры	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
узбеки	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
грузины	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
азербайджанцы	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
литовцы	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
немцы	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
поляки	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
татары	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
удмурты	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
чуваши	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Национальность не указана	9	1	5	-	-	1	3	1	-	-	-	-	-	2	-

Источник: ГАПК. Ф. 135. Оп. 11. Д. 677. Л. 88.

Таблица 43

Численность беженцев и вынужденных переселенцев в крае (1992—2000 гг.)

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Всего, чел.	629	1725	3135	3744	3879	3910	4258	3724
Из них ранее постоянно проживали на территории:								
Абхазии	—	—	—	3	—	—	10	—
Азербайджана	53	129	166	181	163	155	161	133
Армении	—	33	50	50	30	27	27	—
Грузии	42	140	197	207	215	205	197	153
Дагестана	—	—	—	—	—	—	—	1
Казахстана	—	11	288	450	633	727	974	982
Кабардино-Балкарии	—	1	3	3	3	3	3	3
Киргизии	—	92	370	415	449	452	440	345
Латвии	—	—	19	37	52	52	57	50
Литвы	1	1	1	3	6	7	8	7
Молдовы	61	108	130	138	136	118	117	97
Нагорного Карабаха	—	7	7	7	7	—	—	—
Таджикистана	441	1030	1288	1368	1228	1159	1169	844
Туркменистана	—	—	6	6	25	37	49	49
Узбекистана	—	47	430	623	697	729	767	709
Украины	—	—	—	1	1	2	2	2
Эстонии	—	3	7	10	25	25	28	25
Чечни	28	115	161	227	191	194	234	304
Северной Осетии — Алании	—	8	12	18	18	18	18	16
Ингушетии	3	—	—	—	—	—	—	—

Источники: Приморский краевой комитет государственной статистики «О демографической ситуации в Приморском крае в 1998 г.». С. 7; Приморский край в 1999 г.: Стат. ежегодник. Владивосток, 1998. С. 27; Текущий архив Приморского краевого комитета государственной статистики. Численность беженцев и вынужденных переселенцев. 2000.

конце 1992 г. (по документам миграционной службы). Однако в текущем архиве администрации г. Артема нами обнаружены данные, что первые вынужденные мигранты были в городе уже в 1990 г.⁶

К началу 1999 г. в Приморском крае были зарегистрированы 4258 беженцев и вынужденных переселенцев, в 2000 г. — 3724 чел. Снижение численности произошло за счет снятия статуса по истечении пятилетнего срока и общего сокращения количества прибывших вынужденных мигрантов. Каждый четырнадцатый прибывший в край из государств-участников СНГ и Балтии в 1992—1998 гг. имел один из этих статусов. В 1993—2000 гг. край принимал вынужденных мигрантов из всех стран СНГ и Балтии, кроме Белоруссии (см. табл. 43). В Приморье не стремились приехать люди из Ингушетии, но заметно увеличился приток вынужденных переселенцев из Чечни. Если в 1993 г. в крае зарегистрировано 28 чел. из Чечни, то в 2000 г. — 304 чел., которые получили статус вынужденного переселенца.

Наибольшее количество вынужденных мигрантов (27 %) прибыло в Приморье из Таджикистана. Их основной поток пришелся на 1992—1993 гг. В эти годы большинству прибывших вынужденных мигрантов (61 % в 1992 г. и 89 % в 1993 г.) присваивался статус беженца. В 1994 г. поток мигрантов из Таджикистана сократился с 70 % в 1992 г. до 31 % в 1998 г. и 23 % — в 2000 г.

В 1992—1993 гг. массовые потоки вынужденных мигрантов шли также из Азербайджана, Грузии, Киргизии, Республики Молдовы, Чечни. Вынужденные мигранты по районам выхода распределились в Приморье в следующем порядке: Узбекистан — 25 % (на Дальнем Востоке — 16,7 %), Казахстан — 24 (28,3 %), Таджикистан — 16,9 (19,7 %), Киргизия — 13,6 (10,7 %), Чечня — 8, Грузия — 2,8, Азербайджан — 2,4, Латвия — 2,3, Молдова и Эстония — 8 %. В последующем география вынужденных миграций расширялась и непрерывно менялась. С 1996 по 1998 г. большая часть беженцев и вынужденных переселенцев были выходцами из стран, в которых не происходило вооруженных конфликтов. Из всех вынужденных мигрантов, прибывших в 1998 г., 71 % приходился на выходцев из Казахстана, Таджикистана и Узбекистана, каждый третий мигрант получал официальный статус в миграционной службе Приморского края.

В национальном составе беженцев и вынужденных мигрантов, прибывших в 90-е годы в Приморье, преобладали русские — 72,7 %, на втором месте находились корейцы — 10,5 %, затем украинцы — 5,3, татары — 3,8, чеченцы — 2,2, армяне — 2,1, азербайджанцы — 1,5, немцы — 0,5 %⁷.

Среди беженцев и вынужденных переселенцев на Дальнем Востоке женщины составляли в среднем 55,5 %⁸, в Приморском крае их было меньше, чем мужчин — 44,4 %. Однако наши социологические исследования пока-

Таблица 44

Распределение этнических мигрантов в Приморье по полу в 2000 г. (в %)

Этнические группы	Мужчины	Женщины
Корейцы	49	51
Азербайджанцы	65	35
Армяне	58	42
Грузины	90	10
Русские	39	61
Украинцы	25	75
Татары	90	10

Источник: Предварительный отчет Центра изучения социальной истории и политики Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН о проведении социологического опроса «Мигрант — 2000 г.». Социологический опрос 2000 г.

зывают, что среди разных этнических групп мигрантов (в том числе и без статуса) наблюдались некоторые различия в этой демографической характеристике (см. табл. 44).

Среди русских, корейцев, украинцев преобладали женщины. Доля представителей этих этнических групп в составе беженцев и вынужденных переселенцев была выше, чем среди других. Таким образом, чем выше был процент вынужденных мигрантов в общей массе переселившихся в край, тем выше доля женщин. Женщины острее реагировали на межнациональные вооруженные конфликты. Материнский инстинкт, боязнь за своих детей активизировали их поведение, они быстрее, чем мужчины, покидали конфликтные зоны. По наблюдениям работников миграционной службы Уссурийска, Арсеньева, Партизанска, среди беженцев и вынужденных переселенцев в исследуемые годы было много неполных семей.

Среди социально-экономических, или трудовых мигрантов, в частности армян, азербайджанцев, преобладали лица мужского пола. Мужчины данных национальностей традиционно были «добытчиками» и часто выезжали на заработки, о чем свидетельствует история предшествующих лет.

При изучении историко-социологического портрета мигрантов выявлены и другие различия. Так, в составе мигрантов 90-х годов, выбравших местом жительства Приморье, самая высокая доля пенсионеров наблюдалась у корейцев — 15 %, русских — 11, украинцев — 25, самая низкая — у армян — 8 %. У мигрантов из Азербайджана отсутствовала эта социальная группа.

В трудоспособном возрасте в среднем находилось 54 % мигрантов, старше трудоспособного — 16, моложе — 30 %. Например, в 1998 г. прибыли 46383 чел. трудоспособного возраста, а выбыли 48276 чел., пенсионеров соответственно 5208 чел. и 4988 чел. Анализ данных показывает, что в 90-е годы проявилась тревожная для Приморья тенденция: миграционный прирост шел в основном за счет людей старше трудоспособного возраста. Покидали Приморье люди 30—39 и 40—49 лет. Как правило, в этом возрасте люди способны еще к овладению новыми профессиями, проявлению активности в социально-экономических преобразованиях. В последнее десятилетие XX в. число пенсионеров в Приморье увеличилось за счет переселенцев. Следовательно, в регионе в будущем возникнет новая демографическая ситуация, которая уже сейчас должна беспокоить соответствующие органы власти.

Миграция влияла и на культурную ситуацию. Изменился образовательный уровень иммигрантов по сравнению с 60—80-ми годами. Вынужденные мигранты 90-х годов имели среднее общее, среднее специальное и незаконченное высшее образование — 86 % и высшее — только 14 % от всех прибывших на Дальний Восток. В Приморье доля иммигрантов с высшим образованием была несколько выше (более 28 %), главным образом за счет двух этнических групп — русских (36 %) и корейцев (30 %). Самый низкий показатель у армян — 17 %, у азербайджанцев — 19 %.

Если сравнить уровень образования мигрантов Приморья и Украины, имевших на предыдущих этапах обменные миграционные связи, то Приморье оказывается в худших условиях. Образовательный уровень мигрантов, прибывавших на Украину в рассматриваемый период, очень высок. В 1996 г. каждый пятый, приехавший из стран ближнего зарубежья, имел высшее образование, а каждый третий — среднее специальное. Лишь каждый десятый не имел среднего образования⁹.

Этнические проявления в миграциях этого периода в Приморье особенно отчетливо выразились через религиозные взгляды переселенцев. На вопрос анкеты «Мигрант — 2000» «считаете ли Вы себя религиозным человеком, если да, то каких религиозных взглядов», ответы респондентов распределились в следующем порядке: 22 % исповедовали ислам, 17 % — православие, 3 % — буддизм, 1 % — протестантизм, 0 % — католицизм.

В 90-е годы снизилась роль миграций как источника пополнения населения некоторых городов Приморья (Артема, Арсеньева), которые в прошлом были городами-реципиентами. К примеру, в Артеме в 1996 г. миграционный прирост по сравнению с 1995 г. снизился в 1,6 раза, составив всего 358 чел., и то за счет беженцев и вынужденных переселенцев. В 1996 г. в Артеме числились 174 мигранта со статусом. Наибольший миграцион-

ный прирост шел за счет Узбекистана (33 %), Таджикистана (22 %), Казахстана (15 %). Социально-демографическая характеристика мигрантов в этом городе соответствовала среднекраевой: 57 % находились в трудоспособном возрасте, 11 % — в возрасте старше трудоспособного, 32 % — дети до 16 лет, 60 % из числа прибывших состояли в браке. Среди мигрантов преобладали люди со средним образованием — 33 %, 32 % — со среднеспециальным и только 25 % — с высшим. Большинство мигрантов рассчитывало в первое время жить на пособие¹⁰. Тенденция 1995—1996 гг. продолжалась и в 1997—1998 гг.¹¹ В 1998 г. количество прибывших в г. Артем по сравнению с 1997 г. снизилось на 12,4 %. Всего прибыло 3459 чел., но из ближнего зарубежья только 145 чел., т. е. преобладала миграция из территорий России и внутрикраевая¹².

Вынужденные мигранты 1992—1994 гг. поселялись и в Арсеньеве. Это были русские и корейцы из Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, Грузии. Национальный состав вынужденных мигрантов, прибывших в г. Арсеньев, на 1 января 1993 г. выглядел следующим образом: всего приехало 37 чел., из них азербайджанцев — 2, армян — 3, русских — 13, корейцев — 17, украинцев — 1, грузин — 1 чел.¹³ Полевые исследования (март 2000 г.) свидетельствуют о том, что в Арсеньеве среди вынужденных мигрантов преобладали люди со средним или неполным средним образованием. В советский период, когда функционировали заводы «Прогресс» и «Аскольд», мигранты были преимущественно с высшим образованием. Значительное количество женщин в составе мигрантов, осевших в Арсеньеве, ухудшило соотношение населения по полу, где и так женщин было больше, чем мужчин. Кроме того, высокий уровень безработицы в Арсеньеве вынуждал местных мужчин уезжать на заработки во Владивосток.

В Уссурийске, ставшем одним из центров концентрации вынужденных мигрантов, преобладали русские и корейцы. В 1996 г. их было соответственно 26 и 36 чел. В этом городе оказались таджики (4 чел.), узбеки (1), немцы (1), украинцы (2)¹⁴, получившие статус вынужденных мигрантов. В основном это были выходцы из Казахстана, Узбекистана, 8 чел. — из Таджикистана, по 1 чел. — из Чечни, Азербайджана, Литвы, Киргизии, 4 чел. — из Грузии.

В Партизанске в составе вынужденных мигрантов также было больше корейцев, которые прибыли в этот город в 1992—1994 гг. (пик пришелся на 1993 г. — 45 чел.), и русских (1993—1995 гг.). Сюда в 90-е годы переехали 4 армянина, 2 представителя татарской национальности, 1 азербайджанец, 1 узбек и 1 немец¹⁵. Как в Уссурийске, так и в Партизанске мигранты имели среднее или среднеспециальное образование, в меньшем количестве — высшее. Таким образом, анализ социально-демографических характеристик мигрантов по городам подтверждает общекраевую тенденцию.

В последнее десятилетие XX в. в результате изменившегося вектора миграционных потоков, их национального состава произошли некоторые изменения в национальной структуре приморского населения (см. табл. 45).

В 1992—1998 гг. в результате миграционного оттока в крае русских стало меньше на 27,6 тыс. чел., украинцев — на 10,1, белорусов — на 2,7, татар — на 0,9, немцев — на 0,8 тыс. чел. За этот же период миграционной прирост армян составил 1 тыс. чел., корейцев — 7,7, китайцев — 5,0, азербайджанцев — 0,9 тыс. чел. К сожалению, полных данных о численности каждой национальности в Приморье исследователи пока еще не имеют. Опираясь на сведения руководителей диаспор и национальных общин, можно назвать лишь приблизительную численность. На 1 января 2000 г. азербайджанцев в крае было примерно 21 тыс., армян — 21 тыс., корейцев — 30 тыс., немцев — 4 тыс. Их удельный вес в социальной структуре представлен таким образом: азербайджанцы — 0,9—1,4 % (по переписи 1989 г. не выделялись в отдельную группу), армяне — 0,9 % (по переписи 1989 г. также не выделялись в отдельную группу), корейцы — 1,4—1,5 % (в 1989 г. — 0,4 %). Доля русских,

Таблица 45

Изменение численности населения края за счет миграционного оттока (прироста) по отдельным национальностям (чел.) в 1990—1998 гг.

	1990—1991	1992—1993	1994—1995	1996—1997	1998
Миграционный прирост (убыль), всего*	20082	- 9117	- 3137	- 10695	- 4184
В том числе					
Русские	13276	- 3552	- 6680	- 11110	- 6290
Украинцы	805	- 6796	- 966	- 1645	- 721
Белорусы	915	- 1311	- 678	- 452	- 238
Азербайджанцы	- 29	47	276	391	187
Армяне	46	260	854	283	192
Татары	166	- 256	- 128	- 365	- 161
Корейцы**	1049	2482	2746	1362	1147
Китайцы**	2172	1503	2191

*) данные не включают мигрантов, не указавших территорию.

**) численность национальностей, обозначенная «...», в годовых разработках КЭОД не выделялась.

Источник: Приморский комитет государственной статистики «О демографической ситуации в Приморском крае в 1998 г.».

отличавшихся высокой миграционной подвижностью, в составе населения Приморья уменьшилась на 1,2 % (с 86,9 % в 1989 г. до 85,7 % в 2000 г.), хотя по абсолютным показателям отток был значительным. Несмотря на то, что украинцы находились в числе основных эмигрантов, их удельный вес сократился соответственно с 8,2 до 7,7 %. В группу эмигрантов также можно отнести белорусов и татар, число последних сократилось с 0,9 % в 1989 г. до 0,8 % в 2000 г. Китайское население до 1994 г. вообще не учитывалось. В 1998 г. за счет миграций оно составляло 2191 чел., или 0,1 %¹⁶.

Итак, с момента последней переписи 1989 г. за счет миграций произошли заметные изменения в социально-демографическом портрете и национальном составе населения Приморья. На территории края появились иммигрантские группы, которые отличались от принимавшего социума культурными, религиозными, национальными, иногда расовыми характеристиками. В результате миграционных явлений в Приморском регионе значительно увеличилась численность корейцев, азербайджанцев, армян. Миграция в 90-е годы являлась одним из важнейших факторов формирования общественной жизни Приморья. Из приведенного ретроспективного анализа становится очевидно, что край в конце XX в. стал превращаться в активную «контактную зону» иммигрантских групп с разными культурными традициями и прибывавших либо из «конфликтных» регионов, либо с целью получить дополнительные заработки. Каким образом шло обустройство многонационального «переселенческого сообщества» в крае, какова роль Российского государства и соответствующих органов власти в регулировании миграционных процессов на Дальнем Востоке, в частности в приграничном Приморье? Эти и другие вопросы будут рассмотрены в следующих разделах книги.

¹ Попов А.А. Причины возникновения и динамики развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 280.

² Павленко О. Национальное государство и этническое меньшинство: Проблемы соотношения // Рубеж (Альманах социальных исследований). Сыктывкар, 1998. № 12. С. 178.

³ Там же. С. 178.

⁴ ГАПК. Ф. 131. Оп. 11. Д. 678. Л. 128—130.

⁵ Там же. Д. 677. Л. 115.

⁶ Анализ социально-демографической ситуации среди вынужденных переселенцев. Текущий архив администрации г. Артема.

⁷ Паспорт миграционной программы Приморского края на 1999—2000 гг. Текущий архив Федеральной миграционной службы Приморского края. С. 12.

⁸ Дальневосточный район и Читинская область на рубеже третьего тысячелетия. Владивосток, 1999. С. 26.

⁹ Прибыткова М.М. Миграционная ситуация в Украине // Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999. С. 249.

¹⁰ Записка о демографических процессах в г. Артеме за 1995—1996 гг. Текущий архив администрации г. Артема.

¹¹ О демографической ситуации в муниципальном образовании г. Артема в 1997 г. Текущий архив администрации.

¹² О демографической ситуации в муниципальном образовании г. Артема в 1998 г. Текущий архив администрации.

¹³ Статистическая отчетность Центра занятости населения г. Арсеньева (1992—1993 гг.). Текущий архив администрации.

¹⁴ Текущий архив администрации г. Усурийска.

¹⁵ Текущий архив администрации г. Партизанска.

¹⁶ Подсчитано на основе источников: Сведения руководителей диаспор в Приморском крае. Личный архив автора; Приморский край в 1999 году. С. 8; О демографической ситуации в Приморском крае в 1998 году. Приморский комитет государственной статистики.

5.1.3. Миграционная политика в постсоветский период и роль органов власти Приморья в обустройстве мигрантов из России и СНГ

Миграционный процесс — это целая серия миграционных изменений в перемещении больших масс населения за исторический отрезок времени. В определенный хронологический период проявляются сложные взаимосвязи между сознательными и стихийными явлениями, которые происходят на разных уровнях общественной жизни. Среди сознательных явлений особое место занимает миграционная политика. Она либо отвечает реалиям дня, либо составляет стихийный набор акций и мероприятий. Саморегулирующиеся процессы и политика взаимно влияют друг на друга. Стихийное миграционное поведение населения, вызванное различными причинами и обстоятельствами, способствует формированию новых взглядов, идей у политиков, управленцев, которые затем трансформируются в измененные правила и правовые нормы. Политическая элита также обязана учитывать общественные тенденции и прогнозировать развитие событий, предупреждая негативные тенденции в миграциях.

Миграционная политика в России в последнее десятилетие XX в. складывалась под воздействием большого числа факторов и прежде всего системного кризиса советского общества, экономики. На миграционную политику оказывала влияние и ситуация в области взаимоотношений центра и регионов. Динамика миграционного поведения людей, оказавшихся в измененных экономических условиях, должна учитываться государством применительно к новым принципам в сфере миграционных отношений. Но вовлеченные в реформы различные общественные силы, в том числе и боровшиеся за власть политические группировки, были далеки от того, чтобы заниматься проблемами солидарности в обществе, в результате политические условия и ресурсы для разработки единой миграционной концепции оказались крайне ограниченными.

В 1990—1991 гг. отношения между союзными и российскими структурами власти претерпевали огромные изменения. В этот процесс были вовлечены и формирующиеся местные элиты регионов, краев и областей России. Необходимым условием появления новой миграционной стратегии должна быть политическая стабилизация в стране, но в 90-е годы ее не было. Политическая элита также находилась на этапе решения национального вопроса. В январе 1991 г. М. Горбачевым была сделана попытка усмирить Литву. Однако силовой «сценарий» в Литве дал толчок распаду СССР. В 1991—1994 гг. при прямом попустительстве ельцинской команды в Чечне был создан режим Джохара Дудаева, который впоследствии вызвал недовольство федерального правительства. Совет Безопасности под руководством Б.Н. Ельцина одобрил план использования армии против созданного режима. Развернувшаяся первая Чеченская война вызвала поток мигрантов с Северного Кавказа¹. Чеченские события повлияли и на ход демократических преобразований в России, в том числе в регионах, расположенных далеко от мест военных действий. Анализ политической ситуации в Приморье показал, что в 1991—1994 гг. наблюдалось отчуждение между властью и народом². Шло общее снижение уровня жизни бывших граждан СССР. Как «снежный ком», росли последствия социально-экономических реформ (приватизации, либерализации цен и др.), отодвигавшие решения правительств (возглавляемых и И.В. Силаевым и Е.Т. Гайдаром) по реализации миграционной политики. Радикальные экономические реформы не имели социальной направленности. Провозгласив лозунг «капитализм или смерть», власть приступила к созданию рыночных механизмов по принципу «цель оправдывает средства»³.

Новой центральной власти до определенного времени было не до выработки концептуальных основ миграционной политики. Существовавшая советская миграционная модель, основой которой был учет движения населения, плановое централизованное размещение трудовых ресурсов, особое внимание к восточным районам, регулирование численности рабочей силы по отраслям и географии миграционных потоков, в одночасье ушла в прошлое. Возникает вопрос, что же тогда явилось катализатором разработки новых миграционных правил и законодательных актов? В качестве такого подталкивающего фактора выступило стремление российской политической элиты поддерживать имидж страны на международной арене, страны, которая борется за создание «общечеловеческих ценностей».

Поскольку в России провозглашены демократические ориентиры и 22 ноября 1991 г. принята Декларация прав и свобод человека и гражданина в полном соответствии со Всеобщей декларацией прав человека (от 10 декабря 1948 г.), Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (от 16 декабря 1966 г.), то российские политики должны разрабатывать механизмы реализации принятых ими обязательств. Кроме того, подписав 10 июля 1992 г. в Хельсинки Декларацию «Надежды и проблемы времени перемен», Российская Федерация подтвердила свои обязательства работать в соответствии с Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) 1975 г. в области прав человека⁴.

Таким образом, международные обязательства России в сфере прав и безопасности человека заставляли руководство страны заниматься проблемами людей, которые не по своей воле оказались в рядах вынужденных мигрантов. Россия включалась в систему международного права в области регулирования статуса беженца и вынужденного переселенца. Необходимо было привести в соответствие с новыми социально-экономическими явлениями и правовые нормы привлечения иностранной рабочей силы.

Российская Федерация и остальные государства СНГ на первом этапе разработки новой миграционной политики стали присоединяться к международным документам (Международному пакту об экономических и политических правах, Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах⁵). В 1993 г. вступили в силу документы о присоединении России к Конвенции ООН 1951 г. и Протоколу 1967 г., касающиеся статуса беженца⁶. Среди государств СНГ Конвенцию и Протокол ратифицировали Армения, Азербайджан, Кыргызстан, Российская Федерация, Таджикистан, Туркменистан, Эстония, Латвия и Литва. Все государства СНГ присоединились к Международной Конвенции о защите прав рабочих-мигрантов и членов их семей, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи 45/158 от 18 дек. 1990 г. (однако она не вступила в силу), и к Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Обе Конвенции могли бы обеспечить защиту населения от вынужденного перемещения. В 1996 г. Управление Верховного комиссариата по делам беженцев (УВКБ), Международная организация по делам миграций при ООН (МОМ) и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)* создали в Женеве конференцию в рамках СНГ, результатом которой стала рекомендательная программа действий. В ней устанавливался ряд руководящих принципов политики и практики в отношении миграций⁷.

Параллельно с разработкой новой правовой базы в соответствии с международными нормами шло организационное оформление управленческих структур. Как известно, первые группы вынужденных мигрантов появились еще до распада СССР, а Федеральная миграционная служба (ФМС) России образовалась в 1992 г., но ее деятельность фактически началась в 1993 г. На ФМС были возложены функции государственного управления миграциями в России. В 1993 г. правительство Российской Федерации одобрило первую долговременную про-

* С февраля 1991 г. на посту Верховного комиссара — Кадоко Огата, японский дипломат, ученый.

грамму «Миграция», нацеленную главным образом на поддержку беженцев и вынужденных переселенцев из стран ближнего зарубежья. В рамках программы наряду с осуществлением ряда конкретных мероприятий по оказанию помощи мигрантам, а также для защиты их прав, в составе посольств РФ был учрежден институт советников по межнациональным отношениям, основная задача которого — взаимодействие с соотечественниками в новом зарубежье и рассмотрение вопросов, связанных с их иммиграцией в Россию. В этом же году был принят важнейший закон «О вынужденных переселенцах»⁸. В 1994 г. правительство приняло постановление «О мерах по предупреждению неконтролируемой внешней миграции», согласно которому в 13 регионах, в том числе и в Приморском крае, создавались центры временного размещения иммигрантов⁹.

Миграционные процессы в отдельном российском регионе невозможно рассматривать вне общей картины миграционных взаимоотношений между Россией и постсоветскими государствами СНГ и Балтии. Судьба каждого человека, решившего приехать и обустроиться в Приморье, зависела от всего «правового поля» в области миграций и взаимодействия соответствующих служб. Так как основные характеристики миграций в России и отношений между странами СНГ и Балтии уже подробно охарактеризованы в многочисленных работах¹⁰, мы, учитывая достижения предшественников и данные нашей источниковой базы, представим лишь общие тенденции.

В начале 90-х годов для миграционной ситуации в странах СНГ были характерны следующие основные черты:

- преобразование бывших межреспубликанских потоков миграции в межгосударственные;
- сокращение масштабов экономической миграции;
- возникновение вынужденной миграции из-за межнациональных конфликтов, экологических катастроф, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;
- скрытая трудовая миграция между странами СНГ;
- незначительные объемы легальной миграции на договорной основе.

Новые тенденции в постсоветском социально-политическом, экономическом пространстве влияли и на отдаленный дальневосточный регион. Характер взаимодействия стран СНГ по миграционным вопросам выступал как главное объективное условие не только в складывании миграционной политики, но и в миграционной подвижности, в судьбе каждого мигранта.

Политика стран СНГ в регулировании миграций в 90-е годы прошла по крайней мере четыре стадии. Первый этап приходится на рубеж 80—90-х годов, когда произошел распад Союза ССР и образовались независимые государства. Для этого этапа характерно разогревание националистических настроений, в том числе антирусских, антироссийских, появление множества общественно-политических организаций, построенных по национальному принципу. В этот период миграционная политика отличалась полной хаотичностью, крайне низкой степенью внимания государств к управлению миграциями.

Второй этап (1992—1994 гг.) характеризуется «болезнью суверенизации», массовой пропагандой тезиса о приоритете интересов «титальной нации», разгулом бытового национализма, организационным становлением органов власти и управления. В период проведения социологического опроса мигрантов в марте 2000 г. и августе 2001 г. члены экспедиции услышали из уст беженцев и вынужденных переселенцев такие рассказы и воспоминания, которые слушать без слез было просто невозможно. Хотелось бы привести здесь примеры, но объем книги не позволяет этого сделать, и пока собранная информация находится в полевых дневниках. Однако она дает возможность сделать следующий вывод: в 1992—1994 гг. наблюдался «паралич» крупных промышленных предприятий, на которых работало в основном русскоязычное население. В первые годы после распада СССР расселение вынужденных мигрантов из «горячих точек» шло стихийно.

Третий этап (1995—1998 гг.) — время, когда в странах СНГ пришли к осознанию того, что эмиграция русскоязычных граждан наносит невосполнимый ущерб экономике, так как уезжали квалифицированные кадры. Именно после 1995 г. страны СНГ начинают вырабатывать целенаправленную миграционную политику. Государственные миграционные программы были разработаны и приняты в Армении, Белоруссии, Казахстане, России. Российское правительство пыталось регулировать миграционные потоки путем заключения двусторонних и многосторонних соглашений со странами СНГ.

Нелегальная миграция, потоки беженцев и вынужденных переселенцев, можно сказать, подталкивали правительство к действиям по управлению миграционными процессами. Однако в те годы миграционная политика отставала от реальных процессов, об этом свидетельствует хроника событий в контексте количественных изменений, которые рассматриваются в разделе 5.1.2. Российская Федерация подписала двусторонние соглашения о регулировании процессов переселения и защите прав переселенцев с Таджикистаном (10 октября 1992 г.), Туркменистаном (23 декабря 1993 г.), Латвией (2 июня 1993 г.), Грузией (3 февраля 1994 г.), Кыргызстаном (18 июня 1995 г.). По материалам предыдущих разделов видно, что пик вынужденных миграций пришелся на 1994 г. Были заключены соглашения с Арменией, Беларусью, Молдовой и Украиной о трудовой деятельности граждан Федерации и указанных государств. Однако, как показала практика, эффективность двусторонних отношений была не очень высока, а отдельные соглашения и вовсе не выполнялись¹¹. Лишь в 1997 г. в России был принят важнейший закон, регулирующий статус беженцев («О беженцах» 28.06.1997 № 95-ФЗ).

Новый этап начался в 1998 г. В России, наконец-то, была принята федеральная миграционная программа на 1998—2000 гг. с комплексом мер по упорядочению всех форм миграций с учетом интересов экономического развития. Концепцией предусматривалась увязка вопросов по осуществлению экономической, кредитно-финансовой и внешней политики в отношении государств СНГ и Балтии. В области внешней трудовой миграции рассматривалось обеспечение на национальном рынке труда приоритетного права граждан России на трудоустройство, квотирование ежегодного приема беженцев. Россия в своей миграционной политике сделала упор на защиту интересов сограждан, проживающих в независимых государствах, ограничение притока населения извне. В мае 1998 г. было опубликовано постановление «О свидетельстве о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории Российской Федерации по существу»¹² и «Руководство» по порядку оформления, выдачи и обмена свидетельства о признании беженцами на территории Российской Федерации.

Федеральная миграционная служба в России была создана в 1992 г., но в Приморском крае как в субъекте Федерации территориальный орган ФМС организовался только в 1995 г.¹³ До этого решение вопросов приема и обустройства беженцев и вынужденных переселенцев было возложено на вице-губернатора по социальным вопросам А.В. Гартмана. Как самостоятельная структура ФМС просуществовала недолго, уже 1 сентября 2000 г. было образовано Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации, и соответственно возник территориальный орган данного министерства. Миграционная служба в Приморье, отпраздновав свой 5-летний юбилей, получила новое название. 17 октября 2001 г. в рамках административной реформы В.В. Путина Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики вновь упразднилось, и миграционные дела передали Министерству внутренних дел. «Организационная чехарда», изменения в системе подчинения «миграционщиков» различным министерствам отвлекали чиновников от выполнения своих функций и все больше вовлекали их в бюрократические перипетии, связанные с внутренней реорганизацией. Период организации Федеральной миграционной службы в Приморье и в других дальневосточных субъектах можно определить как время попытки российского правительства создать механизм по реализации миграционной концепции в восточных приграничных зонах.

Миграционная служба Приморья в своей деятельности подчинялась ФМС России, взаимодействовала с полномочным представителем Президента в Приморском крае, с администрацией края, территориальными органами Федеральных органов исполнительной власти, с органами исполнительной власти и местного самоуправления. Вопросами, связанными с расселением и обустройством мигрантов, занималась, например, Федеральная служба занятости населения, паспортно-визовая служба, социальные отделы администраций городов, районов и т. д.

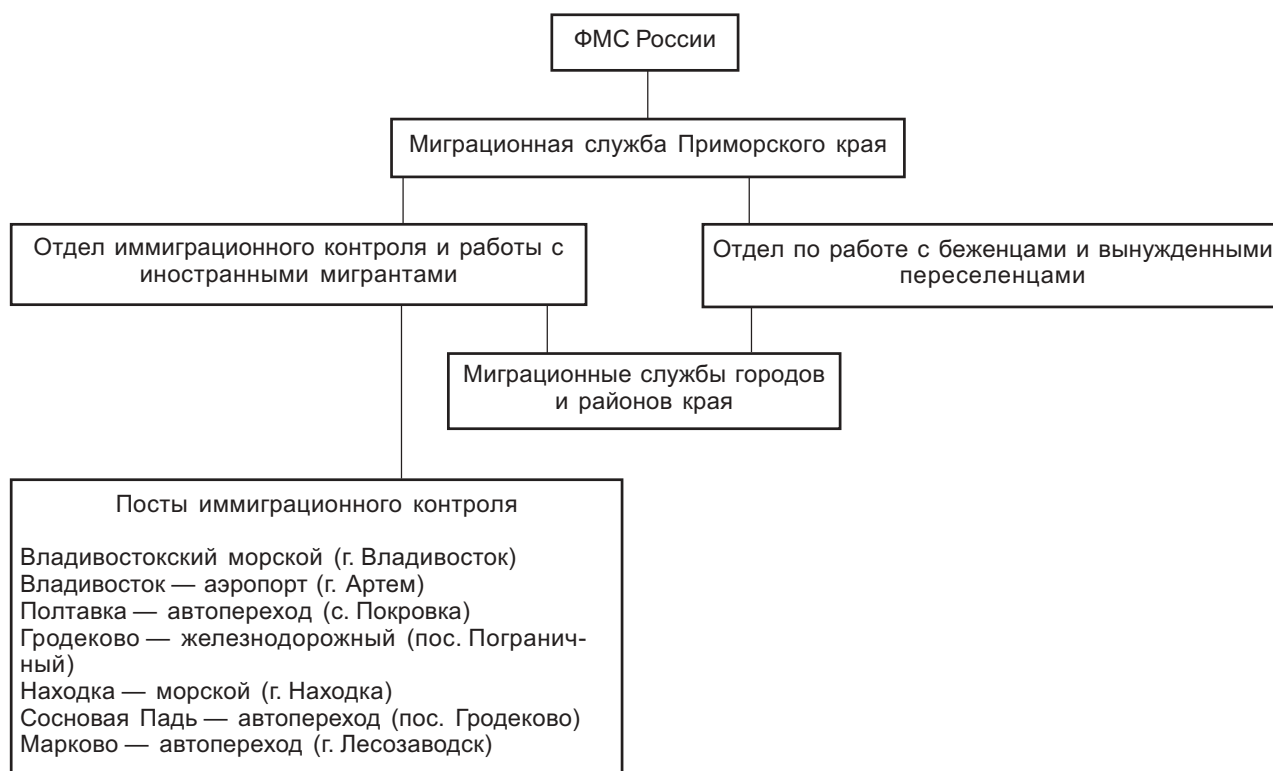
Миграционной службе субъекта РФ были подведомственны районные и городские отделения миграционной службы. Отделения МС были созданы в г. Уссурийске, Арсеньеве, Находке, Партизанске, Артеме. В систему миграционной службы входили центры временного размещения вынужденных переселенцев (одним из таких центров было общежитие в г. Уссурийске), центры временного размещения лиц, ходатайствующих о признании их беженцами, пункты первичного приема¹⁴, а также посты миграционного контроля¹⁵ (рис. 1).

Основные задачи миграционной службы Приморья, определенные в нормативных документах, являлись «типовыми», среди них:

- участие в разработке и реализации федеральных и межрегиональных миграционных программ;
- определение в соответствии с законодательством правового статуса граждан Российской Федерации, ходатайствующих о признании их вынужденными переселенцами, и правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, ищущих убежище на территории России;
- организация и проведение работ по приему, учету и временному размещению лиц, ходатайствующих о признании их вынужденными переселенцами, а также оказание помощи и содействия вынужденным переселенцам в обустройстве на новом месте жительства;
- организация и учет, проведение работы по временному размещению иностранных граждан и лиц без гражданства, ищущих убежище на территории РФ, а также оказание в соответствии с законодательством содействия беженцам и лицам, получившим временное убежище, во временном обустройстве;
- организация и осуществление иммиграционного контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- реализация мер в области временной трудовой миграции граждан Российской Федерации за границей, привлечения и использования на территории края иностранной рабочей силы;
- защита прав вынужденных мигрантов в соответствии с законодательством.

Таким образом, миграционная служба на территории края была управленческим органом, сконцентрировавшим в своей деятельности огромное число функций (в тексте документа мы насчитали 32 функции). Обозначенный круг задач позволяет выделить три основных направления по реализации «новорожденной» российской миграционной политики: работа с вынужденными мигрантами и защита их прав, контроль за иностранными миграционными потоками, организация помощи при временной трудовой миграции российских граждан за границу. Работу по организации миграционной службы в крае возглавил С.Г. Пушкарев, опытный руководитель, занимавшийся ранее вопросами демографии и занятости населения, внесший огромный вклад в совершенствование управленческих решений.

Схема Федеральной миграционной службы (на 1995 г.)

Разработка новой миграционной политики на Дальнем Востоке была активизирована политико-идеологическими событиями, связанными с переоценкой исторических событий, в частности репрессий против некоторых народов СССР, также усилением в 1991 г. демократического движения в России. Исторические события стали объектом законов, послужили причиной для их разработки. Один из них («О реабилитации репрессированных народов») принят Верховным Советом РСФСР 29 апр. 1991 г. Его логическим продолжением стало постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации российских корейцев» (№ 4721-р) от 1 апр. 1993 г. Но принято оно было уже новым правительством, сформированным в условиях другого политического режима¹⁶. Данным постановлением правительству РФ поручалось представить комплексную программу национально-культурного возрождения российских корейцев, что во многом было связано с реэмиграцией их из Средней Азии и Казахстана в Приморье. Этот вопрос рассматривался на совещании Приморского краевого совета народных депутатов 20 февраля 1991 г. Однако решение его совпало с процессом становления органов власти. В итоге работа по «корейской проблеме» возобновилась только после того, как осенью 1991 г. была создана новая администрация края.

В органы исполнительной власти регионов было направлено письмо, где поручалось главам администраций подготовить план реализации постановления № 4721-р. Вскоре после обнаружения постановления «О реабилитации российских корейцев» глава администрации Приморского края Е.И. Наздратенко обратился к российским корейцам, проживавшим в Средней Азии, с призывом вернуться в Приморский край, откуда они были депортированы в 1937 г.

Администрацией края был разработан план мероприятий по выполнению постановления Верховного Совета. Первая его часть посвящалась национально-культурному возрождению. В документе оговаривались источники финансирования этого процесса, намечалось установление рабочих контактов с Дальневосточной ассоциацией корейских общественных организаций, содействие в организации выпуска газет, передач на телевидении и радио на корейском языке и т. д. Во второй части плана решались вопросы обустройства российских корейцев: оказание им экономической помощи, выделение льготных кредитов для производителей промышленных и продовольственных товаров и работающих в сфере услуг, рассматривались районы предполагаемого наибольшего прибытия корейских мигрантов, обеспечение занятости последних и выделение им земельных участков для производственных нужд и строительства жилья¹⁷.

Администрацией края в 1993 г. было дано распоряжение главам администраций городов и районов Приморья проанализировать возможности расселения и трудоустройства российских корейцев. Полученные ответы показали, что администрации городов и районов не были морально подготовлены решить эту задачу. В качестве основной причины отказа принять «новоселов» они указали отсутствие свободных земель. Среди ответивших

таким образом были администрации Партизанского, Лозовского, Хорольского, Чугуевского, Надеждинского районов, а также городов Находки, Артема. Лишь немногие районы дали согласие на расселение корейцев. Так, Черниговский район согласен был предоставить 15 корейским семьям 60 га земельных участков для строительства жилья и создания фермерских хозяйств. В с. Барано-Оренбургское Пограничного района в 1991—1993 гг. прибыли 14 семей (35 чел. работающих), им было отведено 58,8 га земель. Во второй половине 1993 г. в Пограничный район должны были прибыть еще семь семей вынужденных переселенцев (24 чел. работающих) и им выделили 16-квартирный дом, что решило проблему жилья. Готовы были принять десять семей также Красноармейский и Ольгинский районы (с. Бровки — 30—50 семей, с. Щербаковка — 30—50 семей)¹⁸.

Начиная с 1990 г. корейцы стали возвращаться в Приморье. Но немногим удавалось благополучно преодолеть переезд из-за препятствий, чинимых властями выпускаемой страны, больших дорожных расходов и других причин¹⁹. Администрация края внесла предложение о заключении (в соответствии с международными правовыми нормами) межправительственного соглашения с государствами Средней Азии о беспрепятственном выезде корейцев из числа реабилитированных на прежние места проживания, беспошлинном вывозе ими своего имущества, денег и выплаты компенсации за оставляемое жилье²⁰. В плане мероприятий по выполнению постановления Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации российских корейцев», утвержденном заместителем главы администрации Приморского края А.В. Гартманом 27 авг. 1993 г., в п. 6 отмечено, что необходимо «содействовать возвращению российских корейцев в край из стран Средней Азии без ущемления интересов местного населения». Однако массовое стихийное переселение корейцев, когда их численность не соответствовала возможностям для организованного приема, создавало определенные трудности. Так, в г. Находку без согласования с органами власти прибыли 78 семей (204 чел.) беженцев. Аналогичная ситуация сложилась и в Спасском районе²¹. Администрация Приморского края направила в эти районы специальные комиссии для урегулирования сложившейся ситуации. Чтобы избежать подобных инцидентов, администрациями муниципальных образований был выработан комплекс мер. Активизация действий администрации вызвана и тем, что в 1994 г. в связи с ростом численности мигрантов правительство В.С. Черномырдина вынуждено было принять очередное постановление, согласно которому утверждалась схема массового расселения мигрантов. По этому документу Приморский край вошел в состав Амурско-Приморского района²². Одновременно с созданием миграционной службы в крае проведено уточнение Федеральной миграционной программы, которая была утверждена Правительством РФ 3 августа 1996 г. (№ 935). И, наконец, в 1997 г. Постановлением губернатора края (от 24.09.97 за № 407) принята первая краевая миграционная программа постсоветского времени²³.

Итак, в 1993—1997 гг. первоочередной целью государственной миграционной политики было регулирование миграционных потоков согласно генеральной схеме расселения на территории России, преодоление негативных последствий стихийно развившихся миграционных процессов, в том числе и в Приморском регионе. Декларировалось также создание условий для беспрепятственной реализации прав мигрантов и обеспечение гуманного отношения к лицам, ищущим убежище на территории Российской Федерации.

22 ноября 1995 г. был принят Думой и одобрен Советом Федерации (9 дек. 1995 г.) закон «О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации «О вынужденных переселенцах»²⁴. В законе давалось четкое определение «вынужденного переселенца» — это гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении него или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка.

23 мая 1997 г. был принят еще один важный закон «О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации «О беженцах» (одобрен Советом Федерации 11 июня 1997 г.)²⁵. Согласно закону «беженец» определяется как лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследования по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности...» (ст. 1). Настоящий закон не распространялся на иностранных граждан и лиц без гражданства, покинувших свое государство по экономическим причинам, либо вследствие голода, эпидемии или чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (ст. 2).

В 1997 г. миграционная служба Приморского края продолжила изучение вопроса о создании компактных корейских поселений. Краевому фонду корейцев «Возрождение» было передано пять бывших военных городков (с. Раздольное Надеждинского района, с. Орехово Дальнереченского района, с. Платово-Александровское Ханкайского района, с. Воздвиженка Уссурийского района). Условия проживания в них будут рассмотрены в следующем разделе.

До августа 2001 г. у многих корейцев, к сожалению, так и не был отрегулирован вопрос о форме передачи военного городка в Кремово, где до обозначенного времени они не могли получить постоянной прописки. Большим шагом вперед явилась проведенная работа по определению источников финансирования создания компакт-

Таблица 46

**Источники финансирования для создания компактных поселений российских корейцев
в Приморском крае в 1998—2000 гг.**

№ п / п	Источники финансирования	Необходимые средства	
		млн. руб.	млн. дол.
1	Целевые государственные программы	20	
2	Инвестиции спонсоров		2,0
3	Собственные доходы	100	
4	Привлеченный капитал по линии создания совместных предприятий		5,0
5	Всего	120	7,0

Таблица составлена на основе источника: Миграционная программа Приморского края 1999—2000 гг. С. 35. Текущий архив Федеральной миграционной службы Приморского края.

ных поселений российских корейцев в Приморье, что имело первостепенное значение при установлении возможной численности мигрантов.

Как видно из табл. 46, предусматривались не только целевые государственные программы, но и привлечение средств из иностранных источников.

Особое место в дальневосточной истории 90-х годов занимает строительство корейской деревни «Дружба», находящейся в 1,5 км от г. Уссурийска. В 50-е годы здесь на огромной площади располагался аэродром. Авторы пока не располагают первоисточниками, которые бы раскрыли все тайны заключения договоров по этой стройке. Строительство объекта вызвало большой интерес у краевых и муниципальных властей как наглядный пример расширяющегося сотрудничества между Республикой Корея и приморскими корейцами. Средства массовой информации много писали о том, что общественность Республики Корея, желая помочь своим этническим сородичам, провела благотворительный сбор и направила миллионы долларов на строительство деревни «Дружба». Подряд был отдан Ассоциации жилищного строительства Республики Корея во главе с Пак Тиль Хунум²⁶. Однако последующие акции, в том числе и агитация корейцев из Средней Азии принять участие в строительстве и оказать помощь в переселении 9 семей, проходили фактически без привлечения работников миграционной службы. Из рассказов переселенцев известен следующий курьезный сюжет: «Когда мы приехали в село Михайловка и стали поселяться в квартиры к местным жителям, одна бдительная старушка позвонила в милицию и сообщила, что прибыла группа китайцев, которые селятся в Михайловке. Приехал наряд милиции и, разобравшись, разъяснил местным жителям, что это корейцы-переселенцы и какова цель их приезда»²⁷.

Таким образом, вопрос о строительстве деревни решался властями без учета общественного мнения и широкого оповещения местных жителей. Весной 1999 г. началось возведение коттеджей из красного кирпича под черепичными крышами. О том, что строительство данного объекта велось без должного согласования с необходимыми административными службами косвенно свидетельствуют факты появления проблем, связанных, в частности, с подведением коммуникаций.

Как мы видим, в 1993—1998 г. возникали сложные ситуации, которые властным структурам не всегда удавалось решить так, чтобы учесть интересы различных групп мигрантов и старожильческого населения. Управленцы как своеобразные арбитры между ними иногда просто уходили от решения проблем, появляющихся при строительстве деревни «Дружба».

С 1992 г. в Приморье кроме мигрантов-корейцев стали переселяться люди других национальностей и прежде всего русские. Славянские национальности объединились в общественную переселенческую организацию «Переселенец». Создание общественных организаций в крае по защите интересов мигрантов поставило перед властями важнейшую задачу координации действий с ними. ФМС Приморского края, используя свои информационные ресурсы, помогала организации «Переселенец» в проведении в городах и районах собраний беженцев и вынужденных переселенцев. По оценке самих мигрантов, процесс взаимодействия общественных организаций с властными структурами проходил сложно. Так, Б.С. Скоробогатько, председатель организации «Переселенец», выступая на заседании «круглого стола» по миграционным проблемам II Тихоокеанского форума соотечественников (5 сент. 2001 г.), говорил о сложностях, с которыми столкнулся в период согласования с чиновниками вопросов обустройства. Мэрия г. Владивостока выделила переселенцам земли на п-ове Песчаном, где был совхоз. Переселенцы за свой счет создали технический проект, совхоз был переведен на новую форму хозяйствования — ООО «Песчаный-94». Изъявили желание работать здесь около 100 переселенцев, однако миграционная служба, по словам председателя фонда, не поддержала их. Причина отказа была названа представителем миграционной службы на заседании «круглого стола»: «Переселение совпало с кризисом». На этом заседании переселенцы, вспоминая пройденный путь, говорили об отсутствии у руководителей Федеральной миграционной службы ясных взглядов по вопросу организации компактных поселений и их дальнейших перспектив. На первом этапе переселенцев ориентировали на создание компактных поселений, но сменилось руководство и заговорили об

организации малых предприятий, затем вновь вернулись к идее компактных поселений и участия переселенцев в создании промышленных предприятий²⁸.

Отсутствие продуманных решений по обустройству вынужденных мигрантов в 1993—1998 гг. на федеральном уровне обусловило суровые испытания для многих приехавших в Приморье. Практически всеми категориями мигрантов занималась Федеральная миграционная служба и Федеральная служба занятости населения (ФСЗН). Но наибольшее внимание было уделено беженцам и вынужденным переселенцам.

Новоприбывшим давалась юридическая консультация, кто может иметь статус вынужденного переселенца, льготы в получении и оплате жилья и при трудоустройстве. ФМС выплачивала единовременное пособие в размере одной минимальной зарплаты на каждого члена семьи беженца или вынужденного переселенца, оказывала помощь в постановке на учет в социальные отделы и т. д. ФМС тесно сотрудничала с администрацией края, паспортно-визовой службой и ФСЗН.

В целях расширения возможностей по обустройству беженцев и вынужденных переселенцев в 1997 г. в Приморье был создан фонд «Мигрант», на который работники ФМС возлагали определенные надежды. Эта некоммерческая организация на добровольных началах объединила как юридических, так и физических лиц для достижения социальных и благотворительных целей. Фонд заключил договор с обществом юристов-ветеранов г. Владивостока на бесплатную юридическую помощь мигрантам, установил прямые связи с фондом социальной поддержки населения, через который уже оказывалась помощь детям и малоимущим семьям переселенцев. Представительства фонда появились в городах Арсеньеве, Находке, Уссурийске. Они организовывали и проводили социальные мероприятия. Сотрудники Федеральной миграционной службы помогали фонду «Мигрант» в подписании договора о совместной деятельности с общественным благотворительным фондом «Миграция» из Казахстана. В соответствии с ним была собрана и направлена в Казахстан информация о возможностях приема переселенцев из этого государства Приморским краем.

С целью содействия предпринимательской деятельности фонд «Мигрант» оказал безвозмездную финансовую помощь предприятиям и организациям, учрежденным переселенцами: ООО «Песчаный-94», первичной организации «Переселенец» в г. Находке, предприятию «Квантор»²⁹.

В 1997 г. была зарегистрирована Владивостокская общественная организация вынужденных переселенцев и беженцев «Репатриант», но она в 1997—2000 гг. не проявила себя, и органы власти фактически с ней не взаимодействовали.

В сферу деятельности ФМС входили и экономические мигранты, прибывшие из ближнего и дальнего зарубежья, мигранты из зон экологических катастроф (чернобыльцы и ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС). 58 семей, приехавших из этих зон, поселились в г. Артеме и Артемовском районе.

Одной из главных проблем мигрантов было получение жилья. Для расселения вынужденных переселенцев миграционная служба края открыла так называемое «мигрантское» общежитие (на 72 места) в г. Уссурийске. Это здание принадлежало крайпотребсоюзу, передача его краевой администрации, а затем Федеральной миграционной службе позволила людям, не имевшим родственников в крае, временно решить жилищную проблему. К сожалению, среди опрошенных вынужденных переселенцев мы не встретили людей с высоким жизненным уровнем и сумевших самостоятельно приобрести жилье. В фонде жилья для временного поселения вынужденных переселенцев в крае миграционная служба имела также 46 квартир. По сравнению с численностью вынужденных мигрантов (на 1 января 1996 г. в миграционной службе края были зарегистрированы 3744 чел., в 1999 г. — 4258 чел., в 2000 г. — 3724 беженца и вынужденных переселенца) этого жилья для временного их размещения было недостаточно.

ФМС распределяла и контролировала выделение возвратных ссуд лицам со статусом вынужденных переселенцев, но чтобы получить беспроцентную ссуду на приобретение жилья, нужно было иметь постоянную работу. В 1998—2000 гг. в очереди на улучшение жилищных условий в крае стояло 50 семей (134 чел.) в 26 населенных пунктах. Наибольшее число очередников проживало в Анучинском районе — 6 семей (27 чел.), ЗАТО Большой Камень — 5 семей (14 чел.), в г. Уссурийске — 4 семьи (19 чел.). Общая площадь строящегося и покупаемого жилья составила 2586 кв. м на сумму 11,637 млн. руб.³⁰ На первый взгляд, на каждого вынужденного переселенца приходилась значительная площадь (19,3 кв. м), однако в 2001 г. в «мигрантском» общежитии продолжали жить семьи, которые нуждались в улучшении жилищных условий. Оценить деятельность ФМС сложно. С одной стороны, они действительно провели большую работу по жилищному обустройству, с другой — из-за недостаточного финансирования, они вынуждены были покупать для своих подопечных квартиры порой на первых этажах, отдаленных районах, где невозможно найти работу. Наше обследование показало, что хорошее жилье мигранты получили в Арсеньеве и Уссурийске.

Другой формой участия органов власти в обустройстве мигрантов было обеспечение вынужденных переселенцев жильем за счет субсидий, выделяемых администрацией из краевого бюджета. Федеральной миграционной службой были зарегистрированы нуждающиеся в улучшении жилищных условий в 1998—2000 гг.: в г. Находке — 16 семей (40 чел.), г. Партизанске — 10 семей (24 чел.), в Большом Камне и Партизанском районе — по 9 семей (по 23 чел.), Пожарском районе — 6 семей (11 чел.), Шкотовском районе и г. Уссурийске — по 5 семей (13 и 14 чел. соответственно). На эти цели предусматривалось выделить из средств краевого бюджета

10 млн. руб. и привлечь средства мигрантов — 8,8 млн. руб. На очереди в получении жилья за счет субсидий стояло 80 семей (200 чел.) в 15 городах и районах края. Общая площадь жилья должна была составить 4018 кв. м (по 20,9 кв. м на одного чел.)³¹. Однако в условиях продолжавшегося социально-экономического кризиса не каждый мигрант мог получить то, на что он рассчитывал. Например, 2/3 (62 %) опрошенных мигрантов отметили, что они получили помощь в обустройстве, из них большая часть (37 %) — от родственников и только 18 % — от органов государственной власти. Табл. 47 показывает, что отношение респондентов к деятельности структур власти, занимавшихся «делами мигрантов», было неоднозначным.

Различные категории мигрантов по-разному воспринимали понятие «помощь от органов государственной власти». Так, экономические мигранты рассматривали ее как возможность зарегистрироваться и свободно работать. Для категории вынужденных переселенцев «помощью» являлось получение единовременного пособия, ссуды на приобретение жилья и трудоустройство. 13 % опрошенных оказали помощь с места работы, 4 % — общественные организации. Некоторые ответы не были лишены горького юмора. Например, один из респондентов указал, что с места работы оказана помощь в виде «маленькой зарплаты», а от родственников получена «душевная помощь».

Таблица 47

Восприятие мигрантами 90-х годов деятельности органов власти (в т. ч. миграционной службы) и руководителей предприятий в 2000 г. (в % к численности респондентов)

	Стараются помочь	Безразлично	Недружелюбно	Враждебно
1. Местные власти	29	33	4	7
2. Руководители предприятий	17	25	2	2

Таблица составлена на основе источника: Социологический опрос «Мигрант-2000».

Социологический опрос показал, что при оценке мигрантами отношения к ним представителей власти и руководителей предприятий преобладала характеристика «безразлично». Но доля тех, кому была оказана помощь и органы власти стремились помочь, составила 29 %. К сожалению, 4 % восприняли действия местных властей по отношению к ним как недружелюбные, а 7 % — как враждебные.

С 1997 г. в Приморье начата работа по выплате компенсаций за жилье и имущество, утраченные в Чеченской республике. При администрации края создана временная комиссия во главе с вице-губернатором по выплате компенсаций. За 1997 г. компенсация выплачена семи семьям на сумму 449,95 млн. руб.*

Напомним, что численность вынужденных переселенцев из Чечни составила: в 1996 г. — 297 чел., в 1997 г. — 191, в 1998 г. — 194, в 1999 г. — 234, 2000 г. — 308 чел. Однако в течение 1997—1998 гг. существовала парадоксальная ситуация, возникшая из-за отсутствия перечня документов, являющихся основанием для признания права владения жильем, разъяснений о правах вынужденного переселенца в случае утраты документов на жилье, если владелец жилья был близкий родственник и т. д. В период проведения социологического опроса в августе 2001 г. в «мигрантском общежитии» продолжала жить вынужденная переселенка из Чечни, которая в Приморье приехала с одной сумкой. В беседе с членами экспедиции она выразила крайнюю озабоченность тем, где она будет жить, когда истечет срок статуса. Деятельность миграционной службы по реализации выплат, компенсаций за утраченные в Чеченской республике жилье и имущество сдерживалась также дефицитом финансирования, о чем говорили представители миграционной службы на заседании «круглого стола» II Тихоокеанского форума.

Ситуация с финансированием социальных программ, направленных на оказание помощи беженцам и вынужденным переселенцам, обострилась к 2000—2001 гг. Переселенцы, у которых заканчивался срок статуса, не смогли получить жилье ни самостоятельно, ни с помощью соответствующих властных структур, брать субсидии не решались в силу тяжелого материального положения. Во время социологического опроса в августе 2001 г. вынужденные переселенцы со слезами на глазах сетовали, как же они дальше будут жить. По новым инструкциям Министерства по делам федерации вынужденных мигрантов могут выселить из общежития по истечении срока. Об этом также заявляли работники мигрантского отдела г. Уссурийска. Возникла проблема и с присвоением статуса беженца, что также связано с решением жилищного вопроса. Трудности с оформлением соответствующих документов в Приморье отражали общую российскую картину.

В систему органов, регулирующих вопросы обустройства мигрантов, входила Федеральная служба занятости населения. Если экономические мигранты, прибывавшие в край, в помощи ФСЗН не нуждались, то иначе обстояло дело с вынужденными переселенцами. Учитывая, что вынужденные переселенцы относятся к категории социально незащищенных слоев населения, было принято постановление о квотировании рабочих мест по г. Владивостоку, но из-за отсутствия финансирования данное постановление выполнялось частично.

Мигранты, получившие статус вынужденных переселенцев, в поисках подходящей работы регистрировались в ФСЗН. Ежемесячное пособие по безработице в сумме одной минимальной заработной платы, составляя-

* Сведения о выплате компенсаций были поданы миграционной службой в 1999 г.

шей до 1 июля 2000 г. 83 руб. 49 коп. при прожиточном минимуме на одного трудоспособного члена семьи в месяц 660 руб., частично не могло обеспечить сносное проживание. Разница между прожиточным минимумом и пособием по безработице почти в восемь раз заставляла людей, состоящих на учете в ФЭСЗН, работать там, где не требовалась трудовая книжка, что позволяло получать заработную плату и пособие по безработице. Статус «безработного» давал определенные льготы, в том числе бесплатную медицинскую помощь. Однако большинство мигрантов предпочитали трудиться, не обращаясь в ФЭСЗН.

ФЭСЗН ежеквартально сообщала в ФМС о наличии вакансий врачей, учителей и других специальностей в сельской местности с предоставлением жилья. Но невыплата зарплаты по 6—12 месяцев становится причиной нежелания ехать на постоянное место жительства в деревни. Поэтому эти рабочие места долго оставались вакантными.

Если вынужденным мигрантам уделяли внимание администрация Приморья, ФМС и ФЭСЗН, то контроль за регистрацией экономических мигрантов осуществляли ФМС и органы МВД. Экономические мигранты имели те же проблемы, и одной из основных 25 % респондентов назвали трудности получения временной регистрации, 8 % опрошенных по разным причинам в регистрации было отказано, 5 % отметили враждебное или недружелюбное отношение со стороны властей, 7 % респондентов, проживавших без регистрации, находились в крае на нелегальном положении, что затрудняло организацию мелкого бизнеса.

Согласно закону прибывающим в край на срок более двух недель необходимо зарегистрироваться в течение трех дней. По разным причинам мигранты часто не могли этого сделать. Так, среди 8 % респондентов, указавших на отказ в регистрации, азербайджанцы составляли 10 %, корейцы — 6 %, армяне и украинцы — по 25 %, русские — 4 %, остальные — 30 % опрошенных воздержались от ответа. При этом ежегодно проводились рейды, выявляющие лиц, незаконно пребывающих в Приморском крае. Однако из-за отсутствия финансирования и несовершенства законодательства их не могли депортировать. Для выяснения личности граждан СНГ задерживали на срок не более 48 часов, и если они не являлись подозреваемыми в совершении преступления, то их отпускали.

Опрос, проведенный в марте 2000 г., показал, что 30 % респондентов не имели российского гражданства. Среди опрошенных были и такие, кто подал документы на получение российского гражданства, бумаги находились в органах МВД два года, но результата не было. Один из наших респондентов проживал в крае с постоянной регистрацией в течение пяти лет, что давало ему право на безусловное получение российского гражданства. Но оно им так и не получено.

Итак, в течение рассматриваемого периода в Приморье проходило формирование местных структур, призванных заниматься реализацией миграционной политики. Создана Федеральная миграционная служба, институционализация которой так и не была завершена. Расширился круг обязанностей у Биржи труда. После того как она была упразднена в 1998 г., появилась Федеральная служба занятости населения, расширилась деятельность паспортно-визовой службы и милиции. Решение вопросов обустройства вынужденных переселенцев и экономических мигрантов было передано в ведение Федеральной миграционной службы и Федеральной службы занятости населения, кроме того администрацией дополнительно был создан департамент по связям с общественностью, куда входил отдел по работе с диаспорами, проживавшими на территории Приморья.

Однако в 2001 г. краевые органы власти — администрация и Приморское Законодательное Собрание — и федеральные исполнительные органы при реализации миграционной политики оказались в очень сложной ситуации. 20 июня 2001 г.* правительство Российской Федерации фактически ликвидировало федеральную миграционную программу, исключив ее из перечня финансируемых целевых программ на заседании межведомственной комиссии под председательством В. Христенко. По данным С. Ганнушкина, руководителя программы «Миграция и право» и председателя комитета «Гражданское содействие», это произошло без информирования общественности и депутатов Государственной Думы. 22 июня состоялось заседание Комитета по национальной политике, но депутаты «даже понятия не имели о случившемся».

Решение правительства, возглавляемого М. Касьяновым, «поставило точку» в дискуссиях о привлечении мигрантов и соотечественников из бывших советских республик в Приморье. В результате такого решения 200 тыс. вынужденных переселенцев в России «теряют гарантию на жилье, 40 тыс. семей фактически лишаются возможности получить ссуды на его строительство³². 20 июня 2001 г. стало «черной средой» для тех, кто не успел приобрести жилье и «встать на ноги», т. е. не имел постоянной и высокооплачиваемой работы.

¹ См.: Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999. С. 113—114, 173—200 и др.

² Ващук А.С., Плаксен Е.А. Формирование законодательных (представительных) органов власти и политический менталитет приморцев // Законодательные (представительные) органы власти в Приморском крае: История, современность, тенденции развития. Владивосток, 2000. С. 17—19; Ващук А.С. Итоги реформирования региональной власти в России в 90-е годы XX в. (На примере Приморского края — субъекта Российской Федерации): Шестнадцатый японо-российский науч. симпозиум по пробл. Дальнего Востока. Осака, 2001. С. 95—100. Яп. и рус. яз.

³ Гельман В. Ответственность власти и судьба реформ // Год после августа: горечь и выбор. М., 1992. С. 73—74.

* По решению Генеральной Ассамблеи ООН 20 июня отмечается как Международный день беженца.

- ⁴ Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. М., 1992. С. 14—17.
- ⁵ Хелтон А. Правовое регулирование вынужденных перемещений в бывшем Советском Союзе: предложения по исследованию // Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999. С. 17—18.
- ⁶ Руководство по процедурам и критериям определения статуса беженцев. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Январь. 1992. Текущий архив Федеральной миграционной службы (ФМС) в Приморском крае.
- ⁷ Хелтон А. Правовое регулирование вынужденных перемещений... С. 9.
- ⁸ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета. 1993. № 12. Ст. 427.
- ⁹ Текущий архив Управления труда и занятости населения администрации Приморского края.
- ¹⁰ Зайончковская Ж.А. Миграция населения России как зеркало социально-экономических перемен // Куда идет Россия: Альтернативы общественного развития: Междунар. симпоз. 15—18 дек. 1994 г. М., 1995. С. 41—53; Она же. СНГ через призму миграций // Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999. С. 57—70; Рыбаковский Л.Я. Россия и новое зарубежье // Миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. М., 1996. С.54; Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М., 1999; Топилин А. Есть ли согласованная миграционная политика в странах СНГ? // Там же. С. 45—63; Перспективы дальневосточного региона: население, миграции, рынки труда. М., 1999 и др.
- ¹¹ Топилин А. Есть ли согласованная миграционная политика... С. 53.
- ¹² Текущий архив Территориального органа Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ в Приморском крае.
- ¹³ Положение о миграционной службе Приморского края. 15.09.95 г. Текущий архив ФМС Приморского края.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ О Постах иммиграционного контроля. Приказ ФМС РФ 1.02.96 № 7. Там же.
- ¹⁶ Ведомости Верховного Совета Российской Федерации 1993. № 9. Ст.4721—1.
- ¹⁷ План мероприятий по выполнению постановления Верховного Совета Российской Федерации № 4721-р «О реабилитации российских корейцев». Утвержден 27 августа 1993 г.; «О предложениях в комплексную программу национально-культурного возрождения российских корейцев» от 09.93 г.; «О территориальном размещении прибывающих в Приморский край семей российских корейцев» и др. Текущий архив администрации Приморского края.
- ¹⁸ Ответ глав администраций городов и районов Приморского края на распоряжение по выполнению Постановлению Верховного Совета РФ № 4721-р от 04.93. — Банк данных ЦИСИП Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- ¹⁹ Цель — Возрождение // Вон Дон (Дальний Восток). Усурийск, 1994. 11 февр.
- ²⁰ Предложения администрации Приморского края в комплексную программу национально-культурного возрождения российских корейцев, адресованные Государственному комитету РФ по делам федерации и национальностей от 23 августа 1993 г. Текущий архив администрации Приморского края.
- ²¹ Ответ главы администрации г. Находки на распоряжение по выполнению Постановления Верховного Совета РФ № 4721-р от 01.04.93 г.; Информация начальника управления труда, занятости населения и демографической политики администрации Приморского края Е. Криворучко «Об изменении социально-демографической ситуации в Спасском районе в связи с массовым прибытием лиц корейской национальности (1995 г.). Текущий архив администрации Приморского края.
- ²² Болтянский Л.И., Пушкарев С.Г., Рожанская Т.А. Управление миграционными процессами. Методические рекомендации. Владивосток, 1998. С. 36.
- ²³ Текущий архив ФМС Приморского края.
- ²⁴ Российская газета. 1993. 28 дек.
- ²⁵ Миграция. 1997. № 3—4.
- ²⁶ Вон Дон. 2001. № 2.
- ²⁷ Записано А.С. Вашук и Л.А. Герасимовой. Михайловка, деревня «Дружба». 1 авг. 2001 г.
- ²⁸ Записано А.С. Вашук на заседании «круглого стола» 5 сент. 2001 г. II Тихоокеанского форума соотечественников. г. Владивосток.
- ²⁹ Рожанская Т.А. Организация вынужденной миграции в Приморском крае // Особенности муниципального управления на Дальнем Востоке России. Владивосток. 2000. С. 206.
- ³⁰ Миграционная программа на 1999—2000 г. Текущий архив ФМС Приморского края.
- ³¹ Там же.
- ³² Независимая газета. 2001. 4 июля. С. 3.

5.1.4. Социально-экономическая адаптация мигрантов. Диаспорные группы и национальные общины в Приморье

Адаптационные процессы этнических мигрантов проходили в сложном социально-экономическом и правовом пространстве модернизирующегося российского общества. На характер адаптации оказывали влияние объективные условия и внешние обстоятельства как в период отъезда, так и обустройства на новом месте. Они характерны для всей России и уже достаточно подробно рассмотрены и классифицированы в отечественной литературе¹. Необходимо особенно выделить следующие составные общей картины объективных императивов, действовавших в 90-е годы XX в. В этот период начались разработки новой миграционной политики и законодательства, соответствующих международным нормам в области миграционных правовых актов, с одновременным формированием институциональных структур. Однако сотрудничество в области миграционных отношений постсоветских государств в рамках СНГ сопровождалось возникновением множества проблем², которые отражались в каждом частном случае и определяли судьбу отдельного переселенца. В общую систему объективных факторов входила конкретная историческая ситуация в местах нового поселения, которая вносила важные коррективы в процесс обустройства мигрантов.

Приморье относилось к числу регионов, где социальные последствия экономических и политических реформ проявились особенно остро. Падение уровня жизни большинства населения сопровождалось социальным и имущественным расслоением. По мнению Р. Попова и А. Сусарова, наиболее адекватной реакцией на уровень

социального неблагополучия в России в целом являются миграции. По их методике, основанной на расчетах коэффициента корреляции, который отражает взаимосвязь между итоговым индексом социальной напряженности и такими явлениями, как протестная и митинговая активность, высокий уровень политической поляризации в ходе голосования, а также миграциями, последний параметр являлся ведущим (коэффициент 0,63). Но если на западе России недовольство чаще всего выражалось в виде забастовок (0,59), на юге — в виде митингов и демонстраций (0,42) и высокого уровня поляризации в ходе голосования на избирательных участках, то из восточных районов просто уезжали (0,54)³. Приморский край отличался высокой степенью нестабильности в политической жизни, значительными темпами роста безработицы, что также сдерживало процесс адаптации мигрантов.

Уже в первые годы после либерализации (1993—1994 гг.) в результате сокращения производства уровень общей безработицы в крае поднялся с 5,6 до 7,1 % и в 1998 г. превосходил среднероссийский показатель в 1,4 раза. В этом смысле к самым напряженным городам на рынке труда относились Спасск-Дальний (8,9 %), Арсеньев (8,2 %), Партизанск (6,6 %), районы: Красноармейский (18,8 %), Чугуевский (13,3 %), Кавалеровский (8,7 %), Спасский (13 %). Относительно благополучная обстановка по уровню безработицы была во Владивостоке, Находке, Уссурийске, Артеме. К 1999 г. безработица в Приморье составляла уже 9 %, а средний возраст безработных — 35 лет.

Таким образом, места расселения мигрантов в Приморском крае значительно отличались по возможностям трудоустройства. Вынужденные мигранты, как и их предшественники 80-х годов, предпочитали селиться в городах — Владивостоке (21 %), Уссурийске (15,4 %), Находке (10 %), Большом Камне (7 %), Партизанске (5,4 %), Фокино (4 %) и сельских районах Южного Приморья. Одновременно отмечалось закрепление их в средней полосе Приморского края (Анучинский, Черниговский, Спасский и Лесозаводский районы, г. Арсеньев). По наблюдениям миграционной службы расселение вынужденных мигрантов часто шло в тех районах, откуда происходил отток старожильческого населения⁴.

Районы выбора места жительства вновь прибывшего населения в 90-е годы различались уровнем прожиточного минимума (см. прил. 1). Наиболее высокий прожиточный минимум наблюдался во Владивостоке, Находке, Дальнереченске. К городам и районам с более низким прожиточным минимумом относились Спасск-Дальний, Арсеньев, Лазовский и Ханкайский районы. Сравнение географии расселения с общей картиной безработицы и дифференцированным прожиточным минимумом показывает важность этих критериев при определении мигрантами перспектив своего обустройства.

Анализ обстоятельств, заставлявших «новоселов» обустриваться в разных городах и районах Приморья, позволяет сделать следующий вывод: мигранты, получившие статус беженца или вынужденного переселенца независимо от национальной принадлежности предпочитали селиться в малых городах и районах с относительно невысоким прожиточным минимумом (в границах края) и низкими ценами на жилье. Экономические же мигранты выбирали города с более благоприятной обстановкой на рынке труда (Владивосток, Находка, Артем), хотя в них уровень прожиточного минимума был высоким. Уссурийск, являясь вторым по численности городом в Приморье, стал своеобразным центром беженцев и вынужденных переселенцев в силу того, что там находилось общежитие для этой категории мигрантов.

Прожиточный минимум в Приморском крае в сравнении с такими областями, как Орловская, Рязанская, Воронежская, Ростовская, Саратовская, был в два раза выше, поэтому и миграционная нагрузка беженцев и вынужденных переселенцев здесь была меньше, чем в Воронежской и Саратовской областях.

Среди проблем, которые больше всего беспокоили респондентов-мигрантов в 1991—2000 гг., на первом месте стояло их материальное положение (53 % отпрошенных), на втором — приобретение жилья (35 %), на третьем — поиски подходящей работы (31 %).

Одним из важных обобщающих критериев социально-психологической комфортности переселенцев является самооценка материального положения. Она отражает адаптационные качества мигрантов на рынке труда, социальную помощь со стороны органов власти, общественных организаций и фондов. Результаты социологического опроса показали, что в 2000 г. мигрантов, приехавших в 1991—1994 гг., по-прежнему волновала проблема материального положения. Это свидетельствует, что адаптация переселенцев самой мощной в количественном отношении волны в условиях углубляющейся экономической нестабильности растягивалась на 8—9 лет и более. Этнический фактор как дифференцирующий материальное положение не имел особого значения. Можно говорить о преобладании влияния на степень социально-экономической адаптации более высокого прожиточного минимума в Приморском крае, чем в других регионах. Кроме того, массовый поток мигрантов, совпавший с периодом формирования соответствующих социальных служб, снижал вероятность получения весомой материальной помощи каждым переселенцем. Учитывая, что среди беженцев и вынужденных переселенцев были в основном русские (70 %) и корейцы (16—17 %), то можно предположить, что период адаптации данных этнических групп являлся весьма продолжительным. Сказывался и высокий процент пенсионеров среди мигрантов — русских и корейцев (см. прил. 2). Материальное положение и трудности беженцев и вынужденных мигрантов в Приморье в определенной степени объясняются и социально-демографическими характеристиками переселенцев. Так, к 1 января 1998 г. среди мигрантов, прибывших в Приморье, было 884 ребенка до 18 лет,

т. е. почти 23 % от получивших статус беженца или вынужденного переселенца, 480 семей имели несовершеннолетних детей, 38 семей были многодетными, 127 семей неполных, 341 пенсионер (9 %)⁵. Таким образом, почти ¼ вынужденных переселенцев нуждалась в социальной поддержке.

Распределение по значимости проблем у новоселов зависело от времени их приезда. Мигранты, прибывшие в Приморье в 1995—1998 гг., также ставили на первое место материальное положение как самую главную проблему, затем — поиск подходящей работы. Для переехавших после 1998 г. первостепенное значение имело решение жилищного вопроса, поиски подходящей работы и потом уже материальное положение.

Итак, по мере снижения доли вынужденных мигрантов и переселенцев, прибывших из конфликтных зон, и увеличения числа так называемых трудовых мигрантов прослеживается усиление роли фактора поиска подходящей работы и приобретения жилья. Учитывая, что среди трудовых мигрантов после 1998 г. преобладали азербайджанцы и корейцы, то для них был характерен относительно краткий социально-экономический адаптационный период.

Для вынужденных переселенцев и беженцев независимо от их этнической принадлежности большое значение в процессе обустройства имела социальная помощь на местах. Об этом свидетельствуют инициативные ответы респондентов. К сожалению, мы располагаем пока неполными данными о размерах социальной помощи, которую получили вынужденные мигранты в 1991—2000 гг.

В 1995 г. в Приморье произошли организационно-правовые изменения в органах, которые непосредственно занимались оказанием помощи мигрантам. Они способствовали увеличению роли различных социальных служб в обустройстве переселенцев. Так, постановлением администрации (17.10.95 г. № 529) «Об изменении организационно-правовой структуры миграционной службы Приморского края» были установлены принципы взаимодействия с департаментом занятости населения, органами социального обеспечения и администрациями городов и районов. С 1995 г. департамент занятости населения стал ежеквартально сообщать в Миграционную службу Приморского края сведения о вакансиях с предоставлением жилья. В 1997 г. для обустройства беженцев и вынужденных переселенцев резервировались около 100 мест с предоставлением жилья по специальностям: учитель, врач, специалисты сельского хозяйства⁶.

В 1996 г. в службу занятости городов Партизанска, Находки, Лесозаводска, Чугуевского, Анучинского, Партизанского и Пожарского районов в поисках работы обратились 40 чел. В 1996 г. было зарегистрировано 30 чел. безработных из числа беженцев и вынужденных переселенцев, в 1997 г. в соответствующие службы обратились 21 чел., 13 из них было назначено пособие по безработице. Более года оставались безработными всего 8 вынужденных мигрантов. В 1999 г. в органы службы занятости края по вопросам трудоустройства обратились 18 граждан из числа вынужденных мигрантов, трудоустроено было сразу 10 чел. В этом же году в 28 городах и районах края по предложению органов службы занятости главами муниципальных образований были приняты постановления о квотировании в крае 2100 рабочих мест для граждан, испытывающих трудности в поиске работы. Для беженцев и вынужденных переселенцев отведено всего 19 мест⁷.

Трудовая занятость мигрантов, как вынужденных, так и приехавших в надежде найти подходящую работу, сильно повышала вероятность их успешной адаптации. Это касалось, прежде всего, переселенцев, стремящихся к самостоятельной хозяйственной активности, и в меньшей степени — мигрантов наемного труда. Самый высокий процент мигрантов, имевших постоянную работу, был зафиксирован в ответах граждан армянской национальности (см. прил. 3), что свидетельствует о высокой степени адаптации данной этнической группы. Они раньше других включились в конкурентную рыночную среду. Значительная часть армян приехала до 1991 г. Невысокая доля армян-беженцев или вынужденных мигрантов, преобладание экономических переселенцев также определяли перспективы и возможности успешной адаптации этих этнических «новоселов». Мигранты-армяне заняли свою нишу в сфере услуг, торговле, здравоохранении (частные зуболечебницы), строительстве (см. прил. 2). Армяне обладали высокими адаптационными качествами, которые в определенной степени были предопределены их этническими особенностями. По мнению В.И. Дятлова⁸, армяне входят в число «торговых меньшинств», которые генетически на протяжении разных этапов истории демонстрировали высокий уровень адаптации. Проводя некоторые исторические параллели, можно высказать следующую гипотезу. Появление и формирование «торговых меньшинств» в период модернизации общества в России, в том числе в Приморском крае, который обладает важным геополитическим статусом и международными связями, стало объективным процессом. Их востребованность значительно повышала адаптационные качества. В.И. Дятлов, изучив огромный этнический материал, считает, что положение «чужака», человека со стороны, просто «пришлого», изначально предопределяло его низкий статус, но давало определенные преимущества в бизнесе. «... Жизнь в принимающем обществе предполагает наличие качеств, способствующих предпринимательскому успеху». Сам факт миграции, подчеркивал ученый, означал «прыжок в неизвестность», резко повышал ценность таких качеств, как подвижность, динамизм, приспособляемость. Умение жить в чужом мире, относительно быстро переходить с одного языка на другой, готовность к освоению нового — обязательные качества «торговых меньшинств».

К числу таких формирующих групп можно отнести и азербайджанцев. Традиционная социальная организация (родственные, земляческие кланы) определяла сферу занятости: торговля и услуги, сельское хозяйство. Созданные предпосылки углубления этносоциальной стратификации в регионах совместного проживания еще в

советский период способствовали развитию специализации хозяйственной жизни азербайджанцев и их приходу на территорию Приморья. Процесс адаптации мигрантов-азербайджанцев имел свои особенности. Это связано с хронологией их прибытия, трудностями в получении прописки, условиями трудоустройства. Так, значительная часть представителей данной этнической группы прибыла в Приморье в 1995—1999 гг. Среди прибывших после 1998 г. лишь 37 % респондентов смогли временно прописаться и 30 % относятся к тем, кому органы УВД по разным причинам отказали в прописке*. Среди тех, кому отказали в прописке, были в основном мужчины в возрасте до 35 лет со средним или неполным средним образованием. Такие ограничения зачастую снижали их хозяйственную активность и создавали предпосылки для конфликтных ситуаций. В результате азербайджанцы вынуждены в большей степени, чем армяне, иметь временную работу, которую чаще всего можно получить в торговле или сфере услуг, используя земляческие связи или организовав временное свое «дело». Анализ данных прил. 2 показывает, что некоторая часть мигрантов-азербайджанцев из «старожилов» была занята в морском транспорте. Использование возможности получения прописки по судну было одним из способов трудоустройства и решения жилищной проблемы. Поэтому отличительной чертой общей картины трудоустройства азербайджанцев в Приморье является высокая доля людей, имевших временную работу.

Среди безработных переселенцев 90-х годов были главным образом русские и азербайджанцы. В ходе социологического опроса выявлено, что самый низкий процент безработных был у армян. Причем, речь идет только о семьях, члены которых имели статус вынужденных переселенцев (см. прил. 2).

К этническим особенностям социально-экономической адаптации мигрантов-корейцев можно отнести стремление трудоустроиться в тех сферах, в которых они были заняты до переезда. Однако в силу разных причин, в том числе особенностей рынка труда в Приморье, политики краевой администрации в отношении корейцев-мигрантов из стран СНГ, отсутствия дефицита свободных земель, некоторые мигранты вынуждены были «идти» в сельское хозяйство и торговлю.

Проследить, как обустроились мигранты, прибывшие в 1991—1994 гг., можно на примере компактного поселения в с. Чкаловском Спасского района. В 1994 г. из Таджикистана и Узбекистана приехали 50 семей, а в 1995 г. — 100⁹. Первым в село в январе 1990 г. прибыл Г.А. Кан (1940 г.р.), дипломированный специалист-агроном. Руководство совхоза предложило ему возглавить овощеводческую бригаду, но он отказался и стал работать простым овощеводом. Позже приехал Г.В. Хан, в 1991 г. из Ферганы вынужден был переехать Г.С. Ким (табл. 48).

Из высказываний переселенцев очевидно, что лучше приспосабливаются люди без высшего образования, старшее поколение, которое активно занимает свою нишу в сельскохозяйственном производстве. Быстрее адаптировались и те переселенцы, которые имели подобный опыт работы на прежнем месте жительства.

В Партизанском районе мигрантам-корейцам удалось в 1994 г. организовать индивидуальные частные предприятия, среди них — Ф. Ли. Стал фермером и Б. Тен. В условиях новых экономических отношений овощная продукция этого фермера одна из первых появилась на рынках края¹⁰.

Ретроспективный анализ факторов хозяйственного, бытового устройства конкретных семей мигрантов-корейцев свидетельствует о том, что одним из способов адаптации в изучаемый период был общинно-компактный тип поселения. В 1998 г. прошли отчетно-перевыборные собрания и председателями общин стали: в Платоново-Александровском — Ю.С. Ким, Поповке — А.Н. Хан, Кремове — В.В. Ли, Раздольном — В.Г. Хан, Орехово — Э. Ким, Новонежино — В.Н. Ли¹¹. При таком типе поселений на первом этапе создавались условия не только для этнокультурной комфортности, но и для социально-бытового обустройства. Через формирующиеся общины шло распределение всех консолидированных финансовых средств фонда «Возрождение». С помощью фонда пересе-

Таблица 48

Социальные условия мигрантов, проживавших в с. Чкаловском Приморского края в 1994—2000 гг.

Фамилия, имя, отчество	Образование, профессия	Трудоустроен или нет	Жилье	Эмоционально-психологический настрой
Г.А. Кан	Агроном-специалист	Да, по своей специальности	Получил от совхоза	Оптимистично, удовлетворен получением работы
Г.В. Хан		Получил должность бригадира	Получил от совхоза	Удовлетворен получением работы
Л. Цой (приехали: муж А. Когай, мать мужа и отчим)	Музыкальный работник	Работала по специальности в детсаду. Муж стал заниматься коммерцией	Жилье получили от совхоза	Надеются улучшить свои жилищные условия
В. Цой (приехали муж, двое детей, родственница — А. Когай)	А. Когай, секретарь-машинистка	Муж стал заниматься коммерцией, дети учатся в школе, сама стала овощеводом	Самостоятельно устроились на частную квартиру	Очень недовольны бытовыми условиями
К. Цой, Л. Ким		Стали овощеводами	Имеют дом	Довольны условиями жизни

Таблица составлена на основе источника: газета Вон Дон. Усурийск, 1994—1995 гг.

* Хотя лишь 6 % опрошенных беспокоит проблема отношений с местными властями.

ленцы сумели создать собственный парк сельскохозяйственных машин, получить ссуды, приобрести гербициды, удобрения. Несмотря на не всегда положительные финансовые результаты, низкие урожаи в связи с погодными условиями, вынужденные мигранты корейской национальности показали, что они обладают предпринимательской активностью. Это является важной предпосылкой их успешной адаптации. Однако действующая система налогообложения снижала деловую активность мигрантов, как, впрочем, и всего населения края. Для мигрантов, объединившихся в общины, вопрос об организационно-правовом статусе «хозяина» был дискуссионным и до конца не решенным. В частности, в дальнейшем для них будет более выгодна коллективная форма хозяйствования (ТОО, ООО) или крестьянское хозяйство?

Для мигрантов, которых разместили на территории бывших военных городков, в 1998—1999 гг. трудно решалась проблема получения коммунальных услуг (тепла, света). В качестве примера успешной адаптации можно назвать мигрантов, поселившихся в с. Поповке. В 75-квартирном доме проживали 34 семьи — 50 взрослых и 15 школьников.

Поскольку мы рассматриваем жилищную проблему в основном семей мигрантов, поселившихся в селах, то и после пяти лет проживания в сельской местности жилье оставалось крепким «поводком», привязывающим мигрантов к рабочим местам в сельскохозяйственном производстве.

Опыт Поповки показал, что люди, получившие все соответствующие документы, способны быстро обустроить свой быт. Члены общины получили ордера, прописку, встали на военный учет, организовали детский сад, сумели завоевать расположение местного населения. В частности, нехватка собственных механизаторских кадров в 1999 г. была восполнена за счет вольнонаемных трактористов из близлежащих сел. Старшее поколение так определяло социально-психологическое самочувствие: «Молодежь привычнее к городским благам, им здесь труднее»¹².

Таким образом, анализ «степени суровости испытаний» у мигрантов-корейцев показывает, что она зависела как от внешних обстоятельств, так и от национальных традиций (трудолюбие, крепкие родовые связи). Переселенцы-корейцы нашли «нишу» в сельском хозяйстве, а также в коммерческих структурах.

Адаптации корейцев в Приморье способствовали исторические традиции, связанные с их трудом на земле. Существует корейская поговорка: «Земля — волшебница в руках любящих ее людей». Корейцы в своей адаптации активно опирались на элементы системы «гобонди»*. Она трактуется как организация коллективного труда на основе первичного капитала или способ организации труда и распределения совместного дохода в установленные сроки, полученного с учетом материального и трудового вклада каждым участником. Этот метод зародился еще до советской коллективизации и действовал в более поздний период. Например, в колхозном производстве республик Средней Азии и Казахстана при отсутствии закона об аренде земель общественного фонда возникла новая система организации труда на полулегальной основе. Естественно, были неизбежны нарушения земельных отношений, но в конце 80-х годов очень робко начал внедряться метод коллективного подряда. Его исполнителями являлись корейские земледельцы, назвавшие эту систему «гобонди». Бригады «гобонди» создавались на добровольной основе, самостоятельно комплектовали коллектив, сами устанавливали режим работы. Производительность труда достигалась на основе свободного труда на своих участках земли. Выполнение обязательств перед заказчиком являлось неременным условием договора аренды.

Примером «гобонди» являлся и труд в некоторых переселенческих объединениях, в частности, участники летней экспедиции 2001 г. (Институт истории) наблюдали использование элементов «гобонди» в с. Кремово (Михайловский район). По рассказам Ю.С. Кима, в период сельскохозяйственных работ переселенцев объединяли также традиции «гобонди» в с. Платоново-Александровском (Ханкайский район). Опираясь на них и учитывая развитие рыночных отношений, корейцы, поселившиеся в этом селе, создали коллективное крестьянское хозяйство. В мае 2001 г. администрация выделила им 150 га земли¹³.

Разделение по сферам занятости и трудоустройства корейских мигрантов из СНГ в Приморье в определенной степени обусловлено этнодемографической структурой переселенцев. Так, среди прибывших корейцев пенсионеры, домохозяйки, учащиеся и студенты составляли примерно равные доли. Удельный вес безработных корейцев в общем составе переселенцев был невысоким — 9 %, это в основном лица, которые по формальным юридическим правилам не могли получить прописку. Из высказываний переселенцев-корейцев, инициативных ответов респондентов при социологическом опросе становится очевидным, что быстрее приспосабливались на приморской земле корейские переселенцы старшего поколения, без высшего образования. Например, жительница с. Чкаловского так оценила эмоционально-психологический настрой: «Моим родителям здесь нравится, а мне — нет». В целом 43 % опрошенных корейцев не хотели уезжать из Приморья, а по мере увеличения возраста респондента доля не желающих покидать край увеличивается. Так, число таких ответов у людей в возрасте от 35 до 55 лет составляло 69 %, а среди тех, кому за 55 — 82 %.

Анализируя процесс адаптации мигрантов в Приморье, в частности, в каких сферах они были заняты в изучаемый период, можно заметить общую тенденцию — большинство из них «нашли себя» в торговле. Русские

* Система «гобонди» зародилась среди корейского населения благодаря богатой традиции — объединенно выполнять отдельные виды работ или проводить общественные мероприятия, касающиеся отдельных людей или семей.

переселенцы в период формирования рыночных отношений также стремились занять эту нишу (см. прил. 2). Количество русских, переехавших в Приморье и ставших заниматься торговлей, было значительным, фактически на уровне тех этнических групп, которые мы отнесли к «торговым меньшинствам». Но в отличие, например, от азербайджанцев и армян русские мигранты в этой сфере работали в основном по найму. Предпринимателей среди них были единицы.

Важнейшим показателем социального обустройства является приобретение жилья, улучшение жилищных условий (см. прил. 5, 6). В ответах на вопрос анкеты: «Какие проблемы больше всего Вас беспокоят?» наши респонденты «приобретение жилья» поставили на второе место после «материального положения». Обеспеченность жильем вызвала большую озабоченность у всех категорий мигрантов (беженцев, вынужденных переселенцев, трудовых мигрантов и переехавших по другим причинам). Эта особенность, пожалуй, отличала приезжих от старожилов. В 1991—2000 гг. важнейшим дифференцирующим обстоятельством в обеспеченности жильем выступал фактор времени вселения. Среди тех, кто приехал в Приморский край до 1990 г., 21 % респондентов ответили, что «они испытывают трудности в приобретении жилья». Четверть переселенцев 1991—1994 гг. также были не удовлетворены своими жилищными условиями. К ним присоединились 40 % прибывших в 1995—1998 гг. и 60 % приехавших после 1998 г. Важно отметить, что среди респондентов, кого волновала проблема жилья, более половины продолжали искать подходящую работу. Такая низкая степень жилищной комфортности переселенцев во многом объясняется тем, что на Дальнем Востоке (после Севера) наблюдалась самая высокая доля мигрантов, оказавшихся в городах: в 1993 г. — 74 %, 1994 — 73, 1995 г. — 80, 1996 г. — 80, 1997 г. — 78 %¹⁴. В Приморье 71 % прибывших с 1992 г. по 1 января 2000 г. разместились в городской местности. На этом фоне исключение составили мигранты-корейцы, они расселились преимущественно в сельской местности.

Исследование выявило некоторые особенности в предпочтении форм жилья (см. прил. 5, 6). Мигранты-корейцы, имевшие на прежнем месте жительства собственный дом, переехав в Приморье, также старались приобрести дом. Однако если до переезда они практически не проживали в общежитии, то теперь вынуждены были поселиться в домах такого типа. Заметные изменения произошли в жилищных условиях мигрантов-азербайджанцев. Так, до переезда около 40 % респондентов имели собственный дом, после переезда подавляющее большинство мигрантов-азербайджанцев арендовали жилье или проживали в общежитии.

Мигранты, получившие статус беженца или вынужденного переселенца, могли рассчитывать на государственную поддержку. В 1997 г. во исполнение Указа Президента РФ от 29.03.96 г. «О государственной поддержке граждан в строительстве и приобретении жилья» для социально не защищенных категорий вынужденных мигрантов было приобретено 13 квартир. За счет средств федерального бюджета миграционной службы в 1995—1997 гг. вынужденным переселенцам было выделено 47 беспроцентных возвратных ссуд. Например, в Арсеньеве среди них были четыре русские семьи, одна армянская, одна смешанная (глава семьи грузин). За счет безвозмездных субсидий, выделенных из федерального бюджета через администрацию Приморского края, для переселенцев приобретено шесть квартир. В 1997 г. подали заявки на строительство жилья за счет субсидий 79 семей¹⁵.

В 1999 г. наступили сроки массового возврата ссуд вынужденными переселенцами, но, как отмечали работники ФМС Приморского края, из-за низких доходов у большинства населения и безработицы возврат ссуд стал проблемой. С 1997 г. в крае началась работа по выплате компенсаций за утраченное в Чеченской республике жилье и имущество. Однако реализация важнейшей акции, направленной на ускорение социально-экономической адаптации вынужденных мигрантов, сдерживалась отсутствием правовой проработки документов.

Ситуация обеспечения жильем была более благополучной в среде мигрантов армянской национальности. Значительная часть смогла приобрести квартиры или имела материальную возможность арендовать жилье. Среди русских переселенцев большой популярностью пользовалось приобретение квартир через систему ссуд.

Таким образом, в 2000 г. 21 % всех опрошенных продолжали жить в общежитиях, 27 % арендовали жилье, 25 % имели квартиру, 18 % — собственный дом. Если учитывать, что Приморье относится к территориям с небольшой миграционной нагрузкой, то по данному показателю можно сделать вывод о невысокой степени адаптации. Важнейшие обстоятельства, влиявшие на степень адаптации переселенцев, были объективными, например — дифференциация цен на жилье на вторичном рынке. Однако пристрастия, присущие данной этнической группе в выборе жилья, также имели место.

Многие социальные проблемы мигрантов были связаны с процедурой прописки (см. прил. 4). В Приморском крае, как и в других регионах России, регистрация носит не уведомительный, а разрешительный характер. Из инициативных ответов наших респондентов видно, что получение регистрации или временной прописки сопровождалось огромными сложностями. Социологические исследования позволили выявить основные причины отказов в прописке: отсутствие жилплощади, на которой можно было бы прописаться; отсутствие выписки с прежнего места жительства у людей, бежавших из зон военного конфликта; ссылка на неправильное оформление или «непонимание» языка, на котором сделана отметка; внешние физические данные паспорта; местные ограничения.

Исследование показало, что наблюдалась взаимосвязь между временем прибытия и числом лиц, имевших временную прописку или ответивших, что не могут ее получить. Чем ближе к 2000 г., тем выше процент таких респондентов. Особенно остро стояла проблема прописки у азербайджанцев, так как среди них преобладали экономические мигранты. Сложности с пропиской возникали также у переселенцев-корейцев из республик СНГ. При социологических опросах в инициативных ответах поход в органы внутренних дел (паспортно-визовый отдел) называется «хождение по мукам». В меньшей степени на эти трудности указывали мигранты-русские, что вполне объяснимо. Большинство русских семей, приехавших из республик СНГ, имели юридическое основание для получения статуса вынужденного мигранта.

Таким образом, в процессе социально-экономической адаптации мигрантов прослеживаются некоторые различия, которые можно связать с национальными и этническими особенностями. В частности, «суровость испытания» на новой земле снижалась у мигрантов-армян, которые обладали высокими адаптационными качествами, характерными для «торговых меньшинств». Востребованность азербайджанцев в сфере организации рыночной городской торговли также явилась смягчающим обстоятельством в процессе адаптации. Некоторый социальный оптимизм корейских переселенцев при обустройстве на приморской земле был вызван особенностями интерсубъективного мира корейских мигрантов, в частности фактором коллективной памяти, «исторической судьбы» переселенцев, мифологизацией утраченной родины (о чем свидетельствуют многие инициативные ответы и публикации в прессе), сильным групповым этническим самосознанием, взаимопомощью в повседневной жизни. Этнические особенности, проявившиеся в ходе адаптации, тесно переплетались с качествами, которые формировались у всех мигрантов в условиях становления новой социальной структуры и рыночных отношений. В этот период в России стала воспроизводиться самая распространенная форма экономической адаптации — предпринимательство, развитие частной инициативы в сфере торговли. Нередко безысходная жизненная ситуация, в которую попадали как вынужденные мигранты, так и приехавшие в край на заработки, а также быстро воспринятое отношение к хозяйственной инициативе, предопределяли чрезвычайно высокую предпринимательскую активность мигрантов в Приморье. Это особенно ярко проявилось на примере корейцев и русских, которые на прежнем месте жительства не были заняты в торговле. Вынужденные переселенцы и трудовые мигранты в предпринимательстве видели возможность быстро обустроиться, восстановить утраченное после переезда прежнее материальное положение. Предпринимательство в мигрантской среде в Приморье преобладало в форме организации торговли.

О степени этносоциальной комфортности мигрантов можно судить по ответам на вопрос: «Как Вы в целом ощущаете отношение к Вам со стороны местного окружения?»

Данные опроса показывают, что русские мигранты отмечали факты недружелюбного отношения со стороны старожильческого населения. Наибольший дискомфорт испытывали корейцы, которые ощущали даже моменты враждебности, хотя большинство указывало на «безразличие». Среди опрошенных этнических групп на втором месте стоят армяне, также испытывавшие некоторую напряженность в период адаптации. Более терпимое отношение со стороны старожиллов отмечали азербайджанцы. Однако 7 % представителей этой этнической группы не смогли оценить характер взаимоотношений с местным населением. Общей чертой в самооценке отношений коренного населения к мигрантам можно назвать «равнодушие», которое определяло социально-психологическую атмосферу адаптации этнических мигрантов.

Приведенный эмпирический материал в своей совокупности свидетельствует о том, что в процессе адаптации этнических мигрантов были сконцентрированы многие культурно-генетические факторы и возникшие социально-экономические и политические проблемы в переходный период к новой общественной системе. Миграция превращалась в определенного «проводника» символического взаимодействия между этническими особенностями и социально-экономическими проблемами, возникающими в ходе затянувшихся в России реформ. Социализация и приобретение «запаса жизненных сил» в период «суровости испытания» переселения на приморскую землю были связаны как с общественно-экономическими коллизиями 90-х годов, так и с обыденным поведением отдельного человека на новом месте жизнедеятельности.

В 90-е годы миграционные процессы внесли определенные коррективы в социальный и этнокультурный облик Приморья. Особенность миграционной ситуации состояла в том, что на фоне отрицательного сальдо миграции одновременно наблюдались изменения в национальной структуре мигрантов. Миграция — крайне про-

Таблица 49

Характеристика этносоциальной комфортности мигрантов в Приморском крае в 2000 г. (в %)

Местные жители	Корейцы	Азербайджанцы	Армяне	Русские
Стараются помочь	21	77	42	50
Безразлично	38	16	33	36
Недружелюбно	16	—	25	4
Враждебно	6	—	—	—

Таблица составлена на основе социологического опроса «Мигрант-2000».

тиворечивое общественное явление, и на каждом историческом отрезке времени оно несет в себе как значительные потенции для культурного, социального, экономического развития региона (территориально-административной единицы), так и серьезные проблемы.

Взаимосвязи между миграцией и социально-культурной динамикой можно проследить на примере возникновения качественных изменений диаспорных групп или национальных общин в конце XX в. На территории Приморья в это время официально насчитывалось 14 диаспорных групп*, многие из них сформировали этнокультурные объединения: Немецкий культурный центр Приморья (создан в 1992 г.), Немецкая культурная автономия г. Владивостока (1998 г.) и края (1999 г.), польское общество «Гмина» (1993 г.), Еврейский религиозно-культурный общинный центр (работа по его организации началась в 1992 г., юридически оформлен в 1995 г.), общественное объединение татар Приморья «Туган Тель» (1994 г.), общественные культурно-просветительские организации литовцев «Гинтаро крантас» (1998 г.) и белорусов «Полесье» (1999 г.) и др. Активизировалась деятельность конфессиональных общин — католической, лютеранской, иудейской, которым были возвращены культовые здания во Владивостоке. Для мусульманского объединения «Ислам» выделено помещение, решался вопрос о строительстве мечети¹⁶.

Деятельность национальных общин превратилась в неотъемлемый элемент всей общественной жизни Приморского края. Этническая миграция вызвала ряд проблем, которые возникли вследствие ограниченности ресурсов на принимающей территории, в частности средств, направляемых на поддержание социальной сферы, иногда из-за низкой степени толерантности различных групп старожильческого населения, а порой и в результате недостаточной совместимости культур.

Миграционные этнические переселения, становясь новыми факторами социально-экономических, культурных реалий в Приморье, требовали от властей не только политической воли, но и разумных, исключительно продуманных действий в соответствующих сферах (регистрации, прописки, оформлении гражданства, трудоустройства, социального обеспечения, медицинского обслуживания, проведения национально-культурных мероприятий, конфессионального строительства и т. д.).

Всплеск деятельности национальных общин в Приморье, как в других регионах России в последнее десятилетие XX в., произошел в результате появления ярко выраженных этнических миграций и на фоне бурного обсуждения проблем национальной политики как в правительственных, так и общественных кругах¹⁷.

В принятой в декабре 1993 г. Конституции РФ отсутствует термин, свидетельствующий о привязке этнической компоненты к государственному строительству (например, «национально-государственный» или «национально-территориальный» и т. п.). В те годы внимание политиков и многих ученых было сосредоточено на теме культурно-национальной автономии. Активно обсуждались новые концептуальные подходы к выработке программ «национального возрождения и межнационального сотрудничества», что шло параллельно с реальными процессами в постсоветской российской повседневности. В 1993—1996 гг. проблеме национально-культурной автономии (НКА) уделялось внимание не только со стороны политиков, но и самих этнонациональных групп. Правовая «проработка» идей НКА консолидировала многие национальные общины в крае, в том числе и те, количественный состав которых не только увеличивался, но и уменьшался за счет миграций.

Следует заметить, что многие разработчики нового закона в национально-культурной автономии первоначально видели прежде всего форму политического представительства этнических меньшинств в федеральных органах власти, т. е. своеобразный вариант введения «этнических квот»¹⁸. После длительных дискуссий о создании в России национально-культурных автономий был принят Думой 22 мая 1996 г. федеральный закон о национально культурной автономии (одобрен Советом Федерации 5 июля 1996 г.). Статья 1 данного закона дает определение «национально-культурной автономии» в Российской Федерации. «Это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры»¹⁹. Обсуждения и дискуссии по поводу новой национальной политики и попытки ее реализации охватили практически все регионы России, особенно те, в которых наблюдались этнические потоки мигрантов.

В Приморском крае в период правления сформировавшейся администрации под руководством Е.Н. Наздратенко действовал институт советников при губернаторе из числа этнополитических лидеров. Позиция приморского губернатора была весьма неоднозначной, а порой и противоречивой. Понимая общность экономических интересов предпринимателей, принадлежавших к разным этническим группам, и значение межнациональных отношений, он активно поддерживал деятельность лидеров ряда диаспорных групп. Диалог органов власти с представителями диаспорных групп осуществлялся через советников по национальным вопросам, что способствовало публичному обсуждению национальной политики в крае. Но не все было просто во взаимоотношениях административной элиты и лидеров национальных общин. Бурные дискуссии, постоянно возникавшие на страницах газет, в радио- и телепередачах, деловая переписка с представителями власти свидетельствовали о нали-

* Во «Введении» авторы уже определили свое отношение к понятию «диаспора» и считают возможным употребление и термина «диаспорная группа» как синоним национальной общины.

ции определенных трудностей, существовавших в рассматриваемый период²⁰. В это время характерны активизация и организационное объединение многих этнических групп.

На территории края национальные общины приобрели форму общественных организаций, консолидирующихся на этнической и религиозной основах, или национально-культурных центров. Но по своей сущности — это один и тот же способ официального и общественно-политического признания деятельности диаспор. Это характерно как для общин, этнический состав которых в Приморье сформировался в основном за счет «старожилов», т. е. прибывших в советский период, так и для тех, в которых доля мигрантов 90-х годов была значительной.

Учитывая степень исследования проблемы, речь в данном разделе книги пойдет о влиянии миграций на социальную динамику только четырех из четырнадцати национальных общин: украинской, корейской, армянской, азербайджанской. Критериями отбора стали: увеличение населения края в 1992—1998 гг., что происходило за счет миграционных потоков представителей трех последних этнических групп, на территории Приморья к 2000 г. численность данных этнических групп была приблизительно равной. На 1 января 2000 г. по альтернативным источникам в крае проживало 21 тыс. азербайджанцев*, 25 тыс. армян**, 26—27 тыс. корейцев. Статистические материалы по интересующим нас вопросам достаточно сильно рассредоточены по ведомствам, и более точные данные трудно привести. Включение же «украинцев» в наш обзор диктуется историческими предпосылками и постоянным присутствием украинского элемента в миграционных потоках, начиная с момента заселения края. Украинская группа населения в Приморском крае, как показал ретроспективный экскурс в XX в., формировалась в различных исторических реалиях и представляла собой вариант интегрирующейся в общественную жизнь приморского социума национальной общины.

УКРАИНЦЫ В ПРИМОРЬЕ В 90-е ГОДЫ XX в.

Исторические аспекты исследования украинской группы населения 90-х годов в Приморье несколько отличаются спецификой постановки проблемы, например, от корейской, азербайджанской или армянской диаспор прежде всего тем, что процесс миграции украинцев в данный регион в XX в. был постоянным. Формирование русского и украинского населения в Приморье происходило в теснейших социальных и культурных контактах. Но при этом проблема изучения украинской части приморского социума 90-х годов имеет весьма дискуссионный характер. Научный спор ведется в рамках поиска ответа на вопрос, имели ли приморские украинцы в конце прошлого века субэтнические характеристики*** или в ходе постоянных миграций, из-за большой удаленности от мест выхода и длительного проживания в Приморье произошла их ассимиляция с русскими? Следующий вопрос, вытекающий из первого, — создание украинской национально-культурной автономии в Приморье было естественной потребностью украинцев или ее создание инициировалось главным образом группой лидеров, выдвинувшихся в постсоветское время****? Обозначение данных концептуальных векторов исторического анализа украинской диаспоры в Приморье предопределило отбор фактов и широкое применение результатов социологического исследования, полученных предшественниками на несколько иной методологической базе, чем опрос, проведенный ЦИСИП по программе «Мигрант-2000».

Украинское население Приморья складывалось в результате миграционных потоков, относящихся к разным историческим периодам. В ее состав также входят потомки мигрантов, считающие себя украинцами, но родившиеся на территории края. К сожалению, историки вынуждены пользоваться данными последней переписи 1989 г. Тогда украинское население составляло 185 тыс. чел., т. е. 8,2 % от общего числа жителей. Из-за миграционного оттока за 1991—1998 гг. численность украинцев уменьшилась на 10,1 тыс. чел., т. е. к 1999 г. в крае проживало приблизительно 174,9 тыс. чел.***** В результате межрегиональной и внутрикраевой миграции сложились основные районы расселения украинцев (табл. 50).

Основные районы расселения (если рассматривать по абсолютным показателям) — это города Владивосток, Уссурийск, Находка, но если учитывать долю украинцев в составе населения, то выделялся Спасск-Дальний. География расселения показывает, что в число основных территорий проживания украинцев входили Дальнереченский, Лесозаводский, Черниговский, Спасский, Хорольский, Ханкайский, Михайловский, Уссурийский районы. Большинство из них на протяжении XX в. являлись традиционными районами вселения украинцев и занимали важное место в сельскохозяйственном секторе экономики края. В городской местности проживало в 1,7 раза больше украинцев, чем в сельской. Но если проанализировать, какова доля украинцев от всего населения в селах

* К концу 90-х годов численность азербайджанцев по сравнению с 1989 г. увеличилась в 1,4 раза, имели постоянную регистрацию 4136 чел. Тек. архив Территориального органа Минфедерации в Приморском крае. Аналитический отчет за 2000 г. С. 7.

** Соответственно численность армян увеличилась в 1,6 раза, с постоянной регистрацией 4187 чел. Там же.

*** Понятие субэтноса, или субэтнической группы очень важно для понимания сути диаспоры — пребывания части этноса вне страны его происхождения. Субэтническая группа — таксономическая единица, определяемая ее дискретностью.

**** Как известно, существует конструктивное понимание природы этнического, в котором решающую роль в мобилизации этничности отводится лидерам, преследующим политические цели. В теории коллективных действий, объясняющей этнические конфликты, этот тезис весьма распространен. В зарубежной литературе сторонником конструктивистского подхода является норвежский ученый Ф. Барт, в отечественной — В.А. Тишков; Тишков В.А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1992. Вып. 2. Ч. 1. С. 36.

***** По другим данным еще меньше — 159,1 тыс. чел. Тек. архив Территориального органа Минфедерации России в Приморском крае. Аналит. отчет. С. 7.

Таблица 50

Районы проживания украинцев на 1989 г.

Районы	Всего чел.	Украинцы	В % к проживавшим на данной территории
Дальнереченский	17144	3994	23,3
Лесозаводский	12766	2495	19,5
Хорольский	43474	7043	16,2
Яковлевский	21753	3422	15,2
Спасский	32408	4765	14,7
Ханкайский	31195	4541	14,6
Кировский	28063	3849	13,7
Черниговский	45408	6265	13,3
Михайловский	44363	5695	12,8
Партизанский	29449	3340	11,3
Анучинский	18375	2015	11,0
Уссурийский	29591	3233	10,9
Пограничный	26695	2831	10,6
Ольгинский	16480	1719	10,4
Лазовский	21135	2130	10,1
Октябрьский	40199	3904	9,7
Пожарский	36160	3268	9,0
Хасанский	44404	3927	8,8
Красноармейский	27718	2445	8,8
Спасск-Дальний	60302	5238	8,7
Чугуевский	30847	2499	8,1
Надеждинский	43074	3495	8,1
Шкотовский	112245	8780	7,8
Уссурийск	157247	10660	6,8
Владивостокский горсовет	657458	43565	6,6
Находкинский горсовет	186956	12330	6,5
Арсеньев	70185	4349	6,2
Артемовский горсовет	112547	6622	5,9
Тернейский	1534	832	5,4
Кавалеровский	36161	1928	5,3
Партизанский горсовет	60742	2927	4,8

Источник: Национальный состав населения Приморского края (по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Владивосток, 1991. С. 10—11.

Таблица 51

Сравнительные социально-экономические характеристики русских и украинцев, работавших в ДВМП в 1989 г.

Статусные параметры	От числа опрошенных, в %	
	русские — 76 %	украинцы — 12,8 %
Распределение национальных групп по должностям:		
Командный состав	43,5	30,2
Рядовой состав	45,6	55,9
Жилищные условия:		
Имели отдельную квартиру	31,9	26,4
Жили на судне	38,1	52,7
Наличие престижных товаров:		
Автомобили	15,4	5,4
Видео	5,9	7,0
Стереoaппаратура	48,0	

Источник: Смирнов А.В. Социально-экономические проблемы формирования кадров плавсостава. Владивосток, 1990.

и городах в начале 90-х годов, то оказывается, что в сельском населении Приморья украинцы составляли 13,2 %, а в городском — всего 6,7 %²¹.

По своему экономическому и политическому статусу украинцы не отличались от доминирующей «титульной» нации — русских. Представительство украинцев в институтах власти в последние годы советского периода, времени распада СССР, оставалось пропорционально их доле от общего числа жителей края. Например, в краевом Совете последнего 21 созыва (1990—1993 гг.) было 22 украинца из 220 депутатов, т. е. 10 %.

К сожалению, специальных исследований экономического положения украинцев в целом в Приморье нам не удалось провести. Они также не проводились и другими исследователями. Имеются отрывочные сведения Н.В. Смирнова об отдельных предприятиях. Эти данные позволяют определить, например, национальную структуру плавсостава Дальневосточного пароходства (ДВМП) на 1989 г. (табл. 51).

Согласно данным табл. 51 можно отметить относительно равное социально-экономическое положение русских и украинцев. Наибольшие различия существовали в обеспеченности жильем. Учитывая, что в конце 80-х годов украинцы приезжали на заработки, оставляя семьи и имея квартиры в других регионах, наблюдался повышенный процент людей данной национальности, проживавших на судне. По результатам этого же исследователя (А.В. Смирнов), накануне радикально-экономических реформ для украинцев (занятых в ДВМП) по сравнению с русскими была характерна большая степень удовлетворенности условиями труда — соответственно 33 % и 25 %, отношениями с администрацией — 13,2 % и 11,7 %. Естественно, эти данные нельзя экстраполировать на всех украинцев, проживавших в Приморье, необходимы дополнительные исследования. Однако для изучения влияния миграций на характер национальных общин этот пример имеет показательное значение.

Для ответа на поставленные авторами концептуальные вопросы важно выявить, существовала ли этническая идентификация* в ее зрелой форме у украинцев Приморья. Если она существовала, то в какой степени этот процесс охватил украинское население края? Учитывая, что в современной литературе имеются различные методики по этнической самоидентификации, обратимся, в первую очередь, к «языковой».

В 1989 г. среди украинцев, проживавших в Приморье, родным языком считали язык своей национальности всего 34,2 %, русский в качестве такового — 65,6 %. В 1992 г. при социологическом опросе выявлено, что разговаривают исключительно на русском 34 % украинцев, в основном на русском — 29 % (итого на русском — 63 %), только на украинском — 2 %, в основном на украинском — 5 %, на обоих — 29 %²². Таким образом, социологические исследования в данном случае вполне коррелируются с официальными данными и свидетельствуют о том, что за четыре года ситуация не изменилась.

В процессе этнической идентификации помимо языка участвуют и другие элементы. Например, приморские социологи А.В. Сакутин, И.В. Елшина, Я.В. Недбай и С.А. Квитка выявили дифференцированную оценку украинцами различных качеств по сравнению с другими этносами, в частности русским, — трудолюбие, умение приспосабливаться к любой ситуации, способность к интеллектуальной деятельности и др. Результаты исследования показали, что 78 % респондентов обладали мотивацией к этнической идентификации. Однако, по их мнению, украинскую диаспору 90-х годов в Приморье можно разделить на три группы. В качестве критерия такого деления служит степень субэтнических характеристик и этнической идентификации. Авторы так назвали эти группы: «нормальная», «затрудненная» и «вырожденная», и в 1992 г. они соотносились в пропорции 3:2:1²³.

Следовательно, для определенной части приморских украинцев в конце XX в. были присущи все-таки субэтнические черты. Доминирующим параметром идентификации являлась ориентация на смысловые и поведенческие стереотипы украинской культуры. Такая доминанта была характерна для 32—42 % респондентов. По мнению исследователей, именно она определяла характер первой группы, обозначенной социологами как «нормальная форма» идентификации украинцев в Приморье. Это позволяет предположить, что, несмотря на низкий показатель этнической идентификации через родной язык «своей национальности», в 90-е годы в Приморском крае существовали естественно-исторические предпосылки для этнической консолидации части украинцев, в том числе на основе национально-культурной автономии.

К «затрудненной» форме относились респонденты в основном старшей возрастной группы (56—59 лет) с преимущественно средним и неполным высшим образованием (инженерно-технические работники, гуманитарии, пенсионеры). Место рождения их: Приморье — 29 %, Украина — 16 %, другие регионы — 33 %. Таким образом, 29 % — это потомки мигрантов более раннего периода. Для этой части украинцев наиболее характерна была унификация образа жизни с русскими в советский период. Длительность проживания в регионе и наличие советского социального опыта с неустойчивым социально-профессиональным положением в период реформ — все это способствовало более консервативным установкам в развитии этнического сознания.

В первой группе доминировали украинцы, родившиеся на Украине и в меньшей степени связанные с укоренившимися социальными и культурными традициями Приморья. Они были более свободны в своей «этнической самореализации». Респонденты этой группы — в основном военнослужащие, бизнесмены, гуманитарии. Субэтнические признаки в меньшей степени были выражены у производственников²⁴. К этому типу в большей

* В отечественной науке чаще употребляется понятие «этническое самосознание», а в западной — «этническая идентичность». Но их методологическая функция одинакова — обозначить этнические границы.

степени относились молодые украинцы (20—29 и 30—39 лет), наблюдалась тенденция роста таких респондентов также в зависимости от уровня образования²⁵.

В повседневном поведении приморских украинцев сказывался фактор краха старых идеологических доктрин и мифов, что особенно проявилось у военных и гуманитариев. Происшедший всплеск этнической идентификации у приморских украинцев в 1991—1992 гг. можно объяснить незрелостью в эти годы легальных форм идентификации. Кроме того, в этот период лишь начиналась разработка новой национальной политики в России. Временной разрыв между датой проведения самого опроса и событиями 1 декабря 1991 г., когда Украина проголосовала за независимость, был незначительным. Политические «беловежские» события декабря 1991 г. активизировали подъем этнической активности украинцев, в том числе и в Приморье.

По результатам социологических обследований, третья часть приморских украинцев относилась к так называемой «вырожденной» форме*. Она объединила в себе главным образом две крайние социально-демографические группы — пенсионеров и учащихся. Местом их рождения были Приморье (19 %) и Украина (10 %), остальные — из других регионов.

Перед респондентами был поставлен вопрос, что является критерием культурной самоидентификации (в предлагаемый перечень вопросов включались и «некультурные» основания), предоставлялась возможность отметить одновременно несколько позиций. Ответы распределились следующим образом.

1. Украинское происхождение родителей — 43 %.
2. Знание украинской культуры и традиций — 41 %.
3. Психологическая общность — 32 %.
4. Знание языка — 28 %.
5. Постоянное проживание на Украине — 13 %.
6. Украинское гражданство — 6 %.
7. Готовность следовать за украинским лидером — 1 %.
8. Запись в паспорте — 1 %.

Эти вопросы и ответы отразили в большей степени мотивации украинцев к культурной самоидентификации. По данным исследователей**, лишь 41 % респондентов знали традиции и культуру Украины и 33 % проявили знания в национальном фольклоре²⁶. В то же время только 7 % респондентов отметили, что знают 1—2 негосударственных национальных праздника.

Подъем этнического самосознания украинцев в начале 90-х годов вполне объясним. В этот период шел процесс консолидации энтузиастов и становление местных лидеров, которые возглавили движение за создание национально-культурной автономии в Приморье. На первом этапе было основано Общество украинской культуры Приморского края (27 января 1991 г. во Владивостоке состоялось учредительное собрание). Как считает один из энтузиастов В. Черномаз: «Идея создания украинского общества во Владивостоке родилась одновременно у нескольких человек, которым здесь, в Приморье, не хватало «Украины» — украинской песни, общения на родном языке, новостей с далекой родины (для кого-то реальной, для кого-то — уже исторической)»²⁷. Это были доцент кафедры актерского мастерства Дальневосточного педагогического института искусств, сын известного украинского драматурга ныне покойный А.Я. Мамонтов, первый секретарь Первомайского райкома комсомола, бывший флотский офицер А. Попок, выпускник Одесской мореходки, бывший штурман, к тому времени делавший первые шаги в бизнесе Л. Грушевой, учительница начальной школы родом с Полтавщины Н.И. Фомина, студент исторического факультета ДВГУ В. Черномаз.

На учредительном собрании присутствовали около 10 чел. — А.Я. Мамонтов, А. Попок, заслуженный артист РСФСР, бывший актер Украинского музыкально-драматического ансамбля, существовавшего при Приморской краевой филармонии до начала 1960-х годов, Н. Щербатюк, декан художественного факультета Дальневосточного института искусств В.И. Кандыба, бывший преподаватель ДВПИ (ныне ДВГТУ), кандидат технических наук С.Е. Эльясберг, А.М. Дымская, А.М. Сербул. Собрание утвердило устав общества, целью которого провозглашалось возрождение украинской культуры в Приморье, и избрало первое правление, в состав которого вошли: А. Попок (председатель), А. Мамонтов (заместитель председателя), С. Вакульский, А. Сопяк, В. Кандыба, С. Эльясберг и А. Дымская. Правда, на следующем собрании 3 марта 1991 г. состав правления был несколько изменен — А. Попок, А. Мамонтов, В. Кандыба, Л. Грушевой, А. Дымская.

24 июня 1991 г. общество было официально зарегистрировано, став наряду с корейским и немецким одним из первых национально-культурных обществ в крае. Период его наиболее активной деятельности приходится на 1991—1993 гг., что связано с определенным пиком общественной активности, обусловленной последствиями перестроечных процессов, приведших к ликвидации коммунистического режима, становлению элементов демократии и гражданского общества, а также образованием независимого украинского государства.

С 1992 г. общество возродило традицию ежегодных «Шевченковских Свят» — торжественного празднования годовщин рождения великого украинского поэта, которая возникла во Владивостоке еще в 1909 г. В мае 1992 г. общество исключительно собственными силами провело Дни украинской культуры, в которых приняла

* Может, не совсем благозвучное название, но, с точки зрения отражения сущности группы, оно верное.

** Сакутин А.В., Ялшина И.В., Я.В. Недбай и С.А. Квитка.

участие представительная делегация с Украины, в состав которой входил и будущий Патриарх Украинской православной церкви — Киевского Патриархата, а тогда еще архиепископ Белоцерковский Владимир (Романюк) — бывший узник колымских лагерей. В марте 1993 г. по инициативе общества во Владивостоке состоялся V Украинский Дальневосточный съезд (четыре первых прошли в 1917—1918 гг.), в котором приняли участие представители украинских организаций Приморья и других регионов Дальнего Востока. В 1993 г. общество предприняло попытку открыть во Владивостоке украинскую воскресную школу (учитель Н. Фомина) и возродить издание газеты «Українець на Зеленому Клині», которая выходила здесь в 1917—1920 гг. В 1992 г. при обществе был организован украинский хор «Червона калина» под руководством М.С. Лизун, получивший в 1998 г. звание народного.

В 1992—1993 гг. при обществе действовала военная секция, занимавшаяся проблемами военнослужащих украинцев, связанными с переводом их на службу в Вооруженные Силы Украины. Возглавлял ее майор медслужбы ТОФ В. Мадяр. Активными членами общества были также капитан 2 ранга В. Овчаренко, майор юстиции Г. Гордиенко, бывший заместитель начальника Дома офицеров Тихоокеанского флота капитан 3 ранга В. Ткачук, подполковник А. Болдовский, мичман А. Мусий, капитан И. Скарбовийчук.

Общество украинской культуры Приморского края было представлено достаточно многочисленными делегациями на I Конгрессе украинцев, проживавших на территории бывшего СССР, состоявшемся в январе 1992 г., и I Всемирном форуме украинцев, который проходил в Киеве в августе 1992 г. Общество стало одним из учредителей Объединения украинцев России (ОУР), созданного в 1993 г., а коммерческий директор общества Л. Грушевой был избран сопредседателем ОУР.

В работе общества принимали участие супруги О.Е. и Ю.А. Бондаренко, которые вступили в него еще в марте 1992 г., моряки, много лет проработавшие в ДВМП И.Г. Думка и В.И. Свитальский, бессменный фото- и видеооператор всех мероприятий, создатель фотовидеолетописи общества, делегат II Всемирного форума украинцев (1997), пенсионер В.И. Каток, инженер Е. Коляду, учительница Ж. Романова, геолог Н. Михальченко, жены военнослужащих А. Скарбовийчук и С. Мадяр, студентка Л. Кибал, приморский писатель Б. Мисюк.

Концертную деятельность по пропаганде украинской песни вел хор «Червона калина», которым в 2000 г. руководил А.А. Евженко — заслуженный артист России, бывший солист Ансамбля песни и пляски Тихоокеанского флота.

Председателями общества в разное время являлись А. Попок (1991—1993), Н. Фомина (1993—1994), Л. Грушевой (1994—1997), В. Лещенко (1997—1998).

Большую роль в деятельности Общества украинской культуры в более поздний период сыграл В.А. Черномаз, преподаватель Владивостокского филиала Юридического института МВД, профессионально изучавший украинскую диаспору на Дальнем Востоке. Он исследовал проблемы ее развития в начале века, принимал участие и в организационных мероприятиях, выступал на радио, на страницах прессы. В.А. Черномаз, являясь одним из неформальных лидеров среди приморских украинцев, стал заместителем председателя Украинской национально-культурной автономии г. Владивостока. В одной из своих статей он писал: «... украинцы, являясь второй по численности этнической группой населения Дальнего Востока, нуждаются в удовлетворении своих специфических культурных запросов и потребностей, в сохранении родного языка, развитии национальной культуры, получении информации на родном языке и т. д., и в этом отношении они имеют полное юридическое и моральное право на поддержку со стороны Российского государства, гражданами... которого они являются»²⁸.

В 1998 г. Общество украинской культуры Приморского края было преобразовано во Владивостокское украинское культурно-просветительное общество «Просвіта», что призвано было подчеркнуть его историческую преемственность с аналогичной организацией, существовавшей во Владивостоке в 1918—1921 гг. В соответствии с уставом нынешняя «Просвіта» создана «с целью возрождения национального самосознания и сохранения национальной самобытности; развития национального (украинского) языка; образования; национальной культуры; следования национальным традициям и обычаям; реализации национально-культурных прав граждан, которые относят себя к данной этнической общности; содействия культурному, научному сотрудничеству и взаимному культурному обогащению этнических общностей украинцев, которые проживают на территории России, и поддержки упомянутых связей с украинцами в других странах мира; защиты прав и интересов своих членов в порядке, определенном действующим законодательством»²⁹.

В мае 1999 г. общество «Просвіта» стало учредителем Украинской национально-культурной автономии г. Владивостока, созданной на основании Федерального закона «О национально-культурной автономии», принятого в 1996 г. 5 июля 1999 г. Украинская национально-культурная автономия г. Владивостока была официально зарегистрирована Управлением юстиции администрации Приморского края. Председателем Владивостокского украинского общества «Просвіта» и Украинской национально-культурной автономии г. Владивостока стала директор издательства «Уссури» О.Е. Бондаренко.

В постсоветское время украинцы принимали активное участие в приморских фестивалях и форумах «Межконфессиональное и межнациональное развитие», в днях национальной кухни. Однако участниками этих акций предположительно становились лица, которые входили в первую группу, подробно рассмотренную нами выше. Украинское же население в глубинке в меньшей степени включалось в подобные культурные мероприятия, сконцентрировав свои усилия на стратегии выживания.

КОРЕЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБЩИНА В ПРИМОРЬЕ

Взаимосвязи между миграцией и развитием национальных общин проявились наиболее рельефно у корейцев. Как свидетельствует история XX в., отличительной чертой формирования и развития корейской диаспорной группы стали дискретность и цикличность процесса, которые в 90-е годы вступили в новую фазу. За счет миграций численность корейской национальной общины в Приморье за 10 лет увеличилась примерно в 3—3,5 раза. По одним источникам, к концу века она насчитывала 26 тыс., по другим — 30 тыс. чел.³⁰ Исследования, проводимые ЦИСИП в 1998—2000 гг., показывают, что эта цифра постоянно менялась за счет большой миграционной подвижности корейцев в 90-е годы. Регистрация, не всегда во время пройденная мигрантами, в том числе связанная с трудностями оформления, также влияла на этот показатель. Анализ документов и учет всех факторов подтверждает, что численность этой национальной общины постоянно колебалась в названном диапазоне.

В конце 80-х и в 90-х годах большая часть корейцев «осела» в Уссурийске и Уссурийском районе (около 28—30 %), Спасске-Дальнем и Спасском районе (25—27 %), Находке — 13—15 %, Партизанске — 11—12 %. К 2000 г. в Уссурийске проживало приблизительно 15 тыс. корейцев, в Партизанске — 5 тыс., во Владивостоке — около 2 тыс. чел.

К началу активных миграций в последнее десятилетие XX в. корейцы были тесно связаны с другими национальными группами дальневосточников языковой общностью, социальной организацией жизни, коллективным историческим опытом хозяйственной деятельности. Однако самобытность корейцев столь глубока, что даже в советский период в повседневной жизни семей прослеживалась некоторая этническая специфика. В то же время особенности возвращения корейцев с середины 50-х и в 60-е годы в Приморье, а также процесс их адаптации привели к тому, что приморские корейцы в значительной степени утратили знание родного языка.

По сравнению со своими этническими сородичами, жившими в Средней Азии, Казахстане и других регионах Российской Федерации, например, на Сахалине*³¹, в Приморье корейцы в большей степени своим родным языком считали русский. Более низкая доля корейцев, назвавших родным языком язык своей национальности, была характерна как для городского, так и для сельского населения (табл. 52).

Корейская диаспорная группа Приморья от основного населения — русских — отличалась некоторыми социально-демографическими характеристиками. Для корейцев конца 80-х — начала 90-х годов был характерен сравнительно высокий уровень брачных союзов: у мужчин — 69,7 %, женщин — 65,1 %, в то время как у русских соответственно 68 % и 65 %. Почти 2/3 корейцев проживали в семьях, где все члены семьи принадлежали к одной национальности. Количественный состав корейских семей был выше общекраевого и общереспубликанского показателя и составлял в среднем 3—4 чел. Преобладающими являлись семьи из 2—4 чел., средний возраст корейцев — 32,5 г. (при среднекраевом — 31,8)³².

Отличительная черта корейской диаспоры в Приморье — присутствие лиц моложе и старше трудоспособного возраста. Следует отметить, что миграция усилила данную тенденцию.

Бывшие советские корейцы успешно заканчивали высшие учебные заведения, занимали и продолжают занимать ответственные должности в промышленности, сельском хозяйстве, медицине, научных и учебных заведениях. Уровень образования корейцев в Приморье был весьма высоким (табл. 53).

Таковы основные черты социально-демографического коллективного портрета корейского населения в крае до массового (но на индивидуальной основе) переселения в 90-е годы. Миграция корейцев из Средней Азии и Казахстана не только увеличила их численность в Приморье, но и вызвала новые явления на пути консолидации и этнической мобилизации. Она также превратилась в мощный катализатор внутривнутриполитической динамики корейской национальной общины. В частности, после распада СССР очень активно шел процесс формирования этнополитической элиты. В среде мигрантов формировались свои лидеры. В этом ряду можно назвать Т.А. Кима** — первого председателя Приморского фонда «Возрождение», В.С. Кима — председателя культурной автономии «Сучан», Ю.С. Кима, возглавлявшего крестьянское хозяйство в Платоновно-Александровске и являвшегося в 2000—2001 гг. заместителем председателя фонда «Возрождение» по идеологическим вопросам и связям с общественностью.

Более быстрому выделению лидеров среди корейского населения способствовали политическое внимание к истории и судьбе бывших советских корейцев, оформление новых правовых актов. В 1989 г. Верховный Совет СССР, исходя из соображений гуманности и справедливости, принял Декларацию, в которой заявил, что осуждает практику насильственного переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права. 29 апреля 1991 г. Верховным Советом РСФСР был принят закон «О реабилитации репрессированных народов». В ст. 6 этого закона говорится о возвращении родины, а ст. 4 запрещает всякую агитацию, препятствующую выполнению этого закона. 1 апреля 1993 г. было принято постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев». В 1994 г. в соответствии с законом РФ «О реабилитации

* На Сахалине до 1963—1964 гг. еще существовали корейские школы, корейское отделение при Поронайском педагогическом училище, национальный драматический театр и т. д.

** Т.А. Ким (1935 г. р.) — сын революционного партийного деятеля Дальневосточного края Кима Афанасия Арсеньевича, расстрелянного в 1938 г. Т.А. Ким после работы в фонде «Возрождение» вместе с корейскими переселенцами занялся сельским хозяйством в с. Кремово.

Таблица 52

Распределение приморских корейцев по владению родным языком и вторым языком в 1989 г. (чел., в %)

Число лиц данной национальности,						
	считающих родным языком			свободно владеющих вторым языком		не владеющих вторым языком
	язык своей национальности	русский	другие	русским	другими	
Всего в Приморском крае, в том числе:	2182	6245	27	1928	74	6452
городское население	1610	5067	23	1418	48	5234
сельское население	572	1178	4	510	26	1218
в %						
Российская Федерация: всего, в том числе:	36,5	63,1	0,4	31,8	1,6	66,6
городское население	35,5	64,2	0,3	30,9	1,5	67,6
сельское население	42,0	57,0	1,0	37,2	1,8	61,0
Всего в Приморском крае, в том числе:	25,8	73,9	0,3	22,8	0,9	76,3
городское население	24,0	75,6	0,4	21,2	0,7	78,1
сельское население	32,6	67,2	0,2	29,1	1,5	69,4

Таблица составлена на основе источника: Национальный состав РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 663—667.

Таблица 53

Уровень образования корейского населения в Приморье (по переписи 1989 г., чел.)

	Абсолютные данные	Высшее образование	Незаконченное высшее	Среднее специальное	Среднее общее	Неполное среднее	Начальное
ВСЕГО	6439	1064	206	1259	1837	1103	570
Мужчины	3228	570	95	616	960	583	259
Женщины	3211	494	111	643	877	520	311
Городское население	5109	930	179	1030	1478	830	385
Мужчины	2525	495	80	511	753	421	180
Женщины	2584	435	99	519	725	409	205
Сельское население	1330	134	27	229	359	273	185
Мужчины	703	75	15	105	207	162	79
Женщины	627	59	12	124	152	111	106
Относительные данные							
На 1000 чел. в возрасте 15 лет и старше приходится лиц с образованием							
	высшим	незаконченным высшим	средним специальным	средним общим	неполным средним	начальным	
Приморский край	165	32	196	285	171	89	
Мужчины	177	29	191	297	181	80	
Женщины	154	35	200	273	162	97	
Городское население	182	35	202	289	163	75	
Сельское население	101	20	172	270	205	139	

Источник: Текущий архив администрации Приморского края.

жертв политических репрессий» правительство приняло постановление «Основные положения о порядке возврата гражданам незаконно конфискованного, изъятого или вышедшего иным путем из владения в связи с политическими репрессиями имущества, возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации». На возвращенцев-корейцев тоже распространялся данный нормативный акт*.

Государственная внутренняя политика активно способствовала миграционным процессам, консолидации этнополитической корейской элиты. В Приморье началось бурное создание общественных и культурных организаций, которые объединяли мигрантов 1955—1990-х годов.

Одной из первых в 1989 г. была создана Ассоциация корейцев «Находка», которую возглавил К.М. Ким, приехавший в край в конце 50-х годов. Затем появилась Ассоциация «Сучан» в г. Партизанске, инициатором ее образования стал переселенец 90-х годов В.С. Ким³³.

* Хотя в предыдущих разделах речь уже шла об этих нормативных актах, но в контексте миграционной российской политики в данном разделе мы акцентируем внимание на роли этих политических документов в развитии диаспоральной ситуации в крае.

К 1993 г. почти во всех городах Приморского края были корейские общественные организации. В процессе переселения и при обустройстве на новом месте развивались родственные, земляческие взаимоотношения, крепла этническая солидарность корейского населения. Национальные лидеры интересов мигрантов старались вывести на политический уровень, отражая их в конкретных программах и проектах. Этническая мобилизация российских корейцев в 90-е годы на территории Приморья усиливалась не только идеями возрождения культуры, но и чувством утраченной когда-то родной земли. Почти 90 % респондентов в период социологических опросов 2000—2001 гг. среди мотивов выбора Приморья в качестве нового места жительства называли «возвращение на землю отцов и дедов» или «на родину своего рождения». Эти идеалы пытались отразить в программах не только этнополитические лидеры, но и некоторые российские политики. В частности, в федеральной программе, подготовленной под руководством А.А. Блохина, отмечена самобытность корейского менталитета, исходя из чего разработчики предложили идею строительства «пяти показательных корейских поселков»^{*34}. Позже (в 2001 г.) многие представители корейцев осознали все сложности и последствия создания компактных поселений и некоторые преимущества дисперсного расселения. Но в выше указанном документе проблема корейских переселенцев рассматривалась вне контекста межнациональных отношений в крае и с другими мигрантами, а также со старожилами. В беседах с Ю.С. Кимом не раз подчеркивалось, что самобытность и развитие культуры нельзя сводить только к созданию чисто корейских поселений, по его мнению, «это движение назад, а не вперед»³⁵. В.В. Ли, выступая на втором фестивале народов Приморья, подверг критике идею организованного массового переселения без учета возможностей приема переселенцев и создания территориальной автономии. «Кандидат исторических наук из Москвы**», которая, кстати, до этого ни разу ни была в Приморье, выдвинула идею создать в Хасанском районе автономию корейцев, куда бы переселились наши земляки», — подчеркнул он³⁶.

Выдвижение российскими корейцами необоснованных проектов массового возвращения в Приморье соотечественников из Казахстана и Средней Азии, депортированных во время сталинского режима, и создание на этой основе корейской территориальной автономии в Приморье было следствием тоталитарного прошлого, своеобразной реакцией как на исторические события, так и на обострение национальных отношений в указанных регионах в конце XX в.

Идеей массового переселения корейцев увлеклись и этнополитические лидеры в Приморье. Например, известен проект В.С. Кима***, президента Ассоциации корейцев «Сучан». Приехав из Узбекистана в 1989 г., он подготовил и направил в аппарат администрации Приморского края проект переселения из Средней Азии и Казахстана, согласно которому сюда должны были переселиться до 150 тыс. корейцев³⁷. Однако отношение к данному проекту со стороны других лидеров было неоднозначным. Позже председатель Совета национальной культурной автономии корейцев г. Владивостока В.В. Ли с определенной долей критики писал: «С завидным упорством он начал «пробивать» свою идею не только в Приморском крае, но и в Москве и за рубежом»³⁸.

Таким образом, развитие корейской диаспоры в Приморье сопровождалось возникновением разных взглядов на проблему переселения и расселения мигрантов. Однако в вопросах помощи переселенцам корейской диаспоры этнополитические лидеры проявляли общую озабоченность, выдвигая их в число первоочередных задач. В жизни корейской национальной общины, особенно той части, которая образовалась за счет мигрантов 90-х годов XX в., значительную роль сыграл фонд «Возрождение» (официальная дата его образования 8 октября 1993 г.). Созданию фонда способствовали корейские культурные центры и разрозненные ассоциации приморских корейцев. На первом этапе «Возрождению» пришлось заниматься организационными вопросами, в частности, решать некоторые задачи краевой Ассоциации, поскольку как таковой ее в Приморье не было. Фактически фонд «Возрождение» в 1993—1997 гг. был исполнительным органом корейских общественных объединений, ему удалось наладить издательство газеты «Вон-Дон» на русском и корейском языках****. Фонд имел офис в собственном здании в г. Уссурийске и стал справочной, консультативной, информационной и правозащитной организацией российских корейцев, как проживавших, так и приезжавших в Приморье. Активисты «Возрождения» много внимания уделяли развитию национальных культурных традиций. Было приобретено оборудование для проведения культурно-массовых мероприятий. В школах Уссурийска организовано преподавание на корейском языке, в здании фонда взрослые и дети получили возможность обучаться национальным танцам и музыке. В крае было создано 9 культурных центров. Они поддерживали сотрудничество с некоторыми спортивными организациями, чтобы иметь возможность заниматься национальным видом спорта — тэквандо.

Актив фонда «Возрождения» оказывал содействие и помощь в сборе и представлении документов для реабилитации корейцев, пострадавших от репрессий, в получении удостоверений, дающих право на льготы.

* В дальнейшем эту идею пытались реализовать через компактное поселение в бывших военных городках Приморья (но не всегда успешно) и при строительстве деревни «Дружба» за счет южнокорейского финансирования.

** В докладе В.В. Ли не указывается фамилия кандидата исторических наук.

*** В.С. Ким родился в 1927 г. До приезда в г. Партизанск работал в сельскохозяйственных и партийных органах Ферганской области Узбекской ССР, награжден двумя орденами трудового Красного знамени, тремя орденами «Знак почета».

**** «Вон Дон» — Дальний Восток 1994—1999 гг. орган «Возрождения», с 6 февраля 2001 г. — это независимая корейская газета в Приморье.

В период с 1993 г. по декабрь 2000 г. фонд возглавлял Т.А. Ким. На посту председателя фонда Т.А. Ким немало сделал по объединению усилий государственных, религиозных, коммерческих организаций, желавших внести свой вклад в развитие корейской культуры, а также оказал помощь прибывающим в Приморье беженцам. Финансовые трудности, возникшие в фонде, некоторые неудачи, связанные с воплощением идей компактных поселений на базе бывших военных городков, а также ряд субъективных моментов в оценке личности Т.А. Кима привели к перестановке кадров в аппарате фонда. Смена руководства не улучшила взаимоотношения с территориальными общинами. С декабря по 14 июля 2001 г. фонд возглавлял О.Я. Ни, как говорили корейцы, представитель «бизнеса». На июльском заседании совета краевого благотворительного фонда «Возрождение» многие члены и руководители территориальных поселений выразили ему недоверие. В результате фонд начал терять свой авторитет среди переселенцев: «Мы в общине не доверяем фонду...», — сказал Н. Ким из Кремово³⁹. Заседание совета 14 июля освободило О. Ни от должности заочно и председателем был избран Е.С. Кан. Так началась новая страница в истории этого фонда, очень много сделавшего для обустройства переселенцев.

Лидеры корейских общественных организаций часто выступали на страницах местной периодической печати, защищая идеи «Возрождения» в противоречивом потоке информации, особенно все, что было связано с проблемой компактности заселения, автономией и ориентацией на Республику Корея. Корейская диаспорная группа — одна из самых заметных по количеству общественных организаций и деловой активности. Корейские лидеры, возглавлявшие общественные организации, несмотря на некоторые разногласия и плюрализм мнений, оказались способными мобилизовать значительные массы только потому, что вызрели соответствующие предпосылки. И прежде всего этническое самосознание оказалось на высоком уровне. Это выразилось в стремлении многих корейцев изучать не только свой национальный язык, но и углубленно знать свою культуру. Приглашались учителя из Северной и Южной Кореи, издавалась газета «Вон Дон» на русском и корейском языках, создавались библиотеки. В период пика миграций корейцев в Приморье начало функционировать корейское отделение в Уссурийском государственном пединституте, а несколько позже были открыты корейские колледжи в ДВГУ и ДВГТУ. В 2001 г. 23-летний выпускник Уссурийского государственного педагогического института А. Ким получил приглашение продолжить обучение в престижном учебном заведении — Korea National Agricultural College (колледж находится под непосредственным патронажем президента страны)⁴⁰.

Однако, несмотря на огромное стремление мигрантов возродить родной язык и культурные традиции, в рамках исследуемого периода были сделаны лишь первые шаги. Для осуществления таких культурных задач необходим более длительный исторический срок. Социологические исследования 2001 г.* определили самооценку корейцев-мигрантов на уровне сохранения отдельных элементов национальной духовной культуры. Например, только 28 % респондентов ответили, что они сохранили свой родной язык полностью (по переписи 1989 г. 25,4 % приморских корейцев считали своим родным языком корейский). Очень сложно описать религиозные предпочтения корейцев-переселенцев конца XX в. Почти 30 % респондентов затруднились ответить на вопрос «сохранились ли у них традиционные религиозные представления». 17 % считают, что в семьях «они исчезли совсем», 34,7 % — «сохранились на уровне отдельных элементов», лишь 17,4 % указали на «значительную степень» сохранения этих элементов.

Процент корейцев, принимающих участие в деятельности национально-культурных центров, достаточно высок. Так, 32 % респондентов при социологическом опросе 2000 г. ответили, что они всегда или иногда принимают участие в деятельности общественных и культурных национальных центров. По мнению Г. Ли, из 2 тыс. проживающих во Владивостоке корейцев 700 чел., или 1/3, принимают активное участие в деятельности своей диаспоры. Из традиционных национальных праздников приморские корейцы отмечают Новый год по лунному календарю и День освобождения своей родины, в семье отмечают дни рождения и справляют свадьбы по корейским традициям.

В какой же степени соблюдаются национальные традиции при заключении брака? 13 % респондентов ответили, что в их семьях свадебные обряды сохранились полностью, 17 % считают, что исчезли совсем, 4 % — затруднились ответить, остальные считают, что они сохранились либо в значительной степени, либо на уровне отдельных элементов. Народные праздники сохранились полностью в 13 % семей респондентов, 39,1 % — в значительной степени, у 43,5 % — на уровне отдельных элементов и только в 4,3 % семей они не празднуются. В целом 81 % респондентов-корейцев ответили, что проявляют интерес к различным сферам своей культуры.⁴¹

Корейская диаспорная группа в Приморье 90-х годов во внутренней жизни не являлась каким-то единым организмом. Ее можно условно разделить на три части: первая — корейцы-беженцы и вынужденные переселенцы, которые консолидировались вокруг «Возрождения». Они обосновались в с. Орехово Дальнереченского района, в с. Раздольном Надеждинского района, в с. Новонежино Шкотовского района, в с. Платоново-Александровском Ханкайского района, в с. Поповке Хорольского района. Фонд «Возрождение» для многих уссурийцев стал объединяющим центром. Часть корейцев осела в других районах, например, в Спасске-Дальнем, с. Чкаловском Спасского района, Артеме, Партизанске, Находке, Владивостоке. Они консолидировались вокруг соответствующих национально-культурных центров. Во Владивостоке жизнь корейцев концентрировалась в рам-

* Анкета «Национально-культурное возрождение в Приморье». Промежуточный отчет. ЦИСИП ИИАЭ ДВО РАН.

ках культурной автономии города. Общественную организацию возглавил корейский общественный лидер В.В. Ли*.

Третья часть корейской национальной общины — это люди, приехавшие в край в 1955—1980-е годы, уже адаптировавшиеся и социально обустроенные, поддерживающие в основном родственные и земляческие отношения, в меньшей степени ориентированные на общественные организации. Они живут по всей территории Приморья.

Сложилась и некоторая внутритерриториальная специфика по сферам деятельности и занятости. Учитывая, что корейцы были заняты преимущественно в сельском хозяйстве, торговле и бизнесе, можно выделить внутреннюю специфику. Например, уссурийские корейцы сотрудничали большей частью с китайскими предпринимателями (в основном ввоз китайской продукции). Они занимались сельскохозяйственным производством, а также привлекали рабочую силу из Китая в строительство и сельскохозяйственное производство. В Уссурийском районе есть корейские предприниматели, которые использовали китайских «гастарбайтеров»⁴².

Владивостокские корейцы специализировались на ввозе корейских автомобилей и стройматериалов. Корейцы помогали друг другу налаживать деловые связи внутри диаспоры, не отказываясь от общения в бизнесе с представителями иных национальностей. В.В. Ли говорит: «Бизнес интернационален, поэтому дискриминация по национальному признаку — непозволительная роскошь. Более того, в цивилизованном мире в первую очередь учитывались деловые качества человека, а уже потом смотрят на его надежность. При этом на любом предприятии, организованном корейцами, больше половины работающих — представители других национальностей»⁴³.

Приморские корейцы в 90-е годы поддерживали связи с Северной Кореей, но больше — с Республикой Корея, которая регулярно организовывала визиты корейских бизнесменов и общественных деятелей, возлагая надежду на их спонсорскую помощь в хозяйственном обустройстве мигрантов.

В условиях формирования рыночных отношений фонд «Возрождение» занялся организацией производственной деятельности мигрантов, которая способствовала их адаптации. Лидеры этого фонда не только вели диалог с краевыми органами власти, добивались реализации законов, касающихся мигрантов, но и укрепляли связи с зарубежными фондами и фирмами в целях расширения гуманитарной помощи беженцам, вынужденным переселенцам и другим мигрантам. В 1998—1999 гг. «Возрождение» сотрудничал с фирмой «Кохап» из Республики Корея, ее руководитель Чанг Чи Хек являлся председателем ассоциации по экономическому сотрудничеству между Сибирью, российским Дальним Востоком и Республикой Корея. Большая гуманитарная помощь корейским мигрантам была оказана религиозной организацией «Вон Пульге». Фонд «Возрождение» с 15 июня 1998 г. по 3 августа 1999 г. получил на строительство и ремонт общинно-компактных поселений и на развитие сельского хозяйства в таких типах поселения 280 тыс. дол., или 5 438 600 руб.⁴⁴. Существовали тесные контакты между приморскими корейцами и фирмой «Ханонг». В 2000—2001 гг. работал российский центр фирмы «Ханонг»**. В 2000 г. через эту организацию фонду «Возрождение» было передано 100 тыс. дол.⁴⁵, что позволило переселенцам подготовиться к сельскохозяйственным работам.

В Уссурийске действует отделение «Ури миндок соро топки» (Движение по оказанию помощи зарубежным соотечественникам)***. Представителем движения в изучаемый период являлся Ким Сын Рек. Деятельность этого движения охватывает многие районы Приморья. Работа проводится среди переселенцев и студенческой молодежи. Движение выделяет финансовые средства в первую очередь переселенцам из Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и других государств Центральной Азии. Например, во Владивостоке ежемесячно выдавалось по 1000 руб., селянам — по 500 руб. В 2000 г. субсидии получали 160 семей переселенцев****. По истечении года состав получавших такую субсидию менялся. Это движение оказывало помощь и в других формах.

Финансовую поддержку корейские мигранты получали и через движение «СЭМАОЛЬ» (Новая деревня). Огромное внимание переселенцам уделяли корейские религиозные конфессии и корейские миссионеры. В 1991 г. в Находку, Уссурийск и Артем приехали первые пять корейских миссионеров, во Владивостоке «работа по евангелизации» началась в 1992 г. В 2000 г. в Приморье находилось около 30 корейских миссионеров. Во многих районах работали пресвитерианские церкви. Миссионерам помогали переводчики — в основном российские корейцы.

Церкви Кореи оказывали значительную гуманитарную помощь, что способствовало увеличению числа прихожан. В с. Кремово и с. Раздольное каждую неделю приезжал пастор. Многие мигранты, которые раньше считали себя атеистами, в новых условиях стали религиозными. Проведенный анализ истории корейской национальной общины в Приморье показывает, что в конце XX в. она более чем на 90 % сформировалась из мигрантов 90-х годов. В то же время «старожилы» принимали активное участие в жизни культурных и общественных организаций, хотя известны случаи пассивного поведения некоторых активистов после определенного периода бурной общественной деятельности.

* В.В. Ли 1953 г. р., уроженец Тулы. В 1956 г. его родители переехали в Приморский край. С 1978 г. живет во Владивостоке, имеет два высших образования, пишет стихи, с 1990 г. активно занимается общественной работой.

** Директор центра — И Чжун Сик.

*** Штаб-квартира находится в Сеуле (возглавляет профессор Ли Гуан), отделы — в Северной Корее, в Китае (Яньбяне) и России (Уссурийске).

**** Среди лидеров корейской национальной общины эта акция получила неоднозначную оценку. Некоторые считали, что такой вид помощи рождает иждивенческие настроения, лучше бы эти средства направить на создание новых рабочих мест и для укрепления производственной базы крестьянских хозяйств.

Корейская диаспорная группа была крайне неоднородной, поскольку формировалась из мигрантов разных периодов и с разным организационно-правовым статусом. Корейская этнополитическая элита складывалась в 90-е годы, в том числе из иммигрантов, и вела огромную деятельность по консолидации общин. Это был шанс и способ выживания в период разрушения советской модели социальной организации и перехода к новой, которая предполагала иные ценности. В жизни корейской диаспоры в конце XX в. одновременно наблюдались две тенденции: некоторые элементы пассивной самоизоляции и стремление к общению с русскими и коренным населением других национальностей. Корейцы-мигранты, объединяясь в общественные организации, старались выжить, устанавливая тесные отношения как со старожилами, так и этническими согражданами из Кореи. Они пытались адекватно осмыслить феномен этнокультурной политической и экономической региональной среды, который существовал в соответствии со сложившимися социально-экономическими реалиями в Приморье. Такие ориентиры свидетельствовали о том, что недалеко то время, когда завершится период «социально-экономического» шока для большинства мигрантов. К 2000 г. многие корейцы-мигранты стремились объективно оценить этнокультурные традиции Приморья, сравнивая их со своими национальными традициями. К 2000 г. увеличилось число контактов с коренным русским населением, но одновременно развивались и национальные традиции.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБЩИНА

Изучение истории азербайджанской национальной общины в контексте миграционных процессов 90-х годов велось на базе в основном трех видов источников: результатов социологических опросов ЦИСИП в 2000—2001 гг., биографических данных, введенных в научный оборот редактором газеты «Азербайджан» М. Ахмедовым⁴⁶ и интервью с лидерами этой национальной общины. Вторичная обработка биографических данных, сравнение их с итогами социологических опросов и анализ материалов интервью позволили прояснить различные аспекты формирования азербайджанской национальной общины (диаспорной группы) в Приморье.

Азербайджанская диаспорная группа сформировалась из нескольких временных потоков и является более «молодой» по сравнению, например, с корейской. До 90-х годов формирование данной этнической группы проходило за счет демобилизованных после прохождения воинской службы и приехавших на учебу. До 1991 г. азербайджанцев в Приморье было крайне мало — в переписи 1989 г. они не выделялись отдельной строкой. По нашим подсчетам, до 1991 г. в крае проживало приблизительно 1200—1600 азербайджанцев. В обыденном сознании приморцев азербайджанцы иногда отождествлялись с армянами или грузинами. 59—61 % мигрантов азербайджанской диаспоры приехали в край в 90-е годы.

Большинство тех, кто остался после службы в армии, женились на местных девушках или перевезли жен из Азербайджана. В семьях азербайджанцев в основном по двое-трое детей⁴⁷. Многие из приехавших в последние годы существования СССР получили образование в вузах Дальнего Востока и благополучно продвинулись по службе. Среди старожилов известен Тофик Нифталы-оглы Кулиев, в 90-е годы подполковник ГИБДД Приморского края*. Большую роль в консолидации азербайджанской национальной общины сыграл и Али Мирза-оглы Ибадов**. В 1981 г. приехал в Приморье по призыву в армию Эльчин Афростяб-оглы Ширинов, уроженец города Худата Азербайджанской ССР***.

Гамид Ширин-оглы Ширинов**** был одним из инициаторов создания общественной организации «Приморская азербайджанская диаспора «Азербайджан». Тельман Халил-оглы Бедиев***** прибыл во Владивосток после службы в армии. Расим Музаффар-оглы Казымов служил в гарнизоне Малая Веденка Дальнереченского района*****.

* Родился 21 дек. 1956 г. в с. Пашалар Агдамского района Азербайджанской ССР (ныне оккупирован армянскими вооруженными формированиями). После окончания средней школы был призван в ряды советской армии. Службу проходил в Ханкайском районе Приморья с 1975 по 1977 г. После демобилизации стал работать инспектором дорожного надзора Приморского краевого ГАИ, куда требовались молодые, энергичные сотрудники. Тофик Нифталы-оглы прошел все этапы военной карьеры: старший инспектор дорожного надзора, командир взвода, старший инспектор роты ДПС, заместитель командира батальона, в настоящее время — заместитель командира полка по технической части краевой ГИБДД. Закончил юридический факультет ДВГУ, награжден медалями III, II, I степеней участника Олимпийских Игр 1980 г. в Москве. Женат, имеет троих детей. (Азербайджанлы М.А. Миграция азербайджанцев... С. 192).

** Родился 8 дек. 1963 г. в с. Арчивань Астаринского района Азербайджанской ССР. После окончания средней школы в 1981 г. был призван на Черноморский флот, а позже переведен на Тихоокеанский флот для службы в специальных подразделениях. С 1984 по 1998 г. учился на историческом факультете ДВГУ, в 1993 г. получил второе высшее образование, закончив юридический факультет. Во время учебы на вечерних факультетах работал на заводе «Варяг» — сначала рабочим, а позже освобожденным секретарем комсомольской организации завода. Имеет правительственные награды. В 1999—2001 гг. — юрист, специалист по арбитражным делам.

*** После службы в армии с 1983 г. работал в море, в 1985 г. поступил во Владивостокский государственный медицинский институт. С 1994 г. трудился в больницах краевого центра, станции скорой медицинской помощи городской клинической больницы № 2 врачом-реаниматологом и анестезиологом. Некоторое время возглавлял правление общественной организации «Приморская азербайджанская диаспора «Азербайджан». Женат, воспитывает дочь. (Азербайджанлы М.А. Миграция азербайджанцев... С. 194—195.)

**** Гамид Ширин-оглы Ширинов родился 20 янв. 1962 г. в с. Каримбеили Физулинского района Азербайджанской ССР. В Приморье оказался после службы в армии, демобилизовавшись, но уезжать в родное село не захотел: нашлась хорошая работа докера во Владивостокском морском рыбном порту, появились новые друзья. В 90-е годы стал предпринимателем, одновременно учился на юридическом факультете ДВГУ.

***** См.: Азербайджанлы М.А. (Ахмедов). Миграция азербайджанцев на Дальний Восток России и проблемы их адаптации // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 195.

***** Там же.

Некоторые азербайджанцы приехали в Приморье всей семьей, а кто-то своих близких привез лишь после того, как нашел постоянную работу или начал свое дело. Например, Азиз Адил-оглы Газиев, обустроившись во Владивостоке, вызвал к себе родных братьев — вынужденных переселенцев из оккупированного армянскими войсками Физулинского района Азербайджана. При поддержке Азиза двое из них получили здесь высшее образование, создали семьи и стали материально помогать родителям, также вынужденным переселенцам, найдшимся в Азербайджане и жившим в общежитии, куда отсылали людей из районов военных действий.

Азербайджанскую диаспорную группу в Приморье образовали мигранты в основном 80—90-х годов. Как и представители других этнических групп, их лидеры понимали необходимость организационного объединения в условиях социально-экономического кризиса,

Формальное объединение азербайджанцев, проживавших в крае, в частности во Владивостоке, началось в 1988 г. Толчком к консолидации уроженцев бывшей Азербайджанской республики, независимо от их национальности, послужили события вокруг Нагорного Карабаха. Ими двигало искреннее желание помочь жителям Азербайджанской ССР, оказавшихся в тяжелом положении. Собирали и отправляли беженцам теплые вещи, медикаменты, палатки, продукты питания. В дальнейшем выходцы из Азербайджана, обосновавшиеся в Приморье, также проводили подобные мероприятия, но уже не в таком масштабе, так как на это требовались немалые средства, которые поступали от частных лиц и отдельных групп азербайджанской диаспоры.

Акции народной дипломатии азербайджанцев и оказание гуманитарной помощи своим землякам, в том числе и «новоселам», сыграли ведущую роль при создании в Приморском крае общественной организации «Азербайджан». Главная задача организации, зафиксированная в Уставе, — объединение всех уроженцев Республики Азербайджан, независимо от их этничности, создание условий для самореализации, установление историко-культурных связей с Республикой Азербайджан, участие в социальной и культурной жизни Приморья. Создание подобной организации позволило более предметно ознакомить общественность края с историей, культурными и национальными традициями Азербайджана, теснее сотрудничать с другими организациями, чтобы иметь возможность представлять интересы азербайджанцев, живущих здесь, в общественных органах Российской Федерации, в странах СНГ и дальнего зарубежья. Например, ведется подготовка к вхождению в Ассоциацию народов России. Организация намеревается стать связующим звеном между посольством Азербайджанской Республики в Российской Федерации и официальными органами Приморского края, разработать мероприятия по созданию условий для открытия представительства Республики Азербайджан во Владивостоке.

Социологические опросы 2000 и 2001 гг., проведенные среди мигрантов, приехавших в конце 80-х — начале 90-х годов, и анализ биографий показывают, что азербайджанцы стремились получить высшее образование. Радикальные экономические реформы создали условия для развития «предпринимательского духа» среди азербайджанцев. Если раньше, в советский период, они предпочитали обосновываться в центральных городах страны, то в 90-е годы стали селиться в самых отдаленных регионах России. Из их числа формировался в основном предпринимательский слой азербайджанской национальной общины в Приморье. В 2000 г. до 37 % мигрантов были заняты в торговле и сфере услуг, 50 % работали в новых экономических структурах. Так, в крае известен предприниматель, позднее генеральный директор компании «БРОК-Ко» Фуад Исмаил Кафаров*. Многие азербайджанцы трудились в разных отраслях промышленности, на рыбодобывающем флоте или в морских портах Владивостока и Находки, занимались строительством. Респонденты работали на различных должностях — от матроса до капитана дальнего плавания**, от простого строителя до руководителя строительного управления.

Предприниматели азербайджанской диаспоры играли заметную роль в экономике Приморского края и, в частности, г. Владивостока, Усурийска, Находки. В рассматриваемый период создана сеть предприятий в мебельном и сельскохозяйственном производстве, судоходстве, пищевой и торговой отраслях, по транспортным перевозкам и бытовым услугам. В итоге, работой было обеспечено 18 тыс. чел. (г. Владивосток).

Несмотря на то, что среди приморских азербайджанцев был невысок процент людей с высшим образованием, благодаря объединению усилий интеллигенции и предпринимателей произошло важное событие в их жизни. 14 июля 1999 г. была официально оформлена штаб-квартира Приморской краевой организации «Азербайджан». Идейными вдохновителями создания общества стали Курбан Исмаилов, Али Ибадов, Асейдул Асадулла-

* Фуад Исмаил-оглы Кафаров родился 24 нояб. 1967 г. в г. Баку. После окончания школы поступил в Киевский высший военно-морской политический институт, который окончил в 1988 г. Затем по распределению был направлен во Владивосток. Службу проходил в одной из воинских частей: был командиром роты. В 1992 г. старший лейтенант Ф. Кафаров подал рапорт об увольнении из состава ВМФ, и вскоре занялся предпринимательством. В 1999—2000 гг. — генеральный директор компании «БРОК-Ко», занимавшейся операциями с ценными бумагами. Является членом правления общественной организации «Приморская азербайджанская диаспора «Азербайджан». Женат, в семье двое детей.

** Магомед Саидахмед-оглы Курбанов родился 10 марта 1951 г. в г. Дивичи Азербайджанской ССР. В 1967 г. закончил школу и поступил в Бакинское мореходное училище им. Гафура Мамедова. Очень хотел попасть на Дальний Восток, поэтому при распределении в 1971 г. выбрал Дальневосточное морское пароходство. За 28 лет прошел путь от матроса до капитана дальнего плавания. Работал на судах, обеспечивавших доставку груза во Вьетнам, Индию, на Кубу и другие страны, в дальневосточной государственной морской академии им. Г.И. Невельского, работал в Индии, на Кубе, в Европе. В 1989 г. был капитаном парохода «Полина Осипенко», в 2000 — судна «Бикин». М. Курбанову присвоено звание «Ветеран Дальневосточного морского пароходства», он награжден орденом отваги второй степени, которым удостоило его правительство Демократической Республики Вьетнам. М. Курбанов — почетный гражданин г. Хайфона.

ев, Сабир Салимов, Ильгар Мамедов, Эльдар Насибов, Кифун Кифаят Ханум, Рамиз Зейналов, Мубариз Ахмедов и др. Главой общества был избран Ширинху Эльчин Афросияб оглы (Э. Ширинов)*.

Одним из направлений деятельности общества была организация помощи мигрантам, которые особенно нуждались в правовой консультации при оформлении документов. Отличительная черта азербайджанской общины — стремление участвовать в управлении миграционными потоками через создание разветвленной сети первичных организаций и привлечение в них новопривывших. Другой чертой азербайджанской национальной общины было участие в гуманитарных акциях. Наличие значительной предпринимательской прослойки позволяло проводить подобные мероприятия. Среди конкретных дел азербайджанской диаспоры в Приморье — отправка необходимых вещей пострадавшим от землетрясения в городах Спитаке и Ленинакане Армянской ССР, Нефтегорске на Сахалине, населению Чечни. Помогали продуктами, медикаментами, теплыми вещами, сдавали кровь для раненых⁴⁸. В дальнейшем подобные гуманитарные акции проводились совместно с администрацией Приморского края и другими национальными общественными образованиями. Примером служит отправка грузов в Республику Дагестан в конце 1999 г. Общественная организация «Азербайджан» принимала активное участие в фестивале Дней дружбы народов, проживавших в крае, в последующие годы ставшем традиционным.

В составе диаспоры есть немало людей, которые в силу национальных традиций (почтение к родителям и т. д.), а также понимания необходимости тесных контактов с местным населением, помогали пожилым людям, ветеранам, детским домам, школам-интернатам по собственной инициативе. Общественная организация «Азербайджан» поддерживала инициативы и других национальных общественных организаций. В 1999—2000 гг. «Азербайджан» осуществляла по мере возможности бесплатные юридические консультации приморцам и помогала в трудоустройстве выходцам из Азербайджана. В составе организации — профессионально подготовленные в своей области специалисты: юристы, адвокаты, врачи, военнослужащие, моряки, работники правоохранительных органов, предприниматели.

В планах общественной организации «Азербайджан» — активно участвовать в социальной, экономической и политической жизни края, способствовать проведению Дней национальной культуры, установлению экономических, культурных связей между двумя городами — Баку и Владивостоком, открытию школы по изучению национального языка и истории, совместно с администрацией г. Владивостока создать парк зеленой зоны.

В 90-е годы идея строительства мечети для проведения религиозных ритуалов и обрядов стала объединяющей для азербайджанцев Приморья. Во Владивостоке было арендовано помещение, одновременно начались переговоры с представителями мэрии по вопросу получения земли для возведения мечети.

В национальной общине более 700 активистов. Среди них Мубариз Атахан-оглы Азербайджанлы (Ахмедов)**. Он стал инициатором создания и редактором независимой общественно-политической и просветительской газеты «Азербайджан», которая с мая 1999 г. выходит во Владивостоке. Газета знакомит читателей с политическими, экономическими и культурными событиями, происходящими в Азербайджане, с деятельностью азербайджанской диаспоры в Приморье. М. Ахмедов огромное внимание уделяет культурно-просветительской работе среди мигрантов-азербайджанцев.

Разные жизненные обстоятельства привели азербайджанцев в дальний край. Не все просто складывалось на новом месте. Многие стали старожилками, получили образование, добились успеха. Этому способствовало и то, что приморский социум их принял, свою роль сыграла и толерантность подавляющей части населения. Однако в процессе обустройства иногда проявлялись негативные эмоции по отношению к азербайджанцам на бытовом уровне, особенно на рынках.

Таблица 54

**Сохранение элементов традиционной культуры у азербайджанцев-иммигрантов в Приморье
(в % ко всем респондентам)**

Элементы национальной культуры	Сохранились полностью	Сохранились в значительной степени	Сохранились отдельные элементы	Исчезли совсем	Затруднились с ответом
Язык	53,7	43,3	0	0	0
Религиозные представления	10	34	53,6	0	2,4
Свадебные обряды	7,3	31,7	51	0	7,3
Родильные обряды	12,2	19,5	63,6	0	4,88
Народные праздники	14,6	36,6	31,7	12,2	4,9

Источник: Промежуточный отчет по результатам социологического опроса по анкете «Национально-культурное возрождение». ЦИСИП ИИАЭ ДВО РАН.

* Позже произошла смена председателя, им стал Али Ибадов (2000—2001 гг.).

** Мубариз Атахан-оглы Азербайджанлы (Ахмедов) родился в с. Мусалы Саатлинского района Азербайджанской ССР 12 июня 1969 г. Закончил Али-Байрамлинский индустриальный техникум. В 1988 г. служил на Тихоокеанском флоте. После демобилизации поступил на заочный факультет журналистики ДВГУ, в 1998 г. на «отлично» защитил диплом. Во время учебы сотрудничал с газетой «Авангард» (Дальзавод). В настоящее время издает газету «Азербайджан».

В целом итоги социологического опроса позволили сделать вывод, что в Приморье уровень комфортности проживания азербайджанцев был достаточно высок. Среди респондентов-азербайджанцев доля тех, кто отметил дружелюбное к ним отношение, была велика, на второе место поставили ответ о «безразличном», по их мнению, отношении и на последнем — «недружелюбно» или «враждебно».

Формирование рыночных отношений в 90-е годы способствовало интеграции азербайджанцев в экономическую жизнь Приморья. 61 % респондентов при проведении социологического опроса ответили, что у них нет желания в ближайшие годы покинуть Приморский край. Данная цифра хорошо коррелируется с предыдущим ответом. «Эти факторы позволили выходцам из «страны огней» адаптироваться на берегах Тихого океана, Приморье стало для них второй родиной», — так оценивал общую ситуацию М. Ахмедов⁴⁹.

Если в социально-экономическом плане среди азербайджанцев наблюдалась тенденция развития интеграционной модели адаптации, то в культурном плане черты такой модели невозможно проследить за столь короткий период. Проявлялось стремление мигрантов выучить язык и получить высшее образование по российским стандартам, а также овладеть престижными профессиями, что характерно для всех этнических групп, населявших Приморье на рубеже XX — XXI вв. Однако в силу того, что большая часть азербайджанской национальной общины были мигрантами 80—90-х годов, ее представители в значительной степени сохранили элементы традиционной духовной культуры (табл. 54).

Нужно отметить, что азербайджанцы отличаются высокой долей сохранения родного языка и религиозных воззрений, особенно по сравнению с корейскими мигрантами.

* * *

Изучая взаимосвязи между формированием национальных общин и миграциями, авторы выявили наличие некоторых общих и особенных черт для национальных общин. Наиболее открытыми для общения с учеными оказались лидеры и члены украинской, корейской, азербайджанской диаспор*. Для корейской и азербайджанской диаспор характерно стремление не только помочь своим этническим переселенцам, но и участвовать в общественно-политической и культурной жизни края.

В высшей степени закрытой оказалась деятельность (в том числе и экономическая) чеченских и армянских мигрантов. Об армянской национальной общине можно рассказать очень немного. Точная численность армян в Приморском крае также неизвестна, она колеблется от 18 до 21 тыс. чел. Первоначальное организационное объединение армян началось на экономической основе, во второй половине 90-х годов их консолидация усилилась в связи с появившейся возможностью построить армяно-григорианскую церковь (на фундаменте когда-то разрушенной). Попытка выпускать свою газету лидерами армянской диаспоры оказалась неудачной, в свет вышел всего один номер. Большую организаторскую работу проводили в 90-е годы Т.Т. Бабакехян (проживает в Приморье 34 года) и А.Г. Васканин.

Чеченская национальная община в условиях проведения антитеррористических операций федеральным центром в Чеченской Республике предпочитала не говорить о своих проблемах.

Предпринимательская деятельность корейцев, азербайджанцев, армян, чеченцев в изучаемый период постоянно находилась на грани легальности, как и большая часть частнопредпринимательской деятельности вообще в России. Таким образом, эти проявления нельзя отнести к чисто этническим признакам. Среди азербайджанских, корейских, армянских мигрантов были люди, которые проживали в крае на «птичьих правах» как по собственной вине, так и в силу несовершенства миграционного законодательства. Национальные общественные организации стремились помочь таким гражданам, но порой и дистанцироваться, если их земляки явно нарушали закон.

Миграционные потоки в период радикально-либеральных реформ в Приморье не только способствовали легальной экономической адаптации и расширению национально-культурных центров, но и принесли с собой новое явление — организованные преступные формирования, объединенные по этническому признаку. Однако следует отметить, что эти формирования объединяли незначительную часть мигрантов от числа зарегистрированных.

Формы проявления преступной деятельности этнических формирований отличались от деятельности неэтнических прежде всего своей направленностью. В «чеченское сообщество» вошли представители чеченской диаспоры численностью свыше 120 чел. Его возглавил Хатуев (Аслан), проживавший в Находке. Хатуев контролировал два коммерческих банка и ряд крупных коммерческих предприятий. Основные формы преступлений — вымогательство и мошенничество в банковской системе.

«Азербайджанское сообщество» на Дальнем Востоке в 1994—1995 гг. состояло из 21 организованной преступной группы, объединявшей около 200 активных членов (более половины находились в Хабаровском крае). Основным направлением преступной деятельности был незаконный оборот спиртного, экспорт цветных металлов и промышленного золота, продажа наркотиков. В «корейское преступное сообщество» входило меньшее количество преступных групп, но с большим числом членов в них. Из 14 организованных групп по одной нахо-

* Поскольку мигрантов белорусов в 90-е годы практически не было, эта диаспорная группа не изучалась.

дилось в Приморье, Сахалинской области, 4 — в Хабаровском крае, 8 — на Камчатке⁵⁰. Следует отметить, что в Приморье и на Сахалине у корейцев очень сильны культурные традиции, и здесь сложилась мощная корейская диаспора, которая была сдерживающим фактором распространения организованной преступности.

Таким образом, этническая миграция 90-х годов способствовала складыванию на территории Приморья внутренне глубоко неоднородных национальных сообществ, для которых были присущи многие черты переходного периода, характерные и для России в целом. Миграция влияла не только на этническую мобилизацию, но и на культурное возрождение, социальную, профессиональную стратификацию внутри этнических сообществ. Общественные организационные структуры стремились реализовывать не только этнические ценности, нормы быта, но и представлять интересы диаспорных групп на политическом уровне в регионе. Миграционная среда выдвинула своих национальных лидеров, однако среди них наблюдалось соперничество, борьба за лидерство, явления вполне закономерные для любых объединений.

- ¹ Зайончковская Ж.А. Миграции населения России как зеркало социально-экономических перемен // Куда идет Россия? Альтернатива общественного развития. М., 1998. С. 41—53; Миграция и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., 1996. С. 12—18.
- ² См. Арутюнов М.Г. Вынужденная миграция и права человека // Права человека. Беженцы, вынужденные переселенцы, соотечественники за рубежом. Информационный бюллетень. 1998. № 1. С. 11; Зайончковская Ж. Миграция населения России... С. 41—53; Хелтон А. Правовое регулирование вынужденных перемещений в бывшем Советском Союзе: предложения по исследованию // Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999. С. 7—8; Мукомель В.И. Правовые основы и практика регулирования миграций в субъектах Федерации // Миграция. 1997. № 3. С. 15—25; Филиппова Е. Правовое положение мигрантов в городах России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М., 1999. С. 187—198; Болтянский Л.И., Пушкарев С.Г., Рожанская Г.А. Управление миграционными процессами...
- ³ Рассчитано по данным на 1998 г.
- ⁴ Паспорт миграционной программы Приморского края на 1999—2000 гг. С. 9. Текущий архив ФМС Приморского края; Приморский край в 1999 году. Стат. ежегодник. Владивосток, 2000. С. 37.
- ⁵ Социальное развитие Приморского края в сравнении с соседними регионами России. Владивосток: Приморский комитет государственной статистики, 1995. С. 11.
- ⁶ Болтянский Л.И., Пушкарев С.Г., Рожанская Т.А. Управление миграционными процессами... С. 39.
- ⁷ Рожанская Т.А. Организация вынужденной миграции в Приморском крае. С. 205.
- ⁸ См.: Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные богом (конфликт, интеграция в странах арабского Востока и тропической Африки). М., 1996. С. 208—209.
- ⁹ Вон Дон. 1994. № 5; 1995. № 2.
- ¹⁰ Там же. № 3.
- ¹¹ Там же. 1999. № 9 —10.
- ¹² Там же. 1994. № 5 (13); 1995. № 2 (13).
- ¹³ Ариран (Газета федеральной национально-культурной автономии российских корейцев). Москва., 2001. № 1. С. 6.
- ¹⁴ Витковская Г. Вынужденные мигранты из новых независимых государств на российском рынке труда // Миграция и рынки труда в постсоветской России. М., 1998. Вып. 25. С. 40.
- ¹⁵ Отчеты по миграции 1994—1997 гг. Текущий архив администрации г. Арсеньева.
- ¹⁶ Многонациональное Приморье: История и современность. Владивосток, 1999. С. 40, 46, 63, 69, 71; Первый Приморский форум «Межконфессиональное и межнациональное развитие: Опыт. Сотрудничество. Проблемы. Перспективы». Владивосток, 2000. С. 9, 10, 95, 96.
- ¹⁷ См. подробно: Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 393—441.
- ¹⁸ Там же. С. 418.
- ¹⁹ Российская газета. 1996. 18 июня.
- ²⁰ Ващук А.С. Национальные отношения и проблемы этнических миграций в Приморье (90-е годы XX в.) // Вестник ДВО РАН. Владивосток. 2000. С. 24; Обращение Т.А. Кима к президенту РФ Ельцину Б.Н. (10 мая 1995 г.), к представителю президента РФ в Приморском крае В.А. Игнатенко (10 мая 1995 г.); Обращение Т.А. Кима к председателю правления Славянского благотворительного фонда им. Святого благоверного князя Александра Невского Шурову В.А. от 3.07.95. Банк данных Центра изучения социальной истории и политики ИИАЭ ДВО РАН и др.
- ²¹ Национальный состав РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 146.
- ²² Сакутин В.А., Есенина И.В., Незбай И.В., Квитка С.А. Итоговый отчет по социологическому исследованию. Владивосток, 1992. С. 24. (Архив ЦИСИП ИИАЭ ДВО РАН).
- ²³ Итоговый отчет по социологическому исследованию «Украинская диаспора Приморья». Владивосток, 1992. (Архив ЦИСИП ИИАЭ ДВО РАН).
- ²⁴ Сакутин В.А., Есенина И.В., Незбай И.В., Квитка С.А. Итоговый отчет... С. 17.
- ²⁵ Там же. С. 16—17.
- ²⁶ Там же. С. 21.
- ²⁷ Черномаз В. Украинскому обществу во Владивостоке — 10 лет. Рукопись, предоставленная Центру изучения социальной истории и политики Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН заместителем председателя украинской национально-культурной автономии г. Владивостока В. Черномазом. Авторский коллектив выражает ему глубокую признательность и благодарность за ценные исторические сведения.
- ²⁸ Черномаз В. Национально-культурное развитие украинского населения Дальнего Востока в начале XX в. // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX в. Владивосток, 1999. С. 32—33.
- ²⁹ Черномаз В. Украинскому обществу во Владивостоке — 10 лет. (Рукопись).
- ³⁰ Отчетный доклад председателя национально-культурной автономии корейцев «Сучан» г. Партизанска В.С. Кима. Текущий архив администрации г. Партизанска; интервью с Т.А. Кимом. Уссурийск, 1 авг. 2002.
- ³¹ Кузин А. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1993. С. 261—264.
- ³² Группировка однонациональных корейских семей по размерам. Банк данных Центра изучения социальной истории и политики ИИАЭ ДВО РАН.

- ³³ Делопроизводство отдела по связям с общественностью. Текущий архив администрации г. Партизанска.
- ³⁴ Заключение к федеральной целевой программе «Национально-культурного возрождения российских корейцев». Текущий архив администрации Приморского края.
- ³⁵ Интервью с Ю.С. Кимом. Уссурийск. 5 авг. 2001. Личный архив автора. Дневник № 2.
- ³⁶ Ли В.В. Корейский национальный вопрос в Приморье в 90-е годы // Первый Приморский форум «Межконфессиональное и межнациональное развитие. Опыт. Сотрудничество. Проблемы. Перспективы» (26—27 окт. 2000 г.). Владивосток. С. 155.
- ³⁷ Проект переселения корейцев в Приморье, подготовленный В.С. Кимом. Текущий архив администрации г. Партизанска.
- ³⁸ Ли В.В. Корейский национальный вопрос... С. 155.
- ³⁹ Вон Дон. 2001. № 3.
- ⁴⁰ Там же. № 1.
- ⁴¹ Промежуточный отчет по результатам социологического опроса «Национально-культурное возрождение». Июль-август 2001 г. (ЦИСИП ИИАЭ ДВО РАН).
- ⁴² Дневники полевых исследований. Уссурийск, Уссурийский район, авг. 2000 г. Личный архив автора; Текущий архив администрации г. Уссурийска.
- ⁴³ Цит. по: Ли Т. Гобонди. Записки наблюдателя о любви корейцев к земле. Бишкек, 2000. С. 133.
- ⁴⁴ Вон Дон. 2000, дек. - янв. (без номера).
- ⁴⁵ Там же. 2001. № 1.
- ⁴⁶ Азербайджанлы М.А. (Ахмедов). Миграция азербайджанцев на Дальний Восток России и проблемы их адаптации // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000.
- ⁴⁷ Там же. С. 190.
- ⁴⁸ Там же. С. 200.
- ⁴⁹ Отчет ЦИСИП по результатам социологического опроса «Мигрант-2000».
- ⁵⁰ Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты. Владивосток, 1998. С. 116.

5.2. МИГРАЦИИ В ПРИМОРЬЕ ИЗ СТРАН ТРАДИЦИОННОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

5.2.1. Причины, предпосылки и условия массового приезда иностранных граждан в Приморье

В 80—90-е годы на территории России неожиданно для местного населения появилось новое явление — международная миграция. В Советский Союз и ранее переезжали представители зарубежных стран, но больше по политическим мотивам. К изучению массовой международной миграции наука оказалась готова только на уровне сбора информации из самых разных источников, на основе которых делаются обобщения. До сих пор нет единства в терминологии исследования, неясно, кого на самом деле считать иностранцем, иммигрантом и т. д. Ответы на подобные вопросы можно искать в законодательных актах, причем не только в российских. При этом следует учесть, что ориентация на отдельные положения правового поля — это не исследовательский подход в истории, скорее наоборот — сами законы априори являются продуктом разноплановой деятельности, в том числе и исследовательской.

Исследование вопросов международной миграции в России оказалось осложнено еще и тем, что в это время зарубежье для России фактически разделилось на «новое» и «традиционное». К «новому», или, как его называют «ближнему», зарубежью относятся республики распавшегося СССР. Для Дальнего Востока в пространстве это зарубежье является дальним, поэтому в нашем случае более корректен термин «новое зарубежье». Для этнических мигрантов — выходцев из бывших союзных республик, на наш взгляд, не совсем подходит определение «иностранцы», поэтому проблематика, с ними связанная, рассмотрена в других главах. Но следует подчеркнуть, что разделение зарубежья на «новое» и «традиционное» вдвойне затруднило теоретические изыскания в миграционной сфере.

Дальний Восток — регион наиболее показательный в отношении международной миграции. На это обратили внимание журналисты и деятели культуры, а впоследствии она стала предметом научного изучения. Началу массового приезда иностранцев в Приморье предшествовали процессы, по отношению к которым это новое явление представляется вполне логичным и объяснимым следствием. С точки зрения исторической науки уместно применение метода факторного анализа. Такие попытки уже предпринимались¹. Выделение факторов внешних миграций позволяет отчетливо определить причины, предпосылки и условия их возникновения.

Географическое положение Дальнего Востока выделяет его среди других районов Российской Федерации. Во-первых, он расположен дальше других от густозаселенных и промышленно развитых районов европейской части России и от Москвы. Во-вторых, к нему близко прилегают зарубежные государства АТР. Можно даже констатировать, что рассматриваемый район имеет равное отношение как к России, так и к Северо-Восточной Азии, которая наряду с Юго-Восточной Азией образует ядро Азиатско-Тихоокеанского региона. В составе Дальнего Востока России Приморский край выделяется своим местоположением среди дальневосточных субъектов Федерации и к тому же занимает центральное положение в Северо-Восточной Азии.

В свою очередь понятие Северо-Восточной Азии включает в себя северо-восточные провинции КНР (Ляонин, Цилинь, Хэйлуунцзян), Японию, оба корейских государства и юг российского Дальнего Востока. Проявле-

ния этого регионального единства распространяются, ослабевая с разной степенью интенсивности, на север и северо-восток (другие районы российского Дальнего Востока и Якутию), северо-запад (юг Восточной Сибири), запад (МНР, Внутренняя Монголия КНР), юг и юго-запад (центральные районы Китая).

Население рассматриваемого региона крайне неоднородно как по социальному составу, так и по размещению. Если плотность населения в Республике Корея составляет 432,3 чел. на 1 кв. км., в Японии — 328,2 чел., то на российском Дальнем Востоке — 2,2 чел.² В конце XX в. остро ощущалась разница в естественном движении населения: для районов Китая — это тенденция к росту численности населения, для районов России — демографический кризис³. Механическое движение населения в Северо-Восточной Азии неоднородно, оно зависит от социально-экономической ситуации в отдельных странах и отношений между странами. В современном мире внешние миграции населения всегда связаны с пересечением государственной границы.

В Северо-Восточной Азии протяженность сухопутных границ (Россия и Китай, Китай и КНДР, КНДР и Республика Корея, Россия и КНДР) и морских (линия территориальных вод всех перечисленных государств) велика и насчитывает многие тысячи километров. Граница Приморского края с Китаем составляет 1162 км.⁴ Хотя при изучении внешних миграций важны и другие показатели: количество и размещение пограничных переходов, пропускные способности их терминалов. В этом отношении Приморский край выделяется среди всех остальных приграничных субъектов Федерации. К концу рассматриваемого периода в крае действовало 22 пункта иммиграционного контроля. Уже в начале 90-х годов было открыто 5 автодорожных переходов на российско-китайской границе в Приморском крае. Тогда же резко активизировалась работа железнодорожного перехода Гродеково-Суйфэньхэ.

В регионе достаточно широко представлены все формы внешних миграций — переезд на постоянное место жительства, трудовая миграция, деловые поездки, учебная миграция, туризм и т. д. Но мощности миграционных потоков и соотношения форм внешних миграций зависели от ряда факторов. Их изучение необходимо даже тогда, когда они не нашли своего проявления в полной мере, так как внешние миграции населения в свете факторов могут иметь различные последствия. В Северо-Восточной Азии наиболее выражены и тесно связаны между собой четыре фактора внешних миграций — демографический, экономический, политический и этнический.

Если трудовые ресурсы северо-восточных провинций Китая в конце 90-х годов составляли 44 млн. чел., то всего Дальнего Востока России — 3 млн.⁵ Эта сторона демографического фактора подкрепляется экономическим фактором — в Китае остро стоит проблема занятости рабочей силы, а стоимость последней в конце 80-х — начале 90-х годов была ниже, чем в России. На такое положение дел обратили внимание многие исследователи⁶.

Однако подобные стороны демографического фактора не следует преувеличивать, особенно если отойти от чересчур обобщенных цифр по численности населения всего Северо-Востока КНР. При более детальном взгляде на китайские карты нетрудно заметить, что даже в пределах трех указанных провинций проблема перенаселения не так уж остра, есть даже слабозаселенные и малоосвоенные территории, не говоря уже о степени заселенности и освоенности западных районов КНР.

Большинство населения провинции Хэйлуцзян проживает в Харбине и прилегающих к нему уездах вдоль среднего течения р. Сунгари, до впадения в неё р. Муданьцзян. Плотность сельского населения составляет здесь по 200 чел. и более на 1 кв. км. Это географически центральный район провинции. В то же время приграничные территории заселены менее плотно. Если обратить внимание на те из них, которые расположены вблизи Приморья, то можно сделать вывод, что густота их заселения сопоставима с аграрными районами Приморского края, также расположенными поблизости от границы. В районе городов Цзиси, Мишаня и Хулиня плотность населения составляет от 50 до 100 чел. на 1 кв. км, Дуннина и Суйфэньхэ — от 30 до 50, Шуаньшаня — от 10 до 20⁷. Общая плотность населения Приморского края в рассматриваемый период составила 13,5 чел. на 1 кв. км.⁸ Районы, прилегающие к государственной границе (Октябрьский, Уссурийский, Пограничный, Ханкайский, Спасский и т. д.), заселены плотнее, чем районы на востоке края (Тернейский, Ольгинский, Лазовский, Чугуевский и др.).

Река Уссури на значительном протяжении является пограничной. Плотность населения в районах, прилегающих к реке с запада, т. е. на китайской территории, ниже, чем к востоку от Уссури, т. е. на территории РФ. Приграничные китайские земли (северо-восток провинции Хэйлуцзян) заболочены, издавна они назывались «Большое северное захолустье». В ходе экономического подъема КНР в конце XX в. район быстро преобразился, но вблизи государственной границы оставался лишь один населенный пункт, имеющий статус города — Хулинь. С российской стороны здесь расположены промышленные центры — Спасск-Дальний, Лесозаводск, Дальнереченск, Лучегорск, которые в 90-е годы почти не развивались.

Есть ещё одна сторона демографического фактора, на которую исследователи, в особенности дальневосточные, пока обращают меньше внимания. Это соотношение лиц мужского и женского пола на российском Дальнем и Востоке и в соседних странах, особенно в КНР. Во всех регионах России больше женщин. В Китае картина обратная. Половозрастной дисбаланс имеет устойчивую тенденцию к усилению, являясь серьезной внутренней демографической проблемой. В 70-х годах соотношение полов в Китае оставалось стабильным — на каждые 100 лиц женского пола приходилось 106 мужского, согласно же переписи 1990 г. — 111,92, в 1995 г. — 117⁹.

Эти диспропорции в Китае в дальнейшем, по всей видимости, будут возрастать. Если учесть, например, то обстоятельство, что стремление родить по меньшей мере еще одного ребенка есть в 59 % семей с одной девочкой и 37,6 % — с одним мальчиком¹⁰. Такое положение автоматически создает «дефицит невест» в стране, сти-

мулирует молодых мужчин к поиску жен за рубежом. В России совершенно противоположная ситуация. В 90-е годы это соотношение держалось на таком уровне, что на каждые 100 лиц мужского пола приходилось 113 женского¹¹. Есть сведения, что к 2010 г. в Китае «дефицит невест» составит 10 млн. чел.¹². Данный демографический дисбаланс в КНР более характерен для сельской местности, международная миграция и просто поездки за рубеж — для жителей крупных городов. Но сельская местность находится и в приграничных с российской территорией районах, что необходимо принимать к сведению при анализе демографического фактора исследований международной миграции на российском Дальнем Востоке.

Наиболее отчетливо в Северо-Восточной Азии выражен экономический фактор внешних миграций населения. Ещё в 30-е годы XX в. известный западный историк В. Яхонтов, рассматривая современность, заметил, что дальнейшее развитие стран Северо-Восточной Азии будет зависеть от того, насколько они приобщатся к западным стандартам производства и потребления. В данном регионе, как нигде на земном шаре, выражена разность в направлении экономического развития соседствующих стран. Выявить экономическое положение стран в Северо-Восточной Азии представляется важным при анализе предпосылок возникновения международной миграции на Дальнем Востоке намного позже, в 80—90-е годы.

В конце 40-х — начале 50-х годов большинство стран Северо-Восточной Азии избирали для себя путь развития на долгие годы. В. Яхонтов, имея в виду, что Япония более других стран приблизилась к стандартам западного производства и образа жизни, вел речь о столкновении путей развития на Дальнем Востоке: «Восточные и западные люди всё ещё имеют различные подходы ко многим проблемам и множество позиций, по которым не соглашаются при встрече. Конфликт между двумя экономическими уровнями поэтому неизбежен. Совершенно очевидно встаёт вопрос, как эти две системы могут сосуществовать и какова возможность урегулирования ради предотвращения столкновения»¹³. Исследователь отмечает, что «одна экономическая система полагается на машинное и массовое производство с высоким жизненным уровнем, более дорогой стоимостью рабочей силы, и, следовательно, более высокими ценами на свою продукцию. Другая зависит, главным образом от ручного труда, она медленная в развитии и менее эффективная, с низким жизненным уровнем и низкими зарплатами, поэтому более дешевыми ценами»¹⁴.

В этой градации видится не столько цивилизационное основание по типу «Восток-Запад», сколько деление по актуальному в то время выбору пути экономического развития — социалистического, однозначно основанного на плановой системе хозяйствования, или капиталистического, предполагающего наличие рынка, приоритета закона стоимости и прочих хорошо известных признаков. В дальнейшем социалистические страны на Дальнем Востоке в основном попали в когорту стран, экспортирующих рабочую силу. Страны, в которых левые политические силы не только не установили общественно-политическую монополию, но если и входили во власть, то отнюдь не на первых ролях, экономическая политика строилась в интересах оборота крупных капиталов. В дальнейшем именно они стали использовать труд иностранных рабочих, когда в подобных решениях стала прослеживаться определенная выгода.

Во второй половине XX в. Советский Союз до середины 80-х годов отличался от других социалистических стран АТР — Китая, Вьетнама, КНДР и МНР — помимо всего прочего высоким уровнем механизации производства. То, что на российском Дальнем Востоке установилось положительное сальдо международной трудовой миграции, объясняется скорее именно этим обстоятельством, нежели тем, что повышенный спрос на рынке труда мог быть предопределен слабой заселенностью региона и малой численностью трудовых ресурсов. Местное население, которое в свете наших исследований условно можно называть традиционным, было ориентировано на овладение специальностью и повышение квалификации. Ручной труд становился непрестижным.

Еще более заметно предпосылки международной трудовой миграции на Дальнем Востоке складывались благодаря особенностям территориально-отраслевой структуры хозяйствования. Традиционно данный регион испытывал дефицит рабочей силы. Этот пробел восполнялся за счет принятия мер, совокупность которых Садаёси Оцу называет «побудительно-мобилизационным распределением».¹⁵ Наряду с государственно-директивным и гражданско-рыночным распределением (под последним следует понимать процессы саморегуляции, когда реальные потребительские запросы населения все-таки вносят разными путями свои коррективы в производство и распределение продукта) оно образовало комплекс форм распределения рабочей силы в Советском Союзе, т. е. своеобразный социалистический рынок труда.

Так в планах обеспечения Дальнего Востока рабочими и строителями на долю организованного набора, относящегося к побудительно-мобилизационному распределению, в 70—80-е годы приходилось около 20 % работников¹⁶. Но в этой системе со временем происходило все больше и больше сбоев. Ведь трудовое обеспечение запланированной территориально-хозяйственной структуры могло функционировать только за счет предоставления работникам дополнительных социальных гарантий. Но развитие социальной сферы постоянно отставало от сферы экономической, а на осуществление тех самых гарантий все сложнее приходилось изыскивать средства — ежегодный прирост производства и рост производительности труда в Советском Союзе постоянно снижались с начала 70-х годов¹⁷.

Проблема дефицита трудовых ресурсов на Дальнем Востоке была актуальна не для всех сфер, отраслей и предприятий. Существовал еще и отраслевой дисбаланс. В дальнейшем первые гастарбайтеры были привлечены именно в эти отрасли. Среди них выделялись строительство и сельское хозяйство.

Нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве, особенно в период сезонных полевых работ, являлась общесоюзной проблемой. Так, с 1960 по 1970 г. число рабочих, служащих и учащихся, направлявшихся в колхозы и совхозы в период уборки и транспортировки урожая, увеличилось в среднегодовом исчислении в 1,4 раза, а с 1970 по 1978 г. — в 2,4 раза. Этот рост продолжился и в дальнейшем, до конца 80-х годов¹⁸.

Таким образом, к началу 90-х годов в Восточной Азии выделились страны-доноры рабочей силы, для которых характерно отрицательное сальдо трудовой миграции, и страны-реципиенты, в которые прибывало трудовых мигрантов больше, чем выбывало. Первыми являются КНР, КНДР, СРВ и большинство остальных, вторыми — Россия, Япония и Сингапур. Но и здесь прослеживаются соответствия с уровнем экономического развития. В Японии доля иностранной рабочей силы в 1997 г. составляла 3 % от общей численности экономически активного населения, на российском Дальнем Востоке — менее 1 %. (В Приморье этот показатель тогда оказался несколько выше — 1,2 %) ¹⁹. При этом Япония не имеет границ со своими странами-поставщиками рабочей силы, туда дороже обходится дорога, там несоизмеримо выше по сравнению с российскими показателями стоимость жизненных стандартов, а министерство финансов Японии регулирует численность иностранной рабочей силы в сторону ограничения, чтобы она не оказывала влияния на внутренний рынок труда²⁰.

Экономический фактор международной миграции в регионе представляется нам основным, но не единственным. На рассматриваемые процессы не могли не повлиять векторы внешнеполитического курса каждого из государств. Политический фактор, с одной стороны, сдерживает внешние миграции населения за счет реального существования государственных границ, разности государственных систем и политических режимов, с другой — способствует им, особенно во взаимодействии с этническим фактором, поскольку в регионе актуальна проблема организации жизненного пространства, а присутствие своих граждан на территории других государств отчасти решает эту проблему, усиливает международное влияние государства. Причем в этот круг поселенцев могут входить граждане не только титульной нации, но и зарубежные представители данных этнических формирований. Например, корейцы имеют многочисленные диаспоры на Северо-Востоке Китая (около 1 млн. чел.), в Японии (около 700 тыс. чел.) и на российском Дальнем Востоке (более 50 тыс.)²¹. Республика Корея может быть заинтересована в их укрупнении, так как это позволяет сохранять существующие автономии и создавать новые. Но в целом политический фактор внешних миграций не является определяющим в Северо-Восточной Азии и больше работает на их сдерживание благодаря существованию жестких государственных границ и различиям государств во внешнеполитических ориентациях.

В силу особого географического положения Дальнего Востока и перипетий новейшей истории в международных отношениях здесь проявляется региональная специфика. Вопросы, связанные с присутствием иностранцев на советском (российском) Дальнем Востоке, неотделимы от вопросов внешней и внутренней политики. Следствием проведения государством определенной политики явилось то, что вплоть до начала 80-х годов в Приморском крае почти все жители, в том числе и прибывающие лица, были гражданами СССР. Следует заметить, что в рассматриваемом регионе до 90-х годов полиэтничность населения ярко не проявлялась в связи со специфической этнокультурной политикой советского государства.

Такая, если можно так выразиться, национальная политика по отношению к Дальнему Востоку в открытую проводилась со времен «китайских операций» НКВД 1939 г., в ходе которых выселению подверглись не только китайцы. Территория Приморья рассматривалась как форпост государства, она становилась милитаризованной зоной с множеством закрытых объектов, в числе которых были населенные пункты и краевой центр. Во второй половине XX в. изоляционистская политика по отношению к Приморью усиливалась. Это было связано, во-первых, с началом «холодной войны», когда, по определению У. Черчилля (Фултон, 1946 г.), на страну Советов опустился «железный занавес». Затем политика «государственной сегрегации» усилилась в начале 60-х годов в связи с осложнением отношений с рядом государств, особенно с КНР.

Тем не менее в АТР выделялись два дружественных государства, отношения с которыми Советский Союз с каждым годом расширял и углублял. Речь идет о Вьетнаме и Северной Корее. Политика открытости границ для их граждан вызревала задолго до появления новой внешнеполитической доктрины второй половины 80-х годов.

Эти государства рассматривались как полноправные члены мирового социалистического содружества. В то же время в 60—70-е годы они находились на низком уровне экономического и социального развития по сравнению с Советским Союзом. Возникал вопрос, в чем СССР может помочь Вьетнаму и Северной Корее для подъема уровня социальных гарантий?

Одним из направлений такого рода сотрудничества стала помощь в получении образования. Так за период 1955—1980 гг. более 62 тыс. вьетнамских граждан в Советском Союзе получили высшее или среднее специальное образование либо повысили рабочую квалификацию²². Из 700 преподавателей Ханойского университета в СССР получили образование 268 чел. Такое же положение наблюдалось в Ханойском политехническом институте, где выпускниками советских вузов являлась треть всех преподавателей²³.

Но в том же Вьетнаме существовала острая социальная проблема, совершенно несвойственная Советскому Союзу, — это безработица. Её отсутствие было принято считать одним из основных достижений социа-

лизма, признаком высокого уровня развития. В 80-е годы во Вьетнаме безработица составляла в среднем около 6 млн. чел. Временное трудоустройство граждан за рубежом (трудова́я миграция) представлялось одним из путей решения этой проблемы. Обращает на себя внимание высокая активность Вьетнама на международной арене в конце 70-х — начале 80-х годов.

В июне 1978 г. Социалистическая Республика Вьетнам вступает в Совет экономической взаимопомощи. Для регулирования прав своих граждан за границей к 1986 г. Вьетнам заключил 60 договоров и консульских конвенций, в том числе в 1982 г. — с СССР. В то же время Советский Союз (общепризнанный лидер соцлагеря) имел подобные соглашения только с 54 государствами²⁴. Эти договоры касались различных сфер права, но опирались на международные акты, в частности Венскую (1963 г.) конвенцию о консульской защите²⁵. У Вьетнама появилась возможность посредством двустороннего договора совместить в одном решении принятие помощи со стороны Советского Союза в плане образовательных услуг и временного трудоустройства своих граждан на советской территории.

Очевидно, что политику трудоустройства граждан за рубежом проводил и Китай. Но в конце 70-х годов ему приходилось сложно: благоприятные связи со странами соцлагеря были порушены, все остальные рассматривали Китай как страну с коммунистическим режимом со всем вытекающим отсюда комплексом отношений. Китай во многих вопросах стал принимать политику открытости. В 1980 г. Госсовет КНР поручил всем государственным органам и местным правительствам проводить активные поиски возможностей для участия в строительных проектах за рубежом и как форму международного обмена использовать экспорт рабочей силы. В 1979 г. в Китае была создана первая строительная корпорация, нацеленная на экспорт рабочей силы за рубеж, в 1990 г. таких корпораций было уже 112. За этой формой сотрудничества осуществлялся правительственный контроль, ответственность возлагалась сразу на два министерства — труда и внешних экономических связей²⁶. Неудивительно, что и российский Дальний Восток в конце 80-х годов стал рассматриваться с позиций этой политики. Прослеживая ход китайской миграции, нетрудно убедиться, что здесь стороны в целом находили обоюдную выгоду.

К этническому фактору относится разность языков и культур населяющих Северо-Восточную Азию народов. С одной стороны, это ставит языковые и социокультурные барьеры для активного миграционного взаимодействия стран, с другой — усиливает интерес граждан друг к другу. Существование языкового барьера является одной из черт, отличающих международную миграцию из стран традиционного зарубежья от миграции из бывших союзных республик. Эта проблема стоит гораздо острее. Надо заметить, что выражена она неоднородно и зависит от самих стран, из которых прибывали мигранты.

Среди всех стран АТР изучение русского языка к началу рассматриваемого периода более всего получило распространение в Китае. На это имелось несколько оснований. Во-первых, начиная с XVII в. между Китаем и Россией установились тесные межгосударственные отношения — в основном из-за территориального соседства. В конце XIX — начале XX в. они активизировались в связи с хозяйственным освоением Россией юга Дальнего Востока и проявлением интересов России в Маньчжурии: строительство КВЖД, аренда Порт-Артура и Дальнего, война с Японией.

Во-вторых, многие китайские города явились центрами притяжения русской эмиграции в XX в.; в-третьих, русские официально были признаны в Китае национальным меньшинством. И хотя эта этническая группа проживает в основном на Северо-Западе, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, поддержку русского языка можно рассматривать и как проведение национальной политики КНР.

В-четвертых, в 50-е годы, в период расцвета дружественных отношений между СССР и КНР, в Китае изучение русского языка распространилось настолько, что он сделался самым популярным из иностранных языков. Владение русским языком стало поощряемым умением, а в ряде случаев и необходимым условием при вхождении в хозяйственную, административную и даже партийную элиту. В дальнейшем влияние русского языка в Китае стало быстро ослабевать, среди иностранных языков его потеснил английский. Но на Северо-Востоке КНР, откуда в основном и приезжали китайские мигранты, русский язык по-прежнему оставался одним из распространенных. Почти в каждом городе можно было отыскать среднюю школу с преподаванием русского языка, были школы и с углубленным изучением.

Кроме того, в КНР успели сложиться крупные языковые центры вузовской науки, на весь мир прославившиеся благодаря изучению в них русского языка — Хэйлунцзянский университет, Пекинский институт иностранных языков, Харбинский политехнический институт и т. д. В провинции Хэйлунцзян русский язык как иностранный изучался также почти во всех остальных вузах, поскольку многие студенты изучали его в школе. Такое положение дел с русским языком в Китае способствовало появлению в 1992—1993 гг. учебной миграции из КНР на российский Дальний Восток.

Совсем иное, более слабое, распространение получил русский язык во Вьетнаме. Дело тут даже не столько в том, что Вьетнам находится на значительном отдалении от Дальнего Востока России. Просто во Вьетнаме для распространения русского языка не было оснований. Россия и Вьетнам не прошли многовековой истории тесных взаимоотношений. Миграция вьетнамских граждан на российский Дальний Восток началась только во вто-

рой половине 80-х годов XX в. В истории Вьетнама было больше оснований для распространения других иностранных языков, в первую очередь французского, английского.

Кроме того, Советский Союз в 50—60-е годы оказывал помощь ДРВ, но будущее этого государства оставалось неопределенным. Этим можно объяснить и прохладное отношение к гуманитарному сотрудничеству с Вьетнамом по сравнению, например, с Северной Кореей. Если на Корейском полуострове перемирие приобрело стабильность, и оба государства развивались по своему пути, то разделенный Вьетнам продолжал пребывать в активной политической лихорадке, особенно после начала американской интервенции. Если Соглашение между правительствами СССР и КНДР об обучении граждан КНДР в высших гражданских учебных заведениях СССР было подписано 6 мая 1952 г.²⁷, то аналогичное Соглашение между правительствами СССР и ДРВ — лишь три года спустя, 27 августа 1955 г.²⁸ Вьетнамское правительство по условиям Соглашения обязано было полностью возмещать советской стороне затраты на выплату вьетнамским учащимся, студентам и аспирантам стипендий, в то время как северокорейское — только половину расходов при равных размерах стипендий.

После прекращения вооруженного вмешательства в дела Вьетнама со стороны США и образования СРВ отношения Советского Союза с Вьетнамом стали более тесными. Активизировало работу Общество советско-вьетнамской дружбы, возглавляемое летчиком-космонавтом Г.С. Титовым. В 1971 г. по инициативе ДВМП было создано Владивостокское городское отделение общества.

Но на распространении русского языка развитие отношений между странами сказалось слабо. Так в 1973 г. Общество вьетнамо-советской дружбы объявило о создании в СРВ Ассоциации по изучению и распространению русского языка, но этот акт не состоялся. Направленные Обществом советско-вьетнамской дружбы два преподавателя-методиста русского языка были вынуждены ограничиться организацией методического кабинета в Ханойском педагогическом институте иностранных языков и оказанием помощи преподавателям института²⁹. Не было достаточной мотивации к изучению русского языка у большинства учащихся средних школ, по-видимому, необходимость распространения русского языка во Вьетнаме требовала большего времени.

Итак, появление, рост и развитие международной миграции в Приморье не зависит от какого-то одного специфического фактора. Она явилась следствием определенных процессов, происходивших как на Дальнем Востоке России, так и в соседних странах, причем при главенствующей роли экономического фактора свое влияние оказали и другие.

¹ См.: Бакланов П.Я. Географические, социально-экономические и геополитические факторы китайской миграции на российский Дальний Восток // Перспективы дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 37—39.

² Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока и стран СВА: современное состояние и перспективы развития // Перспективы дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999. С. 16.

³ Ларин В.Л. Россия в Восточной Азии накануне XXI века: этнодемографические и цивилизационные стимулы и барьеры // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII—XX вв. Новосибирск, 1996. С. 23—32.

⁴ Вахненко Р.В. Миграция иностранцев в Приморский край // Миграционные процессы в Восточной Азии. Владивосток, 1994. С. 110.

⁵ Ларин В.Л. Россия в Восточной Азии... С. 23—32.

⁶ См.: Гельбрас В.Л. Китайский фактор внутренней и внешней политики России // Перспективы дальневосточного региона: Межстрановые взаимоотношения. М., 1999. С. 43—73.

⁷ Хэйлуңцзяншэн дитуцэ (Атлас провинции Хэйлуңцзян). Харбин диту чубаньшэ (Харбинское картографическое изд-во), 1999. С. 5.

⁸ Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока... С. 16.

⁹ Бергер Я.М. Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 2. С. 79.

¹⁰ Там же. № 1. С. 112.

¹¹ Рассчитано по данным: Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 2000. С. 31.

¹² Национальные отношения: Словарь / Под. общ. ред. В.Л. Калашникова. М., 1997. С. 91.

¹³ Yakhontov Victor. A. Russia and the Soviet Union in the Far-East. London. Georg Allen and Unwin Ltd. Museum street. 1934. P. 304.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Оцу Садаёси. Советский рынок труда: анализ японского специалиста. М., 1992. С. 51.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Вашук А.С. Социальная политика СССР и её реализация на Дальнем Востоке. Владивосток, 1998.

¹⁸ Оцу Садаёси. Советский рынок труда... С. 120.

¹⁹ Ушакова В.Л. Внешняя трудовая миграция в Приморском крае // Вестн. ДВГАЭиУ. Владивосток, 1999. № 2. С. 63.

²⁰ Ларин В.Л. Россия в Северо-Восточной Азии... С. 28.

²¹ Там же. С.29.

²² Новейшая история Вьетнама. М., 1984. С. 374.

²³ Там же.

²⁴ Хо Фонг Ты. Дипломатическая защита прав граждан за границей: Дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1987. С. 41.

²⁵ Там же.

²⁶ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998. С. 107.

²⁷ Отношения Советского Союза с народной Кореей (1941—1980): Документы и материалы. М., 1981. С. 89.

²⁸ Советский Союз — Вьетнам: 30 лет отношений (1950—1980): Документы и материалы. М., 1982. С. 5.

²⁹ ГАРФ Ф.р.- 9576. Оп. 20. Д. 1739. Л. 5.

5.2.2. Основные миграционные потоки

Миграция иностранных граждан в Приморье в конце XX в. состояла из трех основных потоков: китайско-го, вьетнамского и северокорейского. Через выделенные в предыдущей главе предпосылки и факторы нетрудно объяснить, почему иностранцы приезжали главным образом именно из КНР, СРВ и КНДР. В ходе внешних миграций происходили смены одних потоков другими, которые, в свою очередь, зависели как от экономических и общественных законов, так и политико-идеологических императивов.

В данной главе ставится задача выявить закономерности развития международной миграции для каждого из названных потоков и для явления в целом.

ВЬЕТНАМСКАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ

Возникновение трудового потока вьетнамских граждан в Приморье относится к сентябрю 1987 г. Он начался при строгом контроле со стороны партийных, государственных, хозяйственных и общественных органов. Поскольку приём вьетнамцев являлся жестом интернационализма, были организованы их торжественные встречи. Приветственные митинги с праздничным убранством и звуками оркестров проходили на привокзальных площадях городов и рабочих поселков Приморья.

Рабочие места для вьетнамцев создавались в городах Владивостоке, Артеме, Уссурийске, Спасске-Дальнем, Партизанске, а также в поселках — Трудовое, Раздольное и Липовцы. Им выделяли жилье, создавали по мере возможности хорошие бытовые условия. С советской стороны персонально с вьетнамскими работниками занимались мастера производственного обучения и воспитатели при общежитии, с вьетнамской — старшие групп, которые также выступали в роли переводчиков.

Для вьетнамской трудовой миграции конца 80-х — начала 90-х годов характерен отход от ставших к этому времени типичными для всего мира черт трудовых потоков из-за рубежа. Особенности вьетнамского трудового потока можно было бы назвать «феноменом социалистического гастарбайтерства». Причина отхода заключалась в характере соглашения, которое определялось во многом идеологическими и политическими, но не экономическими соображениями, а также особенностями ведения планового хозяйства на территории Советского Союза. Так, например, вьетнамские работники получали зарплату в тех же размерах, что и их советские коллеги соответствующей квалификации. Средний заработок вьетнамского рабочего на предприятиях стройиндустрии Приморья составлял 225 рублей в месяц¹, по Советскому Союзу он колебался в пределах 200—240 руб.² Но для советских предприятий прием на работу вьетнамцев оказался выгодным. Вьетнамцев трудоустраивали как раз туда, где катастрофически не хватало работников.

Другой особенностью явилось то, что в самом соглашении не было речи об отправке вьетнамских граждан на работу. Там говорилось об обучении вьетнамцев русскому языку и овладении ими специальностью. Фактически эта миграция явилась не учебной, а трудовой. Поэтому советской стороне приходилось учитывать то, что при подборе рабочих мест для вьетнамцев непременным условием являлось производственное обучение. В Приморье при специфической хозяйственной структуре выявился весьма узкий круг отраслей, в которых могли быть задействованы вьетнамские рабочие. Это строительство, стройиндустрия, швейная промышленность и незначительно сельское хозяйство.

В связи с этим происходила концентрация вьетнамских работников в нескольких населенных пунктах, в основном в городах — Владивостоке, Артеме, Уссурийске, Спасске-Дальнем и Партизанске. Выделялись также отдельные предприятия, длительно и активно использовавшие вьетнамский труд: Уссурийский завод стройматериалов, трест «Дальморгидрострой», Угольненский и Раздольненский кирпичные заводы, Спасский ЖБИ-100, Артемовская швейная фабрика бельевого трикотажа, Липовецкий экспериментально-керамический завод.

Курсы русского языка вьетнамские граждане должны были проходить в первые три месяца пребывания. По окончании курсов сдавался экзамен, хотя большинство обучающихся за такой короткий срок могли научиться говорить лишь на уровне общих фраз. Некоторые вьетнамцы продолжали обучение на курсах, участвовали в специально организованных языковых олимпиадах. С вьетнамцами возникал ряд социальных проблем касательно получения информации о происходящем на родине, а также проведения свободного времени. Языковой барьер затруднял их вхождение в новую среду.

Привлекая на работу вьетнамских граждан, приморские предприятия «поправляли дела». Для хозяйственных руководителей и экономистов эффективность труда вьетнамцев была очевидной. В среднем вьетнамский рабочий за два года компенсировал затраты советской стороны, связанные с дорогой, обучением, обустройством и предоставлением необходимых социальных гарантий. В последующие годы вьетнамец приносил предприятию чистый доход. Вьетнамцы были неприхотливы в жилищных условиях, для них не требовался такой широкий спектр социальных гарантий, как для советских работников. Первые партии вьетнамских работников быстро приобретали навыки. Например, в строительстве, на отделочных работах в первые месяцы работы они выполняли 60 % нормы, но в дальнейшем они её перевыполняли, в ряде случаев — на четверть. Именно благодаря

вьетнамцам некоторые приморские предприятия впервые за много лет перевыполнили план. К их числу относится Уссурийский завод стройматериалов: в 1988 г. был успешно выполнен квартальный план поставки кирпича по договорным обязательствам, а темпы роста товарной продукции выросли на 10 %³.

Но в 1989—1991 гг. происходила неконтролируемая трансформация вьетнамского трудового потока в коммивояжёрский. Одна из причин заключалась в том, что, получая зарплату в рублях, вьетнамцы не могли воспользоваться этим заработком на родине. Рубль не относился к свободно конвертируемой валюте. Поэтому вьетнамцы скупали находившиеся в свободной продаже советские неликвиды — металлическую посуду, бытовые емкости, электроприборы, инструменты, лекарства. Вьетнамцы, приезжавшие на смену соотечественникам, везли товары, предназначенные для перепродажи. Это одежда, бижутерия, пластиковые электронные часы, ручные поделки.

Скупка товаров в магазинах и торговля на рынках постепенно вытесняли основную деятельность вьетнамцев — работу на предприятиях. Это явление, которое можно назвать «вьетнамским сценарием» развития международной миграции, было характерно на Дальнем Востоке и для двух других крупнейших трудовых потоков из традиционного зарубежья — китайского и северокорейского. Работники переключались необязательно на торговлю, находили и другие виды «неформальной» деятельности — работали на садовых участках, ремонтировали квартиры и др. Однозначно отрицательная трактовка такого сценария для общественного мнения в Приморье не была свойственна, коммивояжёры обеспечивали потребности рынка, а привозимые ими дешёвые товары покупали небогатые приморцы.

Не удалось избежать и конфликтов вьетнамцев с местным населением. Стычки иногда вспыхивали в общестиях и магазинных очередях. К вьетнамцам, злостно нарушавшим трудовую дисциплину и общественный порядок, применялись меры воздействия, самая жесткая из которых — отправка на родину. В декабре 1990 г. из Партизанска на родину было отправлено сразу около 300 вьетнамских строителей⁴.

Пребывание вьетнамцев в России регулировалось Соглашением 1981 г. При этом для вьетнамской стороны большее значение имела трудовая сторона Соглашения, для российского Дальнего Востока — экономическая и социальная эффективность, что особенно прослеживается на примере Приморского края.

В 1991 г. закончилось действие этого межправительственного соглашения. Вьетнамская трудовая миграция продолжалась, но уже в рамках заключения прямых договоров, практика которых возобладала. В благоприятных условиях на смену вьетнамскому трудовому потоку приходил китайский, вскоре на его фоне усилилось влияние северокорейского потока.

СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ МИГРАЦИЯ

Поскольку дружественные отношения между Советским Союзом и Северной Кореей имели давние традиции в новейшей истории, это не могло не отразиться на участии КНДР в экономической и социальной жизни соседнего с ней советского Дальнего Востока. Одной из форм сотрудничества была работа северокорейских групп в составе советских леспромхозов. Деятельность корейских лесозаготовителей можно считать фактически трудовой миграцией, но она больше характерна для Хабаровского края и Амурской области. Там на протяжении всего рассматриваемого периода КНДР являлась основной страной-поставщиком рабочей силы. В Приморье деятельность северных корейцев охватывала широкие сферы и сильно зависела от политической и экономической ситуации.

Граждане КНДР были заняты главным образом в строительстве и сельском хозяйстве. Происходили изменения в общей численности и процентных соотношениях рассматриваемых трудовых потоков (см. табл. 55). Образно говоря, у работодателей в Приморье был выбор между странами исхода работников, и северокорейская миграция зависела от такого выбора. Сам же выбор исходил из различных мотивов. В начале 90-х годов шло нарастание китайской миграции. В этом вопросе общее развитие международных отношений накладывало отпечаток и на «неофициальные предпочтения» в международной миграции.

В целом на протяжении 90-х годов наблюдался рост общей численности иностранных работников. Особенно этот рост был заметен в первой половине десятилетия. Росла численность и его северокорейской составляющей. Имеющаяся статистика заставляет обратить внимание на ряд любопытных моментов.

Трудовая миграция из КНДР резко подскочила в середине 90-х годов. Если в 1994 г. в крае насчитывалось 2872 северокорейских работника, то в 1995 г. — 3956 чел.⁵ Такую ситуацию можно объяснить сокращением трудовой миграции из КНР, нелегальной деятельностью многих китайских работников, которая выявлялась в ходе операции «Иностранец», открывшимися преимуществами северокорейских работников. Корейцы начали заполнять ниши на рынке труда, которые ранее занимали китайцы.

В 1995 г. во время визита в КНДР главы администрации Приморского края Е.И. Наздратенко было подписано соглашение, по которому в Приморье направлялось около 10 тыс. северокорейских работников, в основном в сельское хозяйство. С этой целью в Артеме и Уссурийске были открыты представительства корейского сельскохозяйственного общества, привлечено около 500 северокорейских гастарбайтеров. Они работали на строительных объектах компаний «Дальрыбстрой» и «АКФЕС», на сельскохозяйственных предприятиях. Полностью выполнить эту программу не удалось.

Во второй половине 90-х годов, несмотря на потепление отношений между нашими странами, в Приморье численность северокорейских работников снизилась: в 1997 г. их было 3119 чел., в 1998 г. — 2134, в 1999 г. — 2373 (незначительный рост)⁶. Но сказанное не относится к Владивостоку, где северокорейская миграция росла постоянно. Если в первой половине 1996 г. они составляли около 27 % всех иностранных работников, то в 1998 г. уже почти 35 %⁷. Северокорейская трудовая миграция из районов Приморского края постепенно перемещалась во Владивосток.

Специфика социального обустройства северных корейцев состояла в том, что попадая в Приморье, они находились в большей зависимости от контролирующих органов — как российских, так и северокорейских. На работу за рубеж направлялись далеко не все желающие, а лишь те, в отношении которых не возникало сомнений в дисциплинированности, работоспособности и в своевременном возвращении в КНДР. Российские работодатели устанавливали им зарплаты по курсу от 20 до 100 дол. США в месяц⁸. Но более ощутимый доход северные корейцы получали на случайных заработках. В связи с этим Генеральное консульство КНДР в Находке обязало каждого рабочего сдавать по 200 дол. в месяц в фонд помощи голодающим⁹.

Элементы нелегальной миграции для северокорейского трудового потока в конце 80-х — в 90-е годы менее характерны, чем для волны вьетнамской трудовой и китайской миграции. Это вызвано тем, что жесткий контроль над соотечественниками осуществлялся северокорейской стороной, включая их пребывание на российской территории. Но полностью эта сторона международной миграции не обошла и граждан КНДР. Самым распространенным нарушением была передача работников другим компаниям без оформления необходимых документов с целью сокрытия денежных оборотов во взаиморасчетах. Есть сведения, что с грубыми нарушениями российского законодательства проходила деятельность Корейского сельскохозяйственного общества в Артеме. Только в 1996 г. в Приморье через его посредство прибыло более 250 граждан КНДР, которые не занимались соответствующей деятельностью, а бесконтрольно перемещались по территории края¹⁰.

Есть у нелегальной северокорейской миграции и своя специфичная сторона. Некоторые граждане КНДР нелегально мигрируют на китайскую территорию, главным образом в Яньбяньский корейский автономный округ пров. Цилинь или в приграничные с Приморским краем районы пров. Хэйлунцзян, где также проживает немало этнических корейцев. По официальным данным Республики Корея их число от 10 до 30 тыс. Однако власти КНР признавали 8 тыс. По оценке некоторых негосударственных организаций Республики Корея их значительно больше. Скрываясь от китайских властей, они зачастую нарушают российско-китайскую границу. Таких случаев немного, но заметен их рост: в 1998 г. на границе с КНР их было задержано 8 чел., в 1999 г. — 22 чел.¹¹

Подводя итоги по данному специфичному потоку трудовой миграции из-за рубежа, можно сделать выводы.

Во-первых, применение рабочей силы из КНДР сильно зависело от различных факторов, среди которых и политическая конъюнктура.

Во-вторых, оказалась менее выраженной нелегальная составляющая, но её проявление во многих случаях носило совершенно специфичный характер, несвойственный другим потокам. В целом нарушения правовых актов северными корейцами были свойственны и другим основным потокам — китайскому и вьетнамскому.

Наконец, в-третьих, рабочие из КНДР успешно находили ниши для приложения своего труда. Например, в конце 90-х годов во Владивостоке было приблизительно одинаковое количество рабочих из Северной Кореи и КНР. Сложилось даже своеобразное разделение труда по признакам этничности и гражданства: китайцы оказались занятыми в основном в торговле и бытовом обслуживании, северные корейцы — в строительстве и ремонте зданий и помещений. Трудовой поток мигрантов постепенно вписывался в общую структуру использования иностранной рабочей силы в Приморье.

КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ

Поскольку граждане КНР, находившиеся в рассматриваемый период в Приморье, вызвали в сравнении с другими иностранцами наибольший интерес и мощный резонанс общественного мнения, в исследовательской среде этот поток оказался наиболее изученным. Опираясь на работы ученых, приводя при этом новые факты, а также концентрируя внимание на наиболее значимых вопросах китайской миграции, мы дадим по возможности общую картину. В целом, наблюдая китайскую миграцию, можно выделить следующие этапы:

1. Становление активных миграционных потоков (конец 1980-х — 1991 г. включительно);
2. Бум китайской миграции (1992—1993 гг.)
3. Контролируемая миграция (1994 — конец 1998 г.)
4. Дифференциация китайского миграционного потока (вторая половина 1998 г.—2000 г.).

Предпосылки появления китайских мигрантов в Приморье были в своей основе экономическими. Не случайно активная китайская миграция на Дальний Восток начиналась с трудовой. Действие комплекса предпосылок не могло не привести к тому, что Приморье вслед за вьетнамским приняло другой зарубежный трудовой поток — китайский. Экспорт китайской рабочей силы в СССР начался еще в 1986 г.¹², к концу 1991 г. в Приморском крае китайская трудовая миграция возобладала над вьетнамской.

Хотя китайская миграция отличалась от вьетнамской, контроль за ней изначально был не менее строгим. Она регулировалась полным спектром союзного законодательства и подзаконных актов, также действовал достаточный инструментарий для исполнения положений этого правового поля. Погранвойска находились в составе КГБ, другие подразделения и органы внутренних дел следили за передвижениями китайских мигрантов. На их деятельность обращали внимание партийные, государственно-административные и хозяйственные органы. Активного развития нелегальной миграции из КНР в первый период не наблюдалось.

Китайский миграционный поток был в это время трудовым. Иных официальных форм миграции практически не встречалось. Китайцы приезжали не только по межправительственным соглашениям. В конце 80-х годов советские предприятия получили право заключать прямые договоры с партнерами в КНР и принимать у себя китайских рабочих, сфера деятельности их в Приморье — в основном строительство и сельское хозяйство. Китайские строители работали в городах и поселках края, на объектах в пригороде краевого центра. Во Владивостоке они были заняты на ремонте зданий в центре города, строительстве ряда жилых домов, главным образом с кирпичной кладкой, возведении новой подпорной стены на ул. Светланской в районе Гайдамака. Китайцы показали себя как умелые и дисциплинированные работники. Не менее эффективным оказался китайский труд и в сельском хозяйстве: крестьяне из Китая работали овощеводами в Октябрьском, Пограничном и других районах, а также в Партизанской долине. Руководители хозяйств отдавали им землю на весь сезон. Китайцы приезжали со своей агротехникой, инвентарем, жили в полевых условиях. На месте их работы вскоре появлялись ухоженные сельскохозяйственные ландшафты, при минимальной механизации они получали высокие урожаи.

Приезжали китайские рабочие из близлежащего приграничья — Дуннина, Суйфэньхэ, Цзидуна, Хуньчуня и сельской местности, реже встречались выходцы из Харбина, Муданьцзяна, Яньцзы, из пригородов и прилегающих поселков. Это в основном провинции Хэйлуцзян, Цзилинь и Ляонин.

Ситуация с китайской миграцией в корне изменилась с 1992 г. В это время резко подскочила численность китайских мигрантов. Говорить о численности иностранцев в рассматриваемый период, как неоднократно отмечалось в научной литературе, затруднительно. В край через Гродековскую таможню за 1991 г. прошло 46 тыс. иностранцев, за 1992 г. — без малого 200 тыс. чел.¹³ Трудно всех пересекающих границу назвать мигрантами. За этими цифрами могут стоять одни и те же люди, которые пересекли границу несколько раз. Необходимо учесть, что в приграничной торговле, в «челночном» бизнесе получает распространение так называемое «фронтальерство», т. е. частые пересечения границы в обоих направлениях по работе, бизнесу и т. д. Но в любом случае, почти четырехкратный рост активности пересечения границы за год — это ощутимый скачок, говорящий, что у населения КНР резко возрос интерес к соседствующим районам России.

Споры о численности китайцев на данный период относятся ко всему Дальнему Востоку. В прессе и на телевидении приводились данные, что китайцев в дальневосточных городах России в 1,5—2 раза больше, чем россиян, и что их общее число достигло 2 млн.¹⁴ По оценке П.А. Минакира, директора Института экономических исследований ДВО РАН, в 1992—1993 гг. на российском Дальнем Востоке насчитывалось не более 50—80 тыс. китайцев, а по оценке Л.Л. Рыбаковского и В.В. Миндогулова — около 100 тыс.¹⁵

Причина здесь не только в том, что использование рабочей силы из КНР на предыдущем этапе оказалось весьма эффективным. Произошли определенные трансформации этого трудового потока, возникла ситуация «вьетнамского сценария», т. е. приезжала смена рабочим, которые переставали полностью или частично заниматься деятельностью, указанной в контрактах, шли на рынки торговать или находили другие источники доходов. С этого начиналась нелегальная миграция.

Миграционному буму в край из КНР способствовали и экономическое положение двух стран, и проводимая экономическая политика. В России свободу получили торговля и предпринимательство. На её территорию пошел поток дешевых китайских товаров, для сбыта которых требовались рынки. Осваивались и другие формы экономических взаимодействий, например совместные предприятия с участием китайского капитала. Всё это способствовало приезду в край китайцев, поток которых стал более дифференцирован.

Кроме гастарбайтеров в край стали пребывать граждане КНР, у которых цель въезда обозначалась как «деловая» или «туризм». Именно для этих двух категорий — туристов и бизнесменов — более всего была характерна нелегальная миграция. Кроме деятельности, не соответствующей цели въезда, появились другие нарушения режима пребывания иностранцев: въезд по фиктивным приглашениям, несвоевременное возвращение на территорию КНР, уклонение от регистрации в органах внутренних дел, без их уведомления дальние передвижения по российской территории¹⁶.

Вряд ли в России как среди политиков, так и среди широких слоев населения тогда были сомнения в том, что деловые контакты с КНР и въездной туризм нужно развивать. Но их стихийность и слабый контроль вели не к развитию, а к профанации деятельности в этих сферах и негативным последствиям. Например, с февраля по май 1994 г. в Приморский край из Китая въехали 4037 чел., а возвратились в установленные визой сроки 1180 чел.¹⁷ Существенным негативным последствием являются признаки возрождения в это время «синдрома желтой опасности».

Следует заметить, что большинство китайских туристов тогда не являлись таковыми даже юридически. Их пребывание противоречило принципам Гаагской (1989) декларации по туризму. В ст. 4 п. 1 там указано: тури-

стом является любой человек, который помимо всего прочего «не будет осуществлять какую-либо оплачиваемую деятельность в посещаемой стране, вне зависимости от того, было ли ему это предложено или нет», и «который в конце указанной поездки или пребывания в обязательном порядке покинет посещаемую страну или для возвращения в страну его постоянного пребывания, или для поездки в другую страну»¹⁸.

Еще одним проявлением этапа китайского миграционного бума стала учебная миграция. Стремительный рост внешних экономических связей, равно как и всех форм миграций населения, вызвал острую потребность в большом количестве переводчиков. В Китае возникла потребность в образованных гражданах, хорошо знакомых с реалиями российской жизни. В 1993 г. всего по России насчитывалось 12 тыс. китайских студентов¹⁹. Это был пик учебной миграции из КНР на Дальний Восток России. В образовательных институтах Приморского края, среди которых известные вузы — ДВПИ (ДВГТУ), УГПИ и т. д., они проходили обучение сроком от 1 до 3 лет. Результаты этой деятельности оцениваются по-разному. С одной стороны, учебной миграции не удалось избежать характерных черт данного этапа (деятельность, не соответствующая цели въезда, слабый контроль, в частности за качеством полученных знаний, и т. д.); с другой — немало положительных примеров, когда китайские выпускники, обучавшиеся в образовательных институтах Приморья, смогли возглавить в Китае солидные компании либо начать карьеру «ганьбу»²⁰.

Этап контролируемых миграций (1994—1998) назван так лишь условно. В силу различных причин, прежде всего экономических, китайская миграция стала всё больше попадать под контроль со стороны Российского государства. Многие проблемы, связанные с «китайским вопросом», например нелегальная миграция, полностью решены не были. Не существовало и единой российской политики регулирования внешних миграционных процессов. В Приморье все время действовали определенные тенденции, главная из них — из-за спада трудовой миграции, «челночной» торговли и учебной миграции произошло сокращение общей численности китайцев. С января по октябрь 1994 г. в Приморском крае было зарегистрировано 13423 китайских рабочих, в 1997 г. — 6964 чел.²¹ На фоне снижения общей численности расширялась сфера деятельности китайцев — все меньше в строительстве и сельском хозяйстве, больше — в торговле и бытовом обслуживании. Расширение сферы деятельности китайских мигрантов являлось тогда общероссийской тенденцией²².

Происходил также спад учебной миграции. Он был вызван, прежде всего, массовостью этого процесса в предыдущий период и тем, что потребности в переводчиках в северо-восточных провинциях КНР были удовлетворены. Другая причина сокращения китайской учебной миграции — предъявление повышенных требований к переводчикам. Возвратясь на родину, китайские студенты были вынуждены сдавать дополнительные экзамены для сертификации своих знаний, поскольку качество их образования оставляло желать лучшего, не существовало для них единых российских документов об образовании.

В 90-е годы в отличие от вьетнамского потока китайский был крайне неоднороден. Можно даже выделить некую типологию китайских мигрантов в Приморье в разные этапы. Здесь заметны два типа.

Китайцы первого типа — это, как правило, работники с определенными трудовыми навыками, имеющие неполное среднее или среднее специальное образование. Они выросли в селах, небольших поселках, пригородах. Русским языком либо не владели вообще, либо крайне слабо. Доходы в Китае у них были низкими, к чему они привыкли. Неприхотливыми оказались и в социально-бытовых условиях. В Приморье их привлекала возможность временно трудоустроиться, заработать больше, чем на родине, улучшить материальное положение, повысить квалификацию. Решение о приезде в Россию чаще принимали их непосредственные начальники в Китае. Это в основном контрактные рабочие, реже — студенты.

Для второго типа китайских мигрантов характерны некоторые противоположные черты: высокие по российским и китайским меркам доходы, хорошо говорят по-русски, имеют свое дело, стремятся расширить его в России. У них, как правило, высшее образование, полученное в признанных китайских вузах, или диплом об окончании средней школы второй ступени. В России они обретают деловые связи и друзей. Это прежде всего коммерсанты, предприниматели, а также высококвалифицированные работники — инженеры, научные сотрудники, преподаватели, врачи и т. д.

Четвертый этап (1998—2000) выделяется нами на том основании, что в это время в китайской миграции произошли значительные изменения, вызванные, прежде всего, разразившимся в России в августе 1998 г. финансовым кризисом. В среде китайских мигрантов произошли перемены, нарушившие её структуру по сложившейся типологии.

Особым населенным пунктом, отличающимся от «остального» Приморья, в отношении пребывания граждан КНР сделался г. Владивосток. В краевом центре в 1999—2000 гг. в летние месяцы стал наблюдаться наплыв туристских групп из Китая, происходил колоссальный рост китайского въездного туризма.

Приезжали практически из всех густозаселенных районов Китая. Больше всего туристов было из провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, из Пекина. Широко представлялся и юг Китая, провинциальные центры Ухань, Чанша, Шанхай и т. д. Из провинции Хэйлунцзян, доля которой в китайском туристском потоке составила 40 %, среди туристов преобладают жители городов Харбина — 42 %, Дацина — 29 % и Муданьцзяна — 21 % по отношению ко всем туристам из провинции Хэйлунцзян²³.

Кроме туристов во Владивостоке выделились еще две многочисленные категории китайцев — рабочие, составившие около 20 %, и относили себя к предпринимателям около 15 %. Остальные 15 % (в зимние месяцы процентное соотношение заметно возрастает) — это студенты, учителя и др., либо китайцы, затруднявшиеся отнести себя к какой-либо определенной категории²⁴.

Центрами китайской миграции также были Уссурийск и Находка. В этих городах, как и во Владивостоке, появились китайские рынки, гостиницы и рестораны. Рынок в Уссурийске стал крупнейшей на территории Приморского края оптовой базой товаров из КНР. В остальных городах и районах, в сельской местности Приморья присутствие китайцев на данном этапе заметно поредело, в том числе и в поселке Пограничном, который, несмотря на спад китайской миграции в середине 90-х годов, он не утратил своего особого положения в миграционном потоке. Пограничный оказался транзитным пунктом, через который проходит большинство граждан КНР через границу в Приморье. Таким образом поселок принял прерогативу приграничного взаимодействия. Это имело чрезвычайно большое значение в социальной и экономической ситуации как для пос. Пограничного с железнодорожной станцией Гродеково, так и для всего Пограничного района Приморья.

ПОТОКИ ГРАЖДАН ДРУГИХ СТРАН ТРАДИЦИОННОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Итак, мы выделили и описали основные потоки из стран традиционного зарубежья в рассматриваемый период. Три страны, из которых они выходили, считались социалистическими согласно обязательным установкам в классификациях, применявшихся в отечественной науке. И расположены они в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В целом для Приморского края были характерны основные закономерности международных миграций населения, выделяемых В.А. Ионцевым. Первая из них — главенствующее место в этом процессе занимала трудовая миграция; вторая закономерность — рост масштабов международной миграции и вовлечение в нее представителей других стран; третья — значительное увеличение нелегальной миграции. Наконец, четвертая — рост среди мигрирующих доли высококвалифицированных специалистов²⁵. Последняя закономерность была характерна для мигрантов из европейских и отдаленных стран АТР.

С 1992 г. наблюдался ежегодный приток в Приморский край иностранной рабочей силы. Для края была установлена квота в 15 тыс. чел. Работники прибывали не только из трех указанных нами стран, но также из других, главным образом АТР. Поток работников из Республики Корея к концу рассматриваемого периода превысил по численности вьетнамский. В 1997 г. южнокорейские рабочие составили 2 % от общей численности иностранной рабочей силы, тогда как вьетнамские — 1,15 %, хотя этот показатель слабо соотносится с долей китайских (61,6 %) и северокорейских (27,6 %) рабочих²⁶. В 1998 г. наблюдалось резкое увеличение до прежнего уровня числа принимаемых рабочих из Югославии, затем снижение. В целом динамика потоков трудовой миграции по странам наглядно прослеживается в табл. 55.

Доля работников из европейских стран традиционного зарубежья в Приморье была незначительной, сказалась отдаленность. Но самым заметным поставщиком рабочей силы была Югославия. В середине 90-х годов этот поток резко сократился. Если в 1994 г. из республик Югославии в Приморье работали 137 чел., то в 1995 г. — только 20²⁸.

Мотивы приезда иностранцев не исчерпывались исключительно трудовой деятельностью. Например, в 1993—1998 гг. ДВГУ посетили 2240 иностранных студентов и специалистов из 18 стран²⁹. Разными были цели и мотивы приезда граждан Японии (в 1999 г. через пункты пропуска в Приморском крае их прошло около 12,5 тыс., 3,3 % всех иностранцев), Южной Кореи (3,9 %), Филиппин (5,2 %), США (1,5 %) ³⁰.

К нетипичному случаю международной миграции в Приморье можно отнести переезд в начале 90-х годов в край Родионовых, фермерской семьи из Австралии. Василий Родионов — русский по происхождению, его предки жили на Дону. Прибыв в Приморский край через Находку, Родионовы обосновались в с. Хмыловке Партизанского района. Этот факт вызвал большой резонанс в средствах массовой информации. На фоне волны эми-

Таблица 55

Динамика внешней трудовой миграции в Приморском крае (чел.)

Страны	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
КНР	6004	6516	7895	8349	8292	6968	7179	6374	7708
КНДР	786	964	2872	3956	4114	3119	2134	2373	1469
Вьетнам	220	48	232	151	216	130	127	306	940
Респ. Корея	-	-	58	53	211	224	61	155	338
Прочие	80	90	200	95	223	865	832	894	1257
Всего	7090	7618	11257	12604	13086	11306	10333	10102	11712

Составлено на основе источников: Ушакова В.А. Внешняя трудовая миграция в Приморском крае // Вестн. ДВГАЭиУ. Владивосток, 1999. № 2. С. 63; Аналитический отчет Территориального органа Минфедерации России в Приморском крае за 2000 год. С. 19; Труд и занятость в Приморском крае: Стат. сб. Владивосток, 2000. С. 31.

рации советских граждан, в которой большим предпочтением пользовались англоязычные страны, он создал положительно воспринимаемый прецедент. Василий Родионов пользовался известностью и поддержкой местных жителей³¹.

Приморский край в плане возникновения и развития международной миграции заметно отличался не только от других территорий Советского Союза и постсоветской России, но и от дальневосточных субъектов Федерации. Например, в Хабаровском крае процесс международной миграции начался раньше за счет привлечения северокорейских работников в леспромхозы, но в Приморье шире применялся труд рабочих из Вьетнама.

В целом показатели по приезду иностранных граждан в Приморский край и их динамика за 90-е годы XX в. свидетельствуют о следующем. Во-первых, всё большую роль в международной миграции для края приобретают её экономические мотивы. Приезд иностранцев и его цели напрямую зависели от экономической ситуации в России, и в частности в Приморье. Во-вторых, среди стран выхода мигрантов росла доля пространств Азии, особенно соседних стран АТР. Не только в хозяйственной и культурной сферах, но и в международной миграции был преодолен абсолютный европоцентризм Приморья. Эти процессы в рассматриваемый период не оказали доминирующего влияния на формирование структуры народонаселения края, но сами по себе стали заметным и принципиально новым явлением.

¹ Тихоокеан. комсомолец. Владивосток, 1990. 10 февр.

² Ионцев В.А. Мировые миграции. М., 1992. С. 31.

³ Красное Знамя. Владивосток, 1988. 4 сент.

⁴ Тихоокеан. комсомолец. Владивосток, 1990. 8 дек.

⁵ Материалы Приморского государственного комитета по статистике.

⁶ Труд и занятость в Приморском крае: Стат. сб. Владивосток, 2000. С. 31

⁷ Владивосток, 1998 (краткий стат. сб.). Владивосток, 1999. С. 20.

⁸ Забровская Л.В. Россия и КНДР: опыт прошлого и перспективы будущего (1990-е гг.). Владивосток, 1998. С. 39.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ Пушкарев С.Г., Болтянский Л.И. Проблемы взаимодействия федеральной миграционной службы с государственными и муниципальными организациями по предотвращению незаконной миграции в Российскую Федерацию // Особенности муниципального управления на Дальнем Востоке России. Владивосток, 2000. С. 196.

¹² Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998. С. 107.

¹³ Там же. С. 104.

¹⁴ Там же. С. 106.

¹⁵ Vitkovskaya G., Zayonchkovskaya Zh., Newland K. Chinese Migration into Russia // Rapprochement or rivalry?: Russian-China relations in a changing Asia, Washington, 2000. С. 356.

¹⁶ См.: Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России... С. 104—118; Вахненко Р.В. Миграция иностранцев в Приморский край // Миграционные процессы в Восточной Азии. Владивосток, 1994. С. 110—111.

¹⁷ Вахненко Р.В. Миграция иностранцев... С. 111.

¹⁸ Манолов Куньо Иванов. Международно-правовое регулирование статуса иностранцев: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 26.

¹⁹ Паин Э. Нелегалы на берегах Амура // Российские вести. 1997. 6 мая.

²⁰ Uroda A.M. Chinese Students Studied in Russia: A New Challenge in Social Life of the North-East China // Второй международный студенческий форум стран АТР. Владивосток, 1997.

²¹ Материалы миграционной службы Приморского края.

²² Баринаева Н. Трудовая миграция на Дальнем Востоке // Экономист. 1997. № 3.

²³ По материалам опроса «Мигрант-2000», проведенного ЦИСИП ИИАЭ ДВО РАН.

²⁴ Там же.

²⁵ Ионцев В.А. Мировые миграции. С. 5.

²⁶ Авдеев Ю., Пушкарев С., Ушакова В. Миграционная ситуация и рынки труда в Приморском крае: проблемы трудовой иммиграции // Перспективы дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999. С. 66.

²⁸ Материалы миграционной службы Приморского края.

²⁹ Макаренко В.Г. Международные связи вузов Дальнего Востока России в конце 80-х — 90-е годы XX века // Россия и АТР. Владивосток, 2000. № 3. С. 89.

³⁰ Материалы миграционной службы Приморского края.

³¹ Климов М. Австралиец Родионов на нашей земле // Экономика и жизнь. 1991. № 42. С. 13.

5.2.3. Общественное восприятие иностранных мигрантов

Неожиданность начала массовой международной миграции на Дальнем Востоке в конце 80-х — начале 90-х годов XX в. не могла не повлиять на особенности восприятия иностранцев «традиционным населением», т. е. советскими (российскими) гражданами. Общественное мнение было, конечно, неоднородно и отличалось непостоянством. Оно зависело не столько от числа иностранцев и особенностей их поведения, хотя такую связь отрицать нельзя, сколько от положения в самом российском обществе. По отношению к иностранцам лишь два значительных момента, по существу, влияли на позиции дальневосточников: первый — насколько и каким образом влияют, например, китайцы на их интересы; второй связан с социокультурными и даже архетипичными

особенностями восприятия иностранцев, в первую очередь из так называемых «желтых стран». В остальном общественное мнение в то время зависело от переменчивого преобладания политических позиций, так как в эти годы внутреннее положение России отличалось нестабильностью. В стране возникло большое разнообразие партий и общественно-политических движений. Далеко не все из них представляли реально значимую политическую силу, но все отражали общественно-политические взгляды того или иного слоя населения, в том числе и по проблемам международных миграций.

Значение общественного мнения в рассматриваемых вопросах трудно переоценить, так как в начале 90-х годов именно оно явилось связующим звеном между развитием международной миграции на Дальнем Востоке и политикой, проводимой властями по отношению к иностранцам. Политика складывалась из различных взглядов на развитие миграции. В одних случаях международная миграция преподносилась, сообразуясь с реальным положением дел, существующим на данный момент. В других случаях общественное мнение исходило из возможных перспектив развития миграционных отношений между Россией и соседними странами. Наконец, в третьих — оно опиралось не на реальные, а мнимые данные и связанные с ними трактовки тех же миграционных отношений. Общественное мнение по вопросам миграции влияло также на формирование правового поля Приморского края.

Изучение общественного мнения имеет свои сложности. Для выполнения этой исследовательской задачи использовался подход, при котором определялся круг источников, проводился сбор сведений, а затем их обработка. Эта стадия предполагает сопоставление разных источников, анализ, интерпретацию. При последующих трактовках исследователям порой бывает трудно соблюсти объективность.

Круг источников включает данные социологических опросов; публикации в прессе, материалы средств массовой информации; документы политических партий и общественно-политических движений, общественных организаций; высказывания видных и широко известных политиков, публицистов, деятелей культуры, популярных личностей. Каждый из перечисленных видов источников в той или иной мере отражает картину общественных настроений.

К сожалению, нет свидетельств проведения социологических опросов среди приморского населения для выявления отношения к вьетнамской трудовой миграции. Во-первых, в те годы социологическая работа в нашей стране была не так распространена, как впоследствии, во-вторых — тема вьетнамцев в Приморье не представлялась особо актуальной. В её контексте вопросы безопасности, территориальной целостности, возможности угрозы экспансии, инфильтрации и т. д. не возникали и не нагнетались.

По местным телеканалам иногда проходили репортажи о проблемах вьетнамцев в Приморье. В передачи включались интервью с местными жителями, им задавались вопросы, что они думают по поводу пребывания вьетнамских граждан. Ответы были примерно такие: «Пусть лучше уезжают. Сидели бы у себя дома, бананы кушали да горя б не знали. А тут, бедолаги, замерзают, да ещё и экономику нашу подрывают».

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что отношение широких слоев населения к вьетнамцам было по большей части индифферентным, лишь иногда проскальзывали нотки легкого негодования (например, у магазинных прилавков во время тотального дефицита товаров) или сочувствия. Однако расхожий бытовой образ вьетнамского гастарбайтера уже сложился.

На наш взгляд, наиболее ярко его выразили студенты-квээнщики во время первомайских торжеств в Спортивной гавани во Владивостоке в 1989 г.* Суть разыгрываемой сцены такова — один из студентов изображал корреспондента молодежного канала с микрофоном в руке. Он подходил то к парню из деревни, то к подростку на мокике и т. д. Этот «корреспондент» с восклицанием «О! Юго-Восточная Азия!» подбегал к съездившему от холода «вьетнамцу», закутанному в сто одежек, в шапке с опущенными ушами. Вопрос «корреспондента» был таков: «Позвольте спросить, а что Вы делаете в нашем городе?» На что последовал ответ: «Я исполняю съвой интельняционяльный долг!»

В отношении же китайской миграции анкетные опросы применялись в достаточной мере, чтобы по ним можно было судить об общественных настроениях населения. С 1992 г. подобные опросы проводились Лабораторией изучения общественного мнения ИИАЭ ДВО РАН. Их результаты позволяют проследить динамику общественных настроений. Позже опросы проводились и другими научными учреждениями Дальнего Востока главным образом в городах, где они расположены. В 1998 г. был проведен широкомасштабный опрос китайцев по всей России, организованный в Москве преподавателями ИСАА МГУ при поддержке Фонда Макаруров. Данный опрос охватил и приморские города — Владивосток и Уссурийск. Поэтому при анализе общественного мнения мы имеем возможность воспользоваться результатами опросов, полученными в разных городах.

Эти результаты во многом звучат диссонансом общему настроению газетных публикаций. Журналисты выражали в основном негативное или, по крайней мере, настороженное отношение к китайцам. Согласно журналистским высказываниям в Приморье приезжали и оседали граждане КНР, от которых спешат избавиться в самом Китае — бандиты, браконьеры, контрабандисты, лодыри, мошенники и т. д., в другом случае — законопослушные граждане, выполняющие тайную установку китайского руководства на мирную оккупацию Дальнего Востока России.

* Автор является очевидцем происшедших событий.

Между тем, по данным опроса, проведенного Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в 1994 г., т. е. в самый разгар китаефобной кампании прессы, хорошо к китайцам отнеслись 32 % респондентов, плохо — значительно меньше — 23 % и безразлично — 38 %. Ничего предвзвешенного в пребывании китайцев не видели более половины дальневосточников — 58 %¹.

Почему же получилось так, что журналисты в этом вопросе стали выражать взгляды лишь части населения, причем не самой многочисленной, если учитывать результаты социологических опросов? И что это за часть?

Вряд ли отечественные журналисты проводили определенную политику властей или стремились объективно отразить происходившее. В данном случае пресса, скорее всего, представляла общественное мнение таким образом, чтобы массовый читатель больше обращал внимание на негатив, проблемность и скандалы. Такова особенность общественного интереса, и прессе, «акклиматизировавшейся» к рыночным отношениям, ничего не оставалось, как следовать законам медиа-рынка. Поэтому, если в 1991—1992 гг. ещё появлялись материалы о культурных связях между Приморьем и китайскими провинциями, о побратимских отношениях между городами, то в 1994—1995 гг. такие газетные статьи и заметки стали редкостью.

Число респондентов, плохо относившихся к китайцам (23 %), можно расценить как большое. Есть и другие показатели широкого распространения в общественном мнении настороженного отношения к иностранцам, и прежде всего к китайцам. Например, 62 % в той или иной степени признавали существование угрозы китайской экспансии, хотя, конечно, при такой постановке вопроса можно понимать разные процессы, здесь нет очерченных определений. Вместе с алармистскими публикациями в прессе эти настроения можно рассматривать как признаки возрождения «синдрома желтой опасности».

В научной литературе не раз указывалось на то, что не только миграция китайцев на Дальний Восток, но и отношение к ней местных жителей в конце XX в. имеют историческую аналогию. Словосочетание «желтая опасность» появилось именно в те времена. Ученые и публицисты иногда ведут речь даже об «исторической памяти» и «архетипах общественного сознания», которые под влиянием обстоятельств и проявились без малого через сто лет. На наш взгляд, корни антикитайских настроений следует искать совсем в другом. Подавляющее большинство дальневосточников не были потомками соотечественников, живших на этих землях в начале века. Основу населения Приморья в 90-е годы составляли потомки переселенцев из европейской части бывшего Советского Союза и граждане, приехавшие из других регионов России. Основная причина негативного отношения части населения к китайцам объясняется в напряженности отношений между Советским Союзом и Китаем в 60—70-е годы, в вооруженном противостоянии и событиях на Даманском, в мощной антикитайской пропаганде. Именно поэтому настороженность и опасения по поводу присутствия китайцев на российской территории более свойственны представителям среднего и старшего поколения дальневосточников.

Прослеживались изменения в восприятии дальневосточниками китайской миграции. На третьем этапе китайской миграции (1994—1998) наблюдалась устойчивая тенденция к снижению негативного отношения. В 1994 г. 33 % респондентов относились к пребыванию китайцев неодобрительно, а 53 % считали целесообразным их привлечение в торговлю, на строительные и сельскохозяйственные работы. В 1997 г. число противников китайской миграции снизилось до 25 %, а одобряющих их привлечение в хозяйственных интересах увеличилось до 78 %².

Опросы выявили, что в отношении населения Приморья к китайцам во многих ответах заметны черты ксенофобии. Например, число лиц, признавших, что они отрицательно отнеслись бы к вступлению своих родственников в брак с китайцами, в 1994 г. составило 33 %. К 1997 г. этот показатель вырос до 50 %. Число тех, кто считает это сугубо личным делом каждого, за это же время снизилось с 58 до 40 %³. Согласно данным опроса 1998 г. против вступления близких родственников в брак с гражданином (гражданкой) КНР во Владивостоке высказались уже свыше 64 %⁴.

Другой пример. Летом 1997 г. на юге Дальнего Востока были опрошены местные жители на предмет их представлений о характерных типологических чертах разных народов Северо-Восточной Азии. Примечательно, что китайцев, корейцев и японцев респонденты наделяли многими чертами, трактуемыми в основном как положительные. Но психологи относят их к так называемым инструментальным чертам характера, т. е. к таким, которые помогают достичь определенных целей, добиться нужных результатов. Так, 83 % респондентов назвали китайцев трудолюбивыми (русских — только 20 %), 34 % — предприимчивыми (примерно на этом же уровне данный показатель для японцев и корейцев, для русских — 18 %)⁵. В то же время так называемые терминальные черты характера, т. е. те, которые хороши сами по себе, вне зависимости от того, помогают ли они человеку или мешают, по мнению опрошенных более свойственны русским. К людям щедрым их отнесли 65 %, китайцев — всего 1 %, на том же уровне эти данные для корейцев и японцев. К честным русских отнесли 13 % респондентов, это больше, чем для китайцев, корейцев и японцев⁶.

В периодической печати тема вьетнамских работников освещалась сообразно духу времени, иными словами, следовала не только развитию самой миграции, но и быстрым переменам в области идеологических императивов. О вьетнамцах писали как центральные, так и местные газеты — «Красное знамя», «Тихоокеанский комсомолец», «Комсомольская правда» и др. Если в 1987—1988 гг. статьи выходили под приветственными заголовками, например, «Грани содружества»⁷, то в дальнейшем газеты стали чаще публиковать проблемные материа-

лы. В статьях «Когда отзвучали оркестры»⁸, «На что вьетнамцу рубль»⁹ и многих других вскрывались недочеты в организации приема иностранных работников, ставился вопрос о целесообразности их пребывания вообще. Но в целом до 1991 г. не было статей алармистского характера, которые бы выражали озабоченность по поводу, например «вьетнамской угрозы».

Совсем иначе газетная журналистика воспринимала китайскую миграцию на Дальнем Востоке, пик которой, напомним, пришелся на 1992—1993 гг. Публикаций на эту тему выходило множество. Как отмечает В.Л. Ларин, «публицистический запал и погоня за сенсациями в них явно преобладают над серьезным анализом, а жажда разоблачения «китайской экспансии» — над стремлением к объективности»¹⁰.

Не анализируя статьи в отдельности, выделим наиболее характерное: в них, как правило, делался упор на численность китайцев, пребывающих на российской территории, при этом она явно завышалась. Для Приморского края назывались цифры от 40 до 150 тыс. чел., хотя чаще во внимание принимался весь Дальний Восток России, где китайцев было, по мнению авторов этих публикаций, от 400 тыс. до 2 млн.¹¹

Эти статьи отличаются подбором острых эпитетов и определений, которыми обозначались происходящие процессы, — «тихая колонизация», «ползучая экспансия», «стихийная инфильтрация», «желтая волна», «широкомасштабное освоение китайцами сибирских просторов» и т. д. Кроме того, в них подчеркивались негативные стороны китайского пребывания, которые либо действительно имели место, либо надумывались или преувеличивались. Писали о скупке недвижимости, организованной преступности, браконьерстве, контрабанде и т. д.¹² При этом не ставился вопрос — а для кого же больше характерен весь этот негатив — для китайцев или местных россиян?

На внешних миграционных потоках не могла не сказаться общая российская напряженность в обществе. В рассматриваемый период процессы криминализации затронули не только власть и местные экономические структуры, но и иммигрантскую среду. Необходимость действий, направленных против преступных формирований из зарубежных стран, прежде всего Северной Кореи и Китая, отличали работу правоохранительных органов на Дальнем Востоке от других регионов России. Такой ситуации, безусловно, способствовало географическое положение края. Увеличение преступности в среде иностранцев отмечалось не только в периодической печати, но и в научной литературе¹³.

Пресса развивала сюжеты и возможные сценарии путей экспансии, которые одновременно использовались некоторыми политиками, политологами, дипломатами. К числу «мягких» вариантов можно отнести предложение Ш. Гарнетта о постепенной, но радикальной китаизации Дальнего Востока посредством привлечения рабочей силы из КНР для реализации крупных экономических проектов¹⁴. Д. Балувев, А. Богатуров указывали на возможность китайской экспансии на Дальнем Востоке, но уже как следствие разностороннего давления Китая — экономического, демографического, информационного¹⁵. Более жесткие варианты подразумевали заявления о целенаправленной и централизованной политике Пекина по экономической экспансии Дальнего Востока и закреплении там китайского населения. Самый жесткий из всех вариантов экспансии — вооруженное нападение Китая на Россию — также находил отражение в прессе, хотя в отличие от других вариантов опровергался официальными органами¹⁶. После относительного спада китайской миграции в 1994 г. эта тема со страниц газет не исчезла. Для публикаций стала менее характерна категоричность и поспешность выводов, но по-прежнему преобладал негатив¹⁷.

Северокорейская миграция на страницах газет тоже освещалась, но с гораздо меньшей интенсивностью, так как пресса не высказывала ни алармистских настроений, ни восторгов из-за восстановления отношений с традиционно дружественным государством. Газеты лишь иногда обращали внимание на замкнутость северокорейских рабочих, особенности организации их работы и быта и т. д. Но в целом «корейский вопрос» в Приморье в 90-е годы — это отдельная тема, осложненная сегментацией данного этнического потока. В публицистике также обращалось внимание на возможность связей в Приморье северных, южных, среднеазиатских и сахалинских корейцев. В статье Д. Демкина «Генерала беспокоят корейцы, а губернатора — китайцы»¹⁸ говорилось, что в 1996 г. начальник УВД Приморского края А. Васильев направил губернатору следующую служебную записку: «Южнокорейские власти проводят долговременную спланированную политику, направленную на рост численности в Приморском крае корейской этногруппы, с целью последующего создания национальной территориальной автономии корейцев. В дальнейшем предусматривается выдвижение автономией требования о воссоединении в той или иной форме с родиной предков». Далее приводится утверждение генерал-майора А. Васильева о том, что в настоящее время Приморский край стал «местом борьбы за социально-экономическое и духовное влияние двух враждебных друг другу корейских государств — Республики Корея и КНДР — на лиц корейской национальности». Отмечалось, что «власти КНДР стремятся завезти в край максимально возможное количество рабочей силы на основе долгосрочных контрактов и создать на юге Приморья независимое корейское сообщество из числа рабочих, по примеру уже существующих в Хабаровском крае, где работают лесозаготовители из КНДР»¹⁹.

Если факт подачи служебной записки в действительности имел место, то его оценивать, на наш взгляд, можно только с позиции того, было ли это превышением полномочий или исполнением служебного долга, так как подача служебных записок входит в прямые обязанности должностных лиц силовых ведомств.

Статья имела широкий резонанс в политических кругах. Многие корейцы усмотрели угрозу массовых насильственных переселений, подобных действиям властей в 1937 г. Генеральное консульство Республики Корея во Владивостоке прервало контакты с общиной приморских корейцев. Но Генеральное консульство КНДР в Находке, напротив, выступило за расширение контактов на частном уровне. С 1997 г. в одной из уссурийских гимназий начал преподавать корейский язык Ким Ин Хо, а его жена Ен Хи, известная северокорейская балерина, руководить танцевальными группами²⁰.

Руководство краевого УВД дало опровержение, в котором факт подачи служебной записки отрицался. Вице-губернатор Н. Садомский письменно заверил лидеров корейской общины Приморья в том, что администрация края не планирует каких-либо репрессивных мер в отношении российских корейцев²¹. Но нельзя не отметить, что журналист поднял новую, совершенно неизученную тему, предоставив «информацию к размышлению» и для исследователей-международников. Подобная статья, в которой на фоне некоторого алармизма видна попытка политического анализа северокорейской миграции, была единственной.

В высказываниях известных и популярных личностей в России тема китайской миграции нашла отражение в 1993—1994 гг. При этом политикам и чиновникам приходилось представлять не только своё мнение, но и позицию возглавляемой ими соответствующей политической силы или государственной структуры, в ряде случаев — еще и своих избирателей. Деятели культуры высказывались, исходя из своих гражданских позиций с учетом взаимоотношений с действовавшей властью.

О «демографическом дисбалансе между Дальним Востоком России и соседними странами», о возможности «китайского поглощения российских территорий» и т. д. в начале 90-х годов говорили Никита Михалков и Александр Солженицын²². Представители творческой элиты, не раз подтверждавшие независимость суждений, смелость в отстаивании своих гражданских позиций, зачастую в силу различных причин поддерживали основную линию публикаций в прессе. Станислав Говорухин на встрече с общественностью Владивостока летом 1993 г. в Краевом центре народной культуры также коснулся этой темы, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечая распространение в приграничных регионах всевозможных негативных общественных явлений, в частности, тотального воровства и «распродажи России». Даже отдельные высказывания личностей, обладающих авторитетом и популярностью, как правило, не остаются незамеченными и имеют большее влияние на общественное мнение и решения властей, нежели пространные статьи малоизвестных журналистов.

В речах политиков об иностранцах в России нередко проявлялись яркие образцы политической риторики. Так, В.В. Жириновский, будучи во Владивостоке летом 1994 г., лишь мельком затронул тему «желтой опасности» во время пресс-конференции во Дворце культуры моряков и на митинге на стадионе «Динамо». Но впечатляют высказывания в Иркутске, сделанные в тот же период: «В один прекрасный день они перейдут границу как туристы, торговцы, учителя, к родственникам и без единого выстрела оккупируют Сибирь и Дальний Восток»²³.

Либерально-демократическая партия России отличалась настороженностью и недоверием по отношению к Китаю и китайцам. На этот счет однажды интересно высказался депутат Государственной думы от ЛДПР А. Митрофанов: «Но лучше всего налаживать контакты с Японией. Давно замечено: где есть японцы, там китайцев нет. Сближение России с Японией стало бы для Китая холодным душем»²⁴.

Это может означать, что взаимоотношения в политическом треугольнике Москва-Пекин-Токио явились едва ли не единственным вопросом, в котором ЛДПР сходилась в позициях со своими «антагонистами» — правыми либерального толка. Подтверждением тому может служить высказывание Е.Т. Гайдара: «Необходимо и укрепить военный союз с Западом, и переключить наш потенциал сдерживания на Дальний Восток. Традиционно там всегда были сосредоточены достаточные военные ресурсы. Вот их и необходимо поддерживать на должном уровне, как бы тяжело ни было»²⁵. Следует отметить, что настолько же традиционно на Дальнем Востоке Япония являлась стратегическим партнером Запада и США.

Подытоживая вышесказанное, зададимся вопросом: можно ли одним словом или фразой выразить общий фон общественного мнения Приморья по отношению к китайским мигрантам? Наиболее приемлемый ответ таков — в 90-е годы отношение среднестатистического дальневосточника можно обозначить как «За, но при этом...» Например, «пусть приезжают, работают, торгуют, но при этом не обманывают и не разводят криминал». Или «пусть реализуют свою деловую активность, инвестируют нашу экономику, но при этом не скупают недвижимость и пакеты акций прибыльных предприятий». «Пусть с нами дружат, но не навязывают свои подходы, мировоззрение, язык и культуру». «Пусть живут в нашем городе, но при этом соблюдают чистоту и порядок». И так до бесконечности. Такое мнение характерно и по отношению к представителям других восточноазиатских стран — вьетнамцам, корейцам, филиппинцам и т. д.

Эту позицию оценивать можно по-разному. Общественное мнение зависит от информированности широких слоёв населения, но каким бы оно ни было, возникла необходимость его учета при разработке и проведении государственной политики по отношению к иностранцам.

¹ Ларин В.Л. Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы? // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1. С. 24.

² Ларина Л.Л. Образ Китая и китайцев в представлении дальневосточников // Перспективы дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999. С. 96.

- ³ Там же.
- ⁴ Гельбрас В.Г. Предварительные итоги изучения проблем китайской миграции в Москве, Хабаровске, Владивостоке и Уссурийске (результаты анкетных опросов) // Перспективы дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 36.
- ⁵ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998. С. 166.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Красное знамя. Владивосток, 1988. 24 февр.
- ⁸ Там же. 4 сент.
- ⁹ Тихоокеан. комсомолец. Владивосток, 1990. 10 февр.
- ¹⁰ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России... С. 14.
- ¹¹ Там же. С. 74—75.
- ¹² См.: Юридическая газета. 1994. № 45; Российские вести. 1995. 21 апр.; Владивосток. 1997. 20 февр., 17 апр., 15 июля; Золотой Рог. 1997. 18 апр.
- ¹³ См.: Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты. Владивосток, 1998.
- ¹⁴ Гарнетт Ш.У. Ограниченное партнерство: российско-китайские отношения в меняющейся Азии. М., 1999. С. 37. Пер. с англ.
- ¹⁵ Балуев Д. Конфликт, которого не ждали // Pro et Contra. 1998. Т. 3. № 1. С. 93; Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945—1995). М., 1997. С. 277.
- ¹⁶ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России... С. 14.
- ¹⁷ См.: Известия. 1995. 16 марта; Золотой Рог. 1997. 18 апр.; Владивосток. 1996. 1 окт.; Известия. 1997. 1 февр.; Владивосток. 1997. 17 апр.; Грешных А. Демографическое наступление на Дальний Восток // Дальний Восток. Хабаровск, 1999. № 1.
- ¹⁸ Коммерсантъ-Daily. 1996. 17 июля.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Забровская Л.В. Россия и КНДР: опыт прошлого и перспективы будущего. Владивосток, 1998. С. 30.
- ²¹ Там же.
- ²² Vitkovskaya G., Zayonchkovskaya Zh., Newland K. Chinese Migration into Russia Chinese Migration into Russia // Rapprochment or rivalry?: Russian-China relations in a changing Asia. Washington, 2000. P. 348.
- ²³ Дятлов В.И. Китайцы в Сибири: отношение общества и политика властей // Перспективы дальневосточного региона: население, миграция, рынки труда. М., 1999. С. 89.
- ²⁴ АиФ. 2001. № 2. С. 8.
- ²⁵ Известия. 1995. 18 мая.

5.2.4. Политический аспект международной миграции и формы её регулирования

В последнее десятилетие XX в. наблюдались радикальные изменения в общественно-политической жизни России, которые не могли не сказаться на развитии международной миграции. Рассматриваемые миграционные процессы на Дальнем Востоке хронологически совпадают со сменой эпох в развитии внешнеполитических отношений*. Так, в первой половине 90-х годов во Владивостоке были открыты дипломатические представительства пяти государств (США, Япония, Республика Корея, Индия, Вьетнам), а также представительство МИД России.

Массовая международная миграция в стране начала развиваться в тот период, когда ещё действовала однопартийная система и централизованная иерархия органов власти. Но, несмотря на это, в конце 80-х годов между органами управления и общественно-политическими организациями возникали разногласия по вопросам международной миграции, в частности вьетнамской.

Вьетнамская трудовая миграция была результатом политики интернационализма СССР, развития дружественных отношений между государствами и проявлением сотрудничества в рамках СЭВ. При подобных идеологизированных установках осуществлялся жесткий контроль со стороны партийных органов за ходом вьетнамской трудовой миграции, чтобы достойно проходила производственная, социальная и бытовая жизнь вьетнамских граждан на территории России. Уже тогда представители комсомольских штабов, руководители стройотрядов высказывали мнение, что приезд вьетнамцев ущемляет их интересы, «яблоком раздора» служили даже не сами строительные объекты, на которые направлялись вьетнамцы вместо молодых строителей из западных районов Советского Союза, сколько временное жилье для строителей, которое отводилось также вьетнамцам¹. У некоторых политических деятелей возникал вопрос, нужно ли привлекать в край иностранных рабочих, если и в пределах страны есть районы, в которых наблюдается избыток рабочей силы и её недостаток. Как следует из предыдущего параграфа, общественное мнение по отношению к гастарбайтерам было неоднозначным.

В конце 80-х — в 1991 г. контроль за международной миграцией в Приморье со стороны партийных органов, комсомола, Союза советских обществ дружбы и других организаций стал ослабевать. КПСС становилась уходящей политической силой. На XIX Всесоюзной партийной конференции (1988) декларировалась передача всей полноты власти Советам. О реальности этого процесса свидетельствовал Первый Съезд народных депутатов СССР (1989) и последующие форумы Советов, когда стало ясно, что «центр тяжести» общественно-политической жизни переходит к Советам всех уровней. В Советы начали переходить и представители партийной элиты. Например, первый секретарь Приморского крайкома КПСС А.А. Волынцев стал председателем краевого Совета, первый секретарь Владивостокского горкома КПСС В.Я. Семенкин — соответственно городского Совета, секретарь Ленинского райкома КПСС С.С. Соловьев — его заместителем и т. д.

* Подробно они рассматривались в начале раздела 5.

Краевой совет последнего созыва немало внимания уделял международным вопросам. Одним из последних документов, принятых незадолго до его роспуска, было постановление Малого совета Приморского края «О регулировании пребывания иностранных граждан в Приморье» от 5 октября 1993 г. Это первый правовой акт в регулировании международной миграции в Приморье, принятый на краевом уровне*. Он опередил многие федеральные постановления и фактически прекратил практику безвизового въезда в Россию при отсутствии контроля со стороны властных структур². Появлялись и другие нормативно-правовые акты, началось формирование правового поля с целью регулирования процесса привлечения иностранных граждан. Процессы внешних миграций контролировались слабо, в том числе из-за отсутствия необходимых правовых нормативов и запоздалого создания миграционной службы в крае. Так, за весь 1992 г. из Приморья были выдворены всего 10 китайских граждан и 2 вьетнамских, когда только среди рабочих насчитывалось свыше 7 тыс. иностранцев и значительная их часть нарушала законодательство и режим пребывания³.

В начале 90-х годов полным ходом шло развитие межгосударственных отношений между КНР и РФ в области миграций населения. Летом 1992 г. было подписано соглашение о принципах найма граждан КНР. Китайские рабочие получили юридический статус⁴. В Приморье устанавливалась квота для принятия иностранных рабочих (13 тыс. чел.). Но самым доступным и многочисленным каналом въезда китайских граждан оставался введенный безвизовый обмен туристскими группами. За этими процессами получила распространение нелегальная миграция, потребовалось принятие необходимых мер со стороны Москвы и руководства Приморья. Однако на региональном уровне оставались два нерешенных вопроса: позиция краевого руководства по отношению к демаркации российско-китайской границы и нелегальная миграция китайских граждан в Приморье. Каждая из сторон отстаивала свои позиции.

В 1994—1997 гг. власти дальневосточных субъектов Федерации принимали не только нормативно-правовые акты, но и силовые меры, чтобы контролировать пребывание иностранных граждан. К контролю стремились и органы федерального центра. Между Москвой и регионом даже наметилось некое соперничество как в сфере принятия законодательных инициатив, так и в проведении конкретных мероприятий. В Приморье ежегодно проводилась операция «Иностранец» с целью борьбы с нелегальной миграцией. Уже в первый год ее проведения 20 % китайцев, посетивших край, были задержаны за различные нарушения, 2531 из них (более 2/3) выдворены на родину. В 1994—1996 гг. из Владивостока было выслано 9,5 тыс. китайцев⁵. Эти цифры впечатляют, но, с другой стороны, они же и опровергают газетные публикации о преувеличенных масштабах нелегальной внешней миграции в край, главным образом из КНР. Судя по этим публикациям, в Приморском крае пребывало от 40 до 150 тыс. китайцев, большинство из которых попадало под категорию нелегалов.

Одним из последних и самых значительных мероприятий операции «Иностранец» была специальная акция УВД Приморского края, проведенная 8 апреля 1997 г. на китайском рынке Уссурийска. В ходе её задержано и доставлено на фильтрационные пункты свыше 300 иностранцев, в основном граждан КНР. Подготовка к проведению акции осуществлялась в секрете, что с профессиональной точки зрения, безусловно, было оправдано. До 8 апреля о ней не знали даже местные власти. Этот факт свидетельствует о том, что проблемы во взаимоотношениях существовали не только между ветвями власти и на её различных уровнях. Было принято решение операции типа «Иностранец» не проводить, а перейти на тактику повседневной работы с иностранцами⁶.

При анализе влияния политического фактора на развитие международной миграции возникает и другой вопрос, не явился ли приезд северокорейских рабочих по соглашению, подписанному руководством Приморского края в 1995 г., следствием возврата к главенству политических и идеологических мотивов в международной миграции? На него трудно дать точный и однозначный ответ. Налицо и экономические мотивы: за меньшие заработки строители из Северной Кореи выполняли работу быстрее и качественнее. Но почему же эта проблема не решалась в начале 90-х годов? Безусловно, здесь нельзя не учитывать политическую составляющую вопроса.

Председатель комитета Государственной Думы по международным делам В. Лукин отмечал, что Приморский край имеет «свою внешнюю политику» и подписание соглашения можно было бы представить как факт, иллюстрирующий это положение. Но в данном вопросе сказалось влияние общероссийских векторов внешней политики. Российское руководство подспудно приняло позицию по отношению к Северной Корее как закрытой стране и не предпринимало попыток ее нарушить. Линия дипломатии, проводимая во главе с А.В. Козыревым, базировалась не столько на расширении контактов с Западом, хотя и это имело место, сколько на принятии выдвигаемых им стандартов. С позиций Запада КНДР наряду с некоторыми государствами (Ирак, Ливия и др.) на международной арене должна считаться государством-изгоем с явно недемократичным политическим режимом. Отсюда парадокс: чем больше в Приморье открывалась граница с Китаем, тем больше она закрывалась с Северной Кореей.

Жесткие меры российской стороны, направленные на регулирование китайской миграции, не привели к заметному осложнению российско-китайских отношений. По словам представителя российского МИД В. Рахманина, «1996 год войдет в историю русской дипломатии как год, выведший российско-китайские отношения на

* 18 декабря 1992 г. было принято межправительственное соглашение РФ и КНР о безвизовых туристских поездках.

новый качественный уровень — на уровень равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»⁷. В феврале 1997 г. было получено официальное подтверждение из Пекина, что Китай не проводит политику «поддержки проникновения граждан КНР на Дальний Восток и в Сибирь»⁸. Ровно через год премьер-министр Ли Пэн также отрицал, что китайские рабочие расселяются на Дальнем Востоке России и создают там «чайнатауны»⁹. Такая реакция официального Пекина вполне понятна. Китай не был заинтересован в нелегальной миграции своих граждан. Для него большой интерес представлял российский рынок. Китайскому правительству в рассматриваемый период не нужна была межгосударственная напряженность или негативная реакция со стороны приморцев. По этой же причине в Китае появилось недовольство тем, что китайские «челноки» подорвали доверие российских потребителей к любой продукции, произведенной в КНР, включая потребительские товары. Все это не способствовало благотворному развитию отношений между странами. Поэтому к действиям российской стороны Китай не предъявлял существенных претензий. Более того, китайские силовые структуры пошли на сотрудничество с российскими коллегами. Например, в августе 1995 г. было подписано Соглашение между Федеральной пограничной службой России и министерством обороны КНР о пограничном сотрудничестве. В наведении порядка с китайской стороны приняли участие и местные власти. Правительство уезда Хуньчунь провинции Цзилинь, сопредельного с Хасанским районом Приморского края, отменило выдачу пропусков на право пребывания в двухкилометровой пограничной зоне, а в районе повышенной активности браконьеров поставило на протяжении свыше 50 км полутораметровый проволочный забор. Там же были выставлены и дополнительные пограничные посты¹⁰. Соответствующие меры приняли местные власти в провинции Хэйлунцзян. В уездах и городских территориях Жаохэ, Хулинь и Мишань, прилегающих к пограничным рекам Уссури, Сунгач и оз. Ханка, сумма штрафа при нарушении правил промысла и режима государственной границы была увеличена до 10 тыс. юаней¹¹.

Но основная работа по борьбе с нелегальной миграцией проводилась российскими властными структурами. Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июля 2001 г. в статье 20 была закреплена стратегия активного сотрудничества в борьбе с нелегальной миграцией, в том числе с незаконным перемещением физических лиц через свои территории, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и др. В статье 19 предусматривается сотрудничество в области защиты и улучшения окружающей среды, справедливое рациональное использование пограничных водотоков и т. д. Она также продекларировала совместные усилия для защиты редких видов флоры и фауны и природных экосистем в приграничных районах¹². В этой связи необходимо было привести в соответствие с внешними соглашениями систему внутренних правовых актов, особенно, если учесть, что во всех странах гражданская правоспособность иностранных граждан определяется не их национальным законом, а законом страны пребывания.

Формирование правового поля по регулированию международной миграции в Приморском крае прошло определенную эволюцию. Изначально пребывание иностранцев регулировалось только одним специальным нормативным актом, изданным в советский период, — Законом о правовом положении иностранных граждан в СССР от 24 июня 1981 г.¹³ Отдельные записи имелись и в некоторых других законодательных актах. В статье 122 Основ гражданского законодательства СССР сказано, что «иностранцы пользуются в СССР гражданской правоспособностью наравне с советскими гражданами». Это положение имелось в Основах гражданского судопроизводства СССР, Законе СССР о государственном нотариате, Положении об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях¹⁴.

Действие закона 1981 г. о правовом положении иностранных граждан продолжалось в течение всего рассматриваемого нами периода (21 июля 2002 г. был принят новый федеральный закон. Российская газ. 2002, 31 июля). Можно сказать, он имел высшую юридическую силу. Есть в этом документе положение, согласно которому иностранные граждане не могли входить в состав экипажа морского и воздушного судна СССР, заниматься рыбным и горным промыслом и медицинской или фармацевтической деятельностью на равных началах с советскими гражданами¹⁵. Для Приморского края данное положение представляется особо актуальным, учитывая его хозяйственную структуру и положение на рынке труда.

В 1993—1998 гг. происходило хаотичное экстренное принятие дополнительных многочисленных и разрозненных правовых актов. Во многих регионах России, в том числе и в Приморье, деятельность иностранных граждан стала оказывать влияние на внутреннюю социально-экономическую ситуацию. Создаваемый правовой режим пребывания иностранцев учитывал главным образом негативные факторы этого влияния и динамику социально-экономических показателей приграничных районов. Среди субъективных причин появления новых правовых инициатив выделяются принятие в декабре 1993 г. Конституции РФ, создание государственных органов, которые непосредственно участвовали в контроле над иностранной миграцией. В систему управления данной сферой было необходимо включить администрацию Президента, Совет безопасности, Государственную и Краевую думы, институт губернаторства, Федеральную миграционную службу, Федеральную пограничную службу, налоговые органы и т. д. Но единой общегосударственной политики в указанный период в области внешних миграций не существовало, поскольку создать её было затруднительно в условиях затянувшейся политической нестабильности, обострения борьбы за власть между различными политическими конфигурациями в России.

Применительно к области международной миграции правовая инициатива федерального центра относится к 1993 г. В апреле Верховный Совет РФ принял Закон о государственной границе РФ¹⁶. 16 декабря 1993 г. были подписаны Указы Президента РФ «О мерах по введению иммиграционного контроля» и «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы»¹⁷. Во исполнение этих Указов, а также для реализации собственных правовых инициатив в процесс создания нормативных актов в 1994 г. активно включилась федеральная исполнительная власть. 8 сентября вышли постановления правительства «Об утверждении Положения об иммиграционном контроле», «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой миграции» и «Положение о порядке работы с иностранными гражданами, прибывающими и находящимися в России»¹⁸. Затем стали издаваться приказы и постановления отдельных ведомств: приказы Федеральной миграционной службы «Об утверждении временных инструкций работников постов иммиграционного контроля» от 5 декабря 1994 г. и «О постах иммиграционного контроля» от 1 февраля 1996 г., приказ Министерства транспорта «Об организации иммиграционного контроля» от 19 января 1995 г. и т. д.¹⁹ В процесс разработки миграционного законодательства включились новые органы управления — администрация, Федеральная миграционная служба Приморского края и дума края. Объективно необходимы были не только исполнение федеральных правовых актов, но и учет региональной специфики ситуации. Так появились постановления: администрации — «Об изменении организационно-правовой структуры миграционной службы Приморского края» от 17 октября 1995 г., думы «О правилах пребывания иностранных граждан в Приморском крае» от 23 ноября 1995 г., губернатора «О мерах контроля за привлечением и использованием иностранной рабочей силы в сфере обслуживания и торговли» от 15 октября 1997 г.²⁰

В последние годы XX в. в российском законодательстве проявилась тенденция к разработке документов концептуального характера. Это нашло отражение в создании правовой базы регулирования международной миграции. Например, на федеральном уровне вышло постановление правительства РФ «О Федеральной миграционной программе на 1998—2000 годы» от 10 ноября 1997 г., на краевом — постановление губернатора Приморского края от 13 июля 1998 г. «О создании координационного совета по вопросам миграционной политики в Приморском крае»²¹.

Таким образом, мы видим, что политический фактор влиял на решения силовых структур и создание правового режима. Последний прошел путь от разрозненного принятия новых нормативно-правовых актов различными органами государственной власти до выработки общих концептуальных основ.

Несмотря на новый формирующийся миграционный режим и проведение определенной общероссийской политики, возникает вопрос, не пойдет ли международная миграция своим путем и не внесет ли она существенные политические коррективы? Как строить саму политику на долгосрочную перспективу? Исследователи не раз излагали возможные сценарии развития событий. Например, Чой Сеонг-Аэ указывал, что международные инвесторы проявляют интерес к возможности освоения свободных земель на Дальнем Востоке России на основе строго регулируемой иммиграции китайского населения с постепенным предоставлением ему российского гражданства. В результате через 20—30 лет могла бы возникнуть «Российско-Китайская автономная республика» в составе РФ на тех же юридических основаниях, что и Татарская, Башкирская или Якутская автономные республики. Правда, он тут же отмечает: «В конечном счете, новая республика может стать частью КНР, а не РФ, что еще больше сузит пути для выхода России в Азиатско-Тихоокеанскую экономическую зону»²².

Ретроспективный анализ влияния политического фактора доказывает, что может быть множество вариантов развития ситуации, связанной с международной миграцией. В 1997 г. В.Л. Ларин отмечал: «Сейчас вектор их (китайской) политики юго-восточный. Наши территории входят в зону жизненных интересов Китая, но оставлены на будущее»²³. Наше исследование заканчивается 2000 г., однако события 2001—2002 гг. показали, что есть ещё аспекты, которые требуют уточнения и более широкого изучения. К ним можно отнести, в частности, зарубежную миграцию и безопасность в приграничных районах. В этом плане актуально звучит высказывание американского политолога Михаила Алексева: «Китайская миграция на Дальнем Востоке позволяет проверить две конфликтующие теории. Первая гласит, что динамично развивающийся Китай с его огромным населением угрожает безопасности России на Дальнем Востоке. Другая утверждает: раз китайцы приносят экономическую выгоду дальневосточникам, торговые связи способствуют ослаблению напряженных отношений между государствами. Если же эти два компонента совмещаются в одном месте, исследователям трудно сказать, какой из них перевесит. В этом плане ситуация уникальна и является лабораторией для исследований вопросов безопасности»²⁴.

Положение Приморского края таково, что возможные международные проблемы не замыкаются на российско-китайских отношениях. Сложность внешнеполитических конструкций в АТР с учетом модели дальнейшего совершенствования системы взаимоотношений между федеральным центром и субъектами РФ определяют специфику политической сферы.

Анализ влияния политического фактора на положение в международной миграции в Приморье в рассматриваемый период свидетельствует, что в иерархии императивов он был одним из основных. Его весомое значение выразилось как во внешнеполитическом положении Советского Союза, а затем России, так и во внутривнутриполитическом

ком. В первом случае политический фактор влиял на приоритетность стран исхода миграционных потоков, во втором — на регулирование присутствия иностранцев в пределах российской территории. Сказывался политический фактор и на правовой основе международной миграции, формирование которой проходило в 90-е годы XX в.

* * *

Таким образом, миграция в Приморье из стран традиционного зарубежья в 80—90-е годы была обусловлена процессами предыдущих десятилетий. Она прошла путь от организации и контроля со стороны правящей партии и жестко структурированного государства до самоорганизации и регулирования в рамках формировавшегося заново правового поля. В миграционных потоках из стран традиционного зарубежья отчетливо выражена этническая составляющая: среди мигрантов преобладали китайцы, корейцы и вьетнамцы. Этнических корейцев при этом следует разделять на граждан КНДР, КНР (они относятся к китайской миграции) и Республики Корея. В общей этнической структуре мигрантов граждане стран традиционного зарубежья были представлены меньшей численностью, чем граждане государств — республик бывшего СССР, но среди населения Приморья они оказались ярко выраженной прослойкой. Для них характерна незначительная аккультуризация, пребывание на территории России в большинстве случаев являлось временным. Все три основных потока — китайский, вьетнамский и северокорейский — развивались во многом по схожему сценарию. Они начинались с трудовой миграции на основе соглашений, оказавшейся весьма эффективной. В дальнейшем происходила трансформация потоков, когда мигранты находили свои деловые ниши, что сопровождалось возникновением и быстрым ростом нелегальной миграции. Власти различных ветвей и уровней постепенно создавали механизмы регулирования международной миграции. Развитие международной миграции неоднозначно воспринималось общественным мнением, но не повлекло за собой осложнения отношений между государствами.

¹ Тихоокеан. комсомолец. Владивосток, 1989. 22 апр.

² Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток, 1998. С. 105.

³ Там же. С. 113.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Vitkovskaya G., Zayonchkovskaya Zh., Newland K. Chinese Migration into Russia // Rapprochement or rivalry?: Russian-China relations in a changing Asia, Washington, 2000. P. 357.

⁶ Золотой Рог. Владивосток, 1997. 18 апр.

⁷ Рахманин В. Россия и Китай: На пути к стратегическому взаимодействию // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1.

⁸ Там же.

⁹ Vitkovskaya G., Zayonchkovskaya Zh., Newland K. Chinese Migration into Russia... P. 350.

¹⁰ Аргументы и факты (Дальинфо). 1996. № 43.

¹¹ Там же.

¹² Бюллетень международных договоров. М., 2002. № 8. С. 56—62.

¹³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 26. Ст. 836.

¹⁴ Доан Нанг. Гражданско-правовой статус иностранных граждан в странах социализма (на примере СССР и СРВ). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986.

¹⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. Ст. 836.

¹⁶ Ведомости Съезда народных депутатов РФ. 1993. № 20. 20 мая.

¹⁷ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 51. Ст. 4934, 4935.

¹⁸ Материалы управления труда и занятости населения администрации Приморского края.

¹⁹ Там же.

²⁰ Материалы миграционной службы Приморского края.

²¹ Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. 24 нояб.; Материалы текущего архива администрации Приморского края.

²² Чой Сеонг-Аэ. Эволюция отношений России с государствами Северо-Восточной Азии (80—90-е годы XX в.). М., 1998. С. 38.

²³ «Китайская угроза» сегодня — миф или реальность? (интервью с В.Л. Лариным) // Золотой рог. Владивосток, 1997. 18 апр.

²⁴ Китайские «гнезда» против русских «скворечников» (интервью с М. Алексеевым) // Океан. вестн. Владивосток, 2000. № 7. С. 2—3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении XX в. Приморье являлось территорией интенсивных миграций, включавших значительные потоки как россиян, так и иностранцев. Основные характеристики данного процесса начинали складываться на первоначальном этапе формирования населения российского Приморья во второй половине XIX в., получив широкое развитие в следующем столетии.

Главная тенденция миграционных процессов в период с 1880-х до середины 1980-х годов проявлялась в постоянном прибытии сюда переселенцев из других регионов страны. Этот приток стимулировался государственной миграционной политикой, которая, несмотря на смену политических систем в 1917—1922 гг., осуществлялась под действием сходных геополитических и экономических императивов, — необходимости заселять и осваивать отдаленное пограничное пространство, чтобы укрепить форпост государства на крайнем юго-востоке России и вовлечь природные ресурсы региона в хозяйственный оборот страны. Развитие миграционных процессов сопровождалось возникновением общих черт и проблем, характерных для разных временных отрезков.

Организовывая заселение Приморья, государство одновременно пыталось ослабить демографическое давление в европейской части страны, откуда черпались миграционные ресурсы, которые определяли этнический состав складывавшегося населения края. Закрепляемость мигрантов на разных исторических этапах была не слишком высокой из-за сложных климатических условий, отдаленности от центра и слабо развитой социально-бытовой инфраструктуры. Поэтому механический прирост населения достигался высокими миграционными оборотами. В дореволюционный период основную массу крестьянских переселенцев давали украинские губернии, а рабочих — русские, что обусловило преобладание в Приморье украинского населения в сельской местности и русского — в городской. В советский период эти две этнические группы продолжали составлять основную массу трудовых мигрантов, но процент украинцев постепенно снижался при увеличении доли русских, татар и мордвы. В 1950—1980-е годы в Приморье переселялись, главным образом, русские, лишь в отдельные годы в сельскохозяйственном переселении преобладали украинцы. Кроме них в миграциях участвовали другие этнические группы: до 1917 г. — поляки, немцы, евреи, литовцы, эстонцы, татары и др., в советский период — татары, чувашаи, мордва.

Основным типом миграций являлась трудовая в виде крестьянских (сельскохозяйственных) и рабочих (промышленных) переселений. В разные исторические периоды трудовая миграция, сохраняя свою целевую функцию, имела некоторую вариативность по формам: в период монархии преобладали самостоятельные переселения, использовалась контрактация рабочих, в советское время были плановые миграции, оргнаборы, в 1930-е годы применялись переселения целыми колхозами.

Одной из форм трудовой миграции в Приморье являлся перевод из разных регионов страны специалистов экономики и управления, что было связано с постоянным дефицитом такого рода кадров в крае. В конце XIX — начале XX в. в основном это были чиновники-управленцы, а в годы советской власти возникла централизованная система распределения выпускников вузов и техникумов, в которой Приморский край выступал как принимающая территория. Представители небольшого, но социально активного, многонационального слоя образованных людей играли существенную роль как в рамках конкретных этнических групп, так и всего местного социума.

Другим постоянным каналом притока в край выходцев из национальных районов страны была армия, формировавшаяся на полиэтничной основе и имевшая на юго-восточной окраине страны многочисленные контингенты. Специфической формой заселения дальневосточных территорий славянским населением в дореволюционный период были казачьи станицы, в советское время (1930-е годы) — красноармейские совхозы. Многие этнические группы приморских жителей пополнялись демобилизованными из рядов советской армии.

Вследствие такого полиэтничного состава миграционных потоков с начального этапа освоения Приморья (с 1860-х годов) и на протяжении XX в. его население формировалось как многонациональная структура с преобладанием славянского компонента.

Однако государство, оказывая материальную поддержку переселенцам, не уделяло достаточного внимания этнокультурным особенностям различных групп российских мигрантов на этапе их обустройства и адаптации, кроме того, отсутствовали специальные управленческие структуры. В период монархии отдельные функции по сохранению этнической идентичности выполняли религиозные общины, но в советский период они были ликвидированы. Политическая деятельность на этнической почве пресекалась царской администрацией и жестко контролировалась советской властью, ограничивая всякую общественную активность строгими рамками государственной идеологии. Другие этнокультурные институты (национальные школы, театр, литература и т. д.) были маломощными либо совсем отсутствовали.

Лишь три периода в истории Приморья выделяются определенным «всплеском» этнической мобилизации. Первый из них приходится на 1917—1922 гг., что объясняется политическими условиями переходного этапа после крушения Российской империи, когда народы получили свободу общественного самовыражения и консо-

лидации; второй — на конец 20-х — начало 30-х годов XX в., когда этническая мобилизация проходила в рамках национальной политики советского государства и им же регулировалась. В Приморье впервые был создан специальный орган управления общественной жизнью этнических групп — институт уполномоченных по делам национальных меньшинств. Однако он не имел серьезных полномочий и внимание уделял в основном восточным мигрантам (корейцам, китайцам), в меньшей степени российским (украинцам). Потерпела неудачу также и попытка украинизации ряда районов края в начале 30-х годов. В середине 30-х годов политика «национализации» в Приморье была полностью свернута, ликвидированы все этнообщественные институты, включая «коренизированные» местные советы, школы, театры, прессу. Третий период начался уже в постсоветское время. Его специфика определялась консолидацией ряда диаспорных групп.

После 1930-х годов этнический элемент в мобилизации и самоидентификации переселенцев потерял свое былое значение. В течение 40-х — начале 90-х годов адаптация российских этнических переселенцев в Приморье шла по модели интеграции в общую среду, которая формировалась на базе российской /советской субкультуры. Этнокультурная специфика дольше всего сохранялась в семейно-бытовой сфере и в основном в сельской местности.

Внутренние иммиграционные потоки на определенных этапах дополнялись иммиграциями иностранцев. В истории внешних миграций можно выделить два периода: с 1860 г. по 1938 г. и с начала 1980-х годов по настоящее время, которые характеризуются массовым присутствием иностранных иммигрантов, преимущественно корейцев и китайцев, в меньшей степени — выходцев из Японии и стран Европы и Америки. В первой трети XX в. восточные иммигранты составляли $\frac{1}{4}$ населения Приморья. Их приток на российскую территорию был вызван экономическими (безработица, безземелье и нужда на родине) и политическими (колониальная политика Японии в Корее) причинами. В это же время Приморье испытывало потребность в дешевых трудовых ресурсах и иностранных инвестициях. Корейцы переселялись в край целыми семьями и оставались на постоянное жительство, стремясь получить российское подданство / советское гражданство. Основную их массу представляли крестьяне, расселившиеся в сельской местности. Корейская диаспора в Приморье постоянно росла, достигнув к 1930-м годам 160 тыс. чел., т. е. 20—25 % населения области. Особенно высокая концентрация корейцев сложилась в приграничном Посьетском районе, где они составляли до 90 % жителей.

Большинство китайских иммигрантов были сезонными рабочими-отходниками, прибывавшими в города и районные промышленные центры. Значительную роль в экономике края играли китайские мелкие и средние торговцы. Самый большой наплыв китайцев наблюдался в 1907—1910 гг., когда их среднегодовая численность на юге Приморской области превышала 50 тыс. чел., а удельный вес в составе населения, например Владивостока, достигал почти 40 %. После установления советской власти, в 1930-е годы, проводилась политика вытеснения слоя предпринимателей и иностранной рабочей силы, вследствие чего численность китайской диаспоры начала уменьшаться.

Особенности адаптации иностранных мигрантов были связаны с социально-экономическими, культурными характеристиками, масштабами иммиграции, различными установками на продолжительность пребывания в крае. Так, китайская и японская диаспоры в большей степени придерживались стратегии сепаратизма, представители европейских стран — стратегии интеграции; особый тип представляла корейская диаспора — некий переходный вариант между этими двумя моделями.

Таким образом, Приморье являлось историческим перекрестком, территорией этнокультурных контактов Востока и Запада, одновременного сосуществования разных моделей адаптации мигрантов. В первый период иностранной иммиграции российское население при длительном общении с представителями восточной цивилизации перенимало некоторые элементы их хозяйственной деятельности, что помогало адаптироваться в новых условиях проживания. Российские управленцы на протяжении второй половины XIX — первой трети XX в. приобрели опыт взаимодействия с восточными иммигрантами и выработали иммиграционную политику. Однако ни царской властью, ни партийно-советским органам не удалось преодолеть негативные стороны корейской и китайской иммиграции, которая не поддавалась полному контролю и необходимому ограничению, в значительной степени носила нелегальный характер и сопровождалась аграрным перенаселением корейцев, некоторыми специфическими формами криминальной деятельности (хунхузничество, разграбление природных богатств края, опикуренние и притоносодержание) и другими проявлениями. Высокая концентрация китайцев в городах и корейцев в приграничных районах Приморья не отвечала интересам государственной безопасности на востоке России. Сталинская администрация «ликвидировала» проблему путем поголовной депортации китайцев и корейцев из края в 1937—1938 гг. и перешла к политике полной изоляции советского населения от контактов с внешним миром. Новый период массового прибытия иностранных иммигрантов на российский Дальний Восток наступил только в 1980-е годы.

В годы либерализации советского политического режима (вторая половина 50-х — начало 60-х годов XX в.) начался процесс возвращения корейцев в Приморье, хотя их поток был еще малочисленным. Формирование корейского населения в это время в крае развернулось при советском социально-экономическом укладе, и корейские мигранты были полностью интегрированы в советское общество, что обеспечило и соответствующую модель их адаптации. В конце XX в. корейское население отличалось высоким образовательным уровнем, у них

сложилась своя политическая элита, что играло большую роль при организации обустройства мигрантов. В эти же годы в крае появляется небольшая группа корейцев-иностранцев — рабочих из КНДР.

В целом на протяжении почти всего XX в. в Приморье сохранялась устойчивая тенденция прироста российского населения, численность которого увеличилась с 144,5 тыс. в 1897 г. до 2256,1 тыс. в 1989 г. (см. прил. 7). Лишь войны, революции и политические катаклизмы нарушали эту тенденцию, что сопровождалось, как правило, стихийностью и массовостью миграций. Особенно резкие изменения численности, этнического состава и направления миграционных потоков наблюдались в период между распадом Российской империи и установлением советской власти в Приморье (1917—1922 гг.).

Резкие изменения основных характеристик произошли в этномиграционных процессах и на последнем, пока не завершеном этапе, который начался в конце 1980-х годов, что связано с окончанием советской и началом постсоветской эпохи. Современный период отличается массовыми этническими переселениями, сложным переплетением старых и новых факторов, оказавших воздействие на направления миграций и их результаты. Развал СССР и экономическая нестабильность в крае привели к оттоку русских, украинцев, белорусов, татар и немцев, которые переезжали как в другие регионы России, так и эмигрировали за границу. Беспрецедентные масштабы имел начавшийся с 1992 г. миграционный отток русских — его можно сравнить разве что с периодом гражданской войны и иностранной интервенции. Демографическая ситуация ухудшилась и в связи с отрицательным естественным приростом. Впервые более чем за 100-летнюю историю российского Приморья в мирное время была сломана тенденция увеличения численности русского населения и началась его депопуляция, что ставит под угрозу обеспечение российских государственных интересов на Дальнем Востоке..

Встречный поток мигрантов состоял из беженцев и вынужденных мигрантов, которые с 1991 г. начали прибывать из бывших советских республик и очагов вооруженных конфликтов. Русские, корейцы, азербайджанцы, армяне покидали обжитые места из-за обострения национальных отношений в местах выхода. В результате миграций в Приморье увеличилась численность армян, корейцев, азербайджанцев. Пик прибытия беженцев и вынужденных переселенцев в край пришелся на 1994—1995 гг. Лишь к концу 90-х годов их поток стал ослабевать и увеличилась доля трудовых мигрантов.

Если в 1960—1980-е годы переселение проходило при поддержке партийного государства и этничность не имела решающего значения при адаптации, то в 1990-е годы она превратилась в важнейший мобилизационный ресурс. В конце XX в. за счет миграционных потоков разных периодов в крае образовались диаспорные группы. Наиболее мощная из них — корейская. Корейцы создавали национально-культурные центры и общественные организации, оказывающие помощь мигрантам. Развитию этой национальной общины способствовала также деятельность корейской политической элиты, финансовая помощь Республики Корея, связи с КНДР (в основном по линии конфессиональных дел).

Одна из молодых диаспорных групп в Приморье — азербайджанская. Заметную роль в консолидации азербайджанцев играла национальная интеллигенция, получившая высшее образование в крае, в основном это те, кто остался здесь после демобилизации из рядов советской армии. Впоследствии пополнение азербайджанской диаспоры трудовыми мигрантами повлияло на характер внутренних взаимоотношений в ней.

В 1980-е годы в Приморье вновь развивается иностранная иммиграция. Ее первые массовые потоки включали трудовых мигрантов из Вьетнама, Китая, КНДР. Миграционная подвижность населения традиционного зарубежья в конце XX в. была фактором, влияние которого ускорило разработку российского законодательства, в том числе и на уровне субъекта Российской Федерации, по привлечению иностранной рабочей силы. С 1992 по 1999 г. наблюдалась общая тенденция увеличения численности иностранных работников в Приморье, в 2000—2001 гг. произошло ее снижение. Иммигранты были заняты в сельском хозяйстве, строительстве, торговле, но в течение более чем десятилетнего периода происходит «переток» представителей разных этнических групп из одних отраслей в другие. Если в сельском хозяйстве сначала преобладали китайцы, то позднее их место заняли корейцы. Вьетнамцы из строительства «переехали» в торговлю. В 2000—2001 гг. наиболее массовой категорией иностранных иммигрантов являлись китайцы.

В конце XX в. хронологически совпали потоки иностранных мигрантов из ближнего и традиционного зарубежья, которых условно можно объединить в группу торговых меньшинств, — это азербайджанцы и китайцы. Их присутствие и деятельность вызывали противоречивое восприятие российскими гражданами. С одной стороны, имелась существенная социально-культурная дистанция, которая вызывала негативное отношение приморских жителей, с другой — трудовая деятельность иммигрантов в определенной степени была востребована. Но постоянное балансирование этнических «предпринимателей» (вьетнамцев, китайцев, азербайджанцев) на грани легального и теневого бизнеса создавало проблему, связанную с социально-экономической безопасностью местного населения. Кроме того, на современном этапе китайской иммиграции оказались вновь воспроизведены некоторые ее негативные черты, проявлявшиеся в прошлом, — наличие нелегальных иммигрантов, контрабанда, хищническое разграбление природных богатств края и др.

Для российских центральных органов власти в 1990-е годы, как и в начале XX в., характерно отставание в формировании цельной концепции миграционной политики России от реального развития этномиграционных процессов на востоке, а также запаздывание создания соответствующих институтов управления.

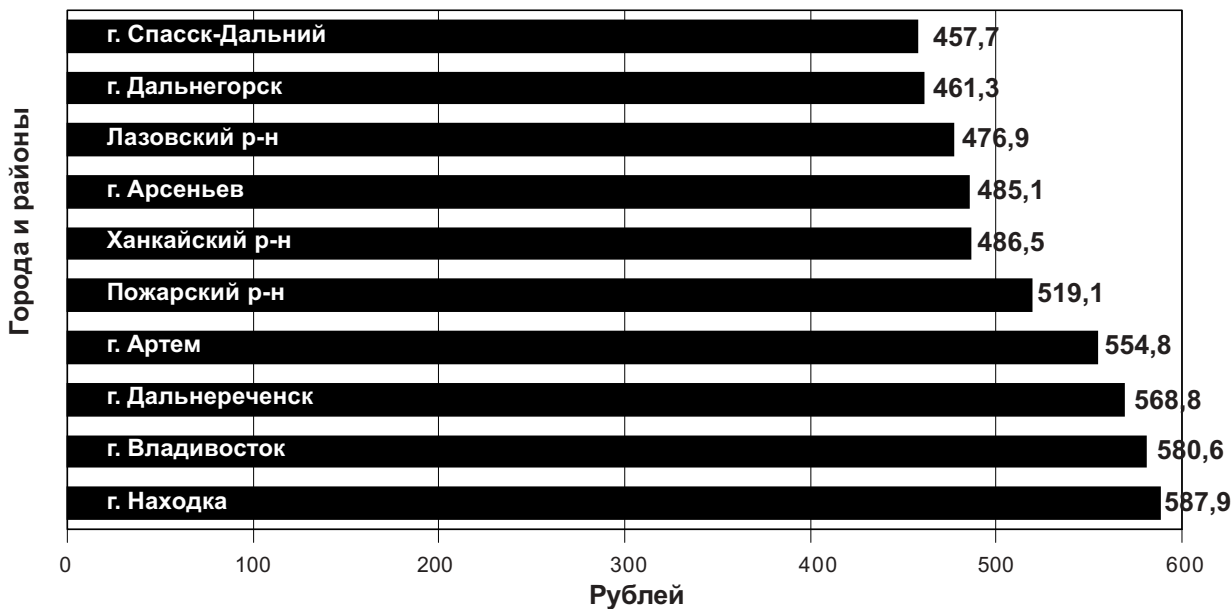
При дальнейшей корректировке этнической и миграционной политики России тенденция нарушения сложившегося этнического состава населения за счет миграций должна быть в центре внимания государства. При этом следует учитывать как современную ситуацию, так и результаты более чем 100-летнего процесса накопления российского демографического потенциала в Приморье. Необходимо создание новой системы мер для остановки оттока и стимулирования притока российских мигрантов в Приморье, а также действенного механизма контроля над иностранной иммиграцией.

Исследование этнического компонента в миграциях более чем за 100-летний период показало, что ряд аспектов, рассмотренных в монографии, требует углубленного анализа. Среди них — развитие этнокультурных институтов (конфессий, общественных объединений, школ, печати и пр.), которые играют важную роль в сохранении этнической идентичности мигрантов, формирование этнополитической элиты, ее роль в социально-культурной жизни диаспорных групп и взаимоотношениях с органами власти. На начальном этапе разработки находится и проблема формирования внутренней организации китайских и корейских зарубежных землячеств. Эффективность изучения обозначенных вопросов зависит от совершенствования материальной базы научных разработок, а также от творческого сотрудничества ученых и представителей органов управления.

ПРИЛОЖЕНИЯ

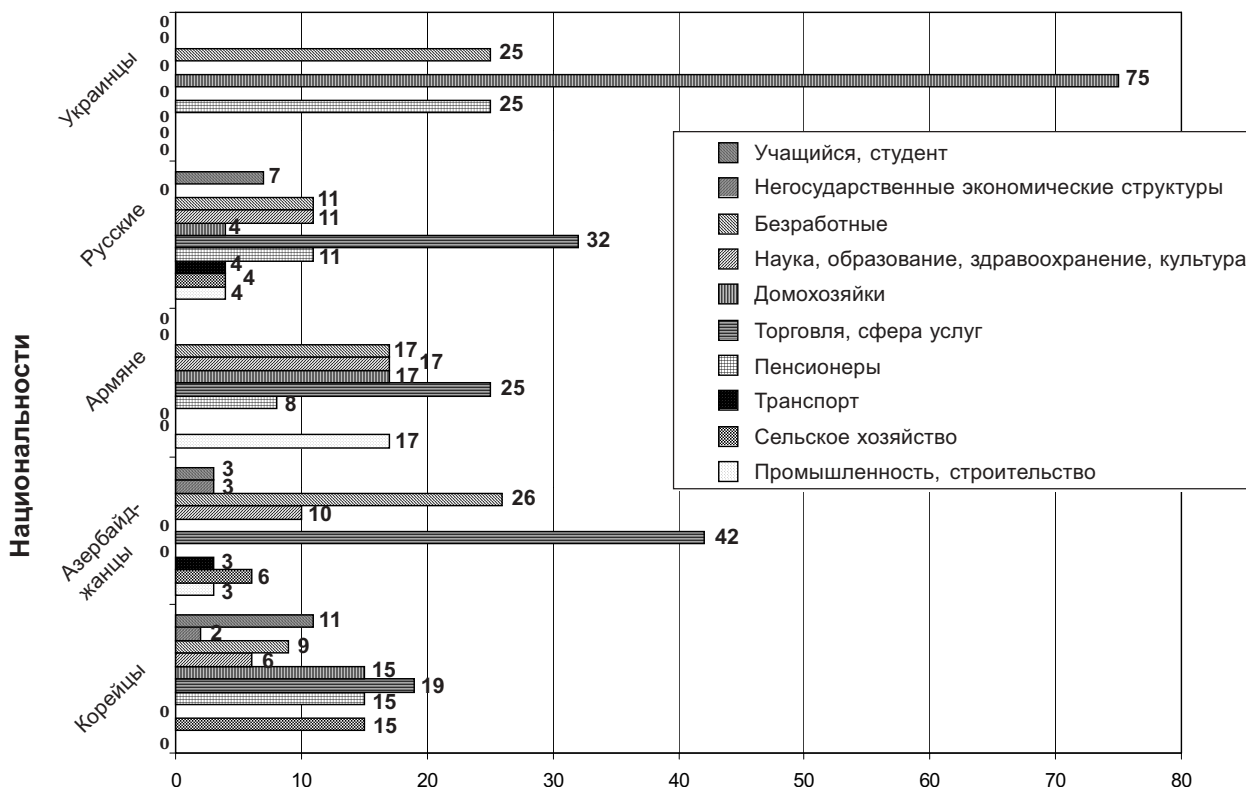
Приложение 1

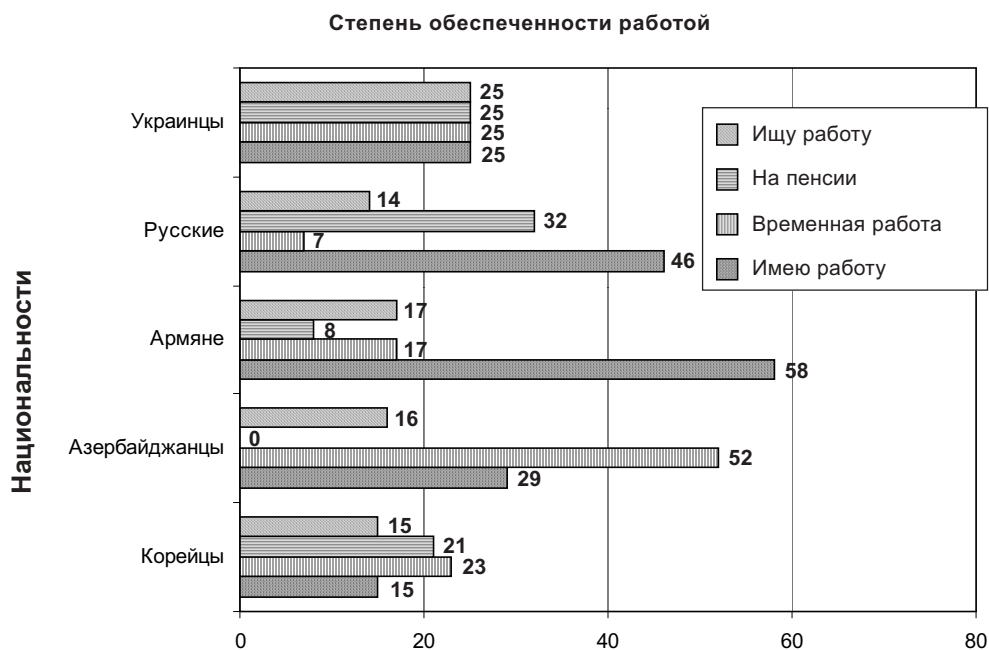
Стоимость набора из 25 наименований продуктов питания по городам и районам Приморского края на конец 1999 г. (руб.)

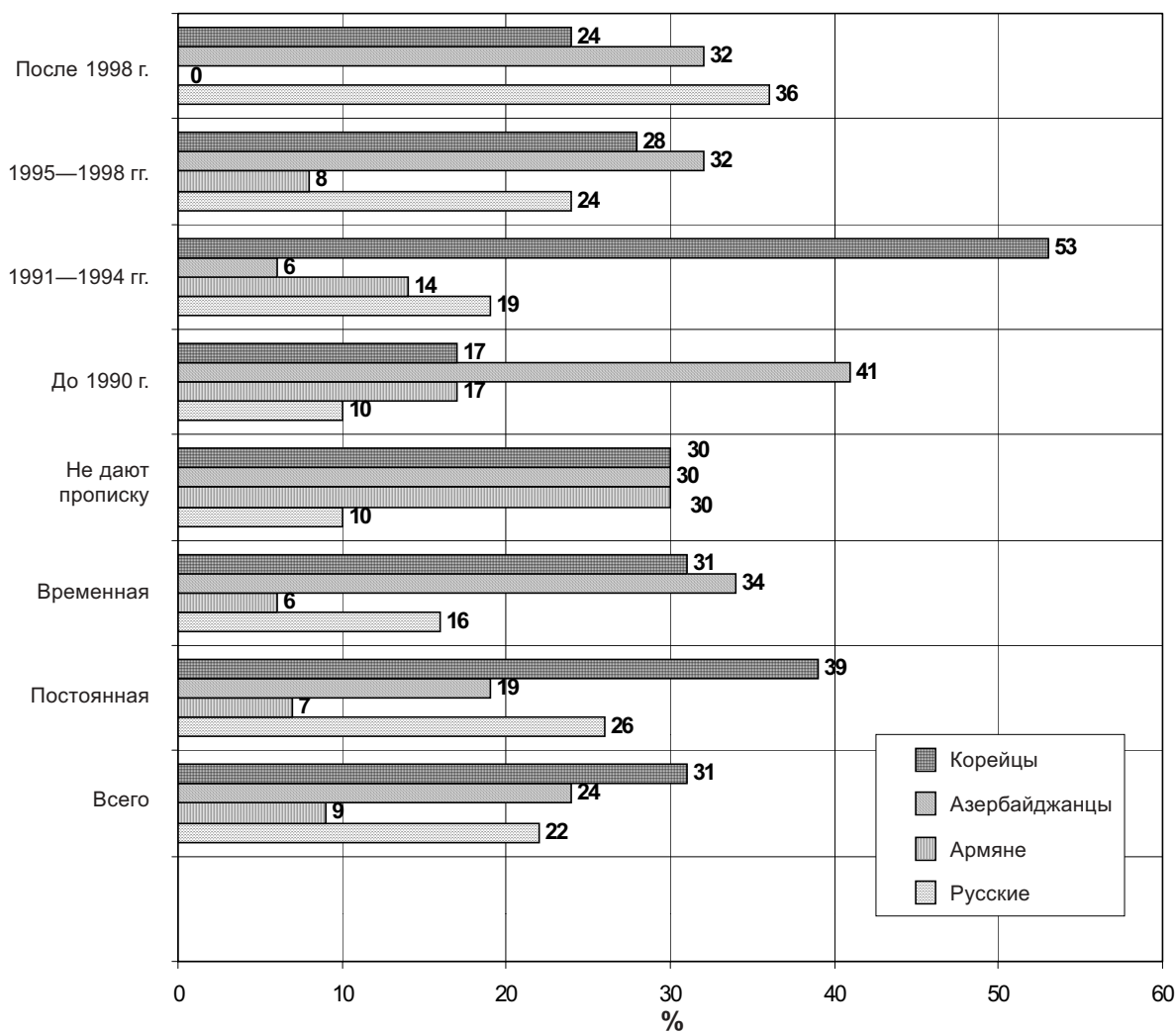
Приложение 2

Сферы занятости мигрантов

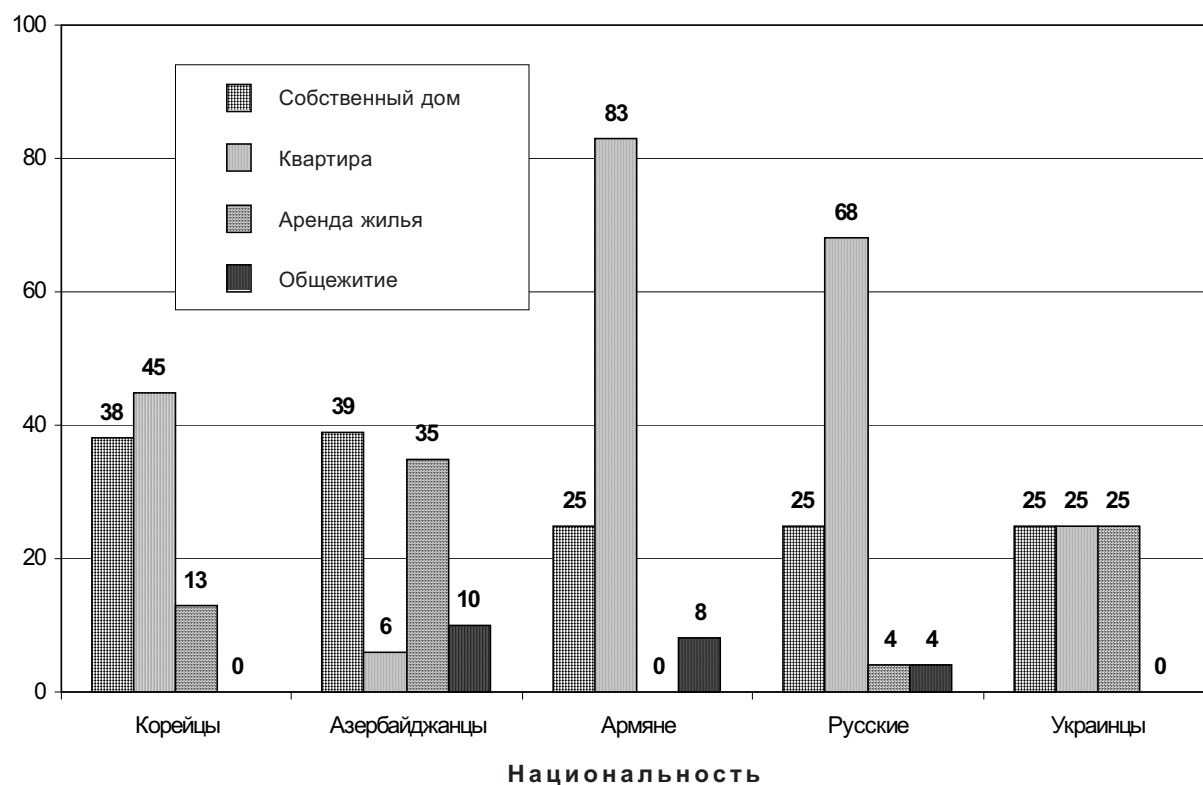

Волны миграции и регистрация мигрантов по времени прибытия, прибышим после 1998 г.

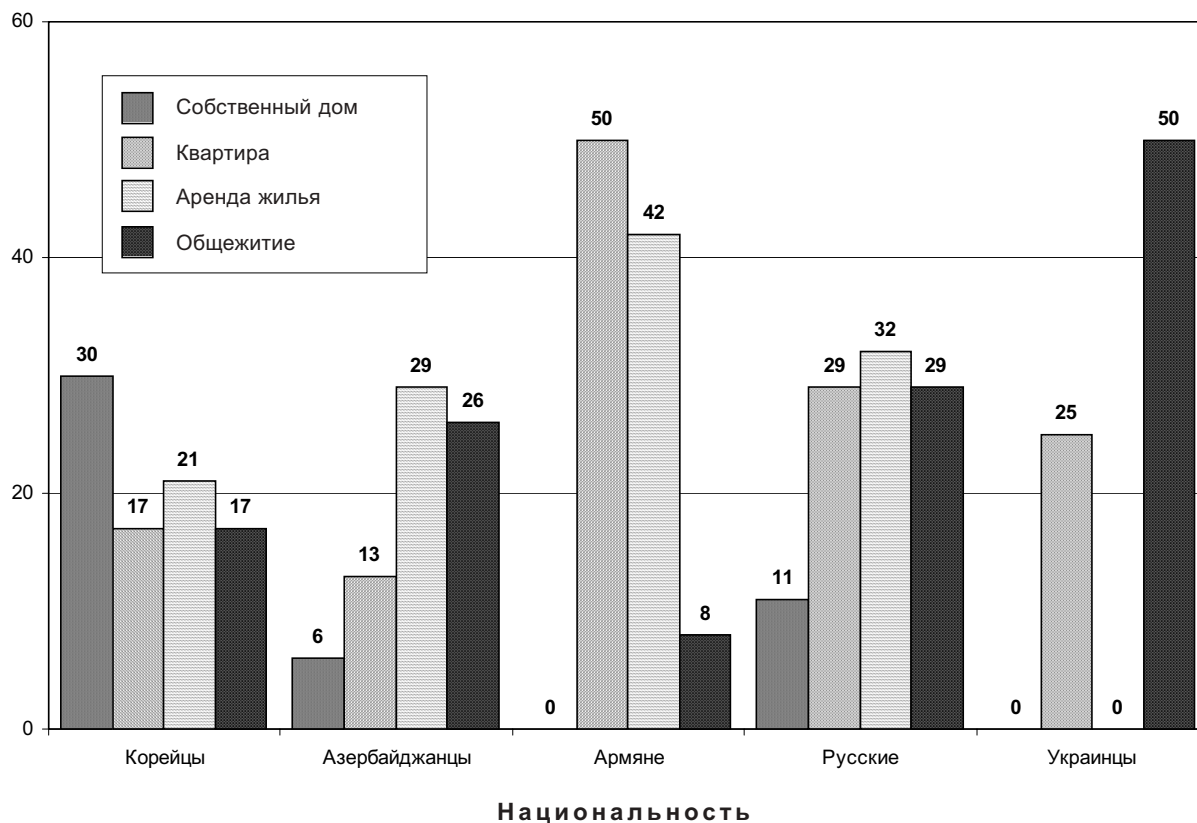
Приложение 5

Жилищные условия до переселения в Приморский край

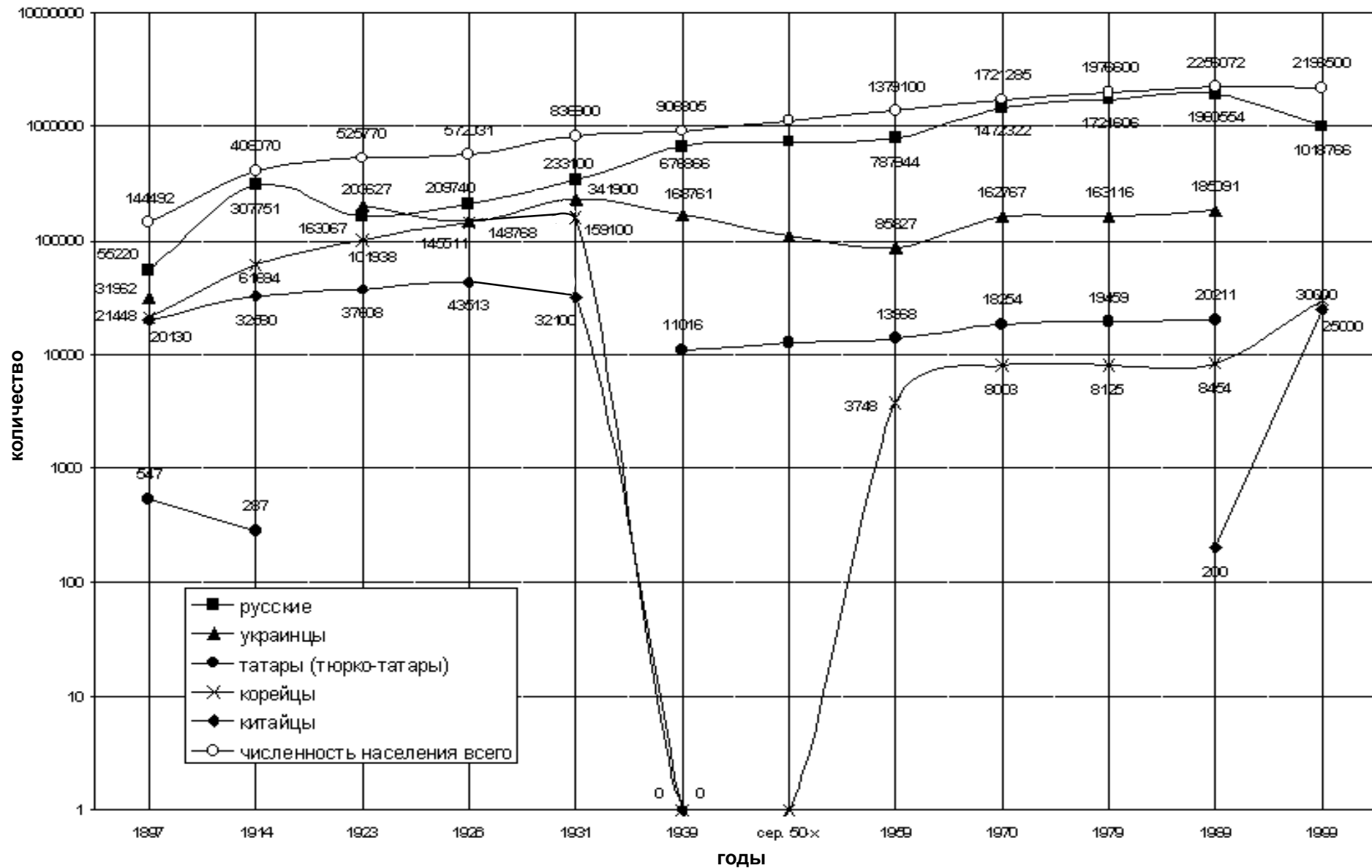

Приложение 6

Жилищные условия после переселения в Приморский край

Численность населения края в 1897—1999 гг. по национальностям (чел.)

Пастор лютеранской кирхи во Владивостоке (1923—1935)
В.А. Рейхвальд.

Празднование свадьбы в немецкой общине Владивостока. Предположительно — конец 1920-х или начало 1930-х годов. Четвертый слева во втором ряду сверху – консул Германии во Владивостоке Бальзер.

Первое здание Римско-католического костела во Владивостоке. 1900 г.

Старожилка Владивостока, дочь польских мигрантов, бывший активный член общества польской культуры «Гмина» во Владивостоке Я.Ф. Зелинская (1917—2000) дает интервью Е.Н. Чернолуцкой. Февраль 1994 г.

Праздник немецкого культурного центра в Пушкинском театре во Владивостоке. Апрель 2001 г.

Э.А. Калганова — председатель немецкого культурного центра в г. Находке. 2001 г.

Оберег Чанг Сонг при въезде в корейскую деревню «Дружба». 2001 г.

Деревня корейских переселенцев «Дружба» в Михайловском районе Приморского края (начало строительства — 1999 г.). Август 2001 г.

Рабочий момент переговоров членов правления краевого фонда приморских корейцев «Возрождение» и зарубежных спонсоров. Уссурийск. Декабрь 2000 г.

Ким Сын Рек — представитель движения «Ури миндок соро толки» (движение по оказанию помощи зарубежным соотечественникам, Республика Корея). Уссурийск. Декабрь 2000 г.

Конкурс юных чтецов, организованный среди детей из азербайджанских семей во Владивостоке 29 октября 2001 г. Спонсор конкурса — редакция местной газеты «Азербайджан» (редактор и издатель М. Ахмедов на фото — в центре).

Момент конкурса. Стихи и сказки читаются на азербайджанском и русском языках.

Победители конкурса и члены жюри. Верхний ряд — слева направо: Р. Зейналов, Т.Н. Волкова, М. Ахмедов, Э. Зейналов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион
ВЦИК — Всероссийский Центральный исполнительный комитет
ГАИ — Государственная автомобильная инспекция
ГАПК — Государственный архив Приморского края
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края
ГИБДД — Государственная инспекция безопасности дорожного движения (ранее — ГАИ)
ГПУ — Государственное политическое управление
Губком — Губернский комитет
Губоно — Губернское отделение народного образования
Далькрайисполком — см. ДКИК
Далькрайком — Дальневосточный краевой комитет
Дальоно — Дальневосточное отделение народного образования
Дальревком — Дальневосточный революционный комитет
ДКИК — Дальневосточный краевой исполнительный комитет
ДВГАЭиУ — Дальневосточная государственная академия экономики и управления
ДВГУ — Дальневосточный государственный университет
ДВК — Дальневосточный край
ДВО РАН — Дальневосточное отделение Российской академии наук
ДВР — Дальневосточная республика
ДВРПУ — Дальневосточное районное переселенческое управление
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
ИЭИ — Институт экономических исследований
КВЖД — Китайская Восточная железная дорога
Крайисполком — Краевой исполнительный комитет
Крайоно — Краевое отделение народного образования
МИД — Министерство иностранных дел
МОПР — Международная организация пролетариата
Наркомзем — Народный комиссариат земледелия
Наркоминдел — Народный комиссариат иностранных дел
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКВД — см. Наркоминдел
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ОИАК — Общество изучения Амурского края
ОО ОГПУ — Окружной отдел ОГПУ
Оргнабор — Организованный набор рабочих
ОУН — Организация украинских националистов
ПВС — Паспортно-визовая служба
ПП ОГПУ ДВК — Полномочное представительство ОГПУ по ДВК
Примпромрыбаксоюз — Приморский промышленный рыболовецкий союз
ПТУ — Профессиональное техническое училище
РПЦ — Русская Православная церковь
РФ — Российская Федерация
СНК — Совет народных комиссаров
УНКВД — Управление НКВД
УПА — Украинская повстанческая армия
ФСЗН — Федеральная служба занятости населения (ранее — Биржа труда)
ФМС — Федеральная миграционная служба
ЦИСИП — Центр изучения социальной истории и политики
ЦУНХУ — Центральное управление народно-хозяйственного учета

А.С. Вашук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королева, Г.Б. Дудченко, Л.А. Герасимова

ЭТНОМИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРИМОРЬЕ В XX ВЕКЕ

Научное издание

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Редакторы *Г.И. Суббот, В.К. Форостовская*
Корректор *В.К. Форостовская*
Электронный набор *А.П. Коняхина*
Электронная верстка *А.С. Иванов*

Подписано к печати 25.09.2002. Формат 60×84/8.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 26,5. Уч.-изд. л. 35
Тираж 500 экз. Заказ 68.

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89

Отпечатано в ООО «Информационно-издательское агентство «Комсомолка ДВ»
Лицензия ИД 04630 от 26.04.01
690002, г. Владивосток, ул. Комсомольская, 3, к.51